

А. Е. Прѣняковъ.

ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА

Очерки по исторіи XIII-XV столѣтій.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Я. Башмаковъ и К°. (Надеждинская, 43).

1918.

А. Е. Прѣняковъ.

ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКАГО ГОСУДАРСТВА

Очерки по исторіи XIII-XV столѣтій.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Я. Башмаковъ и К°. (Надеждинская, 43).

1918.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАИ.
Предисловіе	1
Введеніе	1
1. Исторіографическія замѣтки	1
2. Ростовско-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ	26
ГЛАВА I. Владимірское великое княженіе и вогичныя княжества въ XIII вѣкѣ	46
ГЛАВА II. Борьба Твери и Москвы за великое княженіе „всая Русь“	102
ГЛАВА III. Великокняжеская полковна Івана Даниловича Калиты	136
ГЛАВА IV. Московская вогична потомковъ Калиты	160
ГЛАВА V. Тверская отчина потомковъ в. к. Михаила Ярославича	191
ГЛАВА VI. Рязанское великое княжество	223
ГЛАВА VII. Нижегородское великое княжество	259
ГЛАВА VIII. Великокняжеская полковна потомковъ Калиты	283
ГЛАВА IX. Крушеніе удѣльно-вогичнаго строя	323
ГЛАВА X. Собираніе власти	408
Выводы	457
Поправки	486

Немного в этой книге «нового». Она трактует тему, достаточно избитую, на основании материала, давно изданного, общезвестного. Ея задача возстановить, по возможности, права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории—образовании Великорусского государства. Ранняя история сѣверовосточной Руси стала в нашей историографіи жертвой теоретического подхода къ материалу, который обратилъ данныя первоисточниковъ въ рядъ иллюстрацій готовой, не изъ нихъ выведенной схемы. Поэтому, съ одной стороны, не изъ этихъ данныхъ, не подходившихъ къ принятой схемой положеніямъ, осталось внѣ вниманія историковъ, внѣ ихъ обобщеній, а, съ другой, широкія обобщенія схемы не считались съ хронологической послѣдовательностью основныхъ явленій изучаемой эволюціи и разрывали подлинную связь ихъ между собой. Попытка попытке использовать фактический материалъ при мѣкоторомъ вниманіи къ хронологическому моменту наміяла всю историческую перспективу эпохи и представленіе о характерныхъ ея чертахъ. На первый планъ выдвинулась сила «великокняжеской» традиціи, инымъ представились понятія «удѣла», «вотчиннаго княжества», мной и вся эволюція междукняжескихъ отношеній. Иначе пришлось подойти и къ источникамъ. Княжія духовныя и договорныя грамоты раскрываютъ подлинный свой смыслъ только при условіи изученія каждой въ связи съ создавшими ее отношеніями, а взятыя внѣ исторической обстановки, использованныя, притомъ, для отвѣта на вопросы, какихъ онѣ въ виду не имѣли—онѣ ведутъ къ ложнымъ выводамъ, какія ни навязаны традиціонной историографической схемой. Лѣтописные своды, при безразличномъ пользованіи разными ихъ типами и редакціями, безъ учета создавшихъ эти типы и редакціи тен-

денцій и книжническихъ точекъ зрѣнія, не даютъ всего, что могутъ дать, и что существеннѣе, позволяютъ предпочесть позднюю и нарочитую передѣлку текста цѣлѣнному, первоначальному историческому свидѣтельству; такъ часто и бывало, потому что Никоновская лѣтопись и зависящій отъ нея текстъ Татищевской «Исторіи» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внѣшней исторіи образованія Великоорусскаго государства—ея междукняжескихъ отношеній и развитія великокняжеской политики. Внутренняя, организаціонная работа великокняжеской власти осталась внѣ ихъ задачи, какъ особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянію матеріала едва ли отдѣляема отъ углубленнаго изученія внутренняго строя Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, въ эпоху, на порогѣ которой остановилось наложеніе «очерковъ». Поэтому, они примыкаютъ только къ первой половинѣ книги того же автора: «Княжое право въ древней Руси».

Появленіемъ въ свѣтъ эта книга обязана Археографической Комиссіи, принявшей ее въ составъ своей «Лѣтописи занятій». Съ глубокой признательностью помню цѣнное личное содѣйствіе С. Ѡ. Платонова и правителя дѣлъ Комиссіи В. Г. Дружинина.

Въ заключеніе прошу читателей извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанныя важнѣйшія описка и опечатки.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Историкографическія замѣтки.

Въ 1904 г. М. С. Грушевскій выступилъ, по поводу предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія «Славянской Энциклопедіи», съ рѣшительнымъ отрицаніемъ обычной схемы русской исторіи и сдѣлалъ попытку поставитъ по новому вопросу о рациональномъ построеніи исторіи Восточнаго Славянства ¹⁾. Подъ «обычной схемой русской исторіи» М. С. Грушевскій разумѣетъ порядокъ изложенія, принятый въ «общихъ курсахъ» и учебникахъ русской исторіи отъ доисторическихъ судьбъ восточной Европы и ея неславянскаго населенія, черезъ расселеніе славянъ, образованіе Кіевского государства и его исторію до второй половины XII вѣка, къ великому князю Владиміру и къ исторіи Московскаго государства, и, далѣе, къ Россійской Имперіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ изложеніи исторія русскаго юга и запада, земель украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ, остается внѣ круговора, и лишь довольно вѣшне и случайно вовлекаются въ него отдѣльные ея моменты, какъ Галицкое государство Данила, образованіе великаго княжества Литовскаго и его унія съ Польшей, церковная унія, казацкія войны, дѣянія Хмельницкаго.

Съ точки зрѣнія своихъ этнографическихъ воззрѣній, М. С. Грушевскій полагаетъ, что задача «обычной» схемы — построить «обще-русскую» исторію невозможна по существу, такъ какъ нѣтъ никакой «общерусской» народности, а на очереди — была научная задача — построение, съ одной стороны, исторіи украинскаго народа ²⁾, а, съ другой, исторіи великорусской. Крайне иррациональнымъ представляется ему соединеніе въ одной схемѣ древней исторіи южно-русскаго племени, т. е. Кіевскаго государства съ исторіей Владиміро-Московской Руси XII—XIV вв. Оно отрываетъ отъ южно-

¹⁾ «Звичайна схема рускої історії в справі раціонального укладу історії Східного Слов'янства», въ збірникъ «Статей по Славяновѣдѣнню», вид. Второго оддѣленія Имп. Академіи Наукъ, вип. I, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Сиб. 1904.

²⁾ Это М. С. Грушевскій блестяще выводитъ въ своей обширній «Історії України-Руси» и въ «Очеркѣ історії Українського народу».

русской истории ее начало, чтобы пристегнуть его, к северному продолжению. А, между тем, «киевский период» перешел не во владимиро-московский, а в галицко-волынский XIII в., потом литовско-польский XIV—XVI в.

Северо-восточная Русь не была, по мнению М. С. Грушевского, «ни наследницей, ни преемницей» Руси Киевской, а «выросла на своей корню». Их взаимоотношение М. С. Грушевский готовил уподобить отношениям между римской империей и галльскими провинциями: «киевское правительство пересадило на великорусские земли формы социально-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева» — и только. Отсюда вывод: «история великорусской народности остается, собственно, без начала; история образования великорусской народности остается до сих пор не выясненною, потому что за ее историей начинают следить с середины XII вѣка»; не поставленной остается и проблема научения «рецепции и модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры».

Многие из читателей великорусов той чужбины М. С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как разрушает она привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее, во многом, характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М. С. Грушевского потребностью отграничения украинской истории, в ее изложении, от истории Великороссии, она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы.

Почетными историографическими судьбы критикуемой М. С. Грушевского «обычной схемы» русской истории. В вопросе о ее генезисе М. С. Грушевский примыкает к выводам П. Н. Милонова: «схема эта стара, говорит он, она получила свое начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит генеалогическая идея — генезиса московской династии».

П. Н. Милонову принадлежит весьма ценное указание на эту «историографическую схему московских книжников» в ее определяющее влияние на изображение русской истории у наших историков XVIII и XIX столетий¹⁾. Великие это усилие одного условия, повестий парадоксальности, которое П. Н. Милонов так охарактеризовал в таких словах: «когда в прошлом столетии русская историография начала постепенно осваивать свои источники, — источники эти встретили исследователя со своими, готовыми взглядами, сложившимися вѣками; не мудрено, что эта готовая нить, представлявшаяся самим источником, вела исследователя по проторенным путям»

¹⁾ «Главным течением русской исторической мысли», М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

и складывалась для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложались в свое время в умашь современников; таким образом, исследователи воображали дѣлать открытия, осмысливать историю, — а, в сущности, они шли на печать наших философов XV и XVI столѣтій¹⁾. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюдения, П. Н. Милоковъ связал свое изученіе московской исторической теоріи только съ вопросом о «происхожденіи исторической школы Карамзина и его предшественниковъ» и откинул далеко не всѣ ея элементы, оказавшіе глубокой воздействіе на представленія ученыхъ историковъ XIX вѣка о древне-русскомъ прошломъ. Трудъ П. Н. Милокова остался, къ сожалѣнію, не законченнымъ, иначе мы получили бы отъ него, безъ сомнѣнія, болѣе полную оцѣнку воздействія московской книжнической историографіи на труды не только историковъ XVIII в. и Карамзина, но и на построенія С. М. Соловьева съ его продолжателемъ.

Изъ элементовъ этого воздействія, указанныхъ П. Н. Милоковымъ, наиболѣе существенныхъ и устойчивыхъ оказалось установленіе «идеи тождества и наследственной связи московской и кievской государственной власти», какъ «исторической аксіомы». «Аксиома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василия Ивановича для обоснованія притязаній Москвы на все наследіе князей Рюрикова рода: въ спорѣ съ литовскими великими князьями московская дипломатія ссылается отъ имени своихъ государей на то, что «вся русская земля, Большая волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей ваша вотчина» — и Киевъ, и Смоленскъ, и Полоцкъ, и Витебскъ, и «иные города». Выступая съ такими притязаніями, «московскіе дипломаты поставили русскій политическій цѣль, который удалось осуществить только черезъ два съ половинно столѣтія». Вотъ въ этихъ то «политическаго идеалахъ московскихъ дипломатовъ XV вѣка, изъ ихъ стремленія такъ широко опредѣлить «задачи будущаго», что подобная программа представляется — для ихъ времени — выходящей далеко за предѣлы достижимаго, — П. Н. Милоковъ видитъ самый источникъ возвращенія на «наследственную связь» московской и кievской государственной власти. Не буду сейчасъ останавливаться на выясненіи, насколько корни этой «исторической аксіомы» московскихъ книжниковъ XV—XVI вв. глубже и старше, а самое ея «генеалогическое» оснѣженіе въ духѣ московскихъ вотчинно-династическихъ притязаній и ея прижизненіе въ дипломатической перепискѣ — явилъ дальнѣйшее развитіе весьма старой традиціи.

Пока отиѣчу лишь тѣ историографическія построенія, которыми были вызваны въ нашей научной литературѣ потребности заполнить «схему» реальными историческими содержаніями, а посвящены были истолкованію періода,

¹⁾ Указ. соч., стр. 168 (3-е изд., стр. 117).

«продумочного» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава—и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась, в этой отношении, осуждением практических последствий дробления власти, следуя и тут, как указало П. Н. Мазюковича, рассуждениям гранота Ивана III о предѣлѣ многовластія.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснять органическую связь сѣверо-русской исторіи съ кievскимъ прошлымъ—предложена М. П. Погодинымъ. Эта гипотеза отличалась большимъ формальнымъ достоинствомъ: она строила свое объясненіе соотношенія двухъ историческихъ моментовъ на глубокой основѣ этнографическаго единства передивавшей эти моменты среды—народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ отъ наблюденія лингвистовъ, что въ языкѣ письменныхъ памятниковъ Киевской Руси «не было ничего малороссійскаго или галицкаго». Присоединивъ къ этому наблюденію соображенія о томъ, что бывшии кievскаго племѣ «поются у насъ иудѣи—въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири, но не въ Малороссіи, Погодинъ пришелъ къ выводу, что въ Киевѣ надреале жило «великороссійское племѣ», по крайней мѣрѣ, что «великороссіянами» были Поляне—населеніе «Кіева съ окрестностями», а затѣмъ эти «великороссіяне»—съ Юрьемъ Долгорукомъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: сюда «ушло» и здѣсь «размножилось собственно великороссійское племѣ»¹⁾.

¹⁾ Погодинъ выразилъ свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ письма къ Н. Н. Срезневскому, которое появилось въ V т. «Извѣстій Академіи Наукъ» (1856 г.) и въ VII т. «Смѣлокъ», замѣчалъ и лекціи о русской исторіи* (стр. 410—442). Дальнѣйшая разработка исторіи русскаго языка и народнаго поэзія вывели изъ эту гипотезу о массовомъ переселеніи «кievскаго великороссія» для объясненія тѣхъ явленій, которыя натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установленіе крупнѣйшаго историческаго факта, которое, однако, не опирается ни на какія собственнаго историческаго данныя. Погодинъ оперировалъ названой филологической отчужденіемъ церковно-славянскій языкъ съ древне-русскимъ, и настаивалъ на запусканіи кievскаго шга. Вокругъ поставленнаго вопроса и развивалась продолжительная полемика. Вѣдѣиографіи всего вопроса см. у М. С. Грушевскаго въ I т. «Исторіи України-Руси», примѣтка 6, и у А. Н. Пыкина въ «Исторіи Русской Этнографіи» т. III. А. А. Святинъ посвятилъ «теорію массоваго переселенія предѣлѣрусской Руси на сѣверъ» часть своихъ «Историко-филологическихъ разсужденій» («Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія», 1909 г., кн. I), гдѣ выискиваетъ рядомъ краткихъ и мѣстныхъ замѣчаній поразительную слабость обоснованія этой теоріи, которая продолжаетъ сильно вліять на ходъ члѣн представленія нашей исторической литературы. А. А. Святинъ отвергаетъ всѣ основныя предпосылки этой теоріи: мѣбале о томъ, что «въ X—XI столѣтіяхъ русское населеніе предѣлѣрусья было значительнымъ», что «въ половинѣ XII вѣка предѣлѣрусье сильно запустѣло», что переселеніе изъ кievской области направлено, главнымъ образомъ, на сѣверъ и лишь отчасти на западъ», замѣчалъ,

Погодинская гипотеза, разъ принятая, была чревата глубокими послѣдствіями для всего хода историческихъ изысканій. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены изъ наблюдений изъ исторической жизни русскаго сѣверо-востока въ позднѣйшія времена, въ XV и XVI вв., для объясненія явленій древне-русской, кievской жизни. Такова, напримеръ, «новышка Погодина уяснить родовые княжескіе счета (счета истинческія)»¹⁾, которая получила столь крупное значеніе въ построеніяхъ С. М. Соловьева, Н. Е. Забѣлина, В. О. Ключевскаго.

Погодинскому домыслу о массовомъ переселенческомъ движеніи населенія съ кievскаго юга на сѣверо-востокъ, какъ основной причинѣ усиленія Ростовско-Суздальской земли при Юріи Долгорукомъ и Андрѣе Боголюбскомъ, чрезвычайно почастливилось въ нашей историографіи. Домыселъ этотъ остался въ ней прочной предпосылкой въ изложеніи сѣверо-русской исторіи, давая вышше-удобный переходъ отъ «кievскаго» періода къ «владимірскому».

Однако, дальнѣйшая разработка исторіи сѣверо-восточной Руси направилась на выясненіе не связан ея съ прежней, кievской, а противоположности между ними. Съ «переходомъ» на новую территорию, въ новыя географическія и этнографическія условія русская исторія начинается какъ бы сызнова. Такая особенность нашихъ историческихъ представленій объясняется общепринятымъ сужденіемъ о сѣверо-восточной Руси XII в., какъ о странѣ «суровой и почти дикой»,²⁾ гдѣ на «почвѣ новой, дѣвственной» возникъ новый строй отношеній съ тѣми народами, какъ Андрѣе Боголюбскій возмразъ традицію святы старѣйшинства въ землѣ русской («великаго княженія») съ золотымъ столбомъ кievскимъ; «сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этими шагами князя своего къ новому порядку вещей»³⁾. Соловьевъ представлялъ себѣ сѣверо-восточную Русь обширною областью, гдѣ «созвмшался

по поводу послѣднихъ изысканій, что «возможность передвиженія владимірскаго населенія на далекій сѣверъ совершенно недопустима». А. А. Сидимъ указываетъ противъ мысли на «лихворосскія» названія населенныхъ мѣстъ, какъ на слѣды вихворосской колонизаціи сѣвера, что «это названія правительственныхъ, княжескія, а не народныхъ», а противъ «вообще названія построеннаго» В. О. Ключевскій представляетъ о томъ, какъ прокладывался «прямой» путь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, что «хронологія и исторія прямого пути изъ Чернигова на сѣверъ крайне не ясно и опираются на ничто, какъ на доказательство того бы то ни было, совершенно невозможно». Вся эта теорія переселенія съ юга на сѣверо-востокъ, дѣйствительно, никакъ не обосновывалась исторически, полевчо, потому, что наши источники не даютъ никакихъ данныхъ для ея обоснованія. А ея исходныя положенія, вытекающія изъ исторіи русскаго языка и ближневой поэзіи, должны считаться упрощенными послѣ трудовъ А. А. Шахматова и В. Ф. Миллера.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 38.

²⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгородца къ великимъ князьямъ М. 1846, стр. 17.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, столб. 464 (изд. «Общ. Польза»).

только один городъ, упоминаемый летописцемъ еще до прихода Варяговъ, — Ростовъ Великій, по которому и вся область получила казаніе земли Ростовской. При Ярославѣ Владиміровичѣ Ростовъ причисленъ къ области южнаго Переяслава, какъ владѣніе Всеволода Ярославича. А дагѣ: «скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономахъ, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель автономный; такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышались одинокіи Ростовъ». «Младшіе» города — «построены и населены киянами; получивъ отъ киян свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью¹⁾. Въ этомъ характерѣ сѣверо-русскихъ «младшихъ» городовъ Соловьевъ видѣлъ основное условіе развитія «новаго порядка», который отъ не считалъ возможнымъ называть «удѣльнымъ», по той причинѣ, что видѣлъ Русь, раздѣленную не на «удѣлы», а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей²⁾; отъ и считалъ нужнымъ «исключить названіе: удѣльный періодъ, удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній». Загнѣчая эти не получили, однако, признанія, такъ какъ и самъ Соловьевъ существенной чертой «новаго порядка», возникшаго на сѣверѣ, считалъ именно развитіе той формы княжескаго владѣнія, которое называлъ «удѣльнымъ». «Новые» города «по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина позволастнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; здѣсь утвердилось понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца; здѣсь «собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями, каждой князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца известной области, а не какъ уже на члена известнаго рода, известной линіи»³⁾. Это владѣніе, уже не стѣсненное ограниченіями родового или семейнаго права, развившееся «когда понятіи собственности, наследственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными»⁴⁾, Соловьевъ называетъ удѣльнымъ, отожествляя удѣлъ съ «соврѣчной» «соврѣчина употребляетъ иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную отдѣльную собственность»⁵⁾. Удѣлъ — собственность князя,

¹⁾ «Объ отношеніяхъ Новгородца къ великимъ князьямъ», стр. 17.

²⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. VI: «Отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; олдъ, названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также [какъ и по отношенію къ Киевской Руси] не вѣрно, потому что не объиваетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній».

³⁾ «Объ отношеніяхъ Новгородца къ великимъ князьямъ», стр. 19—20.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁵⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 331, пр. 3. Говорю «отождествляеть», такъ какъ, по Соловьеву, вслѣдствіе удѣла есть полная, отдѣльная собственность.

которую онъ можетъ «располагать произвольно», въ частности—по заѣзжанію. Несмотря на такой «удѣльный» характеръ княжого владѣнія, Соловьевъ не признаетъ особаго «удѣльнаго періода», такъ какъ видятъ въ паденіи родовыхъ отношеній процессъ постепеннаго торжества «отношеній государственныхъ». Какъ «отдѣльный владѣлецъ княвѣстной области», князь стоитъ во главѣ своего особаго государства. Такъ по поводу съѣзда князей во Владиміръ въ 1296 году Соловьевъ замѣчаетъ: «этотъ съѣздъ княжескихъ земель смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы»¹⁾. Когда Русь распалась на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, а затѣмъ, въ сѣверной Руси, «Тверь и Москва стали великими княжествами, Рязань и Нижній-Новгородъ поспѣдовали имъ приѣхру, являясь нѣскольکو особымъ родомъ княжескихъ, особымъ государствомъ, независимымъ и враждебнымъ другъ другу»; при этомъ «родовымъ отношеніемъ князей между собою замѣнялись отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, принадлежала къ себѣ князя тѣснѣмъ узамъ собственности, сдѣлали его осѣдлымъ»²⁾. Идетъ упорная борьба между этими независимыми владѣльцами: «каждое движеніе князя было опаснo для всѣхъ, ибо каждое движеніе было посягательствомъ на чужую собственность». Но теперь на великорусскомъ сѣверѣ, эта борьба болѣе содержательна исторически, чѣмъ прежніи усобицы: «дѣло идетъ о томъ—быть государемъ всей Русской землѣ или слугою этого государя»³⁾.

Соловьевская схема русской исторіи, съ одной стороны, узаконила, по своему, представленіе о традиціонной магистралі русской исторіи, идущей изъ Кіева черезъ Владиміръ въ Москву. «Первоначальная схема русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Железными саблями, слѣдуя изначалу опредѣленному направленію, отклоняются отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, народонаселеніе движется въ этомъ направленіи—и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія». Конечно, отъ Соловьева не скрылось, что «исторія» не просто ушла съ юга, а и тамъ, по своему, продолжалась: «несправедливо, говорить онъ, въ научномъ отношеніи несправедливо и односторонне, упускать изъ виду юго-западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверо-восточной, поворачивая только касаться событій ея исторіи, ая бытъ», но полагаютъ, что «также несправедливо, также несправедливо исторію юго-западной Руси ставить на ряду съ исторіею сѣверо-

¹⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями», стр. 266. В. И. Сергѣевичъ беретъ именно это представленіе за съѣзды Кіевской Руси. «Древности Русскаго Права», т. II, стр. 262.

²⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ», стр. 21.

³⁾ «Исторія отношеній», стр. 287 и 291.

восточной»¹⁾. Однако, благодаря книжке Соловьёву, въ нашей историографіи укоренилось представление, что тотъ процессъ, который мыъ осмыслили какъ переходъ родовыхъ отношеній въ отношенія владѣльческія и государственныя, начавшійся на кіевскомъ югѣ, разыгрался собственно въ Руси сѣверо-восточной. Выясненіе этого процесса получило одностороннее направление, такъ какъ онъ оказался въ зависимости отъ мѣстныхъ сѣверо-русскихъ условій—по существу, какъ особенность сѣверо-русской исторіи. Соловьёвъ видѣлъ, что «тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія» развились и въ южной Руси въ эпоху разложенія стараго кіевского государства, но не использовали этихъ наблюденій для свѣтлѣ историко-соціологическихъ обобщеній, потому что призналъ эти явленія южно-русской исторіи какъ-то налетомъ иноземнаго вліянія, хотя и создавалъ значеніе «обстоятельствъ историческихъ» для ихъ «необходимаго утвержденія»²⁾.

Такъ, съ другой стороны, Соловьёвская схема скорѣе разрушала, чѣмъ угадывала предположеніе объ органической исторической связи сѣверо-русской исторіи съ южно-кіевской. Южно-русскія «родовыя» начала, перенесенныя на сѣверъ, попали въ условія, гдѣ имъ оставалось только болѣе или менѣе быстро погибать и разлагаться, по полному ихъ несоотвѣтствію отношеніямъ жизни на новинѣ заково колонизируемаго полуднаго края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса объ «образованіи Московскаго государства». Мысль историка, мыслящаго, какъ родовыя отношенія сдѣлались государственными, сдѣлать отъ Кіева къ Москвѣ. Для «исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ» важно одно: «жизнь правящевъ, на которыхъ строилось ея единство. Тамъ, въ кіевскую эпоху—«связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ». Тутъ, на сѣверѣ, образуется Московское государство на развалинахъ стараго «родового» строя»³⁾. Весь смыслъ періода, промежуточнаго между исторіей Кіевской державы и государства Ивана III, въ разложеніи родовыхъ связей и уславленіи Москвы.

Моментъ перелома—въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, который «пренебрегъ югомъ» и «началъ новый порядокъ вещей». Владѣіе князья «ясно понимаютъ, что онъ хочетъ переизмѣнить премія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обратиться съ ними не какъ съ равно-

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1363, 1116.

²⁾ «Тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которые явились въ сѣверо-восточной Руси неутра, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были завезены князья, но привились и утвердились необходимо, въ складчатѣ обстоятельствъ историческихъ» («Исторія отъи. между русскими князьями», стр. 309).

³⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1341—1346.

правыми родственниками, но какъ съ подручными, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшие должны признать новые отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные—государю». Задача историка выяснить, какъ образовались характеръ и взгляды Андрея—онъ потомецъ чуждаго южнымъ традиціямъ сѣвера,—а затѣмъ слѣдить за борьбой родовыхъ отношеній съ государственнымъ, вплоть до ея завершения въ XVII в. возьмемъ торжествомъ этихъ послѣднихъ. Къ государственному властвованію стремился Андрей и по отношенію къ боярамъ: онъ, по Соловьеву, ясно поставилъ задачу стремленія не только къ единовластію, но и къ самодастію, въ духѣ самодержавія XVI вѣка ¹⁾, и погибъ въ столкновеніи съ враждебными силами. Но «переходъ отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя—осуществился, какъ скоро онъ получилъ «независимость отъ родичей» и «матеріальную силу». Первая создава развитіемъ тѣхъ самыхъ отношеній, которыми воспитали на сѣверѣ Андрея Боголюбскаго,—«господства владѣльческихъ отношеній съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ»; вторая—благоприятными условіями возвышенія Москвы. Положительной стороной историческаго процесса, пережитаго Сѣверной Русью въ XII—XV вѣкахъ и осталось одно это «возвышеніе Москвы»; важнѣйшей задачей историка будетъ, поэтому, выясненіе его «причинъ».

Такъ Соловьевъ утвердилъ характерную для всей нашей историографіи подлѣвку вопроса объ образованіи великорусскаго государства частіями во-просомъ о «причинахъ возвышенія Москвы», съ перечня которыхъ обычно и начинается у насъ исторія московскаго государства. Впрочемъ, самъ Соловьевъ не сдѣлалъ этого рокового шага, вѣра въ, ограничилъ его значеніе рядомъ широкихъ общахъ соображеній по поводу образованія русскаго государства. Онъ призналъ это явленіе—органическимъ, т. е. такимъ, гдѣ «государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій являютъ уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предначинано дѣйствовать впоследствии; потому наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются, обыкновенно, въ видѣномъ раздѣленіи; потому это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется». При возникновеніи русскаго государства «стража была громадна, но пустынная; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватывало племена, быстро налѣтало громад-

¹⁾ «Исторія Россіи», т. I, столб. 654—655 и 656 (попытка съ Казанскими и Сергіевскими).

вую для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустышкой даннаго, крѣпѣ почвы, большею частію не было ничего,—нужно было все насилать, все устроить, все создать». Насталъ «дѣлѣй, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окръженія». Этотъ періодъ «началъ проходить для Руси», когда «образовалось крѣпкое государственное средоточіе»: сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы. Такъ намѣчены въ отвлеченной формулѣ широкія задачи изслѣдованія, которыя могли бы наполнить ее конкретными историческими содержаніями: на тему о «внутреннею возрастаніи и укрѣпленіи», его факторахъ и условіяхъ, о ходѣ процесса, который привелъ къ образованію обширнаго и внутреннею сплоченнаго русскаго государства. Важно, кажется, отмѣтить, что Соловьевъ ставилъ эту задачу, хотя, на дѣлѣ, выдвинулъ на первый планъ, при изученіи собранія сѣверо-восточной Руси въ одно цѣлое, вопросъ о «причинахъ, почему оно собирается вокругъ Москвы», о «прятанійхъ» и «посебійхъ», какія встрѣтились московскимъ князьямъ въ ихъ стремленіи усилиться, подчинить себѣ остальныхъ князей, отбить Татаръ и Литву, увеличить свою власть надъ населеніемъ¹⁾.

То, что Соловьевъ далъ въ конкретномъ историческомъ изложеніи, было уже его замысловъ. Въ этомъ можно усмотрѣть одну изъ основныхъ причинъ, почему и у критиковъ его и у его продолжателей образованіе московскаго государства оказалось явленіемъ, подходившимъ не подъ тотъ «видъ» образованія государства, подъ который онъ самъ его подводилъ, а подъ одну изъ намѣченныхъ имъ разновидностей «образованія неорганическаго», когда государства «составляются нарастаніемъ новыхъ, вѣтшихъ присоединеній частей».

Еще въ 1884 году появилась въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета»²⁾ статья Н. В. Станкевича: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III»; студенческая работа Станкевича разсматривалась послѣдѣ (Вешняковъ, Полежаевъ) какъ изложеніе мнѣній проф. Каченовскаго. Ссылаясь на Герена и Гизо, Станкевичъ беретъ исходнымъ положеніемъ изслѣдованія значеніе централизаціи, т. е. «совокупленія въ одно неразрывное цѣлое», какъ «перваго момента политическаго значительности народа», и «преобладанія одного города, одной области, одного владѣтеля надъ другими», какъ «перваго условія внутренняго соединенія, централизаціи». Отсюда важность «постепеннаго возвышенія Москвы», съ которыми «тѣсно и неразрывно соединены ходъ Россіи къ политическому существованію». Работа Станкевича напѣтила основъ обычныхъ перечней «причинъ» возвышенія Москвы. Москва, «во всей фронтности, существованіемъ своимъ одолевая югу, какъ и всѣ города, ее окружающіе»; это послѣднее уже Станкевичъ

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, столб. 1341—1348.

²⁾ Часть четвѣра.

доказываетъ тѣмъ, что «множество городовъ и урочищъ сѣверной Россіи носятъ одинаковыя названія съ южными». Затѣмъ выдвигается положеніе, что «Москва не одной личності князей своихъ одолжена своимъ возвышеніемъ», что «она не есть производеніе одной изъ силъ, металлически совокупившей разрозненныя дотошъ области»; прочное господство Москва приобрѣла потому, что между нею и русскими областями была связь «богѣе естественная, органическая», которая сдѣлала Москву не только властительницей, но и сердцемъ Россіи». Но далѣе идетъ нѣчто анализа этой «органической связи», перечень «главныхъ условій» успѣха Москвы: географическое положеніе (центральное положеніе среди системы сѣверныхъ княженій, пригонъ переселенцевъ, большая безопасность отъ враговъ); шествіе и господство монголовъ (отдѣленіе отъ южной Руси, опустошеніе Владимірскаго княжества, покровительство хановъ, обогащеніе данью); пребываніе митрополита въ Москвѣ (духовный центръ и поддержка московской полноты духовной властью); характеръ князей, ихъ полнота и вышнія отношенія¹⁾. Такая постановка вопроса стала традиціонной, тѣмъ болѣе, что переработка Соловьевской схемы въ трудахъ К. Д. Кавалкина и В. Н. Чичерина лишь укрупнила и углубила основанія для представленія о полномъ разрушеніи въ сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв. традиціи политическаго единства и о возникновеніи его заново путемъ разрозненія силъ и владычій московскихъ князей.

С. М. Соловьевъ потому отрицалъ научную пользу выдѣленія въ исторіи древней Руси особаго «удѣльнаго» періода, что существенной признавалъ для нея лишь схѣму двухъ системъ политическаго объединенія: родового троса между княжескихъ отношеній въ Кіевской Руси, которая не знала «отдѣльных» владычій, и—государственныхъ отношеній, которыми власть московскихъ государей свела Русь сѣверную въ единое политическое цѣло: распадъ Руси на двѣ части—сѣверную и юго-западную, раздѣленіе первой на рядъ независимыхъ возникшихъ княженій, дробленіе земель ея на «удѣлы»—владычельскія опроченныя, все это оказалось только вышшими моментами, не пригодными для построенія содержательной схемъ русскаго историческаго процесса.

¹⁾ Въ 1860 г. историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета предложилъ для соисканія медалей такую тему: «на основаніи источниковъ и другихъ историческихъ источниковъ изложить причины постепеннаго возвышенія Государства Московскаго отъ начала его до установленія единодержавія, съ объясненіемъ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ перевѣсу его надъ окрестными княжествами и съ критическимъ разборомъ мнѣній Карамзинка и другихъ писателей по этому предмету». Удостоенная награды работа студ. Ва. Ветвилова («О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества», Спб. 1851) и послѣднее рѣшеніе вопроса, «о причинахъ возвышенія и перевѣса надъ другими княжествами княжества Московскаго», выдѣляетъ на первый планъ дѣятельность московскихъ князей.

Иначе взглянув на этот вопрос—историка юристы. К. Д. Кавелинъ придаѣтъ моменту «отдѣльнаго владѣнія» особое значеніе, признаѣтъ господство «вотчинныхъ началъ» въ устройствѣ и управленіи княжествъ существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII—XV вв., притомъ достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть опредѣляющую роль въ периодизаціи русскаго историческаго процесса. Признавая, подобно Соловьеву, что «государственный, политическій элементъ однихъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси», Кавелинъ находитъ, что «исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій». Разложеніе родового строя между княжескихъ отношеній—древнѣйшей формы русскаго политическаго быта—ведетъ къ торжеству «вотчиннаго, семейнаго начала», при которомъ возникаетъ мысль, что «княжеская вотчина—наслѣдственная собственность, которую владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрѣпнѣла,—то «территориальныя, владѣльческія интересы вали вверхъ надъ кровными и родственными. Игъ окончательная побѣда осуществляется съ уничтоженіемъ «судѣловъ» и объединеніемъ сѣверной Руси въ Московское государство. Соловьевскому домыслу о впаденіи колонизаціи и «новыхъ городовъ» для разрушенія родового строя, Кавелинъ противопоставляѣтъ утвержденіе, что «никакихъ сильныхъ переворотовъ въ составѣ нашего отечества не происходило», а «исѣ замѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта». Въ знаменитыхъ статьяхъ своихъ, Кавелинъ далъ стройную схему этого органическаго развитія, логичная «органичность» которой, однако, прорѣзана признаками за Андреемъ Боголюбскимъ исключительнаго значенія: благодаря особенности воспитанія князя Андрея на сѣверѣ, въ «этомъ замѣчательномъ историческомъ явлѣніи впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ—типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ нѣдѣй, тишь, который еще опредѣленнѣе высказывается потому въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгиевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ». Воплощеніе этого типа въ его окончательномъ развитіи Кавелинъ усматриваетъ въ Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ, главная задача которыхъ «успокоить често своихъ нѣдѣй», а великокняжеское достоинство—«лучшее средство для этой цѣли»; къ ней идутъ столь успѣшно, что «быстро обращалась Россія въ игъ наслѣдственную вотчину». На этомъ пути разрушаются кровныя связи—родовыя въ пользу семейныхъ, семейныя—въ пользу личности—вѣстнаго владѣльца земли, который отрицаетъ игъ во имя идеи, «и эта идея—государство»¹⁾.

Б. Н. Чичеринъ, опять такъ съ точкой зрѣнія, что «существенное

¹⁾ К. Д. Кавелинъ, Собраніе сочиненій, т. I.

значение нашей истории состоитъ въ развитіи государства, на вопросъ «когда возникло русское государство?» дакъ отвѣтъ, исходящій изъ общаго положенія, что «неразрѣдимость общества, территорій и верховной власти, однимъ словомъ единодержавіе составляетъ первое и главное условіе государственнымъ быта». Помянуто, что мы можемъ, въ такомъ случаѣ, говорить о государствѣ лишь съ той поры, когда «установляется единодержавіе въ московской землѣ». Что касается «юридической формы» Руси до XV вѣка—то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Всѣ отношенія въ ней построены на началахъ не государственнымъ, а частнаго права: на собственности и свободномъ договорѣ. Родовой бытъ, какъ основа всего общественнаго организма, господствовалъ у насъ до пришествія Варяговъ; господство это и самое «общественное» значеніе родовыхъ отношеній разрушены водвореніемъ на Руси власти варяжскихъ князей, и въ Киевской Руси всѣ отношенія опредѣляются сосуществованіемъ двухъ началъ, двухъ формъ частнаго права—собственности и свободнаго договора, которые «существовали рядомъ, не исключая другъ друга, но приходя въ постоянныя столкновенія, ибо въ сущности онѣ другъ другу противорѣчивы». Ходъ древне-русской истории представлялся Чичерину въ такомъ существенныхъ чертахъ: «Южная Россія не сумѣла разрѣшить этого внутреннего противорѣчія жизни, вслѣдствіе чего она осуждена была на безсиліе. Оно разрѣшилось на сѣверѣ, гдѣ оба начала раздѣлились и стали основой для отдѣльной формы гражданского быта. Въ Новгородѣ и Псковѣ развилась воляная община; въ остальныхъ же областяхъ образовалось чисто вотчинное управленіе. Но воляная община вочезла у насъ, не оставивъ по себѣ слѣда; русское государство такъ же, какъ всѣ другія европейскія державы, образовалось изъ вотчиннаго элемента, ибо вотчинное право нѣло въ себѣ гораздо болѣе крѣпости, нежели свободный договоръ». Эпоха родового быта, господства кровныхъ связей, какъ единственной организующей обществу силы,—отмечена Чичеринымъ ко времени до-княжескому, до-историческому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованіемъ Московскаго государства—«выбѣтъ свои жизненныя начала», свою «систему общенгія, основанную на частномъ правѣ». Отличія Киевской и сѣверо-восточной Руси, строя жизни IX—XI и XII—XV вв. не выносятъ принципиальнаго значенія: вотчинное начало водворилось въ русской жизни съ варяжскихъ завоеваній, въ которыхъ источникъ возрѣнія, что княженіе—вотчинникъ собственности князя, и вся земля—привадежить князю. «Все различіе между первыми временами и послѣдующими состояло въ томъ, что пока сохранилось помянутое о единствѣ княжескаго рода, земля считалась привадеженностью цѣлаго рода; въ послѣдствіи же лѣнія распались, и каждый князь сталъ считать себя полнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ своего участка»; «по мѣрѣ того, какъ затемнялась мысль объ общемъ родствѣ, уявлялось и пони-

тіе о единствѣ владѣній, о повиновеніи одного князя другому». Страна распадается на рядъ обособленныхъ владѣній. «Князья московскіе, ярославскіе, тверскіе договариваются между собою, какъ совершенно самостоятельные владѣльцы. Каждый князь стремится увеличить свой удѣлъ на счетъ другихъ, и это онъ дѣлаетъ не съ государственною цѣлью, а въ виду увеличенія собственности, умноженія доходовъ». Усиленіе Москвы, союдавшей на владѣльческой основѣ: зданіе единодержавнаго господства надъ сѣвѣрною Русью, создало русское государство. А разъ существенное значеніе нашей исторіи «состоитъ въ развитіи государства», то эта исторія, въ настоящемъ смыслѣ слова, и начинается съ возвышенія Москвы. Опираясь на историко-соціологическія размышленія Гизо, Чачерная полагаєтъ, что «всѣ народныя элементы въ средніе вѣка мы должны признать за выраженіе слабости или дикой силы». Напротивъ «первое возникновеніе разумной силы является въ князьяхъ-вогчаевникахъ, которыхъ раздробленныя стремленія впоследствии покорились единому центру, постепенно собранному вокругъ себя всѣ разнообразныя элементы, изъ которыхъ сложилось Русское государство»¹⁾.

Нѣкоторое, в притомъ весьма существенное расширеніе задачъ и данныхъ для изученія историческаго процесса, приведеннаго къ образованію Московскаго государства, находимъ въ трудахъ В. И. Сергѣевича. Научная проблема, «какъ и изъ чего образовалась территорія Московскаго государства?», Сергѣевичъ обработалъ въ блестящемъ историческомъ очеркѣ «исторію Ростовской волости»; очеркъ этотъ, гдѣсь только сжатымъ, вошеетъ въ отдѣлъ «Древности русскаго права», посвященный «государственной территоріи». Эту же эту выдвигаетъ политическую роль и особыя политическія тенденціи сѣвѣрно-русскаго боярства, подготовила развитіе мысли, высказанной В. И. Сергѣевичемъ еще въ 1867 году въ «тезисахъ» для магистерскаго диссертата: «Московское государство есть созданіе воиныхъ бояръ и слугъ». Наблюденія Сергѣевича надъ ролью бояръ въ политическаго судьбахъ Великороссіи выводитъ вопросъ объ условіяхъ образованія Московскаго государства въ рамкахъ традиціонной схемы, которая по существу сводила изученіе этого процесса къ описанію работы московскихъ князей надъ «возвышеніемъ» Москвы и оцѣнкѣ условій, содѣйствовавшихъ ея усилѣнію.

В. И. Сергѣевичъ останавливается съ особымъ удареніемъ на «первенствующей дѣятельности ростовскихъ бояръ» въ борьбѣ, которая разыгралась по убійствѣ Андрея Боголюбскаго; усилія боярства двуть старинныхъ городовъ—Ростова и Суздаля—направлены на поддержку «единства Рос-

¹⁾ В. И. Ч и т е р н ы й, Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 (статья «Еще о сельской общинѣ», и «Духовныя и договорныя грамоты волжскихъ и удѣльныхъ князей»).

товской волости», которое разбивалось «лучшими интересами князей». Осторожно оговаривая, что вовсе не желает «называть Добрынь Долгую съ товарищами дальновидныхъ политическихъ планоу», Сергѣевичъ признаетъ, что «будетъ, однако, односторонне объяснять стремленія лучшихъ людей Ростовской волости къ единству одними изъ эгоистическихъ побужденій: невыгоды многокняжія съ неизбежными его послѣдствіями—борьбою князей—были такъ очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли». Ихъ тенденціями проявился князь Константинъ Всеволодичъ, посаженный отцомъ въ Ростовъ: «Константинъ не смотритъ на владѣнія отца, какъ на частную собственность, которую хозяинъ можетъ дробить по усмотрѣнію; ему присуща мысль о недѣлимомъ политическомъ цѣломъ». Такъ «выгоды единства создавались чуть не за сто лѣтъ до Ивана (Калиты) ростовскими боярами и восторжачно проводилась ими въ жизнь». Отъ нихъ пошла традиція, сохранявшаяся среди московскаго боярства, въ которомъ «большинство должно было состоять изъ бояръ великаго княженія Владимірскаго». Кроме «естественные сторонники объединительной политики»: «очевидно, среди нихъ живеть еще старая идея о цѣлости Ростовско-владимірскаго волости, и вотъ они начинаютъ восстанавливать старыя границы этой волости, то прогоняя наслѣдственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость отъ великаго князя»¹⁾.

В. И. Сергѣевичъ не поставилъ этихъ цѣльныхъ наблюденій ни въ какую связь съ традиціями кievскаго старѣйшинства. Установленіе такой связи противорѣчно бы его общему ученію о древне-русскомъ политическомъ бытѣ, котораго правовой формой была «волостной порядокъ государственнаго устройства»—сосуществованіе множества «небольшихъ государствъ», волостей-княженій. Въ отношеніи отъ Чичерина, между княжескія отношенія, для Сергѣевича, явленіе не частнаго, гражданскаго, а, скорѣе, международнаго права: княжескія сѣды—сѣды независимыхъ государей, договоры князей—договоры суверенныхъ владѣтелей²⁾. Этотъ «волостной порядокъ»—древнѣе той эпохи, о какой свидѣлствуютъ древнѣйшіе изъ историческихъ источниковъ. Рассматривая дѣятельность русскихъ князей отъ Юрика до Дмитрія Донскаго, Сергѣевичъ настаиваетъ на полномъ господствѣ «политической самостоятельности волостей», при которой «до второй половины XIV вѣка у князей вовсе не замѣчается стремленія къ образованію большаго нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостнаго устройства»³⁾. «Первое, но часто нѣлшее объединеніе» получили сѣверо-восточныя княженія въ подчиненіи

¹⁾ «Древности русскаго права», т. I (изд. 3-е), стр. 20—70.

²⁾ Тамъ же, т. II (изд. 3-е), стр. 242.

³⁾ «Древности», т. I, стр. 40—41.

них власти татарского хана. И татары «изъ противность собственнымъ своимъ интересамъ, являясь проводниками начала объединения Русской земли подъ губительствомъ великаго князя Владимірскаго¹⁾». «Первая ясная мысль объ образованіи изъ нѣсколькихъ волостей недѣльнаго цѣлаго появляется только у московскихъ князей. Но и у нихъ не очень рано: первый проблескъ этой мысли Сергѣевичъ видитъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго.

На такомъ общемъ фонѣ русской политической исторіи, ростовские бояре и изъ преемники великокняжескіе бояре Владиміра и Москвы выступаютъ какъ то неожиданно и непонятно. Въ концевіе, что же сдѣлало ихъ не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ея носителями, вопреки тенденціямъ политики князей, Сергѣевичъ, документъ, никогда не, и то лишь не отношеію къ ростовскимъ боярамъ, возможность иныхъ мотивовъ, опредѣленно подчеркиваетъ только «личные интересы» бояръ, изъ стремленіе къ «богатымъ кормленіямъ», которыхъ тѣмъ больше, тѣмъ меньше князей²⁾. Намекъ на болѣе существенное и содержательное объясненіе данъ только въ двукратномъ упоминаніи о «сѣдлствѣ» и «цѣлости» Ростовской земли. Въ разборѣ «Древности» Сергѣевича Ф. В. Тараховскій справедливо отиѣтилъ, что «авторъ не даетъ намъ достаточныхъ объясненій по поводу того, какъ изъ образцовъ традиціи единства старой Ростово-Владимірской волости превратилась у бояръ въ стремленіе объединить эту и другія земли подъ властью новообразовавшагоса Московского княжества, не выясняетъ привлекъ, которыя перевернули интересы бояръ отъ цѣлости волостной старины въ сторону образованія болѣе крупнаго политическаго объединенія, и вызваны то превращеніе выдвинутой боярами политики государственнаго единства въ потребность народа», которое констатируетъ В. И. Сергѣевичъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 252.

²⁾ «Древности», т. I, стр. 29 и 60. Тотъ же мотивъ еще въ тезисахъ 1867 года. «Взвѣіе выстаетъ классомъ выселеніи на общественнаи дѣла продолжатъ обнаруживаются при посредствѣ права свободнаго отъѣзда, благодаря которому вольные бояре, дѣти боярскіи и слуги группировались около того князя, который наиболѣе удовлетворялъ ихъ желаніямъ. Московское государство есть созданіе вольныхъ бояръ и слугъ».

³⁾ Ф. В. Тараховскій, Отмѣтъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича «Древности Русскаго Права», Юрьевъ, 1191 г., стр. 21. Проф. Тараховскій указываетъ, что Сергѣевичъ не выслвилъ, какъ согласитъ угодъ князей изъ старыи городовъ, гдѣ изъ отъѣздно участіе бояръ во власти, въ кромѣ города, явленіи, которому Сергѣевичъ, возмѣдъ за Соловьевымъ, придалъ большое значеніи, съ тѣмъ, что «въ отомъ возмѣдъ центрѣ, какъ Москва, князьямъ пришлось опять воступовствовать боярскому руку, которая обуславлила изъ семейно-патримониальнымъ стремленіи и указывала изъ путь чиста государственной политикѣ». Самъ Ф. В. Тараховскій полагаютъ, что «эти причины могутъ быть высленны и выслаются въ порядкѣ изученія достигнутаго развитія и объединенія волостей, возмѣдшихъ затѣмъ въ однуиу державу московскихъ государей».

Но Сергѣевичъ не даетъ и объясненія, откуда явились «объединительными» тенденціи сѣверо-русскаго боярства, а безъ того невозможно высказать историческаго смысла и значенія «стога́тняго опыта и стога́тнякъ преданій», которые, по Сергѣевичу, носителямъ Иако́въ III. Организатора Московскаго государства опирали на «вѣковую практику великокняжескаго боярства и собственныхъ предковъ, которая должна была стать въ старшей книгѣ Дмитрія Дювскаго семейнымъ преданіемъ»¹⁾; нельзя не показать, что самъ Н. И. Сергѣевичъ не разработалъ въ высшей степени цѣнныхъ замѣчаній своихъ о боярской политикѣ, такъ какъ въ книгѣ—указаніе на плодотворный путь выясненія условій, приведшихъ къ созданію Московскаго государства.

Съ точки зрѣнія «древностей права» Сергѣевичъ возвращается къ различію въ исторіи Россіи до Петра Великаго тѣхъ же двухъ періодовъ, какіе замѣтилъ С. М. Соловьевъ. Согласно Чачерану, онъ признаетъ, что «отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соответственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго»; этотъ періодъ «имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи».—«Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественнаго требованія котораго не было, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ; этотъ періодъ «ясно обозначился въ московской Россіи».—«Оголѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ», это «время, когда характеристическія черты втораго періода получали уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ уже бы предугадываемо»²⁾. Соответственно тому, въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Лекцій и изслѣдованій» отдѣлъ о «верховой власти» состоитъ изъ характеристики власти князя въ «судѣльное» время и статьи о «власти Московскихъ государей»³⁾, причемъ первая выступаетъ лишь въ эпоху ея сосуществованія съ вѣчею, а характеристика строя между княжескихъ отношеній въ XIV и XV в.в. выдѣлена въ составъ «Древностей» русскаго права, безъ признанія за княжеской властью этого времени свойствъ, приспосабливающихся существенно для науки исторіи русскаго права⁴⁾. Равногудъ подъ «судѣломъ» княжеское владѣніе самостоятельной волею (небольшимъ, но сувереннымъ государствомъ), В. И. Сергѣевичъ признаетъ первыми «судѣльными» князьями сыновей Святослава Игоревича, и въ отличіе отъ Соловьева, не видитъ существеннаго различія между «судѣльными» владѣніями и «великими княженіями» сѣверной Руси⁵⁾. Въ отличіе

¹⁾ «Древности», т. I, стр. 17.

²⁾ «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права», Сиб., 1883, стр. 43—40 («Даваніе исторіи русскаго права за періодомъ»).

³⁾ Изд. 3-е. Сиб., 1903, стр. 130 и 144.

⁴⁾ «Древности», т. II, книга четвертая.

⁵⁾ «Древности», т. I, стр. 16; «Лекціи и изслѣдованія» (3-е изд.), стр. 102.

отъ Чичерина, Сергѣевичъ не подводитъ отношеній древней Руси подъ понятіе «частноправовыхъ», усматривая лишь «порядокъ частнаго насгѣдованія» и вообще «заглядъ на княженіе, какъ на частную собственность князя»—въ княжеской средѣ; въ завѣщаніи Симеона Гордаго—коняты, когда «въ Московскомъ княженіи исцѣла яспила государственная идея», а съ Дмитрія Довского начинается наростаніе новаго, государственнаго начала ¹⁾.

Историко-догматическія обобщенія Чичерина и Сергѣевича, лишь по видности и способу наложенія упразднили различіе южно-русскаго, кіевскаго и сѣверно-русскаго, владиміро-московскаго періодовъ русскаго историческаго процесса. Изъ историко-правовыхъ разсужденій оперируютъ надъ той же скелой, ведущей отъ Кіева черезъ Суздальщину къ Москвѣ, причѣмъ отношенія, господствовавшія въ сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в.в., перенесены на Кіевскую Русь и раскрываются, особенно въ трудахъ Сергѣевича, какъ принципиально тождественныя тѣмъ, какими опредѣлялись политическія бытъ южной Руси въ предыдущую эпоху. За этими кѣлками остается въ общей схемѣ русской исторіи кѣсто переходной эпохи, зашешей сколько-нибудь характерной фазисомія съ точки зрѣнія сибѣмъ правовыхъ формъ властвованія князей и общественнаго строя. Построенія В. И. Сергѣевича и не могли, поэтому, внести много новаго въ общее представленіе объ условіяхъ образованія Московскаго государства, если не считать указанныхъ выше его замѣчаній о роли боярства, которые, однако, не помѣили на общую концепцію правовыхъ основъ политическаго быта этой эпохи.

Историка познъ, естественно, по слѣдамъ Соловьева и Кавелина, сглаживая въ элементарныхъ концепціяхъ различія воззрѣній этихъ ученыхъ. Характерна, въ этомъ отношеніи, небольшая работа П. В. Полежаева: «Московское княжество въ I половинѣ XIV вѣка», появившаяся въ 1878 г. Въ общемъ пониманіи древне-русской политической исторіи Полежаевъ—подъ вліяніемъ Чичерина и Сергѣевича: «До XIV столѣтія, говорятъ охъ, общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только пресгѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которые зегли при самомъ образованіи княжествъ какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли, да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимо было поворотъ къ болѣе развитому началу, и зтотъ поворотъ совершался развитіемъ Москвы». Для XIV—XV в. Полежаевъ держится представленія объ особомъ «вотчинномъ» періодѣ, характерно сводя его содержаніе къ «развитію Москвы»: Москва—вотчинный городъ, выросшій изъ вотчиннаго села; съ образо-

¹⁾ „Древности“, т. I, стр. 57—70.

вариант Московского княжества «вечевого» периоду сближается «вотчинным» или «московско-вотчинным» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «всё сохранившиеся исторические памятники не представляют ни наглядных следов государственного начала, это время, когда совершалось развитие вотчинной власти князя». Признавая в Владимире—Городец вичевым, Полежаев в происхождении Москвы из поселения на «вотчинной земле» видит «исключительное обстоятельство», благодаря которому, «из Москвы впервые явилась идея самодержавия в виде вотчинной власти князя». История Москвы до смерти Симеона Ивановича—выясняет, как создавалось княжество, «выработавшее в себя те жизненные силы, которыми, в дальнейшем развитии своем привнес в государственному строю». Для Полежаева с первой половиной XIV в. история этого княжества становится историей России. Основной задачей историка является, поэтому, выяснение причин возвышения Москвы, ответить на вопрос: «почему именно Москва, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля сдаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ?»

Такая постановка вопроса об условиях, определявших образование великорусского государства, окрыла в прочую историографическую традицию, стала своего рода «аксиомой» в построении русской истории. В. О. Ключевский движет и в «Боярской Думе» и в «Курсе русской истории» как бы вторым теоретическим научным высказыванием до него: в историческом политическом строе Киевской Руси «принимал установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование». Учение об «очередном порядке княжеского владения в Киевской Руси»; «учение о колонизации северной верхневолжской Руси, какъ основѣ новаго политическаго порядка, установившагося въ этой Руси и подготовившаго Московское государство»; теория «удѣльнаго» владения и объяснение возвышения Москвы, ставшей зерном русского государства—у Ключевского—дальнейшее развитие и видоизменение выводов Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевский «сумел вложить в ретроспективные схемы столько нового понимания и содержания, что из его интерпретации знакомых построений и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». Отмеченные в сухих очертах эти «слезы» наполнились живыми бытовыми содержаниями, обросли деталями социальных отношений, топографической обстановки, экономического уклада, пенитенциального строя, приобрели достоинство и конкретную силу художественного воспринимания научной эпохи из наглядных образов»¹⁾. Однако, новое содержание уложи-

¹⁾ Ср. В. О. Ключевский: «Характеристики и воспоминания», М., 1912, изд. «Научного Слова»,—статья М. М. Богословского («В. О. Ключевский как ученый»), М. К. Леваковского («Соловьев и Ключевский»), В. Н. Сыроматникова («В. О. Ключевский и В. Н. Чичерин»), П. Н. Мазюкова («В. О. Ключевский»).

лось в тѣх же основныхъ очертахъ, къ нимъ принаравненное, хотя они не изъ него сложились. При этомъ, особенности традиционной схемы в себѣ внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни сѣвера съ киевскими югами, съ другой, вычисленіе изъ рѣшительной противоположности и самостоятельныхъ корней сѣвернорусскаго историческаго процесса—выступившая тѣмъ болѣе отчетливо и рѣшительно.

Въ представлении Ключевскаго, Ростовская земля это «край, который лежала вѣкъ старой коренной Руси, и въ XII в. была болѣе кнородческаго чѣмъ русскія краѣва»: «здѣсь въ XI и XII вв. жили три физичскія племена—ятура, мери и весь». Существованіе съ ними русскіяхъ переселенцевъ создаетъ «визнорусское извѣстіе». Когда «населеніе центральной средне-двѣгирской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось въ противоположныя стороны», произошло «разрушеніе» этой, первоначальной, народности, причѣмъ «широкое, медленное и разсѣянное движеніе» перешло на итеченіи XII—XIV вв. массы населенія изъ юго-западной полосы Руси на сѣверо-востокъ. Эти «массы» переселенцевъ съ юга выступаютъ у Ключевскаго основными колонизаціонными матеріалами, которыми питается ростъ сѣверо-восточной Руси; ихъ типъ, характеръ, строй быта перерабатываются, путями сближенія съ мѣстными изводами и подъ вліаніемъ новыхъ географическихъ и этнополитическихъ условий, до рѣшительной противоположности времени, южному. Первый крупный моментъ этой колонизаціи—тотъ, когда «переселенцы скучивались въ треугольникъ между Окой и верхней Волгой»: это «время образованія и возвышенія владимірскаго края, возникновенія въ немъ первыхъ удѣловъ, время возростанія и ея первыхъ политическихъ успѣховъ». Тутъ складается новая народность, возникаетъ иной укладъ социально-политическаго отношенія, начинается новая историческая жизнь. Ея первая политическая форма—княжескій «удѣлъ», отождествленный въ Ключевскимъ съ «опричной», какъ «удѣльнымъ гнѣдомъ» княжеской семьи. Удѣлъ выступаетъ передъ нами только въ XIV—XV вв., но на образованіи удѣловъ этого, позднѣйшаго, времени «можно наблюдать продолженіе или даже конецъ того процесса, начало котораго, не вѣ для насъ открытое, создамо первымъ удѣломъ въ сѣверной Руси»¹⁾. Характерен для «такъ называемаго удѣльнаго порядка» новый владѣтельный типъ—князь вочичинскій и новый общественный типъ—боярина, служлага землевладѣльца. Само это «княжеское удѣльное владѣніе» приняло черты «простого частнаго землевладѣнія», боярскаго; а въ частности «теперь удѣлы вообще наследуются по вѣщанію, передаются по живому усмотрѣнію завѣщателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удѣльное управленіе «довольно точная копія устройства древне-русской боярскаго вочички». При томъ какъ и сама визнорусская

¹⁾ «Боярская Дума», стр. 87 (курсивы мои—А. Пр.).

народность создала не «продолжавшиеся разлётными старыми областными особенностями», а выросла новообразованная из д'вственной почвы верховолжской Руси, такъ и «судьбный» порядок сложился въ зависимости отъ м'стныхъ географическихъ и этнографическихъ условий и въ прямомъ разрыв' со вс'кой прежней традицией.

Изучая разнообразныя посл'дствія русской колонизаціи верхняго Поволжья, мы изучаемъ самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ передъ нами въ сл'дующемъ період'е, т. е. въ Московскомъ государств'. Правда, В. О. Ключевскій называетъ «судьбный» порядокъ—«переходной политической формой», но мы едва ли в'рно поймемъ его мысль, если придадимъ этому термину смыслъ эволюціоннаго момента. «Государство, по мысли Ключевского, національное русское государство вышло изъ этого уд'льного порядка XIV в., а не изъ прежняго, но не потому, что прежній порядокъ былъ бол'е далекъ отъ національно-государственнаго, ч'мъ уд'льный XIV в.: сами по себ' оба им'ли мало того, изъ чего складывается народное государство, а посл'дній даже меньше им'лъ этого, ч'мъ первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но посл'дній гораздо легче было разрушить, ч'мъ первый,—и только поэтому ¹⁾ одно изъ уд'льныхъ княжествъ, вотчина Давыдовцевъ, стало зерномъ народнаго русскаго государства ²⁾».

Въ переработк' В. О. Ключевского традиціонная схема русской исторіи распадается на части. Исторические періоды какъ бы теряютъ свою методологическую условность. Каждый изъ нихъ приобретаетъ такую внутреннюю законченность и такъ р'шительно отрицается отъ сл'дующаго, что связать съ нимъ лишь весьма слабую эволюціонную связь. Р'шительный переломъ между Киевской и уд'льной Русью. И. Е. Забичъ могъ бы найти у Ключевского оправданіе своей формулы, во которой въ Суздальц' и Мисаиъ—«ворота разл'тій с'верной исторіи», а въ Киев'—«корень, изъ котораго развилась южная исторія». В. О. Ключевскій говоритъ даже не о «модификаціи на великорусской почв' киевскихъ социально-политическихъ формъ, права, культуры», какъ М. С. Грушевскій, а только объ упадк' «политическихъ, экономическихъ и церковныхъ связей прежняго времени» и выдвигаетъ, съ необычайной конкретностью, какъ выросли изъ м'стныхъ условий верховолжской почвы новыя общественно-историческія формы жизни, таинъ, отношеній ³⁾.

¹⁾ Курсъ мой. А. Пр.

²⁾ «Курсъ русской исторіи» т. I, лекція XX; «Вояская Дума», главы III—IV.

³⁾ Четкія и яркія характеристики ц'мкихъ историческихъ періодовъ, опровергаемыя въ сильно-подчеркнутыхъ антиквализмъ—одно изъ свойствъ художественнаго изложенія въ курс' В. О. Ключевского; оно привело къ тому, что П. Н. Миланковъ называетъ «драматизаціей» хода русской исторической эволюціи. Но въ нашей историографіи эти характеристики—литературно-художественныя—завоевали себ'я

Почти столь же рѣшительна въ изложеніи В. О. Ключевского актѣра удѣльнаго періода—московскому.

Его общая схема ранней исторіи сѣверной Руси складается изъ двухъ противоположныхъ процессовъ: одинъ—«дробилъ эту Русь на княжескія вѣтвины въ потомствѣ Всеволода III»; другой—создалъ условія «одной вѣтви этого потомства», которой «пришлось начать обратное дѣло, собирать эти дробившіяся части въ нѣчто цѣлое»: Москва стала центромъ образованшагося этакъ пути государства.

Такъ и у Ключевского, анализъ условий, вызвавшихъ образованіе Московскаго государства сводится къ изученію «политическихъ и національных успѣховъ московскихъ князей». Быстрое усиленіе Москвы основанно процессѣ дробленія сѣверо-восточной Руси и соборно «дробившіяся части въ нѣчто цѣлое». Первый вопросъ въ изученіи этого процесса—объ источникахъ той московской силы, которая его создала, разрѣшается указаніемъ на два «первоначальныхъ условія быстрого роста Московскаго княжества», «на географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе ея князя». Историческая схема вѣдетъ къ необходимости найти въ самомъ городѣ Москвѣ и его краѣ—средоточіе и источникъ силъ и средствъ, развернутыхъ затѣмъ въ дѣлѣ расширенія территоріи и подчиненія другихъ князей. Разсмотрѣніе выгодъ ея географическаго положенія освобождаетъ историка отъ «загадочности первыхъ успѣховъ города Москвы», такъ какъ вскрываетъ «главными историческими силами, работавшими надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія». Тутъ на первомъ планѣ «экологическія условія, стимулирующія ростъ города»: Москва пунктъ пересѣченія двухъ сходящихся движеній: переселенческаго изъ С.-В. и торгово-транспортнаго изъ Ю.-В.). Судя по повѣдѣннымъ родословнымъ преданіямъ боярскихъ фамилій, съ конца XIII в. въ Москву «со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди—изъ Муромы, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Киева и изъ Волыни». Эти преданія, по Ключевскому, лишь отразили въ себѣ общее движеніе населенія: «знатные люди шли по теченію народою массы» и «въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ вѣнскими врагами, бѣжали народныя слои благодаря ея географическому положенію». Анализъ вѣнскихъ условий положенія Великороссіи въ XIV в. и утвержденіе, что мощный притокъ населенія съ юга сдѣлалъ изъ Москвы ея «этнографическій центръ»—освѣщаетъ одну изъ основныхъ причинъ «сравнительно болѣе ранней и густой населенности московскаго края», которой Москва обязана однимъ изъ важнѣйшихъ условий своихъ загадочныхъ первыхъ успѣховъ: привалы-водны этого притока народныхъ силъ къ Москвѣ—въ

значеніе научнымъ концепціямъ, сильно влияя на пониманіе русской исторіи вообще и ряда отдѣльных ея явленій.

переселенческого движениі изъ Дѣпринской Руси; колонисты съ Ю.-З. переселились за Угру, попадали, прежде всего, въ московскій край, и здѣсь, сдѣловательно, они осаживались наибольшими массами. Скопление населенія доставляло московскому князю существенныя экономическія выгоды, такъ какъ «увеличивало количество плательщиковъ прямыхъ податей». Съ другой стороны, то же географическое положеніе благоприятствовало развитію промышленныя отрасли Москвы: «развитіе торговаго транспортнаго движениа по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговае движение и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами». Экономическія послѣдствія тяжелаго положенія Москвы давали великому князю обильныя матеріальныя средства, а его генеалогическое положеніе въ ряду потомковъ Всеволода III—сказывало ему, какъ всего выгодые пустить ихъ въ оборотъ. Представитель одной изъ младшихъ линій Всеволодова потомства, онъ «не могъ птаты надежды дойти до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ», оказывалъ «наиболѣе безразныя отношенія къ дѣлу родителъ». Обедроденный князь, «не имѣя опоры въ обмычлахъ и преданіяхъ старины», вырабатывалъ «самообразную политику»: московскіе князья «раньше и рѣшительнѣе другихъ сходять съ привычки коленъ княжескихъ отношеній, ищуть новыхъ путей, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и примѣрами».

Такъ выясняются у В. О. Ключевскаго основныя причины, которыя сдѣлали Москву и ея князей—великой исторической силой: разрушая старыя традиціи, эта сила пошла противъ преобладавшаго движениа сѣверной жизни къ дробленію и начала «обратное дѣло» собранія частей верхневолжской Руси въ новое цѣлое.

Это «новое дѣло» не опираясь, по предстанію Ключевскаго, ни на какую историческую традицію, а потому могло лишь очень постепенно и осадно получить общее національно-политическое значеніе. Первая его стадія—расширеніе территоріи московскихъ владѣній—скупкой чужихъ земель, изъ вассальствениыхъ захватомъ, иногда «дипломатическимъ захватомъ съ помощью Орды», служебными договорами съ удѣльными князьями, вассаленца, захватомъ колонизационными—разселеніемъ изъ московскихъ владѣній за Волгу. Образцовый правитель-хозяйинъ—московскій князь уберѣе не только приобрѣтаетъ, но и сохраняетъ свои приобрѣтенія и налаживать въ нихъ порядокъ. Второй моментъ—приобрѣтеніе великокняжескаго князья: сила Москвы и ея локная политика даютъ Великокоросіи отдыхъ отъ вѣдннхъ тревогъ, и во времена Донского сообщаютъ московскому князю значеніе «національнаго вождя сѣверной Руси въ борьбѣ съ вѣдннми врагами». Это значеніе поддержало переселеніемъ въ Москву метрополитенской канцелярии: многозначительный фактъ этотъ произошелъ, по Ключевскому, доволно случайно, въ связи опять-таки съ географическимъ положеніемъ Москвы:

через нее лежалъ путь митрополита изъ Владиміра въ юго-западные епархіи; митрополитъ Петръ часто бывалъ тутъ, подружился съ Иваномъ Калитой, тутъ и умеръ: эта «случайность» стала зачаткомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Все это обуславливало «территориальный и национальный ростъ Московскаго княжества», которое «выбрало въ себя разьединенныя части Русской земли», и, поглотивъ другія русскія княжества, превратилось въ национальное русское государство.

Параллельно этому процессу возрасталъ и другой — «политическій подъемъ» одного изъ московскихъ князей, которому, какъ старшему въ московской княжеской семьѣ и, въ то же время, великому князю, наибольшей долей доставалось выгоды вѣдшихъ успѣховъ, достигнутыхъ московскими князьями. Главнымъ факторомъ того «политическаго возвышенія», которое, въ концѣ концовъ, превратило московскаго великаго князя въ единодержавнаго русскаго государя,—постепенное увеличеніе доли вѣдимаго наслѣдства, какая «на старѣйшій путь» выпадала по духовнымъ грамотамъ старшему сыну. «Посредствомъ такого вѣдимаго фактическаго преобладанія, безъ политическихъ преимуществъ, этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ смертныхъ, но и для самихъ удѣльныхъ князей». Случилось такъ потому, что «фактически усилія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями». Собственнымъ мотивомъ дѣятельности этихъ князей былъ «династическій интересъ, во имя котораго шло и вѣдшее усиліе изъ княжества и внутреннее сосредоточеніе власти въ однихъ лицѣ». Но ихъ успѣхи создали, въ концѣ концовъ, когда «къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная формация—великорусская народность, готовую форму для осуществленія назрѣвшей новой потребности народной массы «въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія». Тогда—во времена Василія Темнаго и Ивана III—«затѣявша и долго дремавшія национальныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ надежнаго пункта прикрѣпленія, сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и повесли его на высоту національнаго государя Великороссіи». Таковы—главные моменты политическаго роста Московскаго княжества»¹⁾.

Въ лекціяхъ В. О. Ключевскаго—эти «главные моменты» рѣзко расчленены и ярко охарактеризованы. Ихъ четкія очертанія доведены до рѣшительнаго противопоставленія противоположныхъ другъ другу явленій и процессовъ въ исторической жизни Великороссіи. Для достиженія сильной конкретности изложенія, столь привлекательной въ трудахъ В. О. Ключевскаго,

¹⁾ «Курсъ русской исторіи», т. II, лекціи XXI и XXII.

ческого, пришлось удѣльный распадъ Великороссіи представлять первичнымъ историческимъ явленіемъ ея судьбы, которое выросло непосредственно изъ условій колонизаціи русскаго сѣверо-востока; представлять саму эту колонизацію сравнительно позднимъ явленіемъ, а образованіе «великорусской народности» датировать серединой XV вѣка, отнести его къ моменту «встрѣчи» фактически уснаивъ московскихъ князей съ народными нуждами и стремленіями. Отдѣльно строилась «форма» будущей великорусской государственности въ восточномъ московскомъ мірѣ; отдѣльно складывалась ея будущее содержаніе въ нарастающихъ потребностяхъ «новой національной формаціи». Яркая драматизація исторической схемы находить затѣмъ свое разрѣшеніе въ появленіи на исторической сценѣ «національнаго государя Великороссіи», который указываетъ выходы изъ удѣльной неурядицы и татарскаго пораженія въ созданіи твердаго государственнаго порядка.

Въ одной изъ давнишъ статей своихъ П. Н. Милюковъ охарактеризовалъ труды корифеевъ русской исторической науки терминомъ «юридическая школа въ русской историографіи»¹⁾. Дѣйствительно, къ нимъ въ значительной мѣрѣ приложима та характеристика, какую А. Д. Градовскій далъ—по поводу труда В. И. Сергѣевича «Вѣче и князь»—«сочиненіямъ по исторіи русскаго права»: ихъ задача—раскрытіе «начала», проявленіе которыхъ въ историческомъ процессѣ указывается на правыхъ, вѣтъ изъ русской исторіи; историческій матеріалъ не играетъ тутъ самостоятельной роли; онъ важенъ лишь настолько, насколько въ немъ можно научить проявленію юридическаго начала»²⁾, притомъ, надо замѣтить, началъ, уставовенныхъ—въ самомъ содержаніи своемъ—въ прямой зависимости отъ анализа даннаго историческаго матеріала.

Такимъ преобладаніемъ социологическаго догматизма въ самомъ методѣ «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взглядъ странное, что фактическія данныя, каковыи оперируетъ наша историографія въ изученіи вопроса о возникновеніи Великорусскаго государства, освѣщаемыя съ различныхъ точекъ зрѣнія, остались, по существу, безъ пересмотра, а самые источники, откуда эти данныя почерпнуты—безъ достаточнаго анализа. Весь этотъ вопросъ, одинъ изъ важнѣйшихъ для русской исторической науки, можно сказать—ни разу не подвергався монографической обработкѣ, такъ какъ работы Станкевича, Веселкова, Полежаева—только отражали, по своему, общія построенія профессорскихъ курсовъ. Поэтому попытка болѣе конкретно пересмотрѣть данныя историческаго матеріала, каковыи мы располагаемъ для выясненія условій образо-

¹⁾ П. Н. Милюковъ, Юридическая школа въ русской историографіи („Русская Мысль“, 1896 г., кн. 6).

²⁾ „Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго“, т. I (статья: „Государственный строй древней Руси“).

ванія Великорусскаго государства, въ зависимости отъ традиціонныхъ историко-соціологическихъ схемъ и концепцій, представляется автору этикъ строка задачей, въ полной мѣрѣ—наущенной. Дѣло въ томъ, что простой обзоръ—возможно внимательный и полный—подлиннаго фактическаго матеріала, какой намъ даютъ источники, приводитъ къ избыточному и научно-дѣльному выводу: господство теоретическихъ построений въ нашей историографіи привело къ такому одностороннему подбору данныхъ, при которомъ отрадало изъ нѣхъ комплекса все, что не годилось для иллюстраціи установленной схемы, не подтверждало ея предпосылокъ; пострадало при этомъ и критическое отношеніе къ источникамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ—духовными и договорными грамотами и лѣтописными сводами еще ждутъ тщательнаго исследованія. Для грамотъ мы не имѣемъ полного и научно-точного изданія; изъ анализъ—сподается къ статьѣ Чичерина, во многомъ не удовлетворяющей требованію историка. Изученіе лѣтописныхъ сводовъ лишь недавно поставлено съ надлежащею широтой и глубиной въ труды А. А. Шахматова, а выводы этого изученія еще не использованы для пересмотра исторіи XIV—XVI столѣтій.

2. Сѣверо-восточная Русь до татарскаго нашествія.

Ростовско-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ.

Ростовская земля занимаетъ совсѣкъ особое мѣсто въ представленіяхъ русской историографіи. Она выступаетъ въ историографической традиціи—новообразованіемъ XII—XIII в. Продолжая построеніе, данное еще С. М. Соловьевымъ, В. О. Ключевскій говоритъ о ней, какъ о краѣ, который «лежалъ изъ старой крестовой Руси и въ XII вѣкѣ былъ богѣ инородческихъ, чѣмъ русскимъ краемъ», а подлинную русскую колонизацію ея связываетъ съ тѣмъ моментомъ, когда «главная масса русскаго народа» отступила «передъ новосильными вѣвшими овластѣнныи съ дѣпрскаго Югозапада къ Олѣ и верхней Волгѣ». Поэтому изученіе послѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья даетъ Ключевскому возможность изучать «самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который представитъ передъ нами въ слѣдующемъ періодѣ». Увлечательная задача—прослѣдить образованіе на дѣйствительной почвѣ новаго уклада политической и общественной жизни дана В. О. Ключевскому лучше, быть можетъ, стражцы его неподражаемаго «Курса русской исторіи». На фонѣ первообытной природы съ полудикими финскими населеніемъ яркой фигурой выступаетъ дядя-воляничикъ, колонизаторъ и организаторъ, подымающій лѣткими усиліями культурную конюшу. Этотъ образъ созданъ С. М. Соловьевымъ и художественно разработанъ В. О. Ключевскимъ въ яркой

антигетъ: «введенный сторожъ и подвижной вотчинъ всей Русской земли, князь съ XIII в. становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ своего удѣла»¹⁾. Колумбонъ Псковлякъ выступаетъ Юрій Долгорукій. «Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, читаемъ у Соловьева.... въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находится только одна дѣревнй городъ... Ростовъ Великій», но «скоро начали возникать около него города новые; снѣзь Молохаха, Юрій, особенно прославлялъ себя, какъ строитель неутомимый». И Ключевскій сохраняетъ то же представление о князѣ Юрій: «Начиная съ Юрія Долгорукаго, оставившаго своимъ дѣтямъ столько городовъ и селеній въ Суздальской землѣ, каждый князь, правившій этой землей какъ ея частямъ, покуда свое владѣніе далеко не таянъ, какимъ заставагъ его; край оживалъ на его глазахъ: глухія дѣбра растаивались, пришлые люди сѣлились на коняхъ, возникли промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну, новые классы заволаживались въ обществѣ»²⁾.

Откуда это представление о Юрій-градостроителѣ? Нашамъ источникомъ засвидѣтельствовано построение имъ четырехъ «градовъ»—Ксалянда на усть Неран, Юрьева Польскаго, Дмитрова и Москвы³⁾. Но Татищевъ приписалъ Юрій широкое градостроительство, а Соловьевъ и Ключевскій ссылаются на него, какъ на источникъ. Ключевскій поясняетъ это обстоятельство утвержденіемъ, что Татищевъ, согласно его собственному замечанію, «сначала встрѣчать нѣмалый рядъ круглыхъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси, которые не были извѣстны до того времени,—съ своими источниками, теперь исчезнувшими». Однако, мы у Татищева не встрѣчаемъ такой мысли на источникахъ. Онъ только указываетъ въ послѣдніи

¹⁾ «Курсъ русской исторіи», лекціи XVII и XVIII; «Вопросная Дума», т. III и IV.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, ст. 494—495; Ключевскій, Вопрскал Дума, 4-е изд., стр. 91.

³⁾ О построеніи города Ковостантѣна (Князевна, Коостѣна) сообщаетъ только Николовская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 158) подъ 6641 (1133) г.: «Того же лѣта князь Юрій Володимиръчъ Маломъкъ заложилъ градъ на усть Неранъ на Волгѣ и карече имъ ему Ковостантѣнъ и церковь въ немъ созда». О Юрьевѣ Польскомъ подл. 6690 въ общемъ перечтѣ церковнаго строительства Юрій поименовъ, что онъ и «градъ Юрьевъ заложилъ и церковь святого Георгія камнью» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 153; ср. т. V, стр. 160); о Дмитровѣ подл. 6664 (1147) г.: «родилъ князь Юрій сынъ Дмитрей; бѣ бо тогда на рѣкѣ на Яхромѣ и со княземъ, и заложилъ градъ во имя сына своего и карече и Дмитровъ, а сына варъче Всеволодомъ» (П. С. Р. Л., т. V, стр. 161; ср. т. VIII, стр. 60). О Москвѣ—въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 225) изд. 6664 г.: «заложилъ градъ Москву на устьехъ Негавныи, выше рѣки Луамъ». Само по себѣ сооруженіе укрѣпленій мало даетъ основаній для представлений о колонизаціонной дѣятельности князя. О Переяславлѣ читаемъ прякое указаніе, что Юрій его «перевеле отъ Клешина [озера], заложилъ великъ, и церковь поставилъ святого Спаса въ Переяславлѣ» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 158).

своего упоминания о построении Юриемъ многихъ городовъ въ Бѣлой Русѣ, что «которые точно, о томъ историкъ (т. е. лѣтописецъ) не равно написанъ, и хотя точно имѣть всѣхъ не упоминаютъ, но по обстоятельствамъ и случаямъ отъ сего времени много построены едикъ по другимъ упоминанымъ». Татищевъ съесть «много построеными» города, которые ранѣе не упоминались въ лѣтописяхъ, а тутъ, въ рассказѣ о Юриѣ и его преминкахъ, стали упоминаются «по обстоятельствамъ и случаямъ»; для тѣхъ же городовъ Суздальской Русѣ, которые названы по стариннымъ княжорусскимъ, Татищевъ нашелъ основаніе приписать ихъ построению Юриѣ въ словахъ своей «Новгородской» лѣтописи, который онъ такъ передаетъ: «Юриѣ, вспомяни города проты Русскіе, иже быша владѣнія его и отягы Иславоиъ, построивъ Юриемъ въ полѣ и другіе грады тѣми же имены, съ показаніемъ: «по сему можно имѣть, что вѣковыми бывшими тогда около Кіева»¹⁾. Такъ ошора Ключевского не въ показаніяхъ источниками Татищева, и въ его предположеніяхъ. Еще характернѣе другіе ссылки Соловьева и Ключевского на текстъ Татищева. Соловьевъ указываетъ на 76 стр. III тома; Ключевскій ссылается на то, какъ «самъ Андрей Боголюбскій хвалился своею колонизаторскою дѣятельностью», а именно говоритъ боярамъ, по поводу замысла учредить во Владимірѣ особую метрополию: «я всю Бѣлую Русь городами и селами великими населю и многолюдной učinяю»²⁾. Но именно эти мѣста Татищевского текста имѣть основанія относить къ его «исчезнувшимъ источникамъ». Текстъ, скомпонованный Соловьевомъ, есть вставка Татищева въ его «лѣтописный сводъ», въ началѣ главы: «Раздѣленіе государства на два великія княжества», что и видно изъ относящихся къ нему примѣчаній (457 и 458); такой же плодъ обработки лѣтописнаго текста и строки, использованными Ключевскимъ³⁾.

¹⁾ Татищевъ, Исторія Россійская, кн. III, прим. 458.

²⁾ См. Татищевъ, т. III, стр. 150.

³⁾ См. Татищевъ, т. III, стр. 76: «По многихъ такъ вещественныхъ предпріятіяхъ великіи князь Юриѣ Владимировичъ Долгоруки, пришедъ въ Суздаль и видя себе Руской земли составъ вѣщевна, отъ великаго княженія отшетясь, основалъ престолъ въ Бѣлой Русѣ; Разавскихъ же и Муромскихъ князей ко оному приобщилъ и крестьянскихъ князюшекъ утвердилъ. Потомъ началъ строить въ области своей много грады Юриемъ въ полѣ, Переклассъ у Кляшнина озера, Владиміръ на Клязьмѣ, Костромъ, Ярославъ и другіи много грады, тѣми же имены, какъ въ Русѣ суть, хожъ тѣмъ угодитъ печалью своею, что лишился великаго княженія Рускаго, и началъ тѣ грады населать, созиная людей отсюда, которымъ же малую суду давалъ, и въ островахъ и другихъ податникои помогалъ, въ которые приходъ множество Болгаръ, Мордвъ, Венгровъ и прочъ Русскихъ селянскихъ, и продаваъ яко многими тысячи людей влочиали». Эта вставка, обличающая самымъ содержаниемъ свою независимость отъ лѣтописныхъ источниковъ, отражается и той — на стр. 150, которую приводитъ Ключевскій ср. еще на стр. 124 того же III тома слова «гдѣ тогда Андрей градъ въ Камѣ строилъ». Всего этого (какъ и многого иного въ тѣхъ «завѣстіяхъ» Татищева, ко-

Представление о крайней элементарности культурного состояния Ростовской земли в XII в. основано не на каких-либо положительных данных, а, главным образом, на скудости сведений о ее внутренней жизни и состоянии в наших источниках. Историком часто бывает трудно выдерживать на долгие старую истину, что нельзя отсутствие известий принимать за отсутствие исторической жизни. Впрочем, при несколько пристальном и свободном от предвзятости взгляде на те же скудные черты, какими отразилось в наших источниках состояние Ростовского Поволжья до Юрия Долгорукого, при Юрии и при Андрее Боголюбском, придется сказать, что они противоречат обычному представлению о ней. Къ тому же черты эти отличны, съ достаточной определенностью, въ трудахъ В. И. Сергѣевича и Н. П. Ковдакова.

Развѣ не наталкиваетъ на сомнѣніе уже то соображеніе, что само утвержденіе въ данной области прочной и преемственной княжеской власти должно служить для историка признакомъ крупныхъ успѣховъ предыдущей

тормя использованы С. М. Соловьевымъ) и въ той редакціи „второй части“ Исторіи Россійской (соотвѣствуетъ II и III т. печатнаго изданія), которую В. Н. Татищевъ было приготовилъ къ печати, думая выпустить въ свѣтъ раньше I-й части. Въ этой первоначальной редакціи Татищевской исторіи нѣтъ „лѣтописнаго свода“, составленнаго на основаніи всѣхъ главнѣйшихъ его источниковъ (манускрипты: Кабинетной, Раскольничьей, Радзевичевской, Голицынской, Кирилловской, Новгородской Іоанновы, Псковской, Новгородской Крешиня, Николаевской и Нижегородской); для дальнѣйшей переработки послужили, кромѣ Іоанна Новгородскаго только Іоанновскій списокъ (ср. стр. 63—64, томъ I) и нѣкіе изъ источниковъ, сообщенные Татищеву „отъ вѣдомыхъ знатнѣйшихъ“, о чемъ упомянуто въ концѣ гл. VII тома I-го. Помянутый списокъ первоначальной редакціи второй части „Исторіи“ хранится въ Им. Академіи Наукъ подъ шифромъ: 17. 17. 11. Погодинъ приписывалъ Юрію Долгорукому „основаніе многихъ городовъ“, но упоминалъ только Юрьевъ, Переяславъ, Дмитровъ и, предположительно, Москву („Исслѣдованія“, т. V, стр. 309). Д. А. Корсаковъ указываетъ, что лѣтопись называетъ только три города, построенныхъ Юріемъ—Княгиницъ или Константинами, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но призываетъ „справедливыми соображеніями Татищева“ о томъ, что такихъ городовъ было, во всей вѣроятности, больше („Мѣра и Ростовское княжество“, стр. 77); К. Н. Востужевъ-Риминъ выражается еще осторожнѣе: „Говорятъ, что сѣмъ строили здѣсь города и, дѣйствительно, города несомнѣнно княжескаго построенія (Дмитровъ въ честь Всеволода-Дмитрія, здѣсь родина-госа; Юрьевъ, въ честь его самого), несомнѣнно имъ построены; но другіе могли быть только укрѣплены ими“ („Русская Исторія“, т. I, стр. 168). Дѣйствительно, трудно критически опредѣлить цѣлу эту известій: напр. сравненіе текстовъ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 153 и т. I, стр. 160 можетъ вызвать на предположенія, что известіе о переносѣ въ новое мѣсто и расширеніи Переяславскаго града—заставка поддѣльной редакціи; а сравненіе текстовъ т. V, стр. 161 (о Дмитровѣ) и т. XV, ст. 225 (о Москвѣ)—подъ однимъ и тѣмъ же годомъ можетъ усилить въ сомнѣніи въ известіи о закладѣ Юріемъ московскаго города, о которомъ см. у С. Ф. Платонова, „Статье по русской исторіи“, 2-е изданіе, стр. 78—79, такъ какъ подрываетъ убѣдительность, что эти известія, поддѣлявшихъ лѣтописныхъ сводовъ восходятъ къ старымъ источникамъ, а не составлены по устнымъ преданіямъ и датированы произвольно.

колониализм и организация местного быта, что общество—не только из Киевской Руси, но всегда и всюду «старше своего князя»? Со второй стороны, если бы В. О. Ключевский захотел применить из северной Руси свою теорию о значении внешней торговли для развития быстрого усложнения быта и социально-политического строя среди восточных славян, разве пришлось бы ему терпеть от недостатка данных? Обилие монет и вещей, шедших из славянских стран с Востока—из VIII—XI вв., арабские известия о значительной русской торговле из болгарских, из Хазарского царства, на Каспии и за Каспием, богатых находки западных монет X—XI вв.; известия о сборе Хаварами с Вятичей дани «щягами», т. е. западными шкурами, столь трудные для конкретного осмысления; раннее законодство Сказавовъ съ далеких север-востоковъ Европы,—все это дает представление о значительности Волжского торгового пути—и более раннее, и более определенное, чем то, что имеем для пути из Варягъ въ Греки по Днѣпру. Не говорит о чудномъ замкнутости и доходахъ заложествъ и ранней интересъ князей къ далекой Полтавской землѣ. Политическія отношенія этого края при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не совсѣмъ ясны ¹⁾. По сказаніямъ Киевской летописи при Владимирѣ Святомъ въ Ростовѣ княжилъ Борисъ, изъ Муромѣ Глебъ; не вижу убедительныхъ оснований для отрицательнаго отношенія къ этой записи стараго свода, какое высказалъ А. А. Шахматовъ ²⁾; держать крайніе боевые пункты своихъ владѣній сыновьями—устойчивая черта политики киевскихъ князей. При сыновьяхъ Ярослава—на ряду съ приднѣпровскими владѣніями—правобережными Никлава Ярославича и лѣвобережными Святослава, видны Ростовъ, Суздаль, Половье въ руцѣ Всеволода вмѣстѣ съ южными Переяславцями. Это географическа-искусственное сочетание земель создаетъ особую традицію Всеволодовой отчины и претензіи северныхъ князей на южныя («русскія») Переяславцы, поддерживаемыя ихъ стремленіемъ держать «часть» изъ Русской (Киевской) земли, чтобы не терять вліянія на центръ всей системы традиціонныхъ междукняжескихъ отношеній. Владиміръ Мономахъ, поглощенный борьбою съ Половцами и южной политикой, не упускаетъ, однако, изъ виду Ростова. Онъ ѣздитъ туда, по временимъ, для своего княжого дѣла; упорно защищаетъ съ сыновьями эту «волю отца своего» отъ заката черниговскихъ Олегъ Святославичемъ, строить тутъ «изъ свое кнѣ» городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Позднѣе, до Мономаха и первое время при немъ Ростовъ былъ подъ управленіемъ княжескихъ посадниковъ. Мономахъ посылаетъ туда своего тысяцкого, варага Георгія, давъ ему «на руки» сына своего Юрія. Юрій Владиміровичъ сталъ княземъ Ростовскимъ и гдѣ со-

¹⁾ См. «Княжое право въ древней Руси», стр. 41—42.

²⁾ А. А. Шахматовъ, Разсужденіе о древнѣйшихъ русскихъ летописныхъ сводахъ, стр. 89—91.

року непрерывно владѣлъ сѣверной волостью. При немъ уже явнѣе выступаютъ основныя особенности этого края. И тѣ черты внутреннего строя, какія выступаютъ передъ нами какъ только можемъ вычитать въ хѣтонискихъ текстахъ болѣе четкія указанія на складъ отношеній въ Ростовской землѣ, свидѣтельствуютъ о значительной сложности историческихъ судебъ, пережитыхъ ею въ предыдущее время.

Въ этой области, по дошедшимъ до насъ позднѣйшимъ хѣтонисскимъ сводамъ, два крупныхъ городскихъ центра—Ростовъ и Суздаля. Не знаемъ времени основанія Суздаля, но политически оная близка Ростову, а, между тѣмъ, со времени Юрія—она стоитъ рядомъ съ Ростовомъ, и земля чаще именуется въ нашихъ хѣтонискихъ Суздальской, чѣмъ Ростовской. Трудно сомнѣваться, что тотъ процессъ, какой мы наблюдаемъ пойдти, при Андрѣ Боголюбскомъ, какъ «возвышеніе Владиміра», былъ уже пережитъ Ростовской землей при Юрія, какъ «возвышеніе Суздаля». Насколько знаю, одинъ только В. И. Сергіевичъ оцѣнилъ значительность этого явленія для разумінія раннихъ судебъ сѣверо-восточной Руси¹⁾. Для Юрьевича Андрѣ «отенъ стогъ» въ Ростовѣ²⁾, но, какъ отиѣтилъ В. И. Сергіевичъ, «явленіе Юрія чаще въ Суздали, чѣмъ въ Ростовѣ, изъ Суздаля выступаютъ въ походъ и въ Суздаля возвращаются, а въ Кіевѣ окружаютъ не Ростовцами, а Суздальцами, и имъ раздѣтъ дома и села Никсановой дружины³⁾. Однако, Суздаля, о «возникающемъ преобладаніи» котораго говоритъ В. И. Сергіевичъ, не отиѣсилъ Ростова на второй планъ. Терминологія Лаврентьевской хѣтописи въ разсказѣ о временахъ Андрѣ Боголюбскаго и событіяхъ, послѣдовавшихъ за его кончиной, неизбѣжно выдвигаетъ на первый планъ Ростовъ и ростовцевъ передъ Суздалемъ и суздальцами. Мало того. Ея текстъ носитъ явные слѣды переработки много изложенія, гдѣ въ роли центра сѣверо-восточной Руси выступала одна Ростовъ; а Суздаля—добавленъ составителемъ новой редакціи свода⁴⁾: такъ, напримеръ, въ зна-

¹⁾ „Древности Русскаго права“, т. II, стр. 16—20.

²⁾ Лаврент. хѣтопись, 9-е изд., стр. 390 (1157 г.).

³⁾ Весьма вероятно, что еще при Юрія Суздаля стала раздѣлной не только князя, но и ростовскаго епископа; на значеніе Суздаля какъ епископской раздѣлчице имѣемъ опредѣленное указаніе отъ зѣта, ближайшаго къ кончинѣ кн. Юрія: въ 1162 г. кн. Андрѣ Боголюбскій послѣ разрыва съ еп. Леономъ—возвратилъ его „во въ Ростовъ, а въ Суздаля не да ему салти“ (П. С. Р. Л., т. III, ст. 520).

⁴⁾ Въ хѣтописи Лаврентьевской—опишетіе ростовскихъ и владимірскихъ записей, причемъ перемы—зѣролито приключилія къ „Лѣтописцу старому Ростовскому“, на которой смыкается еп. Симонъ въ посланіи къ Поникарпу (Кіеву-Печерскій Петрикъ), проредактерованіи хѣтописцемъ владимірцемъ. См. А. А. Шахматова, о Лаврентьевской хѣтописи (въ „Разобрѣ труда Н. А. Тихомірова“: „Обозрѣніе хѣтонискихъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“, Отчетъ о XII присудженіи награды гр. Уварова, 1899) и его же „Исхѣдованіе Радзивилловской или Кенигсбергской хѣтописи“, при фототипическомъ изданіи этой хѣтописи Общ. Люб. Др. Письяковности).

метатомъ разсужденіи лѣтописца о взаимномъ отношеніи старшихъ городовъ и пригородовъ читаемъ: «а вѣдѣ городъ старшій Ростовъ и Суздаль а вси бояре хотише свою правду поставити, не хотяху сотворити правды Божьей¹⁾, строки, вызвавшія такое замѣчаніе В. И. Сергѣевича: «выходитъ, что Ростовъ и Суздаль составляютъ какъ бы одинъ старшій городъ». Сергѣевичъ объясняетъ возвышеніе Суздаля—по аналогіи съ позднѣйшимъ возвышеніемъ Владиміра: «изъ старшихъ Ростовъ было не мало сильныхъ людей—бояръ, которые, естественно, стремились завладѣть всѣми дѣлами волости; отъ кнѣзя-то, надо думать, ушелъ Юрій въ Суздаль; но, по всей вѣроятности, бояре успѣли развестись и въ Суздали, а вотъ сынъ Юрія, Андрей, угодить во Владиміръ, изъ мезаміумъ людей, владиміръца».

Такъ выступаетъ уже при Юрій Долгорукомъ значеніе сильного боярства въ Ростовской землѣ; едва ли признаніе этого значенія можно считать преодоленіемъ: оно подтверждается всѣмъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о временахъ Юрія и Андрея и изъ преемниковъ.

Руководящей мыслью понятія Юрія Долгорукаго было—сохранять за своей семьей Ростовскую вотчину, утверждая, въ то же время, ея преобладаніе во всей Руси. Старшихъ сыновей—отъ перваго брака съ половецкой дочерью зана Лены, Юрій предназначалъ для Кіевского юга и самъ изъ при себѣ въ Переяславѣ («русскомъ»), Туровѣ, Пересовницѣ, Вышгородѣ, Камейѣ. Дѣтей отъ втораго брака, съ княгинейскаго княжества, Юрій держитъ на сѣверѣ—Мстислава и Новгородскомъ княженіи, Васальа, Миталка и Всеволода въ Ростовѣ и Суздали. По свидѣтельству владимірскаго лѣтописца, «Ростовци и Суздальци и Переяславци и вси дружина» избрала Юрію крестъ «на князьствѣ дѣятихъ, на Михайлѣ и на братѣ его». Когда ему далось утвердиться въ Кіевѣ, онъ младшихъ (Михалка и Всеволода) оставилъ въ Суздали, подѣ opiekой ихъ матеръ и своего кормилица—тысяцкаго марка Георгія Шимоновича. Такъ былъ поставленъ вопросъ о закрѣпленіи за Ростовско-Суздальской землей значенія семейной вотчины Юрьевичей, притоку младшихъ, сыновей Юрія отъ втораго брака, по соглашенію съ вліятельными силами земли. Старшій во всѣхъ Юрьевичахъ, Андрей разбилъ отцовскіе планы, уйдя отъ него на сѣверъ къ Вышгороду «въ свою волость Володиміра». Быть можетъ, не лишнее дѣятели намекъ, соображенный въ цитатѣ Карамзина, на связь Андрея съ опредѣленной боярской партіей: на саховольный угодъ въ Суздальщину его «сподышша Кучковича», тѣ самые, съ которыми ему потомъ пришлось такъ проважно столкнуться²⁾. Намекъ этотъ на вліятельное участіе бояръ въ Суздальскихъ событіяхъ времени Юрія и Андрея подтверждается дальнѣйшимъ ходомъ событій. Лѣтъ двадцать владѣлъ Андрей Суздальщиной, но

¹⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 456 (1176 г.).

²⁾ Карамзинъ, И. Т. Р., т. IV, пр. 388.

достигъ она этого только разгромомъ противниковъ и опорася на своихъ сторонниковъ.

По смерти Юрія, «Ростовца и Суждальца, вздумавше вси, поима Ахдубя, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовъ на отиа стогъ и Суждальцѣ»¹⁾. А на третій годъ Андрей возгнахъ изъ Суждальщины соперниковъ-качешчей съ изъ сторонниками-богрями, «зужа отиа своего передника»²⁾.

Въ этихъ событіяхъ очевидно извѣдѣніе княжескихъ притязаній и раздоровъ съ борьбой и политической борьбы партій. Въ книгѣ «Княжое право въ древней Руси» подробный разборъ лѣтописнаго текста, повѣствующаго о событіяхъ въ Суждальщинѣ по убійствѣ Андрея Боголюбскаго, привелъ меня къ выводу, что упоминаемые о дѣйствіяхъ «Ростовцевъ и Суждальцевъ» должны быть отнесены не къ выступленіямъ «дѣвичьихъ общинъ» Ростова и Суждаль, а къ дѣятельности ростовскаго и суждальскаго боюрства, какъ дѣломъ боюрскаго заговора было и самое убійствѣ Андрея (Петръ, Кучковъ ант; Якахъ Кучковичъ). В. Н. Сергіевичъ правильно поясняетъ силу Ростова рядомъ съ княземъ Суждальцемъ значеніемъ ростовскаго боюрства. Свообразное двойное «старѣйшинство» Ростова и Суждаль въ верхнемъ Поволжьи не объяснимо иначе, какъ солидарностью дѣйствій «боюръ» и всей дружины, несмотря на то, что организація этого класса имѣла тутъ два центра. «Ростовъ, Суждаль и всѣ боюры», «Ростовца и Суждальца и Переяславца и вса дружина»—таковы формулы

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 330 (1157 г.); Ипатьевская, ст. 460 (1156 г.: «оумавше Ростовца и Суждальца и Володимерца вси... и посадиша и на отиа стогъ Ростовъ и Суждальца и Володимеръ»).

²⁾ Ипатьевская лѣтопись (И. С. Р. Л., т. II, кн. 2, ст. 590—521): «имѣа Андрей епископа Леона изъ Суждаль и братью свою поима Мыстислава и Василка и два Ростиславича сывоца свои, зужа отца своего передника; се на отвори хотя самодѣлающе быти всей Суждальской земли»; и ниже: «идоста Гиргевича Черногороду Мыстиславу и Василку съ матерью и Всеволода молодого поима съ собою третьаго брата». Ср. Воскр. (И. С. Р. Л., т. VII, стр. 76—77). Ипатьевская лѣтопись ставитъ заглавие еп. Леона въ связь съ нагнаніемъ братьевъ-князей и изъ сторонниковъ—боюръ; столкновение изъ Андрея съ епископомъ разыгралось на церковно-религиозномъ мотивѣхъ (Ипат. лѣт., ст. 520; ср. Лаврент., стр. 331, подъ 1156 г.), что, конечно, не исключаетъ политической подкладки конфликта. Моментъ былъ исключительной важности для Андрея Боголюбскаго. Закончивъ постройку во Владимирѣ Успенскаго собора, кн. Андрей стремится къ церковно-политическому возвышенію своего столбнаго города—учрежденіемъ въ немъ митрополіи, и въ церковно-религиозному прославленію своей земли законодатель переимъ ростовскихъ епископовъ Леоніа и Иова, мощи коня были найдены при закладкѣ новой соборной церкви въ Ростовѣ вѣсто старѣйшей въ 1164 г. Неудача, постигшая эти начинанія кн. Андрея, не умаляетъ ихъ характернаго значенія для всей его дѣятельности. См. Никоновскую лѣтопись (И. С. Р. Л., т. IX, стр. 220—231); Голубинскаго, Ист. русской церкви, т. I, ч. I, стр. 380—381; М. Д. Приселкова, Очерки по церковно-политической исторіи Киевской Руси, стр. 135—189.

гѣтовскаго текста; если даже настаивать на обычномъ предположеніи, что онъ указываетъ на активную роль «старыхъ пѣчевыхъ общинъ», то и такое предположеніе мало что измѣнитъ въ выводѣ о руководящей политической роли славянаго боярства, которое стоитъ во главѣ «всей дружины» и вѣршитъ судьбами всей земли. Это боярство въ Суздальщинѣ то же, что и вездѣ въ древней Руси, — «старѣйшая дружина», сильная административными вѣдѣніемъ, общественными положеніемъ и земельнымъ богатствомъ. Нѣтъ на основаніи, ни возможности считать этотъ классъ — новобразованіемъ, только что возникшимъ, при Андрей Боголюбскомъ или Юріи Долгорукомъ. А наличность славянаго земскаго класса — заставляетъ признать, что прежде князья Ростово-Суздальской земли, Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій, строили свое политическое и владѣльческое зданіе не на зыбкой только-что колонизующейся почвѣ, а на основѣ окрѣпшаго общественнаго быта, сложнаго по внутреннему строю, въ средѣ того же уклада, какой и ту же пору наблюдаемъ въ Кіевщинѣ или во Волынѣ, въ Галицкой землѣ или въ Черниговщинѣ. XII вѣкъ — время усиленія болгарскаго землевладѣнія, боярскаго вліянія и роста боярскихъ привалегій²⁾.

Времена Юрія и Андрея для Суздальщины эпоха усиленной организаціи княжого правленія и властвованія въ связи съ утвержденіемъ вотчиннаго владѣнія имъ за одной изъ линій княжого рода. Эта дѣятельность княжой власти сказалась, между прочимъ, и въ строительствѣ, и въ колонизаціи, и въ иждивеніи политической дѣятельности, въ такой же работѣ князей-вотчиней своей земли, какую — нѣсколько позже — наблюдаемъ и въ юго-западной Руси въ дѣятельности старшей линіи Мономаховыхъ потомковъ въ земляхъ Волынской и Галицкой.

Конечно, приходилось князьямъ и города строить, на новыя ли мѣстахъ, стратегически важнымъ, или для укрѣпленія «городковъ» старинныхъ поселеній. Но что особенно ярко и характерно въ строительной дѣятельности сѣверныхъ князей — это созданіе храмовъ. Еще Владиміръ Мономахъ построилъ церковь св. Спаса во Владимірѣ. Юрію Долгорукому принадлежатъ сооруженіе св. Спаса въ Переяславѣ Забѣсскомъ, соборъ Юрѣва Польскаго, св. Спаса Ефимьевскаго монастыря въ Суздали, церковь св. Бориса и Глѣба на Нерли, св. Богородицы въ Ростовѣ (воспѣсана въ 1187 г.); Андрей Боголюбскому — Владимірскій Успенскій соборъ, церковь св. Іоанна въ Анны и Золотыхъ воротъ во Владимірѣ. Братъ его Всеволодъ продолжалъ это строительство, соорудилъ во Владимірѣ Дмитровскій соборъ и церковь Рождества Богородицы, обновилъ соборы Владиміра и Суздали. Константинъ Всеволодовичъ построилъ въ Ростовѣ новый Успенскій соборъ, когда храмъ, созданный Юріемъ, погубилъ въ пожарѣ 1211 г., а въ Ярославѣ — храмы Успенскій и Преображенскій. Все это церковное строитель-

²⁾ Ср. «Княжое право», стр. 273 и 296—303.

ство—составляет важную и весьма содержательную страницу въ исторіи русскаго (и не только русскаго) искусства. Излюбленный матеріалъ для строенія—бѣлый камень, который по Волгѣ привозили изъ Камской Болгаріи. Среди этихъ храмовъ есть памятники высокаго художества, крупнаго и своеобразнаго художественнаго стиля. Передъ нами тѣ монументальныя данныя, которые позволили Н. П. Кондакову говорить, что «русское искусство есть оригинальный художественный типъ, крупное историческое явленіе, сложившееся работою великорусскаго племена при содѣйствіи цѣлаго ряда иноплеменныхъ и восточныхъ народностей»¹⁾.

Значительное развитіе каменнаго церковнаго строительства, а тѣмъ болѣе, выработка оригинальнаго и художественно-содержательнаго стиля—возможны только въ странѣ съ развитой городской жизнью, богатой матеріальными средствами, развитіемъ мѣстнаго ремесла и вообще своей мѣстной культурой. Н. П. Кондаковъ справедливо указываетъ на украшеніе наружныхъ стѣнъ суздальскихъ храмовъ назидательной скульптурной символической, какъ на признаки развитой городской жизни, такъ какъ эта символическая скульптура рассчитана на вниманіе и пониманіе населенія, толпящагося на храмовой площади. Однихъ этагъ храмовъ достаточно, чтобы отказаться о представленіи о сѣверо-восточной Руси XII вѣка, какъ о темномъ заолустьи, гдѣ и культура, и благосостояніе, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чѣмъ на Кіевскомъ гнѣ.

Своеобразный художественный типъ Суздальскаго искусства XII-го вѣка—одно изъ наглядныхъ проявленій особенности этой русской области. Но не слѣдуетъ преувеличивать ее обособленія, игнорирова значительность ея связей съ югомъ и западомъ. Въ нашихъ гнѣтонискихъ источникахъ достаточно указаний на то, какъ дорожили этии славяны князья сѣверо-восточной Руси. Увлеченіе «теоріей родового быта» оставило глубокий слѣдъ въ нашей исторіографіи, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что полнѣе Юрія Долгорукаго осмыслилась, какъ борьба за отвѣтственный принципъ старшинства въ русской землѣ, связаннаго съ «золотымъ столомъ» Кіева, безъ достаточнаго вниманія къ реальнымъ ея мотивамъ. Юрій—это видно изъ фактическихъ данныхъ о его дѣятельности въ нашихъ гнѣтонискихъ сводахъ²⁾—стремился къ сохраненію и усиленію своего вліянія въ южной Руси на безъ отношеній къ своимъ «суздальскимъ» интересамъ. Его борьба за Кіевъ нельзя отдѣлать отъ характерныхъ усилій задринуть за собой вотчину Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха—Переяславль великій, а также Городецъ русскій, Посемье и Курскъ, земли славянъ Суздальскими

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства (Памятники древней письменности», вып. 132. 1899 г.); Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древности», вып. VI.

²⁾ См. «Книжыя право», стр. 94—105.

сь югою. Съ такой точки зрѣнія не столь глубоко разрывъ съ его полнотной дѣятельности Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича. Они отрѣшились отъ представленій о Кіевѣ, какъ неизбежною центрѣ общерусскаго вліянія, но не отъ стремленія сохранить это vlastное вліяніе на судьбы русскаго юга. Повино политическихъ мотивовъ—держать похъ своей родной традиціонный центръ всей системы междунаѣскихъ отношеній, чтобы не дать окрѣнуть силѣ соперниковъ—старшихъ Мономахичей, опасной для Суздальщины по ихъ вліянію на Новгородъ, на Смоленскъ, на Черниговщину, это стремленіе объясняется опредѣленными торговыми и культурными интересами. Торговыми и культурными отношеніями Суздальщины съ Черниговщиной и Галицкой Русью, Смоленскомъ и Новгородомъ были широки и значительны. Они недостаточно научены, но имѣли представленія о нихъ несомнѣнными исторически на суздальское искусство, на развитіе княжваго творчества сѣверо-восточной Руси. Съ юга шли дѣнные товары, какъ и съ запада; въ Суздальщинѣ знали кѣмецкихъ купцовъ и западныхъ ремесленниковъ; черезъ нее шла торговля Востока и Запада, шелъ, напр., болгарскій воскъ, съ одной, и кѣмецкія сукна, съ другой стороны ¹⁾. Великій Волжскій путь, назамененный съ VIII—IX вв., не замирала и въ слѣдующія столѣтія. Ростовско-Суздальская земля раскинулась на пути исконныхъ транзитныхъ отношеній, которыя объясняютъ, въ связи съ другими условіями, возвышеніе на русскомъ сѣверо-востокѣ кривной исторической жизни.

Еще при Юріи Долгорукомъ опредѣлился особый кругъ интересовъ Суздальской политики, который, въ значительной степени, остается основнымъ и характернымъ на рядъ столѣтій въ исторіи Великороссіи. Пресловутая борьба за Кіевъ далеко не наполняетъ всей жизненной дѣятельности Юрія. При жизни отца и старшаго брата Мстислава, и пооднѣ въ восьмилѣтнее кіевское княженіе Всеволода Ольговича—онъ замыкаетъ въ кѣвскихъ, суздальскихъ интересахъ. Ихъ основная черта—стремленіе обезпечить за собой господство на путяхъ изъ Новгорода въ Поволжье. Первое вѣбствіе о Юріи на сѣверѣ—его походъ на Камскихъ Болгаръ въ 1120 году. Наступленіе на Новгородъ—характерная черта его дѣятеліи. Не разъ сажаетъ онъ сыновей на новгородскомъ княженіи, дважды захватываетъ Новый Торгъ, закрыва артерію восточной торговли Новгорода. Стремленія Юрія идутъ и дальше: онъ началъ наступленіе на Залозондія владѣнія Новгорода, отягиваетъ у него сѣверныи даки и пути торговые. Тутъ, на новгородской почвѣ, завязалась борьба Юрія съ Іванславомъ Мстиславичемъ, и началась—наступленіемъ Іванслава за то, что «Гюргій изъ Ростова обидитъ его Новгородъ, и даки отъ него отогналъ и на путѣхъ ихъ пакости дѣлетъ». Это столкновение стинуло Юрія въ борьбу съ Іванславомъ за Кіевъ, и его

¹⁾ Ср. обзоръ вѣбствій о вѣнскихъ отношеніяхъ Суздальщины у В. С. Иконникова, «Опытъ русской историографіи», т. II, кн. I, гл. десятая.

побѣда разбила въ самомъ центрѣ враждебныя силы живыхъ князей¹⁾. Черты «суздальской ориентировки» въ политикѣ Юрія Долгорукаго подготавливаютъ дѣятельность Андрея Боголюбскаго. Главная энергія Андрея направлена на Новгородъ: Андрей силой водворяетъ въ Новгородѣ послушныя князья—сыновей и племянниковъ или подручнаго смоленскаго Ростиславича, смиряетъ новгородцевъ превращеніемъ подвояа кѣбѣ изъ Поволжья въ Новгородъ; и замѣчательный походъ на Кіевъ 1169 года, праведшій изъ разгрома «матери городовъ русскихъ», былъ вызванъ столкновеніемъ Андрея съ Мстиславомъ Изяславичемъ изъ-за господства въ Новгородѣ. Другая забота Андрея—болгарскія отношенія, которыя вызвали два его похода внизъ по Волгѣ (1164 и 1172 гг.). И та же политика—за два фронта—характерна для дѣятельности Всеволода Юрьевича. Крошкѣ большого похода на Болгаръ въ 1184 г., когда омы 10 дней стоялъ подъ нѣхъ столицей Великихъ городовъ, Всеволодъ въ 1186 г. послалъ рать свою воевать болгарскую землю. Но вѣ его главная забота—новгородскія отношенія, которыя все больше осложнились попытками новгородцевъ найти опору противъ суздальскаго засыла въ князьяхъ-соперникахъ новой сѣверной силы. Кіевъ палъ, и новое Мономахово племя замкнулось въ дѣлахъ волынскихъ и галицкихъ. Новгородцы пытаются теперь противопоставить напору князей Владиміра Суздальскаго то смоленскихъ, то даже черниговскихъ князей. Но безъ сильной княжеской власти имъ не обойтись. Изъ снѣжины съ княжеской властью далеко не одни торговые пути и дѣла въ окрестныхъ земляхъ—вотчинахъ осѣвшихъ тамъ на владѣльческохъ корню княжескихъ фамилій. XII вѣкъ и начало XIII-го боевое время въ жизни Великаго Новгорода; кризисъ западнаго ориентировка новгородской торговли, а, съ другой стороны, разрастается новгородское выступленіе на западныхъ и восточныхъ финновъ, ради ясака и господства въ промысловыхъ волостяхъ, завечивается и упорная борьба со шведами, литвой и вѣнцами за прибалтійскіе торговые пути и господство надъ тѣми же финнами. Торговый городъ не можетъ обойтись безъ сильной боевой княжеской силы, которая не только организуеъ его выступленіе в самозащиту, но и поддерживаетъ его своими войсками. Суздальскіе князья сажали другія, и ближе нѣхъ интересъ къ новгородскимъ задачамъ; въ нѣхъ Новгородъ находитъ больше дѣйствительной поддержки въ борьбѣ и съ западными врагами. Но она, именно потому, и опаснѣе для новгородской возможности, еще не окрѣпшей: защищала и поддерживала новгородцевъ, князья Владиміра Суздальскаго стремятся, со времени Юрія и Андрея, крѣпко и постоянно держать его подъ своей рукой.

Въ дѣятельности Всеволода Юрьевича видна замаска прочныхъ основъ «великаго княженія Владимірскаго и Великаго Новгорода», какъ

¹⁾ См. «Княжое право», стр. 100.

характерно называть походы гитовесцы Суздальской земли эту политическую формацию. После нескольких решительных столкновений, Всеволод привел новгородцев к тому, что они у него просили себя князей, а владимирский князь, первый, кого гитовесские тексты определенно титулуют «великим князем», посылает на новгородское княжение племянников и сыновей своих. Более положение Владимирского великого князя требует распоряжения возможно значительными военными силами. Вслед реальными потребностями суздальской политики проникнуто стремление севернорусских князей к подчинению себя других русских князей, чтобы парализовать их противодействие расширению своей власти и пользоваться их силами для своих предприятий. Последнее особенно ясно в отношении князя Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича к князьям муром-рязанским и смоленским. Владимирские князья посылают их со своими войсками в походы, выводят их до положения своих подручников. Оправдывая своему засилью они ищут в традиционной идее старшинства, которое Андрей «отдѣлалъ» отъ Киева, а Всеволодъ опредѣленнѣе призывалъ къ «великому князю Владимірскому». Однако, при этомъ подлинный смыслъ «старшинства во всей братии, князьяхъ русскихъ» претерпѣлъ существенное искаженіе. Прямое, киевское старшинство и оправдалось и вѣдѣлось общерусскими интересами Киевской Руси, прежде всего — насущной задачей борьбы съ половцами, а суздальское старшинство стало словомъ, повуждавшей «братію» служить политикѣ, задачи которой либо были имъ чужды, либо даже противорѣчили ихъ собственнымъ интересамъ. Лишь по принужденію служатъ смоленскіе Ростиславичи Андрей и Всеволоду противъ Новгорода и князей черниговскихъ. А въ землѣ Муромо-рязанской, особенно послѣ ея распада на двѣ княжескія вотчины — муромскую Ростовичей и рязанскую Ростиславичей, внутреннія смуты даютъ суздальскимъ князьямъ поводъ утвердить на основѣ своего признаннаго «старшинства» настоящее господство. Начало властному вѣшателству въ дѣла Муромо-рязанской земли положили еще Юрій Долгорукій, а Всеволодъ, послѣ попытки «порядъ сотворити всей братіи» муромской и рязанской (1180 г.), повелѣлъ «вынаты» неутомимыхъ князей, послалъ на Рязань княжить сына Ярославъ, попытку сопротивленія сурово усмирить разореніемъ Рязани и большими выводами людей въ Суздальщину, а Муромъ отдалъ пронскому князю. Подчинилъ себя рязанскіи и муромскіи князья, великій князь Всеволодъ бралъ на себя оборону муромо-рязанскихъ предѣловъ. Въ 1183 г. выдѣлъ его въ походъ на волжскихъ болгаръ съ князьями рязанскими и муромскими; въ 1189 г. онъ идетъ съ сыномъ Константомъ на подвоянскъ, доходить до нихъ зномящъ вождѣ Дома¹⁾. Борьба со степными кочевниками и съ сѣвѣдней мордой держала въ постоянномъ напряженіи

¹⁾ П. С. Л., т. VII, стр. 96; Лаврентьевская глг. стр. 364.

ризанскія и муромскія силы, и опора въ силахъ остальной Восточной Руси была нѣзбѣжнаю необходимостью. По существу, провалени владимирскаго старѣйшинства обусловилъ иѣстною суздальскую политику, и южный погъ былъ правъ въ украинѣ Всеволоду: «Ни мыслию ты прилетѣти издалеча, отъяи стога пѣблности». Судьбы южной Руси не привлекали организующей энергии Всеволода; провалени его властнаго вмѣшательства въ южные дѣла лишь ускорила и обострила политическое разложени Киевской Руси и связи, прежде всего, съ его смоленскими и черниговскими откошеніями.

• •

И смуты-усобицы, потрясшія Ростовско-Суздальскую землю по смерти Всеволода (1212 г.), не разбила ея единства, не сломала свезкаго княженія Владимирскаго. Соперничество двухъ Всеволодовичей, Константина и Юрія, закончалося послѣ непротныхъ договоровъ 1212 и 1213 г.г., компромиссомъ 1217 г.: «и сѣде Константинъ въ Володимирѣ на стогѣ, а Юргинъ Суздали, и бысть радость велика въ земля Суздальстей, а долговѣ еднѣ плакашася свои погмбелы»¹⁾. Въ Суздальщинѣ создадосъ положени, напоминающее сопранительство старшихъ Ярославичей въ Киевской Руси²⁾. Какъ при первомъ соглашеніи (1212—13 г.г.), когда «старѣйшинство» ослалося за Юриемъ, такъ и послѣ 1217 г., когда оно перешло къ Константину, положени княжскихъ князей опредѣлалосъ «порядкомъ» двухъ старшихъ. Тамъ Юрій взошелъ въ 1213 г. Владимира Всеволодовича изъ Москвы и послалъ его въ «Русскій Переяславль, на отчину свою», а когда оиъ вернулся изъ половецкаго плѣна въ Суздальщину къ братьямъ, оиъ «даша ему Стародубъ и ину власть»³⁾. Юрій, утвердившися на великомъ княженіи по смерти Константина, крѣпко держитъ старѣйшинство надъ младшими князьями, посылаетъ въ походы братьевъ, сыновей и племянниковъ. Въ 1229 г. «Ярославъ усумишася брата своего Юргя, слушая кѣмкихъ лести, и отлучи отъ Юргя Константиновича три, Василья, Всеволода, Володимера, и мыслителъ протавитися Юргю, брату своему, но Богъ не попусти лху быти, благоразумный князь Юргинъ притва ихъ къ сменѣ въ Суздали, и исправишася все нелюбие между собою, и поволишася Юрью вси, плуще его отцеиъ себѣ и господинокъ»⁴⁾.

Сильны еще общіе интересы Ростовско-Суздальской земли; круговорѣ суздальской политики еще значительно широкъ, и ея напряженность значительно значительна, чтобы во внутреннемъ строѣ земли могли получить перевѣсъ тенденціи къ потчивному дробленію княжескаго владѣнія. Крѣпнеть связь Вла-

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 416 (1212 г.) 416 (1213 г.) и 418 (1217 г.).

²⁾ Ср. «Кажное право», стр. 43—46. Юрій и Константинъ дѣлосовали по соглашенію съ Ярославомъ Всеволодовичемъ.

³⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 416 (1213 г.) и 420 (1216 г.).

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 429 (1229 г.).

днѣрскаго великаго князевича съ Новгородомъ въ энергичной дѣятельности князя Ярослава Всеволодовича. Ярославъ еще при отцѣ былъ опорой суздальскаго князья и въ ея предѣлахъ—въ вѣнцѣхъ Переяславѣ, въ Рязани. Съ 1215 г. ояъ посылается на новгородскомъ горнищѣ въ двойственной, съ точки зрѣнія новгородцевъ, роли: крутого борца за силу княжеской власти противъ роста новгородской воьности и крупища дѣятеля въ борьбѣ съ западными врагами и въ покореніи финскихъ племенъ. Для суздальскаго князя тутъ, очевидно, никакой двойственности не было: ояъ велъ свою, на новгородскую политику. Эту новгородскую дѣятельность Ярослава и въ основаніи разсматривать, какъ его личное, «опричное» дѣло. За немъ стоятъ великій князь Юрій и вся братья, суздальскіе князья. По временамъ, хотъ и неудачно, его свѣяется на новгородскомъ столѣ Всеволодъ Юрьевичъ (1221, 1224 г.г.); великій князь Юрій посылаетъ въ Новгородъ то сына, то, по просьбѣ новгородцевъ—Ярослава ¹⁾, то даетъ имъ шурина своего Михаила черниговскаго, ваявъ съ нимъ окупъ въ 1224 г. Суздальскіе полки ходятъ на выручку новгородцевъ и исконичей противъ ивънцевъ и литвъ, на чуждъ, ешь и корелу. Новгородцы и исконичи дорожили этой помощью, но тготансь самостоятельностью княжеской политики на западной границѣ, такъ какъ Ярославъ не всегда считался съ ихъ ивъстными условіями и интересами ²⁾.

А на востокъ Юрій съ братьями и племянниками ведетъ борьбу противъ нормнов, которая въ эту пору проивала значительную не только оборонительную, но и наступательную энергію, и съ камскими болгарамъ ³⁾; для этой борьбы создана имъ новый опорный пунктъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Не забыты и другія традиціи суздальской политики: Юрій поддерживаетъ зависимость отъ Суздальскими южваго Переяслава ⁴⁾, усиливаетъ свое вліяніе въ Черниговщинѣ, пользуется свойствомъ своимъ съ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ ⁵⁾. Рязанскихъ князей, плѣненныхъ Всеволодомъ

¹⁾ Новгородцы „послаша къ великому князю Юрью, глаголюще: „аще не хоцеша у насъ держати смьзъ свою, то идай намъ брата своего“, и ваявъ имъ брата своего ваяла Ярослава“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 129, подъ 1222 г.).

²⁾ Характерны упрекъ исконичей Ярославу въ 1228 г.: „Приндоша полки къ Ярославу изъ Переяслава въ Новгородъ, хотяще ити на Рязь. Исконичи же, то сѣдяше, послаша къ Ярославу глаголюще: тебѣ, княже кланяемься, не ходи къ намъ, имъ съ рязаню миръ ваяти, а на путь съ нами не идемъ; ходиши есте къ Кошманю и серебро ваяете, а правды не учиняете, такоже и въ Каск, а сами отидоша въ Новгородъ, тояко раздражиша, и зато нашу братью ивънцы ибиди, а вимъ въ полонъ сваяли, аще тако сдумали есте, то и мы противу васъ со святою Богородицею“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 178, Пековск. I, хвт., подъ 6786 г.).

³⁾ 1226, 1228, 1232 гола (Лаврентьевская лѣтопись, стр. 426, 428—9, 437).

⁴⁾ Юрій посылалъ туда княжить племянника Всеволода Константиновича (1227), брата Святослава (1228).

⁵⁾ Въ 1236 г. Юрій ваятался въ усобицу шурина своего съ княземъ Олегомъ Курюкиемъ, ходялъ ему въ помощь съ племянниками—Константиновичами и „отвори муръ межъ ими“ при содѣяствіи митр. Карла. Лаврентьевская лѣт., стр. 436.

Юрьевичемъ, Юрій отпустилъ въ шлъ отчину, а послѣ злодѣйскаго забіенія шести князей Гѣбѣомъ и Константиномъ Владиміровичами помогъ Ингардо Игоревичу одолѣть братоубійцъ и утвердиться на рязанскомъ княженіи.

Суздальская полнота и при Юріи идетъ по слѣдамъ Всеволода Юрьевича. Внутренніи смуты и многокнѣжніе расшатываютъ единство Суздальскимъ, но оно далеко еще не разрушено. Съ другой стороны, по даннымъ нашихъ источниковъ нельзя установить—для времени до татарскаго нашествія—какіе-либо примѣры выдѣленія частей Ростовско-Суздальской земли въ вотчинное, опричное владѣніе отдѣльныхъ князей. Въ смѣшъ княжескихъ похлѣній, конечно, намѣчаются, какъ бывало и въ Кіевской Руси, вотчинныя связи и притязанія отдѣльныхъ княжескихъ линий на опредѣленные города и волости, но нѣтъ еще фактовъ вотчиннаго распада обширной Ростовско-Суздальской земли. Исторія междукняжескихъ отношеній на русскомъ сѣверо-востокѣ представляетъ принципиальный интересъ только съ кончиной Всеволода Юрьевича (1212 г.). До этого момента нѣтъ и повода ставить вопросъ объ образованіи какихъ либо «вотчинныхъ княженій» въ Суздальщинѣ.

Планы и распоряженія Всеволода о будущей судьбѣ его владѣній извѣстны намъ только по такимъ рассказамъ современниковъ-гѣтовисцевъ, которые носятъ явные слѣды пережитыхъ по смерти Всеволода смуть и пропалкнуты опредѣленными княжескими тенденціями.

Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ правилъ столь же «самовластно», какъ Андрей Боголюбскій, владѣвшихъ князей онъ держалъ подручными, исполнителями своей воли. Въ рассказѣ о немъ гѣтовиси устанавливается новая политическая терминологія: титулъ «великаго князя» послѣдовательно означаетъ «старѣйшину» среди русскихъ князей¹⁾; впервые встрѣчаемъ въ нихъ и обращеніе князей къ великому князю: «господюле». Какъ же представлялъ себѣ Всеволодъ постановку преемства власти—послѣ себя? Повѣствованіе, которое даетъ нѣкоторый отвѣтъ на подобный вопросъ, находимъ въ гѣтовисскомъ сводѣ по слѣску «мнѣха Даврентія»; оно вошло въ этотъ сводъ, видимо, изъ ростовскаго источника, такъ какъ явно составлено сторонникомъ князя Константина Всеволодовича. Усерднымъ стремленіемъ его обосновать право Константина на старѣйшинство по кончинѣ отца облачается, при томъ, полемическое настроеніе, нагѣнное борьбой за это право между братьями Константиномъ и Юріемъ. Сообщая, какъ въ 1206 (6714 г.) Всеволодъ посмалъ сына своего Константина на княженіе въ Великій Новгородъ, этотъ повѣствователь выжили великому князю въ уста такую рѣчь: «сыну мой Константине, на тебе Богъ положилъ переиме старѣйшинство во всей брати твоей, а Новгородъ Великій старѣйшинство имать

¹⁾ Cp. L. K. Gosta, „Der Titel Grossfürst in den ältesten russischen Chroniken“ (въ „Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte“, т. I, кн. 1 и 2).

князю во всей Русской земли; по имени твоему тако и хвала твоя: не токмо Богъ полагая на тебѣ старѣйшинство въ братья твоя, но и въ всей Русской земли, и къ тебѣ даю старѣйшинство, пойдя изъ своей городъ». Тутъ же—взбращеніе въ приводятомъ, риторическомъ токъ обстановкѣ поставленія Константина на новгородское княженіе отъ руки отца, великаго князя: Всеволодъ вручаетъ сыну «крестъ честный и мечъ»—известію на «пасенье людей своихъ отъ противныхъ»; провозгласть его «вся братья его» всѣ бояре отца его и всѣ купцы (или: всѣ мужи отца его и «вся людье») и «вся послы братья его». Сбитость нѣкоторыхъ чертъ въ этомъ изложеніи, капризѣ—несогласованность лчлага присутствія братьевъ Константина и роли ихъ «пословъ», ибываетъ признаеть весь рассказъ позднѣйшимъ риторическимъ сочиненіемъ, а склоняеть къ мысли, что въ немъ гнѣшннко асламенно отразилась запись, болѣе отчетливая и, ибронтно, воспроизводившая нѣчто, дѣйствительно бывшее ¹⁾. Торжественно, по этому рассказу, встрѣчаютъ Константина новгородцы «отъ мала и до велика» съ епископомъ Митрофаномъ, крестныхъ ходомъ, ведутъ его въ храмъ св. Софіи, гдѣ и совершевъ обрядъ посвященія его на столъ княженія ²⁾. Весьма ибронтно, что княжннкъ-сторонникъ Константина использовалъ простой рассказъ объ отъѣздѣ Константина въ Новгородъ и его провозагъ, и внесъ въ него рядъ многозначительныхъ чертъ, чтобы создать сцену, которая могла бы содервать въ политической значительности съ обстановкой, изъ ладои Всеволодъ передавалъ старѣйшинство Юрію. Существенно не фактическое содержаніе этой сценки, а вложенная въ нее тенденція. Передъ нами нѣчто новое, чуждое Киевской Руси, чуждое и новгородскому гнѣтонисанію: попытка сдвнать право Константина на великое княженіе (на старѣйшинство не только во всей братьѣ-князьяхъ, но и во всей Русской землѣ) съ его княженія въ Великомъ Новгородѣ, съ тѣмъ, что «Новгорода Великаго старѣйшинство имать князю во всей русской землѣ». Зарождается новая историческая концепція великокняжеской власти, которая, съ одной стороны, будетъ жить въ наименованіи сѣверо-русскихъ гнѣтонисаніемъ великаго княженія «Владимірскихъ и Великаго Новгорода», а, съ другой, придаеть особую многозначительность новгородскому премаію о Рюрикѣ, первомъ князѣ русскомъ. Концепція эта, какъ еще увидимъ, получаетъ твердую опору въ реальномъ значеніи, какое ннѣло для великихъ князей обладаніе Великимъ Новгородомъ.

Но и въ данномъ частномъ случаѣ, въ вопросѣ о Константинѣ и его притязаніяхъ на старѣйшинство, нашъ княжннкъ не такъ далеко ушелъ, по существу, отъ исторической правды, осващая по своему отношенію къ сно-

¹⁾ Лаврентьевская гнѣтониса, стр. 400—401. Вѣроятно братья провозагъ Константина часть пути (до урѣкъ Шадевиня), а ихъ „послы“ и дахте?

²⁾ Тамъ же, стр. 402.

ему князю—его отца Всеволода Юрьевича. Положение Константина при отцѣ было, дѣйствительно, исключительнымъ. Въ то время, какъ Всеволодъ держалъ оставшіяся веросыкъ симоуеи на княженіяхъ въ Суздальщину (въ Новгородѣ, Рязани, Переяславѣ южнѣмъ), отъ Константина отозвалъ въ 1207 г. изъ Новгорода и « остави у себя», давъ ему «Ростовъ и нѣхъ пять городовъ ¹⁾ да ему къ Ростову» ²⁾. Дальнѣйшій ходъ событій показывается, что тутъ не было выдѣла Константину «вотчины» или «удѣла».

Характерно, что Лаврентьевскій своде не сохранилъ разсказа о столкновеніи Всеволода съ симоуеи Константиновъ по вопросу о дальнѣйшихъ судьбахъ великаго княженія. Свѣдѣнія объ этомъ (столкновеніи дошли до насъ только въ богѣе позднихъ сводахъ, всего полнѣе въ Воскресенской лѣтописи, которая сообщаетъ подѣ 1211 г.: «посла князь великій Всеволодъ по сыну своему Константину въ Ростовъ, далъ ему по своему мнѣнью Володимеръ, а Ростовъ Юрью далъ; онъ же не хъ ко отцю въ Володимеръ, хоти вѣсти Володимеръ къ Ростову; онъ же посла по него, вторичею зна къ себѣ, и тако пакы не иде ко отцю своему, но хотѣше Володимеръ къ Ростову» ³⁾. Текстъ этотъ уже въ Никоновской лѣтописи подвергся такому толкованію, которое выдвигало вопросъ о соперничествѣ Ростова и Владиміра; тутъ онъ передѣланъ въ рѣчь князя Константина, который говоритъ отцу: «помеже много возлюбилъ мя еси и старѣйшаго ми сына мнѣши и старѣйшаку ми хочещи устроить, то дамъ те старѣйшій градъ Ростовъ и къ нему Володимеръ; аще не хочеть твою честность тако сотворити, то дамъ ия Володимеръ и къ нему Ростовъ» ⁴⁾. Весьма вѣроятно, что къ этому

¹⁾ По предположительному мнѣнію А. В. Звенигородскаго, это были: Костянъ, Угличъ, Молога, Ярославъ и Вѣлозеро («Вышніе удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 66, пр. 215).

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 412.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117; и кратко въ Типографіи, изд. 1764 г., стр. 8.

⁴⁾ Этотъ текстъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 63) осторожно ставитъ аналитически: либо Владиміръ къ Ростову, либо Ростовъ къ Владиміру; такъ же осторожно выражается С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 580): Константину «напрямую хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ». В. И. Сергѣевичъ ловитъ лживаго-лѣтописца на словѣ «къ Ростову» и видитъ мотивъ Константина въ стремленіи вернуть Ростову его прежне преобладающее влдіаніе Владиміромъ: тоже пониманіе этого выраженія и въ Никоновской лѣтописи. Однако, оно можетъ и не имѣть такого глубокаго смысла, а могло быть подсказано просто тѣмъ, что въ Ростовѣ Константинъ и до того княжилъ, а также стилистическимъ вліаніемъ фразы: «и нѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову». Вопросъ о томъ, какому изъ двухъ городовъ быть резиденціей князя могъ, однако, и даже долженъ былъ, казалось бы, возникнуть въ связи, если не съ политическимъ «старѣйшинствомъ» Ростова (Сергѣевичъ) или «старинными притязаніями ростовцевъ» (Соловьевъ), то—съ церковно-административнымъ значеніемъ Ростова. Соединить стольное званіе Владиміра съ утвержденіемъ въ центръ церковнаго управленія было мнѣніемъ кн. Андрея Боголюбскаго. Весьма вѣроятно, что фактически митрополиты Ростовско-Суздальскіе часто пребывали во Владимірѣ, гдѣ жилъ великій князь. Что эти вопросы поднялись съ новой силой

же моменту относится и назначение Ярославу Всеволодовичу—Переславу, а Владимиру—Юрью Польшского ¹⁾.

Старшинство во всей братьи Всеволодь определенно связывает со старшим Владимирским княжением, а равногласие с князю Константином въ стремлении этого князя сохранить въ своихъ рукахъ и Ростовъ и Владимиръ. И Всеволодь не отнялъ у него Ростова, но передалъ Владимиру—Юрию, а съ Владимирскимъ княжениемъ связанное съ князю «великокняжеское» старшинство.

«Князь великій Всеволодь созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ воюстей и епископа Иоанна и игумены, и попы, и купцы, и дворники и вси люди, и да слышу своему Юрю Володимерю по себѣ и воли всѣхъ по кресту, и пѣловаша вси люди на Юря; приказа же ему и братьямъ своимъ ²⁾. Въ остальномъ рядъ Всеволода остался, надо полагать, тотъ же. «Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго» приводитъ и наставление Всеволода сыновьямъ о сохранении ими единчества: «и же мовѣта ратитиси самъ между собой, но аще на васъ встанеть кто вмѣхъ князій, то вы вси совокупившеси на нѣхъ будите, и буди вамъ Господь помощникъ и святая Богородица, и молитва дѣда вашего Георгия и праѣда Володимера и потомуъ и азъ благословлю васъ». Характерно тутъ представленіе о завітѣхъ Владимира Мономаха, Юрия Долгорукаго и Всеволода Юрьевича, которыми должны руководиться потомки; представленіе это долго будетъ жить и въ княжеской традиціи и въ общественной всеярусской мысли: въ свое время князьникъ-лѣтописецъ, отбѣчая закрѣпление великаго княжения за Иваномъ Калитою, вспомнилъ о князѣ и заветы, что Иванъ Даниловичъ получалъ «княжение великое надо всею русскою землею, яко же и праотецъ его великій князь Всеволодь Дитрій Юрьевичъ ³⁾».

во время раздоровъ между Всеволодовичами, видно изъ того, что въ 1214 г. «Иоанъ, епископъ Суздальскій, отписалъ епископамъ всюя земля Ростовская», и тогда кн. Константинъ проважъ поставленіе на ростовскую епископію своего духовника игумена Платона, а кн. Юря—поставленіе игумена Симона—, епископомъ Суздалью и Володимеру» (Лаврент. лѣт., стр. 416). Однако, въ 1217 г., когда Константинъ добился старшинства надъ Юремъ, онъ садится «въ Володимеръ на столъ», сохранивъ за собой и Ростовъ; Юря перешель въ Суздаль.

²⁾ «Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго» (изд. кн. М. А. Оболенскимъ во Времешней Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IX, и отд. М. 1851, стр. 110) сообщаетъ о «радѣ» Всеволода дѣтямъ: «тогда же въ животѣ своемъ рождъ волюсти дѣтемъ своимъ—большому Константину Ростовъ, а володѣ Гурько Володимеръ, а Ярославу Переславу, Володимеру Гурько, а меньшему, Святослава и Иоанна, а да Гурько на рудѣ река: ты кнзъ буди въ отца мѣсто, а князь я, яко же и азъ имѣхъ я». Съ первоначальной въ этихъ текстѣ Ростовъ и Владимиръ (Константину Владимиръ, Юря—Ростовъ) записъ, повидному, точею передавала бы первоначальный рядъ Всеволода, но текстъ измѣненъ преимущественно къ позднѣйшимъ отношеніямъ—въ моментъ смерти Всеволода. На это указываетъ подчеркнутое старшинство Константина и порученіе Юря только младшихъ, еще малолѣтнихъ, Святослава и Иоанна Всеволодовичей.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 117.

²⁾ «Новгородская лѣтопись по хартевому списку», изд. 1859 г., стр. 437.

Многое изжилося из строя Ростовско-Суздальской земли ко времени кончины Всеволода Юрьевича. Суздаль явно отступает на второй план, ослаб недоугого соперничества в земском значении с Ростовом. Рядом с великокняжеским Владимиром стоит Ростов, в котором Константин Всеволодович видит столь же необходимую опору своего старейшинства, как и в стольном Владимирѣ. Его сторонники — гѣтисеица, чье изложение определяло состав дашкой части Лаврентьевскаго свода, все опускает сообщеніе о передачѣ старейшинства Юрію и о надѣленіи княземъ Ярослава и Владимира, словно въ «рѣдѣ» Всеволода и рѣчь то шла только о великокняжескомъ преемствѣ. Этотъ гѣтисеица выражалъ, очевидно, ростовскіи тенденціи, стремленія ростовскаго боярства. Но общественныи силы, съ которыми приходилось считаться княжеской власти въ Ростовско-Суздальской землѣ, не улаживаются въ представленіе о боярствѣ одного города. Вспомнимъ еще разъ, какъ по смерти Андрея Боголюбскаго судьбы земли рѣшались на съѣздѣ во Владимирѣ «Ростовцевъ и Суздальцевъ и Переяславцевъ и всей дружины—отъ мала и до велика»; переговоры этого съѣзда съ княземъ гѣтисеица называется «рѣчью дружиною»¹⁾. Тутъ не одни бояре дѣйствуютъ, а «вса дружина», т. е. «бояре и гридьба и псалыни»²⁾. Но бояре нешатъ судьбыи земли. Они признали на княженіе стариннаго племянника Всеволода—Ростиславича, иъ князю гѣтисеица-владимирецъ за «многоу тяготу» землѣ отъ управленія еталь князей³⁾; и въ нихъ вса опора князей⁴⁾. Лишь въ борьбѣ съ ними утвердилъ Всеволодъ свою власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, опираясь на свою личную дружину, на владимирцевъ и на то «что быше бояръ осталось у него». Среди стариннаго бояръ-противниковъ Всеволода выступаютъ поминкомъ, какъ крупныи фигуры, Добрыня Додгій, Матвій Шабутоничъ, Иванко Степановичъ. Побѣда Всеволода на Юрьевскомъ полѣ ознаменована разгромомъ этого боярства: немѣ погибли въ бою, другіе вѣннены, а села боярскіи, кони и скотъ разграблены побѣдителями⁵⁾. И Всеволодъ правитъ, «не обинуясь лица смѣлыхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работающихъ скроты и насилье творящихъ»⁶⁾. Однако и онъ окруженъ «спальными боярами». Тѣ самыи бояре, которые разстроили въ разгаръ княжеской усобицы попытку князя помириться путемъ раздѣла владѣнія Ростовско-Суздальской землей⁷⁾, сие-

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 353.

²⁾ Тамъ же, стр. 360.

³⁾ «А сама князя могода боги, слушахъ бояръ, а бояре учашуть а на многое извѣе»—тамъ же, стр. 355.

⁴⁾ «А бояре княю тою дармахуся крупно», тамъ же, стр. 356.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 361—362.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 415.

⁷⁾ Всеволодъ предлагалъ Мстиславу Ростиславичу помириться на томъ, что уступалъ ему Ростовъ, куда того привела «старѣйшая дружина», а себѣ (съ братомъ) сохранилъ Владимиръ; «а Суздаль—будѣ намъ обче, да ного восхотати, тогъ нѣ будѣ князь» (тамъ же, стр. 361).

равнясь передъ силой Всеволода, когда онъ сталъ однимъ великихъ князей всей земли. Что тутъ дѣло шло не только о соперничествѣ городовъ, но и о болѣе глубокой особенностяхъ строя Ростовско-Суздальской земли, называемыхъ событія 1211 г., когда Всеволодъ Юрьевичъ—въ мовоку раздорѣ между ростовскими князьями Константиномъ и владимирскими Юриемъ—заключилъ свой «рядъ» на многолюдномъ съѣздѣ, который И. Е. Забѣлау представлялся «первымъ земскимъ соборомъ». Перечень общественныхъ группъ на этомъ съѣздѣ вызываетъ сомнѣнія потому, что текстъ ¹⁾ дошелъ до насъ въ поздней редакціи ²⁾. Но общій смыслъ извѣстія едва-ли долженъ терять отъ такого сомнѣнія: передъ нами явленіе, сходное съ тѣмъ съѣздомъ, каковой былъ во Владимірѣ послѣ убійствъ Андрея Боголюбскаго или при провозахъ Константина Всеволодовича изъ новгородское княжескіе въ 1206 г. ³⁾. Такой съѣздъ именуется Всеволоду, чтобы провести то «укрѣпленіе съ людьми», которое обещивало бы осуществленіе его «ряда». Но въ Ростовско-Суздальской землѣ это «укрѣпленіе» не съ вѣчанъ стопагого города, а со всей земли на съѣздѣ «всѣхъ бояръ съ городовъ и волостей», духовенства съ епископомъ во главѣ, и всей дружины при соборанъ горожанъ—купцовъ и «всѣхъ людей» ⁴⁾.

Назначеніе особымъ княжескімъ отдѣльнымъ сыновьямъ не противорѣчиво, по прежнему, представленію о единствѣ земли, во главѣ которой стоятъ старѣйшина во всей братіи. За этимъ старѣйшиной утверждался въ Ростовско-Суздальской землѣ титулъ «великаго князя», и его политическое значеніе укрѣплено крестоположеніемъ «всѣхъ бояръ» и всей дружины—не одного лишь стопагого города. Мы видимъ, что Юрій Всеволодовичъ, укрѣпившись

¹⁾ См. вышн., на стр. 107.

²⁾ Слово «дворанъ» княжескіе XVI вѣка, вѣроятно, передаетъ слово: «и всю дружину», или «градубу и ласкии». Слово «купца» выветъ часто въ старихъ летописныхъ текстахъ широкое значеніе—горожане (ср. формулу новгородскихъ договорныхъ грамотъ: «лю купецъ тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ полтавца въ свой погостъ»; «и смерда, и купции» значитъ—всѣхъ изъ населенія земли).

³⁾ Такъ показъ это извѣстіе и составитель Новгородской летописи, пересказавъ его по своему: «князь велики Всеволодъ Юрьевичъ сова все бояре свои и кати омыкати о смѣхъ своимъ Константины, и много о смѣхъ словесъ быша, и не може како устанити о немъ; таме посла по отца своего Ивана епископа и много советованне о семъ, но убо князь велики Всеволодъ вослой дати Володимиръ другому сыну своему князю Юря. И тако посла по сына своего по князя Юря и даде ему градъ Владимиръ со всѣми бояры и со всѣми людьми и всѣхъ укрѣпи въ нему крестимы члнованіемъ и даде ему и все дѣти своя, а его братъ» (П. С. Р. Л., т. X., стр. 64). Ср. «Кляное право», стр. 149—152.

⁴⁾ Ср. для Киевской Руси: приглашеніе Святославомъ Навславиичемъ и Владиміромъ Мовомаломъ Олега Святославича прійхать въ Киевъ: «да порядъ положимъ о Русской землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи степевашкии и предъ юдими градскими» (Лаврентьевская лѣт., стр. 222) или радъсать о передачѣ Всеволодомъ Ольговичемъ Киевскаго стола брату Игорю (Ипатьевская лѣт., П. С. Р. Л., т. III, ст. 320).

на великомъ князѣнѣ по смерти старшаго брата, идетъ подлинную «великокняжескую» политику, руководя всѣми силами Ростовско-Суздальской земли. Лишь одно извѣстіе о взрывѣшемъ было въ 1229 г. столбовскія его съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами указывать на непрочность этого «единства», поскольку его основа въ «одиначествѣ» князей. Намѣтившіеся при немъ зачатки вѣчнаго раздѣла Ростовско-Суздальской земли—лишь поддѣлы, чѣмъ на югѣ, выросли въ господствующее явленіе мѣстной политической жизни. И ни эти зачатки, ни сохраненіе политическаго единства при многокняжѣн, ни столкновеніи князей съ боярствомъ—ничто не дало достаточнаго основанія строить рѣзкую антитезу между югомъ и сѣверомъ даже XII и начала XIII в.в., особенно въ объясненіе, какъ возникло «удѣльное» или «вотчинное» дробленіе политическаго властвованія. Единство обширной земли—прочіе и устойчивіе на русскомъ сѣверо-востокѣ, чѣмъ въ какой-либо иной русской области; и истре тутъ, чѣмъ гдѣ-либо, выступать опора земснаго единства въ боярствѣ и сплоченнаты нмъ общественныаъ снзатъ. «Сильная земля Суздальская» живете своааи мѣстными интересамъ, политическими и торговыми, чѣмъ дальше. тѣмъ больше отрывая своааи князей отъ болѣе широкаго «обще-русскаго» круговора. Но южный поэтъ—авторъ «Слова о полку Игоревѣ» былъ правъ, когда обратилъ упорство въ забвеніи прежнихъ традицій «Русской земли» не только къ Всеволоду Юрьевичу, но и къ Ярославу Осмомыслу галицкому, къ Волынскимъ Мономаховичамъ, смоленскимъ и половецкимъ князьямъ. Раздѣленіе политическихъ интересовъ отдѣльныхъ областей—общая черта русской исторической жизни XII вѣка. Суздальщина становится особымъ семейнымъ владѣніемъ одной линіи княжескаго рода вслѣдъ за землями Полоцкой, Галицкой, Черниговской, одновременно со Смоленской и Волынской. Поясую это обособленіе областей связано съ упадкомъ политическаго значенія «вѣчного гражданства» и съ усиленіемъ княжеской власти. Поясую наблюдаемъ усиленіе вліянія бояръ на внутреннія и внѣшнія судьбы земель-княженій, и борьбу съ ними князей «самовластцевъ». Борба эта успѣшнѣе на сѣверѣ и даетъ болѣе прочные результаты, но и тутъ не приходится говорить о паденіи политическаго преобладанія «руководящихъ классовъ» мѣснаго общества». Наконецъ, въ стремленіи къ «подчиненію младшихъ родичей, какъ подручниковъ, старшему князю государю-самовластцу» Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ идутъ по слѣдамъ Владиміра Мономаха и Мстислава Владиміровича, осуществляя исконную тенденцію старѣвшнства «въ ота мѣсто». Князья русского сѣверо-востока сохраняи единство своего «вѣснаго княженія», построеннаго на традиціонной основѣ, до грозной годины татарскаго нашествія¹⁾ пережило оно и эту грозу.

¹⁾ Слова въ вышнихъ—В. С. Кавчавскаго, Курсъ русской исторіи, т. I, стр. 410.

ГЛАВА I.

Владимирское великое княжение и восточные княжества въ XIII в.

I.

Въ наученіи «владѣльческихъ отношеній потомковъ Всеволода» В. О. Ключевскій, слѣдуя точкѣ зрѣнія, установленной С. М. Соловьевымъ, считалъ возможнымъ «забыть на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей Русь была завоевана татарами». По его мнѣнію «явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно, безъ перерыва, развиваются въ условіи, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома въ XII в.»¹⁾

Въ этомъ сужденіи сказалось прямолинейное пониманіе идеи «органическаго» развитія, характерное—не для В. О. Ключевского, а для «юридической школы»; ея своеобразный социологическій догматизмъ ведетъ къ изученію эволюціи формъ и началъ политическаго строя внѣ связи съ общими условіями политической жизни. А, между тѣмъ, общія условія такъ глубоко измѣнились для всего русскаго сѣвера послѣ татарскаго разгрома и утвержденія владычества Золотой Орды, что не могло это измѣненіе не повліять весьма сильно на укладъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Великороссіи, а, стало быть, на дѣятельность ея правящихъ слоевъ и, тѣмъ самымъ, на ихъ строй и положеніе въ великорусской средѣ. Принекимы общеполитическіе факты.

Образованіе Золотоордынскаго царства подорвало болгарскія отношенія Суздальскимъ и если не совсѣмъ парализовало, то измѣнило рѣзко къ худшему условія новоземской торговли²⁾. Боевое наступленіе и колониза-

¹⁾ «Курь русской исторіи», т. I, стр. 414.

²⁾ При суммарной характеристикѣ внутреннего состоянія русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины к. к. Василія Васильевича Темниго" («Ист. Росс.», т. IV, гл. 8), С. М. Соловьевъ приходитъ къ иному заключенію о судьбѣ новоземской торговли въ татарскую эпоху: «послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и басмаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русской...; при томъ же, по простотѣ перваго двадцати лѣтій, тяжесть ея начинать уменьшалась, и послѣ виднѣя значительное развитіе

ционное расширение Владимиро-Суздальской Руси на восток надолго остановлено. Наглядным признаком значительного обеднения Суздальщины в XIII в. является судьба ее церковного строительства: оно настолько заглохло, что «строительными традициями Владимиро-Суздальской архитектуры были уже почти забыты» к тому времени, когда из Москвы возникли опыты их возрождения¹⁾. Связь с Поддубровьем почти вовсе оборвана, хоть и поддерживаются сношения с юго-западной Русью. Южный Переяславль исчезает с исторической сцены; Черниговщина, погруженная в процесс быстрого распада, стоит—до поры, до времени—вне суздальских интересов. Общее сужение кругозора и стеснение активной деятельности—необходимая предпосылка для научения политического распада и эволюции внутренней жизни русского сѣверо-востока. В стесненных условиях, подрывавших постановку более широких задач деятельности, падает значение Владимиро-Суздальщины как централизованной политической жизни Владимиро-Суздальской Руси. На западе хлынет независимость Новгородца, несмотря на все усилия «язовских» князей поддержать свою власть в Новгороде; замреть на время их наступление к сѣверу и сѣверо-востоку, и Новгородца не испытывает, как прежде, постоянного угнетения своих путей и даней. Время великих князей Ярослав Всеволодовича, его сыновей и внуков сложным периодом заката силы великого княжества Владимиро-Суздальского. Постепенно нарастает агония великокняжеской власти старого типа; агония эта вызвана упадком интересов, которые питали потребность объединения, давлением татарской власти, усилением самостоятельности Великого Новгорода. Эти явления вырывали у Владимиро-Суздальских князей почву для усиления своей власти над младшими

восточной торговли и военного судоходства; даже с осторожностью можно положить, что утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в восточных Долах и вступление России в число зависимых от Орды владений—очень много способствовало развитию восточной торговли» (Ист. Рос., кн. I, ст. 1234). Однако, времемъ „самымъ благоприятнымъ для восточной торговли“ С. М. Соловьевъ признавалъ „время отъ Дмитрія Дюковскаго“ и поводитъ примѣръ, указывающій на торговую значительность Нижняго Новгорода. Изъ которыхъ подъемъ русской восточной торговли (какъ и начало возрожденія колонизаціоннаго движенія къ востоку и русской боевой охоты на восточной окраинѣ Владимиро-Суздальскаго княжества—ко второй четверти XIV вѣка—съ образованіемъ Нижегородскаго великаго княжества (тогда на примѣръ—характеренъ для незаконопачившей его самостоятельности). Но подъемъ этотъ—въ связи съ татарскимъ покровительствомъ торговцѣмъ, и едва ли есть у насъ основаніе говорить о столь послѣдовательной экономической политикѣ ордынскихъ владыкъ.

¹⁾ Ф. Ф. Горностаевъ („Очеркъ древняго зодчества Московскаго“—въ „Путеводителѣ по Москвѣ“, изд. Моск. Архитект. Обществомъ) отмѣчаетъ, что „въ это время перерыва“ известнымъ лишь постройкамъ—съ Спаса въ Даниловомъ монастырѣ подъ Москвой (въ 1272 г.) и съ Спаса въ Твери (въ 1280—90-хъ г.г.).

князьми и ся оправданія широкой политикой, которая была бы дѣломъ всей сѣверной Руси и инталась бы общими интересами Великороссіи.

Мы почти лишены возможности учесть реальные послѣдствія Батыева погрома. Его удары были направлены, преимущественно, на города; но в сельское населеніе, поскольку не успѣвало укрыться въ дѣсахъ, шло въ полонъ, гнѣбо отъ избіеній, терзало скотъ и имущество, терзало кровь въ пожаратъ. «Нѣсть ни мѣста, ни вѣси, ни селъ татѣмъ рѣдко, идеже не возвахаша въ Суздальской землѣ» татарскіе загонны, твердятъ лѣтописцы. Раззореніе было огромно. Но, какъ обычно бываеетъ, одновременный, хотя и весьма тяжкій ударъ загляднися бы, самъ по себѣ, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссію съ 40-хъ годовъ XIII в. ордынская власть. Тяжкую пакать о ней наши источники усердно затушевываютъ. Однако, надо признать, что въ первое время, она была много ближе и тѣснѣе для великорусской жизни, чѣмъ ны се себѣ обычно представляемъ. По столькимъ городамъ водворились татарскіе баскаки съ мониской силой, чтобы держать въ повиновеніи князей и народъ и обезпечить сборъ даней ¹⁾. Въ ордѣ русскія княжества вѣдались даругами, чѣмъ вѣзды на Русь, какъ и другия «пословъ» ханскихъ, были и раззорительны и уничительны. Тяжкій пропивоъ чужой и чуждой власти мависъ надъ сѣверо-восточной Русью. Попытки сопротивленія насильникамъ, вспыхивавшія въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ XIII вѣка вызывали новые вѣзды и суровыя репрессіи. Русь пришлося смириться передъ властью хана и приспособиться къ новымъ отношекіямъ. Давленіе новыхъ условій сказывается на судьбѣ Ярослава Всеволодовича и на дѣятельности Александра Ярославича.

Только что слынула къ югу татарская сила, Ярославъ занялъ великое княженіе послѣ брата, погибшаго на р. Сити, и тотчасъ вступаеетъ на прежніе пути великокняжеской политики. Въ 1239 г. Ярославъ защищаетъ Смоленскъ отъ Литвы и водвореетъ на смоленскомъ княженіи вѣстнаго вочича — Всеволода Мстиславича. Защита западныхъ предѣловъ лежитъ на Ярославичѣ Александрѣ. Въ 1239 г. онъ съ новгородцами ставитъ городъ на р. Шелони, побѣдительно отражаеетъ въ 1240 г. нападеніе Шведовъ, въ 1242 г. набѣгъ на Псковъ вѣнецкихъ рыцарей. Подобно прежней дѣятельности Ярослава — новгородскаго князя, эта западная борьба Александра проказаніе политики владимѣрскихъ великихъ князей. Дорожа «низовской» обороной, новгородцы тѣготнлись нецѣбннмиъ, при такихъ условіяхъ, усилекіемъ своей зависимости отъ княжеской власти. Но въ трудную годну выхода не было. Когда Александръ, «расирѣлся съ новгородци», ушелъ въ 1241 г. «со всѣмиъ

¹⁾ Особнякомъ стоить вѣстие: «пріѣхаша члененица, ищетоша мою землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую, и ставиша достяками и соитини и тымъщивани и теменики». Объ этой организаціи больше вѣтъ свидѣній (Лаврент. лѣт. стр. 451; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161—окр.).

дворомъ своимъ» изъ Новгорода въ Переяславль, новгородцы тотчасъ послали къ Ярославу просить у него сына на княжение; великій князь «дасть нмъ сына своего князя Андрея», но они новымъ челобитнымъ просили прислать Александра, устранившаго набѣгохъ Лутамъ, ибидевъ и Чудя; «великій же князь Ярославъ дасть нмъ сына своего Александра оупя». На оборону Пскова Александръ идетъ, «ионъ съ собою брата своего и вся вол свою». Такъ и въ 1245 г., когда Литва совершила набѣгъ на окрестности Торжка и Бѣжицы, противъ нихъ слѣшать не только новоторжская и новгородская рати, но и «низовскіе» воюводы съ тверичами и дмитровцами, а довершаетъ набѣду Александръ Ярославичъ, отпустивъ новгородскую рать, «спонитъ дворохъ»¹⁾.

Осенью 1242 г. (въ концѣ 6750—начатѣ 6751 г.) вѣнчается въ судьбы Великороссіи новая сила — татарская власть. Ханскій посолъ потребовалъ вѣрѣды Ярослава Всеволодовича на поклонъ хану Батмиу изъ Золотую Орду; «и приде пожалованье»: ханъ призвалъ за нимъ, но сообщенію нашихъ лѣтописей, старѣйшимъ надъ всѣми князьими русской земли. Ярославъ ѣздилъ въ Орду съ сыномъ Константомъ, которому пришлось, по ханскому приказу, ѣхать въ далекую Монголію на поклонъ великому хану. По возвращеніи Константана въ 1245 г. Ярославу пришлось опять ѣхать къ Батмиу, а къ Орды—въ Монголію, гдѣ онъ «многое истомленіе похлать» и на обратномъ пути умеръ «вужною смертию».

Новое основаніе княжескаго права—ханское пожалованіе коснулось не одного Владимірскаго княженія. По возвращеніи изъ Орды великаго князя Ярослава и, вѣроятно, въ слухъ привезенныхъ имъ ханскихъ распоряженій, поѣхали въ Орду «про свою отчину» князья—потомки Константина Всеволодовича—Владиміръ Константиновичъ, два Васильевича Борисъ и Глѣбъ, и Всеволодоничъ Василій; Батмиу утвердилъ ихъ отчинныя права: отпустить ихъ «расудивъ нмъ кождо въ свою отчину»²⁾. Во вторую ордынскую поѣздку в. к. Ярославъ отправилъ съ собою братьевъ и съ смоничи, а переулци «изъ Татаръ въ свою отчину» его братья, Светославъ и Иванъ, съ племянниками; Ярославъ же былъ посланъ Батмиемъ въ Монголію, въ путешествіе, стоявшее ему жизни³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 149 и 152.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 447. Въѣтъ можеть, лучше читать: «расудивъ нмъ кождо свою отчину», ханъ напр. въ Роговомъ лѣтописцѣ (П. С. Р. Л. т. XV, изд. 2-ое, стр. 81).

³⁾ Конечно Ярославъ связанъ съ глумимъ извѣстіемъ о нашествіи доводъ на него: «Обаженъ бо бысть царю Федоромъ Яруковичемъ» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 156). С. М. Соловьевъ (изд. 1, стр. 832—833) приводитъ рассказъ Плато-Карпова о томъ, что Ярославъ былъ отправленъ ханомъ, и ставитъ его въ связь съ доносомъ Федора Яруковича, объясняя смерть Ярослава «разговоромъ родителей, сдѣланномъ родомъ княжескимъ усобицѣ». Въ «Исторіи отношеній между русскими князьими Рюрикова

Батый утвердил внутренней распорядок княжого владѣнія среди русских князей. Для Константиновичей нѣтъ вотчины были владѣнія отца, который передъ кончиной (1218 г.) далъ сыну Васильку Ростовъ, а Всеволоду—Ярославъ¹⁾; о какомъ-либо надѣленіи младшаго—Владимира нѣтъ упоминаній въ нашихъ источникахъ²⁾; позднее видѣніе его княземъ на Угличѣ. При в. к. Юриі эти ростовскіе отчины выступаютъ «за одного, втроемъ»³⁾. Василько и Всеволодъ погибли въ татарское иго, оставивъ малолѣтнихъ сыновей: Василько княжичей Бориса и Гліба, Всеволодъ Василія. Юные князья бѣжали въ 1244 г. съ дядей Владиміромъ Константиновичемъ въ Орду «про свою отчину», и Батый, по характерному выраженію летописца «разсудилъ», чтобы каждый изъ нихъ ѣхалъ въ свое отчину. Осторожнѣе же придаютъ рѣшительнаго значенія этому отдѣльному выраженію⁴⁾, и усмотрѣвъ въ рѣшеніи тама лишь утвержденіе *statu quo*, согласно летописному тексту, который сообщаетъ, что въ «Ростовѣ сѣдоша Васильковичи Борись да Глібъ на княженіе» еще до первой воцѣдки в. к. Ярослава на Орду; у насъ нѣтъ свѣдѣній о спорности правъ Васильковичей на Ростовъ⁵⁾; за ними признаемо нѣтъ вотчинное право, какъ признавалось оно въ старину за «Разволожана жуукани» на Полоцькѣ или за Ольговичами на Черниговѣ.

дома* (стр. 262—263) Соловьевъ заподозривалъ истину ростовскихъ Константиновичей. Но имъ ничего не знаемъ о какой-либо враждѣ съ ними Ярослава. Больше было бы поводовъ (хотя тоже недостаточно для определеннаго заключенія) сопоставить эту тему съ исторіей Ярославичей противъ дяди Святослава и съ тѣмъ, что, судя по нашимъ извѣстіямъ, доносъ Ярузичей совпалъ съ первымъ прѣходомъ въ Орду Святослава, когда князья всѣ вмѣстѣ предстали предъ ханомъ. Ср. также о неопредѣленности извѣстій относительно владѣній Святослава.

¹⁾ Лазаревская летопись, стр. 420. При великомъ князѣ Юриі Всеволодовичѣ Василько и Всеволодъ сидѣли на своихъ вотчинахъ стояли поскушными подручниками. дяди—великаго князя, участвовали его походы; о времени въ раздорѣ въ 1229 г. упоминалось выше.

²⁾ Судя по извѣстію, какъ въ 1229 г. Ярославъ Всеволодовичъ „отлучи отъ Гирга Константиновича три—Василька, Всеволода, Володимира“. Владимиръ Константиновичъ (15 лѣтъ), считается участникомъ политическаго выступления; вѣроятно, что онъ тогда же завелъ Угличей столъ поруду съ братьями; можетъ быть, согласно предположенію отца, в которомъ говорить нѣкоторые родословныя. Ср. Экземплярскій, „Воеводы и удѣльные князья старейша Руса“, т. II, стр. 125 и 15.

³⁾ Такъ въ 1229 г. (см. выше); такъ въ 1230 г. „благословѣи князи Василько и Всеволодъ и Володимиръ посаша къ отцу своему Гиргу и къ епископу Матрофану по Кириллу, игумена и архимандрита манастиря святыхъ Богородице Рождства, дабы и пустякъ на спасеніе къ Ростову“ (Лазаревская лѣт., стр. 421).

⁴⁾ Княжичи-сопоставители „Никонозово летописи“ такъ истолковали это выраженіе: Батый, „расслушавъ ихъ о семъ и разсудилъ, даде имъ вотчину ихъ“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 129).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34. Текстъ такъ же: „Летописи по Академическому списку“ (надъ дря Лазаревской лѣт. стр. 462): „ода Ростовъ, Суздаль брату Святославу“ явно копирчезъ нѣтъ: отда Ярославъ Суздаль брату Святославу“.

Василий Всеволодович остался при своемъ Ярославѣ; своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (ум. въ 1249 г.) придется коснуться ниже. Дядя этого князя, Владимиръ Константиновичъ, который могъ бы претендовать на старшинство среди нихъ, повидимому, кинулся со своимъ положеніемъ угличаго князя¹⁾; эта вѣсть ростовскаго князя сошла со слезъ съ Владимировича сымовича, и связь Углича съ ростовской отчиной оказалась невостановленной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярославля, только подъ московскимъ давленіемъ.

Младшихъ сыновей—Святослава и Ивана—в. к. Всеволодъ Юрьевичъ поручилъ передъ кончиной своей вѣть брату Юрію. Юрій далъ въ 1212 г. Святославу Юрьевъ Пальскій²⁾, но о княженіи Ивана Всеволодовича извѣствъ лишь указаніе подъ 1238 г., что ему в. к. Ярославъ далъ Стародубъ³⁾. Эти княженія и стали вотчинами для потомства обоихъ князей.

Всѣ остальные волости Владимірскаго великаго княженія—въ рукахъ в. к. Ярослава. Не въ его власти и всѣ княжескія силы великаго княженія; владѣльческій раздѣлъ въ эту пору еще не ознаменуетъ политическаго распада. Смена этого послѣдняго въ вѣдрахъ Владимірскаго великаго княженія—тѣ же, что въ Кіевской Руси времятъ сыновей и внуковъ стараго Ярослава, а переходъ великокняжеской силы надъ младшими князьями не меньше (скорѣе—больше), чѣмъ во времена Мономаха и Мстислава Великаго, и передъ ханомъ Батыемъ в. к. Ярославъ выступаетъ какъ старшинство «всѣмъ княземъ въ рускомъ языкѣ»⁴⁾, окруженный «братьями и сымовичами». Гарантія отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ ханскимъ пожалованіемъ лишь утверждала права, признаваемыя обычаями княжескаго рода, и только въ будущемъ грозила стать факторомъ политическаго упадка Владимірскаго великаго княжества и поведеть къ усиленному вышпательству ханской власти въ русскія отчины⁵⁾.

Столь Владимірскаго княженія, съ которыми—со времени Всеволода Юрьевича—связано великокняжеское старшинство, занялъ исключительно

¹⁾ Объ немъ краѣе скудем упоминаемъ. Владимиръ умеръ въ 1219 г. во Владиміръ, «взошла егъ въ его отчину на Угличъ поле къ помѣиша и въ церкви святаго Спаса» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 159). «На Угличѣ» умеръ омигъ его Андрей въ 1261 г. (тамъ же; стр. 162), а въ 1285 умеръ «Романъ Всеволодичъ Угличскій» (стр. 178). Объ вѣтъ князьяхъ ничего, кромя дѣтъ ихъ смерти, не знаемъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 118.

³⁾ Лаврентьевская лѣтъ, стр. 444; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 144; возможно, что Иванъ и раньше княжилъ въ Стародубѣ, что такъ представлялъ себя дѣло авторъ лѣтней лѣтиски въ Лаврентьевской лѣтиски: «отда Ярославъ Ивану Стародубъ» вмѣсто обычнаго «дѣсть», какъ выражаются (поправляютъ?) позднѣйшіе тексты (вспр. Воскр.).

⁴⁾ Столь необычное выраженіе Лаврентьевской лѣтиски (стр. 447) какъ бы передаетъ по своему татарскую фразеологию?

⁵⁾ Вѣтъ можетъ, въ глупѣтъ указаніяхъ лѣтиски о причинѣ гибели Ярослава Всеволодовича можно усмотрѣть вѣтъ на эту опасность. Но въ

положение въ ряду князей сѣверной Руси, подобное тому, какое въ старину занималъ «золотой столъ» кievскій. Въ притязаніяхъ на него сталкивались права на старшинство въ князьяхъ русскихъ съ вотчинными воззрѣніями. Эта двойственность княжескихъ традицій и стремленій опредѣляла извѣстную мѣрѣ междукняжескія отношенія по смерти Ярослава Всеволодовича. Безспорной вотчиной его счлоной было только Переяславское княжество. Онь получилъ его отъ отца еще при его живни ¹⁾, затѣмъ по его предсмертному ряду. «Лѣтописецъ Переяславскіи Суздальскаго» ²⁾ помѣтилъ подъ 1213 г. разсказъ о прибытіи Ярослава въ Переяславль съ тѣмъ, что отецъ «удалъ» ему переяславцевъ, а его мѣть «удалъ на рудѣ», и етогда, какъ переяславцы ему крестъ дѣловали. Приходилось затѣмъ Ярославу княжить и въ Новгородѣ и въ Рязани, но Переяславль неизмѣнно ему «свой» городъ. Та же близкая связь сохраняется и во время великаго княженія Ярослава: въ Переяславлѣ княжить старшій Ярославичъ Александръ, а городъ остался вотчиннымъ владѣніемъ его потомковъ, именно старшей линіи, перейдя въ силу его Дмитрію и плуку Ивану. Однако, какъ еще увидимъ, тѣсная и длительная связь переяславскаго стола съ великимъ княженіемъ наложила особую печать на отношеніе князей къ Переяславу и придала ему нѣсколько исключительное значеніе ³⁾. По выдѣленіи Ростова изъ отчины Константиновичей, особую связь съ великокняжескимъ столомъ сохранилъ и въ богѣ значительный городовъ—и Суздаль. Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ его брату Светославу, но Суздаль не сталъ вотчиной для Светославичей, подобно Юрьеву Польскому; повидному, Светославъ его утратилъ вѣстѣ съ великимъ княженіемъ ⁴⁾, а сама передача Светославу Суздаля могла быть связана съ рядомъ между братьями о будущей судьбѣ великокняжескаго стола.

исторіи Александра Невского увидимъ и другую сторону тѣхъ же русско-татарскихъ отношеній: попытка хановъ съ раннихъ временъ вступить на путь попытки утвердить ордынское владѣнство надъ русскими улусомъ уславіемъ великокняжеской власти въ рукахъ единаго представителя Руси передъ ханомъ Золотой Орды.

¹⁾ Въ 1206 г., когда Ярославу пришлось уйти изъ Переяславля въявн, Всеволодъ «посадилъ» его въ Переяславль Залѣскомъ (Лаврент. лѣт., стр. 406); онъ участвуетъ въ отцовскихъ походахъ во главѣ переяславцевъ (тамъ же, стр. 410).

²⁾ Стр. 110.

³⁾ А. В. Энциклопедическій отмѣчаетъ ту же особенность и для XII в.: «великаго княженія, по образованіи великаго княженія Владимірскаго, былъ какъ бы необходимъ принадлежностью послѣдняго: великіе князья сажали въ немъ или смысловъ своихъ или самыхъ близкихъ родичей», а, по временамъ, Переяславль принималъ «въ личнымъ владѣніемъ великаго князя» (Указ. соч., т. II, стр. 4).

⁴⁾ А. В. Энциклопедическій полагаетъ, что Светославъ владѣлъ Суздалемъ до самой смерти, т. е. до 1252 г.; считаетъ, что Суздаль, по смерти Светославича принадлежалъ къ великому княженію, какъ «вмороженъ удалъ», хотя тутъ же сообщаетъ о переходѣ Юрьевъ Польскаго къ Светославичу Дмитрію (т. II, стр. 257—258); говоритъ и о какой-то «привадежности» Юрьевъ къ Суздалю (стр. 25, пр. 57).

По смерти Ярослава «Святославъ князь, сынъ Всеволодъ, сѣде въ Володимери на стогѣ отца своего, а сыновци свои посади по городамъ, якоже бѣ нѣкъ отецъ урядилъ Ярославу». Однако, Ярославичи не примирялись съ переходомъ Владимира и всего великаго княженія къ дядѣ Ярославу. Андрей Ярославичъ и, вслѣдъ за нимъ, Александръ поѣхали въ томъ же 1247 году къ хану Батю, а ханъ послалъ ихъ въ Монголію «къ Калочичамъ», наследникамъ великаго хана. Святославъ не дождался ихъ возвращенія на великокн. княженіи; «сѣде гдѣто едино» и согналъ его съ Владимірскаго стола третій Ярославичъ, Михаилъ Хоробритъ.

По отрывочности дошедшихъ до насъ свидѣній объ этой порѣ, вопросъ о ближайшихъ мотивахъ смуты, о томъ, наприкѣдъ, стоятъ ли она въ связи съ темной исторіей гибели Ярослава Всеволодовича—не разрѣшима, но, предположительно, какъ выше было указано, такая связь представляется вѣроятной. Впрочемъ, даже признаніе этой вѣроятности мало чему поможетъ, разъ мы не знаемъ существа разыгравшейся въ Ордѣ интриги и содержанія двукратныхъ переговоровъ Ярослава Всеволодовича съ ханомъ Батюмъ. Одно лишь поведеніе сыновей Ярослава можетъ навести на предположеніе, что, быть можетъ, уже ихъ отецъ, утвердивъ свое положевіе относительно Золотой Орды, сдѣлалъ попытку установить преемство на Владимірскомъ стогѣ, въ обходъ притязаній боковыхъ линій, за примыкъ своихъ родственниковъ. Такия попытки—не новость въ междукняжескихъ отношеніяхъ: если не вспоминать о старомъ Ярославі, прикѣдъ тому дати дѣяствія Владимира Мономаха, старшаго Мономашича Мстислава, да и всей старшей линіи Мономахова рода ¹⁾.

Какъ бы то ни было, таковыя притязанія самихъ Ярославичей. И они нѣтъ ужъ успѣли, въ нѣсколько неожиданной (быть можетъ, боже неоложданной для насъ, чѣмъ для нихъ) ²⁾ формѣ. Дѣло, если судить буквально по гѣтописной записи, какою дати намъ Лаврентьевская гѣтопись, рѣшалось не въ Золотой Ордѣ, а при великокавказскомъ дворѣ. Калочичи—приказаша Олександрови Князю и всю Русскую землю, а Андрей сѣде въ Володимирѣ на стогѣ ³⁾. Какъ представлялся этотъ раздѣлъ на дѣли, трудно угадывать: видно только, что Новгородъ—подъ властью Александра, а Переяславъ перешелъ отъ него къ Андрею ⁴⁾. Поѣздка Святослава Всеволодовича въ

¹⁾ Ср. «Княжое право», стр. 80—81; ср. о Всеволодѣ Ольговичѣ—тамъ же, стр. 80—81.

²⁾ Представляется вѣроятнымъ видѣть тутъ черту гавской политики, искавшей способа утвердить за собой господство и задъ южной и западной Русью; однако форма могла быть подсказана только русскими людьми, но, конечно, не Александромъ Ярославичемъ.

³⁾ Лаврентьевская кнѣга, стр. 448.

⁴⁾ Александръ при дальнѣйшихъ событіяхъ—въ Новгородѣ; а татарское нападеніе въ 1253 г. постигнетъ Андрея у Переяслава, и тутъ, въ Переяславѣ, захло-

Орду, если она вышла цѣлью добытіе великокняжескаго стола, не привела ни къ чему; ему пришлось дожидать свой вѣкъ на Юрьевѣ Польскомъ. Такъ сложилось положеніе на Руси въ 1249 году. На слѣдующій годъ прѣбылъ въ Суздальскую землю князь Кіева митрополитъ Кирилъ, и состоялся свадьба Андрея Ярославича съ дочерью князя галицкаго Даниала Романовича; совершивъ вѣдчаніе, митрополитъ ѣздилъ и къ Александру въ Новгородъ. А то были годы, когда Даниалъ Галицкій «ратъ держаше съ Куремсою»: въ началѣ 1250-хъ г.г. наблюдаемъ сближеніе между южной и сѣверной Русью, которое нельзя не связать съ планами борьбы Даниала противъ татаръ. Князь Андрей «адума со своими боярами бѣгати, нежели цесаремъ (т. е. галкамъ) служити», сообщаетъ лѣтописецъ подъ 1252 г., когда ханъ послалъ на Андрея рать свою съ паряичемъ Неврюемъ. А въ то же время «иде Александръ, князь Новгородскій, въ татары, и отпустиша и съ чествомъ, даше ему старѣйшинство во всей братыи его»¹⁾. Александръ не примкнулъ къ замысламъ брата, а послѣдовалъ въ Орду, чтобы отклонить крушеніе своей власти и большую бѣду для Руси. Андрей, преслѣдуемый татарами²⁾, бѣжалъ въ Новгородъ, а затѣмъ на время скрылся за моремъ, въ Швецію. Александръ Ярославичъ сталъ владимирскимъ великимъ княземъ.

Воцрѣніи не утѣхи послѣ бѣгства князя Андрея. Сколь отрывочныи записи, какія сохранили дошедшіе до насъ лѣтописные своды, выступаютъ черты напряженной тревоги и жажды противодѣйствій, съ какими Русь встрѣтила первые моменты организаціи татарскаго владычества. Съ этими настроеніями, а не съ какими либо междукняжескими счетами, правили бы связывать извѣстіе о томъ, что въ началѣ 1254 г. тверской князь Ярославъ, «оставя свою отчину» ушелъ «съ боярами своими» въ Ядлогу и во Псковъ³⁾. Отсюда его привели къ себѣ Новгородцы, выгнавъ изъ города Александрова сына Васкаія. Васкаій удержался въ Торжкѣ до прибытія великаго князя Александра, — и новгородцы смирились, приняли его снова на княже-

тваи и убави жезу князя Ярослава Ярославича и его жезоводу Жидислава, а дѣтей его заставая въ плѣны; возведемоу, князь Ярославъ примкнулъ къ планамъ брата Андрея (Лаврентьевская лѣт., стр. 449—450; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 60). Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 539.

¹⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 449. Николовская лѣтопись, а за ней историкъ XVIII и XIX в. приняли сопоставленіе этихъ извѣстій за основаніе приписать оамое падленіе татаръ на Андреемъ—пронскимъ Александромъ. Однако, походъ Неврюи лишь часть предпринятыхъ татарами операцій: въ 1253 г. Куремса начинаетъ наступленіе на Даниала Галицкаго, законченное, затѣмъ, Бурулдемъ. Татары въ этотъ моментъ опасности для ихъ владычества на Руси отнюдь не орудіе княжескаго соперничества.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись не говоритъ о битвѣ, послѣднейте своды смягчаютъ впечатлѣніе обидной бѣзпомощности, говоря въ рассказъ «сѣчу велюку» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199).

³⁾ Лаврентьевская лѣт., стр. 450. Сама терминологія этого извѣстія вымываетъ на сопоставленіе отъѣзда Ярослава съ бѣгствомъ Андрея.

нѣ ¹⁾. Та черта этихъ волнений, что за Василіемъ Александровичемъ стояли бояре новгородскіе, а противъ него—черные люди, свивывающіе ихъ съ дальтѣйшими событіями, когда на Русь явились татарскіе «численники». Въ татарское «число» была или сперва положена Суздальская, Рязанская и Муромская земли, прачемъ татары «ставаша десятники и сотники, и тысящники, и темники». Затѣмъ пришла очередь истребленію Новгородской земли. По первымъ же вѣстиямъ объ этомъ «мятошася люди черныя все лѣто изъ Новгорода», а когда въ Новгородъ прибылъ в. к. Александръ съ татарскими посланцами, изъ Новгорода бѣжать во Псковъ сыновъ его Василія. Александръ вынелъ сына изъ Пскова, сослалъ его «въ Янгъ» и сурово наказалъ его советниковъ, «кои князя Василія на зло повели» ²⁾. Однако, новгородцы не допустили сбора «десятники и тамги»: «не ятася по то», хотя дали дары дарю и пословъ отпустили съ миромъ. Только черезъ годъ страхъ нового татарскаго нашествія на Русь привелъ новгородцевъ къ горькой покорности; и то «бмыст мятежъ великъ въ Новгородѣ», когда «раздоумася люди и створиша сунворъ: большіе велику меньшимъ ятиса по число, а они не хотиху» ³⁾. В. к. Александру пришлось дать страху для охраны ордны. Служъ пословъ, но дѣло, въ концѣ концовъ, уладилось: «окаяныи» ухажали «свезше число», а в. к. Александръ посадилъ въ Новгородѣ на княженіе сына Дмитрія. Вскорѣ поднялось возмевіе противъ «василія поганика» по городамъ «ярославской» земли: народное возмевіе выгнало изъ Владимира и Суздаля, Ярославля и Переяславля «бесермезъ»—откупниковъ татарской дани и ихъ сборщиковъ. В. к. Александръ послѣдшилъ въ Орду къ хану, «дабы отмогъ люди отъ бѣды». Энергія и отвага великаго князя удержали русскихъ людей отъ безнадельной траты силъ въ разрозненныхъ успѣшнѣхъ противодействіяхъ иновемному игу. Для этого пришлось «продолжитъ не только бржевіе народнаго негодования, но и глубокія разногласія въ княжеской и боярской средѣ» ⁴⁾. Александръ провелъ свою ордынскую политику: и въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 460—451. Полнѣ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 160—161.

²⁾ Ясно, что эти советники ил. Василія Новгородскаго я даятъ такой текстъ: «князь Александръ выгна сына своего изъ Пскова и посла въ Янгъ, а Александръ и дружина его князи: оному воя урѣзаша, а яному оти ямнаша, кто Василія на зло повелъ» (стр. 278; тоже Воскр.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161; Николовская (т. X, стр. 142) выдусываетъ непонятнаго «Александра», и потому «дружина» стала въ ея текстѣ дружиной князя Василія. Не новгородцы ли этотъ Александръ и его дружина? Указатель «Новг. лѣт. по символавному каратаевому списку» превратилъ этого Александра въ «начальника дружины кн. Василія Александровича»!

³⁾ Полнѣй горечи «меньшихъ», разождалъ съ малобой на бояръ, что при установленіи данки они «теоряху себѣ легко, а меньшихъ бѣ зло»—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 162. Хроникѣ этихъ вѣвѣній сильно спутана и несогласована въ разныя хрониконныхъ копилациахъ.

⁴⁾ Разногласія эти глубоко закрепились адитательными общественными группами: князь Андрей Ярославичъ «адума со своими бояры», что лучше пожить княженіемъ и родняи,

отношениях Руси к власти хана—онъ подымный великий князь всей сѣверной Руси ¹⁾.

Такимъ же носителямъ великокняжеской власти являюъ Александра Ярославича и во внутреннихъ дѣлахъ сѣверной Руси и въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ. Его сдѣлъ Васильй отражаетъ въ 1268 г. вѣдѣнъ Литвы на новгородскія владѣнія; въ 1256 г. Александръ, по вѣсткамъ изъ Новгорода, что шведы ставятъ укрѣпленія на р. Наровѣ, ходягъ «со всею силою, съ новгородцаи и суждальцаи» и «повоева Поморіе все»; въ тамъже году въ составіи противъ татаръ Александръ, уѣхавъ въ Орду къ хану, отправилъ брата Ярослава и сына Дмитрія и «съ полки съ ними» воевать вмѣстѣ съ новгородцами и союзной Литвой на Юрьель противъ «татаръ ²⁾. Немаловажная тягота борьбы съ внѣшними врагохъ и невозможность вести ее на два фронта должны были сильно повліять на политику Александра по отношенію къ татарамъ.

чѣмъ слушить князямъ: Ярославъ ѡбжалъ въ „отчины“—„съ болрани своими“; въ Новгородѣ борится двѣ партіи: одна склоняетъ новгородцевъ къ покорности требованіямъ хана и в. к. Александра, другая—наводитъ кн. Василья Александровича на „люо“ сопротивленію попыткамъ великаго князя-отца.

¹⁾ Крайняя скудость нашихъ свѣдѣній о русско-татарскихъ отношеніяхъ XIII и начала XIV в. (едва-ли случалась, такъ какъ замалчивалие имъ, по крайней мѣрѣ, смѣтчиве фактовъ, тагостамъ или противорѣчащихъ воззрѣніямъ и тенденціямъ книжечка-этнопоэтика,—характерная особенность нашихъ этнопоэтическихъ сводовъ) не даетъ возможности учесть результаты татарской политики Александра Невского. Быть можетъ кннъ объясняется отсутствіе нашихъ, кромѣ одного—приведеннаго выше, свѣдѣній татарскихъ десятничихъ, сотничихъ, тысячныхъ и тѣхенныхъ? Вопросъ о времени, когда сборъ дани и выплата татарскаго „ямлада“ ордынскими властями перешелъ въ руки князей—выразимъ съ достаточной опредѣленностью. Не знаемъ, въ чѣмъ состояла „ослаба отъ насилья татарскаго“ по смерти таяъ Верка (ум. 1266 г.), отмѣченная въ этнопоэтическхъ запискахъ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 145). С. М. Соловьевъ отмѣтилъ, что послѣ 1269 г. (когда упоминаютъ Амраганъ, великій баскакъ казанскій) нѣтъ больше помина о баскакахъ; что послѣ перешелъ 1275 г.—„не упоминается больше о перотченіи—всемъ знаку, что даны, по разнымъ прѣхваемъ, начали оказывать довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду“, что кн. Андрей Александровичъ обвинялъ передъ ханомъ брата, в. к. Дмитрія въ уклоненіи отъ уплаты дани. И Соловьевъ говорить объ „удаленіи баскаковъ, членовъ-яковъ и оберщиковъ дани“ безъ возможности датировать и рѣшить моменты этого освобожденія Руси отъ постоянного и непосредственнаго владычства ордынскихъ властей. Однако, terminus post quem для этого процесса—времк Александра Невского. Надо признать, что активная роль княжеской власти въ удовлетвореніи татарскихъ требованій и постепенное углубленіе связей агентами власти хана съ Руси началась съ его времени. См. С. М. Соловьевъ „Ист. Росс.“, кн. I, стр. 1158. Русская письменность сохраняла память объ Александрѣ Невскомъ, какъ о „храбрѣмъ и заступникѣ“ Русской земли (Маскинкъ, Житіе Александра Невского, стр. 101).

²⁾ Номг. I, стр. 274, 277 и 281; П. С. Р. Л., т. V, стр. 180; т. VII, стр. 163.

И внутри Владимiрскаго великаго княженiя еще не видно чертъ политическаго распада. Ростовскiе князья, братья Васильковичи Ковстантиновича, по смерти отца «сидоста изъ Ростовъ на княженiи»; съ 1251 г. князь Глѣба, князеть на Вязомерѣ, но этии не разбито единство ростовской отчины¹⁾. Князь Глѣба участвует во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ нераздѣльно съ братомъ, и только послѣ его смерти (на Ростовскомъ княженiи) наставеть выдѣленiе Вязомерскаго княженiя изъ Ростовскаго изъ особую отчину Глѣбичей, не безъ борьбы, однако, съ Борисовичами, стоявшими за единство владѣнiя ея. Ростовскiе Васильковичи при в. к. Александрѣ Ярославичѣ всецѣло его подручники. Они, видимо, сразу прикнули къ его политикѣ. Князь Борисъ былъ въ Ордѣ, когда тамъ разыгралось трагическое дѣло Михаила Всеволодовича Черниговскаго, и нѣмѣст со своими боярами уговаривалъ Михаила «сотворить волю цареву». Глѣбъ Васильковичъ былъ первымъ изъ русскихъ князей, который «сошелся въ Ордѣ»²⁾. Есть указанiя на особо близкiя отношенiя Александра Невскаго къ Васильковичамъ: съ княземъ Борисомъ онъ посылаетъ дары Улашчю, ордынскому арменщюку при ханѣ Берке³⁾; въ Ростовъ ѣдетъ изъ Новгорода, уздичъ

¹⁾ Никоновская лѣтопись раздѣляетъ Ростовское и Вязомерское княженiе съ 1239 г., передавая запись своего источника: «въ Ростовѣ сидоста Васильковичи Борисъ да Глѣба на княженiе» (см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 34) въ такую формулу: «въ князе Борисѣ Всеволовичѣ сиде въ Ростовѣ, зяучъ Ковстантиновичъ, правнучъ Всеволожъ, праправнучъ Юрья Долгорукаго, прапраправнучъ Владимира Маломана, пращуръ Всеволожъ, пращуръ Ярославъ, прапращуръ великаго Владимира, а братъ его князь Глѣбъ Васильковичъ сиде на Вязъ мерѣ». (П. С. Р. Л., т. X, стр. 118). Книжникъ, въ составитель, не согласовалъ этого съ соправителемъ и въ его трудѣ извѣстiемъ 1251 года: «князь Глѣбъ Васильковичъ (зяучъ Ковстантиновичъ, правнучъ Всеволожъ, праправнучъ Юрья Долгорукаго) иде на Вязомерю, въ свою отчину» (тамъ же стр. 138; ср. Лаврент. лѣт., стр. 446; т. VII, стр. 150). А. В. Эммануиловскiй предполагает, что Вязомерскiй «удѣлъ могъ существовать даже ранее 1251 г., хотя Глѣбъ и князь пока въ Ростовѣ» (умаа. ооч., т. II, стр. 156, прим. 455); почитать это надо такъ, что возможно предположенiе не Глѣбу Вязомерскаго княженiя— по «рду» отца, если онъ успѣлъ его сдѣлать, или по «урженнѣ» князей— родичей съ княземъ князетъ относительно малознатныхъ ростовскихъ князей, когда они «посланимъ» на ростовское княженiе.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, стр. 451. Передъ тѣмъ Глѣбъ ѣздилъ въ Новгородъ къ великому хану. Въ 1276 г. братья ходили въ Орду съ другими князьями позову хана Менгу-Тимура въ походъ противъ Ясая. Борисъ умеръ въ Ордѣ передъ походомъ, а Глѣбъ вернулся на Ростовское княженiе.

³⁾ Лаврент. лѣт., стр. 451; въ 1256 г. «князь Борисъ поиде въ Татары, а Александръ князь поиде дары; Борисъ же былъ у Улашчю, дары давъ и прѣиха въ свою отчину съ честью». Никоновская повѣсть по своему: «Князь же Борисъ Васильковичъ Ростовскiй иде въ Татары со многими дары; также и Александръ Ярославичъ поиде послы своя въ Татары со многими дары» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 140—141).

такою же смуту, подѣлиться успѣхомъ съ епископомъ Кирилломъ и ростовскими князьями ¹⁾.

Великій князь играетъ первую роль въ дѣлахъ ростовской епископіи ²⁾. Ростовское княжество—въшь особый элементъ въ составѣ Владимірскаго великаго княжества.

Судьба Ярославля, который также входилъ въ составъ ростовской епархіи Константиновичей и выпалъ на долю Всеволода Константиновича, а послѣ его гибели въ татарское иголѣтье перешелъ къ Всеволодичу Василію,—слонилась весьма своеобразно въ моментъ кончины этого князя, при владѣніи ростовскою епархіею Андреемъ Ярославичемъ ³⁾. Василій Всеволодовичъ

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 452. Возможно, что в. к. Александръ напелъ оному своей посылки въ духовенствѣ митр. Кирилл. ставленіемъ Давида Галицкаго, былъ, вѣроятно, посредникомъ въ сношеніяхъ своего князя съ Андреемъ Ярославичемъ, но затѣмъ остался вѣченіе ряда лѣтъ на сѣверѣ. Въ рѣшительный моментъ—1251 г.—оба Кирилл, митрополитъ и епископъ ростовскій, ѣздили къ Александру въ Новгородъ, а затѣмъ митрополитъ встрѣчаетъ Александра „со кресты и Золотыхъ ворота“ во Владимірѣ, когда тотъ вернулся изъ Орды дикимъ ставленіемъ во Владимірѣ и въ 1255 г., а въ 1256 соврѣщаетъ Александра въ Новгородѣ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 161; впрочемъ извѣстіе это весьма сомнительно и не подтверждается другими лѣтописями). Предположеніе Голубинскаго, что митр. Кирилл, былъ можетъ „послѣ 1252-го и 1256-го годовъ не уходилъ изъ сѣверной Руси и провѣлъ въ ней сподручь все время съ 1250-го по 1263-й годъ“ („Ист. Русс. церкв.", т. II, стр. 57)—вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ 1261 г. по его благословенію рѣшено было объ управленіи ростовской епархіей, въ 1262 состоялось поставленіе новаго ростовскаго епископа Игнатія, а въ 1263 г. митр. Кирилл совершаетъ обрядъ погребенія тѣла в. к. Александра. К. Е. Голубинскій указываетъ и на то, что митр. Кириллъ только въ 1274 г. поставилъ новаго епископа во Владимірѣ на мѣсто убитаго татарами въ 1278 г. Митрофана и склоненъ приписать Кириллу мысль еси же о поревненіи во Владимірѣ митрополита, то объ оставленіи Владимірскаго епархіи за митрополитомъ. На сѣверѣ должно было состояться поставленіе еп. Митрофана на новую Сарайскую епархію въ 1261 г.—быть можетъ, также моментъ въ татарской помяткѣ в. к. Александра.

²⁾ Такъ, въпримѣръ, въ дѣлѣ назначенія архимандрита Игнатія въ помощь престарѣлому епископу Кириллу (Лаврент. лѣт., стр. 453) по кончинѣ епископа Игнатія сталъ его преемникомъ.

³⁾ А. В. Эскендиерскій, указ. соч., т. II, стр. 73—75. Въ Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 153—154) находимъ любопытную справку по поводу неожиданнаго погребенія подл. 1277 г. ростовскаго князя Федора Ярославича: „Подобаетъ же о оумъ ѣздати како сей галогонетъ князь Федоръ Ростиславичъ Ярославскій“. Передъ нами, очевидно, не допроваведеніе какого либо источнника, а свѣдѣніе о вѣдѣній въ сообщеніи княжника-летописца, источнникъ конкъ намъ неизвѣстенъ и не поддается проверкѣ. Приемлемымъ или можно считать только потому, что ничто въ другія источнникикъ эмъ не противорѣчатъ, а они непоказали пробѣвъ въ исторіи Ярославскаго княжества. Предположительно можно источнникомъ этой „справки“ считать дѣяніемъ о родословіи ярославскихъ князей, собраннымъ въ пору

умеръ въ 1249 г., оставивъ послѣ себя вдову и дочь. Умеръ онъ во Владимірѣ, гдѣ тогда же находились у князя Андрея—в. к. Александръ в ростовскіе князья. На этомъ сѣздѣ князей и было, повидному, рѣшено оставить Ярославъ съ вѣстими за вдовой-княгиней Ксеей и ее дочкой Маріей Васильевной. Быть можетъ, тогда же намѣчено было обручение ярославской княгини съ Ростиславичемъ Федоромъ, который княжилъ на Можайскѣ¹⁾, а благодаря этому браку «достался ему Ярославъ». Это событіе навсегда вырвало Ярослава изъ состава ростовской отчины. При в. к. Александрѣ Ярославъ в долго позже—въ Ярославѣ жилъ кѣмъ княжеской власти, которая играла бы болѣе или менѣе замѣтную и самостоятельную роль, но жилъ и основаніи говорить о выходѣ Ярослава изъ прямой связи съ великокняжеской властью²⁾.

составленія Никоновской лѣтописи для Государева Родослова. Эта «справка» была, впрочемъ, известна и составителямъ Воскресенской лѣтописи, которая даетъ краткую выписку (т. VII, стр. 173) изъ ея редакціи, еще не стигавшей въ манскрт Никоновской лѣтописи.

¹⁾ Этотъ бракъ, видимо, связалъ съ западнорусскими отношеніями ростовскихъ князей. Василько Константиновичъ былъ женатъ на дочери черниговскаго князя Михаила Всеволодовича; Всеволодъ Константиновичъ женился въ 1227 г. на дочери Олега Святославовича, повидному князя Курскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 134, т. X, стр. 94; на стр. 157 Никоновская сообщаетъ ее имя—Маріа); Всеволодовъ князь надолго пережилъ мужа (сначала, по Никоновской, 1279 г.) и могла играть роль въ этомъ дѣлѣ. Обрученіе малолѣтней чужой (Маріа было, по весьма вѣроятному расчету Эзеншларскаго, года 4, такъ какъ ее отецъ умеръ 20 лѣтъ, едва-ли болѣе, отъ роду; Федоръ Ростиславичъ до 1276 г. не выступаетъ въ лѣтописныхъ известіяхъ, что даетъ въ некоторое основаніе считать его весьма юнымъ; умеръ онъ въ 1299 г.) фактически княземъ, а могла жить и въ имѣніяхъ старшихъ князей, политическое значеніе, быть можетъ, въ связи съ замислами князя Андрея Ярославича, который искалъ объединенія русскихъ силъ противъ татаръ. Вокняженіе въ Ярославѣ можайскаго отчича—приводимо Можайскъ въ связи съ великимъ княземъ Владиміромъ, а съ 1279 или 60 года Федоръ, хоть и не надолго, владѣлъ в Смоленскѣ, оставаясь, однако, дѣятельнымъ участникомъ Владиміро-Суздальской политической жизни. Связи Федора Ростиславича съ двумя половинками Руси закрѣплены и замужествомъ его дочерей: одну онъ выдалъ за галицкаго князя (Давида Константиновича), а другую—за блужерскаго (Михаила Глыбовича).

²⁾ Долгая пасынковость кн. Федора Ярославича объясняется не только его женою, но и для дальнѣйшихъ лѣтъ—тѣснотымъ семейнымъ положеніемъ. Его шестіе, каковъ составлялъ князь Ахтобѣ по порученію в. к. Ивана III и митр. Филиппа, исполняемо, по всей видности, семейнымъ предвѣдѣмъ ярославскихъ князей; по его расказу кн. Федоръ былъ надолго задержанъ въ Ордѣ, а по смерти жены не могъ вернуться въ Ярославль, отвергнутый тещей и братьями, которые стали прятать шивемъ его сына Михаила. Кн. Федоръ вернулся въ Ордѣ, гдѣ пробылъ въ-сильномъ лѣтъ; тутъ онъ женился на ханской дочери (во источнѣхъ Анка), тутъ родился два его сына (Давидъ и Константинъ); только по смерти сына Михаила (попытка Эзеншларскаго установить дату этой смерти даетъ 1280 или 1290 г.—т. П,

Въ Угличѣ сидятъ трестепенными князьями сыновья Владиміра Константиновича, на которыхъ и угасла эта линия ростовскихъ князей ¹⁾.

Владѣческое положеніе самого Александра Ярославича и его братьевъ было опредѣлено предсмертными речами ихъ отца: Святославъ Всеволодовичъ, завѣя великое княженіе, «сыновцѣ свои посади по городомъ, якоже бѣ ихъ отецъ урядилъ Ярославъ» ²⁾. Мы не знаемъ содержанія этого Ярославова ураженія, но предполагаемъ, что съ нимъ совпадаетъ распределеніе владѣній между Ярославичами при в. к. Ярославі, и подаѣе Александръ на великомъ княженіи сохраняетъ свое вѣчное отношеніе къ Переяславлю, которое переходитъ и на его старшаго сына, а на Переяславѣ оный князь еще при жизни отца. Есть основаніе признать, что Андрею Ярославичу назначены по «ряду» его отца—Городецъ Половонскій и Нижній Новгородъ ³⁾; въ 1256 году сюда оный вернулся, какъ «въ свое

стр. 79—80) Федоръ занялъ столъ Ярославскаго княжества съ татарскою помощію. См. житіе въ „Великихъ Мѣсахъ Четкихъ“ подъ 19 сент. и въ „Степенной Книгѣ“ (П. С. Р. Л. т. XXI, ч. 1-я, стр. 307).

¹⁾ Датониси отбитыи только даты кончимъ Андрея (1261) и Романа (1263) или 1265) Владиміровичей (Лаврент., стр. 452 и 458; П. С. Р. Л. т. VII, стр. 162 и 178).

²⁾ Лаврент., глг., стр. 448.

³⁾ Воскресенская летопись (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 160) замѣчаетъ при сообщеніи о бѣгствѣ Андрея въ 1252 г. изъ Русской земли, что оный, пробывъ нѣсколько времени въ Швеціи, «приде въ свое отчину»; подъ 1256 г. находимъ въ Лаврентьевской (стр. 451) страніи запись: «поѣхаша князи на Городецъ да въ Новгородъ», и тогда же в. к. Александръ посылалъ Бориса ростовскаго убогаторить ордынца Улача дарами; и тамъ повторяетъ Никоновская, безъ комментарія, во два ея списка дати чтемъ «князь» (сохраняя, однако—«поѣхаша», т. X, стр. 140). Съ 1257 князь Андрей появляется въ ряду русскихъ князей, ѣдети въ Орду съ в. к. Александромъ и другими. Никоновская глг. впрелъ зоветъ его Суздальскимъ я, повидному, правъ въ своемъ заключеніи, хотя сама же сгугала генеалогію суздальскихъ князей (быть можетъ, свѣдѣніи родословной передержитъ князей Шульскихъ; весь споръ оъ изъ происхожденіи отъ Андрея Ярославича или отъ Андрея Александровича, сына Невскаго—считаю разрѣшеннымъ возраженіями А. В. Эммануилярскаго противъ С. М. Соколова; см. „Вѣстникъ и удалыи князья сѣверной Руси“, т. II, стр. 388); поводомъ къ этой гугалнцѣ послужили сульбы Суздаля, Городца и Нижняго послѣ смерти Андрея Ярославича. Повидному, запись подъ 1256 г. надо, дѣлать такъ, помятъ, какъ князюгѣ о прѣѣдѣ Андрея на Городецъ и Нижній, что Воскресенская и называетъ его возвращеніемъ «въ свое отчину» (такъ помятъ и В. Н. Татищевъ: т. IV, стр. 27). О кончинѣ его и погребеніи Воскресенская сообщаетъ: «преставися князь Андрей Ярославичъ суждальскій, положенъ бытъ въ Суждаль» (1268; т. VII, стр. 164). Родословные матеріалы Никоновской летописи опредѣленно указываютъ на происхожденіи суздальскихъ князей отъ Андрея Ярославича (см. П. С. Р. Л., т. X, стр. 144), но подъ 1365 она даетъ нгузъ, противорѣчащую этимъ матеріаламъ, генеалогическую справку (т. XI, стр. 4), руководясь ею и въ другихъ «поправкахъ» (напр., т. X, стр. 176). Предположеніе А. В. Эммануилярскаго (указ. соч., т. II, стр. 387), что князь Андрей Ярославичъ помятъ Суздаль вмѣстѣ съ Городецомъ и Нижнимъ въ 1247

отчину», а въ слѣдующемъ получать ханское помянованіе, стоявшее и. к. Александру въ намызъ даровъ ордину Улачю и самому тану. Притомъ—соглашеніе съ братомъ придаю къ его владѣніямъ еще Суздаль. Князь Андрей не игралъ при братѣ сколько-нибудь самостоятельной роли, фактъ съ нимъ въ Орду и въ Новгородъ, ичывая въ средѣ окружающихъ и. к. Александра князей; онъ перемягъ брата лишь на вѣсколькѣ вѣснцевъ. Теме самое можно сказать и о третьемъ Ярославчѣ—Ярославѣ. Послѣ бурныхъ событій начала пятидесятыхъ годовъ XIII вѣка, Ярославъ княжить споконво въ Твери, ѣдетъ въ 1258 г. съ Александромъ въ Орду, идеть въ 1262 г. отъ него въ походъ на вѣмечья ¹⁾. На Костромѣ сидѣтъ Василий Ярославичъ, которому въ годъ кончины и. к. Александра лишь исполнилось 22 года; на княженіе въ Галичѣ меряскомъ умеръ въ 1255 г. Константинъ Ярославичъ, издвнжій отъ и. к. Ярослава Всеволодовича къ великому тану въ Монголію, а послѣ него—его сынъ Давыдъ, о которомъ только и знаемъ, что скончался онъ въ 1280 г., причемъ летопись называетъ его княземъ галичскимъ и дмитровскимъ ²⁾.

Существованіе всѣхъ этихъ княжескихъ владѣній, по прежнему, не говоритъ еще о похлванномъ политическомъ распадѣ Владимірскаго великаго княжества. Великій князь Владимірскій въ эпоху Александра Ярославича Новскаго единый и бесспорный представитель всей сѣверной Руси передъ ордынской властью, зашитникъ всѣхъ ея областей передъ напоромъ западныхъ враговъ, распорядитель всѣхъ ея военныхъ силъ. Но на отдѣльныхъ «возвстанъ» великаго княжества «княжить и владѣть» мѣстные князья, которые имѣютъ на то право, не зависящее отъ воли великаго князя, то «семейно-потчнское» право, которое вдревне составило основной элементъ «княжого права въ древней Руси». Это право потчнское, наследственное, кробрѣтено, въ принципѣ, самимъ рожденіемъ, и семейное, такъ какъ его существо въ правѣ всѣхъ сыновей владѣтельнаго князя на отцовское наследіе—общую этнмъ сыновьямъ отчину». Реализуется оно либо согласно «ряду» отцу, который опредѣляетъ какою именно долю получить каждый

году отъ дяди Святослава Всеволодовича (стало быть, по «ряду» отца, см. выше, стр. 146) не видется съ позднѣйшими судьбами этихъ владѣній, намъ изъ самъ Эвменіевскій назагаетъ; не согласованъ и указаніе о томъ, что произошло по смерти Андрея Ярославича (на стр. 390 и 393). Причина всей этой путаницы, кромя ранаціонной работы князя—составителя Никонской летописи, не сумѣвшего преодолѣть противорѣчій своихъ генеалогическихъ матеріаловъ, также въ необходимокомъ представленіи, будто исконна связь Города и Иванова съ Суздадемъ, какъ «уригородовъ» съ главными, старѣйшими городами.

У Татищева находимъ (т. IV, стр. 27) любопытное замѣчаніе: что Александръ Ивнскій, по возвращеніи Андрея Ярославича «изъ Намецъ», «хотяше ему Суздаль дати, но не съиже Царя».

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VII, стр. 103.

²⁾ П. С. Р. Д., т. VII, стр. 174.

нъ сыновей, либо—особенно для сыновей, наследити ихъ въ моментъ отцовской кончины, иль надѣляются по волѣ дяди или старшаго брата, которому они отдаютъ «приказы» или дамы «на руки». Доли князей наследниковъ въ общей ихъ отцѣй будутъ поодѣе называться «удѣлами» (XIII вѣкъ этого термина еще не знаетъ), князья станутъ говорить о доляхъ своихъ, какъ объ «удѣлахъ вотчимъ своимъ», но для дальшаго времени ни въ терминологіи, ни въ существѣ владѣльческихъ отношеній князей не видно ничего принципиально новаго сравнительно съ основами «княжескаго права» въ Киевской Руси. Вотчимыя тенденціи княжескаго владѣнія еще сншкомъ подчинены силѣ политическаго единства Великороссіи, которое имѣло опору во власти Владимірскаго великаго князя, чтобы когда развернулись на нихъ основныя опредѣленно княя система отношеній. Время в. к. Александра Ярославича закониваетъ, однако, тотъ моментъ въ исторіи Киевской Руси, когда во главѣ ея стояли Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ. При значительной силѣ объединяющей великокняжеской власти, во внутреннемъ строѣ земли уже закрѣплены основы владѣльческаго обособленія сложившихся ибнѣтнть вотчимыхъ княженіи. Ростовскія владѣнія Константиновичей признали особой наследственной владѣльческой единицей; опредѣлялись вотчимыи владѣнія для всѣхъ князей—Ярославичей и ихъ потомковъ. И самъ великій князь Александръ вотчимъ на Переяславѣ Забѣскомъ, который одинъ только и составляетъ отчину, въ строгомъ смыслѣ слова, его сыновей. Единствояжеская власть еще лишена надлежащей территориальной базы, ея главенство— часто политическое, и въ этомъ залогъ ея слабости и упадка. Внутренніи силы страны организованы внѣ ея прямого воздействия по помѣстнымъ княжествамъ и легко могутъ стать внѣ опоры общей политики великороссійскихъ князей подъ главенствомъ Владимірскаго великаго князя—факторомъ разрушенія этого главенства и всего объединенія, въ условіяхъ внутренней борьбы. По этому разрушительному пути и пойдетъ исторія Владимірскаго великаго княжества послѣ кончины в. к. Александра Ярославича. Далѣеіе татарскаго владѣтельства, установившагося при его преемствѣ съ тѣмъ илпримененіемъ внутреннихъ отношеній Руси, несомѣнно, сыграло крупную роль въ развитіи упадка великокняжеской власти.

II.

При великихъ князьяхъ Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Ярославичѣ лишь устанавливается татарское владѣтельство надъ сѣверной Русью; утвержденіе опредѣленныхъ формъ зависимости вызвало глубокой разладъ въ политическнхъ настроеніяхъ и княжеской и общественной среды. Наши источники сохранили лишь нѣсколько указаній на этотъ разладъ, отрывочныхъ и часто глухихъ намековъ, но вѣ по нимъ видно, какой онъ былъ острый и напряженный. Александръ Ярославичу удалось его преодолѣть

и найти для того опору в части князей, духовенства и боярства. Но едва ли будет преувеличением сказать, что авторитет великокняжеской власти вышел из эпохи Александра Невского сильно расшатанным; Александру поддерживала его не только личной энергией и личным влиянием, но и страхом татарской кары и прямой опорой в татарской силе¹⁾. Надь великокняжеской властью стала новая власть, чужая и чуждая, но формально признавая и обладавшая грозной реальной силой. Она стала постоянным фактором внутреннего политического отношений Великороссии, настолько самостоятельным и обособленным от коренных элементов русского традиционного политического строя, что ее влияние могло быть использовано

¹⁾ Своего рода психологический парадокс в оценке великого князя Александра Невского отразился весьма характерно на литературной популярности его огромной посмертной популярности, которая явилась плодом глубоко воплотившей переживания его эпохи и давнейших судеб Великороссии. Его татарская политика шла вразрез с наиболее популярными течениями общественного чувства; оппозицию приходилось подавлять сурово, даже жестоко. Сильное недовольство им не затихло, — свидетельства об этом недовольстве сохранились даже в письменности, полной прославления его памяти, темъ болѣе, что оно явилось и даже в укромнѣйшую пришлошю принадлежало Невскому за то, что „любил татаръ паче мѣрм“. Съ другой стороны, политическая деятельность крупным раздражением являлась в к. Александра; поговорки долго поминать, какъ Александръ, двѣли наснаю на Новгородѣ“. Но все эти черты исторической традиции только отяжеляют огромную популярность Александра, быстро разросшуюся въ культ его памяти. Вскорѣ послѣ кончины князя и полъ сильнѣйшѣмъ въ восторженнѣйшѣмъ видѣ „самоубицѣ“, которому кн. Александръ „своѣмъ господиномъ“, составилъ „слово“ въ его память, въ формѣ „плача“ — сказаніе о его кончинѣ; оно разрослось въ цѣлую, свѣтскую биограрію“ князя, а ступенчатѣе къ ней исследователи склонны признавать известное „Слово о побѣдѣ русской земли“. Всюду цѣнный анализъ памятниковъ письменности, связанныхъ съ прославленіемъ Александра Невского — у Н. И. Серебрянскаго: „Древне-русскія княжескія житія“ („Чтенія въ Моск. Об. Ист. и Др.“ 1915 и 021). Н. И. Серебрянскій справедливо указываетъ, что содержаніе „слова о побѣдѣ“ имѣтъ необходимости относить впрямую и только къ событіямъ 1237—1238 г.г. „Страхъ побѣды отравы испытывался и поддѣле ужасовъ Визыма вѣстности и вногдѣ оны признавала особенно обостренную форму“ (стр. 207). Для характеристика настроеній XIII в. Серебрянскій приводитъ, съ одной стороны, указанія на вопиющіе народныя „аросты“ противъ князя и поганыхъ, съ другой — моменты лавины („тогда же бы положило золъ по всей земли и самъ не взыду и гдѣ кто быхитъ“ — Лаар, стр. 446) и угнетенности („и бже видѣти дѣло стыдно и злымъ страшно, и гдѣ бы во уста во двѣсти отъ страха“ — Лаар, стр. 458). Эти настроенія, — усугубленнымъ сознаніемъ, что бусурманскія вихожденія постигаютъ Русь не только „за неправду нашу“, но и по вѣдѣ князей, „зале живихти въ которѣхъ мажи соборъ“ (Лаар, стр. 458) — были существеннымъ факторомъ нарастающей идеализации в к. Александра и высокой и исторической его оценки: „Слово о побѣдѣ русской земли“ ставитъ его въ опредѣленную историческую перспективу „отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до вышнѣшаго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимирскаго“.

въ борьбѣ политическихъ силъ какъ въ пользу, такъ и противъ усиленія великокняжеской власти.

Тоже можно сказать и о другой опорѣ Владимірскаго великаго князя — обладаніи Великимъ Новгородомъ. Обладаніе это необходимымъ моментъ въ ихъ политикѣ: великое княженіе и строилось, со времени Юрія Долгорукаго, въ непрерывной связи съ борьбой за Новгородъ Великій. И князьяки-лѣтописцы, сохранившіе запись: «следа по братѣ своему великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимери братья его князь велики Ярославъ Ярославичъ и бысть князь велики Володимирскый и Новгородскый»¹⁾, были правы въ своемъ пониманіи дѣла. Александру Ярославичу укрѣпить, казалось, на прочѣйшемъ основаніи эту связь Великаго Новгорода съ Владимірскаго великаго княженіемъ, добился постоянного принаженія своей власти надъ Новгородомъ, держалъ его черезъ сыновей, оборонялъ новгородскія и исконскія волости связями «ливонской» земли, слывавъ мѣстную ить политикъ въ области вѣвшихъ отношеній съ общими задачами великокняжеской власти. Его господство надъ Новгородомъ положило прочныя основанія традиціи, что стога новгородскаго княженія «отчина» для князей «ливонской» земли, но открыло, съ другой стороны, возможность двойкаго пониманія этой традиціи: отчинами стога новгородскаго могли выступать его сыновья, Александровичи Невскаго; права на это княженіе могъ предъавить, а по существу реальныиъ своимъ интересамъ не могъ предъавлять каждый обладатель великокняжескаго стога. Обладаніе княжеской властью въ Великомъ Новгородѣ стало самостоятельнымъ факторомъ въ борьбѣ за и противъ великокняжеской власти, открывая господину Великому Новгороду широкія перспективы какъ вліянія на эту борьбу, такъ и развитія въ ея условіяхъ своего «народоуправства» путемъ выкрѣпленія за новгородцами вынужденныхъ уступокъ со стороны княжеской власти.

Само основное значеніе великокняжеской власти — общее руководство политическими судьбами Великороссіи и, прежде всего, ея самообороны отъ вѣвшихъ враговъ — стало падать подъ давленіемъ новой политической обстановки, когда татарское владычество почти парализовало проявленіе великорусской энергии въ наступленіи къ югу и востоку, а самообороны Велико-россіи поставило, на этигъ предѣлахъ, въ новыиъ, крайне тисотыиъ условия мелкой пограничной борьбы. Настаетъ періодъ иъ котораго разобщенія задачъ этой великорусской политикъ, что ведетъ къ разстройству общаго участія великорусскихъ силъ въ ихъ разурьшеніи и организующаго руководства имъ. Функции великокняжеской власти дробятся и переходятъ по

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 164; XV (изд. 2-е), стр. 83. Фактически отъ «записи», конечно, не соотвѣствуютъ действительному ходу событий, но крайнее иъра хронологическа. Впрочемъ, она, быть можетъ, передаетъ формулу, казскаго ярлыка?

частіахъ въ рукахъ тѣхъ или иныхъ мѣстимыхъ князей, а разрѣшеніе какаго-либо вопроса, въ которыхъ заинтересованы всѣ представители княжеской власти, достигнимо только общими иль соглашениями, при коихъ носитель великокняжеской власти не всегда даже первую роль играетъ (тѣмъ болѣе, что силою и рядомъ оказывается неустрашимымъ избыткомъ ордынской власти), для же путей вооруженной борьбы, прямыхъ усобидъ.

Всѣ эти моменты политическаго упадка Владимірскаго великаго княженія разверзлись съ большою силой въ послѣднія десятилѣтія XIII вѣка.

При разсмотрѣніи этихъ событій вниманія требуетъ, прежде всего, само положеніе княжескаго рода по отношенію къ престолу на великокняжескомъ столѣ. Это уже не родъ потомковъ Всеволода Юрьевича Большого Гнѣзда, отчичей всей Ростовско-Суздальской земли. Это—только Ярославичи, сыновья и внуки в. к. Ярослава Всеволодовича. Спервъ о старшинствѣ и власти идетъ только между ними, своенно только иль однимъ великое княженіе отчича и дѣдина. Такое суженіе круга возможныхъ претендентовъ на старшій столъ не новость въ древне-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ; и ранѣе—на кіевскомъ югѣ стремленіе ограничить этотъ кругъ предѣлами одной семьи возникало каждый разъ, какъ на старшемъ столѣ появлялся сильный и дѣятельный князь. Но въ данномъ случаѣ, дѣло представляется болѣе сложнымъ: крупная и яркая сила Александра Ярославича грозитъ преломить въ сознаніи сѣверо-восточныхъ поколѣній представленіе о преемствѣ по Ярославѣ Всеволодовичѣ и выдвинуть новую тенденцію, новую претензію на исключительное преемство по Александрѣ его потомковъ, помимо боковыхъ линій Ярославова дома.

Впрочемъ такіа претензіи Александровичей Неяслага не могли проявиться съ достаточной силой и опредѣленностью сразу послѣ его кончины. Старшій иль смиковой Александра, оцальшій Василій вступаетъ съ исторической сцены послѣ злополучной для него катастрофы 1257 года; дальнейшей судьбы его не знаемъ ¹⁾. Второй, Дмитрій былъ еще отрокомъ и не могъ, по смерти отца, удержаться въ Новгородѣ, гдѣ ильа номинальнымъ представителемъ великокняжеской власти: Новгородцы по первому же мѣстимы о кончинѣ в. к. Александра выслали его сына изъ города ²⁾.

Обстоятельства перехода великокняжеской власти къ ки. Ярославу Ярославичу залуатаи въ положеніи нашихъ гѣтонискихъ сведеній. Но опинаніе къ немногимъ точнымъ датамъ ³⁾, какія можно установить, позво-

¹⁾ Кроме его кончины въ 1270/71 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176.

²⁾ „Выгнаша новгородци князя Дмитрія Александровича, сдумавшесе послѣднимъ Михаиломъ, зане князь еще малъ бѣше“ Новг. I, стр. 288; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 164.

³⁾ Ни одиѣхъ изъ нашихъ гѣтонискихъ текстовъ не упоминаетъ о волеиъ выслушеніи Андрѣя Ярославича съ претензіями на великое княженіе по смерти Александра; у Татищева (т. IV, стр. 32)—звѣстіе о такомъ выслушеніи (принято

застъ признавъ, что немедленно по смерти и. к. Александра «выгнаша новгородца князя Дмитрия Александровича изъ Новгорода, сдумавше съ по-

Соловьевымъ, кн. I, стр. 844 и Владимировскимъ, т. II, стр. 456, во не Карамзинымъ, т. IV, начало гл. III и прим. 114) въ весьма сомнительномъ контекстѣ. Сильно неребѣтъ въ нашихъ свѣдахъ порядкомъ нелогичное событіе, послѣдовавшее за смертью Александра Невского. Одно слѣды упоминать о смерти кн. Андрея раньше известіе о возмаченіи кн. Ярослава, другіе наоборотъ. Воскресенская хѣтоньса (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 163—164) ставитъ передъ сообщеніемъ о смерти и. к. Александра заглавіе: „Проставленіе великаго князя Александра Ярославича Невского и по вамъ сѣде на вѣднмомъ княженіи братъ его князь Ярославъ Ярославичъ Тверскій“, но въ текстѣ—послѣ статьи о смерти Александра (подъ 6771 г.) говорить только объ изгнаніи кн. Дмитрия изъ Новгорода, о призваніи и посаженіи (27 янв.) кн. Ярослава на новгородское княженіе, о его женитѣбѣ и о кончинѣ кн. Андрея, а посаженіе Ярослава на столь великаго княженіа во Владимірѣ вовсе не отмѣчати. Такъ, согласно Воскресенской, по смерти Александра (ум. въ ночь съ 14 на 15 ноября 6771—1262 г.)—въ январѣ (27) того же 6771 (т. е. 1263 г.) состоялось посаженіе кн. Ярослава въ Новгородѣ. Тверская хѣтоньса (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 408) относитъ смерть Андрея и посаженіе Ярослава къ 6771, но это послѣднее связываетъ съ Владимірскимъ вѣствованіемъ („сѣдѣ на столь въ Новгородѣ Ярославъ Ярославичъ и бысть князь великій Владимірскій и Новгородскій“; формула яже нечеткая); Софійская I (т. V, стр. 192) и Новгородская I (стр. 258) вовсе одукають моментъ возмаченія Ярослава во Владимірѣ, а посаженіе его на новгородскомъ слѣдѣ отнеса къ 27 января 6773 г. (1265 г.), тутъ же излагаа событіа въ Латвѣ, которыя разыгрались въ 1263 г., причѣмъ Соф. I (списокъ Царск.) сохранила записъ о смерти кн. Андрея послѣ возворенія Ярослава въ Новгородъ, такъ что и смерть его пошла на 1266 г. Никонская (т. X, стр. 140) подъ 6771 дають только сообщеніе о кончинѣ Александра Невского, а возмаченіе Ярослава во Владимірѣ отнеса къ началу 6772 г., затѣмъ идуть: изгнаніе кн. Дмитрия изъ Новгорода, прибытіе и. к. Ярослава (посылака за нимъ изъ Новгорода оушена) въ Новгородъ, его женитѣба, а затѣмъ—смерть кн. Андрея. Татишевъ (т. IV, стр. 82) дають подъ 6671—1263 г. сообщеніе о кончинѣ Александра Невского, а затѣмъ такой расказъ: „О великомъ же княженіи бысть при братѣ его Андрѣи, иже прече бѣ на великомъ княженіи, и Ярославу Тверскому, брату его меньшому, а не хотише межъ собою свѣрстиса, послаша послаа своиа къ Орду къ хану Беркиа; ханъ же повѣсть Ярославу къ себѣ быти. Егда приде Ярославъ во Орду и ханъ пріятъ его съ честіи, даде ему доудѣтъ, и повѣсть обѣстаетъ его по чину на великое княженіе, коия на его повѣсть вѣста Володимеру Рязанскому да Ивану Старудубскому, бывшимъ тогда во Ордѣ, и Августа мѣсяца отуиста съ посломъ своимъ Жалобовомъ и съ ярлыкомъ на великое княженіе“, а далѣе: „6772—1264. Въ сентябрѣ пришедъ изъ Орды князь великій Ярославъ Ярославичъ сѣде по братѣ своемъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Владимірѣ“. Трудно опредѣлѣти, что у Татишева опирается на давнѣйшъ его источникомъ; въ порядкѣ событийъ оны сѣдуютъ Никонской хѣтоньси, которая вообще закивъ въ основѣ всего вѣствованія, и всего правильнѣе признавъ строку о спорѣ князей Андрея и Ярослава тятишевскимъ выводомъ изъ того порядка событийъ, какой ему давъ Никонской хѣтоньсой; весьма сомнительно упоминаніе о „члѣтѣ“ ордынскаго „обѣщанія“ на великомъ княженіи, а вмѣстѣ дѣйствующимъ тутъ княземъ вызывають недоразумѣніе: въ давнее время не зѣбемъ никакого Владиміра рязан-

садиномъ съ Михаиломъ, и „послаша по князя Ярослава Ярославича“, а 27 января 1263 г. „посадиша его на столѣ“¹⁾. Къ этому моменту есте-

скаго (въ Рязани княжилъ Федоръ Романовичъ; составъ рязанской княжеской семьи см. у Казаковского, *Ист. Ряз. княж.*, стр. 91); не ясно каково тутъ можно разумѣть Ивана Стародубскаго: дѣда Ярослава Ивана Всеволодовичъ едва ли былъ въ нѣмыцъ (о немъ не слышно съ 1236 г.), а его внукъ Иванъ-Калистратъ Михайловичъ, умершій, по Никоновской лѣт., въ 1315 г. (т. X, стр. 179), если былъ на свѣтѣ, то малолѣтностью, а, по той же лѣтописи, въ Стародубѣ княжилъ его отецъ кн. Михаилъ Ивановичъ (т. X, стр. 153, подъ 1276 г.); впрочемъ, весьма возможно, что свѣдѣніа Никоновской лѣтописи о стародубскихъ князяхъ ошибочны, такъ какъ Воскресенская упоминаетъ подъ 1315 г. о внучкѣ кн. Ивана (какъ Никонская), а Михаила Ивановича стародубскаго, который ею же упоминаютъ подъ 1261 г. въ числѣ князей—участниковъ похода на Переяславъ (т. VII, стр. 187 и 175), съ чѣмъ согласно и указаніе вѣнаторскихъ родословцевъ, считающихъ Ивана-Калистрата сыномъ Ивана Всеволодовича и отцемъ Михаила (Экземлярскій, *Указ. соч.*, т. II, стр. 179 и 180).

Важнаго же обстоятельство, что Татищевъ долженъ былъ имѣть опору въ источникахъ для датировки признанія за Ярославомъ великаго княженія и его поселенія на великокняжескомъ столѣ—августомъ 6771-го и сентябремъ 6772-го года (сама датировка мѣсяцевъ безъ числа обычна въ лѣтописныхъ сводахъ). Основная тема событій у Татищева: 14 ноября 1263 г. умеръ Александръ Невскій; заглавіе—оповѣщеніе съ Ордой и повѣданіе кн. Ярослава къ лаву; въ сентябрѣ 1263 г. его возвращеніе во Владиміръ и поселеніе на столѣ великаго княженія—весьма зловѣстна и складана со сіею Воскресенской лѣтописью.

Въ итогѣ—для года событій основными датами надо назвать: 14 ноября 1262 г. кончина Александра Невскаго, 27 января 1263 г.—поселеніе кн. Ярослава Ярославича на новгородскомъ столѣ; въ сентябрѣ 1263 г.—на великокняжескомъ столѣ.

Причина спутанности изложенія (и хронологіи) этихъ событій—въ использованіи писцами сводами (общимъ ихъ источникомъ митрополитскихъ сводовъ) двухъ повѣствованій, которыя не укладывались въ лѣтописную хронологическую сеть. Сказанія о мужествахъ и житіи в. к. Александра Ярославича, которое волею судьбы не делало, и сказанія о князѣ Давыдѣ, гдѣ изложено были и лѣтописныя событія со времени Миндуга и которое связалось въ изложеніи свода, спутать и перемѣлить его и хронологическія приуроченія. Кроме того, Никоновская лѣтопись вноситъ особые редакціонныя приемы (въ духѣ общаго свѣтѣ тенденціи): пріѣздъ в. к. Ярослава въ Новгородъ переводитъ на время послѣ заятія имъ великокняжескаго стола, съ устремленіемъ упоминанія о томъ, что новгородцы „послаша по князя“ и „посадиша его на столѣ“, вместо чего читаемъ: „иде князь великій Ярославъ Ярославичъ въ Новгородъ и приима его новгородцы съ радостью и съ честию великою“ (т. X, стр. 144).

С. М. Соловьевъ (*Ист. Росс.*, т. I, ст. 364) отнесъ смерть кн. Андрея къ веснѣ 1264 г. (зловѣстна, подъ вліяніемъ Карамзина, т. IV, начало III-й гл.; никакъ не пошлаю отсюда эта „весна“), и не обратилъ вниманія на то, что сентябрѣ 6772 г. отнесено въ 1263, а не 1264 г.

¹⁾ Съ этимъ „поселеніемъ“ созвала княжить кн. Ярославъ на „Юрьевой дщери Михайловича“; если эта Юрьева внука посадника Михаила Федоровича, котораго Александръ Невскій подвѣрилъ на посадничествѣ въ 1257 г., то можно видѣть въ немъ сторонника сближенія Великаго Новгорода съ великокняжеской

ственно приурочить и заключение первого из договоров Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославичем¹⁾. Новгородцы использовали

властью, а самому браку Ярослава придать политический характер; Ярослав ищет поддержки новгородского боярства, а руководити́и оферта Новгорода — князю на великого князя, с которыми и заключили первый, до вост дошедший договор.

¹⁾ Соответствие двух старших договоров грамоте Великого Новгорода с князем Ярославом определить, по крайней мере разумно, довольно трудно. Даже ли этого вопрос вполне разрешен замечаниями А. А. Шахматова в „Исследованиях о языке новгородских грамот XIII и XIV века“ (вз „Исслед. по русскому языку“, изд. Имп. Акад. Наук, т. I, стр. 229—280).

Но вижу, почему договорная № 1 (по экз. „С. Г. Г. и Д.“ и в „правомезия“ у А. А. Шахматова) „несомненно древнейшая из ряду остальных грамот“. Колебания текста в договорных грамотах таковы, что едва ли возможно свести их к одному основному „формуляру“, несмотря на буквальное иногда повторение отдельных формул. В грамоте № 1 есть особенности, которые склоняют скорее к мысли, что это вторая редакция договорной Новгорода с Ярославом (№ 3) новгородца. В № 1 она стоит на особом месте: первая строка, заключающаяся, по существу, текст княжеской крестоцеловальной поручило: „а на томъ ти, княже, на всея крестъ цѣловати бес пороча при нашихъ послахъ“, и равнозначимы по слѣдующимъ строкамъ № 2-го: „на томъ ти на всея крестъ цѣловати по любви великого князя в правду при нашихъ послахъ“. За такими заключительными словами идет в № 1 добавление: „а мы ти ся, господине княже, кланемъ: а что, княже, мыть по твоей земли и по иной волости и по всей суждальской земли, а то, княже, имати по 3 вехи отъ лоды и отъ воза и отъ лку и отъ хмелна короба, а дворяномъ твоимъ по садамъ у купцехъ поможети не имати, разве ратной весте; тако, господине княже, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ и отъ твѣмъ и отъ нашихъ и отъ твоего отци Ярослава“. В № 2 есть только не развитой подробней намека на это домогательство митями мориз: „а отъ Новгорода и отъ Новоторжца и мыта имати отъ воза по 2 вехи и отъ хмелна короба“, а о помощи в полевой повинности (отвѣдно — для торгующихъ вѣз новгородской земли) вѣз упоминается. Подлинная договорная, № 3, цѣлкомъ использовала № 1, причѣмъ ввела его заключительное „покланіе“ — статью договора, на ряду съ другими, и дополнила его рядомъ пунктовъ, вытекающихъ изъ такихъ действий Ярослава во время его новгородского княжения, которыми нарушились права новгородцевъ (отнакъ грамоту отца своего, опредѣлявшую право князя носить оестережика и медовара в Ладолгу; „посудать“ кѣноторыя грамоты отца и брата; устанавливалъ свободы и мыта на новгородской волости и т. д.) или изъ земель, приобретенныхъ новгородцами привилегій („а гости нашему гостати по суждальской земли безъ рубема по дарѣв грамоты“). Съ № 2 сблизилъ эту грамоту (№ 3) только 3 пункта: „на грамоте даяти“ безъ поединка (что естественно связано в № 3 съ в добавленіемъ: „суда не судити“); в Русу задати „на третью землю“ (им. „задати оеель“ первой грамоты) и в Ладолгу „задати на третее кѣто“. Даже ли эти три пункта какъ и сопоставление такихъ пунктовъ грамоты № 3, какъ: „на свобода отагити по новгородской волости“ и „а вѣз суждальской ти земли Новоторжца не ридити, по волостей ти не рождаети“ съ соответственными установленіями третьего договора

благоприятный момент для закрепления в форме письменного договора той «старшины и пошляны», которая во многом терпела, по утверждению договорной грамоты, от «василья на Новгородѣ, како «дьякъ» Александръ Ярославичъ, отъ чего Ярославъ должеть впередъ «отступиться»¹⁾.

(„а свободъ ти, ни митъ на Новгородской волости не ставити“ и „а на Пладу, князе, Новгородца не судити, ни даиѣ ти ралдавати“) свидѣтельствуютъ о теогуальной зависимости № 3 отъ второй грамоты.

Грамота № 2 даетъ текстъ, нѣтъ выработанный и формально, и по содержанию, тѣмъ перелъ, а писана такъ, что мѣстами форма буквы и чернила совершенно ными, нежели не возметъ текстъ, причѣмъ второе изъ этихъ мѣстъ даетъ впечатлѣніе пробѣла основного текста, не безъ труда заключеннаго другой рукой (вставленными буквами отъѣвѣ банки другъ къ другу и съ трудомъ помѣщенны между словами короба и на томъ, принадлежавшии 1-му лицу — см. описание грамоты въ изсѣдованіи А. А. Шахматова, стр. 246). Только то обстоятельство, что изъ этой грамоты была приложена начѣвъ („дѣчати не сохранилось, но есть знакъ, что она была“ — А. А. Шахматовъ) мѣшаетъ признать ее „протономъ“ договора, который состоялся въ формѣ грамоты № 1. Во всякомъ случаѣ, не вижу никакой возможности признать ее „вторымъ“ договоромъ, заключеннымъ между Владимѣръ Новгородомъ и кн. Ярославомъ послѣ „перваго“, которого документъ въ первой грамотѣ какаго собранія договорныхъ. Если это самостоятельный актъ, то такова могла, скорѣе, быть редакция договора, заключеннаго въ 1285 г. при посольствѣ Ярослава на столъ Новгородскаго княженія, а договоръ грамоты № 1-го „обновленіе“ по утвержденію Ярослава Ярославича на великомъ княженіи (осенью 1283 г.), м. б., въ первый прѣѣвъ изъ Новгородъ великимъ княземъ (въ началѣ 6772 г.).

¹⁾ Не вижу основаній для утвержденія А. А. Шахматова, что договорная грамоты такого же типа, какъ дошедшія до насъ, т. е. опредѣляющія или стремившіяся опредѣлить возможно полнѣе ограниченія, какія налагала новгородская „старшина и пошляны“ на власть князя въ Новгородской землѣ, существовали и раньше, даже со времени Всеволода Мстиславича (1125—1130; см. указан. изсѣдованіе А. А. Шахматова, стр. 229). Въ первомъ договорѣ князя Ярослава съ Новгородомъ упоминается грамота его отца, Ярослава Всеволодовича, касавшаяся княженія князя въ правѣ на рыбную ловлю и боротами угодыя въ Лядогѣ. Таковы грамотами по отдѣльнымъ вопросамъ новгородской „старшины и пошляны“ могъ закончиться матеріалъ ихъ формулированными нормъ, на которомъ выросли бохѣ систематически договорны грамоты общаго характера, которыхъ — для насъ — первая представительна и есть новгородская грамота князя Ярослава Ярославичу отъ 1283 г. Въ пользу такого представленія о значеніи этой грамоты, что она не случайна и не только „дѣя вѣстъ“ первымъ документъ этого типа, говорятъ: неустойчивость договорнаго „формуляра“; характерный токъ „полкованія“ относительна привилегій въ Суздальской землѣ для новгородскихъ купцовъ, съ аргументаціей, что „такое пошло отъ дѣды и отъ отецъ“ какъ князя, такъ и ихъ, новгородцевъ, но безъ утвержденія, что таково ихъ приобретательное право; наконецъ, стремленіе утвердить представленіе, что какаго-то изъ договоровъ нормъ дѣйствительно „старшина и пошляны“, та самая, на которой (предполагая, что безъ формулировки въ письменной формѣ) цѣловали крестъ дѣды и отецъ князя и отецъ его Ярославъ. Въ грамотѣ № 2 „дѣдовъ и отецовъ“ еще нѣтъ, а сказано, по чтенію А. А. Шахматова — „на чѣмъ то цѣловали крестъ отецъ твой Ярославъ“, какъ и „пошляны“ новгородская опредѣляется тожко гѣмъ, „како держалъ отецъ твой“; такого, слышномъ устнаго, опредѣ

Новгородцы добиваются возможно прочных гарантий своей политической свободы, построенной на все расширяющемся «вародроправствѣ» и все усиливающейся связности дѣйствительной княжеской власти общинноправовой «старшиной и пошнкой» Великаго Новгорода. Съ другой стороны, договорная грамота вскрываетъ (въ своей заключительной части) значение тѣхъ торговыхъ интересовъ, какіе склоняли новгородцевъ искать не ослабленія, а укрѣпленія связи Великаго Новгорода съ великими князьями.

Моментъ, благоприятный для этой новгородской политики, былъ созданъ воцареніемъ въ Новгородѣ князя Ярослава ранѣе, чѣмъ онъ сталъ великимъ княземъ; все его поведеніе показываетъ, что онъ нуждался въ новгородской помощи и спѣшилъ утвердить за собой новгородское княженіе въ связи съ стремленіемъ къ великокняжескому столу. Было ли причиной тому возможное соперничество старшаго брата Андрея, которое Татищевъ построилъ, какъ фактъ, какъ опасеніе притязаній Александровичей Невскаго, на что указываетъ связь призванія Ярослава съ нагнаніемъ изъ Новгорода князя Дмитрія Александровича, надо допустить, что новгородская помощь обезпечила успѣхъ Ярослава въ Ордѣ, какъ это не разъ бывало и поддѣлки съ престолами на великое княженіе ¹⁾.

Двойственное отношеніе Великаго Новгорода къ великокняжеской власти весьма сильно отразилось на дѣятельности великаго князя Ярослава Ярославича. Крѣпнѣе, въ эту пору, обособленіе Новгорода и Пскова, какъ самостоятельныхъ политическихъ силъ. У нихъ своя политика по отношенію къ западнымъ соседямъ, и великимъ князьямъ приходится все болѣе считаться съ нею, даже—волей-неволей—ей подчинять свои дѣйствія.

Бурные событія 1263 и слѣдующихъ годовъ въ литовско-русскихъ областяхъ выдвинули самостоятельное значеніе Пскова и усилили его особое значеніе въ западныхъ отношеніяхъ Руси. Въ 1265 г. явился въ Псковъ бѣглецъ изъ литовской князи Домонтъ «со всѣмъ родомъ своимъ», ставъ организаторомъ псковскихъ боевыхъ силъ, вождемъ въ борьбѣ съ Литвой, руководителемъ кѣстной псковской политики. Возвращеніе въ Псковъ литовскаго князя поразило в. к. Ярослава; онъ спѣшилъ «се многою силою Невоскомъ» въ Новгородъ, «хотя ити на Псковъ, на князя Домонта», но новгородцы «возбраниша ему, глаголюще: оми, княже, тебѣ съ нами уйдѣдася тоже пойдати на Псковъ». Успѣшныя боевыя дѣйствія Домонта умекли новгородцевъ; помимо великаго князя они рвутся къ активнымъ, наступав-

---

лени «старшиной и пошнкой» изъ въ договорной № 1, кѣтъ и въ поддѣлкахъ. Изученіе новгородскихъ договоровъ съ князьями крайне затруднено; тѣмъ, что для большинства ихъ не дошло до насъ отвѣтныхъ княжескихъ грамотъ того типа какъ № 4.

¹⁾ Въ источникахъ нашихъ нѣтъ свидѣній о походахъ Ярослава къ казу; но похитилъ онъ — новгородскимъ княземъ, и участіе въ этой похиткѣ новгородскихъ пословъ болѣе, чѣмъ вѣроятно.

талантливим діяльником и, видимо, находить сочувствіе въ младшихъ князьяхъ прежде всего въ Дмитріи Александровичѣ Невскому ¹⁾, на котораго и выпала роль продолжателя отцовскаго похода. Послѣ цѣлаго года смуты, новгородцы добились, помимо великаго князя, организациі большого похода русскія князья на Раковоръ подъ руководствомъ переславскаго князя Дмитрія Александровича ²⁾. Битва подъ Раковоромъ была удачна, но стоила большихъ потерь, а, главное, не дала никакихъ результатовъ, кромѣ озлобленія сосѣдей. Нѣмцы не замедлили отплатить набѣгомъ на Псковъ, а съ русской стороны боевая энергія угасла, князья разлѣкались, не учинивъ, подобно тому какъ въ 1228 г. ³⁾, мира и «никакого добра». Создалось положеніе, изъ котораго не было выхода безъ обращенія къ великому князю. И послѣ долгихъ раздоровъ и смуты въ в. к. Ярославлю новгородцы вынуждены передать свое дѣло въ его руки. Ярославъ добился сгибля нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, избравъ тысяцкимъ своего кандидата, и тогда только призвать «киевскіе» полки и татарскую помощь, чѣмъ при-

¹⁾ Въ 1266 г. Дмитрій Александровичъ выдалъ за Довмонта свою дочь Марію (П. С. Р. Л., т. V, стр. 7).

²⁾ Извѣстія лѣтописцевъ сведомъ о новгородскихъ событіяхъ отъ насъ имѣть весьма ограниченныя и многого не договариваютъ. Въ 1265 г. Ярославу пришлось уступить новгородцамъ, и отъ отсутствія изъ рукъ руководство западными отношеніями. При этой его неудачѣ выдвинулся Дмитрій Александровичъ: его в. к. Ярославъ, уходя со своими полками во свояси, «въ Новгородѣ остави» (т. VII, стр. 167); во кн. Дмитрій, очевидно, покинулъ Новгородъ черезъ годъ — во время смуты въ Новгородѣ, о которыхъ, впрочемъ, прямо упоминаете находимъ только въ Никоновской лѣтописи («матякъ бысть усобной», — т. X, стр. 145; новгородскія — молчать о «матякѣ», отпѣвая только пожаръ Нервскаго князя, однако, съ намекомъ: «моза отъ того разбогатѣша» — Новгород. I, стр. 296); новгородцы въ томъ же году участвуютъ въ походѣ кн. Довмонта на Литву безъ князя со своимъ повеломъ Елемеріемъ Сбыславичемъ (тамъ-же). Въ началѣ 6776 г. (осень 1267 г.) въ Новгородѣ княземъ кн. Юріи Андреевичъ (суздальскій), котораго С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 645) считаетъ «матвѣйникомъ Ярославичемъ»; съ этимъ княземъ новгородцы затѣли походъ подъ Раковоръ (Веламбергъ), и это походъ не княжескій, а волевое предпріятіе новгородцевъ, какъ видно изъ той его «лѣтвой» черты, что цѣль похода вызвала большія развогласія («догѣнаши на Литву, а вѣи на Подтѣсть, а пѣи за Нареву», тамъ-же) и была вызвана по выступленіи рати послѣ большихъ раздоровъ въ самомъ войскѣ. Неудача похода заставила новгородцевъ съ посольствомъ Михаиломъ призвать кн. Дмитрія Александровича, а по согласованіи съ нимъ (Соф. I и Воскр.; т. V, стр. 199 и т. VII, стр. 167) призвать на помощь в. к. Ярослава, который и прислалъ свои полки съ смольянскимъ Святославомъ и Михаиломъ. Въ помощь походъ подъ Раковоръ участвовали подъ общимъ повеломъ кн. Дмитрія, кромѣ двухъ Ярославичей, кн. Юріи Андреевичъ, Ковстантинъ Ростиславичъ смоленскій («зять Александровъ»), Довмонтъ съ полковниками и какой-то князь Ярополкъ. Присылка рати отъ в. к. Ярослава была явно вынужденной уступкой: дальнейшій ходъ событій показываетъ, что онъ былъ противъ волеи съ нѣмцами.

³⁾ См. выше, стр. 40.

шудать вѣнцѣвъ вернуть весь пологъ и отступиться всей Нерою»¹⁾. Возстановленіе руководящей роли великаго князя во вѣншей полѣтѣхъ Великаго Новгородѣ соединено съ попыткой Ярослава заново усилить свою власть и въ дѣлахъ внутреннего управленія; онъ сталъ поступать въ Новгородѣ, какъ вѣтанный владѣлецъ, не считаясь ни съ новгородской «пошлиной», ни съ торговыми отношеніями Великаго Новгородѣ²⁾. Ярославъ лично долго пробылъ въ Новгородѣ, на Городицѣ, но въ 1269/70 г. поднялся «княземъ» въ Новгородѣ, «стотѣще князя Ярослава изгнати изъ града»; его сторонниковъ били и грабили, а ко князю послали, «исписавъ на грамоту всю обиду его», съ требованіемъ, чтобы онъ пошелъ прочь изъ Новгородѣ, «а мы себѣ добудемъ князя», и настояли на отъѣздѣ в. к. Ярослава съ Городища, хотя, по дѣтписнымъ сообщеніямъ, онъ заявилъ новгородскому вѣчу черезъ сына Святослава и боярина Андрея Воротиславича готовность «вспитися» всѣмъ незаконнымъ захватамъ и цѣловать крестъ «на всей волѣ новгородской». У новгородцевъ былъ готовъ кандидатъ на стогъ изъ княженія: князь Дмитрій Александровичъ, но онъ уклонился отъ соперничества съ дѣдѣ, а когда Ярославъ «нача полки копѣти на Великій Новгородѣ», призывая и татаръ въ помощь, князь Дмитрій повелъ своихъ переселенцевъ противъ Новгородѣ по зову великаго князя. Однако, за Новгородѣ вступился второй Ярославичъ—Василій³⁾; Василій поѣхалъ въ Орду съ новгородскими посланци

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169; Новгород, I, стр. 290—292; т. X, стр. 174.

Тотчасъ возникло и разногласіе в. князя съ новгородцами: послѣ заключенія мира съ кѣнцами, в. к. Ярославъ обратился было «ити на Корѣлу, и бѣша челоу новгородци князю Ярославу и идеа умошаго его не ити на Корѣлу, князь не отеса полки авзавдъ» (т. VII, стр. 169; Новгород, I, стр. 292).

²⁾ Новгородцы такъ «исписали на грамоту всю збу (обиду) его»: «чему еси отъахъ Волковъ голгоушии волци, а поле отъахъ еси зельчимаи волци? чему зельч еси Алексѣя дворъ Морткиничя? чему позмалъ еси серебро на Михафорѣ Ману-сквичѣ и на Ромѣвъ Болдмжовичѣ и на Варфоломѣ? а иже: чему выводишь отъ князѣ живонца, которыми у насъ живутъ? а того много знаемъ его» (Новгород, I, стр. 292; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 169). Въ договорной грамотѣ 1269/70 г. указаны еще обиды князя Ярослава: отнять грамоту отца своего о пользованіи рыбными волками и бортьими угодьями въ Ладогѣ; «посудавъ» грамоты отца своего и брата и подавалъ «на тѣ грамоты» свои, новыя; отнять у Киряки Хотунича даны съ новгородскаго погоста и отдалъ ихъ попу св. Михаила (а его городскимъ погамъ «не пошло»; державъ закладничюкъ на Торжку, какъ и Юрій Андреевичъ; такъ грамота посылаетъ обязательнѣ въ «ыводѣ» ижеменцевъ: Ярославъ «завтороргъ» вѣнцѣи дворъ, представивъ къ нему своихъ преставовъ, а это столкновеніе съ кѣнцами, повидному, связано съ недоразумѣніями по поводу визита вѣнцами полсва и пограничьякъ земель.

³⁾ Мотивъ Василія Ярославича, по дѣтписанію: «малъ ми своея отчимъ»; возможно, что заводка татаръ на русскія области Ярославомъ дала популярней поводъ для его выступленія. Василій послалъ своихъ людей въ Новгородѣ; дальнѣйшія отношенія показываютъ, что имъ использовалъ случай пріобрѣсти располоненіе Великаго Новгородѣ и противопоставить пошатнувшейся популярности Дмитрія

и «возврати рать татарскую», убивши хаана, что «новгородия предъ Ярославомъ правы»¹⁾. В. к. Ярославъ не смогъ смирить новгородцевъ силою, вынужденъ былъ исслать мира на всей волѣ новгородской подѣ поручительствомъ всѣхъ русскихъ князей: новгородцы подняли на защиту всѣ пригороды и волости свои²⁾. Потребовалась утѣшительная грамота кнурополата Кирилла къ новгородцамъ и его поручительство за великаго князя, чтобы привести ихъ къ примиренію съ в. к. Ярославомъ³⁾.

Александровича свои овязи съ вѣстельными силами Новгорода. Въ посольствѣ къ хану виднѣтъ Михаила Пичаича, который игралъ видную роль и въ отомщеніи Александра Невского къ Новгороду (Новг. I, стр. 279 и 293). Для этихъ событій см. Соф. I (И. С. Р. Л., т. V, стр. 196—197), Воскр. (т. VII, стр. 160—170), Новг. I (стр. 292—294).

С. М. Соловьевъ такъ объясняетъ поведение князя Василия Ярославича: «этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но къ соперничеству съ братомъ; князь князя Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимірское, но даже независимости его княжества — Костромскаго» („Ист. Россіи“ кн. I, ст. 846). Конечно, нѣтъ даже повода ставить вопросъ о какомъ-либо особомъ сочувствіи кн. Василия особенностямъ новгородскаго строя и быта, но нѣтъ и источника указавшаго на то, чтобы Ярославъ Ярославичъ подготовлялъ передачу великаго княженія сыну (старшему Михаилу, который умеръ вскорѣ по кончинѣ Ярослава, въ 1371 г.—И. С. Р. Л., т. IV, стр. 42; т. V, стр. 106) мнѣю брата Василия, нѣтъ и намека на его покушенія противъ „независимости“ Костромскаго княжества, кроми захвата новгородскихъ купцовъ „въ Костромѣ и по инымъ городомъ“ (договорная 1269/70 г. — И. С. Р. Л., т. IV, стр. 42; т. V, стр. 106) мнѣю брата Василия, нѣтъ и намека на его покушенія противъ „независимости“ Костромскаго княжества. Такимъ „насиліемъ“ ставился развѣ вопросъ объ отношеніи мѣстнаго князя къ великокняжеской власти.

¹⁾ Новгородскіе послы, поддержанные кн. Василиемъ Ярославичемъ, не только опровергали передъ ханомъ обвиненія в. к. Ярослава (а в. к. предавши ему тѣснѣнній Разборъ объяснили возстаніе новгородцевъ — сопротивленіе ихъ сбору татарской дани, И. С. Р. Л., т. VII, стр. 150; т. X, стр. 148), но предавши ему свои торговля обиды. Обвиненію новгородцами в. князя, что онъ отъ князя „вкандитъ владимиръ“ соотвѣтствуетъ явнымъ: „Между Тверзюю своею къ Ярославу князю“, который гласитъ: „дай путь владимирю гостю въ свою волость“ (см. „Русско-Ливонскіе акты“, № 26). На ханской армянск. о которомъ сообщаетъ документъ „Русско-Ливонскіе акты“ новгородцы ссылаются въ договорной грамотѣ 1269/70 г.: „а гостю нашему гостити по оудальской земанъ безъ рубема по царевъ грамотѣ“; далѣе текстъ этого документа гласитъ: „отъ князя Ярослава ко Римаврѣ и къ большемъ и къ молодымъ и кто гоститъ и не всѣмъ: путь заше чѣста есть по моей волости; а кто нѣтъ ратимъ съ тнѣя съ самъ вѣдамъ; а гостю чѣсть путь по моей волости“.

²⁾ „И совокупилъ къ Новгороду вся волость Новгородская, Пясовичи, Ладиманъ, Корѣанъ, Нимра, Вошанъ“ (Новг. I, стр. 294; И. С. Р. Л. т. VII, стр. 170). Никонская сообщаютъ (т. X, стр. 149), что новгородцы „и вѣнецъ много привеломъ къ помощи къ себѣ“, что само по себѣ вполнѣ возможно и въ духѣ политич. орена.

³⁾ Договорная грамота № 3 (по С. Г. Г. и Д., т. I и по изд. Шахматова); см.

Эти новгородскія дѣла за время великаго княженія Ярослава Ярославича заслуживали подробнаго обзора по ихъ показательности для уадака великокняжескаго авторитета. Опора, какою великій князь искалъ во власти ордынскаго хана оказалась «слабой о двухъ концахъ»; такъ, въ положеніи верхняго суда русскихъ отношеній призналъ новгородцевъ правыми передъ великимъ княземъ, но предстательству ихъ послѣвъ и князя Василія Ярославича. Необходимость для «великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго» обладанія Великимъ Новгородомъ—возвышала значеніе Новгорода въ общерусскихъ дѣлахъ ¹⁾. Въ ту пору—широкое развитіе новгородской торговли давало руководящія сферы господина Великаго Новгорода значительными матеріальными средствами; эти сферы приобрѣтали особый вѣсъ въ Орды и у князей, а, съ другой стороны, усилилось самостоятельное, даже рѣшительное значеніе новгородскихъ и исконныхъ интересовъ въ вопросахъ западной великорусской политикѣ. Зависимость великаго князя отъ ордынской власти и новгородской силы ослабляла его авторитетъ по отношенію къ другимъ князьямъ, которые могли искать вѣсели самостоятельными самей и съ той и съ другой ради собственной выгоды и честолюбивыхъ стремленій.

Эти общія черты политическаго положенія Великороссіи въ послѣдніа десятилѣтія XIII вѣка создавали весьма благоприятную почву для развитія княжескаго владѣльческаго сепаратизма въ ущербъ объединенію всей Великороссіи подъ общей властью Владимірскаго великаго князя. Строго говоря, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы сказать про самого в. к. Ярослава Ярославича, что его главная опора не столько великое княженіе, сколько его вотчинныя тверскія владѣнія; въ роли его «подручниковъ» видны князь Юрій Андреевичъ суздальскаго, Глебъ смоленскаго, впрямую и другіа мѣдншихъ—ростовскія, ярославскаго, въ составѣ «низовской» его рати. Однако, брать его Василій Ярославичъ и племянникъ Дмитрій Александровичъ—ведутъ свою политику, подрывая великокняжескій авторитетъ и въ Орды и въ Новгородѣ Великомъ, и въ своей княжеской средѣ ²⁾.

«Я видѣлъ (за об.) „се пріѣзша послы отъ Мангу Тамера паря сажать Ярослава съ грамотою Честу и Ванши“.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, согласно общей своей теоріи, видѣлъ въ борьбѣ князей за власть надъ Великимъ Новгородомъ (съ новгородцами и между собой)—„стремленіе каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество“ („Ист. Россіи“, кн. I, стр. 848). Все развитіе новгородско-низовскихъ отношеній какъ при Ярославе Ярославичѣ, такъ и послѣдѣ—до самыхъ временъ паденія новгородской вольности при Иванѣ III Васильевичѣ—неразрывно связано съ исторіей великокняжеской власти. съ борьбой за усиленіе ея общаго значенія для всей Великороссіи. Такъ и ранѣе—со временъ Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича стремленіе „низовскихъ“ князей усилить подчиненію Новгорода—черта, основанная въ содѣданіи има великаго княженія Владимірскаго.

²⁾ Показательно стремленіе в. к. Ярослава идти на своей сторонѣ въ столк-

Князь Василій Ярославичъ оставилъ наступлеіе Ярослава на Новгородъ—предательствомъ на новгородцевъ передъ ханомъ и свидѣльствомъ въ ихъ пользу. Осторожное поведеіе князя Дмитрія Александровича объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что у в. к. Ярослава было отъ таза разурѣшеніе смарить Новгородъ. Но возможно, кромѣ того, и иной мотивъ; есть указаніе на то, что в. к. Ярославъ стремился примирить съ собою Александровичей и князь ихъ на своей сторонѣ. Выше мы видѣли, что еще въ 1266 году въ «Новгородѣ» оставилъ князь Дмитрія Александровича, княжича тамъ при отцѣ и ради призванія Ярослава на новгородское княженіе оттуда изгнаннаго; а затѣмъ послалъ ему въ помощь свои воюки для новгородскаго похода, затѣмъ воевалъ противъ его воюки. Съ другой стороны, младшій Александровичъ Невскаго, Андрей княжичъ на Городцѣ Поволжскомъ и Нижнемъ Новгородѣ¹⁾, что могло проказойти только по соглашенію съ великимъ княземъ²⁾.

Все дѣятельность Ярослава Ярославича—борьба за сохраненіе подлинной силы великокняжеской власти; но видно изъ этой дѣятельности «вотчужденнаго владѣльца» Тверской земли, хотя Ярославъ—тверской князь, сохраняетъ Тверь, какъ личное княжеское владѣніе, и по ваятіи великокняжескаго стола, а послѣ его кончины (въ 1271 году) тверской отчиной владѣютъ его сыновья Святославъ и Михаилъ. Единственная подлинно «тверская» черта въ биографіи в. к. Ярослава Ярославича—его погребеніе въ Тверской храмѣ св. Ковныи и Даміана; Ярославъ скончался на пути изъ Орды, и его тѣло

возвѣзихъ съ Новгородомъ рашеніе таза и татарскую силу. Едва-ли тутъ тѣло, только въ этой военной силѣ и въ страхѣ „татарскаго вѣнца“; дакъ распорядился своею военной русской силой; русскіе князья ханскаяи въ полкахъ въ ордынскіе походы прикавказскаго и кавказскаго края; въ такихъ условіяхъ приказъ таза дознаеть былъ обеспечивать владѣльцу князю мобилеизацію всѣхъ полковъ „земельской земли“, что—безъ такого приказа—становилось на убытокъ почту между княжескихъ отвошаній и соглашеній.

¹⁾ Въ 1304 г. князь Андрей Александровичъ претавился и „помощникъ быеть на Городцѣ“; мѣсто погребенія князя всегда характерно для его владѣльческаго положенія; а затѣмъ „вѣчанка“ высылка его бояръ въ Нижний Новгородъ. См. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184; т. X, стр. 178. О достоверности сообщенія Никольской, что въ Нижнемъ избіенію подверглась именно бояре князя Андрея Александровича и о томъ, какъ она подъ вліяніемъ разногласій съюстъ восточнаею (родословная— ср. выше, стр. 62, пр. 3) превратила истинна за этихъ бояръ Михаила Ярославича тверскаго въ Михаила Андреевича, и тѣмъ запутала рядъ историческихъ и генеалогическихъ вопросовъ, см. выше.

²⁾ После кончины князя Андрея Ярославича въ 1266 г. Суздаль остался отцедой его сыновьями (Юрию, Михаилу и Василію), а Городецъ и Нижний—дѣршанъ въ владѣніе ихъ. Андрей Александровичу. Суздальскіе князья сохраняли притязанія на Городецъ и Нижний и добились поддѣе ихъ осуществленія; но въ данный моментъ имъ должно было быть особо важными закрѣпленіе права на Суздаль, „вотчужденное“ положеніе козго могло оказаться весьма еще спорнымъ (ср. судбу Суздаля при Святославѣ Всеволодовичѣ и въ моментъ его кончины,— выше, стр. 132).

повезли хоронить не во Владимиръ, а въ Тверь ¹⁾. Сообщивъ о кончинѣ в. к. Ярослава, дѣтнописные своды пишутъ, по старому шаблону: «того же дѣта сѣде въ Володимирѣ за столѣ князь Василей Ярославичъ Костромскіе и бысть князь великій Володимирскій и Новгородскій» ²⁾. На дѣлѣ произошло кѣтъ иное ³⁾. Василей Ярославичъ, повидимому, обезпечилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе тотчасъ послѣ смерти брата ⁴⁾ и послѣднѣе занять великокняжескій столѣ въ столичный Владимиръ, но тутъ узнавъ о смещеніи князя Дмитрія Александровича съ Великаго Новгорода и отправилъ туда

¹⁾ У насъ кѣтъ основаній утверждать, что князь Ярославъ управлялъ Владиміромъ великимъ княжествомъ изъ Твери. По дѣтнописнымъ видамъ его то въ Новгородѣ, то во Владимирѣ, то въ Ордѣ, но кѣтъ указаній на Тверь, какъ на резиденцію великаго князя. Кѣтъ основаній повторить за В. С. Воронковскимъ: «Ярославъ Ярославичъ руководствовался только узкими интересами, интересами своего княжества, а не общерусскими» («Исторія Тверскаго княжества» — стр. 83; Воронковскій въ оценкѣ дѣятеліи Ярослава воцѣло зависить отъ С. М. Соловьева); кѣтъ бы было сказать, что Ярославъ руководствовался интересами своей великокняжеской власти, вносилъ, повидимому, много лучшаго въ нѣхъ пониманіе; анти-теза «общерусскихъ» интересовъ мѣстнымъ интересамъ «своего княжества» — проявляема, ибе этикъ послѣднѣкъ не видно въ великокняжеской дѣятельности Ярослава. Его заботливость о Тверскомъ княжествѣ проявилась въ учрежденіи особой Тверской епархіи, но въ какикъ источникахъ кѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ событіи, такъ что трудно судить о мотивахъ кн. Ярослава и о значеніи этого факта для характеристики его дѣятельности. Знаемъ только имя перваго епископа—Симона; упоминается онъ впервые по поводу погребенія князя Ярослава и то только въ Никоновской лѣтописи (т. X, стр. 150; другіе своды поминать его только по поводу закладки храма св. Спаса въ Тверь, въ 1275 г.).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 171.

³⁾ Воскресенская лѣтопись сообщаетъ подь 6780 (1271/2 г.): 1) о смерти в. к. Ярослава Ярославича; 2) о вокняженіи в. к. Василія и 3) о призываніи въ Новгородъ Дмитрія Александровича; подь 6781 (1272/3 г.): 1) о вокняженіи кн. Дмитрія въ Новгородѣ; 2) о паденіи кн. Василія на Торжокъ и походѣ кн. Дмитрія на Тверь и смутѣ въ новгородскомъ волостѣ, которая заставила Дмитрія уступить дядѣ новгородскій столѣ; и 3) о вокняженіи кн. Василія въ Новгородѣ.

Никоновская сообщаетъ о смерти в. к. Ярослава подь 6779 (1270/1) г. и тутъ же о вокняженіи в. к. Василія; подь 6780 г.: 1) о призываніи новгородцами Дмитрія; 2) о походе за князь костромского воеводъ Семеева, о походѣ кн. Василія на Переяславль и Торжокъ, и возвращеніи обоехъ во Владимиръ; подь 6781 г.: 1) о паденіи в. к. Василія на новгородскія волости съ татарскою помощью, 2) о набѣгѣ на нѣхъ тверского князя Святослава Ярославича тоже съ татарскою помощью, 3) о дороговизнѣ въ Новгородѣ и захватѣ новгородцами кушумовъ и розаровъ во Владимирѣ, Твери и Костромѣ, 4) о походѣ кн. Дмитрія къ Твери, переговорахъ съ кн. Василіемъ, смутѣ въ Твери (гдѣ были тогда воеводы в. к. Василія), отроченіи Дмитрія и вокняженіи въ Новгородѣ в. к. Василія (П. С. Р. Л., т. X, стр. 151—152).

⁴⁾ Ярославъ умеръ на обратномъ пути изъ Орды, куда одновременно съ нимъ ѣздили и Василей Ярославичъ и Дмитрій Александровичъ; бытъ возможно, князь Василей былъ еще въ Ордѣ, когда пришла вѣсть о смерти брата?

своих послов¹⁾, а когда новгородцы «яшася на князя Дмитрія», сдѣлавъ, повиданному, попытку перехватить его по дорогѣ къ Новгороду²⁾, но не успѣвъ, и князь Дмитрій «сѣде на столѣ» въ Новгородѣ. Тогда Василий захватил Торжокъ, посадилъ тамъ своихъ наѣстныхъ князей, вернулся во Владиміръ и подготовилъ новый походъ на Новгородъ, одновременно изъ Владиміра, откуда выступилъ самъ великій князь съ Владимірскими «великими баскаками» и «многими татарами парезыми», и изъ Твери, откуда пошелъ на новгородскія волости Святославъ Ярославичъ (тоже съ «татарами парезыми»³⁾). Однако, и на этотъ разъ дѣло свелось къ разоренію новгородскихъ волостей. В. к. Василий вернулся во Владиміръ и распорядился захватомъ всѣхъ новгородскихъ купцовъ съ ихъ товарами во Владиміръ, Твери и Костромѣ; началась обычная при разрывѣ съ великими князьями дороговизна хлѣба въ Новгородѣ. Князь Дмитрій Александровичъ сдѣлалъ попытку организовать отпоръ «всему областю новгородскую», но ратъ дошла только до Торжка, гдѣ засѣлъ наѣстникъ великаго князя, и стала тутъ вѣчать, которое рѣшило «отметатися» отъ князя Дмитрія, а звать на княженіе великаго князя. Князь Дмитрій ушелъ отъ нихъ въ свой Переяславль, а въ Новгородѣ «посадилъ на столѣ» в. к. Василия⁴⁾.

Кратковременное великое княженіе Василия Ярославича (ум. 1276 г.) — блѣдная страница въ лѣтописной традиціи, ничѣмъ характернымъ не отличавшаяся, кромѣ новгородскихъ дѣлъ⁵⁾.

III.

Съ в. к. Василиемъ Ярославичемъ сошло съ исторической сцены старшее поколѣніе князей. Это знаменательный моментъ въ смѣнѣ С. М. Соловьева. «Мы достигли, пишетъ онъ, того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства истекаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что

¹⁾ «Пришла князь Дмитрій Александровичъ въ Новгородъ, хотя съѣхъ въ немъ князю; также и князь Василий Ярославичъ присла свои послы, хотя съѣхъ на столѣ; ставшимъ же обомъ посломъ въ Ярославск дворѣ, Новгородци же съ посадникомъ Пашею яшася за князя Дмитрія, и послаша по него послы свои» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 172). Никоновская, въ духъ всего своего изложенія, передаетъ почти призывъ Дмитрія на княженіе — новгородцамъ, а про пословъ в. к. Василия вовсе упоминаетъ (т. X, стр. 151).

²⁾ В. к. Василий, узнавъ о новгородскомъ посольствѣ ко князю Дмитрія, «посла по немъ возводу своего Симея, а самъ иде къ Переяславлю» т. X, 151).

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 151.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 172; т. X, стр. 151—152; Никоновская лѣтопись такъ далеко забываетъ упомянуть о «посаженіи» великаго князя на «столѣ» новгородскаго княженія, а вмѣсто того пишетъ: «приша его съ честию». Посадилъ Паша, сторонникъ кн. Дмитрія, бѣжалъ въ Переяславль.

⁵⁾ Не знаю, почему А. В. Звеницкскій полагаетъ, что Василий Ярославичъ «почти постоянно» жилъ въ Костромѣ (указ. соч., т. I, стр. 44); по «положенію бысть тѣло его на Костромѣ въ церкви святого Феодора» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175).

они добиваются не старшинство, но славу. Каждый князь, получивъ область Владимірскую, старается увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдаленности владѣнія заставляло каждаго великаго князя заботиться только о самомъ себѣ,—то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться приобрести силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на великаго, съ пріоритетомъ всѣхъ старшинствъ правъ, родовыхъ отишеній»¹⁾.

Основной мотивъ княжескихъ усобицъ «недоувѣренность князей къ великому князю Владимірскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу Владимірскую область»²⁾.

Вдумчивая наблюдательность С. М. Соловьева итъко выдвинула характернѣйшую черту событій, разыгравшихся въ послѣдніа десятилѣтія XIII и первыя XIV вѣка: союзъ младшихъ князей между собою и съ Новгородомъ Великимъ противъ носителей великокняжескаго титула и великокняжескихъ притязаній. Но предвѣтная теорія междукняжескихъ отношеній внесла въ объясненіе этого наблюденія черты, не оправдываемыя данными нашихъ источниковъ и не соответствующія научаемой исторической дѣятельности³⁾.

Необходимо преодолѣть обзоръ хода событій, потрясшихъ, въ эту пору, всю политическую жизнь Великороссіи. По смерти в. к. Василія, прежній соперникъ обоихъ дѣдовъ—Ярослава и Василія—переславскій князь Дмитрій Александровичъ могъ безпрепятственно занять оба стола великаго княженія «Владимірскаго и Новгородскаго» и «сѣде на столѣ» сперва во Владимірѣ, затѣмъ и въ Великомъ Новгородѣ⁴⁾. Въ духѣ прежнихъ своихъ выступленій онъ энергично дѣйствуетъ въ сѣверо-западныхъ предѣлахъ. Въ первую же зиму своего княженія—совершаетъ съ новгородцами и со всею новоскою землею походъ на корелю⁵⁾, а въ слѣдующемъ году ставитъ новое укрѣпленіе—городъ Копорье, который онъ еще черезъ годъ «обложи камнемъ»⁶⁾. Какъ бывало и при Александрѣ Ярославичѣ, усиле-

¹⁾ «Исторія Россіи», кн. I, ст. 875—877.

²⁾ Тамъ же, ст. 878.

³⁾ Стремленіе каждаго князя, получившаго Владимірскаго великаго княженіе («область Владимірскую») — «увеличить свою собственность на счетъ другихъ княжествъ» и присоединеніе «къ своему удѣлу Владимірскаго области».

⁴⁾ Последнее — въ Недавню Всѣхъ Святыхъ, т. с. 5 іюня 878/1277 г. (Новг. I, стр. 297; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173).

⁵⁾ «я вся земля ихъ на щитъ» (Нов. I, тамъ же).

⁶⁾ Карамзинъ высказалъ («И. Г. Р.», т. IV, гл. V, стр. 79), а Соловьевъ пріятель («Ист. Росс.», кн. I, ст. 878) предположеніе, что Копорье стало поводомъ раз-

ная военная деятельность великого князя въ новгородскихъ предѣлахъ не замедлила вызвать столкновение между нимъ и новгородцами изъ-за нарушения новгородской «старины и пошани» и противодействию новгородцевъ властному князю. Въ 1280 г. новгородскій архіепископъ Климентъ ѿдѣлъ къ великому князю во Владимиръ посланца отъ Великого Новгорода «о миру» но Дмитрій, все-таки, пошелъ на Новгородъ ратью «съ братьемъ своємъ» и только «поволавъ многы волости Новгородскіе»—заклучилъ миръ съ новгородцами¹⁾.

Слѣда началась съ того, что братъ Дмитрія Андрей Александровичъ «испроси себѣ княженіе великое подѣ братомъ своимъ старѣйшимъ» у хана и «приведе съ собой рать татарскую»²⁾. Литовские своды сохранили лишь одинъ мотивъ, посвящающій поступокъ кн. Андрея: просясь бояръ—«боярива его Семена Тонгаіевича и иныхъ коромольниковъ». С. М. Соловьевъ отождествилъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, этого Семена Тонгаіевича съ костромскимъ бояриномъ Семеновъ, воеводой в. к. Василія Ярославича, который сыгралъ такую видную роль во враждебныхъ дѣйствіяхъ своего князя противъ Дмитрія Александровича; этимъ отождествленіемъ, которое надо признать весьма вѣроятнымъ³⁾, устанавливается связь между борьбой противъ Дмитрія его дяди

дяди между кн. Дмитріемъ и Новгородцами, потому что, посылая Караманъ, князь хотѣлъ присвоить эту краѣсть лично себѣ и завлечь своею дружиною, а граждане не позволили князю владѣть чѣмъ нибудь въ области новгородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ: тоже у Соловьева: князь на Копорье хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось новгородцамъ. На эту мысль наведла историковъ не только роль Копорья въ дальнѣйшихъ событіяхъ (Кар., т. IV, прим. 159), но и пряма выраженія литовскихъ текстовъ: «копорю князь Дмитрій у Новгорода постави себѣ городъ Копорье и ѿхавъ салъ срубъ и» (Новг. I, стр. 298); однако, возведеніе въ Копорья каменнаго укрѣпленія кн. Дмитріемъ предполагаетъ «съ посадникомъ Михаиломъ и съ большимъ мужемъ шедше». О какомъ либо протестѣ Новгородцевъ—ничего не знаемъ, хотя в. к. Дмитрія, дѣйствительно, держалъ въ Копорья наѣздивиковъ и дружину. Первый разрывъ Дмитрія съ новгородцами вызвалъ его гнѣвомъ на князя, и Новгородцы тѣмже выгнали его отсюда: «отъгна гнѣвомъ князь Дмитрія съ новгородци у Михаила у Мишанина», тамъ же). Не видно, чтобы тутъ игралъ роль вопросъ о Копорья. За Дмитріемъ новгородцы числили князя «насилъ»: въ договорѣ Великаго Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ (С. Г. П. и Д., т. I, № 6 и 7) есть указаніе на постановку князь новгородскихъ волостей «свободъ» съ живущими въ нихъ салами. Укрѣпленіе Копорья и охрана его княземъ дружиной лишь одинъ изъ признаковъ обычнаго увеличенія власти князя при усиленіи военной дѣятельности на новгородскихъ границахъ.

¹⁾ Новг. I, стр. 298; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 174—175.— Вернувшись съ новгородскаго похода во Владимиръ, Дмитрія ѿдѣлъ въ Ростовъ на другое «велькокопнянское» дѣло: мирить раздоры ростовскихъ князей.

²⁾ Тамъ же, стр. 176.

³⁾ Указаніе на то, что Семеновъ Тонгаіевичъ былъ костромскимъ бояриномъ,

Василия Ярославича в восстании на него же брата Андрея. Не личные мотивы князей, а настроения и тенденции окружавшего их боярства дали бы намъ полное разуміе событій. Но лѣтописи заимы только князьями и даютъ лишь случайные (и тѣмъ болѣе цѣнные) намеки на значеніе боярскихъ вліяній въ междукняжескихъ отношеніяхъ и понятій носителей княжой власти.

Приходъ князя Андрей съ кавскимъ крымкомъ и татарскимъ войскомъ сплотить вокругъ него русскихъ князей. Дмитрій Александровичъ бѣжалъ изъ Переяслава «въ нѣмѣ дружинѣ» къ Великому Новгороду, однако тутъ его не только не принявъ, но встрѣтили «всѣмъ пождохъ», чтобы поймавъ ску вѣстѣ въ Колограмъ, гдѣ были его наѣзники съ гарнизонами¹⁾.

даетъ вѣстие о его смерти: «тогда (послѣ разрушенія братьевъ—князей Дмитрія и Андрея) убилъ же Костромѣ Семена Топкаевича, коронопанка хвастаго, бояре княже Дмитріемъ Овитовъ да бояремъ повозкѣмъ княжимъ» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 178). С. М. Соловьевъ естественно предполагаетъ «отъѣздъ» боярина Семена къ князю Андрею послѣ смерти в. к. Василія Ярославича, изъ боязни мести за прежнюю вражду со стороны в. к. Дмитрія; но его замѣчаніе, будто «Кострома по смерти бѣдѣвшаго Василія, перешла къ Андрею», повидимому, навѣяно только влече-ніемъ Нижегородской лѣтописи, которая даетъ цѣнный, литературно обработанный разсказъ о смерти Семена Топкаевича, а начинается его такъ: «Того же лѣта князь великій Дмитрій Александровичъ, изуку Ярославль, послаа дву бояриновъ синовѣхъ Авгота и Фовала взымати Семена Топкаевича и изымати его погону къ вѣсмѣ и убити» (т. X, стр. 181). Если это не простая обработка той же записки, какую даетъ Воскресенская лѣтопись (т. VII, стр. 178), то все таки «посылка» бояре не свидѣтельствуетъ, чтобы Кострома не была во власти в. к. Дмитрія. Кармазинъ проще поясняетъ пребываніе боярина Семена въ Костромѣ: Семеновъ Топкаевичъ «князъ спокойно, надѣясь на заключеніи между братьями миръ» («П. Г. Р.», т. IV, стр. 84). Правильнымъ надо признать мнѣніе А. В. Экземплярскаго, что Кострома, по смерти в. к. Василія Ярославича, въ рукахъ Владимірскаго великаго князя (указ. соч., т. II, стр. 264 и 267), вопреки его же первоначальной утвержденію, что по смерти в. к. Василія Ярославича «Андрей, къ прияду къ Городу, получилъ еще и Кострому» (т. I, стр. 53).

¹⁾ Напомненіе этихъ событій въ княжескихъ лѣтописяхъ связано сильно спутано. Воскресенская (т. VII, стр. 175—176), явно сокращая свой первоисточникъ, представляетъ дѣло такъ: послѣ разрушенія татарами всей вилновской земли («по самѣмъ Торкамъ») и ихъ ухода («татарове много ала сотвориша (sic) отъиждоша»),—князь же Дмитрій поиде къ Новгороду къ Великому и съ дворомъ своимъ, и иде мимо Новгорода, готѣ къ Копорію; Новгородци же выждоша всѣмъ плѣномъ противу его на озеро великое Измерѣ; великій же князь Дмитрій Александровичъ Копорію отступился, а Новгородци великому князю путь показаша, по выли «въ захмьдъ» даушъ его дочерей и бояръ его съ семьями, требуя ухода изъ Копорья его мукетъ; 1 января 1282 г. «разылошася разво» и въ тотъ же день князь Довмонтъ, зять в. к. Дмитрія Александровича, «книгои Ладого» и изъ Копорья «поима» всею казю в. к. Дмитрія; тогда Новгородци послали звать къ собѣ на княжескіи Андрей Александровича, а сами поиди на Копорье, заставили выхъати оттуда наѣзниковъ Дмитрія, а украиненіи разрушилъ. (Тамъ, вѣроятно сокращенно—Нолг. I, стр. 200—200; Соф. I, т. V, стр. 100—200; Нбег. IV, т. IV, стр. 244). Нижегородская (т. X, стр. 150) сокра-

Кн. Дмитрію пришлось отказаться отъ этой мысли и идти, куда ему новгородцы «путь показаша»—по всему извороту во Псковъ¹⁾. Въ ту же

застъ болѣе прізнанное соотношеніе событій въ началѣ того же разсказа и, по-видимому, нѣкоторыя черты болѣе подробнаго и точнаго разсказа о нихъ, но и ея источникъ (тотъ же, что и Воскресенской) давалъ о нихъ не знойшій комой отчетъ, такъ что ея литературно-книжническая обработка въ обычной манерѣ этого свода основывалась, какъ это, впрочемъ также обычно для Никоновскаго свода, тождествомъ, подчасъ искажающими и смыслъ и фактическую точность. По разсказу Никоновской лѣтописи, в. к. Дмитрій—по вѣсткамъ о приближеніи кн. Андрея съ татарами, «поѣхашъ къ Новгороду и зъ мѣстомъ зъ дѣтми и зъ боярыи и со всѣми дворяныи своими и явиле во грады Копорыи. Новгородцы же вышедше на озеро на Элмеро съ поклономъ, лукавотвуща, не хотѣше бо пустити его оттуда, покаже оубъ оттуда хотѣше за море ѣхать. И многими речемъ бившеши между нѣхъ и глаголаша Новгородци в. к. Дмитрію Александровичу: «кляне, не ложемъ тебѣ, или отъ насъ добромъ; амо не во идещи отсюда, имутъ ти здѣ татарове и отауду ло царю къ Орду, а мы тебѣ не помогаемъ». Оубъ же отступиле Копорыи и иде за море. Новгородци же не яша его, но даша ему путь», а дочерей и бояръ съ семьями забрала въ закладъ, чтобы добыться отпущенья Копорыи; затѣмъ: описаніе разгрома татарами русскихъ областей («до Торжка и далѣ и близъ Новгорода») въ погонѣ за в. к. Дмитріемъ, ивъ возвращеніе и отпускъ изъ Владимира въ Орду; далѣе—«иде князь Дмитрій Александровичъ изъ заморья къ Переславлю», а въ Копорыи все еще была бояре и слуги князя Дмитрія, но прѣшель изъ Пскова кн. Довмонть, выважъ изъ изъ Копорыи и казну в. к. Дмитрія съ зими отославъ въ Переславль; затѣмъ «иде вѣдъ вѣдъ въ Ладогу»—выважъ и оттуда людей в. к. Дмитрія и также отославъ къ тѣсти. Тогда новгородцы разрушила Копорыи и послали звать къ себѣ п. к. Андрея. Въ этомъ разсказѣ Никоновской—неудачными «поправками» и «дополненіями» книжника надо признать: 1) слова «явиле во грады Копорыи», такъ какъ при этомъ теряеть смыслъ выступленія новгородцевъ къ Никмеву-озеру; 2) явленіе, что новгородцы не хотѣли пустить Дмитрія изъ Копорыи за море (я для этого выступили... къ Никмеву) и 3) уходъ Дмитрія «за море» (не выважъ ли это «сообщеніе» тѣмъ, что въ источникѣ Никоновской было такое же чтеніе, какъ въ одномъ изъ списковъ Воскресенской: вмѣсто «иде къ Копорыи»—«иде къ Ломорю»? см. т. VII, стр. 178, замечать с, что и дало мотивъ Никоновской фразы: «хотѣше за море ѣхать», такъ болѣе приемлемой для книжника-редактора, что этимъ разрушалась недоуміе: куда же ѣхалъ в. к. Дмитрій, когда ему Новгородцы «показаша путь» і января). Цѣлымъ въ Никоновской редакціи представляется указаніе, влохъ согласованное съ общимъ настроеніемъ разсказа, въ то, что Дмитрій сдѣлалъ попытку занять Вазнскій Новгородъ (отвѣтъ новгородцевъ: «кляне, не ложемъ тебѣ», ср. свидѣтельство оболѣтъ текстовъ что в. к. Дмитрій ѣхалъ изъ Переславля «къ Новгороду») и въ то, что новгородцами руководилъ страхъ передъ татарами (татарамъ дошла до Торжка; въ Никоновской и путь, можетъ быть, риторическая амплификація). Въ остальномъ надо предпочесть текстъ Воскресенской лѣтописи и признать, что в. к. Дмитрій не попалъ въ Копорыи, хотя тамъ еще держался его вѣстовникъ.

¹⁾ Сообщеніе Никоновской лѣтописи, что в. к. Дмитрій ушелъ за море и въскорѣ вернулся «изъ заморья» основано, по-видимому, на редакціонномъ недоразумѣніи (см. преддущее примѣчаніе). А, между тѣмъ, уходъ его во Псковъ, подобно тому, какъ туда оубъ уходилъ отъ тѣхъ же новгородъ въ 1293 году, поддается

зину прибылъ въ Новгородъ князь Андрей Александровичъ и «сѣде на стоги»¹⁾; онъ былъ еще въ Новгородѣ, когда кн. Дмитрій пробрался въ Переяславъ²⁾, готовя новую борьбу. Съ олаской отъ брата вернулся в. к. Андрей во Владимиръ, сопровождаемый новгородцами, и восстѣ на въ Городецъ въ Орду. Посадилъ Семень Млтайловичъ, обезпечивъ Андрею безопасное возвращеніе въ Новгородъ, князь «засядоу» Торжокъ и не допустилъ его захвата наместниками кн. Дмитрія, а Новгородъ обезпечилъ продовольствіемъ на случай неудачи въ оборонѣ Торжка. Однако, поворотъ отношеній въ пользу кн. Дмитрія уже нахѣченъ. Ему удалось собрать достаточныя силы, чтобы встрѣтить подѣ Дмитровымъ тверскую рать князя Святослава Ярославича, московскую князя Данила Александровича и войска Великаго Новгорода и склонить противниковъ къ миру. Новыя татарскія силы, какія привезъ на него братъ Андрей, принесли только разрушеніе земель, но не укрѣпили великаго княженія за Андреемъ. Кн. Дмитрій ушелъ въ Орду къ царю Ногаю и, вѣроятно, заручился помощью ногайскихъ татаръ противъ золотоордынскихъ союзниковъ Андрея. Его возвращеніе сопровождается приниженіемъ братьевъ, несмотря на противоѣдствіе новгородцевъ: князь русскіе перешап на сторону Дмитрія³⁾, который отразилъ союзныя

успѣхомъ въ его дѣлахъ кн. Довмонта. Въ тотъ же день, какъ кн. Дмитрій в Новгородомъ „разыдохся разво“, Довмонтъ „загои Ладогу“, чтобы вырвать оттуда князю геста („весь князь товаръ Дмитріевъ“, при чашѣ „задрода в ладоного“, по выразенію Нолг. I хѣт., стр. 200), „и наъ Копоріи княжа всю назу в. к. Дмитрія Александровича“ (т. VII, стр. 175). С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“ кн. I, ст. 878) полагаетъ, что Довмонтъ начальствовалъ дружиной в. к. Дмитрія въ Копоры, но Воскресенская хѣтонка различаетъ его и „наместникомъ князя Дмитріевымъ“ въ Копоры, да едва ли посковской князь могъ сидѣть начальникомъ дружины въ отъерной хѣтонности.

¹⁾ Въ Начальн Смырдовскую 6790 г., т. а. 9 февраля 1282 г. (См. „Супрасльскую рукопись, содевающую Новгородскую и Киевскую сокращенныя хѣтонны“, изд. кн. Оболонскаго, М. 1836; стр. 30) при датировкѣ событій „зимой“ того же года легко понять, какъ это изъясненіе пошло въ Воскр. подѣ 6789 г.—Еще же дату конца переговоровъ кн. Дмитрія съ новгородцами 1 января, надо также отнести къ 6790 г.: ср. замѣчанія А. В. Эвемкилорова (т. I, стр. 40, пр. 181) о лѣтописномъ замолчаніи этихъ событій.

²⁾ Вѣроятно, съ помощью кн. Довмонта (если допустить, что сообщеніе Никонской, т. X, стр. 150, объ отрываніи Довмонтомъ ко князю Дмитрію его бояръ и слугъ, что она связана съ его загономъ въ Ладогу и Копоры, основано на данныхъ ее первоисточника).

³⁾ И эти событія сильно спутаны въ нашихъ сводахъ. Воскресенская хѣтонка даетъ такія событія: 1) подѣ 6790—о событіяхъ, кончалъ уходомъ кн. Дмитрія въ Ногаю; 2) подѣ 6791—о возвращеніи Дмитрія, примиреніи братьевъ и убійствѣ Семена Тонгизевича; затѣмъ идетъ особая повѣсть о происшествіяхъ въ Курской области, которыя размырываются въ 6791 и 6792 гг., а по Никонской 6792 и 6793 гг. что спутано дальнейшую хронологію свода: подѣ 6792 г. пошла запись 3) о томъ, какъ князь Андрей прибылъ въ Торжокъ къ посаднику Семену Михайловичу (оче-

Андрею татаръ ¹⁾, принудивъ его уступить себѣ и великое княжение и стоиць Великаго Новгорода, а затѣмъ расправилъ съ его боярами: Семена Тонглиевича велѣтъ убить, другихъ «взымалъ».

Однако ему не удалось закрѣпить своей успѣхъ на сколько-нибудь прочныхъ основахъ и восстановить авторитетъ великокняжеской власти, расша-

здиво, по возвращеніи изъ Орды и до примиренія съ братомъ) и „докончалъ“ съ князь и со всѣмъ новгородскимъ „старѣйшимъ“ съ крестоцѣлованіемъ на томъ, что ему не уступать Новгорода брату Дмитрію, а какъ не искать иного князя; а самъ подѣлялъ въ Суздальскую землю и „соступилъ брату своему в. к. Дмитрію стола Великаго Новгорода“; затѣмъ идетъ 4) сообщеніе о томъ, что в. к. Дмитрій и кн. Андрей пошли вмѣстѣ на Новгородъ съ татарами и со всей Низовой землей, принудили новгородцевъ къ миру, „и сѣде в. к. Дмитрій Александровичъ въ Новгородѣ на стоиць“; а запись, что „кн. Андрей Александровичъ привеле царевича изъ Орды и много зла сотвори христіаномъ; братъ же его в. к. Дмитрій, собравъ съ братьемъ, царевича прогна, а бояръ князихъ Андреевичъ князихъ“, являющія въ себѣ извѣстіе о тѣхъ же событіяхъ и о репрессіяхъ со стороны кн. Дмитрія противъ бояръ (Семена Тонглиевича и другихъ „коромашиковъ“) попали подъ 6793 г., тѣмъ создана полная повторная разрывъ братьевъ, изъ новаго примиренія и вторичной расправы съ Андреевичи боярами. Притѣмъ такой путаницей въ томъ, что у составителя давняго свода (или его протографа) были разныя записи объ этихъ событіяхъ—одна являющія новгородскія, другія, вѣроятно, перелазавскія (И. С. Р. Л., т. VII, стр. 178—179), и неудачной оказалась икъ сводка съ другими давними, особенно съ повѣстанъ о Курскихъ событіяхъ. Никто не вѣдалъ въ записи о томъ же матеріалѣ, уже спутаннаго неудачной сводкой, осмысливая эту путаницу, вставая (т. X, стр. 181) переводное къ извѣстіямъ о „вторичномъ“ разрывѣ братьевъ замѣчаніе: „того же лѣта князь Андрей Александровичъ Городецкий нача разнотыя творити со старѣйшимъ своимъ братомъ в. к. Дмитріемъ Александровичемъ Володимирскимъ; повѣствоваше бо съ ему отъ князихъ помылу, яко его повѣзанимъ убиветь бысть боярѣмъ его Семезъ Тонглиевичъ, и тужаше зѣло о немъ князь Андрей Александровичъ Городецкий и того ради много брани и раскоми подвизалуся и великия меча икъ началъ чинивашеся“ (самая фактическая безосновательность этой „записи“ обличаетъ на задачу—сгладить несогласованность фактическихъ данныхъ); во этихъ матеріалахъ редакціонными условіями составителя Никоновскаго свода: онъ передаетъ извѣстіе объ уступкѣ Новгорода Андреемъ Дмитрію развѣ князиста о князиста Андреемъ ордискаго царевича на в. к. Дмитрія, притѣмъ не рѣшился, однако, мотивировать создавшееся, такъимъ образомъ, представление о третей и ъ усобицѣ князей-братьевъ, но только вѣроятно сгладилъ его, выпустивъ (довольно неудачно: князь Дмитрій идетъ на Андрея, „онъ не убоился в Новогорода ему съступилъ, и иде [тотъ] ратью и съ Татари къ Новогороду“) сообщеніе о совмѣстномъ участіи князей Дмитрія и Андрея въ смиреніи Новгорода (И. С. Р. Л., т. X, стр. 185—186). С. М. Словьяевъ („Ист. Росс.“, кн. I, ст. 879) слѣдуетъ Никоновской, возобновивъ участіе кн. Андрея въ походѣ на Новгородъ; А. В. Эвемпирскій (т. I стр. 49)—Соловьеву.

¹⁾ „Царевича прогна“ (т. VII, стр. 179); Никоновская приводитъ имене князя-князь татарскаго отряда—Турай-Темірѣ в Алмы (т. X, стр. 160). Первое же раздѣленіе Орды (выдѣленіе южнатовской орды) даетъ возможность безвѣданнаго соприкосновенія татарамъ. Такъ и въ 1289 г., когда, при возмѣхъ смуталъ въ Ордѣ, „умножился татаръ въ Ростовѣ“, „вѣче“, изгваившее икъ, осталось повѣдному, безъ княской кары (тамъ же).

таким усобицей, разорительной для страны, злобой и суетавой, и еще больше—поруганной татарскими вельмихъ при постоянномъ (княземъ) воеводствомъ въ Орду передъ ханомъ, его вельможами, баскаками и посланки. Юный тверской князь «не востотъ, Михаилъ Тверской, поклонитися великому князю Дмитрию и нача караати полки»¹⁾, и вступилъ въ Кашину рать в к. Давида, который шелъ на него съ братьями, съ ростовскими князьями и съ новгородскими полками; но миръ былъ заключенъ безъ боя²⁾. Однако, напряженность междукняжескихъ отношений и вражда къ в. к. Дмитрию не улеглась и на этотъ миръ, а смуты въ Орду, гдѣ шла своя борьба за ханскую власть, создавали удобную почву для княжескихъ интригъ в провинции. Въ 1293 г. кн. Андрей Александровичъ поѣхалъ въ Орду съ жалобами на старшаго брата, и его поддержали другіе князья³⁾. Ханъ Тохта далъ Андрею

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 406. Конечно, весьма возможно, что этотъ мотивъ столкновения—просто редакционное украшение Тверской летописи; другіе смуты не даютъ никакого объясненія, и реальныхъ его причинъ намъ неяснымъ. Характерно это первое самостоятельное выступленіе Твери при моводомъ—17-лѣтнемъ—князѣ, и твердый токъ въ дальнѣйшей повѣсти. Ниже будутъ собраны данные о томъ, что за тверскими князьями стояла дѣятельная руководящая боярская группа, а въ значеніи при переломъ шагахъ кн. Михаила Ярославича, который на княжествѣ впервые упоминается въ 1286 г. (15-ти лѣтъ), тѣмъ болѣе вероятно.

²⁾ Тамъ ж. VII, стр. 179 (1287 г.). Новгородская (т. X, стр. 160—168) даетъ свѣдѣнія этого (6795 г.) еще походъ на Тверь тѣмъ же княземъ (подъ Кашинъ съ разореніемъ земли и занятіемъ Коситова), получившимъ также миромъ безъ боя (6796 г.) и особый походъ на Тверь же князя Дмитрія Ростовскаго съ новгородцами (воисакии Андрей), причѣмъ новгородимъ съ тверичами помирался, и кн. Дмитрій ходилъ еще одинъ походъ въ Кашинъ и тамъ миръ заключъ (6798 г.). О томъ, что все это одинъ походъ см. замѣчаніе А. В. Эвземляревскаго (т. I, стр. 50, прим. 133). Притча летописи все тѣмъ составитель свѣде пріялъ разныя записи истотенномъ за разныя факты. Это, въ данномъ случаѣ, поясняется тѣмъ, что загодимъ въ другіяхъ свѣдахъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201—подъ 1289 г.): „ходи в к. Дмитрія Александровича ко Твери рати, похва съ собой новгородцевъ, и влоша новгородци съ посадникомъ Андреемъ, разни же погоща юности нѣтъ, и миръ пакъ князь великий и отиде. А князь Дмитрій Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину и тоду къ Кашину ратию“. Первая записъ—новгородская; вторая—ростовская; въ первой отиѣчено особо участіе новгородцевъ; вторая, сообщая о томъ, какъ на Дмитрія объединили въ походъ ружахъ ростовскую отчину, отиѣтила его участіе въ великокняжескомъ походѣ подъ Кашинъ. Одиъ походъ на тверского князя и у С. М. Соловьева (кн. I, ст. 880). Ср. А. В. Эвземляревскаго, т. II, стр. 28, прим. 109.

³⁾ Ко князю Андрею примкнули ростовскіе князья—Дмитрій Борисовичъ и братъ его Константинъ, въ княжествѣ Михаилъ Габбовичъ, блговерскій князь, и тестъ Михаилъ—Бедоръ Ростиславичъ, князь ярославскій, а съ 1280 г. и смоленскій. Князь добывали не только великое княженіе для кн. Андрея, но и Переяславъ для Федора Ростиславича подъ кн. Дмитріемъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода событій. Возможно предположеніе, что въ плавахъ князя, подымающа на в. к. Дмитрія, игралъ свою роль вопросъ о Ярославѣ, который Бедоръ Ростиславичъ приближалъ на Переяславъ (вынужденныя лѣтъ вернуть его кн. Дмитрій окъ въ

свою рать на в. к. Дмитрія съ братомъ своимъ Дюденомъ. И снова «заматеси вся земля Суздальская». В. к. Дмитрій бѣжалъ во Псковъ, татары, водворяя новаго великаго каяна, пограбили Владиміръ и еще 14 городовъ, а Великій Новгородъ отклоняя изъ дарами отъ разворения своихъ волостей и похода на Псковъ. Князь Андрей занялъ новгородское княженіе, а кн. Федоръ Ростиславичъ — переславское. Но изгнанный Дмитрій наметъ опору въ Тверь. Туда онъ переехалъ изъ Пскова и отсюда велъ переговоры съ братомъ. Переговоры кончившея миромъ, условій котораго мы въ точности не знаемъ, но княжичъ Иванъ Дмитріевичъ получилъ Кострому, а Федоръ Ростиславичъ покинулъ Переславль, разворивъ его пожаромъ: въ Переславль бѣжалъ съ Твери кн. Дмитрій, да по дорогѣ разбогѣлся и умеръ ¹⁾ въ 1294 г.

Отголъ великаго княженія занялъ Андрей Александровичъ. Его великое княженіе полно раздоромъ; основной изъ мотивъ споръ о владѣніи Переславлемъ, а дѣйствующія силы—Тверь и Москва. Выступление этихъ «мазандицъ» городовъ, какъ самостоятельныхъ политическихъ силъ, вскрываютъ значительность внутреннихъ измѣненій, которыми изарѣянъ изъ жизни Велико-россии подл обложкой старой организаціи Владимірскаго великаго княжества, разлагавшейся въ смутахъ.

Кажутся бесспорными вотчянныя притязанія на Переславль именно старшей линіи Александровичей Невскаго. Однако изъ его судьбахъ опредѣлительно и ясно выступаютъ дѣй иныя черты тѣхъ же традицій «княжого права», которыми создавались и эти притязанія. Переславль — отчужденный городъ для всѣхъ Александровичей—и возмояетъ споръ о томъ, принадлежалъ ли онъ в. к. Дмитрію «изъ вотчяну» или какъ старѣйшій изъ всей братьи—Александровичей Невскаго. А это создавало связь Переславля съ

1294 г. снова «въ Ярославци на княженіи сядо»—т. VII, стр. 181). По фразисъ, Ярославль—часть «ростовскаго отчяна» см. выше, стр. 52 (и 61). Извѣстія объ этихъ событіяхъ въ летописи сводатъ опшно спутанно, см. А. В. Энциклопедическаго, т. II, стр. 79—80 и 29, прим. III (у Дмитрія Борисовича не было сына Ивана, а въ чешскѣхъ книгахъ, повѣданныхъ съ кн. Андреемъ въ Орду: «Иванъ Дмитріевичъ Ростовскій» можетъ означать этия ростовскаго князя, великокняжескаго сына Ивана, если принять туу порчу текста, но какъ попалъ онъ въ число враговъ отца? очевидно, только по редакціонному недоразумѣнію, можетъ быть связавшому съ указаніемъ первоисточника, что иныя князъ тоже бѣжалъ въ ту пору въ Орду).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181; т. X, стр. 169—170. Воскресенская летопись сильно сократила источникъ. Письма отъ кн. Дмитрія были тверской владѣлки Андрей и какой то князь Святославъ, который впрочемъ въ Новгородской і летописи (стр. 303) не названъ княземъ, а въ другихъ, быть можетъ, получилъ этотъ титулъ механически, по «княжому» имену. Если же онъ князь, то развѣ изъ Западной Руси, какъ и владѣлки Андрей былъ изъ полюдныхъ князей. Кн. Митенъ Ярославичъ былъ въ Орду во время этихъ событій, но не примкнулъ къ кн. Андрею, а поселившись въ Тверь, гдѣ и безъ него организовалось сопротивление татарскому нашествію, о которое оно и разбилось такъ же, какъ и планы кн. Андрея.

великим княжением, поддержанную другими, еще более важным стремлением отстоять за Александровичами Новгородское преимущественное отеческое притязание на само Владимирское великое княжение.

Князь Андрей Александрович отнимается—ханской милостью и вооруженной силой—у брата Дмитрия и столь великого княжения и Великий Новгород, отнимается и Переяславль, который пытается передать, по своей воле, своему брату Федору Ярославичу. Все в его действиях, с традиционной точки зрения, провозглашение, вассалитет, интрига, так как он «выбивает из земель» старшего брата, но совокупность его целей и деятельности не выходит, по существу, за круг обычных представлений о великокняжеской власти.

Вторично князь Андрей «сблиз» на великом княжении уже по смерти брата; эта смерть дала только что заключенное с ним соглашение—политически вынужденное, и новый великий князь, сблизившись с Орду, снова поднимает вопрос о Переяславле, и снова «бысть неволие между князем русским». На этот раз видна попытка разбить «неволие» на княжеском сблизе, который в одном летописном тексте характерно назван «розъездомъ въ Володимери». По одну сторону стали в. к. Андрей с князьями Федором Ростиславичем и Константином Борисовичем, а по другую переяславский отчичъ Иванъ Дмитріевичъ съ московским княземъ Данииломъ Александровичемъ и тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, а съ ними и «Переяславци съ единого»¹⁾. Бурный «розъездъ»²⁾ въ присутствіи ханскихъ пословъ кончился соглашениемъ, при посредничествѣ епископовъ владимирскаго Симеона и сарскаго Исайи, и князь разъярился «каждо во своихъ». Но в. к. Андрей не примирался съ такимъ соглашениемъ, а сталъ собирать полки, чтобы идти на Переяславль; князь же Иванъ Дмитріевичъ послѣдовалъ въ Орду—защитить рѣшениемъ ханской власти свое отеческое право, а защиту своей отчины поручилъ Михаилу тверскому и Данилу московскому; они стали съ войскомъ у Юрьева, не далъ в. к. Андрей подступить къ Переяславу и прикудала его «смириться» съ нимъ³⁾. Несмотря на очевидныя дѣйствія тверского и московскаго кня-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Существенно отметить активную роль «переяславцевъ», какъ городской общины, во всемъ этомъ дѣлѣ; одной этой черты должно бы быть достаточно для устранения «частноправового», «удѣльнаго», «владѣльческаго» пониманія судебъ Переяславля.

²⁾ «И камиръ не бысть между има хромоспротіа» (тамъ же).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 181. Къ этому моменту, по всей вѣроятности, относятся и договоръ Михаила Ярославича съ новгородцами (С. Г. Г. и Д. т. I, № 4 и 5); Михаилъ, упомянулъ о союзѣ съ «братомъ своимъ старѣйшимъ съ Данииломъ» и съ Иваномъ (переяславскимъ), въспылавъ въ грамоту христолюбиваго Великаго Новгорода на томъ, что новгородцамъ «похитиути» съ княземъ Михаиломъ, а не «отопытисья» его, всла «будеть тогда ему отъ татарина»; а вѣтхонючаше о великихъ недоразумѣніяхъ по частнымъ вопросамъ. Въ новгородской

зей для обороны Переяслава от великокняжеских покушений Андрея Александровича, весьма вероятно, что уже наметались поводы к ближайшему соперничеству, скорей разразившегося упорной борьбой за господство над всей Велико-россией. На съезде князей ¹⁾ в 1301 году у Дмитрова князья «ваша нгуа неми собою», но «Михайло съ Иваномъ не докончаша неми собою» ²⁾; повидимому, вопрос о дальнейших судьбах Переяслава был тут уже поставлен и вызвал разногласие прежних союзников. Весной 1302 г. умеръ переяславскій князь Иванъ Дмитриевичъ; в. в. Андрей посылалъ занять Переяславъ своими князистиками, но князь Даминъ Александровичъ «посла князистика свои въ Переяславъ, а князь Андреймъ князистика збѣжаша». Занятие Переяслава кн. Давидомъ Александровичемъ было подготовлено и обусловлено предсмертными дѣятелими кн. Ивана, то или иное пониманіе которыхъ весьма существенно для опредѣленія основы «княжого права» дальней эпохи.

Старѣйшей формулой летописной записи надо признать ту, что сохранилась въ хартевной Троицкой летописи: кн. Иванъ Дмитриевичъ «благослови въ свое мѣсто князя Давида» ³⁾. Въ силу такого благословенія събде

грамотъ («тверской докончальной») — именно крестоцѣлованіе князя Михаила на томъ, чтобы ему «потягнута за Новгородъ съ братомъ его съ Давидомъ и съ мужи съ новгородинъ», если «гдѣ будетъ обида Новгороду»; а затѣмъ — докончаніе о новгородско-тверскихъ спорахъ вопросахъ. Этотъ оборонительный союзъ единственный въ своемъ родѣ, скорѣе всего подходит къ обстоятельствамъ 1296 г., какъ указалъ и С. М. Соловьевъ въ диссертациі «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (прим. 246), причѣмъ назвалъ этотъ договоръ «оборонительнымъ и наступательнымъ». А. А. Шахматовъ въ «Наслѣдствіи о князѣ новгородскій грамотъ XIII и XIV вѣка» указываетъ, что эти грамоты писаны «до 1301-го года», т. е. до съезда въ Дмитровъ, и датируетъ ихъ «между 1294—1301 г.» Вераковскій. Ист. Тверской княжества, стр. 90, относитъ договоръ также къ моменту защиты Переяслава въ 1295/6 г.

¹⁾ Этому съезду предшествовало какое-то столкновение Ивана Дмитриевича съ Константиномъ ростовскимъ: «Заретиса Иванъ князь да Константинъ и смра ихъ владима Сомезъ» («Лѣт. по Анадем. списку» въ изд. Лаврент. летописи, стр. 501).

²⁾ Лаврентьевская летопись, стр. 482. Никоновская (т. X, стр. 179) поясняетъ, что събде былъ «о княженіяхъ» и что князья поминались «подѣляшеша вочинномъ нами собою». Съездъ 1301 г. закрѣплялъ соглашение 1296 г., послѣ котораго было новое «розширеніе»; переяславскій вопросъ долженъ былъ занять первое мѣсто въ той «новой записи», которая по выраженію Никоновской летописи, происходящая на съездѣ. Ведѣвшую почину Ивана переяславскаго, былъ неметъ, уже предвидѣн; онъ умеръ черезъ годъ нежданно, а «урядивъ» свои дѣла и отношенія. Намъ же съ тѣмъ связать разномыслие его съ Михаиломъ Тверскимъ, крѣпко вопроса о переяславскомъ влѣдствіи.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 85; Самозванская летопись «благослови въ свое мѣсто Давида Московскаго въ Переяславъ княжита» (тамъ же); Никоновская сохранила формулу: «благослови же въ себѣ мѣсто», но добавляетъ: «потчевомъ своимъ Переяславинимъ» (т. X, стр. 174).

Данила на Переяславлі¹⁾ и подворитъ въ Переяславѣ своихъ наместниковъ. Данила сталъ княземъ переяславскимъ. Въ упоминаніи о томъ, какъ на Дмитровскомъ съѣздѣ 1801 г. выступали «Переяславца съ одного», и какъ послѣ кончины кн. Данила (въ мартѣ 1803 г.) «Переяславца яхся за сына его за князя на Юрья и не пуштахъ его и на погребеніе отца»²⁾, видны указанія на участіе переяславцевъ не только въ обрядѣ его погребенія на стогѣ переяславскаго княженія, но и въ самомъ укрѣпленіи его притязаній на это княженіе.

Однако, созданы эти притязанія кн. Данила на Переяславль благословленіемъ его «въ свое мѣсто» княземъ Иваномъ: пригнѣръ такъ наз. поминаліи предшественниковъ преемника (аналогичной и благословенію, какое давали митрополиты, по согласованію съ великими князьями, желательными кандидатами на митрополію), какия бывали и въ Киевской Русѣ³⁾.

Этихъ еще не были исчерпаны правовые моменты, необходимые для утвержденія Данила на переяславскомъ княженіи: нуженъ былъ признаніе со стороны великаго князя и остальныхъ князей и санктій хана. Кн. Данила этого не успѣлъ добиться. Но въ 1803 г., когда князь Андрей Александровичъ вернулся изъ Орды съ ханскими посланцами, въ Переяславѣ былъ съѣздъ, на которомъ присутствовали «царевы послы», в. к. Андрей съ митрополитомъ Максимомъ, князья Юрій и Иванъ Даниловичи и «вся князь». «И ту члн грамоты, царевы ярашны, а закончыся съѣзду на томъ, что «князь Юрій прія любовь и взя себѣ Переяславль»⁴⁾. Вся обстановка этого

¹⁾ Троицкая (тамъ же): «и сѣдо Данило княжить на Переяславлі» (Синодическая, тамъ же): тоже въ Лаврентьевской, стр. 462; Новг. IV, П. С. Р. Л., т. IV⁹, стр. 232; Никоновская, т. X, стр. 174; Воскресенская упоминаетъ только о послыцѣ наместничеству (т. VII, стр. 183); Соф. I стоитъ особнякомъ: «в Переяславль взя за себя великіи князь Данило Александровичъ Московскій и наместники свои посла на Переяславль» (т. V, стр. 204).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 183.

³⁾ Ср. «Княже право въ древней Русѣ», стр. 90, 142, 154—155.

⁴⁾ Давеню, въ угоду теоріи, отходить отъ исторической действительности и подлиннымъ свидѣтельствомъ источниковаго характера даннаго факта у С. М. Соловьева: «но старина, великіи князь дождевъ былъ распорядиться этомъ родовомъ собственностью по общему совету со всеми родичами... Но теперь за смертью смотрѣли на волости, удѣлы, какъ за частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣляемый отъ рода, считалъ себя вправе владѣть своею собственностью, кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Дмитріевичъ загибаетъ Переяславль, имю старшаго дяди Андрея, младшему—Данилу Московскому. Легко понять—продолжаетъ Соловьевъ,—какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего удѣла на счетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другого княжества». При томъ, С. М. Соловьевъ не видѣтъ въ источникахъ, что не произошло ни «присоединенія» Переяславля къ Москвѣ, ни уведѣленія области княжества московскаго, и выражаетъ это въ недоумывающемъ примѣчаніи: «странно, впрочемъ, что послѣ Переяславля

дѣла была бы, по существу, вполнѣ понятна южно-русскому князю XII вѣка и протекла оно въ обычныхъ, традиціонныхъ формахъ междукняжескихъ отношеній ¹⁾.

Лишь по смерти в. к. Андрея Александровича (гѣтомъ 1304 г.) размыслились событія, которые знаменательны, какъ своего рода переломъ въ политической исторіи Великороссіи. А время борьбы братьевъ Александра Невского за власть можно назвать весьма скуднымъ по историческому содержанию переломнымъ Великороссій событіемъ. Личная борьба князей-братьевъ и скрытая за ней борьба боярскихъ группъ—только снитома разложени и упадка старой великокняжеской власти Владимірскихъ князей. Дмитрий и Андрей Александровичи борются за обладаніе этой старой великокняжеской властью, построенной на обладаніи стольныхъ княженствъ во Владиміръ и въ Великомъ Новгородѣ и на перевѣствѣ великаго князя среди князей сѣверной Руси. Поскольку эта дѣятельность не поглощена усобицами, происками въ Ордѣ, междукняжескими переговорами и спорами, она носитъ характеръ прямого продолженія, хотя скуднаго силами и бѣднаго результатами, великокняжеской дѣятельности Александра Невского и старшихъ Ярославичей. Мы видѣли в. к. Дмитрія Александровича, который и при жизни дяди Ярослава пытался идти по слѣдамъ отца,—въ походѣ на корѣбу «съ вивочами и съ коагородомъ», строителемъ крѣпости Копаеры, столь важнаго для боевой обороны новгородскихъ предѣловъ, что доразвить ихъ будутъ и московскіе государя; его возводи и позже приходили въ помощь новгородцамъ ²⁾. Ослабленіе великокняжеской защиты новгородскихъ предѣловъ, неизбежное въ эпоху внутреннихъ смутъ и татарскаго влннн, открывало все болѣе широкія возможности шведскому наступленію на спор-

---

ствался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимірскихъ» (Ист. Росс. в. I, стр. 362). В. О. Ключевскій полагалъ, что кн. Иванъ «отказалъ» Переславу Давиду, и тотъ «принялъ наследство», но и Ключевскій не вводитъ Переслава въ составъ «удѣла Калиты» безъ объясненія, почему «Переславъ не удаляютъ въ грамотѣ» т. е. въ духовной этого князя («Курсъ русской исторіи» ч. II, стр. 12 и 15).

¹⁾ С. М. Соловьевъ и здѣсь, какъ всюду въ изученіи «удѣльнаго» княжого владѣнія, пользуется съ полнѣйшъ довѣреніемъ лѣтописными сведениями XVI вѣка, которые, однако, уже по своему освѣтлн факты прошлаго. Для переломнаго дѣла: Воскресенскія лѣтописи: кн. Иванъ «ба чады не имѣе и дасть отчину свою Переславу князю Давиду Александровичу Московскому, того бо паче всѣхъ люблнше» (т. VII, стр. 183); Наволоковскія (т. X, стр. 174), сохраняя, въ общемъ, текстъ первоисточника полнѣе и точнѣе, однако, пишутъ: «благослови же въ себе мѣсто вотчиню свою Переславу в. к. Давиду Александровичу Московскому»; оставалось лишь пренебречь выраженіемъ «въ себе мѣсто», которое сохраняло слѣднвое политическаго порядка, чтобы получить предствленіе о «завѣщаніи» вотчинной собственности («удѣла»).

²⁾ Тамъ, напр., въ 1292 г. «молодцы новгородскіе» ходили съ княжнне войсодами воевать земли Вни, Мозг. I, стр. 302.

ных велик¹⁾). Новгородцы все болѣе чувствуютъ себя покннутыми на соб-
сторонными силами²⁾. Но это только вопросъ факта; ни новгородцы, ни великие
князья не терпятъ изъ виду «общерусскаго» характера этой западной
борьбы, и а. к. Андрей, по кѣрѣ силъ и возможности, принимаетъ въ ней
участіе, то организуя походъ съ новгородскими войсками походу подъ бри-
савикъ называетъ Романоу Губовичемъ³⁾, то отворяя шведскому укрѣпленію
на берегахъ Невы⁴⁾. Ни въ чемъ не видно на всей борьбѣ и дѣятельности
князей Дмитрія и Андрея, чтобы они, «получивъ Владимірскую область,
старались увеличать свою собственность на счетъ другихъ княжествъ». На
великомъ княженіи Дмитрій не болѣе «перевасвскій», а Андрей не болѣе
«городешскій» князь, чѣмъ Ярославъ былъ «тверскимъ» или Василій «но-
стронскимъ»; и лѣтописные тексты не подтверждаютъ утвержденія, что князь
Андрей Александровичъ «жилъ въ Городахъ и будучи великимъ княземъ Вла-
диміромъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Дмитрій
въ Переяславѣ»⁵⁾.

Однако, при всей живучести «великокняжескихъ традицій» власть ве-
ликихъ князей Владимірскихъ находилась въ эпоху братьевъ и сыновей Але-
ксандра Невскаго въ состояніи все нарастающаго упадка. Великокняжескія
притязанія старшихъ Александровичей не соответствовали ни реальна-
мъ силамъ, ни подлинное значеніе въ общей политической жизни Велико-
росскія. Иллюстрировать упомянутую «живучесть великокняжескихъ традицій»
приходится фактами мелкими, немногочисленными попытками носителей велико-

¹⁾ Въ 1293 г. и 1296 г. шведы ставятъ городъ на карольской землѣ; въ 1300 г.
ставятъ укрѣпленія (приказъ «нарочитымъ» мастерамъ своей землѣ и изъ Рима)
издъ Невой при Охтенскомъ устьѣ («Вѣнецъ земли»—Лавдскрени)—Новг. I, стр. 302
и 307.

²⁾ Ладомане бьются съ князьями (шведами) на Невѣ въ 1283 г.; посадить
съ новгородцами и ладожанами отражаютъ попытку шведовъ захватить Карелию въ
1284 г.; въ 1285—лѣтовскій набѣдъ на новгородскую воюость; въ 1294 г. новгородцы
разрушаютъ княжескій городокъ на р. Наровѣ, а въ слѣд. году—шведскій городокъ
въ Карелии; въ 1297 г. сами строятъ крепость Копорье; приходилось усиливатъ
укрѣпленія Великаго Новгорода («города князья» 1302 г.)—Новг. I, стр. 300—308.

³⁾ Въ 1293 г.—Новг. I, стр. 303.

⁴⁾ Походъ а. к. Андрея «съ полка яловскихкии» и новгородцами, окончившіяся
разрушеніемъ Лавдскрени въ 1301 г.—Новг. I, стр. 307—308.

⁵⁾ С. М. Соловьевъ, «Ист. Росс.», кн. I, ст. 381 (примѣчаніе). Можно не сомнѣ-
ваться, что у этихъ князей въ ихъ «отчизнѣ» городокъ былъ свои дворы и «вся
жизнь», по старому лѣтовскому выраженію. Но тогда надо бы добавить въ примѣча-
ніе С. М. Соловьева: какъ Александръ Невскій «жилъ» въ Переяславѣ, Андрей
Юрьевичъ въ Боголюбѣ, Владиміръ Мономахъ—на Верестовѣ и т. д., и т. д.—
Представленіе о князьяхъ XIII в., хотя бы и «малыи», какъ объ «удѣльнѣхъ», въ
значительной мѣрѣ повѣяло терминологіей лѣтописныхъ сводовъ XVI в., особенно
Никоновской лѣтописи съ ея выдержанными генеалогическимъ интересомъ эпохи
составленія «Государева Родословца».

княжеской власти действовать по старому, в духе Александра Невского притом попытками, которых не только не стоить на первом плане в суетливой и тревожной деятельности этих великих князей, но терять смысл последовательной и выдержанной политики. И это не только потому, что сузился круг задач этой политики, что измелчали ее цели, что сведена она к поддержке слабейшей самозанятости на окраинах Великороссии, преимущественно (почти исключительно) западных; борьба роковой для исторических судеб великокняжеской власти, связанной со столицей Владимирского княжения—была потеря ею руководящего значения даже в тех действиях, какие были необходимы для этой самообороки северной Руси от внешних опасностей. Новгород и Псков, никогда разгласив на крайнем краю зависимость своих отношений к соседям от произвольного военно-политического хозяйничанья Владимирских великих князей в западных границах Великороссии, берут, čím дальше, tím больше, эту западную политику в свои руки, все помышляя подлинно-государственным характером своего местного «народоправства»; Псков почти вовсе ушел из-под влияния великокняжеской власти, входя все глубже в круг особенностей отдаленной жизни западно-русских, литовских и немецких отношений. Великий Новгород теснее соединен с Великороссией рядом экономических и политических связей; но и у него своя политика со шведами, датчанами и прабалтийскими князьями, с Литвой и Псковом, с Ордом и русскими князьями, которые из нем имеют влияние и богатого соратника не меньше, если не больше, čím сам он нуждается в их военском умении и «яновских полках»¹⁾; растет, соответственно этому, и политическая воля господина Великого Новгорода и его всегубительная роль в разрешении внутренних столкновений во Владимирском княжестве князей из-за великокняжеской власти и ее отношений к местным владетельным князьям. Само развитие этих внутренних столкновений великорусского князя свидетельствует о глубоком упадке великокняжеской власти, о потере ею значения существенного и необходимого политического центра каких-либо обществ северной Руси. Эти столкновения быстро разрастаются в борьбу за владимирское наследство, в которой главными действующими силами будут Тверь и Москва. Но в

¹⁾ Настает время в истории Великого Новгорода, когда князь по отношению к нему понадевать все чаще в положение «взятых захватчиков земли», даже «земле», а čím больше великие князья—великорусские и литовско-русские, каких Новгород, по временам, держит у себя, давая им «в кормление» часть «долостей новгородских»; однако, формально это «кормление» еще в начале XIV в. зависит от княжеской власти: он грамоту Великого Новгорода в к. Митаяу Ярославичу 130 г.: «князь великий Андрей и весь Новгород дали Федору Митаяловцу город стольный Пльсковъ и онъ зде хлѣбъ... тоба, княже, не крѣпяти его новгородскими хлѣбомъ» (С. Г. Г. и Д., № 11).

чемъ же состояло это «владимірское наследство» и за что борется новыми историческими силами?

Ослабленное и внутренне-расшатанное Владимірское великое княжество сохранило до кончины в. к. Андрея Александровича старую политическую форму и основы старого внутреннего строя, какъ онъ опредѣлялся съ времени кончины Всеволода Юрьевича Большого Гнѣзда, а болѣе устойчиво— съ тѣхъ поръ, какъ Святославъ Всеволодовичъ «сыновни свои посади по городамъ, якоже бѣ ихъ отецъ урядилъ Ярославъ»¹⁾.

Святославъ, пишетъ С. М. Соловьевъ, «утверждаетъ шлемянничью своякъ сыновей Ярослава, на удѣлахъ, данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ», и поясняетъ: «здесь впервые относятъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній летописецъ не знаетъ этого слова»²⁾. Но слова этого не знаютъ ни летописные тексты, относящіеся къ XIII вѣку, ни каііи-либо иные памятники письменности этого времени. А подѣловіе «отдѣльного, выдѣленного владѣнія, остающагося постоянно при одной княжеской линіи» подѣлываетъ цѣлый рядъ мелкихъ княжескихъ владѣній въ Киевской Руси, начиная съ Полоцкого княжества, выдѣленного Владиміромъ Святыиъ для сына Вячеслава и оставшагося отчиной «Роговолому внуку», но не подходитъ именно тотъ видъ княжескаго владѣнія, какой въ XIV в. и летописи и княжескія грамоты называютъ—удѣлами³⁾. Обратимся къ фактамъ.

На ростовскомъ княженіи судья осеротѣвшіе въ татарское иголѣтѣ

¹⁾ Ср. выше стр. 62. Текстъ въ Лаврентьевской летописи подѣ 6755/1247 г. стр. 448.

²⁾ «Исторія Россіи», т. I, ст. 837.

³⁾ С. М. Соловьевъ для сѣверной Руси признаетъ признакомъ этого «отдѣльнаго, выдѣльнаго владѣнія»—«понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, передающаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца», отождествляя его съ «опричной» («опричина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную собственность») и полагаетъ, что «удѣльное» владѣніе возникаетъ, когда «понятіе собственности, наследственности владѣнія князя господствовало надъ понятіемъ семейнымъ». На самомъ дѣлѣ—терминъ «удѣлъ» означаетъ одно изъ характерныхъ проявленій господства «понятія семейныхъ» надъ признакомъ личного владѣнія «опричной», съ ними живетъ и исчезаетъ, а «опричное» владѣніе, въ которомъ преобладающей чертой было «понятіе собственности, передающей по волѣ владѣльца» (изъ рода въ родъ— непонятная для меня формула Соловьева)—никогда не играло роли въ политическомъ быту сѣверной Руси. А причина того исторіографическаго явленія, на первомъ взглядѣ—непонятнаго, что глубокій знатокъ источниковъ и здумчивый итъ исследователемъ могъ допустить въ своихъ построеніяхъ и опредѣленіяхъ такое смѣшеніе разнородныхъ понятій и терминовъ, въ томъ, что для него авторитетъ «первоисточника» при изученіи «удѣльной» Руси принадлежалъ летописнымъ свѣдамъ XVI вѣка, особенно Никоновской летописи (и даже, хотя и съ оговорками, ее переработкѣ и трудѣ В. Н. Татищева), а въ ихъ изложеніи уже утрачено пониманіе отношеній и нормъ «княжескаго права» XIII и XIV вѣковъ.

Васильковичи, Борисъ и Глѣбъ, какъ до того—старшее поколѣніе ростовскихъ отчичей—Константиновичи. Въ порядкахъ ростовскаго княжого владѣнія—первый наглядный признакъ владѣнія отчичей по удѣламъ. Константиновичъ—Васильку и Всеволоду—отецъ назначилъ первую Ростовъ, вторую Ярославъ, а Владиміръ, быть можетъ тоже по «ряду» отца—князь углицкій; однако, такое опредѣленіе княжичамъ удѣловъ въ общей ихъ отчичей не дѣлаетъ ихъ обособленными другъ отъ друга «князьми—собственниками»: три Константиновича—ростовскіе князья и втроемъ выступаютъ вмѣстѣ представителями княжеской власти Ростовскаго княженія ¹⁾. Но удѣлы—потомственнымъ, а переходъ ихъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ necessarily грозитъ—по мѣрѣ ослабленія семейныхъ связей—разрушеніемъ единства общей отчичей; владѣніе ею по удѣламъ легко можетъ перейти въ обособленіе ея частей, какъ вочичья отдѣльныхъ княжескихъ линий. Такъ, по смерти Всеволода Константиновича—отрываетъ отъ ростовской отчичей Ярославъ, правда—совсѣмъ не обычнымъ путемъ, ибо, по рѣшенію князевъ родичей, не только оставляетъ за вдовой княгиней и ее дочерью ²⁾, но перешелъ затѣмъ къ зятю, мужу этой Всеволодовны, князю Федору Ростиславичу и остался (1299 г.) особой вотчиной его сыновьями ³⁾. Углицкій удѣлъ остался послѣ кончины старшихъ братьевъ за кн. Владиміромъ Константиновичемъ, такъ какъ Ростовъ укрѣпленъ за Васильковичами, его племянниками; а тѣмъ же мѣсто, связь Углиця съ ростовскою отчичей не утрачена: когда углицко-потомство кн. Владиміра на сторожъ его сынъ Ромакъ (ум. 1266), Углицъ вернулся во владѣніе ростовскихъ князей.

Собственно Ростовское княжество осталось за братьями Васильковичами, а внутри его нахлѣтлся удѣлъ князя Глѣба. Возможно, что дѣтская запись подъ 1261 г.: «поѣхъ Глѣбъ къ Бѣлоозеру въ свою отчину» дѣйствительно означаетъ переѣздъ Глѣба Васильковича изъ Ростова на княженіе въ Бѣлоозеро. Однако, онъ изъ за этого не перестаетъ быть ростовскимъ княземъ, каковы бытъ, вмѣстѣ съ братомъ, и до того, хотя, быть можетъ, Бѣлоозеро и ранѣе считалось его удѣломъ; кн. Глѣбъ и впрямь принималъ вмѣстѣ съ братомъ, участіе во всѣхъ ростовскихъ дѣлахъ. Въ 1277 г., когда всѣ русскіе князья были вызваны въ Орду съ военными дружинами для участія въ ордынскомъ походѣ на Ясовъ, князь Борисъ Васильевичъ умеръ, а Глѣбъ вернулся на ростовское княженіе одинъ ⁴⁾. Отъ умеръ въ слѣдую-

¹⁾ См. выше, стр. 62.

²⁾ Ср. такое же пониманіе наследственности удѣловъ въ духовной грамотѣ московскаго князя Симона Ивановича (С. Г. I, в Д, т. I, № 24)—на основаніи его договора съ братьями (тамъ-же, № 23).

³⁾ См. выше, стр. 61. Сыновья Федора—отъ второго брака съ татарскою царевной, но вращеніи Ахилъ, Давидъ и Константинъ.

⁴⁾ Къ этому времени относится кончина его сына Михаила на дочери князя Федора Ростиславича, княжичаго въ Ярославѣ, на столѣ, который былъ ранѣе удѣломъ ростовской отчичей Константиновичей.

щезъ году, и тогда «но немъ сѣдости два князя въ Ростовѣ Дмитрей да Константинъ, Борисовы дѣти Васильковича»¹⁾. Для ростовскаго княжества настала критическій моментъ: Бѣлозерскій удѣлъ грозилъ отдѣлиться въ особое вѣтвное княжество Михаила Глѣбовича и его потомковъ. Одна только Никоновская лѣтопись сообщаетъ, что князь Михайло по смерти отца «сѣде на вочный его на Бѣлозерѣ»²⁾; другіе своды прямо переходятъ къ сообщенію о ростовской смутѣ. Началась она съ того, что князь Дмитрей Борисовичъ отънялъ вѣлости у князя Михаила Глѣбовича со грѣхомъ и неправдою великою»³⁾. Черезъ годъ поднялась «вражда и крамола» между братьями Борисовичами. Константинъ уѣхалъ во Владиміръ къ в. к. Дмитрію Александровичу, а Дмитрій Борисовичъ «нача рать совокупляти въ Ростовѣ близдеса братья»⁴⁾. Великій князь, на этотъ разъ, примерилъ Борисовичей,

¹⁾ Кн. Борисъ умеръ въ сентябрѣ 1277. Глѣбъ въ декабрѣ 1278 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 173—174).

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 156. Вѣсма вѣроятно, что Никоновская не почтнула этого свидѣнія въ своихъ источникахъ, а приняла его по соображенію, что такъ должно было быть. Сама редакция этихъ строкъ лѣтописнаго свода неуместна: за записью о кончинѣ князя Глѣба Ростовскаго и позвагои ему сѣдугети: «сего сивоно: Михайло, и сѣде по чень въ вочный его на Бѣлозерѣ; а въ Ростовѣ по Глѣбѣ Васильковичъ сѣдоста братанчи его, князь Дмитрей Борисовичъ, ввучъ Васильковъ, да братъ его Константинъ Борисовичъ»; тогда какъ напр., въ Воскресенской: «Тое же знамъ въ Филипповъ говѣно преставсе какоъ Глѣбъ Васильковичъ декабря 13, и положена его въ соборной черниа святая Богородица въ Ростовѣ; и по чень сѣдоста два князя въ Ростовѣ Дмитрій и Константинъ, Борисовы дѣти Васильковича».

³⁾ Стоитъ ли въ связи съ этимъ столкновеніемъ казней двоюродныхъ братьевъ страшная исторія поруганія чести кн. Глѣба ростовскаго епископомъ Игнаціемъ—не княземъ. Игнацій осудилъ князя Глѣба—на 9 дель по его кончинѣ, ночью «спрѣхула» его тѣло изъ соборнаго храма и велѣлъ погresti въ Калгичинѣ монастырѣ. Такое дѣло не могло совершиться безъ вѣдома владѣтельнаго князя, т. е. Дмитрія Борисовича, а смыслъ «осужденія», состоявшаго изъ лишенія погребенія, а въ удаленія гроба изъ соборной черниа, сворѣе политическій, чѣмъ церковный: естественно предположить, что епископъ Игнацій былъ только орудіемъ ростовскаго отчича, князя Дмитрія; если такое предположеніе допустимо, то ижесть Дмитрій могъ остаться въ отряжаніи правъ дади на Ростовское княжество и поимѣтъ прѣвѣтъ возможность «отчичимъ» приказаній ка дожу (удѣлъ) въ Ростовскомъ княженіи Михаилъ Глѣбовича; см. П. С. Р. Л. т. VII, стр. 174. Митрополитъ Керилъ отлучилъ еп. Игнація изъ его дѣланія, такъ какъ призналъ его «не право творящихъ, не по принамъ»; но когда Дмитрій «добн за него чашомъ митрополиту», и тотъ крестилъ Игнація. Этимъ, очевидно, подчеркивается солидарность князя съ епископомъ, обоснованіемъ правъ его деди. Никоновская лѣтопись нитаето прѣдѣтъ поступку еп. Игнація характеръ церковной кары, нѣмѣвая слова: «повеле его погresti у Спаса въ Книгичинѣ монастырѣ», которые ясно означаютъ погребеніе церковное (у Спаса), на: «повѣтъ просто законати его въ землѣ въ Книгичинѣ монастырѣ святаго Спаса» (т. X, стр. 157).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 175. «Братъ», котораго описана кн. Дмитрій, очевидно, Константинъ Борисовичъ и Михаилъ Глѣбовичъ. Къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ пребывалъ этотъ послѣдній; дѣлѣнѣе показывать, что не на Бѣлозерѣ.

но не на долго. 1285 годъ принесъ новый компромиссъ между ними: доставило Углицкое княжество, когда угасла линия вѣстоимыхъ углицкихъ князей, и Константиновичъ «сраждѣнста отчину свою» въ ея вѣлохъ, расширенномъ объемѣ¹⁾, притомъ такъ, что Дмитрій Борисовичъ занялъ углицкое княжество, а Константиновичъ ростовское²⁾. Такая комбинація не могла удовлетворить князя Дмитрія; онъ сблизается съ в. к. Дмитриемъ Александровичемъ, выдаетъ дочь за его сына Ивана, входить въ его планы, участвуетъ въ его походахъ на Тверь, а съ этимъ связано извѣстіе, что онъ снова занялъ Ростовъ и «нача вѣдати всю свою отчину», очевидно—съ поддержкой в. к. Дмитрія и татаръ³⁾. Константинову Борисовичу пришлось смириться и, видимо, остаться безъ самостоятельнаго владѣнія, вторымъ ростовскимъ княземъ при братѣ, послѣ кончины котораго въ 1294 году Константинъ занялъ стогъ Ростовскаго княженія, посадивъ въ Угличъ сына Александра.

¹⁾ На Угличъ ростовскіе князья могли предъявить претензіи, какъ на часть старой «ростовской отчины», но получить его могли, конечно, лишь по соглашенію съ великимъ княземъ. А для этого вышло удачливое обстоятельство. В. к. Дмитрій Александровичъ только что одолѣлъ брата Андрея и нуждался въ закрѣпленіи своей власти. Дмитрій Борисовичъ закрѣпилъ союзъ свой съ великимъ княземъ, выдаетъ дочь за его сына Ивана.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179; то же въ «Лѣтописи по Академическому списку» (Давридовская лѣтопись, стр. 496—499) и въ Софійской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 201). Новгородская, съ своей общей точки зрѣнія на междукняжескія отношенія, не могла помириться съ такимъ порядкомъ и внесла въ текстъ летописи омонимную поправку: «старшій братъ князь Дмитрій Борисовичъ сяде въ Ростовъ, а меншой его братъ князь Константинъ Борисовичъ сяде на Угличъ полъ» и добавилъ: «а братъ ихъ изъ двуродныхъ князь Михайло Гайбовичъ, зяту Васильковъ, сяде на Валозеръ» (т. X, стр. 186). Архангелогородскія лѣтописи (изд. 1819 г., стр. 72—73): «Въ лѣто 6794 князь Ростовскій, князь Дмитрей да князь Константинъ Борисовичи раздѣлиша себѣ отчину свою и паде жребію большому князю Дмитрею Угличе полъ да Валозеро, а меншому брату князю Константину Ростовъ да Угличъ».

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 («Князь Дмитрій Борисовичъ сяде въ Ростовъ; умови же ея тогда татаръ въ Ростовъ, и граждане створше зѣче и князюша ихъ, а мѣстѣ ихъ разграбиха; князь Константинъ Борисовичъ иде въ Орду»—подъ 6797—1288/9 г.); т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201 («а князь Дмитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину»—подъ тѣмъ же годомъ). О спутанности вѣдомствъ и хронологіи событій зѣчь лѣтъ въ нашихъ вѣстоимыхъ сводахъ см. выше, стр. 86. Ростовскія летописи послѣдней изъ упомянутыхъ редакцій ссылаются, по существу правильно, на установленіе власти кн. Дмитрія въ Ростовской отчинѣ съ его участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ великаго князя, но сблѣтъ в хронологіи и порядкѣ событій, отвѣсы походы подъ Кашинъ не только въ 6797 г., но и ко времени похвѣтъ заняты имъ Ростова.

⁴⁾ Въ 1288/9 г. кн. Константинъ вѣдѣлъ въ Орду, вѣроятнѣе—по поводу избіенія въ Ростовѣ татаръ, чѣмъ искать управъ на брата; но Новгородскія вѣдѣны въ Орду оба ростовскіе князья (ср. П. С. Р. Л., т. VII, стр. 179 и т. X, стр. 186). Кн. Константинъ умоляють въ чествѣ князей, дѣйствовавшихъ съ Андреемъ Александровичемъ противъ в. к. Дмитрія въ 1281 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 176), тогда какъ зѣчь указанія на такое же участіе его брата Дмитрія; Смыслъ можетъ, это объясняетъ поддержку Дмитрія Борисовича в. к. Дмитриемъ и ихъ сблизженіе послѣ временной уступки Ростова Константину.

Стозь Суздальскаго княженія закінчати послѣ отца, кн. Андрея Ярославича, кн. Юрій Андреевичъ, но вся дѣятельность его, насколько она намъ известна, принадлежала Великому Новгороду, подъ рукою великаго князя; только послѣдніе годы жизни (ум. 1279 г.) провезъ онъ, видимо, въ Суздаль, такъ какъ объ участіи его въ кампаніяхъ либо дѣлахъ этихъ гдѣ не слышно; въ суздальскомъ соборѣ и погребенъ князь Юрій, а стозь княженіе перешло къ его братьямъ, Михаилу, затѣмъ Василю, отъ котораго и пошла позднѣйшія суздальскія князья ¹⁾.

Кромѣ этихъ вотчинныхъ княженій остаются упомянуть о Галицкомъ, Стародубскомъ, Юрьевскомъ. Галичемъ владѣли, по смерти кн. Константина Ярославича (ум. 1255 г.), его сыновья Давидъ (ум. 1280 г.) и Василий (упом. подъ 1310 г.), о которыхъ до насъ дошли только случайныя упоминанія ²⁾. Стародубомъ—князья, потомки Ивана Всеволодовича, о которыхъ свѣдѣнія стозь скудны, что оставляють спорной даже ихъ генеалогію ³⁾. Юрьевомъ Польскимъ владѣлъ, по смерти кн. Святослава Всеволодовича (ум. 1263), сынъ его Дмитрій, по смерти котораго (въ 1269 г.) упоминается лишь подъ 1340 г. юрьевскій князь Иванъ Ярославичъ ⁴⁾.

Таковъ составъ вотчинныхъ княженій на территоріи Владимірскаго великаго княжества, кромѣ Москвы и Твери—платанутокъ ихъ многозначительной борьбы за великокняжескую власть.

Бурная исторія Ростовскаго княжества весьма характерна. Она показываетъ, какъ мало было во внутренней жизни Владимірскаго великаго княжества XIII-го вѣка условій, благоприятныхъ для установленія сколько-нибудь прочныхъ и устойчивыхъ княжескихъ владѣній—вотчинныхъ княженій, заикнутокъ къ себѣ и обособленнотъ отъ болѣе широкой политической жизни. Во внутреннихъ отношеніяхъ Ростовскаго княжества тяга къ вотчинному распаду встрѣчается рѣзкое проявленіе князя Дмитрія Борисовича, который выступаетъ противъ братьевъ—рожданаго и двоюроднаго—съ попыткой одному «вѣдати всю свою отчину»—съ Бѣлозеромъ и Угличемъ;

¹⁾ Спорные вопросы генеалогіи этихъ князей удачно выяснены А. В. Экземплярскимъ (т. II, стр. 394—396). Судьбы Городца и Нижнего-Новгорода опредѣляются позднѣе—въ связи съ исторіей Владимірскаго великаго княженія.

²⁾ „Лѣтопись по епископа Лаврентія“, стр. 450; П. С. Р. Л., т. X, стр. 153 (кн. Давидъ Константиновичъ Галичскій и Дмитровскій), т. VII, стр. 174 и т. X, стр. 157 (тоже); т. X, стр. 156: кн. Давидъ названъ затемъ ярославскаго князя Федора Ростиславича; о рожденіи въ 1310 г. у галицкаго князя Василія Константиновича сына Федора—въ Новгородѣ, стр. 259; Соф. I—т. V, стр. 205; Воскр.—т. VII, стр. 185; Ник.—т. X, стр. 176. Ср. Экземплярскаго, т. II, стр. 209—210.

³⁾ О нихъ см. выше—стр. 69, примѣчаніе, и Экземплярскаго, т. II, стр. 179—180.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 103 и 206. Ивана Ярославича, кн. юрьевскаго, Экземплярскій (т. II, стр. 256—260) считаетъ внукомъ кн. Дмитрія Святославича, восстановленіе между ними—вслѣдствіе предположительно—ярьевскаго князя Ярослава Дмитровича.

его приобретения—не «вымыслы», его деятельность скорее попытка добиться более крупного княжеского значения, и можно его, пожалуй, назвать своего рода Андреем Боголюбским малого масштаба. Честолюбивым делом князя Дмитрия недостижимым без участия в общине делать великого княжения, из которых ростовские князья, как и ярославский Федоръ и суздальский Юрій, выступают активными деятелями. Общак князя великого княжества еще преобладает над разобщенностью княжеских интересов; от нея она сильно зависит, ее условия—определяются. Князья всей Владимиро-Суздальской земли группируются вокруг великого князя, участвуют в его походах, подъ его военнымъ предводительствомъ или по его посылкамъ, бьются съ князьями Орду, или созываются на съезды для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Мѣстные своды отбѣтали и бытовую сторону этого общенія князей «язовской» земли, перечисливъ ихъ, какъ присутствующихъ на каждой свадьбѣ, на каждой погребеніи членовъ своей среды. Въ скучные годы Александровича Невского—быть еще «частыми» поить между удѣльными вотчинными князьями; порыве привѣры такъхъ войнъ дадутъ московскіе захваты Можайска и Коломы 1). Уособленіи XIII вѣка—подлиннымъ междоусобіемъ внутри политически-единнаго Владимірскаго великаго княжества; мѣстные споры еще неразрѣшены понию великаго князя, отсутствіемъ общаго нра и княжого права. Содержаніе уособленія XIII вѣка—борьба за великокняжескую власть, и ихъ участіемъ объединены вокругъ того или другаго претендента на него. Отъ такыхъ уособленій «занимается вся земля Суздальская» 2).

1) И столкновение кн. Невана перемславскаго съ кн. Константиномъ ростовскимъ, о которомъ имѣемъ лишь глухое упоминаніе въ «Лѣт. по Аладимъ сикому» подъ 1301 г.

2) В. О. Кавтучевскій говоритъ о «мелкихъ верхне-волжскихъ удѣлахъ XIII и XIV вв.» и «историческое происхождение удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, установившагося на верхне-волжскомъ Своемъ съ XIII вѣка»—объясняетъ тѣмъ, что 1) «орудіемъ содѣянія феодальныхъ особенностей верхне-волжской Руси колонизація вывела здѣсь малкіе рѣчные округа, усиленные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т.-е. удѣльнаго ея дробленія» и 2) что «ходъ развитія колонизаціи страны первымъ князьямъ удѣла привлекать людей въ своимъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ заселялъ и устраивалъ въ общество». Типична для «удѣльнаго періода» фигура князя—собственника и колонизатора: «понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла, было юридическимъ слѣдствіемъ значенія князя, какъ вассала и устроителя своего удѣла» («Курсъ русской исторіи», т. I, стр. 431, заключеніе XIX-й лекціи). Исторія верхне-волжской Руси XIII в. не знаетъ такыхъ князей. Мелкими «удѣльными» князьями, которые замкнулись въ управленіи своимъ «удѣльнымъ» вотчиннымъ можно назвать развѣ суздальскія—послѣ Юрія Андреевича, да галицкія; но и тѣ не были ни «собственниками» своимъ вотчинъ, а князьями на степеняхъ княженіи, ни «заселителями и устроителями своимъ удѣловъ» въ «пустыни»—въ общество». Даже князьми—колонизаторами и хозяйственными устрои-

С. М. Соловьевъ отиыталъ характерную черту этой «заматки» — возстаніе младшихъ князей на великаго. Однако, борьба идетъ то за обладаніе великокняжеской властью, то за Переяславль, съ которымъ связаны далеко захватывающія предположенія о наследіи Александра Невскаго ¹⁾; ведутъ ее двѣ группы князей — часть ихъ стоитъ на сторонѣ даннаго носителя великокняжескаго титула и власти, а главные противники великихъ князей Дмитрія, затѣмъ Андрея — князья тверской и московскій ищутъ союза съ Великимъ Новгородомъ: для нихъ эта борьба путь къ великокняжеской власти и политикѣ ²⁾.

«Владимірское наследіе» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Велюкороссіи, притязаніе на распоряженіе ея военными силами и на руководство ея откошевіями къ Орду и къ соседнимъ страдамъ. Со столомъ Владимірскаго великаго княженія связаны вѣковая традиція притязанія на княжескую власть въ Великомъ Новгородѣ, въ которомъ для великихъ князей болѣе широкаго политическаго значенія и возможный источникъ матеріальныхъ средствъ, а — по связи Пскова съ Новгородомъ — и во Псковѣ, хотя оны и обособились все больше въ своихъ западныхъ откошевіяхъ и связяхъ. До конца XIII в. Владимірскіе великіе князья сохранили и въ некоторомъ мѣрѣ и на Смоленскѣ и на княженія распавшейся Чернигово-Сѣверской земли. Въ дѣлахъ западной великокняжеской полетины участвуютъ при Дмитріи и Андрѣ Александровичахъ, по ихъ зову и ихъ «посылкѣ» князья смоленскій и брянскій. Тѣсно примыкнувъ къ Владимірскому великому княженію княжества Муромское и Рязанское. До Батыева нашествія хуромскіе и рязанскіе князья, какъ и послѣ, на теченіе всего XIII в. «не могутъ, — по выраженію А. В. Эвземплерскаго, — считаться совершенно самостоятельными, такъ какъ ими свободно распоряжаются великіе князья Владимірскіе» ³⁾. Въ борьбѣ съ мордвой и половцами Рязань и Муромъ ищутъ естественной опоры у Владимірскаго великаго князя и участвуютъ наравнѣ съ дру-

---

тями своихъ владѣній ممکنъ ихъ считать развѣ потому, что равно ничего не знаемъ объ ихъ дѣятельности. «Макіе рѣчные округа» колонизованы и «утроенны» не князьями, а боярами и монастырями, къ дѣятельности которыхъ, притомъ не только землевладѣльческой, постепенно принимало поддѣлявшее князья, разножившееся и князьство.

¹⁾ Напомнимъ, что переходъ Переяславля во власть московскаго князя ставилъ не «примесь» московскій, а приобращаніе къ столу переяславскаго княженія.

²⁾ Преобладающее понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія» не только не объясняютъ всей этой борьбы князей, — во сдѣлаю бы ее невозможной въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она протекала.

³⁾ Великіе и удѣльные князья сѣверной Русы», т. II, стр. 867. Объясненіе А. В. Эвземплерскаго, почему оны называютъ Муромъ «удѣломъ рязанскимъ» (тамъ же, стр. 869) примѣръ того, насколько не выиснено понятіе «удѣла». Авторъ говоритъ объ «удѣлахъ» Муромо-Рязанской земли, разбитой съ 80-хъ г. г. XII в. на двѣ обособленные вотчины, между которыми органической связи уже нѣтъ.

гнии подручными младшими князьями въ его походахъ. Татарскій погромъ и ордынское владѣтельство на время ослабили эту связь самозащиты. Татарское господство легло особенно тяжело на муромскую и рязанскую земли. Дѣтписные своды почти вовсе молчатъ о нихъ, и наиболѣе крупное явленіе въ судьбахъ этихъ земель за весь XIII и начало XIV в.—«нахождение» татаръ и разореніе отъ нихъ¹⁾. Великіе князья не въ силахъ дать оборону этимъ окраинамъ Великороссіи, подавляемымъ безысходной трудностью своего положенія, пограничнаго съ опасной степью. Мѣстнымъ силамъ великорусскихъ окраинъ придется самимъ организовывать свою самооборону, пока въ центрѣ не окрѣпнетъ обновленная власть и не возметъ на себя опять этого дѣла; но оглядка на этотъ центръ съ попыткой найти въ немъ опору будетъ непрерывно поддерживать ослаблѣннѣ связи съ нимъ, вопреки нарастающимъ и разросшимся антагонизмамъ.

---

¹⁾ Разореніе муромскую землю татари—составникъ гл. Андрей Александровича, разореніе рязанскую и муромскую землю ордынскіе князья. П. С. Р. Д., т. VII, стр. 175 („Муромъ пусть сотвориши“); т. X, стр. 167 (Рязань, Муромъ, Мордва поповамъ татарамъ).

ГЛАВА II.

Борьба Твери и Нискомы за великое княжение «всей Руси».

I

Традиция великокняжеской политики, ослабшая, но живая, вышла на рубеж XIII и XIV вѣковъ—въ моментъ наибольшаго упадка великокняжеской власти, опору въ троякомъ поименіи общественныхъ силъ, воздвигавшую опасность полного распада Велико-русскія въ княжескія усобицы и земской «замятні». Эти силы—боярство и церковь ¹⁾.

В. к. Андрей Александровичъ скончался во Владимірѣ (гитомъ 1304 г. ²⁾. Сказаніе о мученической кончинѣ кн. Михаила Ярославича ³⁾ утверждаетъ,

¹⁾ Подобно В. И. Сергѣевичу (см. выше, стр. 14—15), не думаю паваливать боярствъ XIV в. «дальновидные политическіе плавы» зродъ созвѣстнаго стремленія къ образованію большаго вѣраждѣнаго государства, но столь же методологически-надежнымъ считаю сводить къ предполагаемымъ мотивамъ къ погонѣ за «богатыми кормленіемъ». Приемлемое замѣчаніе Сергѣевича объ очевидныхъ «невыгодахъ многокняжія» съ постоянной «борьбой князей» подтверждается широкимъ знаніемъ этой темы во всей русской письменности съ «Повѣсти временныиъ лѣтъ» и «Сказа о поку Игоревѣ», что, однако, не ведетъ еще къ мысли о коренной перестройкѣ политическаго строя, но являетъ тенденцію къ усиленію великокняжеской власти (идеализація такихъ князей, какъ Владиміръ Мономакъ, Александръ Невскій) и боярствомъ, и церковной іерархіей руководили какъ реальныиъ интересамъ, такъ и въ блаженіи, такъ и «блага земли», т.-е. такой умалъ быта и строя, который обеспечивалъ бы всѣ реальныиъ интересамъ, считавшимся законными въ данной средѣ.

²⁾ По Воскресенской 27 июля, по Никоновской 23 июня (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 194 и т. X, стр. 175). «Н вѣсно поименіи его за Городѣ въ церкви св. Михаила Архангела» (Ник.); «я поименъ бысть за Городѣ, а бояре его отѣхаша къ Тверь» (Воскр.). Рѣчь идетъ явно не о «городичихахъ» боярахъ, а о боярахъ великокняжескихъ, и въ этомъ смыслѣ—аллѣмѣрскииъ. У насъ кѣтъ основанія строить какое-либо предположеніе объ «удѣльномъ» городичихомъ боярствѣ кн. Андрея Александровича.

³⁾ «Убиеніе великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго отъ безбожнаго царя Азбика», Великіи Никей Четвѣ, ноября, тетрадь III-я (по над. Архоепр. Комиссіи), подъ 22 ноября (ст. 3092); о редакціи этого сказанія см. у Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческія источники, стр. 71, и у Н. Сербренскаго, Древне-русскія княжескіи житія, стр. 250—257.

что кн. Андрей передъ смертью «благослови его на свой столъ, на великой княжение»¹⁾. Во всякомъ случаѣ, митрополитъ Максимъ, который съ весною 1300 г. перенесъ свою резиденцію во Владимиръ въ раззореннаго Киева, и великокняжескіе бояре признали Михаила великимъ княземъ. Бояре поѣхали въ Тверь; Михаилъ Ярославичъ воспѣшилъ въ Орду заручиться тавскимъ ярмыкомъ, а въ его отсутствіе бояре, руководимые—по всей видности—вмѣстельными и дѣйствительными Линоомъ, предприняли рядъ шаговъ для захватыванія великокняжеской власти за своимъ княземъ.

Въ Орду поѣхалъ и костромскій князь Юрій Даниловичъ искать великаго княженія для себя. Попытка митр. Максима предупредить накупѣшее столикновецкіе князья—не удалась²⁾, какъ неудачной была и попытка бояръ, сторонниковъ кн. Михаила, перехватить Юрія на пути³⁾. Передъ отъѣздомъ Юрій Даниловичъ успѣлъ занять Кострому, послать туда брата Бориса, но князь Борисъ захваченъ тутъ и вывезенъ плѣнникомъ въ Тверь. Кострома занята тверскими боярами; однако, костромичи поднялись «вѣчею» на нихъ и днюкъ убилъ⁴⁾. Неудачна была и попытка захватить Великій Новгородъ:

¹⁾ Летописные своды (П. С. Р. Л., т. V, стр. 207 и т. VII, стр. 188; или поновизнованная ими редакція сказанія объ убійствѣ в. к. Михаила) даютъ двѣ мотивировки притязанія Михаила Ярославича на столъ великаго княженія: благословеніе его на свой столъ в. к. Андреемъ и старшинство Михаила, соединяя ихъ въ одну формулу: «и благослови его на свой столъ на великое княжение, сего христолюбиваго князя Михаила, ему же по старшинству дошесть баше стверзь княженія великого». Тутъ княземъ соединено двухъ текстовъ, двухъ мотивовъ. Въ Великихъ Минеяхъ—текстъ сказанія не упоминаетъ о благословеніи, а говоритъ лишь о томъ, какъ по смерти в. к. Андрея «доде степеню по старшинству великого княжества Володимирскаго саму блаженному великому князю Михаилу Ярославичу». Эти строки, по взрвому заблужденію Н. Н. Серебрянскаго, «слабо объединены» съ дѣйствительнымъ разсказомъ и едва-ли входили въ составъ «первоначальной повести о светомъ» (Указ. соч., стр. 250); или, надо полагать, замѣнено начало первой редакціи, гдѣ не было мотива «старшинства», а былъ мотивъ «благословенія».

²⁾ Сказаніе объ убійствѣ в. к. Михаила Ярославича передаетъ, что митр. Максимъ удерживалъ Юрія отъ соперничества съ Михаиломъ («со многого мольбою бранише ему ити во орду») и предлагалъ ему какое-то соглашеніе, ругался отъ своего имени и отъ имени Михайловой матери, кн. Косини, что Михаилъ дастъ ему «нао отчимъ вѣше» (Александровичей Невскаго), что онъ «восощеть» (Великий Минея, ст. 3093); и будто Юрій обзавелся не только въ замѣну великаго княженія: тому противорѣчатъ болгарскія вѣсти о захватѣ Юрія, тѣмъ соглашеніе было бы нарушено.

³⁾ Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 204) отмѣчаетъ только «много замѣтанъ въ Суздальской земли и во всѣхъ градѣхъ». Воскресенская (т. VII, стр. 184) сообщаетъ о попыткѣ перехватить кн. Юрія въ Суздаль, «хотяще ити его»; но онъ «со своимъ братьемъ проиде въ орду пѣкъ путемъ». Никоновская (т. X, стр. 175) замѣнила Суздаль Костромой, что плохо согласовано въ искъ текстъ съ посланной на Кострому кн. Бориса и его помятениемъ (выходитъ, что захвативъ кн. Бориса бояре тутъ же, на Костромѣ, подстерегали и Юрія).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: «бысть вѣче на Костромѣ на бояръ на Давида Яковича да на Жеребца и на иныхъ, тогда же Заря убилъ и Александра».

Новгородцы не приняли присланных къ нимъ князистыиновъ князи Михаила и заключили съ его боярами перемирие до приѣзда князей ¹⁾.

Въ принявъ связь съ этими же дѣйствителн боярѣ кн. Михаилъ Ярославича слѣдуетъ поставить событія, разыгравшіяся въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ «черные люди» поднялись на боярѣ, а кн. Михаилъ Ярославичъ, возвращаясь изъ Орды «изъи вѣчниковъ» ²⁾.

Наконецъ, слѣлана была попытка захватить в Переяславѣ, по брату Юрѣ, Иванъ Давыдовичъ, успѣлъ прибыть сюда и подготовить его защиту. Нападеніе боярина Акива съ тверской ратью было отбито съ большимъ урономъ; палъ въ бою и самъ Акива ³⁾.

¹⁾ Тамъ же: «а въ Новгородъ Великій тверити силою послаша князистыиновъ князятъ Михайловыхъ, новгородци же ихъ не приима, но идоша на Торжокъ новгородци города бѣсти; и совокуиша все землю, и омыслише послы мѣти собор, и мира докончаша до приѣзда князей». Безъ «рида» съ княземъ новгородци не могли принять его князистыиновъ: это было бы ихъ подвореніе «сакон», а заключеніе такого рида было для нихъ невозможно, пока не разрешатъ споръ о великомъ княженіи.

²⁾ Тамъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184). Часть текстовъ (т. IV³, стр. 253; т. V, стр. 204; т. X, стр. 176) указываетъ тутъ кн. Михаила Андревича, по св. Царскаго Соф. I замѣтитъ эту ошибку и исправитъ ее (т. V, стр. 204). Въ Нижнемъ произошло тоже, что въ Костромѣ; бояре в. к. Андрея, владѣвшаго Городцомъ и Нижнимъ Новгородомъ, слѣлана попытку удержать изъ за Михаиломъ Ярославичемъ, какъ великимъ княземъ. Черезъ вѣсново хѣтъ в. к. Михаилъ повторитъ попытку овладѣть Нижнимъ Новгородомъ. Въ Нижегородской лѣтописи (т. X, стр. 176) сохранителъ указали, что въ Нижнемъ избиты бояре «Андрѣи Александровича». Какъ тутъ, такъ и въ Воскресенской сама редакція извѣстия показываеъ, что «забіеніе вѣчниковъ» княземъ произошло на обратномъ пути его изъ Орды: «риде изъ Орды въ Нижній Новгородъ и избѣ всѣхъ вѣчниковъ» и «примедъ князѣ Орды»... Оба свода приводятъ это событіе междѣ 6813 г.: Михаилъ Ярославичъ похалъ въ Орду по смерти в. к. Андрея (ум. лѣтомъ 6812/1304 г.), а вернулся в Нижнемъ на великомъ княженіи до кончанъ мѣтр. Максима (ум. въ декабрѣ 6813/1304 г.).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184: «князъ Иванъ Давыдовичъ придетъ въ Переяславъ сѣде на княженіе». Этотъ текстъ, смутнаи В. И. Сергѣевича («Др. Русск. Права», т. I², стр. 54—55) несомнѣнный плодъ редакціоннаго недоразумѣнія. Воскресенская лѣтопись сильно сократила тотъ же источникъ, изъ котораго Никоновская (т. X, стр. 176) взяла заглавіе «Повѣсти объ убѣненіи Акивои, боярина тверскаго» и строки: «а князъ Иванъ Давыдовичъ послѣ брата Юрѣ сѣдше на Москѣ, такъ съ Москвы иде въ Переяславъ и сѣде въ немъ на великомъ княженіи». Этотъ источникъ, отнесшій все переяславское дѣло ко времени по смерти Юрѣ — та повѣсть объ Акивѣ, которую вѣсново повѣе сохранили такъ наз. «Ростовская лѣтопись» (ср. у Карамзина, «Ист. Гос. Росс.», т. IV, стр. 324; рукопись Моск. Арх. Мн. Нн. Дѣла, Библиотеки Арива № 20/25, лѣтъ 310) и Рогозинскій лѣтописецъ (рукопись Библиотеки того же Арива № 351/800, лѣтъ 183: «О вѣднѣмъ бояринѣ Иродитѣ»). Эта повѣсть, составленная въ эпоху вѣстическихъ счетовъ, сообщаетъ, что Акива, бывшій прежде бояриномъ в. к. Андрея Александровича, перешелъ съ другими великокняжескими боярами въ Москву, но затѣмъ отбѣхалъ къ кн. Михаилу Яросла-

Перед нами значительный моментъ въ исторіи Владимірскаго великаго княжества, и нельзя не пожалеть, что лѣтописные своды сохранили лишь отрывочныя и смикномъ глазіа дѣяствія. Но и во этихъ весьма недостаточныхъ данныхъ ясно, что борьба между Михаиломъ и Юріемъ пошла за широкую задачу—за власть надъ всею Великороссіей, стало быть, за возстановленіе единства ея политическихъ силъ и политическаго главенства надъ нижн. Попытка Михаила Ярославича и его сторонниковъ бояръ захватить такіе пункты какъ Великій Новгородъ, Переяславъ, Кострому и Нижній Новгородъ не можетъ быть сведена къ «уսавенію Твери» или «увеличенію тверского удѣла». Ясною проглядываетъ болѣе широкія политическія притязанія; заглядываясь борьба за наследіе великихъ князей Александра и Ярослава Ярославичей.

Михаилъ Ярославичъ вернулся изъ Орды съ ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе¹⁾; въ обрядѣ «посаженія на столъ» во Владиміріи принялъ участіе митрополитъ Максимъ²⁾. Первымъ дѣломъ в. к. Михаила былъ походъ къ Москвѣ «на князя Юрія Даниловича и на его братью», заклю-

---

вчу въ за «завода», лаской испиталъ, когда изъ Кіева прибылъ бояринъ Родионъ Нестеровичъ. Это сказаніе, вкратчѣ, было извѣстно составителю Никоновской лѣтописи, который сохранилъ изъ него заглавіе (мало подходящее къ краткому тексту), и указаніе на то, что Акиевъ былъ рабъ боярина в. к. Андрея (чего нѣтъ напр. въ Воскресенской), но остальное—отбросилъ. Переходъ Акиева съ другими боярами въ Москву ясно противорѣчитъ опредѣленнымъ сообщеніямъ лѣтописей; источникъ тутъ могла быть родословная запись о потомствѣ Акиева, которое служило, начиная съ его сына Федора, московскимъ князьямъ. На всемъ разсказѣ лежитъ печать мѣстнаго спора потомковъ Годуна Нестеровича (Кашинскихъ) и Акиевскихъ (Челядьковскихъ): «Кашинскимъ, потомки Родионовыхъ, описываютъ свое (прощеніе) къ своей челобитной, подавшой имъ въ 1576 г. царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акиевъ бѣжалъ отъ Каледы къ кн. Михаилу Ярославичу Тверскому», сообщаетъ Карамзинъ (т. IV, прим. 324), полагая, что поэтому, несмотря на анахронизмы „главное прощеніе вѣроятно“.

¹⁾ Лѣтописное сказаніе объ убѣженіи кн. Михаила Ярославича содержитъ указаніе, что споръ князей о великомъ княженіи велся на поименіе татарскаго „выхода“ (князья татарскіе говорили кн. Юрію: „оже ты даси выходъ больша князя Михаила тверского, мы тебѣ великое княженіе дадемъ“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 189), такъ что слѣдствіемъ княжеской „ори реишкой“ была, тагота велика въ Русской земліи“. Въ судѣ надъ кн. Михаиломъ играло роль обѣщаніе, что онъ не выполнитъ обязательствъ („парамъ дави не давайъ еси“), притѣмъ характерны его оспины—въ оправданіе—ва то, сколько онъ далъ „спироничъ“ дану и ордынскимъ князьямъ и сжева его униженія Каагдимаитъ передъ его ордынскими заимодавцами (т. V, стр. 211—212; т. VII, стр. 192—194).

²⁾ „Прінде благоваримъ князь Михайло на Русь и посаженъ бысть на столѣ великаго княженія въ Володемери великимъ и приспомятнимъ митрополитомъ Максимомъ и всею Русю Максимомъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 206; т. VII, стр. 189). Воскресенская лѣтопись отослать возвращеніе кн. Михаила на Русь къ концу 6812 г., Соф. I и Никоновская къ началу 6813 г.—осень 1804 г.

чиншіся примаремъ князей. Московскихъ князьихъ пришлось принять Михаила великихъ княземъ, и тѣмъ закончилась первая эволюція московско-тверской борьбы.

Этотъ историческій моментъ характеризуется не только дѣятельнымъ участіемъ, но даже починкомъ великокняжескаго боярства въ борьбѣ князя Михаила съ званіемъ великокняжеской власти и возобновленіемъ ея силы; по-рѣшъ окончился, по существу, неудачей, несмотря на формальное утвержденіе Михаила на столѣ великаго княжества; предстояла еще долгая и упорная борьба, чтобы исполнить эту форму желанными подлинными содержаніемъ¹⁾. Но само это содержаніе было бы не правильно оцѣнивать нѣтъ сами съ крутыми княжескими предпріятіемъ, какое около того же времени возникаетъ во Владимірѣ при митрополитичьихъ дворѣ. Это предпріятіе — первый «общерусскій» летописный сводъ, составленный, какъ съ достаточной убѣдительностью выяснилъ А. А. Шахматовъ, въ началѣ XIV вѣка²⁾.

Тщательное сравненіе состава дошедшихъ до насъ летописныхъ сводовъ привело А. А. Шахматова, между прочимъ, къ выводу, что нѣтъ составителя опирались въ трудахъ своихъ на обширный летописный сводъ «общерусскій» по содержанію, первая редакція котораго была доведена до 1305 г.³⁾

¹⁾ Фактически это первое время борьбы Твери и Москвы въ многомъ не иссяк. Въ ближайшіе годы Михаилу пришлось съ большими трудомъ устанавливать свои отношенія къ Великому Новгороду; Переяславль остался въ московскихъ рукахъ. Но не знаемъ мы того, что собственно произошло въ Костромѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ, каковы были причины и дѣйствующія силы возникшихъ тамъ смутъ, изъ того, какова была ближайшая судьба этихъ городовъ. Самъ костромской движокъ съ московской борьбой противъ кн. Михаила устанавливается помянутой въ Кострому князя Бориса Давыдовича; владимирскаго — помянутой Михаила Ярославича въ 1311 году «за Нижній Новгородъ и за князя Юрья», какъ читается въ одной летописи, «за Нижній Новгородъ за князя Юрья», какъ выражаются другія. «Нѣблизне вѣсточковъ» Михаиломъ Ярославичемъ не утверждено его власти въ Нижнемъ Новгородѣ; въ чьихъ рукахъ была Кострома послѣ упомянутыхъ событій — не знаемъ, но утвержденіе власти Михаила въ этомъ городѣ — сомнительно.

²⁾ А. А. Шахматовъ, «Общерусскіе летописные своды XIV и XV вѣковъ». Глава III («Журналъ М.—за Народнаго Просвѣщенія», 1900 г., кн. 11).

³⁾ «Всего вѣроятнѣе, что онъ оканчивался тѣмъ самымъ извѣщеніемъ 1305 г., которымъ замѣчалась Лаврентьевская летопись, або какъ понять иначе то обстоятельство, что Лаврентій, писавшій въ 1377 г., довелъ свой трудъ только до 1305 г.» (тамъ же, стр. 160); на 1305 г. обрывается основной источникъ составителя «Лаврентьевскаго» свода, который онъ дополнилъ по другимъ матеріаламъ. Къ этому основному источнику А. А. Шахматовъ относитъ все то общее, что есть въ Лаврентьевской летописи съ такъ ив. Новгородской 1, составитель которой использовалъ его, дополнивъ и редактуру свой сводъ также и по своимъ матеріаламъ. Подлинное извѣстіе Лаврентьевской летописи: «въ лето 6813, иаидекъ 2, мѣсяць июль въ 28, на память св. мученицы Агнии, въ день въ вторникъ». А. О. Вычюль въ примѣчаніи къ изданію Лавр. лѣт. указалъ: 1) что въ 6813 году иаидекъ былъ 3-й, а 2-й — въ 6812 г.; 2) что 28 іюня приходилось на среду въ 6813 г., а въ вторникъ

и обичаях областей навістей о событїях сѣверо-восточной Руси свое владимірское происхожденіе. Богатый сводъ навістей о событїях, часто мѣстнаго только значенія, во всѣхъ областяхъ Владиміро-суздальской земли въ разнскихъ и черниговскихъ, конгородскихъ и псковскихъ, южно-русокихъ и литовско-русскихъ—свидѣтельствуетъ о такой широтѣ кругозора и интересовъ и о такомъ обилїи свѣдѣній и источниковъ, какіе мыслены только при дворѣ русскаго митрополита. Само положеніе главы русской церкви давало митрополиту и его клирикамъ болѣе широкій кругозоръ; при митрополитѣмъ дворѣ свѣдѣли за судьбами не одной какой либо земли, а всей Великороссїи, какъ и западной Руси. Съ другой стороны митрополитыя клады одна только и могла располагать средствами для выполненія подобнаго дѣла: сюда возможно было собрать все свѣдѣнія епархїи и крупныя монастырей мѣстными литовскими записи и своды; тутъ можно было найти свѣдѣнія о сколько-нибудь выдающихся событїяхъ во всѣхъ углахъ Русской земли. Важнѣе всего—съ общесторической точки зрѣнія—самый замыселъ использовать эти возможности для составленія «общерусскаго» литовскаго свода. Замыселъ этотъ, подготовленный старой южнорусской традиціей «Кіево-печерскаго Временника» и «Поѣвїи временныхъ лѣтъ», сложился естественно въ великокняжескомъ столичномъ Владимірѣ при дворѣ митрополита въ связи съ опредѣленной политической тенденціей. Митрополиты, водворившись во Владимірѣ, становились важнѣйшимъ факторомъ сѣвернорусской политической жизни; интересы церкви—въ широкомъ смыслѣ слова—дѣлаютъ ихъ стороничными прекращенія всяческихъ смуть и усобицъ и поборниками болѣе устойчиваго строя отхоженій съ реальнаго, а не только титулярнаго — великокняжеской властью. Общерусскіе литовскіе своды даютъ тѣмъ самымъ, дѣйствіе осмѣненіе и поясненіе политической дѣятельности русскаго митрополитовъ XIV и XV вѣковъ¹⁾.

Не случайно совпало появленіе перваго опыта общерусскаго литовскаго свода съ моментомъ выступленія великокняжескаго боярства на путь энергичной борьбы за возрожденіе великокняжеской власти изъ постигшаго ее глубокаго упадка. Это боярство не могло не тяготиться все нарастающимъ ослабленіемъ и упадкомъ стараго политическаго центра, съ которымъ связаны были все его интересы, а водвореніе во Владимірѣ митрополитичьей клады съ ее общерусскими интересами и старой традиціей поддержалъ внутренняго мира подъ ограномъ единаго главы свѣтскихъ властей должно было сильно оживить потребность въ выходѣ изъ создававшегося тягостнаго положенія.

¹⁾ въ 6812 г. Пожаръ церкви св. Федора во Владимірѣ, о которомъ сообщаетъ подл. этой послѣдней своей датой Лаврентьевскіе лѣтописи, отнѣсены въ Воскресенской лѣтописи подъ 23 июля 6812 (1304) года — П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184.

²⁾ Ср. мое статьи: «Древне-русское лѣтописаніе» и «Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI в.в.» въ «Исторїи русской литературы до XIX в.», изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго, т. I, гл. VIII и XII.

Другое хронологическое совпадение: года кончины митрополита Максима съ годомъ, на которомъ, по всей вѣроятности, остановилось намозженіе перваго общерусскаго лѣтописнаго свода—приводить А. А. Шахматова къ мысли, что составителемъ этого свода былъ митрополитъ, «и всего вѣроятіе митр. Петръ»¹⁾. Однако, то обстоятельство, что въ Лаврентьевской лѣтописи нѣтъ записи о кончинѣ митр. Максима (ум. въ декабрѣ 6818) свидѣтельствуетъ, повидимому, о завершеніи работы надъ сводомъ рѣше этого событія, стало быть при митр. Максимѣ²⁾. Замыселъ составленія общерусскаго лѣтописнаго свода и его осуществленіе при митрополитчьемъ дворѣ—естественно поставитъ въ связь съ другими чертами дѣятельности митр. Максима. Это первый въ ряду управителей русской церкви, который носитъ титулъ «митрополита всея Руси»³⁾, а повышеніе такого титула надо признать симптомомъ возникновенія въ церковной средѣ тенденціи противопоставлять все нарастающему упадку еднѣлой свѣтской власти единство русской церковной власти. Если—поддѣе—Константинопольская патриархія будетъ отстаивать единство русской митрополіи противъ попытокъ ея раздѣленія политическимъ аргументомъ, что «всякая Русская земля раздѣлена на многія и различная кіевскія княжества», живущія въ раздорахъ и усобицахъ, а долгъ церкви «настать за всѣхъ не только словомъ, но и дѣломъ въ любви, мирѣ, взаимномъ единеніи и согласіи» вывозитъ изъ Руси, «за невозможностью привести къ единству власть кіевскую», только при сохраненіи единства митрополіи всея Руси, чтобы «единый для всѣхъ митрополитъ» былъ «какъ бы связью, соединяющею съ кнѣзъ и между собою» разрозненныя политическія силы Руси⁴⁾,—то эта мысль, связующая церковное единство съ мечтой о приведеніи къ единству власть кіевскую, уже видна—и въ копюмъ титулѣ митр. Максима и въ проявленіяхъ его дѣятельности изъ Руси. Митрополитъ Максимъ поддерживаетъ боярскую попытку не только увердить за князевъ Михаиломъ Ярославичемъ столь незначительнаго княженія, но и усилить великокняжескую власть захватомъ важнейшихъ городскихъ центровъ Бѣлороссіи.

Конечно, нѣтъ повода считать митрополита причастнымъ къ той так-

¹⁾ Въ статьѣ «Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI вв.» я призналъ это предположеніе А. А. Шахматова. Тутъ предлагаю некоторую поправку къ толкованію заглавній А. А. Шахматова.

²⁾ О концѣ Лаврентьевской лѣтописи (т. е. ан «общерусскаго» источника)—23 іюля 1304 г., т. е. рѣше кончинъ митр. Макария (ум. въ декабрѣ 1304 г.) см. выше—стр. 106, примѣчанія.

³⁾ Начало «правилъ митр. Максима»: «Благословеніе Максима, митрополита всея Руси» (Р. И. В., т. VI, № 13; ср. «Правило Кириакъ, митрополита русскаго»—тамъ же, № 6).

⁴⁾ Соборное опредѣленіе патриарха Антоніа о епархіяхъ митр. Пимена и возстановленіи Кириакъ—1360 г. (Р. И. В., т. VI, приложение, № 33).

такъ торопанымъ князьямъ, какими бояре съишлии осуществить свои замыслы, но, по свидѣтельству сказанія объ убійствѣ кн. Михаила, митр. Максимъ имгался своимъ мнѣніемъ и посредничествомъ устранить соперничество съ нимъ кн. Юрія Дмитриевича. Сопоставленіе этихъ наблюдений даетъ основаніе полагать, что митр. Максимъ усмотрѣлъ въ тверской князѣ ту силу, которая способна «привести къ единству власть мірскую», согласно съ тѣмъ, что Михаилу Ярославичу великокняжескаго боярства. Этотъ союзъ митрополита съ великокняжескими стремленіями Михаила имѣлъ себѣ знаменательное выраженіе въ томъ, что Михаилъ Ярославичъ—первый изъ русскихъ князей—дѣлается въ патріаршихъ грамотахъ къ нему «великимъ княземъ всея Руси»¹⁾.

Если такая среда, въ которой Михаилъ Ярославичъ имѣлъ опору своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, то естественно поставить вопросъ: почему именно тверской князь сталъ центромъ ея политической власти и стремленій? Къ такому результату намъ общее состояніе Велікороссіи и особое положеніе Тверскаго княжества.

Состояніе упадка, въ какомъ мы находимъ великокняжескую власть Сѣверной Руси на рубежѣ XIII и XIV столѣтій было лишь однимъ изъ симптомовъ глубокаго расстройствъ великорусской жизни. Лишь постепенно складывались въ теченіе второй половины XIII вѣка тѣжкія послѣдствія ордынскаго господства. Организованная эксплуатация русскаго улуса имѣла татарской властью въ концѣ 50-хъ г.г. XIII в., но вызвала въ началѣ 60-хъ г.г. рядъ всевышекъ народнаго возстанія, которыя, конечно, не проходили даромъ Русской землѣ, несмотря на дѣятельное посредничество княжеской власти въ ея отношеніяхъ къ Ордѣ; однако, въ концѣ 60-хъ г.г., при ханѣ Менгу-Темирѣ «бысть ослаба Руси отъ князья татарскаго»; между Русью и ханской властью установился извѣстный *modus vivendi*, котораго существеннымъ проявленіемъ были весьма частыя походы князей въ Орду, какъ великихъ, такъ и остальныхъ—для полученія ханскаго «пожалованія» великимъ княженіемъ или «своими отчичами» и для улаженія въ Ордѣ другихъ русско-татарскихъ дѣлъ и вопросовъ. Къ 1273 г. наши источники отнесеть вторую татарскую перепись русскаго улуса, но мы не знаемъ, въ чемъ состояло ея отличіе отъ первой и не была ли она простымъ обновленіемъ первой «числа»²⁾. Въ 70-хъ и 80-хъ г.г. XIII в. русскія обла-

¹⁾ М. А. Дьяковъ, Кто былъ первый великій князь «всея Руси»? — «Библиографъ», 1889 г., № 1; «Посланіе Нифонта, патріарха Константинограда, къ великому князю Михаилу всея Руси» („Р. И. В.", т. VI, № 16). Тутъ же посланіе тверскаго митрополита Анкидына великому князю Михаилу и честному самодержавцу русскаго востолыванія.

²⁾ Ср. Н. Д. Чечулина, Начало въ Россіи переписной и ходъ ея до конца XVI в. („Библиографъ", 1889, № 2). 1273 (6781)—Новг. IV (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 243); Колоновская (т. X, стр. 152) подъ 6783 (1275).

сти снова не мало потерпѣли отъ татарскаго «нахожденія», когда князья навели на Русь «дареныя татары» ради своихъ усобицъ. Эпическія выраженія летописей при описаніи этихъ татарскихъ «нахожденій»: «вою землю пусу сотвориша», уши, надѣлавъ много зла» и съ большимъ «полономъ», только скрываютъ отъ насъ возможность нагляднаго, хотя бы приблизительнаго, представленія о разнѣрахъ разоренія, говорятъ, однако, о томъ, что оно было весьма значительно. Стоя же мало конкретнаго въ нашихъ свѣдѣніяхъ о тягости татарской дани; знаемъ только, что она увеличивалась вымогательствами ханскихъ пословъ и баскаковъ, изстрѣнными «запросами» ордынской власти и «проторями» сношеній съ Ордой, гдѣ приходилось откупаться отъ ханскаго гнѣва и вкупаться въ ханскую милость. При преемникахъ Менгу-Темира Золотоордынское царство переживаетъ періодъ внутренней дезорганизации, смуть и прямого распада. Не ослабляя тяготы ордынскаго господства для Руси, внутреннее броженіе татарскаго міра и ослабленіе ханской власти усугубили опасность татарскаго сосѣдства. Последніе десятилѣтія XIII в. отнѣчены татарскими набѣгами на рязанскіе и курюмскіе предѣлы. Рязанское княжество, предоставленное собственными силами, все болѣе обособилось, подавленное татарскими заплемъ; отношенія рязанскихъ князей къ Ордѣ естественно опредѣлились поинко княжескихъ. Южная украиня Великороссіи не была сколько-нибудь опредѣленно ограничена отъ татарской степи, и русская колонизація постепенно пошла къ югу, за р. Ворожею, на Хоперь и Великую Ворону, хотя и подъ восточными давленіями татарской опасности. Слагались и крѣпли свои мѣстные рязанскіе интересы, зарождалась своя организація мѣстной политической силы «великаго княжества» Рязанскаго, въ воздѣйствіи великорусскаго центра, зарождалась и естественный антагонизмъ къ нему.

Восточныя отношенія Великороссіи приняли иной характеръ, сравнительно съ прежними временами. Не слышно больше о походахъ русскихъ князей на морду и въ Прикамье. Восточно-финскія племена подъ непосредственной властью татаръ; и тутъ, въ значительной мѣрѣ, отрубаны пути колонизаціи и завоеванія. Политическое замельчаніе восточныхъ областей Великороссіи естественный результатъ упадка какой либо активной политики на восточныхъ ея предѣлахъ. Упадокъ великокняжеской власти лишилъ эти области опредѣленнаго политическаго центра; XIV в. лишь постепенно вырабатываетъ тутъ организацію мѣстной силы вокругъ нижегородскаго княжескаго стола. Новое положеніе дѣлъ виднѣтъ въ западной Великороссіи.

Двойственный характеръ дѣятельности Александра Невского—бояная оборона на западѣ и безсилая вкорость на востокѣ,—надолго опредѣлила политическую жизнь Великороссіи, такъ какъ явился неизбежнымъ слѣдствіемъ непреодолимыхъ вышнихъ условий. Разстройство и упадокъ велико-

княжеской власти и тут сказались децентрализацией боярских усадеб и руководством ими. Мы видим, как росла самостоятельность князья новгородской политики, как Псковь обособился из своих истинных интересов и отношений. Однако, Тверское княжество не могло оторваться от действительного участия в этой западной борьбе, так как она близко и непосредственно его касалась. Усиление западных притязаний сказывалось на надеждах на тверские волости, а экономические интересы издавна связывали Тверь с Новгородом. Весьма вероятно, что Тверь и первым заселением обитала была новгородской торговлей по связи городка на устьях Тверцы с Торжком на ее верховьях¹⁾. Со времени Всеволода Юрьевича Тверь в руках Владимировича князя, князь к Торжку и Новгородской области²⁾. Литовские набегы 1246 и 1248 г.г. близко коснулись тверской области; последний из этих набегов был отражен, послы габела в бою с литовцами Михаила Хоробрита, только под Зубцовом соединенными силами визовской земли. При таких связях с западом — из торговых выгод и боярских опасностей — естественна адекватная ориентировка тверских интересов и отношений, столь характерная для всей истории Тверского княжества³⁾. Тверской князь в конце XIII в. оказался главнейшим представителем княжеской власти, которому необходимо было принять на себя руководящую роль в политическом отношении западной Великороссии, как наследие разлагающейся великокняжеской силы. Тверское княжество оказалось достаточно окрепшим, чтобы стать опорой для более широких политических стремлений своего князя-отчича. Этот князь выступает крупно и самостоятельной политической величиной в эпоху борьбы старших Александровичей за великое княжение. Тверской князь Святослав Ярославич поддерживал, на первых порах, вместе с новгородцами и москвитями Даниилом, князем Андреем против в. к. Дмитрия Александро-

¹⁾ См. замечания В. С. Норзавокова (Ист. Тверского княжества, стр. 18—19) и его отклик у А. В. Эзмендлярского (указ. соч., т. II, стр. 445). Грамота в. к. Всеволода Мстиславича определяет пошлым „съ тверского гостя и съ новгородного и съ брянского“ (Д. к. А. Н., т. I, № 3; слова „съ тверского гостя“ вымывали много сомнений: во они могли бы быть скорее вышущими из позднейших списков — редакция, как в соответствующей памятной действительности, чем добавления. В 1181 г. новгородская и черниговская рати сошлись для похода на Всеволода Юрьевича „усть Твера“ (П. С. Р. Л., т. III, стр. 17; „устье Тхвега“; т. IV, стр. 170 и т. V, стр. 167; „усть Твера“).

²⁾ Подъ 1216 г.: в. к. Ярослав Всеволодовичъ завязъ Торжокъ и эмискулъ сообщения новгородцевъ съ визовской землей, пути его „утишиша твердь, пути отъ Новгорода засышоа и рѣку Тверцу“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 120) или: „собрашиша Тверьчѣ и пути отъ Новгорода засышоа и рѣку Тверцу“ (т. X, стр. 169).

³⁾ Подобно Псковю, Тверь рано завязала связи с Литвой. Второю тверской опорой Андрей был сыномъ литовскаго князя Гердея, соучастника (съ Довмонтомъ) въ убійствѣ Младого (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 165).

явля, ко князя примиряясь съ Дмитріемъ перахъ вторичной наводкой Андреемъ татару на рускія области. Переходъ власти въ Тверь къ Михаилу Ярославичу ¹⁾—отмѣченъ столкновіемъ его съ в. к. Дмитріемъ ²⁾, ко Михаилъ не прикнулъ къ его врагамъ; тверскіе бояре организовали сопротивление татарской силѣ, которую князь Андрей привелъ къ брату Дмитрїю. Тверь стала убійщицею для уходящихъ изъ другихъ областей отъ татарскаго насяна ³⁾, и объ это тверское сопротивление разбился и татарское «нахождение» и планы кн. Андрея: въ Твери нашелъ Дмитрїй Александровичъ опору и поддержку, и Андрей занялъ великое княженіе только по смерти брата. Важнѣйшую роль играетъ тверской князь и въ спорахъ за Переяславль, хотя эти споры и разрѣшались, поավдному, не согласно съ его стремленіями. Союзный договоръ 1296 г. съ Новгородомъ, участіе въ Переяславскомъ и Дмитровскомъ сѣвѣдахъ—характеризуютъ тверского князя какъ самостоятельную и вліятельную политическую силу въ обществѣ дѣлаютъ Владимірскаго великаго княжества. Такъ вся предыдущая дѣятельность князя Михаила могла создать почву для его общенія съ митр. Максимомъ и съ великокняжескимъ боярствомъ. А положеніе Тверского княжества на западныхъ предѣлахъ Великороссїи воспитало въ немъ наибольшую широту политическаго кругозора, какая была еще доступна русскому князю XIII вѣка. На первыхъ же порахъ самостоятельнаго княженія Михаилу Ярославичу пришлось пережить событіе, которое наглядно вскрывало необходимость связи вѣстныхъ тверскихъ интересовъ съ единствомъ Владимірскаго великаго княжества. Въ 1285 г. «воеваша Литва Олешину и прочїя волости владыки тверского; и совокупшася на нихъ тверичи, москвичи, волоцане, новоторжцы, зубчане, ржевичи — и угонша ихъ на хѣбъ, кинуша Слосову дин, и бша ихъ, а князя ихъ Доманта иша в Литву многу мзавмаша, а паше избѣша, а друзїа убѣмаша, а половъ весь отъяша, и возвратшася во своеня». Одинокіи силами тверского княжества такой успѣхъ былъ бы недостижимъ. Все болѣе опасныя столкновенія съ Литвою, торговыми и по-

¹⁾ Въ вѣнскихъ летописяхъ нѣтъ вѣстїи о смерти старшаго Ярославича—Святослава и возмѣненїи Михаила: послѣднее упоминаніе о Святославѣ подъ 1282 г., первое о Михаилѣ подъ 1285 г.

²⁾ Причиной его не указаны въ вѣнскихъ летописяхъ, только Тверская летопись поясняетъ общо и риторично, что Михаилъ «не восхотѣ поклонитися» великому князю.

³⁾ Татарове же поминаше прекарченныя грады [14 городоу] и востопїахъ ити на Тверь; бысть же встачахъ велика Тверичемъ, не бша бо у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Орду бысть; они же цѣловаша маки себѣ крестъ и сѣлоца ю осадѣ, укрѣпшася на томъ, яко битое съ Татараы, а не продатиса; бѣ бо множество людей збѣгшося во Тверь изъ вѣмкъ княженїа перахъ разѣю. Въ то же время и князь ихъ прїеде изъ Орды, и орѣтоша его со кресты и бысть радость велика Тверичемъ. Татарове же, слышавше прїедеши князя Михаила, и не повдоша ко Твери,» П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180.

литическія связи съ Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Смоленскомъ, которые западные отношенія сильно осложнялись напряженной борьбой съ враждебными соседями, все это выдвигало Тверь, какъ опорный пунктъ великорусской западной политики, а ея князя выводило за грани чисто «містныхъ» интересовъ на болѣе широкую историческую арену. Съ другой стороны, разрѣшеніе задачъ этой политики—одновременно тверской и великорусской—требовало объединенія вѣдательныхъ силъ въ такую пору, когда все очевидно выступило безсиліе Владимірскаго центра. Для него не только не было возможнымъ возстановленіе великокняжеской власти, для мечтавшихъ о такомъ великомъ княженіи, какое было при Всеволодѣ Юрьевичѣ и при Александрѣ Невскомъ, тверской князь—дѣятельный, энергичный и честолюбивый—могъ показаться естественнымъ наследникомъ этихъ сильно расшатанныхъ традицій и будущимъ ихъ возстановителемъ. Михаилъ Ярославичъ и добивается великокняжеской власти, опираясь на свое тверское княжество, на содѣйствіе великокняжескаго боярства и митрополитической каеодры. Въ первомъ же столкновеніи его съ Москвой—дѣло идетъ не только о столѣ Владимірскаго великаго княженія. Вопросъ поставленъ сразу широко и круто: великій князь долженъ обладать подлинной политической силой и владѣть всими главными пунктами великорусской политико-географической области отъ Нижняго Новгорода до Новгорода Великаго. Круто и насильственно проведенъ была первая попытка осуществитъ эти притязанія, и развилась о сопротивленіе «містныхъ» общественныхъ силъ—въ Великомъ Новгородѣ, въ Костромѣ, въ Новгородѣ Нижнемъ—и опаснаго соперника, московскаго князя.

II.

Пристально всматриваясь въ это выступленіе Твери и Москвы, какъ двухъ вѣдѣбѣ сильныхъ центровъ тогдашней великорусской жизни, М. К. Любавскій получилъ за такимъ подъемомъ «княдшихъ» по исторической роли и политическому значенію городовъ Великороссіи народную опору ихъ силъ въ привычѣ населенія къ болѣе западнымъ областямъ старой Ростовско-Суздальской области, и высказалъ предположеніе, что такой сдвигъ ея населенія къ западу былъ вызванъ «самыми зашурѣніемъ» средней и южной полосы «низовской» земли подъ тяжкими ударами татарскихъ завоевателей послѣ Батыева погрома и утвержденія ордынскаго господства. «Если взглянуть въ рассказъ летописи о Батыевомъ погромѣ и послѣдовавшихъ за нимъ, говоритъ М. К. Любавскій, то окажется, что эти погромы постигли преимущественно вѣдѣбѣ населенныя «містности Суздальской земли», и считается вѣроятнымъ, что уже послѣ перваго погрома часть населенія не вернулась на старыя пепелища, а ушла къ западу и сѣверу. «Повторнымъ татар-

сия находженія сбывали население Суздальской земли въ этомъ направленіи втеченіи всей второй половины XIII вѣка¹⁾.

Событія 1293 г., когда «царьы татары», союзники князя Андрея Александровича разорили восточныя и среднія области сѣверной Руси, но не рѣшились идти на Тверь, потому что только тутъ встрѣтили «сурьплие» на самоощущеніи, «бѣ бо множество людей сбѣгало по Твери нѣмъ князю князей», въ значительной мѣрѣ подсказала М. К. Лубавскому его мысль и дала ему—въ обоснованіе, а подходящую иллюстрацію ея. Мысль эту можно признать плодотворной гипотезой, которая даетъ гдѣ-то какое освѣщеніе разнати внутренней колонизаціи, боярскаго и монастырскаго земледѣлія, словомъ тѣмъ явленіямъ внутренней жизни Великорусскаго центра — земли московской и тверской области, изученіе которыхъ доступно намъ, къ сожалѣнію, только по богѣ подвинутъ гранатамъ (второй половины XIV и XV вѣка). Гипотеза М. К. Лубавскаго—остроумная попытка заглянуть поглубже въ тотъ историческій процессъ, какой выисывается по даннымъ этого рода, касающагося политической исторіи Великороссіи. Политическая сила Великороссіи отступаетъ въ началѣ XIV в. къ западу, ища себѣ богѣ устойчиваго и крѣпкаго центра, чѣмъ ослабѣвшій Владимиръ. Время борьбы Твери съ Москвой—знаменательный моментъ (колебанія въ этихъ поискахъ новой концентраціи великорусской силы, когда опредѣлялось усѣбное соперничество Москвы съ блестящими и притязательными, но кратковременными подъемомъ Тверскаго княжества.

Для моего изложенія, построеннаго на возможно тщательномъ различеніи историческихъ моментовъ, не представляеть интереса суммарный разборъ пресловутыхъ «причинъ возвышенія Москвы». Остановилось въ кепиныхъ строкахъ лишь на одной изъ нихъ, чтобы привлечь въ исходный пунктъ всего изученія исторіи Москвы ту оцѣнку ея географическаго положенія, какую даетъ С. Ө. Платоновъ въ статьѣ: «О началѣ Москвы»²⁾.

Вдумываясь въ гдѣтошныя изысканія о Москвѣ³⁾, С. Ө. Платоновъ отиѣчаетъ, что Москва лежитъ на перехрестіи вѣсколькихъ путей — на сѣверѣ, къ Ростову; на сѣверо-востокѣ, къ Владимиру; на югѣ къ Черниговскую землю; на Коложну, къ Рязани; на Можайскъ, къ Смоленску⁴⁾. Это

¹⁾ М. К. Лубавскій, Возникшеніе Москвы, — статья въ I т. изданія: «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ». М. К. Лубавскій устанавливаетъ, что «въ XIII и большей части XIII вѣка население Суздальской земли группировалось преимущественно въ средней ея части и восточной, а западная окраина ея, территория поддѣланныхъ княжествъ Московскаго и Тверскаго, была слабо заселена», и собираеть данные, указывающія на замѣтный ростъ населенности этихъ территорій къ исходу XIII и въ началѣ XIV в.а.

²⁾ «Визіографъ», 1890 г., кн. 5—6. Перепечатана въ «Отытъахъ по русской исторіи».

³⁾ «до половины XIII в. (даже и позже)».

⁴⁾ Пути на Новгородъ, откуда а. в. Всеволодъ Юрьевичъ вызвалъ въ 1207 г.

значение московского перекрестка—прежде всего, стратегическое, «погранично-военное». Оно вылилось на самом ходѣ военно-политическихъ событий еще из дотатарскую эпоху, когда Москва «погранично-военный» пунктъ Владимірскаго великаго княжества ¹⁾).

Нельзя поэтому, надо полагать, Москва долго не была значеніемъ самостоятельнаго центра мѣстной княжеской власти, остался великокняжескимъ «городкомъ». И то-же боевое значеніе Москвы, но уже не «погранично-военное», а политико-стратегическое, опредѣлило въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ отношеній ее роль, какъ центра новой организаціи военныхъ силъ Великороссіи, которая объединить ихъ разрозненные элементы и восстановить утраченное единство великорусской борьбы на три фронта—на востокъ, югъ и западъ. Не Тверь, самшюмъ поглощенной западными отношеніями, было сыграть эту историческую роль объединительницы не только власти надъ всею Великороссіей, но и всѣхъ основныхъ интересовъ великорусской жизни. Москвѣ одинаково близки эти интересы какъ на западъ—отношенія къ Великому Новгороду и Твери съ ихъ мѣстальной борьбой, экономическими и культурными связями въ Прибалтійскомъ краѣ и въ литовской Руси, такъ на востокъ и югъ—отношенія къ татарскому міру, задачи торгового, колонизаціоннаго и земледѣльческаго движенія къ Поволжью и на югъ отъ Оки. Конечно, для характеристика первыхъ шаговъ Москвы—все это весьма отдаленныя перспективныя, своего рода «предсказанія роста factum»; однако, они указываютъ на принятую связь нѣкоторыхъ моментовъ, характерныхъ для ранней исторіи московскаго княжества, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ее исторической роли и плодотворно направляющимъ вниманіе послѣдователя.

Иныя соображенія помогутъ, быть можетъ, освѣтить самое выступле-

---

снѣе Ковстаина съ войскомъ въ Москву, какъ оборонный пунктъ его рати для похода на Черниговъ, С. Ф. Платоновъ не поминаетъ особо, изучая «начало Москвы»; но для выясненія поддѣльной ее роли существенно сопоставить его наблюденія съ легкимъ доступомъ изъ Москвы путей къ Новгороду и Твери.

1) Что бы ни говорили тѣ же историко-географическія наблюденія о выгодахъ колонизаціи Москвою для развитія ее торговаго значенія, они не могутъ, сами по себѣ, вести къ заключенію отъ возможности, даже удобства—къ действительности къ любви (въ данномъ случаѣ—древнѣйшую) вору. «Если адуматься въ известія летописей о Москвѣ до половинъ XIII вѣка (уже и позже), то какъ становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы», замѣчаетъ С. Ф. Платоновъ, и заключаетъ свой выводъ такъ: «Слѣдуя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встречаемъ ее нѣмъ въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва—пунктъ, въ которомъ встречаются дружелюбныя и отражающія враговъ, вступаютъ съ нею. Москва—пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимірскаго князей. Москва, наконецъ,—исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, оборонное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ нег... нѣмъ оборонныя съ нею преслѣдовалась, вѣроятно, и построившія города Москвы».

ліе московських князів з настійливими притязаннями на стіль великого князівства і на керівну роль в політичних судбах Великороссії. Притязання ці вважалися за такої ступені лише основою в княжій традиції, яка це представлялося, вслід за С. М. Соловйовим, В. О. Ключевському ¹⁾. По смерті брата Даниїла Александровича осталися єдиним представителем потоцтва Александра Невського. Ще при великому князівстві брата Андрея і проти нього, як сувіль укріпити місце положемі, утвердившись на Переяславському князівстві. Стіль цього князівства—основал отчина Александровичей Невського, а тісна його звязь з великим князівством «Владимирским и Новгородским» подказувала притязання на прамуство нег отцу во всемъ объемѣ его власти и князівства ²⁾. Съ московской точки зрѣнія боротьба съ Тверью мѣла цѣлю закнути Ярославича и его потомковъ въ нѣг тверской отчинѣ, сохраняющій керівнує значеніє и потомственное старѣйшинство во Владимирскомъ великомъ князівстві за потомствомъ Александра Невського, какъ и тверскіє

¹⁾ Для С. М. Соловьева соперничество Москвы с Тверью объяснимо темъ, что много родовых счетовъ между князьями заступало теперь соперничество до права силы: Юрий Московскій былъ также силенъ, если еще не сильнѣе Михаила Тверского, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ" („Ист. Росс.", кн. I, ст. 901); даже съ точки зрѣнія „теоріи родового быта“, быть можетъ, не следовало бы стіль индивидуалистически понимать „родовые счета“, игнорируя вопросъ о старшинствѣ плѣтыхъ „линій“. В. О. Ключевскій развиваетъ Соловьевское объясненіє въ томъ смыслѣ, „что московскій князь не могъ итати надеждъ дойти до старшинства и по очереди занять отаршіє великокняжескій стіль“ и потому „чувствовалъ себя безправнымъ, точно обездоленнымъ среди родичей“ и выработалъ себя „своеобразную политику“, не стѣсняющуюся „политическими традиціями и принципами“ („Курсъ русской исторіи“, ч. II, стр. 11).

²⁾ Ср. выше на стр. 53, о борьбѣ за отцовское наслѣдіє симоновъ в. к. Ярослава Всеволодовича; объ отношеніи „отчинной“ традиціи къ Новгороду и Владимирскому великому князівству на стр. 66—67; о томъ же говорить вся біографія кн. Дмитрія Александровича, напр. его новгородская дѣятельность при великомъ князівстві дяди Ярослава. Усобицы между братьями Александровичами не упраздняютъ притязаній каждаго изъ нихъ на слѣдованіє по отчиннъ стільмъ съ устраниемъ братьевъ, хотя бы и старшихъ. Сказаніє о убіеніи в. к. Михаила Ярославича (Великіи Кнѣзъ, холбѣ, ст. 3093 и П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180) сохранило любопытный намѣтъ на неудовлетворенныя „отчинныя“ притязанія московскихъ князей. Тутъ повстаетъ о переговорахъ, какіє велъ митр. Максимъ съ кн. Юріємъ, чтобы отклонить его отъ соперничества съ Михаиломъ Ярославичемъ изъ за великого князівства: „азъ вхажя съ тобѣ, говорилъ ему митрополитъ, съ великимъ князівствомъ Оксиньмъ, матеріє великаго князя Михаила, чего воспоишешъ изъ отчинъ твоихъ, то ты дасть“. Это—литературно обработанное—извѣстіє содержитъ цѣнное реальное указаніє, что Давыдовичи выдвигали притязанія на свою „отчину“, но что это могло быть, какъ не „дѣданіє“ по Александрѣ Невскому, рагъ отчина по Даниїлу и такъ была въ нѣг рукахъ? Задать Юріємъ Костромь можно признать нѣкоторымъ конкретнымъ указаніємъ на притязанія Даниловичей.

царя боролась за свои «отчины» права на столь великого князя — князя оружия и ханского ярлыка.

Утверждение московских князей на Переяславском княжестве, само по себе, ставало их в положении независимых претендентов на великокняжескую власть, прежде всего потому, что того требовало стремление обеспечить за собой обладание Переяславлем. Носители великокняжеского титула и власти — Андрей Александрович, Михаил Ярославич — сами продали Переяславу значительную составную часть непосредственной территории великого княжества и не взирали с его уходом в московские руки. Не даром Переяслав никогда не входил в состав московской вотчины, конечно — до той поры, пока само великое княжество не слилось с этой вотчиной в одно целое «московского государства». Так и в силу своего близкого отношения к великому княжеству, и в силу своего значения, как отчавы по Александру Невскому, столь Переяславского княжества выводил своих князей на арену борьбы за великокняжескую власть ¹⁾. И первый

¹⁾ О первоначальной истории Москвы знаем чрезвычайно мало. И. Е. Забелин вкратце в кратких старейших упоминал о ней исходный пункт для выработка широкой и сочинил мажорны кисти археолога-художника ее облик, как типичной княжеской вотчины. Первое из них говорит о том, как в 1147 г. кн. Юрий Долгорукий звал к себе на «Москов» (так в Платоновой рукописи, стр. 2-а, стр. 390) Черниговских князей, чествовал их тут «обедом салымым» и «ларамы мюгамы». Известия 1176 и 1177 г. г. (та же рукопись) сохраняли название Москвы Курковом или Курцовым (с чем связано предание о сел. болыня Курча, отвлотом у него кн. Юрием) и рассказ о том, как Глебъ развелся, прелл на Москву, «жегъ городъ весь и селл». Эти князья слагались у Забелина в яркое представление о «княжескомъ хозяйственномъ селл» с угодьями для земледельчества, огородничества и садоводства, попользованием «всими надобными запасами», а затем — о вотчинномъ городе, который окружался рядом деревень и слобод, обслуживавших хозяйство князя-вотчинника. Известие Тверской летописи под 1156 г. (весьма недавнее — см. о нем в упомянутой статье С. Ф. Платова; что до даты, то С. Ф. Платовъ не обращал внимания на общее свойство этой летописи: она вообще сдвигает в своей хронологии приписывает выкладку «города» Москвы Юрию Долгорукому; во всяком случае ст. 70-х гл. XII в. имеют определенную известия о московском «городѣ». Когда же стала Москва «столянымъ» городомъ? Владимиръ Всеволодичъ в 1212 г., затворив въ Москву в то время усобицы, а по заключении мира былъ «выведенъ» изъ нея кн. Юриемъ и посланъ на княжение въ южный Переяславль: это отнюдь не свидетельствует о томъ, чтобы Владимиръ княжилъ въ Москвѣ. Михаилъ Хоробритъ оспаривалъ съ Москвою только тѣмъ, что два лѣтписанныхъ овода — Новгородская IV и Тверская летописи, сообщая о его смерти князьствомъ его «московскимъ», что другимъ летописцамъ не подтверждается. А въ 1282 г. выступаетъ въ усобицѣ старшихъ Александровичей ихъ братъ Даниилъ «съ Москвичи». Когда и какъ сталъ онъ владѣть Москвою — не знаемъ. В. О. Ключевскій правъ, изображая Даниила «ободовеннымъ среди родичей», но не потому, чтобы московскій князь «не могъ питать надежды на великое княжение „по отчаву“, а потому, что владѣлъ онъ только Москвою, которая не была „столянымъ“ городомъ, а лишь „воцѣстѣмъ“ великаго княжества безъ политическаго прохода. Если

же владѣтельный князь московскій добивается сверхъ «вотчинной» волости Москвы — «стольного» Переяславля. Сыну его Юрью съ трудомъ удалось отстоять и закрѣпить за собой Переяславское княжество. Быть можетъ въ некоторой связи съ борьбой за Переяславль стоялъ нападѣние кн. Юрія на Можайскъ: онъ взялъ тутъ князя Святослава Глѣбовича, племянника Федора Ростиславича, котораго ны видѣли въ ряду противниковъ московскаго князя, на сторонѣ в. к. Андрея. Московское плѣнненіе — послѣднее извѣстіе о Святославѣ, а Можайскъ остался за Москвою, сангивъ съ московскою вотчиной. По наслѣдству отъ кн. Данила осталось на рукахъ у Юрія Даниловича другое дѣло, повздохшее къ немнѣе существенному расширенію и усиленію этой вотчины; кн. Данилъ ходилъ въ 1301 г. ратью на Рязань и, несмотря на то, что съ рязанскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ выступила противъ него татарская помощь, разбилъ его подъ рязанскимъ Переяславцемъ и увелъ плѣнникомъ въ Москву. Первымъ дѣломъ Юрія Даниловича послѣ приприванія съ в. к. Махметомъ было убіеніе отцовскаго плѣнника ¹⁾. Результатомъ этихъ дѣяній было присоединеніе къ московскимъ владѣніямъ Колономъ ²⁾. Роль, какая выпала — въ дальнѣйшемъ — Можайску и Колономъ,

привать весьма изрѣченное предположеніе А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 273, что Данилъ, оставшійся послѣ отца малымъ ребенкомъ (род. 1261 г.) — получилъ Москву отъ Дмитрія, то доната его упорная вражда къ старшимъ братьямъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о захватѣ князя Константина «пѣнакомъ хотростю» (стр. 462). Нижегородская (т. X, стр. 178). повторивъ тотъ же текстъ, даетъ послѣднее этого замка: «храмомъ нѣмъ бояръ Рязанскихъ» и приписываетъ кн. Данилу самые блестящія замѣчанія: «правде его съ собою въ Москву и дръна его у себе въ князь, но въ береманн и въ чести велика, хоташа бо съ ея вѣмъ украинити крестнымъ цѣлованіемъ и отступати его въ его отчаку на великое княженіе Рязанское». Книжничъ-редакторъ не достаточно согласовалъ это освѣщеніе дѣла со своею же редакціей извѣстій объ убіеніи кн. Константина, гдѣ о его плѣненіи сказано: «его же поималъ хотростію нѣкомъ на бо» кн. Данилъ (т. X, стр. 176). Все это — черты редакціонной работы, а не показаніе источника, какъ и устраненіе татаръ изъ Переяславскаго боя: «одолѣтъ князь Данило и много татаръ забѣ» (Воскр.).

²⁾ Лѣтописные тексты не упоминаютъ о захватѣ Колономъ, но затѣмъ — въ владѣнъ Новаѣ Калита. Д. И. Иловайскаго («Ист. Рязанскаго княжества», стр. 61) предполагаетъ, что захватъ Колономъ былъ пѣнакомъ похода кн. Данила на Рязань. С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 884 и 903), не приписывая захвата Колономъ кн. Данилу, говоритъ, что Юрій ее «удержалъ». Карамзинъ поставилъ присоединеніе Колономъ въ связь съ дѣяніемъ Юрія («Ист. Гос. Росс.» т. IV, ст. 107 и прим. 211). Троицкая лѣтопись (Карамзинъ, т. IV, прим. 211 и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 86), сообщаетъ подъ 6815 1807, т. е. по убіеніи Константина, о возвращеніи кн. Юрія «въ Мословъ съ Рязань»; возможно, что все рязанское дѣло связано съ вѣдательствомъ Москвы въ рязанскія смуты, о которыхъ, впрочемъ, никакихъ и точныхъ свѣдѣній лѣтописи намъ не даютъ: ср. предположенія А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 577. Колономъ ключъ къ Рязанской землѣ съ сѣвера: ея крупное стратегическое значеніе вполнѣ опредѣленно выступаетъ еще въ исторіи сѣверной Руси временемъ в. к. Все-

всоднякъ пунктамъ московскихъ походовъ къ Смоленску, съ одной, къ Орѣ и въ Половжье, съ другой стороны, свидѣтельствуеть о крупной цѣнности этихъ приобретений: ими укрѣплялось и углублялось значеніе Москвы, какъ политико-стратегическаго центра Великороссіи.

На такъ укрѣпленной позиціи Юрій Даниловичъ могъ выступить сильнымъ соперникомъ Михаилу Ярославичу, несмотря на внутреннюю смуту, ссору съ братьями ¹⁾, тѣмъ болѣе, что ему помогали промахи и неудачи в. к. Михаила.

III.

Первые годы великаго княженія Михаила Ярославича заняты новгородскими дѣлами и отношеніями къ истроголицкой кнѣзюдь. И оба вопроса—новгородскій и церковный—получали такой оборотъ, что московскій князь пріобрѣлъ ковыль и мощицкъ союзниковъ, обезпечившихъ ему перевѣсъ надъ Тверью.

Борьская попытка занять Великій Новгородъ мамѣотниками князя Михаила разбита сопротивленіемъ новгородцевъ и свелась къ докончанію «до прѣзда князей»: и политическіе, и торговые интересы новгородцевъ вели ихъ къ признанію своихъ князейъ того, кто имъ обезпечитъ поддержку «низовской» рати и торговлю «безъ рубежа» по всей суздальской землѣ. Возвращеніе в. к. Михаила Ярославича изъ Орды и посаженіе его на столъ Владимірскаго великаго княженія—terminus post quem для переговоровъ его съ Великимъ Новгородомъ—осень 1304 г., а закончилась эти переговоры его прибытіемъ въ Великій Новгородъ и посаженіемъ на столъ новгородскаго княженія 16 іюля 1307 г. ²⁾ Новгородцы приняли великокняжескаго

волода Юрьевича (см. Лѣтоп. по Лаврентьевск. списку*, стр. 368—4, 367—8, 381—2, 385, 411, 438; ср. Иловайскаго, указ. соч., стр. 64—65).

¹⁾ «Князь Александръ и Борисъ Давыдовичи отъѣхаша съ Москвы въ Тверь»—6814/1306 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184. Въ Никоновской (т. X, стр. 176) событія этикъ лѣтъ календемъ въ сальное обѣтомъ порядкѣ и съ сомнительной хронологіей.

²⁾ О посаженіи в. к. Михаила во Владиміръ см. выше, стр. 103; его первый прѣздъ въ Новгородъ—въ Новг. I кнѣ. подъ 6816 г. (точнѣе: послѣ проставки 6-тъ годовъ: 6814, 6315, 6816), въ Новг. III подъ 6815; послѣднюю дату принялъ Воскресенская (т. VII, стр. 184) и Никоновская (т. X, стр. 176); посаженіе на Новгородское княженіе произошло «въ вѣдѣанъ, на сборъ святыхъ отецъ 680 или въ Халкилодѣ», т. е. 16 іюля (Новг. I, стр. 310), которое приходилось на воскресенье въ 1307 г., а не въ 1306 г. Къ этому времени относятся новгородскія договорыя грамоты №№ 6, 7, 9; 10 и 11 (С. Г. Г. и Д., т. I); ихъ научное изданіе и замѣчанія объ ихъ датировкѣ—у А. А. Шахматова въ «Исследованіи о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» А. А. Шахматовъ напрасно предположилъ, что грамоты 9—11 писаны «до полученія Михаиломъ великаго княженія»: различіе формуль—«господину князю» и «господину великому князю» такого значенія не имѣетъ; напр. въ грамотѣ № 3, которая всообщиво обращена къ в. к. Ярославичу, читается—«господину князю». До

наместниковъ, подчинились управленію «мужей» и суду судей Михаила Ярославича, но упорно настаивали на подчиненіи всего суда и управленія новгородской «пешкии», которую по иждрѣ возникновенія спорить вѣрствовъ

возвращенія Михаила Ярославича изъ Орды на великое княженіе новгородим не могли писать ему грамоты, адресаты которыхъ опредѣлялись княскимъ ярлыкомъ на великое княженіе.

Первой въ ряду этихъ грамотъ А. А. Шахматовъ признаетъ, съ достаточными основаніями, издаванную подъ № 9: новгородимъ представилъ великому князю—за печатомъ архіепископа Феофиста—крестоцеловальную грамоту, повтореніе той, на которой она въ 1269/70 г. доковали съ его отцомъ (№ 3), съ необходимыми редакціонными поправками и небольшими дополненіями въ концѣ. Трудно угадать моментъ, когда на сѣвѣкѣ первому договору явился второй, формулированный въ основную договорную (№ 10) съ дополнительной грамоткой (№ 11); оба соединены бычковой, на которой подѣлана одна печать—того же владими. А. А. Шахматовъ отыскалъ, что въ этихъ грамотахъ «гораздо болѣе фактическаго», чѣмъ въ общемъ шаблонѣ первой договорной; «очевидно, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, что Михаилъ былъ уже признавъ княземъ». Понимать это надо такъ, что первое «докованіе» состоялось, и новгородимъ принялъ къ себѣ великокняжескихъ наместниковъ: они упомянуты въ дополнительной грамотѣ (№ 11: «какъ будешь въ Новгородѣ и отъ своего и владычѣ и у своихъ мужей»), такъ что, дѣйствительно, «администрація края... была уже въ рукахъ Михаила»; А. А. Шахматовъ указываетъ на то, что значеніе этого упоминанія уже какъ злоупотребленія Михаиломъ судей («а зачѣго не пошло по новгородской волости, то судимъ твоими отложичи»), что ставя объ отказѣ великаго князя отъ «свѣи и свободѣ Дмитревичихъ», которые были лишь помысленно даны в. к. Андрею, предполагаетъ проявленіе Михаиломъ признанія на князѣ; можно бы въ такомъ же смыслѣ понять статью: «а что сѣль князя, на новгородской землѣ твоихъ или нягичевыхъ или бояръ твоихъ, тѣхъ сѣль тобѣ съступити...»—въ дозволеніе къ общему требованію сѣли и слободѣ не ставить, не принимать и не покупать. Дополнительная грамота (№ 11) требуетъ, чтобы великій князь «не кормилъ новгородскимъ хлѣбомъ» Федора Михайловича (взрочно бѣлозерскаго князя, о которомъ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 161) и Борюка Копесантиновича (?) и вывелъ ихъ изъ Новгородской области съ ликвидацией заведеннаго ими землекладенія. Впрочемъ, сомнительно, чтобы первое «докованіе» новгородцевъ съ в. к. Михаиломъ было закрытлво его крестоцелованіемъ и отъѣздомъ грамотой, хотя фактически и осуществлялось; практика наладившагося новаго управленія уже успѣла вызвать нареканія, отразившіяся въ новыхъ грамотахъ (10 и 11), о которыхъ оиъ такъ не можемъ утверждать, что онѣ были приняты и скрѣплены в. к. Михаиломъ. Основательный договоръ былъ заключенъ въ 1307 г., передъ тѣмъ, какъ в. кн. Михаилъ прибылъ въ Новгородъ и «сѣде на столѣ»: документы этого договора—дѣя тѣмъственными по тексту грамоты (№№ 6 и 7)—одна изъ печатей владыки михайлова; это и есть «фактисова грамота», что доковали (князь великій Михайло) со владыкою и съ послы новгородскими на Тѣфрѣ», которая вновь подтверждена мирнымъ докованіемъ 1316 года (№ 12). Какъ не близка—по своему составу договорныхъ пунктовъ—эта «Феофистова грамота» къ новгородскимъ проектамъ договора, она сохранила слѣды того, что проредатирована была согласно истрѣченнымъ требованіямъ в. к. Михаила: таковы ея необычное начало—«на сѣль господина, Новгородѣ весь хрѣсть цѣлуецъ, княженіе твое чество держати, по

формулировали въ пунктахъ договорныхъ грамотъ, и на устранили такихъ дѣйствій княжеской власти и ея агентовъ, которыя нарушали бы «старину».

Отношенія оставались напряженными, и весьма вѣроятна оглашка новгородцевъ на Москву—сопернику Твери, хотя у насъ и нѣтъ извѣстій о сношеніяхъ между ними и московскими князьями за эти годы. Только случайная запись въ одной богослужебной книгѣ намекаетъ на связь между новгородскими дѣлами и западнѣею и. к. Михаиломъ на Москву въ августѣ 1307 года ¹⁾. Называли событія, которыя вызовутъ новую борьбу между Тверью и Москвою при дѣятельномъ участіи Великаго Новгорода. Этими событіями отгичеченъ моментъ перелома въ политической исторіи сѣверной Руси, а связаны они съ судьбами митрополичьей кафедръ по смерти митрополита Максима.

IV.

Митрополитъ Максимъ умеръ въ декабрѣ 1304 года. В. к. Михаилъ Ярославичъ терпѣлъ въ немъ авторитетную опору своихъ политическихъ стремленій. Естественно допустить попытку великаго князя повліять на замѣщеніе митрополичьей кафедръ. Въ такомъ смыслѣ истолковали В. С. Борзакоскій и Е. Е. Голубинскій исторію игумена Геронтія, о которомъ повѣстается въ описаніи житіяхъ св. Петра митрополита, что онъ побѣдилъ въ

попкнѣхъ, бѣгъ обиди" и оборотъ рѣчи отъ лица князя, наперекоръ всему ея строю—сть имели новгородцевъ—, а что попкнѣхъ князи въ новгородской волости, того имъ мене не тачи въ всѣхъ волостяхъ". С. М. Соколовъ («Ист. Росс.», кн. I, ст. 903) отвѣтъ воѣ три грамоты (9—11) во времена „тогдашъ посѣвъ первого вступленія Михайлова на столъ новгородскій“, потому что не представлялъ себя возможнымъ подчиненіе Новгорода великокняжеской власти до этого „вступленія“; однако, А. А. Шахматовъ, указавъ запись въ Новгородской Лѣтописи подъ 1305-мъ годомъ, что Феоктистъ поставилъ церковь Бориса и Глѣба „въ державу христолюбиваго князя Михаила“.

¹⁾ „Апостолъ“, законченный 22 августа 6815 г., а на немъ записъ: „сего же лѣта бѣсть бой на рѣсѣи земли Михайлъ съ Юрьемъ о князьствѣ новгородское, при снхъ князехъ съяжутся и роутише усобицами, гнѣзше князи князи, въ князехъ котормъ, вѣ зѣди скоротншася человекомъ“ (Горскій и Новоселъ, Описаніе старинныхъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки, отд. I, № 45).

²⁾ Въ Тверской лѣтописи: „Въ лѣто 6816 земъ князь великій Михайло приходилъ ратью къ Москѣ и взялъ мѣръ“ (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 407); въ Воскресенской тоже подъ 6816 г.: „князь Михайло Ярославичъ ходи вдругѣ къ Москѣ ратью со многю силою, и бѣсть бой у Москви, на память святаго апостола Тита, а граде не взя и не успѣвъ кичтвомъ возвратиса“ (т. VII, стр. 185, тоже т. X, стр. 177). Вой подъ Москвою произошло 25 августа 1307, а не 1306 г., такъ какъ въ лѣтописные свѣдѣнія сообщаются о земѣ непосредственно послѣ извѣстія о поставленіи на митрополию св. Петра (лѣтомиъ 1307, а не 1306 г.—см. выше), и эта дата подтверждается записью въ „Апостолѣ“ 1307, которая связала со владѣній записью („снхъ же апостолъ князи вѣда святому пателейному врсннѣ игуменъ сего же мостаиря“), а ее слѣдуетъ отнести къ моменту завершенія писцомъ работы заказа игуменского.

Константинополь искать поставленія на русскую митрополию, притѣмъ захватить съ собою митрополитскихъ савонниковъ, ринувши митрополитичью и много иконъ изъ Владимірскаго Успенскаго собора ¹⁾. Житія не ставитъ дѣяній Геронтія на счетъ в. к. Михаила, но указаніе Кипріановскаго житія на поуступательство свѣтской власти («никому же возбраняюще князю») и на современную ослѣдомленность о побѣдѣ Геронтія галицкаго князя Юрія Львовича, женатаго на сестрѣ в. к. Михаила Ярославича, позволяютъ, помимо общихъ соображеній Е. Е. Голубинскаго, видѣть въ Геронтіи великокняжескаго кандидата на митрополитичью кафедру. Кн. Юрія Львовича, «не хоти высокоуміа Геронтіева», ставъ хлопотать о поставленіи особаго митрополита для южной Руси и послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ ижеменовъ—Петра—кандидатомъ на Галицкую митрополию. Патриархъ Афанасій рѣшилъ дѣло по своему: поставилъ Петра на митрополию ижея Руси (въ юнѣ 1307 г.) ²⁾. Только черезъ годъ ³⁾ смогъ Петръ пріѣхать изъ Кіева во Владиміръ: врагъ рода человѣческаго, риторически поясняетъ митрополитъ Кипріанъ въ Житіи св. Петра, «якъахъ подгеста не хотѣтъ того прішествія», но затѣмъ эти противники митрополита «себе зазубша и святителя пріима». Е. Е. Голубинскій угадываетъ за этой «прикровенностью рѣчей Кипріана» указаніе на противодействіе митрополиту со стороны в. к. Михаила ⁴⁾; принять поставленнаго патриархомъ митрополита пришлось во близкое великому князю духовенство, съ тверскому епископомъ Андреемъ во главѣ, тотчасъ подняло дѣло о его низложеніи. Къ патриарху посланы «словаеса тяжка» противъ митр. Петра; обвиненіи ⁵⁾ были настолько серьезны,

¹⁾ В. С. Борзакоевскій, Ист. Тверскаго княжества, приложение 2-е; В. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, первая половина тома, стр. 99—100. Житія св. Петра: такъ наз. Прохорово—въ приложеніяхъ къ IV т. «Исторія русской церкви» митр. Макарія, Кипріановское—въ «Великихъ Миссалѣхъ», подъ 21 декабря (ст. 1820), въ Никоновской летописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 190—194) и въ «Степеновой книгѣ» (П. С. Р. Л., т. XXI, стр. 321).

²⁾ А не 1308, какъ пишетъ Голубинскій (тамъ же, стр. 105); Голубинскій не принялъ въ расчетъ, что митр. Петръ умеръ 21 декабря 6834, т. е. 1325 (а не 1326 г.); «жизнь церковъ Божию» митр. Петръ—18 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 160).

³⁾ Относъ поставленіе Петра на митрополию къ 6816 г., летописные sources упоминають о его прибытіи во Владиміръ подъ слѣдующимъ годомъ (Воскр., Ник.); однако, Соф. I (т. V, стр. 204) правильно отнесла къ 6816 г. (1308 г., 5 юна) поставленіе во Владиміръ митр. Петромъ новгородскаго архіепископа Давыда, такъ какъ Давыдъ умеръ 5 февраля 6832 г. («Новгородскія летописи», изд. 1879 г., стр. 27), а прибылъ на архіепископскія 17 лѣтъ (круглыми счетомъ—тамъ же, стр. 214)—12 апреля 1308 г. былъ датированъ ярлыкъ митр. Петру отъ хана Тохты, какъ установило М. Д. Присадковичъ («Ханскія ярлыки русскихъ митрополитамъ», стр. 68).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 405.

⁵⁾ Вероятно тѣ же, какия и потомъ возводились на митр. Петра: «малды имель отъ ставленія» и разрываніе брака бланкинъ родственниковъ (въ 4-й и 5-й степеняхъ родства)—грамоты патр. Никифора в. к. Михаилу («Р. Ист. Вѣст.» т. VI, № 16).

что патриарх прислалъ на Русь одного изъ своихъ клириковъ для ихъ разсмотрѣнія на мѣстѣ. Дѣло разбиралось не въ митрополитчьемъ Владимирѣ, не въ великокняжеской Твери, а въ Переяславѣ на соборѣ, гдѣ присутствовали, подъ председательствомъ патриарха клирикъ, епископы—ростовскій Симеонъ и тверской Андрей и «лучшіе» изъ бѣлаго и чернаго духовенства; великаго князя не было, но прибылъ его сынъ «с яными князей довольно» съ братьями¹⁾. Бурныя пререканія²⁾ закончились оправданіемъ митр. Петра. Противники, однако, не сразу сложили руки. Тверской епископъ послалъ къ патриарху монаха Анкидина—свидѣтеля неправды дѣланій митрополита³⁾; и к. Михаилъ обратился къ патриарху съ посланіемъ о томъ же⁴⁾; патриархъ отвѣтилъ призывомъ митр. Петра на судъ въ Константинополѣ, поручая великому князю прислать его «кужею», если волей не захочетъ ѣхать, а съ нимъ обвинителей и свидѣтелей его провинности⁵⁾. Наши документы не даютъ свѣдѣній о томъ, состоялся ли такой судъ и чѣмъ все дѣло формально закончилось, но фактически митр. Петръ остался побѣдителемъ во всей этой борьбѣ. Оба епископа—участники Переяслав-

¹⁾ Свѣдѣнія о Переяславскомъ соборѣ даютъ только житія св. Петра митрополита. Соборъ могъ состояться въ 1310 (или въ началѣ 1311 г.)—см. Воряковскаго («Ист. Тверск. княжества», приложение 2-е «О Геронтіи игуменѣ и Переяславскомъ соборѣ въ началѣ XIV в.») и Голубинскаго («Ист. Русск. церквѣ», т. II, стр. 107). Отсутствіе на соборѣ в. к. Михаила житія объясняютъ тѣмъ, что онъ тогда въ Орду былъ, но въ лѣтописяхъ поѣздка Михаила къ нему упоминается (по полученіи великаго княженія) только подл. 1313 г.; мотивировка, можетъ быть, и неудачна, но это не мѣшаетъ датировки собора (см. Воряковскаго, стр. 249—251). Воряковскій полагаетъ, что на соборѣ не было Юрія Даниловича, но дѣятельную роль играли Иванъ Даниловичъ (стр. 97); вѣроятно, оба были на соборѣ, но то, что Воряковскій говоритъ о кн. Иванѣ, основано на недоразумѣніи съ Татищевскимъ текстомъ. У Татищева (т. IV, стр. 92—93) подл. 1313 г. (годъ поѣздки в. к. Михаила въ Орду)—статья о «новгородскомъ еретикѣ», дѣло котораго связано Татищевымъ съ Переяславскимъ соборомъ потому, что о «арестѣ» въ житіяхъ св. Петра говорится только послѣ сообщенія о соборѣ; а вѣроятъ съ еретикомъ поѣхалъ сюда и кн. Иванъ Даниловичъ. Въ Татищевскихъ рукописяхъ сохранился списокъ—автографъ съ этой статьей о «новгородскомъ еретикѣ», подлинникъ къ соответствующему мѣсту основного текста для поправки на него при перепискѣ на базю. См. у Голубинскаго, стр. 112 (прим.). К. Е. Голубинскій (стр. 106) отмѣчаетъ, что тверские клирики были еще малолѣтками, такъ что великокняжескую власть представляли сопровождавшіе ихъ бояре.

²⁾ «звѣніи молва бысть, яко въ малѣ не безмѣстно что бысть».

³⁾ «Написаніе Анкидина, мѣшка клирика Святыя Вогородица, къ в. к. Михаилу» («Русск. Ист. Евѣ.», т. VI, № 16); «завесе самовидецъ есмь и о тѣхъ вѣщахъ посланнаго своимъ епископомъ къ великому патриарху Константинограда».

⁴⁾ «Посланіе Нифонта, патриарха Константиана града, къ в. к. Михаилу воеи Руски» (тамъ же): «достави къ намъ посланіи отъ твоея власти грамоты княженія твоего».

⁵⁾ То же посланіе патр. Нифонта.

скаго собора покинул свои клады—Симеонъ ростовскій въ 1811 г., Андрей тверской въ 1816 г., уступивъ мѣсто ставленникамъ митр. Петра.

Разрывъ съ митрополіею дорого обошелся и к. Михаилу. Скудные свѣдѣнія о Переяславскомъ соборѣ не содержатъ указанія на участіе въ немъ московскаго Даниловича. Однако, соборъ происходилъ въ Переяславль—оно его принималъ въ своемъ городѣ, и касался оно существенныхъ отношеній въ великомъ княжествѣ—не могли они не использовать такихъ обстоятельствъ¹⁾. Ближайшія событія—оправдывать эти предположенія: митр. Петръ выстуждаетъ настоячивыми совѣщаніемъ Москвы.

Въ Твери не были покинуты недавніе широкіе замыслы, а въ годъ въ годъ накапливался рядъ обстоятельствъ, предвѣщавшихъ ихъ полное крушеніе: за первой неудачей властнаго захвата—непрерывный рядъ трудностей въ установленіи новгородскихъ отношеній, полное пораженіе въ борьбѣ съ митрополіею. И, видимо, во всѣхъ затрудненіяхъ и неудачахъ чувствовалось острое соперничество Москвы. В. к. Михаилъ и его содѣянія отталкивались—аскорѣ послѣ Переяславскаго собора—на попытку нового рѣшительнаго удара. Въ 1811 г. в. к. Михаилъ послалъ рать свою съ сыномъ Дмитріемъ «на Новгородъ Нижній и на князя Юрь». Князь прѣбылъ во Владимірѣ, куда должны были сойтись ратными силами великаго княжества, но «не благослови его Петръ митрополита»²⁾. Это митрополитчье

¹⁾ Е. Е. Голубицскій рѣшительно заключаетъ изъ Киріаковскаго описанія собора, что митр. Петръ имѣлъ „многочисленную партію своихъ сторонниковъ“ среди свѣтскихъ участниковъ собора, и что „представителемъ этой партіи (былъ князь московскій“, а бурная столкновение на соборѣ понимается, какъ столкновение этой партіи „съ партіей сторонниковъ великаго князя“ (тамъ-же, стр. 113).

²⁾ Такъ въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186); въ другихъ свѣдѣніяхъ „не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимира“ (т. IV², стр. 255; т. V, стр. 206; т. X, стр. 176); повидному, таковъ текстъ общаго ихъ источника, а Воскр. выдѣлила слова „столомъ во Володимира“, м. б. потому, что они въ редактуру были столь же мало понятны, какъ и намъ. Принявъ эту редакцію известія (а она хорошо представлена въ нашихъ текстахъ), пришлось бы предположить одно изъ двухъ: либо, что поставленъ былъ вопросъ о преемствѣ на великомъ княженіи во Михаилѣ (что мало вѣроятно), либо, что митр. Петръ своимъ неблагоговѣніемъ воспринималъ какъ Д. Дмитрію осуществлять отъ имени отца—функции великокняжеской власти. Повидному, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понявъ известіе составитель Ниловаго текста; онъ пишетъ про кн. Дмитрія: „онъ же отстоялъ три недѣли въ Володимири, собравъ съ собою много, бѣа челоукъ Петру митрополиту, да его разаршилъ, и тако разпусти воя своя“. Это известіе о первомъ на Русь примѣненіи церковнаго запрещенія, какъ политическаго оружія—вызывало большое недоумѣніе историковъ. С. М. Соловьевъ („Ист. Росс.“, кн. I, стр. 903) называетъ его „труднымъ для объясненія“; А. В. Энцикларскій („Вед. и уд. князья“, т. I, стр. 62)—„пѣснопольно темноватымъ“. Карамзинъ пытался повернуть походъ на Великій Новгородъ, отодвинувъ дату ко времени, когда въ Великомъ Новгородѣ „заслосовалъ“ Юрій („И. Г. Р.“, т. IV, прим. 144). Е. Е. Голубицскій („Ист. Русск. церкв.“, т. II, стр. 137) толкуетъ походъ кн. Дмитрія необходимо „охранять великокня-

неблаговоление разрушало все предприятие. Кн. Дмитрий простоял во Владимирѣ три недѣли, а затѣмъ распустилъ войско и вернулся къ отцу ¹⁾.

Неудачи, подрывавшія не только авторитетъ, но и реальную силу великокняжеской власти, не задержали отразившихся усиленихъ новгородской оппозиціи. Ближе не знаясь поводомъ разрыва, но въ 1312 г. в. к. Михаилъ вывелъ изъ Новгорода своихъ наместниковъ, захватилъ Торжокъ и Бѣлзскую волость и прекратилъ подвозъ «облаіа» къ Новгороду; новгородцы сѣкнулись—послали въ Тверь владѣнку Давыда и обязались уплатить князю полторы тысячи гривенъ ²⁾. «Докопчаніе» 1312 г. оказалось только перемиріемъ; князь Михаилъ завелъ новгородцамъ ударъ раньше, чѣмъ они смогли подготовитъ борьбу; теперь—новгородцы ищутъ союзниковъ противъ великаго князя-притѣснителя. Въ 1313 г. в. к. Михаилъ и митр. Петръ поѣхали въ Орду къ новому хану Узбеку. Митрополитъ былъ «бороть» отпущенъ на Русь, но великій князь пробылъ тамъ больше года. Въ его отсутствіе поднялись новгородцы на великокняжескихъ наместниковъ и призвали къ себѣ московскую помощь. Кн. Юрій Даниловичъ присягнулъ къ князю кн. Федору Рязанскому, который захватилъ наместниковъ в. к. Михаила и съ новгородскою ратью пошелъ противъ тверского войска, наступавшаго съ кн. Дмитріемъ Михайловичемъ. Противники встрѣтились на Волгѣ, у Городца (тверского), стояли по сторонамъ рѣки 6 недѣль, до заморозковъ, а разошлись безъ боя, заключивъ миръ «на всей волѣ новгородской» ³⁾.

жескія права его отца», который, по мнѣнію Голубянского, все еще былъ въ Ордѣ; но не объясняетъ, что же угрожало этимъ великокняжескимъ правамъ: едва ли допустимо предположеніе, что слова: «на благости столѣтъ въ Володимирѣ» означаютъ попытку митрополита передать великое княженіе Юрію...

¹⁾ М. А. Дьяконовъ (въ «Визыюграфѣ», 1889 г., М 1, стр. 16) придаетъ особый смыслъ словамъ житія св. Петра митрополита: «паче престола градъ, обрѣте градъ честенъ кротостю, зовомый Москва»... (Макарія, Ист. рус. церквей, т. IV, стр. 314), какъ указаніе на то, что митр. Петръ «какъ-бы не имѣлъ никакой религіозной», набѣгаетъ стольскаго города Владимира и «прихитачивалъ къ Москвѣ». Такое предствленіе о прихитачиваніи частаго пребывавша митр. Петра въ Москвѣ можно бы приурочить ко времени досѣхъ исторія съ походомъ княжича Дмитрія въ періодъ послѣдней борьбы Юрія съ Михаиломъ.

²⁾ Этотъ договоръ до насъ не дошелъ. См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 206; т. VII, стр. 186. С. М. Соловьевъ («Ист. Росс.» т. I, стр. 405) отождествилъ это докопчаніе (грамота до насъ не дошла) съ монетнымъ утвержденіемъ договорной грамоты, которая упоминается въ договорной № 12: «великому князю грамота хрѣстатъ, что докончана на Городѣхъ на Волгѣ»; и отождествилъ это послѣдъ убѣдительно, а упоминаемая сомада даетъ указаніе на единъ пунктъ договора на Волгѣ: новгородцы обязались уплатитъ великому князю какуто сумму, но обязательно—догашалось уплатой божиъ крупной контрибуціи, вложенной на имя Михаила по договорной № 12 (потому прѣшля грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ Новгородомъ знова условленнаго «серебра»). Зато княжичъ Дмитрій—очевидно согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій и,

Договоръ этотъ, видимо, освобождалъ Новгородъ отъ великокняжескаго наместничества, такъ какъ новгородцы «оттуда же» (т. е. съ Волги) послали въ Москву по князю Юрию Давыдовича, а отъ той же виной прѣіхалъ въ Новгородъ съ братомъ Аванасіемъ и «сѣде на столѣ». Тутъ, въ Новгородѣ, засталъ кн. Юрій ханскій зовъ, вѣроятно, къ отъѣзду по жалобѣ в. к. Михаила; онъ поѣхалъ вѣстѣ съ новгородскими посланцами, но и на этотъ разъ Михаилъ Ярославичъ выигралъ дѣло у хана. Онъ повелъ на Русь съ татарскими войсками¹⁾, разбилъ новгородцевъ у Торжка и потребовалъ выдачи князей Аванасія Давыдовича и Фёдора Ржевскаго. Новгородцы Фёдора выдали, обязались выплатить крупную контрибуцію²⁾, и пошли на полную сдачу. Пришлось подчиниться великокняжескимъ наместникамъ, выдать досѣки, оружіе и коней³⁾. В. к. Михаилъ склонилъ сопротивление и, занявъ

вѣроятно, формально отозвать наместниковъ, которыхъ кн. Фёдоръ Ржевскій «знаима» и держалъ «во владичь дворѣ». Иначе же понятны два указанія на характеръ этого договора: что онъ заключенъ «на всей волѣ новгородской» и что грамота подлежала уничтоженію по уплатѣ новгородцами поздѣйшей контрибуціи; изъ этого согласовать съ фактомъ—не лгалия, во ареста великокняжескихъ наместниковъ и призыва Юрія Давыдовича на новгородское княженіе только послѣ заключенія договора на Волгѣ. Договоръ, заключенный въ грамотѣ № 12—на быль исполненъ, и требованіе объ уничтоженіи городской договорной повторю въ договорной грамотѣ 1317 г. (№ 14).

¹⁾ Ханские послы Тайтмеръ, Махрожа и Индыбъ «быша въ Ростовѣ и много зла сотвориша» («Лѣтопись по Акад. списку» въ изд. «Лѣт. по Лаврент. списку» стр. 501); выѣхавъ въ Орду по ханскому зову, кн. Юрій пріѣхалъ въ Ростовъ, а отсюда поѣхалъ въ Орду» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 186; «марта 15 въ субботу Лазореву»—15 марта 1315 г.). Въ Ростовѣ—одна изъ описаныхъ пунитовъ кн. Юрія, который былъ княземъ на ростовской княжествѣ (Константиновъ? такъ предполагать и А. В. Эвэншаренко, т. II, стр. 34), а княжить въ ту пору въ Ростовѣ Василій Константиновичъ, котораго, позадому, также звали княземъ въ Орду; онъ вернулся въ 1316 г. съ ханскими посланцами, отъ которыхъ Ростовъ опять потерялъ «много зла» (тамъ же, стр. 187). В. к. Михаилъ былъ также княземъ на ростовской княжествѣ—Андрѣй Дмитріевичъ; по немалымъ враждующимъ князьямъ связямъ съ враждебными другъ другу семьями ростовскихъ Воронюичей.

²⁾ «Пять тысячъ гривенъ серебра» (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187); Нижегородская лѣтопись поправляетъ эту вѣроятную цифру на пять тысячъ гривенковъ серебра (т. X, стр. 179).—«Грамота новоторская, что въ Торжку докончили» до насъ не дошла, но упомянута (какъ подлежащая уничтоженію по выполненіи новгородцами возмъ обязательствъ) въ договорной № 12, а затѣмъ въ договорной 1317 г. (№ 14: «что въ Торжку писана при Тайтмерѣ»).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187.—Нижегородская лѣтопись, вспоминая эти новгородскія дѣла подлѣ 6823 г., повторяетъ ту же исторію подлѣ 6824 по другому исключенію съ интересными подробностями о расправѣ новгородцевъ съ князьями, «советъ державцима» съ в. к. Михаиломъ; эти подробности объясняютъ пунктъ договорной грамоты № 12: «что мои недруги мѣя выдахъ въ Торжку, тамъ се нѣкъ не мѣдята» (т. X, стр. 179—180). То же повтореніе въ Нижегородской заглавляе В. С. Воронюковскій (указ. соч., прим. 448), но отдѣляетъ отъ него расправу съ «дьявильниками» (стр. 102). О вѣд ср. Новг. I, стр. 317—318; Соф. I (П. С. Р. Л., т. V, стр. 206).

Новгородъ, учинивъ суровую репрессию, не признавъ избраннаго посадника, а отдавъ посадничество «изъ своей руки»¹⁾, и опредѣливъ положеніе своей власти въ Новгородѣ и свои требованія—новымъ договоромъ²⁾, которыми устанавливаетъ порядокъ уплаты 12.000 гривенъ; а князя Аванасія Давыдовича и новгородскаго бояръ в. к. Михаила отослалъ въ Тверь въ «западъ»³⁾ «вышатыи всей суммы».

Суровое усмиреніе Новгорода грозило подорвать его независимость, несмотря на подтвержденіе новгородской «старымъ и новымъ» по древнему договору 1307 г. Глухов раздразненіе искало выхода. Поштыка новгородцевъ послать управы на в. к. Михаила въ Орду не удалось: ихъ послы перехватывали тверпчанами⁴⁾. Но въ слѣдующемъ (1316) году новгородцы вол-

¹⁾ Михаилу Клементьевичу и Иову Дмитріевичу (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179), вѣровство—посадникъ в тысящій?

²⁾ «Бысть же се ало мѣсяца февраля 10* (6823 г.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187; въ Никон.—т. X стр. 179; февраля 4), т. е. въ 1315 г. Къ этому моменту С. М. Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 905) относитъ договорную грамоту № 12, и лучшего ее приуроченія не найдетъ. Ф. А. А. Шахматовъ договоръ отнесетъ къ 1314 г., но, по существу, къ тому же моменту, какъ у Соловьева (принято его опредѣленіе). Это грамота за печатями в. к. Михаила и владыки Давида; по содержанію—мирный договоръ, «закадрившій „розарье“ съ его послѣдствіями (правонарушеніями, учиненными во время „амативъ“; установленъ срокъ уплаты Новгородомъ великому князю 12000 серебра, съ зачетомъ въ эту сумму равнаго взятаго у „талашниковъ“ („а останю зводъ въ городъ нача продавать, сполно кого стаетъ“ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). «Улучтоженіемъ прежнихъ грамотъ—городецкой и новоторожской—по уплатѣ всей суммы. В. к. Михаилъ снова вступаетъ на столъ новгородскаго княженія („а опять ставъ князь великій Михайло на фектистовъ грамотъ“), подтверждая условія этой „Феофантовой грамоты“ (№№ 6—7; о ней выше, стр. 120) со взаимнымъ обязательствомъ—„Новгороду княженю мое чество держати безъ обиды, а князь великому держати Новгородъ безъ обиды въ поштыи“. Михаилъ Ярославичъ удостоверяетъ уничтоженіе этой „академичекой серебряной“ грамоты въ договорѣ 1317 г. (№ 14).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187. Николовская летопись вначѣ описываетъ высылку въ Тверь кв. Аванасія и бояръ: в. к. Михаилъ „привязетъ къ себѣ князя Аванасія Давыдовича и бояръ новгородскихъ и вѣзетъ съ ними управитиися чрезъ обычай ихъ истаринныхъ; снѣтъ же не зоглянемъ тако крѣпость на себя дати, онъ же о семъ въ крѣсть придетъ и князя зовѣтъ и посла во Тверь“ (т. X, стр. 179); строкъ эти, вѣроятно, названымъ рассказомъ о томъ, какъ въ 1279 г. проследило особое отъ Великаго Новгорода (и также по заключенію общаго договоренія) „управленіе“ новгородскихъ бояръ (кредитованіемъ послѣ того какъ они „прикалалася“ въ великокняжескую службу), но принятіемъ этой схѣмы къ событіямъ 1315 г. невозможно потому, что захвачено и князь Аванасія. Князь вѣтъ—оставитель Николовской летописи управляетъ за то понятіе „закадалъ“, которое, однако, подтверждается позднѣйшими извѣстіями („въ лѣто 6825 послана Новгородце владыку Давиду во князь Михаилу на Тверь съ молбою, просише на окупъ братія своей, которыхъ у него въ закадалъ“, т. VII, стр. 187) и договоромъ 1315 г. (№ 12): „а како князь серебро посылетъ, тако ему вся талъ дустына“.

⁴⁾ „Того не хѣта поидоша новгородци сами о себѣ въ Орду, и переимко ихъ тверпчца княжича“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 187). Допущеніе В. С. Воровцоваго,

стали съ новой и лучше подготовленной силой ¹⁾, выслали из Новгород великокняжеских воеводниковъ и отсадились отъ в. к. Михаила, т. к. и его походъ на нихъ былъ крайне неудаченъ ²⁾.

Новгородъ вырвался изъ рукъ в. к. Михаила и потянулъ къ К. московскому; однако, Михаилъ Ярославичъ успѣлъ вырвать у нихъ до вѣра о нейтралитетѣ въ предстоявшей борьбѣ ³⁾.

Князь Юрій Давыдовичъ былъ въ Ордѣ, пока на Русь происходилъ эти событія. Онъ пробылъ тамъ почти два года и достигъ многого: вошелъ въ милость къ хану, женился на его сестрѣ, получилъ ярлыкъ

что новгородцы ходили въ Орду „по какому то своимъ дѣламъ“ (такъ онъ не вѣжливо переводитъ слова: „сами о себѣ“). м. б. торговымъ—невозможно: по рѣчѣ нами первая попытка новгородцевъ самимъ „звать Орду“; слова „сами о себѣ“ означаютъ—покиво князей, самостоятельно. Борзаконскій, Ист. Тверск. княжес. стр. 101—102.

¹⁾ Новгородцы завоевали укрѣпили городъ острогомъ и создали „всю новгородскую“—Псковичей и Ладожанъ, Румянъ, Коряку, Изюру и Водь (тамъ: Въ предмудрѣй походъ противъ великаго князя новгородцы выступали „бѣгъ нмъ людей“ (П. С. Р. Л., т. IV³, стр. 236; т. X, стр. 179).

²⁾ „Князь же Михайло, не дожидя города, что на Угличахъ, и изира на него поиде прочь, не успѣвъ вѣсточка“, а на обратномъ пути въ осеннюю распутицу войско много истерялось, заблудившись въ сѣверахъ и болотахъ (тамъ же)

³⁾ Свидѣнія объ обстоятельствахъ, при какихъ новгородцы „докончили княземъ Михаиломъ тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 188), разсказываетъ Тверская летопись (т. XV, стр. 406) изображаетъ такъ, что новгородцы выступили въ Торжокъ „въ помощь Юрию князю“, а тутъ стояли цѣлыхъ 6 недѣль, сговариваясь съ Юриемъ о срокахъ, когда онъ ударитъ въ Тверь отъ Волка Ламского, а новгородцы отъ Торжка; новгородцы же, по этому разсказу, начали военные дѣйствія, выступили изъ Торжка и стали воевать „по рубежу“, когда же Михаилъ Ярославичъ „не дожидая срока ихъ, поиде противу имъ“, явился имъ пораженіемъ и принудилъ къ миру (его содержание—областельство нейтралитета—Тверская не приводитъ). Другія летописи (Новг. II, стр. 318; Соф. I, Воскр.—П. С. Р. Л., т. V, стр. 307; т. VII, стр. 186) мотивируютъ договоръ тѣмъ, что новгородцы „не вѣдали князя Юрія Давыдовича гдѣ естъ“. Протворствіе, бытъ можно, живное: новгородцы ожидали наступленія Юрія Давыдовича изъ Москвы, черезъ Волгу и не узнали во время о его походѣ къ Кострому, что далъ Михаилъ Ярославичу возможность предупредить соединеніе противниковъ и ударитъ на новгородцевъ, „не дожидаясь срока ихъ“. Въ Никоновской (т. X, стр. 181) этотъ эпизодъ неудачнаго выступленія новгородцевъ сватъ въ разсказъ о наступленіи Юрія Давыдовича на Тверь съ позднѣйшими моментами, для чего редактору пришлось отбросить диверсію князя Михаила подъ Торжокъ и его договоръ съ новгородцами. Воскресенская (т. VII, стр. 188) создала указаніе, что этотъ фактъ предшествовало движенію князя Юрія на Тверь и послыжъ его на новгородцамъ: „а новгородцы приходили и а передъ того въ Торжокъ и докончили со княземъ Михаиломъ Тверскимъ, яко не вступатися имъ ни по комъ“; Юрій же, доль и съ запозданіемъ исполнивъ прежній планъ, передвинувшись изъ Костромы ко Кляну, а затѣмъ къ Борзаву (у р. Шоша).

великое княжение и тавскихъ пословъ, ордынскихъ вельможъ, съ боевыми отрядами для водворения на столѣ русскаго улуса¹⁾.

Силы великаго княжества были еще въ рукахъ Михаила; онъ выступилъ на встрѣчу Юрію съ подручными князьями²⁾, и Юрій пошелъ съ тавскими послами не во Владиміръ и не въ Москву, а Волгой къ Костромѣ. Тутъ и встрѣтились соперники. Ханскій ярлыкъ Юрію Давыдовичу—разрушалъ великокняжескую силу Михаила³⁾. Не найдя поддержки въ младшихъ князьяхъ и угрожаемый съ тылу ненадежными новгородцами⁴⁾, Михаилъ Ярославичъ ушелъ въ Тверь и сталъ укрѣплять свою отчину⁵⁾. Врагъ наступалъ съ Кавагидмязъ и «многю силою», но былъ разбитъ у села Бортева. Татаринъ притворно смирился передъ Михаиломъ, а кн. Юрій бѣжалъ въ Новгородъ собирать новгородскую и псковскую рать. Встрѣтившись на Волгѣ, противники безъ боя порѣшили ѣхать въ Орду—на ханскій судъ⁶⁾.

¹⁾ Въ этихъ ордынскихъ успѣхахъ кн. Юрію могла помочь его родственникъ сваякъ; его тесть, Константинъ Ворсклицъ былъ женатъ на ордынкѣ („Лѣт. по Акад. списку“ изд. при Лаврентьевской, стр. 501), какъ на ордынкахъ были женаты блуждерскіе князья Гдѣль Васильковичъ (тамъ же, стр. 496) и Фадоръ Михайловичъ (тамъ же, стр. 501). Тѣло Юрьевой княгини Комчакъ-Агеевъ было погребено въ Ростовѣ. Ср. Бораановскаго, указ. соч., прим. 473.

²⁾ Упоминанію суздальскіе князья—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 406.

³⁾ Наши хитросписки своими были въ предѣлахъ всей этой исторіи связали Житіемъ св. кн. Михаила Ярославича (сказаніемъ о его мужественной кончинѣ), которое ввелъ сюда мотивъ подвига смиренія (ср. напр., т. VII, стр. 189—190), чѣмъ лишно смесилъ дальнѣйшее наступленіе Юрія въ Тверь. Однако, Владиміръ до жонды въ рукахъ Михаила (тамъ же, стр. 191), да и въ самомъ житіиномъ изложеніи не согласованъ чертъ поведенія Михаила: великаго княженія отступился, а „молоть“ парю далъ (ранѣе или тутъ въ Костромѣ во время „созмола“ съ Кавагидмязъ?). Никонская хитоспись дѣлаетъ попытку сгладить получившюся, такимъ образомъ, безсвязность событій, измѣняя содержаніе костромскихъ переговоровъ въ отвѣтъ Юрія Давыдовича отъ великаго княженія въ пользу кн. Михаила. Князь Михаилъ потерпѣлъ у Костромѣ политическое пораженіе и „распусти вол вол овок“, потому что отдалъ поддержку его силамъ великаго княженія; эти силы переходятъ къ Юрію, какъ читаемъ въ Никонской хитосписи: „то не осени князи суздальскіи совокупились съ в. к. Юрьемъ... и ядоша къ нему князи на Кострому. таде и князи князи ядоша къ нему на Кострому и мнози сѣмъ ядоша къ нему на Кострому“ (т. X, стр. 180). Дальнѣйшій рассказъ той же Никонской (стр. 181) о вѣтномъ посредничествѣ Кавагидъ между князьями показываетъ, какъ и зесь ходъ событій, что и на Костромѣ „не бысть мира“.

⁴⁾ Юрій Давыдовичъ послалъ татарина Талебугу звать новгородское ополченіе на Тверь (т. VII, стр. 168); Троицкая хитоспись (Карачинскій, т. IV, пр. 227 и П. С. Р. Л., т. X^{III}, стр. 88) называетъ тутъ зыбто Талебуга князя Ивана Давыдовича.

⁵⁾ „Поеде въ свою отчину во Тверь и заложилъ большій градъ Кремль“. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 406.

⁶⁾ Къ этому моменту долженъ быть приуроченъ договоръ в. к. Юрія, кн. Михаила и Новгородцевъ (грамота № 14). См. С. М. Сосновскаго, „Ист. Россіи“, кн. I, ст. 608; В. С. Бораановскій, „Ист. Тверск. княжества“, стр. 107 и прим. 473; А. А.

Князь Юрій побѣдѣ великаго князья, окруженный всѣми князьями Владимиро-Суздальской земли, съ боярами отъ Великаго Новгорода и цѣлой святой бояръ «съ городовъ» ¹⁾. Князь Михаилъ—послать впередъ сына Константина съ тверскими боярами, въ виду непослушности отъѣзда Юрія Давыдовича ²⁾, а самъ задержался со старшинами сыновьями во Владимірѣ, откуда вызвалъ въ Орду ханскими посланцами ³⁾. Это и ступило кн. Михаилу Ярославичу: Кавгадъ обвинялъ его въ неповиновеніи ханской власти и желаніи ѣхать въ Орду, несмотря на уговоръ отдать споръ съ Юриемъ на судъ хана ⁴⁾. Въ Ордѣ кн. Михаилъ осужденъ судомъ Ордынскихъ князей и погибъ кученцеской смертью ⁵⁾. Такъ закончился второй актъ упорной борьбы.

Шалмазовъ, «Исследование о лѣткѣ новгородскихъ грамотъ». Дата—зима 1317 г. Цѣль договора—обязать Великій Новгородъ отъ враждебныхъ дѣстей тверского князя и покончить въ пользу Новгорода нѣсколько спорныхъ вопросовъ между ними: въ этой договорной кн. Михаилъ вынужденъ удостоверить уничтоженіе трехъ предѣльныхъ грамотъ: «а что грамота на Городѣ писана и что въ Тверьку послава при Таптемери и младшима серебряная, а та грамота Михайло князь поразилъ». Прекращеніе этихъ обязательствъ Великаго Новгорода связано было съ освобожденіемъ «талей», которые были у кн. Михаила «въ закладѣ»: «а брата князя Юрья Авасася и новгородцевъ отпусти князь Михайло съ Твери, что сидѣли въ талахъ». Отвѣтъ на недавнюю задержку тверскими посланцами, которыми новгородцы «самы собою» посланы въ Орду, въ статьѣ договора: «а посланцы новгородскими и новгородцами ѣздити съвозъ Михайлову воюость бесъ пакости». Тогда же отпущены были изъ тверского плѣна кн. Борисъ Давыдовичъ, залтый въ бѣгу у Бортева.—См. подборъ текстовъ у Воронцова, указ. соч., стр. 475.

¹⁾ Терминъ «съ городовъ» подѣ черной книжкой позднѣйшаго времени (даже-ли этотъ терминъ мыслимъ для XIV вѣка) подчеркиваетъ, что при Юріе не было великокняжескихъ бояръ—изъ Владиміра. Указаніе текста, что эта побѣда Юрія обусловлена «повеленіемъ» или «соизволенъ» Кавгады—относится спорѣ изъ непослушности («поклоша напередъ въ Орду»), чѣмъ къ составу «похода», какъ полагаютъ Воронцовскій (указ. соч., стр. 103).

²⁾ «Поклоша напередъ въ Орду» (т. VII, стр. 191): Юрій Давыдовичъ не занялъ стога великаго княженія до окончательнаго рѣшенія хана (ср. тамъ же, стр. 197); въ этомъ и былъ подлжно коварный советъ Кавгады.

³⁾ «Овъ же поиде къ Володиміру, а съ нимъ сына его князь Дмитрій да князь Александръ»: показателенъ самъ выборъ младшаго княжича для дѣрвой посольствы въ Орду. Судя по житію, кн. Михаилъ, узнавъ въ Орду, оцѣнилъ Владиміра: сыновей «отпусти въ свое отчство, давъ имъ реди, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою» (тамъ же, стр. 193).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 191.

⁵⁾ Сказаніе о убійствѣ в. к. Михаила приводитъ три объясненія: «царемъ данъ не давалъ еси, противу посла бѣлою еси, а князю великаго князя Юрія умоужь еси». Обвинятели въ доказательство дѣрваго обвиненія «доклададу многы грамоты» и утверждали, что кн. Михаилъ «многи даны поималъ на городѣхъ великихъ», а царь этой даны не отдасть. Кн. Михаилъ записался также документами («есе бо исписано имяна»), но формулировалъ свою защиту такъ: «иногда «можно сопровождъ издавалъ еси царемъ и княземъ», что, конечно, не было бы

Князь Юрій Данилович добился полной победы над тверскими князьями. В его руках оказались сын князя Михаила Колотавитича, бояре и слуги, сопровождавшие Михаила Ярославича въ Орду, и его захваченное тѣло. Князь Александр Михайлович пріѣхалъ, на поручительство ростовскаго епископа Прохора ¹⁾, во Владиміръ и цѣной «докончана» съ в. к. Юріемъ выручилъ тѣло отца для погребенія въ Твери и освободилъ тверскихъ бояръ изъ плѣна. Утвердившись на великомъ княженіи, Юрій въ Новгородѣ послалъ «въ себѣ мѣсто» брата Лованасія ²⁾.

Положеніе в. к. Юрія было весьма затруднительнымъ и сложнымъ. Много силъ и времени требовали новгородскія дѣла. 1322—1324 года, послѣ кончины кн. Лованасія Даниловича, отбѣсны рядомъ военныхъ предпріятій, которые вызваны именно новгородскими дѣлами, при личномъ участіи великаго князя. Юрій по долгу сидитъ въ Великомъ Новгородѣ, оставивъ московское управленіе и сношенія съ Ордой на брата Ивана. Въ 1322 г. в. к. Юрій совершаетъ съ новгородцами походъ подъ Выборгъ; въ слѣдующемъ— ставитъ городъ въ устьяхъ Невы, на Орѣловомъ островѣ, и тутъ заключаетъ «вѣчный миръ» съ посланки шведскаго короля; въ 1324—идетъ съ новгородцами на Устюгъ и на Сѣв. Двинну, принуждаетъ къ «докончанью мира по старой пошлннѣ» устюжскихъ князей ³⁾.

Эта усилевшая новгородская дѣятельность в. к. Юрія могла имѣть для

отвѣтомъ на обвиненіе. Не оспаривало-бы передъ ордынскимъ судомъ второго обвиненія то, что кн. Михаилъ «посла чинамъ избранъ на браки и со многымъ чествомъ отпусти его», такъ дѣло шло не о судьбѣ посла, а о сопротивленіи княвской власти. Утвержденіе, что смерть Кончакъ-Агаеинъ въ тверскомъ плѣну была—убійствомъ было злостной прибавкой къ такимъ политическимъ обвиненіямъ, отъ которыхъ защита была затруднительна. Перенесеніе тѣла в. к. Михаила въ Тверь и его погребеніе состоялось безъ участія митр. Петра (Л. С. Р. Л., т. VII, стр. 197—198; т. XV, стр. 411—413). Е. Е. Голубинскій («Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви», стр. 41) полагаетъ, что «мѣстное почитаніе мученика-князя началось въ Твери непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ привезено было сюда его тѣло» и устанавливаетъ (тамъ же, стр. 78) его канонизацію соборомъ 1349 года.

¹⁾ Л. С. Р. Л., т. XV, стр. 412. Ростовскій епископъ Прохоръ еще игуменомъ участвовалъ въ Переяславскомъ соборѣ, повидимому, въ рядъ сторонниковъ митр. Петра; вмѣстѣ съ нимъ, по Тверской хроникѣ, въ переговоры съ тверскими князьями выступаетъ «Ярославъ Стародубскій», в которомъ больше ничего не знаемъ (если это только не одно лицо съ кн. Феодоромъ Неволонцемъ, княземъ стародубскимъ, который погибъ въ Ордѣ въ 1330 г., и тутъ, м. б., названъ по какому имени, какъ по крестному въ запискѣ о мученической кончинѣ). Только «по цѣлованію нгъ» рѣшился кн. Александръ вѣсть во Владиміръ.

²⁾ Новгородскія летописи, стр. 219; Л. С. Р. Л., т. VII, стр. 198. Лѣтописные своды сохранили крайне скудные свѣдѣнія о великомъ княженіи Юрія Даниловича; не отбѣтаны даже его «посаженія» на важномъ княженіи стого.

³⁾ Л. С. Р. Л., т. VII, стр. 198—199; «устричане» со своимъ княземъ (мѣстные фискалы и вородцы) грабили новгородскихъ промышленниковъ, закидывали въ Орду—Новг. I, стр. 320—321.

него свой особый политический смысл, какъ необходимое условие сохраненія власти въ Великомъ Новгородѣ и опоры въ немъ ¹⁾ при напряженныхъ и полныхъ опасностей отношеніяхъ къ Орду и къ Твери.

Борьба Москвы съ Тверью создала «тяготу велику въ Русской землѣ». Князьями приходилось извлекать изъ Русской земли средства на повышеишіе суммы «выхода» татарскаго и на цѣнные дары ордынскимъ властямъ. Дипломатическія отношенія русскаго улуса, окладъ которыхъ ордынцы пытались въ XIII в. установить на основаіи переписи, въ корень искажены и приняли характеръ торга и вымогательства, пытаемыхъ княжеской конкурренціей. Кн. Михаилу Ярославичу сильно повредила въ Орду невозможность выполнить тяжкія обязательства, въ какия пришлось войти къ ордынскимъ капиталистамъ-законникамъ ²⁾. Несомнѣнно, что велики должны были быть и платежи въ Орду князя Юрія и его обязательства передъ нею. Средствомъ ихъ выполнить для обладателя великокняжеской власти была, прежде всего, сборъ дани на «выходъ» татарскій, тѣмъ болѣе, что посулъ «большаго выхода» былъ, по всей видности, однанъ изъ главныхъ, и — надо полагать —наиболѣе дѣйствительнымъ аргументомъ въ княжескихъ спорахъ изъ за лавскаго прѣмла на великое княженіе. Столкновение изъ за сборовъ на ушатъ татарскаго выхода вызвало новый кровавый эпизодъ въ борьбѣ между московскими и тверскими князьями.

Премникъ Михаилу Ярославичу на старшемъ ступѣ тверскаго княженія, кн. Дмитрій Михайловичъ не на долго смирился передъ московскими побѣдителями. Мы не знаемъ ихъ договора, но извѣстія объ изъ разрывѣ указываютъ на стремленіе в. к. Юрія прервать непосредственнымъ сношеніемъ тверскихъ князей съ Ордой. Уволаютый прѣждъ въ Камшигъ ордынскаго посла съ жидовникомъ-кредиторомъ («должникомъ») свидѣтельствуя о прѣмныхъ расчетахъ тверскаго княженія съ ордынцами, оставшихся послѣ в. к. Михаила. Тогда же собрался идти на Камшигъ «со всею силою изво-

¹⁾ Псковъ, тѣснимый вѣспами, не находить помощи ни у великаго князя, ни у Новгорода. Когда а. к. Юрій бѣжалъ изъ Псковъ отъ нападенія на него Аладдаслара Михайловича тверскаго, скрытчи «пріема его честно», но еще при немъ («князь Юрій еще бѣше во Псковѣ») призвали литовскаго князя Давыда, съ которымъ и ходили походомъ на вѣспы. Въ моментъ, когда стало «притуживо великии Пскову», посланцы тѣсно послылаи «многихъ гонцовъ со многю печалью и тужою» въ Новгородъ ко князю Юрью и къ новгородцамъ: «себы помогли—и во помоготи» (Псковская вторая вѣтвь подъ 6831 г.—П. С. Р. Л., т. III, стр. 11). Политическое обособленіе Пскова отъ Новгорода и великаго княженія въ XIV в. обусловлено изъ безусловнѣмъ удержанъ въ своихъ рукахъ оборону Пскова.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 194; въ 1321 г. «пріаидитъ въ Камшигъ Гача татаринъ съ жидовникомъ должникомъ, много тягости учинитъ Камшигу» (т. XV, ст. 414); весьма вѣростя догадка А. В. Фаземлярскаго, что это была тягостъ—«за долги Михаила» (указ. соч., т. II, стр. 469).

скою» в. к. Юрій; Михайловичи тверские выступили на встрече со своими полками, но дѣло не дошло до битвы: состоялось «дожидание», о содержании котораго известно, что в. к. Юрій по этому дожиданию «полнялъ серебро у Михайловичей выходное»¹⁾, а кн. Дмитрій обязался не воевать себя великаго княжения подъ в. к. Юріемъ²⁾. Сопоставленіе этихъ двухъ условій позволяетъ признать, что позднѣйшее стремленіе великихъ князей устранить путемъ договорныхъ обязательствъ право младшихъ князей самия «взяти орду» было только подтвержденіемъ давно сложившейся нормы и вытекало изъ признанія за великокняжеской властью ея основного значенія—политическаго представительства за «всю Русь». И дальнѣйшій ходъ событій показывалъ, что для кн. Дмитрія сопротивленіе сосредоточенію «выхода» изъ рукахъ великаго князя было проявленіемъ не тверскаго сепаратизма, а средствомъ борьбы за великое княженіе. Ему удалось использовать то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ в. к. Юрій пошелъ наперекоръ не только самостоятельнымъ отношеніямъ Твери къ Орду, но и властному выступленію ордынскаго посла. В. к. Юрій уклонился отъ встречи съ «дарившимъ посуломъ», будучи свое право непосредственно выплачивать «выходъ» въ Орду, а уѣхавъ въ Новгородъ, гдѣ, вѣроятно, надлежало пополнить сумму «выходнаго серебра»³⁾. Задержанный въ новгородскія предѣлахъ походомъ подъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; другія своды указываютъ и сумму—3000 рублей; серебра, П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198: «а княженіа великаго князя Дмитрея не подымати»; то же—т. IV², стр. 258; т. V, стр. 216.

³⁾ Въ лѣтописныхъ сводкахъ сохранилось указаніе на разлому в. к. Юрія съ новгородцами, которая вызвала, очевидно, жалоба кн. кн. кн. «того же лѣта князю Юрию сущу въ Новгородѣ, Новгородцы же змалъ съ князю разложаша; въ лѣто 6830 князь велики Юри Давыловичъ... смирился съ Новгородци» (Неволоцкая; П. С. Р. Л., т. X, стр. 188). Сохранить новгородскую поддержку при новой опасности отъ Твери было крайне важно, и Юрій вынужденъ для этого поехать на Выборгъ, какъ въсколко позднее на Устюгъ, хотя ему не до того было, какъ отметилъ Никол. лѣт.: «а князю Юрию Давыловичю тогда бысть самому пѣчать отъ князя Дмитрія Михайловича Тверскаго, яко во Орду у царя Азбѣла испроси великое княженіе на Русь Володимирское»; послѣ Выборгскаго похода в. к. Юрія, «поже на Низъ, много моваше Новгородци, дабы и провоздана» (Новг. I, стр. 320, прил. 6; ср. П. С. Р. Л., т. V, стр. 216; т. X, стр. 188: «да быша его провоздана въ Орду»). Подвергнувшись нападенію тверичей, в. к. Юрій бѣжалъ не въ Новгородъ, а въ Псковъ, но отсюда ведетъ переговоры съ Новгородомъ—«в отвоѣ призваши и новгородци по крестному цѣловашю» («а поставиши въ Загороды въ Офоровскѣ дворъ въ діановскѣ» — черта, сохранившая въ двухъ спискахъ Новг. I, стр. 320). Затруднительное положеніе Юрія отдаетъ его на волю новгородцевъ; онъ идетъ съ ними на устюгъ, и только послѣ похода съйтихъ къ Заволочю къ Орду (Новг. I, стр. 321, т. V, стр. 216; т. VII, стр. 198). Эти новгородскія отношенія кн. Юрія показателны для опредѣленія значенія Великаго Новгорода въ борьбѣ князей за стѣну великаго княженія.

Выборгъ, кн. Юрій далъ сопернику время и поводъ навестъ въ Орду опасный ударъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ побѣжалъ въ Орду съ извѣтомъ, который наметъ поддержку въ «царевомъ послѣ»¹⁾, и получалъ ярлыкъ на великое княженіе. Юрій, наладивъ новгородскія дѣла, собрался было въ Орду съ «выходнымъ серебромъ», ко по дорогѣ на него напалъ кн. Александръ Михайловичъ и отнял «казну». Кн. Дмитрій завялъ стогу великаго княженія, а Юрій бѣжалъ во Псковъ, завязавъ отсюда переговоры съ Новгородомъ, достигъ того, что новгородцы призвали его по новому крестному цѣлованію, и выполнили для нѣтъ походы на «устояжскія князевъ», отправился въ Орду—сколькими путями, изъ Заволочья по р. Камѣ. Здѣсь соперники встрѣтились, и кн. Дмитрій отомстивъ кровь отда своего—убивъ (21 ноября 1324 г.) Юрія Даниловича, а самъ за такую расправу²⁾ «безъ

¹⁾ Указаніе, что уклоненіе отъ встрѣчи съ «царевымъ послѣмъ» и передаче ему тверского «выхода» было главнымъ обвиненіемъ противъ в. к. Юрія давитъ летописные свѣдѣ: «не шель противу царевъ посла, но ступи съ серебромъ въ Новгородъ Великій» (Тверск. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 188). Татищевъ по существу ядро хлосалъ суть дѣла, свѣдѣ указанія летописей въ обвиненіе в. к. Юрія Дмитріевичъ Михайловича, «даже князь Юрій взявъ сребро тверское выходное и отъ нѣмъ князевъ и во владѣ поску хазаскому, но иде въ Новгородъ и тамъ по бра на хана много сребро, и показа хану ерлыкъ Юрьевъ на сребро». Подчеркнуто, неметъ быть, и не имѣло опоры въ источникахъ Татищева, а является заключеніемъ историка изъ отрывочныхъ данныхъ летописныхъ текстовъ; для «ярлыковъ на сребро» сриванъ «много грамотъ», какими обвиняема в. к. Михаила Ярославича доказывали, что онъ «много данъ поималъ на городѣхъ камши» (въ «Сказаніи объ убіеніи в. к. Михаила»). — Упоминаемый тутъ царевъ посолъ, явственно, тотъ, что прѣбывъ въ Камши (по Тверской — Гачна; по Новгородской—Таличарь, П. С. Р. Л., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 187).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199; т. XV, стр. 414—415; т. X, стр. 199; т. XVIII, стр. 89. Уточнъ кн. Дмитрія (уб. 15 сент. 1325—1334 г.) раздѣлялъ новгородскія князья Александръ Самозванецъ, живущъ св. кн. Михаилъ черниговскій (Зотовъ, 6 черниговскихъ князевъ по любецкому синодику, стр. 108—111). Быть можетъ, и это черта западно-русскихъ отношеній Твери. Кн. Дмитрій Михайловичъ женился въ 1320 г. на дочери литовскаго в. к. Гедимина—Маріи, договоръ между нимъ и в. к. Юріемъ заключенъ при посредничествѣ владими Андрѣя, который покнаулъ кафедру въ 1315 г. и живъ на покой въ своемъ монастырѣ св. Богородицы на р. Шошѣ (т. XV, стр. 414); при кн. Дмитріи играетъ политическую роль этотъ епископъ изъ полюдскихъ князевъ, а во ставленникъ митр. Петра Варсонофія, занимавшій епископскую кафедру. Подлѣйшія редакція этого извѣстія (въ митрополитичьихъ свѣдѣхъ, отправившихся въ дошедшихъ до насъ летописяхъ) замѣняютъ имя Андрѣя—именемъ Варсонофія (П. С. Р. Л., т. V, стр. 216; т. VII, стр. 199; Ник. сохраняютъ имя «агдамы бывшаго Андрѣя»—т. X, стр. 188). Варсонофія являлся завѣнъ въ Москвѣ въ соосужденіи съ митр. Петромъ на погребеніи в. к. Юрія; возможно, что онъ данъ рѣшалъ изъ Твери при новомъ разрывѣ ея съ Москвою.

парево слова» казненъ по ханскому приказу. Но столь великаго кнженія достаея тверскому князю Александръ Михайловичу ¹⁾.

---

¹⁾ „Того же гѣта князю Александръ Михайловичу дано кнженіе великое и приде изъ Орды к сѣде на великое княженіе“ (т. XV, стр. 415); „приде изъ Орды князь Александръ Михайловичъ, а съ князь Татарове дошлицы, и много татары мѣсть земля Тверской отъ Татаръ“ (т. VII, стр. 190). Къ этому моменту (1825 г.) относится договоръ Великаго Новгорода съ к. к. Александромъ Михайловичемъ (С. П. Г. и Д., т. I, № 15); она дошла до насъ за печатью в. к. Александра и въ редакціи, соединившей текстъ Новгородской грамоты съ встрѣчными требованіями великаго князя („на семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду“ и т. д.; съ другой стороны, статья о судьбѣ княжизъ сель на земляхъ новгородской — въ великокняжеской редакціи: „а что Олександровытъ княжизъ сель куплемытъ или его мужъ, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ, по хрестьяному цѣловалью, по заводу, а не тытъ сель суда нѣтъ на судити, ни доерянемъ падеть, въ людѣи новгородскимъ примати, ни земля...“, а кто будетъ купилъ села въ всей волости въ новгородской при дѣдѣ моемъ Ярославѣ и при Васильи, при Дмитріи, при Андрѣи и при отци моемъ при Михаилѣ и при князи при Юрьѣ, при Дмитріи... ни не окупать, съдѣти ему докомѣ не окупать“); въ концѣ записка о возмнжомъ крестоцѣлованіи: „на семъ же всемъ князь великий цѣловаль крестъ къ всему Новгороду, также посадникъ и тысящникъ и весь Новгородъ цѣловали къ великому князю по любия въ правду безъ всякого мѣлата“.

ГЛАВА III.

Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты.

I.

Сравнительно небольшой промежуток времени — 1325-1382 года — очень сложный и существенный момент в политической истории Велико-россии. Его можно характеризовать, как напряженнейший момент борьбы, предмет которой С. М. Соловьев определял словами: «дѣло идет о томъ, быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя»¹⁾. При томъ борьба эта осложнена острыми крайними русско-ордынскими отношеніями и всего строга внутренними политическими отношеніями Велико-россии.

Утрата московскимъ княземъ великаго княженія совпала съ другой потерей. Въ декабрѣ 1325 г. скончался митр. Петръ. Владѣтельный князь Москвы Иванъ Даниловичъ встрѣтилъ это событіе подготовленнымъ. Еще въ августѣ состоялась закладка Успенскаго собора, а въ декабрѣ заранѣе приготовленная гробница приняла прахъ святителя. Митр. Петръ и послѣ кончины остался союзникомъ и покровителемъ Москвы. Прославленіе его памяти, канонизованное при его преемникѣ въ 1389 г.²⁾, сдѣлало его святымъ патрономъ Москвы. Передъ кончиной митр. Петръ, по смиренности старшаго его жителя, «возменован на митрополію» себѣ въ преемники³⁾ — архимандрита Феодора, но кровести на киевскаго кандидата не удалось; едва-ли возможна была и попытка отправить его къ патріарху, при обстояніяхъ, сложившейся послѣ гибели кн. Юрія въ Орду и перехода

¹⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 281.

²⁾ Грамота патріарха Іоанна XIV митр. Феогносту отъ июля 1339 г. — въ «Русск. Ист. Биб.», т. VI, приложение, № 2.

³⁾ Макарія, «Ист. Рус. Царств», т. IV, стр. 315. Попытка Па. Соколова («Русскій архіерей кн. Византия», Киевъ, 1913 г.) установить тождество этого Феодора съ позднѣйшимъ галицкимъ епископомъ, затѣмъ митрополитомъ галицкимъ, и въ его «возменованіи» видѣть «согласіе митр. Петра на отдѣленіе Галича» крайне искусственна и мало обоснована (см. указ. соч., стр. 282—283 и далѣе).

великого княжения въ кн. Александру. На митрополию всея Руси поставлен грекъ Феогностъ. Ко времени прибытія новаго митрополита изъ юго-западной Руси на великорусскій сѣверъ въ 1328 г.—тутъ завершился рядъ крупныхъ событій, и положеніе достаточно опредѣлилось, чтобы Феогностъ могъ сразу войти въ окрѣпшія политическія традиціи митрополитскаго двора.

Событія 1326—1328 годовъ возстановили по явнымъ лѣтописнымъ свѣдамъ лишь въ общихъ чертахъ и далеко не съ полною достовѣрностью. Поединкому, борьба русскихъ князей за великокняжескую власть, и, особенно, за выходъ татарскій, т. е. за полное устраненіе ордынскаго вѣдѣтельства въ сборъ дани съ отдѣльныхъ областей русскаго улуса, встревожила правителей Золотой Орды. Дѣло Юрія Далмизича и Дмитрія Грозняга Оти подорвало привычную увѣренность ханской власти. Только такія предположенія можно объяснить дальнѣйшія дѣйствія этой власти. Московскій князь не получилъ грамма на великое княженіе; кн. Дмитрій задержанъ въ Ордѣ, гдѣ и погибъ отъ татарской руи—черезъ годъ, а не сразу послѣ уничтоженнаго имъ кроваваго самоуправства. Великое княженіе передано его брату, но гнѣвное недоверіе Золотой Орды сказалося въ послѣднѣмъ на Русь царевича Щелкана Дюденевича ¹⁾, двоюроднаго брата хану Узбеку. Отправка на Русь такого лица съ большою вооруженной силой едва-ли можетъ быть сведена къ тому, чтобы «получить ордынскій выходъ, а можетъ быть, захватъ, чтобы позвать Александра въ Орду по какому либо дѣланью» ²⁾; вѣрнѣе допустить, что Щелкановъ приходъ имѣлъ цѣлью терроризировать русскій улусъ и возстановить на мѣстѣ грозу ханской власти. Въ лѣтописныхъ свѣдахъ отразилась народная толка, знакомые намъ и по народной пѣснѣ, о фантастическихъ замыслахъ татаръ—разворить христіанство, забить князей, утвердить непосредственное владѣтельство татаръ надъ Русью. Но сообщеніе, что Щелканъ, прибывъ въ Тверь, «спросиа князя великаго со двора его, а самъ ста на князя великаго двора со многю гордостью и воздвиги гоненіе велико надъ христіанами насильствомъ и грабленіемъ, и бѣжнѣмъ, и поруганіемъ»—даетъ, вѣроятно, терту дѣйствительности, поводъ для народныхъ толковъ и народнаго возмущенія. Тверичи не стерпѣли татарскаго насилья, подаяноса на нихъ боемъ, убилъ Щелкана и многогъ татаръ; остатки Щелкановой дружины бѣжали въ Москву, оттуда—въ Орду ³⁾. Не знаясь, отразились ли тверскія событія какими-

¹⁾ Чохъ-ханъ (Щелканъ, Щолканъ, Шовканъ), смъгъ Тудакъ (Дюдени), вухъ хадъ Мунгу-Тенгиръ; о немъ см. у Н. Н. Веселовскаго, «Замѣтки по исторіи Золотой Орды»,—въ «Навѣстїяхъ Отд. Русск. лѣтиса и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. XXI, кн. 1.

²⁾ Норвалковскія, Ист. Тверскаго княжества, стр. 130.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, ст. 415—416. Едва-ли заслуживаетъ довѣрія московская редакція этой исторіи, по которой в. к. Александръ не только руководилъ избѣженіемъ

нибудь движением против татаръ въ другихъ областяхъ; но вскоре послѣ нихъ былъ убитъ въ Орду рязанскій князь Иванъ Ярославичъ ¹⁾.

Московский князь Иванъ Давыдовичъ посылалъ въ Орду ²⁾. Ему удалось отворотить ханскій гнѣвъ отъ Русской земли, гдѣ, видимо, ядали общаго погрома, и локализовать бѣду на Тверской землѣ ³⁾. Иванъ Давыдовичъ и суждальскій князь Александръ Васильевичъ получили ханскій приказъ идти съ татарскими воеводами (Бедорчуковой и Турамыковой ратью) на Тверь; эта карательная экспедиція раззорила тверскую землю, а князь Александръ съ братомъ Константиномъ бѣжали во Псковъ. Новгородцы ублажили татарскихъ посланъ «множествомъ даровъ» и выплатили татарамъ 2000 р. серебра; Иванъ Давыдовичъ примирилъ съ ордынской властью своего зятя Константина Михайловича ⁴⁾, — и тѣмъ закончилась налетѣвшая буря.

Однако, недобріе хана къ русскимъ князьямъ сказалося въ киевляни возстановили великое княжество Владимірское и Великаго Новгорода во всемъ его объемѣ. «И по Турамыковѣ рати, чиняше въ одномъ изъ приходовъ въ Новгородской 1-й летописи, поидоша князи въ Орду, и Овблѣкъ поидѣша княжение ихъ: князю Ивану Давыдовичю Новгородъ и Кострому, половина княженіе; а суждальскому князю Александру Васильевичю даго

татаръ, но началъ прямые военные дѣянія — т. V, стр. 217; т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194.

¹⁾ Новгород, стр. 323; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 261; V, стр. 218; VII, стр. 201.

²⁾ Навозковская (т. X, стр. 199) добавляетъ замѣтку о ярості и скорби хана Узбека, который „рыкаше аки левъ на тверскихъ князяхъ, хотя исаль потреби и проче всю землю русскую пѣнати“, а о томъ, что ханъ „посла на Русь во князе Иване Давыдовиче Московскаго“; но это скорѣе черта изъ редакціонной манеры, чѣмъ „назвѣстія“.

³⁾ „Великій же Слѣсъ, милостивымъ чествоуболюбивымъ богу своимъ милостивою заступилъ благовернаго великаго князя Ювана Давыдовича, его градъ Москву и всю его отчину отъ исполненнаго поганыхъ Татаръ“ (т. XV, ст. 417). Поиславіе было сходно съ тѣмъ, какое пережила Русь въ годъшу Наваррской рати, когда Александръ Невскій поехалъ въ Орду и вернулся Владимірскимъ великимъ княземъ. Этии вѣстивѣніями посылана похваля Ивану Давыдовичу за „тишину велику на 40 лѣтъ“, когда „престопа поганіи повати Рускую землю и аманлати христіанъ, и отдокуша и уличаюша христіане отъ великаго истомы и многіа тугости и отъ засады татарскаго, и бысть отголѣ тишина велика по всей землѣ“ (т. XV, ст. 417).

⁴⁾ Кн. Константинъ Михайловичъ, бѣжавшій было во Псковъ съ братомъ Александромъ, „по рати“ татарской вернулся съ братомъ Василиемъ, матерью и боярами, „уцрѣвиль“ перепуганное и разбѣжавшее население тверской земли („то возмы отъ безбожия татаръ“), захватъ явился въ Орду вѣстѣ съ кн. Иваномъ Давыдовичемъ, вернулся оттуда на тверское княженіе, „и вата княжити тогда тлю и мѣрво“ (т. XV, ст. 417). Кн. Константинъ Михайловичъ былъ женатъ на племянницѣ Ивана Давыдовича, Софій Юрьевѣ (съ 1220 г.—П. С. Р. Л., т. XV, ст. 413—414).

Володимиръ и Половцы¹⁾. Наши гѣтописные свѣды умягчаютъ о подобномъ раздѣлѣ великаго княженія²⁾, отъѣхавъ лишь то, что кн. Иванъ Давыдовичъ «сѣде на великомъ княженіи»³⁾. Но и правды извѣстіе праведнаго текста, можетъ не сомнѣваться, что Иванъ Давыдовичъ получилъ въ 1328 г. вѣстку на великое княженіе и старѣйшинство во всѣхъ князьяхъ русской земли⁴⁾. Та же гѣтописная статья повѣствуетъ далѣе, что князь Александръ княжилъ «погтрѣтъ году», а «по смерти сего Александра поиде въ Орду князь великій Иванъ Давыдовичъ и царь его пожаловалъ и даде ему княженіе великое надъ всею Русскою землею, якоже и протецъ его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ; а правалъ ему княженіе Азбуга; и оттогда пошам Русьскими князи». Только по смерти кн. Александра Васильевича въ 1332 г., по представленію этого источника, возстановлено единство великаго княженія надъ «всею Русскою землею», что заставляло книжника-гѣтописца вспомнить о великомъ княженіи Всеволода Юрьевича Большого Гѣбада и отъѣхавъ значительность момента словами: «и оттогда пошам русскіе князи». Самая отчетливость и достовѣрности его сообщеній говоритъ въ пользу его осѣдомленности и достовѣрности его сообщеній. Къ тому-же онъ даетъ цѣнное сообщеніе объ Александрѣ суждальскомъ, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на образованіе великаго княженія Нижегородскаго. Князь Александръ получилъ городъ Владимиръ (съ его областью) и Половцы. Онъ стремился закрѣпить за собой эти владѣнія; по разсказу нашего источника, кн. Александръ перевезъ въ Владимира «вѣчный» колоколъ⁵⁾. Но по смерти Александра Васильевича г. Владимиръ

¹⁾ Новгород. I, стр. 487 (Приложеніе IV, статья: «А се князь русскій»).

²⁾ Следующій раздѣлъ произошелъ уже однажды, когда кн. Андрей Ярославичъ получилъ Владимиръ, а кн. Александръ Ярославичъ Киевъ и Новгородъ—см. выше, стр. 85.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 218; т. VII, стр. 201.—Новг. I (стр. 333) упоминаетъ о возмужаніи Ивана Давыдовича, но именуетъ его подлѣ 1329 г. «великій князь» (ранѣе—«князь»), упоминаетъ подлѣ 1327 г. о присяжкѣ имъ князюстѣпкову въ Великій Новгородъ, а подлѣ 1329 г. о прибытіи въ Новгородъ «на столъ князя великаго Ивана Давыдовича» въ сопровожденіи татарскихъ князей Константина и Василія, Александра Суждальскаго и другихъ князей (тамъ-же, съ точной датой: 26 марта на сборъ архангела Гавриила—день «посаженія»⁷⁾ Нахоновская (т. X, стр. 196) говоритъ, конечно, о «великомъ княженіи Володимирскомъ», которое ханъ Узбекъ далъ Ивану Давыдовичу «въ Москвѣ», но сохраняетъ, быть можетъ, реальную черту въ указаніи, что кн. Иванъ «сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ».

⁴⁾ Другое приложеніе въ Новгород. I кн. (III, статья: «Кто кояко хѣтъ княжилъ») даетъ списокъ только Владимирскихъ князей и ставитъ въ нѣтъ ряду: «Александръ Суждальскій 3 лѣтъ», во время княженія Ивана Давыдовича считавъ въ 14 лѣтъ, стало быть съ 6836 г. (Александръ умеръ въ 6840 г.).

⁵⁾ «Сіа князь Александръ изъ Володимера вѣчанъ колоколъ святой Богородици возвезъ въ Суждаль, и колоколъ во вѣчнѣхъ зрѣннѣхъ, якоже былъ въ Володимерѣ; и помысли въ себѣ князь Александръ, яко съгуби святой Богородици и повелъ его намы везти въ Володимеръ; и привезъше колоколъ поставиша въ свое мѣсто».

возвращено его стольное звание; судьбы Поволжья по смерти этого князя не ясны, но при его брате Константине оно складается из крупное владение—Нижегородское великое княжение. Во всяком случае этот своеобразный раздѣлъ великого княжения не повліялъ на великокняжеское положение Ивана Давыдовича. Передъ Ордой и передъ Русью—онъ во главѣ политическаго быта Великороссіи. Великимъ княземъ вся Русь выступаетъ онъ въ Псковскія дѣла и въ отношеніи къ Великому Новгороду, а стремленіе подлинно осуществить великое княжение «якоже и прародець его великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ» оставило по себѣ память, что въ ту пору «моста насловане много, сврѣчь княженіе великое доставось князю великому Ивану Давыдовичу»¹⁾.

II.

Ростъ политической самостоятельности и обособленности Пскова отъ великаго княжества Владимірскаго и Новгородскаго въ предыдущія десятилѣтія одѣлалъ его убѣжденіемъ князей, уходившаго отъ личной опасности въ годину неудачи на аренѣ борьбы за великое княженіе.

Сюда бѣжалъ и Александръ Михайловичъ, а псковичи его приняли; въ обихахъ съ тверскими князьями литовско-русскія связи и стремленіе отбійся отъ московской и новгородской силы. Личное дѣло князя Александра

и павъ бысть гласъ богоугоденъ" (Новг. I, стр. 437). Карамзинъ приводит все это извѣстіе статьи „А со князи русьскія" въ другой и нѣсколько искаженной редакціи (т. IV, прим. 302), гдѣ Албуга, который „правиль княженъ" Ивану Калитѣ по смерти Александра, превратился въ дара Албугу, будто дашаго Калитѣ великое княженіе. „Правиль княженъ"—относится къ такому послу, который зводилъ новаго великаго князя въ обладаніе великимъ княженіемъ по такому арынку. Это изсказаніе тѣмъ же и легендарнаго черты рассказа о владимірскомъ колоколѣ лишили лишь истинный источникъ всякаго значенія для С. М. Соловьева: „это извѣстіе—отозвался онъ— съ даромъ Албугу и съ политическимъ рассказомъ о колоколѣ—не заслуживаетъ большаго вниманія" („Ист. Русс.", кн. I, ст. 951, прим. 1). Можно усумниться въ возвращеніи колокола при жизни Александра или предположить иное мотивъ для такого возвращенія или, наконецъ, заведомо владимірскаго заговоръ въ угрѣнскіе послѣдствозвать туду, но все это еще не обосновываетъ отвода, предъизвѣнаго источнику, который расходится лишь съ умолчаніями (и притомъ вопліи позитивными) другикъ свободъ, а поддерживать умолчаніемъ Новгородской і отношеніи о возмѣнѣн Ивану Калитѣ, свидѣательствомъ статьи „Кто колико хѣтъ княжилъ" и дальѣйшими судьбами Поволжья. Рукопись, которую цитируетъ Карамзинъ: „Синодальнѣ бібліот. хѣтотнѣ XV вѣка въ листѣ подъ № 349" или: „Синодальнѣ хѣтотнѣсъ времянъ Василія Темнаго" (т. II, прим. 238), та самая, изъ которой онъ правель и любопытное извѣстіе, что Авдѣян Боголюбскаго на самовольный уходъ изъ Кіева въ Суздальскую землю „подъша Кучковачи" (т. IV, прим. 368)—повидимому, не вернулась въ Московскую Синодальную бібліотеку и находится невѣдомо гдѣ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 128 (Житіе св. Сергія Радонежскаго).

стало исковскимъ дѣломъ; его прѣвѣдъ во Псковѣ—значительнымъ моментомъ самостоятельной исторіи Пскова.

Князь Узбекъ примирился съ русскими князьями, позволивъ имъ «князя Александра исхати». В. и Иванъ Давыловичъ прибыли въ Новгородъ съ Александромъ судальскимъ и съ братьями Александра Михайловича и «сикоткии князьями русскими», и отсюда его послы и послы новгородскіе убѣждали бѣглица идти въ Орду, «а не погубить христіанъ отъ поганыхъ». Митр. Феогностъ, прибывшій въ Новгородъ, наложилъ отлученіе на Псковъ и на кн. Александра Михайловича и тѣмъ вынудилъ его уѣхать въ Литву ¹⁾. Вынужденный отъѣздомъ этотъ былъ только способомъ отвести нависшую бѣду. Князю и двору свой кн. Александръ оставилъ во Псковѣ и вернулся къ нимъ черезъ полтора года. «И пришла его похвала съ честию и посадила его во Псковѣ на княженіе». Около десяти лѣтъ, по счету псковской лѣтописи, князь Александръ во Псковѣ, имѣя связи съ Владимірскаимъ великимъ княземъ, но въ тѣсномъ отношеніи къ великому князю Литовскому ²⁾. Съ его времени возникло свое псковское законодательство, старѣйшій памятникъ котораго, легшій въ основу «Псковской Судной Грамоты»—«великаго князя Александрова грамота» ³⁾. Тогда же была сдѣлана попытка вывести Псковъ изъ церковной зависимости отъ Великаго Новгорода учрежденіемъ особой псковской епископіи: къ митр. Феогносту на Волгѣ явилось посольство во Пскова отъ князя Александра Михайловича и отъ великаго князя литовскаго Гедимина и всѣхъ литовскихъ князей съ требованіемъ поставить на владычество во Псковѣ

¹⁾ Отъѣздъ кн. Александра примирилъ исковичей съ Каянтою и избавилъ ихъ отъ митрополитскаго запрещенія: „и погаша мѣръ лѣтнимъ со поновичи по старинѣ, по отчавъ и по дѣдичѣ; и благословен митрополитъ Феогностъ и владыка Моисей Сомогу посадника и весь Псковъ“ (Псков. I д., П. С. Р. Л., т. IV, стр. 186).

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 185—186; т. V, стр. 12; исковичи „посадили себя князя Александра на княженіе изъ Литовскіе руки“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 210; т. VII, стр. 203).

³⁾ Ссылка на эту „Александрову“ грамоту „Псковской Судной Грамоты“ относится однимъ ученымъ къ Александру Невскому (Калачовъ, Фельдманъ, Сергѣевичъ-Владимірсій-Вудановъ), другимъ (Мурзакевичъ, Ивнѣтскій, Дьяковъ)—къ Александру Михайловичу. Въ пользу первого мнѣнія приводится лишь указаніе на текстъ „великаго князя“, особенно при упоминаніи о Псковской грамотѣ въ грамотѣ митрополитовъ Капріана и Юны („Русс. Ист. Евр.“, т. VI, №№ 28 и 60), но сила этого указанія мѣтло оправдана замѣчаніями А. Н. Навитскаго („Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, стр. 105—109) и М. А. Дьякова („Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“, т. I, стр. 35—36). Сосраженіи Навитскаго и Дьякова рѣшаютъ вопросъ въ пользу кн. Александра Михайловича съ достаточной опредѣленностью, и вѣрность самаго вопроса въ научной литературѣ (ср. А. Н. Филиппова, Учебникъ исторіи русскаго права, Отдѣлъ I, гл. VI) можно признать историографическимъ недоразумѣніемъ.

якъ кандидата—Арсенія, но митрополитъ отыгнать рѣшительнымъ отказомъ ¹⁾).

Образованіе великаго княжества Литовскаго, завершенное в. к. Гедимномъ, оказываетъ значительное давленіе на Псковъ, Новгородъ и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленскѣ и Чернигово-стѣверскихъ княжествахъ. Одновременно съ дѣломъ о псковской епископш разбирались другое, столь же характерное: в. к. Гедиминъ захватилъ «на миру» новгородскихъ бояръ и ихъ нареченнаго владыку Василія по дорогѣ къ митрополиту Феогносту на Волинь, а отпустивъ ихъ, вынудивъ договоръ объ отдачѣ сыну его Наримонту «въ вотчину и дѣдину и его дѣтєкъ» новгородскихъ артигородовъ—Ладогу, Орѣхова городка и городка Карельскаго со всей Карельской землей, да полемнымъ Косорык. Захвъсь объ этомъ договорѣ, соглашаясь къ нашимъ лѣтописнымъ сведѣнїямъ, подчеркиваетъ, что это «слово право» новгородцы дали Наримонту, лишь будучи «въ таковой тѣготѣ» ²⁾. Однако, дальнѣйшія свѣдѣнія объ отшествїи Великаго Новгородца къ Наримонту позволяютъ говорить о зарожденїи въ Новгородѣ «литовской» партїи, тѣнувшей къ западно-русскому, литовскому политическому центру, который сулилъ освобожденіе отъ татарской власти и постылага «выхода» ³⁾.

Великокняжеское положеніе Ивана Дамыловича сильно осложнилось этими литовскими отношенїями: тяготеніе западныхъ областей Великороссїи къ новой политической силѣ великаго княжества Литовскаго питалось въ значительной степени рознь великаго князя, какъ представителя ордынской власти и ея требованїй.

А такая роль была для в. к. Ивана Дамыловича неизбежной политической необходимостью. Съ трудомъ отваявъ отъ Руси грозу вологодордынскаго гнѣва и на покорности властвїи хана построивъ свое значеніе главы великорусскаго политическаго міра. Нарѣставшїй напоръ литовской силы лишь укрѣпляетъ связи Великороссїи съ ханской властью, заинтересованной въ сохраненїи своего «русскаго укуса».

¹⁾ Псковское и литовское посольство застало у митрополита новгородскаго кандидата на архїепископїи, котораго Феогностъ зывалъ на Волинь „святителю на владычество“, и вопросъ былъ разрѣшенъ канонически крайнею въ пользу сохраненїя единства «всерїи. Новосоставленному владыкѣ Василію пришлось, „боже Литамъ“, звать омовляемѣ цутами и убѣгать отъ погони (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203). Показательно, на казнь Александръ еще тяготѣло митрополитычье заповѣданїе: только въ 1336 г. онъ принялъ „отъ Феогноста митрополита и отъ всѣхъ святителей русскыхъ благословенїе и макитамъ“. (И. С. Р. Л., т. X, стр. 207).

²⁾ П. С. Р. Л., т. V стр. 219; т. VII, стр. 202—203.

³⁾ Въ явнѣхъ источникахъ нѣтъ, кромѣ сказать, данныхъ для угадыванїя причастности Пскова къ упадкѣ этого выхода; км. Дозвоить въ Орду не ѣздить и, очевидно, не признавать надъ собою власти хана, какъ и Александръ Михайловичъ, пока княжилъ во Псковѣ.

Тяжкое давленіе ордынской зависимости на всю политику в. к. Ивана сказывается особенно ярко на его новгородских отношеніях. Въ 1326 г. прислать онъ въ Новгородъ своихъ камѣстниковъ, въ мартѣ 1329 г. сѣлъ на стогъ Новгородскаго княженія; съ 1332-го, когда вса сила великокняжеской власти сосредоточилась въ его рукахъ, а, съ другой стороны, легли на него крупныя обязательства передъ Ордой, ростиетъ его требовательность по отношенію къ Великому Новгороду и усиливается его наступленіе на новгородскія вольности. Вернувшись изъ Орды въ 1333 г. великій князьъ вѣсь Руен, Иванъ Даниловичъ «воверже гнѣвъ на Новгородъ, проси у нихъ серебра Закамьского»; отказъ новгородцевъ возобновлять стародавнюю ихъ борьбу съ «низовскими» князьями за «дани новгородскія». Великій князь собралъ ратную силу всей «низовской» земли съ ея князьями и съ рязанской помощью, засѣлъ въ Торжкѣ, захватилъ и Біламеній Верги, «теряя волость новгородскую», и отвергъ попытку новгородцевъ заключить миръ ¹⁾. Это «рознярє» усилило стремленіе новгородцевъ найти опору въ Литвѣ. Новгородцамъ выполненъ договоръ съ Гедиминномъ и приехалъ его сына Наримонта-Гдѣба на новгородскіе пригороды, облавъ его крестоцѣлованіемъ стоять съ ними «за однагъ человекъ» ²⁾; ищутъ новгородцы и сбавленія съ Псковомъ и съ княземъ Александромъ Михайловичемъ ³⁾. Однако, всѣ эти комбинаціи оказывались весьма непрочными. Надо позагати,

¹⁾ Въ нашихъ сводахъ (Новг. I, стр. 338; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203) какъ бы два захвата Торжка; подъ 6846 г.: «великій князь Иванъ приде изъ Орды и възерне гнѣвъ на Новгородъ, проси у нихъ серебра закамьского, и въ томъ азъ Торжкѣ и Вѣжечскій верги черезъ крестное цѣлованіе», и подъ 6841 г.: «приде князь Иванъ въ Торжкѣ съ всеми князи низовскими и съ рязанскими, и присла въ Новгородъ и сводѣ камѣстника» (Новг. I). Но въ первой запискѣ—о отблженіи изъ за «серебра» лишь упомянуты его послѣдствія и, быть можетъ, послѣдствія парадозова отряда.

²⁾ «Въложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримонту, заречанному въ крещеніи Гдѣбу, сыну великаго князя литовскаго Гедимина, и присла въ Новгородъ, хотя поклонитися святѣй Софїи; и послаша Новгородце по него Григорїа и Олександрѣ и позваша его къ собѣ» (Новг. I, стр. 331). Новг. IV (т. IV, стр. 285) и Воскр. (т. VII, стр. 205) указываютъ на прежній договоръ: «князь Наримонтъ Гедимоновичъ..... прїѣха на пригороды, что ему рече въ Литвѣ»; та же мысль поновѣе въ Никоновской, т. X, стр. 206): «пригороды, что ему рече въ Литвѣ идуше къ Боговасту митрополиту въ Волынскую землю и слово право дали». Крестоцѣлованіе о «единствѣ» въ Новг. I (стр. 331): «и цѣлова крестъ въ Великому Новуградѣ за однагъ человекъ»; варянить «цѣловаше» указываетъ, новлинскому, на взаимное крестоцѣлованіе, какъ только и могло быть. Прибылъ же Наримонтъ въ октябрѣ 1333 г.

³⁾ Послѣ неудачнаго посольства къ в. к. Ивану Даниловичу, который «челобитъ не прихъ и миру не да» (т. VII, стр. 204), хотя новгородцамъ предлагали ему «пять сотъ рублевъ» за миръ «по старинѣ» («свободѣ бы си откупити по крестному цѣлованію»), новгородскій воевода Василій повѣлалъ въ Псковъ, гдѣ поповичи приваки его съ честию, и владѣека крестилъ у св. Александра сына Михаила. А до того владѣека 7 лѣтъ не бывалъ во Псковѣ (Новг. I, стр. 330).

что недовольство дорогой оплатой семилетней помощи князя Наримонта ¹⁾ и опасение передь великокняжеской силой и ея ордынской опорой ²⁾ заставили новгородцев слова искать и добиться примирения съ Иваномъ Дашковичемъ. Въ февралѣ 1385 г. великій князь прѣѣхалъ въ Новгородъ ³⁾. Возвращеніе Новгорода подъ его власть означало разрывъ съ Псковомъ и съ Литвою. Иванъ Дашковичъ рѣшилъ было предпринять походы на Псковъ «съ новгородцами и со всею явковскою землей»; однако новгородцамъ удалось отклонить его отъ этого похода, хотя они признали, что мира съ псковичами у нихъ нѣтъ ⁴⁾. При возвращеніи в. к. Ивана изъ Новгорода черезъ Торжокъ, Новгородская волость подверглась набѣгу Литвы, но ему удалось отплатить за нападеніе—раззореніемъ литовскихъ городковъ ⁵⁾.

Очевидно, положеніе, создавшееся въ 1385 г. на западной окраинѣ Великороссіи, было лишь компромиссомъ, на разрѣшеніе котораго въ богіе опредѣляемой сущестъ не хватило силъ ни у в. к. Ивана, ни у новгородцевъ. Великаго князя связывали литовскія и ордынскія отношенія, новго-

¹⁾ Наримонтъ получилъ „въ отчину и дѣтину—и его дѣтямъ“ Ладугу, Ореховъ, Карельскій городокъ съ Карельскою землей и половику Конорамъ; часть этихъ городковъ получилъ въ 1383—1384 г. ив. Патрикій Наримонтовичъ, но изъ за него были въ Новгородѣ бошшія смуты и усобицы (Новг. I, стр. 871; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190—191). Такіе же смуты вызваны въ Новгородѣ и событіями 1334—1335 года, Новг. I, стр. 832. Не вѣдога достаточной обороной отъ великихъ князей, новгородцы полагали въ литовскихъ князьяхъ организацiонную защиту своихъ границъ. Покръ отъѣзда Наримонта въ Литву видимо въ 1387 г. составилъ маршъ съ помощью вѣнцовъ (шведовъ); въ 1388 г. шведы съ хароломъ воюють новгородскія волости скитаятъ Ладонскій посадъ, нападаютъ на Водскую землю. Тщетно звали новгородцы изъ Литвы ив. Наримонта; онъ и самъ уѣхалъ къ сына „выжить“, оставивъ только наместника (Новг. I, стр. 833—834). Характерна осторожность в. к. Ивана, который отказывается, по настоянію новгородцевъ, отъ похода на Псковъ, лишь отпѣчиваетъ на литовскій набѣгъ, мирится съ пребываніемъ Наримонтова наместника на новгородскихъ приторадахъ; у него нѣтъ достаточно силъ, чтобы подлинно взять въ свои руки западныя дѣла. Впрочемъ, отъ этихъ же обидимъ колонизаціей связала его попытка сближенія отъ в. к. Литовскимъ путемъ брака Симеона Ивановича съ Гедиминовой Агустой-Анастасіей, о которомъ хитрономъ сообщаютъ подлѣ тѣмъ же годомъ, подлѣ которыхъ читаемъ о прибытіи Наримонта на новгородскіе приторы (6841)—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 304.

²⁾ Послѣдствіе отъ Великаго Новгорода послано—когда великій князь вернулся изъ новой побѣды въ Орду (Новг. I, стр. 331).

³⁾ Четвертъ, февраля 16-го (на память св. Памфила)—указываютъ на 1385 г. но вѣдѣя была не масочувствна, а о Ваудномъ смѣи; вѣрѣсте пошло подлѣ 6843 годъ—1384, однако къ этому году не подходитъ ни день, ни вѣдѣя (см. Археологическій календарь Горбачевскаго).

⁴⁾ „Вистъ ему рѣчь по любви съ новгородца, и отклоняща ѣздъ, а Псковичемъ миру не дана“—Новг. I, стр. 833; послѣднія слова можно понять и какъ разрывъ прежняго договора съ псковичами.

⁵⁾ „И послалъ князь великій пошея городки литовския Осѣченъ и Раску и нмѣтъ городковъ много“ (Новг. I, стр. 832).

родня—колебания между двумя великими княжествами, осложнившимися внутрению партиюною роюю Великого Новгорода ¹⁾. Не внося договоры в к. Ивана съ Новгородомъ, но лѣтописныя указанія утверждаютъ, что новгородцы настояли на «рѣдѣ» выработанаго тѣла, а великій князь «цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлѣй новгородской и по Ярославльскѣ грамотѣхъ» ²⁾. Но на ближайшей побѣдѣй к. к. Ивана въ Орду (1386 г. ³⁾ послѣдовало новое покушение его на новгородскія доходныя волости—неудачная посылка рати на Днѣпу, за Волоскъ ⁴⁾. Иванъ Давыдовичъ «не помыслилъ крестнаго цѣлованія» и упорно добивался расширенія своихъ великокняжескихъ правъ въ Великомъ Новгородѣ ⁵⁾, побуждаемый къ тому, въ значительной степени, необходимостью удовлетворять такия требованія ордынской власти; показательно, что его столызованія съ Новгородомъ возобновлялись каждый разъ по возвращеніи его изъ Орды. То же видимъ и позднѣе, въ 1399 г., когда ордынская требовательность получила новую пищу въ княжескихъ сворахъ и алтагонизмахъ: в. к. Иванъ, получивъ съ Новгорода обычный «выходъ», потребовалъ «другого выхода», т. е. «запроса царя, чего у него царь запрашалъ», и на отказъ новгородцевъ, которые осмыслили въ «старую пошлюку» и договорное крестоцѣлованье, отыѣхалъ—отозваніемъ княгининой изъ Новгорода и разрывомъ мира.

Новгородскія отношенія Ивана Калиты—наглядный примѣръ того «многого наславанья», которое такъ раздражало противниковъ его великокняжеской дѣятельности. Великій Новгородъ по предмету необходимая

¹⁾ Князь Наримонту «прирекши» дати пригороды «въ отчину и въ гдѣху» бояре, сопроводившіе князя Василія; въ раздорѣхъ 1380-хъ годовъ князь на Патрїя Наримонтовича за него сподвѣ боярскій Славянскій новодѣ, противъ него демократическія князеврежые князья, при вершинѣхъ поддержалъ Платонидала князь (И. С. Р. Л., т. IV, стр. 90—91). Въ смутѣ 1335 года та же группировка, «стана съ сторона и оаа сторона, достѣхъ въ оружїи противу себе, оба погъ Волхова»—Новг. I, стр. 332.

²⁾ Новг. I, стр. 330 и 336.

³⁾ И. С. Р. Л., к. VII, стр. 204.

⁴⁾ Новг. I, стр. 333. Извѣстіе отрывочно, повелѣ не указавъ, но естественно предположить—не тогъ же сворѣ о донехъхъ требованїяхъ великаго князя.

⁵⁾ Когда в. к. Василій Темный требовалъ отъ Великаго Новгорода: «а почати быти княземъ великимъ» и «вѣчнымъ грамотамъ не быти» (договоръ 1456 г., А. А. Ф., т. I, № 56), онъ могъ опираться на «старшю», дѣйствующую при Иванѣ Калитѣ: до насъ дошла грамота, данная накому то Михаилу на промышлѣ въ «Печерской сторожѣ» и на «Кегролскій Волоскъ»—«отъ великаго князя отъ Ивана, отъ посланиа Давида, отъ тмысницкаго Аврама и отъ всего Новгорода» (А. А. Ф., т. I, № 2); тмыснїи Аврамъ упоминается погъ 1328—1348 годами, но последины Давидъ не поддается опредѣленїю. Грамота среднетворена отъ имени в. к. Ивана; прикказалъ емъ Печерскую сторожу Михаилу... а погостъ Кегролскій Волоскъ вѣдѣати Михаилу по пошлѣй, князъ то было при мѣстѣхъ дѣлати и при мѣстѣхъ братѣхъ при старшѣхъ».

спора и главная забота великокняжеской власти. Владѣніе столицъ Новгородскаго княжества неотдѣлано отъ великаго княженія—по стародавней традиціи о томъ, что это великое княженіе Владимірское и Великаго Новгорода. Образование и рстущая сила великаго княжества Литовскаго сохранили новую и грозную опасность для этого владѣнія. Псковъ на время вымалъ изъ политической связи съ Великороссіей; въ Новгородѣ, какъ и въ Твери усматривалось западное, литовское вліяніе. Смоленскъ былъ почти потерявъ для восточно-русскаго политическаго міра. Ханъ Узбекъ—едва ли по собственному почину—послалъ рать свою съ воеводою Толубиенъ и разясскимъ княземъ Иваномъ Коротоголомъ подъ Смоленскъ въ 1340 г., и я. к. Иванъ Давыдовичъ отправилъ въ этотъ походъ, по цареву повелѣнію, свою рать съ воеводами и князьями великаго Владимірскаго княженія; но все это предпріятіе не дало никакихъ результатовъ ¹⁾.

Борьба за единство великаго княженія при недостаткѣ силъ для его сохраненія—характерная черта великорусскаго политическаго жизня первой половины XIV вѣка. Эта борьба требовала усиленія великокняжеской власти, чтобы сосредоточить въ рукахъ великаго князя распоряженіе силами и средствами «княжеской» земли. В. я. Иванъ Давыдовичъ и въ новгородскія дѣла и въ походы выступалъ, окруженный «своими князьями»: суждальскими, ростовскими, ярославскими, разясскими и тверскими, но выдвинуть подлинный укладъ въ взаимоотношенія почти невозможно, по скудости и отрывочности лѣтописныхъ вѣдѣній.

Сбивчивы и недостаточны были уже тѣ данные по исторіи ростовскихъ князей, какими располагали составители лѣтописныхъ сводовъ XVI-го вѣка ²⁾.

¹⁾ Съ Толубиенъ „посла рать свою и князь Иванъ великій Давыдовичъ, по цареву повелѣнію, князь Константинъ Васильевичъ суждальскаго, князь Константинъ Воросовичъ ростовскаго, князь Иванъ Ярославичъ ярославскаго, князь Иванъ друцкого, князь Федора ромивскаго, а съ ними великаго князя воеводу Александръ Ивановичъ и Федоръ Акинновичъ, и стояша у города великаго дѣла и поидоша прочь, граду не успѣше вычтене“. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 206). Любопытна редакція, какую этому вѣдѣнію придалъ составитель Нижегородской лѣтописи, согласно своему предположенію о мажоркняжескихъ отношеніяхъ „удѣльнаго періода“: „после князь Иванъ Коротоголъ съ Толубиенъ и съ прочими татари, а князь князь Иванъ Давыдовичъ послалъ имъ рать свою съ князи изъ Смоленску по цареву повелѣнію, а воеводою его Александро Ивановичъ, Федоръ Овсяновичъ; также и князи князи идоста по цареву повелѣнію къ Смоленску съ татари ратью: князь Константинъ Васильевичъ суждальскій, князь Константинъ Воросовичъ ростовскій, князь Иванъ Ярославичъ ярославскій, князь Иванъ друцкскій, Федоръ ромивскій, и боякии, и мордовска князи съ мордвечи“ (т. X, стр. 211).

²⁾ Такъ они помнятъ среди участниковъ похода подъ Смоленскъ въ 1340 г. Константинъ Воросовичъ ростовскаго (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211), хотя о смерти его въ 1307 г. сообщено въ Воскресенской (т. VII, стр. 185; такъ и т. IV², стр. 253; т. V, стр. 204; Лѣт. по владимѣц. списку, въ вед. Лаврент. лѣт., стр. 301), а Никоновская сообщаетъ объ этой смерти дважды: подъ 1304 г. (т. X,

Это понятно. «Общерусские» истропольчичи литовские своды—главный источник литовских трудов, какими мы пользуемся—почти не упоминали о мелких князьях, отличая лишь случайно и эпизодично участие того или иного изъ нихъ въ походѣ или ординской побѣдѣ, или какое-нибудь событие въ княжеской семьѣ—женитьбу, кончину. А ростовские князья следовательно во времена Ивана Калиты. Та важительная роль, какую сыгралъ ростовскій князь при Александрѣ Невскомъ, дѣло прошлое. Ихъ ростовская отчина дробится все больше. Обособился ея близверскій удѣлъ въ вотчину потомковъ кн. Михаила Глѣбича; при Калитѣ на Бѣлозерѣ сидитъ кн. Романъ Михайловичъ, котораго литовцы лишь разъ поминули по тому поводу, что князь «Ромаччикъ» Бѣлозерскій ѣздилъ въ Орду¹⁾ прорываются послѣдніи связи Углича съ Ростовской отчиной²⁾. Само ядро

стр. 173—свидѣтствуетъ это повѣстіе пошло, помянутому, вмѣстѣ съ „повѣстемъ объ убавишъ Акиваевъ“, которое относится ко временамъ княжения Ивана Калиты и подлѣ 1308 г. т. X, стр. 177—здесь вписаны изъ какого-то источника подлѣ раздѣла повѣстия о кончинѣ кн. Александра Давыдовича, смерти котораго въ Воскр.—т. VII, стр. 185—относится къ 1308 г., а въ другихъ—т. IV, стр. 47 и т. V, стр. 204—въ 1305 г.; о кончинѣ Константина Воросовича съ доб.: „и сяде по немъ сынъ его Василь“; о кончинѣ князя Василія Михайловича суданскаго, князя весьма сажительнаго и слава ии существовавшаго (см. у Эвемеларскаго, т. II, стр. 897). Участникомъ похода были ростовскій князь Константинъ Васильевичъ, упомянутый безъ отчества въ повѣстии объ этомъ походѣ Новаг. IV (т. IV, стр. 270), князь, вѣроятно, быко и въ источникѣ Воскр. и Ник.—Знался о преставленіи „Константина ростовскаго“ находимъ еще подлѣ 1328 г. въ Новаг. IV и Соф. I (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 262 и т. V стр. 218), но Константинъ Васильевичъ въ этомъ году не умеръ, а женился на дочери Ивана Калиты, Маріи (Литовцы по академическому списку—въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 503 и 505); умеръ онъ отъ морской язы въ 1365 г. (т. XI, стр. 4); въ спискѣхъ Новгородской литовцы при извѣстіи о его кончинѣ—за княземъ оставлено пустое мѣсто для отчества, но составитель такъ и не разобрался въ князѣхъ Константиновичахъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 209 (1330 г.); т. XV, ст. 422 (Романъ бѣлозерскій).

²⁾ Кн. Константинъ Воросовичъ ростовскій въ 1297 г. посадилъ въ Угличѣ сына Александра; послѣднее извѣстіе о немъ—его женитьба въ 1302 г. (Литовцы по академич. списку въ изд. Лаврент. лѣт., стр. 501), годъ его смерти не отмѣченъ въ литовцахъ. Его сыномъ А. В. Эвемеларскій (т. II, стр. 36 и 182) признаетъ того „Юрия Александровича ростовскаго“, который умеръ въ 1330 г. (та же литовцы, стр. 502, и др. своды). Поэтому Эвемеларскій предполагаетъ, что кн. Юрій занялъ стоиъ ростовскаго княжества послѣ дѣды Василія (у Эвемеларскаго обозначено—„послѣ двоюроднаго брата“), объявивъ это тѣмъ, что „Угличъ не составлялъ уже совершенно обособленнаго княжества, какъ Ярославское и Бѣлозерское, а входилъ въ составъ ростовской волости, какъ часть ея, хотя и представлялъ изъ себя отдѣльное удѣльное княжество“, и тѣмъ, что Юрій былъ сыномъ старшаго изъ Константиновичей. Къ тому же—его двоюродные братья Васильевичи Константиновича были, надо полагать, весьма измъ даже въ годъ смерти кн. Юрія, такъ какъ первое литовское извѣстіе о старшемъ изъ нихъ—Федорѣ—сообщаетъ о его женитьбѣ въ 1328 г. („Лѣт. по акад. списку“, стр. 502). Угличъ Эвемеларскій признаетъ „собственно отчиной“ кн. Юрія и выморочнымъ по его бездѣтной смерти, но оставляетъ открытымъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ этого владѣнія: „ни вы откуда не знаемъ, тобы онъ

старых ростовских владений переживает моменты упадка и распада. Родословное предание ростовских князей связало раздѣлъ Ростова на дѣи половниками съ женитьбой младшаго Васильевича, Константина, на княжѣ Маріи, дочери в. к. Ивана Даниловича, и съ утверждениемъ его теста на столѣ великаго княженія ¹⁾. Быть можетъ, этотъ раздѣлъ имѣлъ цѣлью обезпечить владѣльческое положеніе младшаго брата, великокняжескаго зятя, по отношенію къ старшему, князю Федору. Вѣсело вѣроятнѣе, что произошелъ онъ при вѣнчателствѣ и подѣ дѣвленіемъ в. к. Ивана Ростова при вѣзгѣ къ полной зависимости отъ великокняжеской власти. Ученникъ и биографъ сѣ. Сергія Радонѣжскаго, Епифаній расцутъ положеніе Ростова такъже чертаки: «Егда бысть великая рать татарская, глаголемая Федоричкова Туралыкова, егда же по семъ за годъ едѣвъ, и вѣста наслозаніе много, спрѣчь княженіе великое Московское досталоси князю великому Ивану Даниловичу, купило же достало и княженіе Ростовское къ Москвѣ, умъ, умъ тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и княжѣ, и честь, и слава и вса прочая и потуги къ Москвѣ. Егда помде новѣжкіе великаго князя Ивана Даниловича, и пославъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки вѣнчій воевода, едѣвъ отъ великомъ, именемъ Василей прованецъ Кочева, и съ князъ Мана, а егда видоста во градъ Ростовъ, тогда возомнѣста велику вужу на градъ да и на вса мѣрующая въ кѣтъ, и говеніе много умножиса». Епифаній говоритъ далѣе о томъ, какъ ростовцѣмъ пришлось отдавать москвичамъ «княжѣи своя съ кумѣю» и терпѣть «противу того» — побой и укоривны ²⁾. Подъ книжною риторикою Епифаніеи — иѣ-что большее, чѣмъ простое облаченіе воеводскихъ злоупотребленій. Рѣчь идетъ объ унаженіи княжеской власти ростовскихъ отчичей, о хозяйничаньи въ Ростовѣ московскихъ бояръ, словно они — правители ростовскіе, о суровыхъ иѣбрахъ для немсканіи съ ростовцѣмъ какъ-то платежей. Аналогія новгородскихъ отношеній в. к. Ивана вызываетъ предположеніе, что дѣло идетъ о тѣхъ же «запросахъ царемъ», о крутыхъ иѣбрахъ для сбора «серебра-

---

бмѣи послѣ 1290 г. за князьями ростовскими», замѣчаетъ Энциклопедическій облъ Углича, и воздерживается отъ какихъ-либо предположеній по поводу «купли» Ивана Калиты. Все это возможно, но отсутствіе въ нашихъ источникахъ хотя бы такъихъ основаній дѣтъ, какъ года смерти Александра и Василия Константиновичей, не позволяетъ сполна-нибудъ твердо установить схему судьбы Ростова и Углича.

¹⁾ Въ «Родословной книгѣ» XVI вѣка («Временникъ», т. X, стр. 37—38) читаемъ: «... у великаго князя Василия дѣти князъ Федоръ да князъ великій Константинъ, а княжна князъ великій Константинъ у великаго князя Ивана Даниловича московскаго. А отъ отъ ростовскихъ князей родъ пошевъ на двою: большому брату Федору досталоси Острѣвская сторона, а другому брату великому князю Константину Борсогольскаго сторона»; одинъ изъ списковъ этой родословной книги ставитъ и дату: въ лѣто 6836 (1328).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 128.

ча ордынские платяжи ¹⁾. Рассказ Елифанія отразил острую обиду ростовцев, которая вышла, повидному, выходя в попыткѣ сопротивленія; Елифаній сообщает о мученіи московскими боярами старѣйшаго боярина ростовскаго Аверція и объ ужасѣ, какой они зтнли кагдани на все население ростовской области ²⁾.

Приданные московскимъ князьямъ, ростовские князья вступаютъ въ тотъ періодъ своей исторіи, когда падаетъ ихъ «власть и княженіе», и склдатъ они на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя, служебныхъ, какъ станутъ говорить поздѣе, князей вотчинниковъ. Потери росядннхъ чертъ сколько-нибудь самостоятельнаго, княжескаго, политическаго значенія необходимая предпосылка для распада стараго ростовскаго княжества на многія мелкія вотчины и вырожденія владѣтельныхъ князей — въ князья-векензавѣднцы. Постепенно нарастаетъ это вырожденіе въ XIV и XV столѣтіяхъ, но поворотный пунктъ въ исторіи ростовскихъ князей агіографъ Елифаній правильно отнѣтилъ въ днѣ в. к. Ивана Давыловича. Также судьба уготована князьямъ бѣлозерскимъ, стародубскимъ, ирменскимъ, галицкимъ и дмитровскимъ ³⁾; ожидается она и княземъ про-

¹⁾ Самый фактъ—напрямдствевнаго и крутого вмѣшательства великокняжеской власти въ оборъ «серебра» съ княземъ младшаго княжества можно сопоставлять съ тѣмъ, что именно позднее произошло въ Тверскомъ княжествѣ, гдѣ в. к. Константинъ Михайловичъ ирнмаетъ въ столкновеіе съ княземъ холмскимъ Всеволодомъ Александровичемъ и его матерью, княгиней Анастасіей: «и нача князя бояре ихъ и слуги въ серебрѣ за волости, чрезъ людскую силу, и быти надъ ними спорба велика» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 217, 1346 г.).

²⁾ «Бяра градоного, старѣйшаго боярина ростовскаго, княземъ Аверція стремглавъ обрннн на волашища на на рудѣ свои и оставиша поругана, тощю живя; и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышачихъ и видящихъ сіа, но томо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣхъ предѣлахъ его и во властехъ и въ селехъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 129). «Бяраъ градоной», вѣрнѣе, тмскій.

³⁾ На Бѣлозерѣ—современникъ Калиты кн. Романа Михайловича (Романтича), о которомъ, какъ упомянуто, только и знаемъ, что онъ въ 1394 г. ѣздилъ въ Орду съ в. к. Иваномъ Давыдовичемъ. Стародубскіе князья XIV в. извѣстны намъ только по упоминаніямъ летописныхъ сводовъ объ ихъ кончинѣ: Ивана Михайловича (П. С. Р. Л., т. X, стр. 179) или Михаила Ивановича (т. VII, стр. 187) въ 1315 г. (объ этомъ разногласіи летописныхъ сводовъ см. у Энгельгартова, т. II, стр. 179—180 и выше стр. 69, примѣчаніе); Федора Ивановича, убитаго въ Ордѣ въ 1330 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 203); Дмитрія Федоровича, умершаго въ 1354 г. (т. VIII, стр. 9; т. XI, стр. 227, годъ 8648 г.—, и возможно бытъ въ своей отчавѣ въ Стародубѣ); брата его Ивана—последній стародубскій князь—, сѣде на княженіи въ Стародубѣ землю 1356 г. по возвращеніи изъ Орды съ тахскимъ «пожалованіемъ» (т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228) и въ 1362/3 г. в. к. Дмитрія Ивановича съогала его со Стародуба. Княженіе Юрьева Ловьскаго кончалось на князѣ Иванѣ Ярославичѣ, который лишь упомянутъ подъ 1340 г. (т. VII, стр. 206). Въ Галичѣ—сызвомъ Давида Константиновича (ум. 1280 г.) Борисъ и Федоръ, повидному, подѣляли свои отчину, если Николовскій летописецъ (т. X, стр. 206 и 207) была хорошо освѣдомленъ, сообщая о смерти кн. Бориса дмитровскаго (подъ 1334 г.) и Федора галицкаго (подъ 1335 г.)—ср. Энгельгартова, т. II,

старших¹⁾. Центръ Великороссіи сплывается подъ великокняжеской власти, усиливается эта власть въ рукахъ московскаго князя. Простодитъ закладка хриплага фундамента подъ здание Владимірска-Московскаго великаго княженія, будущаго «Московскаго государства», въ томъ тѣсномъ значеніи, какое этотъ терминъ имѣлъ для политической терминологіи XVI вѣка.

IV.

Для выясненія этого момента историческихъ судьбъ Великороссіи ижегъ существовавшее значение вопросъ о предсудудитыхъ «купить» Ивана Калита. Дмитрій Донской называетъ въ своей духовной Галитъ, Бѣлоозеръ и Угличъ— «купилъ дѣда своего». Это свидѣтельство источника, весьма авторитетнаго, вызывало у историковъ большое недоумѣніе, доходявшее до попытокъ отдѣлаться отъ него простымъ отрицаніемъ. Недоумѣніе обусловлено съ одной стороны тѣмъ, что Калита и его сыновья не упоминали объ этихъ «купилъ» въ духовныхъ грамотахъ, а, съ другой, тѣмъ, что сохранились извѣстія о князяхъ на Галитѣ и Бѣлоозерѣ во времена Дмитрія Донскаго. На разъясненіи этихъ двухъ обстоятельствъ и сосредоточились толкованія историковъ. Карамзинъ поясняетъ, что «сіи удѣлы до времени Донскаго считались великокняжескими, а не московскими: поэтому не упоминается объ нихъ въ заповѣднѣхъ сыновей Калитиныхъ²⁾. Соловьевъ отвергъ это толкованіе, считая невозможнымъ, чтобы Калита «прикупилъ» къ великому княженію, которое «во все не принадлежало въ собственность его роду», а могло перейти послѣ его смерти къ тверскому или яжегородскому князю; «дѣло, по его мнѣнію, объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ, однако, в. к. московскому, а при Дмитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ³⁾». В. П. Сергѣевичъ признаетъ, что «земельныя приобритенія

стр. 214—216; послѣдній галицкій князь—Дмитрій, котораго Николовская лѣт. (т. X, стр. 222—подъ 1360 г. о ханскомъ покаяваніи его на Галитѣ) называетъ Борисовичемъ, а родословныя (см. Экономическаго, т. II, стр. 218)—Невловичемъ (по Экономическому—сыномъ Ивана Федоровича), согласно съ княженіемъ в. к. Дмитріемъ Донскимъ. Судьбы Дмитрова послѣ кв. Бориса—не ясны; возможно, что возобновилъ его связь съ Галитомъ, но и сама генеалогія князей и судьбы галицко-дмитровскихъ владѣній крайне запутаны въ этихъ источникахъ.

¹⁾ Послѣ кв. Федора Ростиславича княжилъ на Ярославѣ сынъ его Давидъ, умершій въ 1321 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 198), а затемъ—Давидовичъ Василій, ум. въ 1346 г. (тамъ же, стр. 210), а затемъ в. к. Ивана Давидовича (Новг. I, стр. 336: «Иванъ князь, тестъ его»; П. О. Р. Л., т. X, стр. 215—подъ 1342 г.—о преставленіи княгини Олгомыи князя Василия Давидовича Ярославскаго).

²⁾ «Ист. Гос. Росс.», изд. Эверта, т. IV, ст. 152.

³⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 346, прим. (тоже въ «Ист. Росс.», кн. I, ст. 330, прим. 5); мнѣніе Соловьева принялъ Чернышъ («Очерки изъ исторіи русскаго права», стр. 241).

«присмысленны Ивану Калитѣ, поддѣлать сонмию», а его «купля»—судятся въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ; противъ Карамзина Сергіевичъ привелъ возраженіе Соловьева ¹⁾, но находилъ, что и послѣ разясненій Соловьева «логичнѣе заставить Калиту и его дѣтей остаться необъясненными, и возбужденныя ихъ сомнѣнія неустрашенными ²⁾. Эти сомнѣнія и неустрашены при сохраненіи традиціоннаго представленія, что дѣятельность Ивана Калиты направлена на «иозачское собираніе земель», что территория московскаго государства—«плодъ полугорайковлѣхъ скондированныхъ усилій московскихъ князей по собиранію чуждыхъ земель» (В. О. Ключевскій). На землю собирала московскіе князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширили, а строили великое княжествѣ, постепенно и ударно превращая его въ свое «государство». Если не вѣдѣть за Калитой—~~вотчина~~ московскія владѣнія—великаго князя юса Рюри,

¹⁾ «Древности русскаго права», т. II, стр. 58—59. Для Сергіевича, какъ поземному и для Соловьева, рѣчь идетъ о купляхъ, какъ «земельныхъ приобретеніяхъ»; постоку—затрудненіе въ томъ, почему Калита въ своихъ «завѣщаніяхъ» не говоритъ объ этихъ «купляхъ». хотя тамъ упоминаются купельные люди (рабы), купельные бортики и даже придобитое золото не забыто; «если Калита купилъ Галича и пр., спрашивается Сергіевичъ, то почему же ни онъ, ни дѣти его не распоряжаются новыми приобретеніями?» и, сослался на Соловьева, замѣчаетъ противъ Карамзина: «трудно допустить, чтобы Калита на свои долги увеличивалъ военное княжествѣ, а на свои наследственные области». Объясненіи Соловьева Сергіевичъ считаетъ допустимымъ, понимая дажо такъ, что Калита могъ оставить свои купля на князьюи продавщию, обязавъ ихъ службой себѣ и дѣтямъ,—«подобно тому, какъ онъ далъ свои купля, село Вогородское въ Ростовѣ, Воросѣ Ворнозу на условіи службы», однако заключаетъ такъ: «но все таки то, что онъ купилъ, приобрѣтено имъ, и въ завѣщаніи, въ которомъ не забытъ даже привуленныи кусокъ золота, надо было упомянуть о Галичѣ съ Вязомеромъ и Угличемъ; упомянуто же тамъ село Вогородское, хотя оно и не находилось во владѣніи сыновей, а было отдано Борису Ворнозу». Только предположи, что составители княжескихъ духовныхъ знали, что «надо», а чего не надо тамъ упомянуть, и понимали различіе между «куплей» Галича, Вязомера, Устѣга и покупкой села Вогородскаго—могла бы вѣсколко ослабить ученыхъ недоумѣнія. Назвая, кромѣ того, не показать, что недоумѣнными остались соображенія Карамзина: отъ его критикѣ усложнилась связь этихъ соображеній съ замѣчаніемъ, что «въ смѣхъ заващаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переяславѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достоиніемъ великокняжескаго сая». Казалось бы, что «молчаніе» духовныхъ Калиты и его сыновей о Переяславѣ, который отчается примискомъ кн. Давида, заслуживало не меньшаго вниманія, чѣмъ вопросъ о Галичѣ, Вязомерѣ, Угличѣ. М. К. Любавскій («Лекція по древней русскои исторіи», стр. 212) полагаетъ, что Переяславъ «былъ включенъ въ составъ великаго княжества Владимирога»—«откуда, по распоряженію сына»; такой фактъ былъ бы весьма важнымъ показателемъ сознательнаго политическаго вмѣшательства княской власти въ строй русскои владѣльческихъ княжествъ распорядковъ, но предположеніе М. К. Любавскаго не на чѣмъ обосновать, такъ какъ нѣтъ никакихъ аналогій въ немъхъ дѣствіяхъ княской власти на Руси.

нельзя понять не только многих фактов его дѣятельности, но и многих текстов наших источниковъ. Въ частности—наша понятъ при этомъ и вопроса о его «купальѣ». А между тѣмъ, къ связи съ великимъ княжениемъ, указанная въ трудѣ Караванна, поясняетъ, почему въ духовной Ивана Калиты нѣтъ упоминаній о Галичѣ, Угличѣ, Белоозерѣ, какъ не упомянуты ни Переяславль, ни Кострома, никакая великокняжеская волость, ни само великое княжение ¹⁾. Въ духовной Дмитрія—существенно для вопроса о «купальѣ» его дѣда само построение текста грамоты; въ первой ея частяхъ, гдѣ восторжало опредѣленіе удѣловъ четырехъ князей Дмитріевичей въ ихъ московской отчинѣ и опричными младшаго князя Ивана, слѣдуетъ особая часть грамоты, гдѣ находитъ благословеніе старшаго, князя Василія—великаго княземъ («своею отчиномъ»), а трехъ младшихъ—князьями изъ брадѣда—Галичема, Белоозеромъ и Угличемъ; то же различіе московскаго и великокняжескихъ владѣній проведено и въ слѣдующемъ пунктѣ духовной—при опредѣленіи поместныхъ владѣній вдовствующей княгини: изъ великаго княженія ей назначены двѣ волости—одна переяславская, другая костромская; затѣмъ села изъ галичскихъ владѣній князя Юрія и белоозерскихъ князя Андрея, и еще два села изъ великаго княженія: одно владимирское, другое переяславское; а далѣе идетъ указаніе тѣхъ волостей, какія даются княгинѣ изъ «удѣловъ» всѣхъ четырехъ князей (кн. Иванъ со своею опричною въ счетъ не идетъ ²⁾).

Однако, остаются невыясненными и трудно мыслимыми, по недостатку данныхъ, два вопроса: о содержаніи тѣхъ сдѣлокъ, которыя въ духовной Дмитрія Донского названы «купальми», а также о судьбѣ Галича, Белоозера и Углича до той поры, какъ они слѣлись съ потчинными владѣніями московскихъ князей. Для этихъ вопросовъ—исходнымъ пунктомъ въ поясненіи Соловьева, что Калита «купилъ города (рѣчь идетъ, конечно, не о городахъ, но о княженіяхъ ³⁾ у князей», но оставилъ изъ нѣкоторыхъ владѣтельныхъ правъ, которыя они имѣли при Дмитріѣ Донскомъ. Уступка князьямъ владѣній

¹⁾ Сохраненіе «владѣтельныхъ правъ» за нѣкими князьями само по себѣ не объясняетъ умолчаніе о «купальѣ» въ духовной, такъ какъ возможно было упомянуть о поместныхъ, напримѣръ, владѣніяхъ ихъ съ указаніемъ, къ кому должна затѣмъ перейти та или иная изъ этихъ «купаль».

²⁾ Указаніе, что Галичъ, Белоозеро, Угличъ дѣдовскія «купаль», звучать тутъ мотивомъ, поясняющимъ выдѣленіе изъ ихъ комплекса великокняжескихъ волостей для надѣленія ими—въ прибавку къ удѣламъ—младшихъ сыновей, какъ и указаніе, что великое княженіе в. к. Дмитрія «отчина», мотивируетъ его внесеніе въ духовную грамоту. Объ этомъ характерномъ колебаніи возрѣніи на право великаго князя прилагать потчинныя права къ великокняжескимъ волостямъ—см. ниже, при анализѣ духовной Донского во всемъ ея содержаніи.

³⁾ Въ духовной Дмитрія Донского: «Галичъ со всеми волостями и съ сали и со всеми купальми», Белоозеро «со всеми волостями», Угличъ поле со всеми «что къ нему потагло».

великому князю съ сохраненіемъ права владѣнія «вѣдать» ихъ пожезненно встрѣчается и поводитѣ въ московской практикѣ¹⁾. Но предствленіе о куплѣ Калиты по аналогіи съ такимъ сдѣлкаи вѣсковою затружено дуику обстоятельствомъ: мы не знаемъ, когда съ князья князьими могъ заключить Калита «рядъ» о куплѣ Галича, Вѣловера и Углича, а, съ другой стороны, нарушение этого дѣдовскаго «ряда» в. к. Дмитріемъ засвидѣтельствовано, если такъ понимать вѣвѣстіе о «сгонѣ» нмъ владѣтельнаго князя, только относительно князя галичскаго, да притомъ рядомъ съ вѣвѣстіемъ о такомъ же «сгонѣ» съ княземъ и князя стародубскаго, чья вочина не упомянута въ числѣ куплѣ Ивана Калиты; вѣловерскіе князья упоминаются и поздѣе—въ 80-хъ г.г. XIV в. Возможно, что дѣло сложилъ, и самый рядъ о «куплѣ», какъ черта сулугабо подчаснѣи мекнѣт князей-вотчичей великокняжеской власти, явился сдѣвствіемъ той моровъ борьбы, какую пришлось выдержать Ивану Калитѣ по возвращеніи кн. Александра Михайловича на тверское княженіе, а дальнѣйшія судьбы Галича и Вѣловера осложнены соперничествомъ Москвы и Нижнего-Новгорода²⁾.

¹⁾ Въ дуговой Дмитрія Довского: — «а что ми дава князья Федосья Суду на Вѣлѣ озерѣ да Колашу и Слободку а что благословила князюша моя Городкомъ да Волокомъ, та мѣста вѣдаетъ князья Федосья до своего живота». Князья Федосья—жена родовачальника Кемскихъ князей, князя Давида Семеновича (Вяземскій, т. II, стр. 189; Палазовъ-Сильванскій, Сочиненія, т. III, стр. 5—8), и указанныя ея волости, повидимому, ея «опричнина», а переходятъ въ составъ «примыслаговъ» великаго князя, который благословилъ «тѣми своими примыслами» свою князюшу, «ей въ опричнину: „а въ тѣхъ примыслахъ вохша моя княгиня, смгу и которому дѣсть, по души да дѣсть“. Тутъ наглядный примѣръ перехода части княжескихъ волостей въ разрядъ земельныхъ владѣній «частновладѣльческаго» характера. «Купля» Калиты—владѣніе иного типа, и судьба ихъ явна.

²⁾ Сгонъ вѣвѣстий князей-вотчичей съ Галича и Стародуба одинъ изъ результатовъ побѣды в. к. Дмитрія Довского надъ кн. Дмитріемъ Константиновичемъ «судальскимъ»: «въ глѣво 6871» Дмитрій Довской «сгоня» судальскаго князя съ Владимѣрскаго великаго княженія, поспѣвъ на него разювъ изъ Суздаля и принудилъ его въ миру, «вземъ волю свою надъ князѣ»; и тогда же в. к. Дмитрій Ивановичъ «также и надъ ростовскимъ княземъ Константиновичемъ вѣд волю свою», «сгоня съ Галичскаго княженія князя Дмитрія Галичскаго», «сгоня съ Стародубскаго княженія князя Ивана Федоровича Стародубскаго»; какъ князь Дмитрій Константиновичъ тогда «поще изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ», такъ и остальные «всѣ князѣ вѣхша изъ Новгородъ Нижний и князю Дмитрію Константиновичу, скорбище о княженіихъ своихъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2). Можно согласиться съ мнѣніемъ В. И. Сергѣевича («Древности русс. права», т. I, стр. 89, прим.), что эти сдѣлкаи представляють переходъ Галича въ Дмитрію Ивановичу «своими въ имоу съвѣтѣ» оу «силоу приобрѣвъ Галичъ». Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было устривать свидѣтельство о «куплѣ» Калиты Галича разсудливѣнныи, что «несоотвѣтствіе языка официальныхъ актовъ съ действительными способами приобретанія можетъ объясняться желаніемъ замаскировать такія дѣвствія, которыя князья и сами не могли считать вполнѣ правомъ»; поводъ для мотивировки завысачающаго распоряженія Галичемъ глѣмъ, что это дѣдовская купля, доможъ

V.

Выше было упомянуто, что в. к. Иванъ Даниловичъ замыслилъ въ началѣ 1336 года походъ на Псковъ, но отказался отъ него, уступивъ настоятелямъ новгородцевъ. Эпизодъ этотъ—одна изъ признаковъ того затруднительнаго и напряженнаго положенія, въ которомъ находилась великокняжеская власть передъ напоромъ литовской силы и литовскаго вліянія на западныхъ областяхъ Великороссіи. Литовское вліяніе было опасно для великаго князя по связи его съ нараставшимъ раздрамеиеніемъ мѣстныхъ княжескихъ силъ противъ московскаго «населованья» и съ непопулярными въ княжеско-боярской средѣ, какъ и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ, настроеніями, враждебными Москвѣ и ордынской власти. Возвращеніе въ Тверь кн. Александра Михайловича за ново всколыхнуто все связанными внутренніи отношеніи Великороссіи.

Пока кн. Александръ княжилъ во Псковѣ, Тверскимъ княжествомъ «тихо и мирно» правили братья его Константинъ, «наставникъ отчий своей, о немъ же утвердился люди»¹⁾. Зять в. к. Ивана, онъ держится въ послушаніи тестю, въ раду другихъ младшихъ князей²⁾. Но вскорѣ послѣ

былъ бытъ на явдо, тѣмъ болѣе, что эта мотивировка отнюдь не «маскируетъ» заглава (въ зѣтованіи ея нѣтъ), а относится къ издѣленію изъ великокняжескихъ владѣній тѣхъ, что были «куплями», для надѣленія ими младшихъ сыновей при благословеніи старшаго всѣмъ великимъ княземъ. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что приобрѣтеніе Вязовера и Углича можно приурочить къ тому же моменту, когда в. к. Дмитрій «взявъ волю свою» вѣдъ ростовскимъ княземъ Константиномъ, такъ какъ эти города входили въ составъ Ростовской волости³⁾. Это еще допустимо для Углича, но Вязоверъ—и при Дюсковѣ имѣло особыхъ князей. Присоединеніе къ этому предположенію ошибочное указаніе, что Ярославъ, упомянутый въ духовной кн. Владиміра Андреевича, «городъ Ростовской волости» (рѣчь идетъ о Ярославѣ на р. Лужѣ, т. е. о Малолославецѣ). В. И. Сергѣевичъ допускаетъ, что Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ «подѣлили между собой влѣдье погостомъ Константина Всеволодовича, влѣдье изъ въ положеніи служилыхъ князей». Основаніи такого предположенія сличномъ шатки для важнаго вывода о раздѣлѣ в. к. Дмитріемъ ростовскихъ волостей съ двоюроднымъ братомъ. Свое право отрицать «точность» сообщенія духовной Дюскова о куплѣхъ Калиты В. И. Сергѣевичъ подтверждаетъ указаніемъ на крутую «неточность» лямка официальнаго грамоты: въ послѣдствіи изъ договора Дюскова съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что отецъ благословилъ его двумя хребтами въ Москвѣ, тогда какъ второй хребтъ достался великому князю по смерти брата Ивана; но это «неточность» лямка чиста вышшла и по существу незначителна, такъ какъ первый договоръ тѣмъ же княземъ установилъ особоблестительную льготу («тобъ звати свое отчина, а мѣя звати свое отчина»), а въ духовной в. к. Ивана Ивановича читаемъ: «приказавши отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрію и князю Ивану», при издѣленіи князю Владиміру треть доходовъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 417 и 419.

²⁾ Весьма вѣроятно предположеніе В. С. Борзаконскаго («Ист. Тверск. княжества», стр. 127): вѣроятно Тверской князь даже не смѣлъ доставлять выходы въ Орду, а отдавалъ его Калитѣ, т. е. сообразно договору 1321 г. Юрій съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по которому Михайловичъ Тверскіи отдавалъ серебро выдоемо Юрію».

попытка в. к. Ивана организовать поход на Псковъ, кн. Александра послалъ сына Феодора въ Орду, и тотъ вернулся въ Тверь съ ханскими посланъ Алдуломъ¹⁾. Сношенія съ Ордой завязаны явно помимо в. к. Ивана, но кн. Александръ отправился въ Орду, спесился съ митр. Феогностомъ: послалъ къ нему бояръ своихъ просить благословенія²⁾. Кн. Александръ съѣздилъ въ Псковъ въ Тверь къ брату Константану и, видимо, урядился съ нимъ о своемъ возвращеніи и съ ханскими посланъ о побѣдѣ въ Орду³⁾, а въ слѣдующемъ году отправился къ хану съ повинной и вернулся «позжаловалъ отъ хана своею Тверью» съ ханскими посланъ. Возвращеніе Александра Михайловича на столъ тверскаго княженія было несомнѣннымъ политическимъ пораженіемъ для в. к. Ивана. Кн. Александръ не могъ стать въ то же отношеніе къ великокняжеской власти, съ какою выразилъ кн. Константинъ Михайловичъ. Никоновская лѣтопись подчеркиваетъ сношенія кн. Александра съ Ордой—при отсутствіи докончанія и мира между нимъ и в. к. Иваномъ⁴⁾. Съ в. к. Александромъ вступала на великорусскую почву сила, велькорная московскому князю и готовая къ мовой борьбѣ за власть. Литовскія связи Александра и направленіе новгородскихъ отношеній грозныя в. к. Ивану серьезными осложненіями, тѣмъ болѣе, что у тверскихъ князей, судя по «позжалованію» Александра ханомъ Узбекомъ и участію въ его ордынскихъ сношеніяхъ ханскаго посла Алдула, были свои связи въ Золотой Ордѣ. Есть указаніе и на то, что «срокяръ» кн. Александра съ Иваномъ Калитой вышелъ отъ хана у младшихъ князей.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 204 (годъ 6844 г.); т. X, стр. 207 (годъ 6843 г.).

²⁾ Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ сношеніяхъ кн. Александра съ митрополитомъ—свидѣтельство о его согласеніи съ в. к. Иваномъ Давидовичемъ относительно побѣды въ Орду и возвращенія въ Тверь? Новгородскія осложненія должны были одѣлать в. к. Ивана особо осторожнымъ и—на время—уступчивымъ, а предварительныя сношенія кн. Александра съ Ордой дѣлали явное противодействие его канцлеру строго опаснымъ. Къ тому же, разъ кн. Александръ «иже нарядилъ въ Орду», митр. Феогностъ не могъ отказать ему въ «благословеніи», такъ какъ дальнѣе отлученіе, помимо того все еще лежавшаго на кн. Александрѣ, было вызвано его отказомъ отъ такой побѣды къ хану. Пн. Соколовъ («Русскій арміеръ въ Византіи», стр. 181) и полагаетъ, что «отлученіе было снято съ него подъ условіемъ явки къ хану». Для кн. Александра, въ данный моментъ, «явка къ хану»—не названное ему «условіе»: сношенія съ Ордой и съ митр. Феогностомъ должны были обезпечить его отъ прямого противодействия Калиты такой побѣдѣ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 416 («въ нѣто 6844 принадлетъ князь Александръ изъ Пскова въ Тверь; помилъ сына своего князя Феодора опять поидя въ Псковъ»).

⁴⁾ Тотъ же зимы (6846 г.) князь Александръ Михайловичъ тверскій посла сына своего князя Феодора со Алдуломъ посланъ во Орду, а съ великимъ княземъ Иваномъ Давидовичемъ не докончаша и мира не явихи» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 208); эту записку надо отнести на счетъ источниковъ Никоновской лѣтописи, а не комбинаціи княжеска—ей составителя, по характеру «критикою записки» въ ряду другихъ такъ-же, безъ слѣдовъ княжеской обработки ихъ въ связанный рассказъ.

медовольныхъ московскихъ засильяхъ; ярославскій князь Василій Давыдовичъ и владимерскій Романовичъ на сторонѣ Александра ¹⁾). Естественно предположить, что и ростовскіе и суздальскіе князья должны были выдвигаться въ Москвитинѣ медовольные и бонопольные. Своею сбитымъ и открытымъ новостямъ лѣтописные своды чуетъ подмечать законнаго медовольнаго московскихъ «насловольныхъ». Исходъ княжескаго столкновения выдвигаетъ отъ хава и разыгрался въ Орду. Но в. к. Иванъ, ведя свое дѣло въ Орду, считаетъ необходимымъ возможно меньше упускать изъ виду дѣла на Русь; уѣзжая въ Орду вслѣдъ за тверскимъ княземъ Федоромъ, онъ посматриваетъ въ Новгородъ сына Андрея, а въ послѣдній моментъ, когда рѣшалось при лавскомъ дворѣ дѣло кн. Александра, посматриваетъ въ Орду сынавое, а самъ остается на Русь ²⁾).

В. к. Ивану удалось отвести грому и одержать побѣду. Лѣтописные своды даютъ больше намековъ, чѣмъ приняты указывать на то, что произошло въ Орду, но смыслъ этихъ намековъ едва ли вызываетъ сомнѣнія. Скошенія кн. Александра съ Орды—посылка къ хану сына Федора съ посломъ Адуломъ—вызвали побѣду въ Орду Ивана Калиты. Во время пребыванія ихъ при дворѣ хава царю Азбеку много клеветали глѣбца на

¹⁾ Когда въ Орду позвали бытъ кн. Александръ на послѣднюю расправу, „после же князь Александръ и князь Василій Давыдовичъ Ярославскій съ нимъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206); „тогда же съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Азбеку князь Василій Давыдовичъ Ярославскій... и князь Романовичъ Владимѣрскій“ (т. X, стр. 206; ср. т. XV, ст. 422—гдѣ извѣстіе о побѣдѣ этихъ князей не на мѣстѣ). В. к. Иванъ пытался перекрѣпить князя Василія по дорогѣ въ Орду: „аза же после великаго князя Ивана Давыдовича, тестя его, въ пяти соотъ челоуѣкъ перекрѣтити, по отбѣси ихъ“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; Новг. I, стр. 336).

²⁾ Извѣстія о побѣдѣ Ивана Калиты въ Орду явно спутаны въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 206). Ова сообщаютъ подъ 6846 г. о возвращеніи кн. Александра въ Тверь, о посылкѣ къ хану сына Федора къ хану и побѣдѣ въ Орду в. к. Ивана, о „клевещати“ на тверского князя и посылкѣ къ хану хава съ „покрытыми словесами“, и подъ 6847 г. о побѣдѣ въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями и вторичной посылкѣ („посла поимъ выхъ татаръ“) за кн. Александромъ и другими князьями; Тверской князь посматриваетъ на развѣдку въ Орду сына, Калита возвращается на Русь, кн. Александръ идетъ къ хану на свою погибель. Тутъ явно удвоены и побѣда въ Орду в. к. Ивана, и побѣда князика Федора и лавская посылка въ Тверь. Ср. замечаніе Воскресенской лѣтописи: подъ 6846 возвращеніе въ Тверь кн. Александра, подъ 6847 побѣда въ Орду в. к. Ивана съ сыновьями, „его же думомъ“ послаха лавскаго зова татарскому князю (тутъ упоминая, что Александръ „посла напередъ себя“ сына Федора, и что „пришла царь по-самого по него“; это упоминая о ирешней побѣдѣ Федора съ посломъ Адуломъ, которая развѣ въ Воскресенской не упоминается, и вышло удвоена извѣстія въ Никоновской, соединяющей два вѣсточка); затѣмъ—побѣда Александра (съ упоминаніемъ, что „князь великій Иванъ Давыдовичъ выиде тогда изъ Орды и сынове его“, т. е. развѣда тверского князя къ хану, какъ лѣтъ изъ чтенія Соф. I: „ума бо быше в. к. Иванъ Давыдовичъ выиде изъ Орды“—т. V, стр. 221); посылка въ Орду великихъ князей сыновей и гибель кн. Александра Михайловича (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 205).

князя Александра Михайловича тверского и уми царевы наполниши многиа горестии: осторожное выражение московского свода плохо прокрывает шаг московской политики. «По духу» в. к. Ивана такъ вызвалъ кн. Александра, но звалъ его «съ тихостью и кротостью», какъ бы не на судъ и расправу, а сузи ему «великое княжение и честь велию»¹⁾. О содержаніи обвиненій, вовведенныхъ на тверского князя наши источники ничего определеннаго не сообщаютъ, и мы не знаемъ, какой матеріалъ дали для этихъ обвиненій вопросъ о «выходѣ» или литовскія связи Александра Михайловича. Эти послѣднія должны были сыграть свою роль во всемъ ордынскомъ дѣлѣ. Въ литовскомъ преданіи подчеркнуто, съ какими условіями заманили въ Орду князя Александра, словно ордынская власть боялась выпустить его изъ рукъ. Кн. Александра могъ найти убійщце въ Литвѣ, могъ отжаться на попытку сопротивленія въ Твери, подобное тому, какое удалось при кн. Дмитрія Михайловичѣ, а въ данномъ случаѣ, еще съ расчетомъ на литовскую помощь; во времени этихъ событій относится гайдукъ литовскій указаніе, что «татары воссташа Литву»,²⁾ а несомнѣнно тогдаже татарская рать воеводы Товлубія ходила съ русскими полками подъ Смоленскъ. Главнѣе «русского зауса» не трудно было представить кн. Александра—спасеннаго для татарской власти надъ Русью. Ни дары ордынскимъ вельможамъ, ни покровительство нѣкоторыхъ властимъ въ Ордѣ лицъ³⁾ не спасли тверского князя. Онъ убѣтъ вѣстѣ: съ сыномъ Ѳеодоромъ, по ханскому приказу, 28 октября 1388 г. ⁴⁾

¹⁾ Въ изложеніи этихъ событій нашими литовскими сводами использованы какъ старыя записки, такъ и своею сказаніе объ убійствѣ кн. Александра Михайловича, однако, въ сокращеніи и съ недомолвками. Тверская литовка (т. XV, стр. 418) сохранилась въ спискѣ съ рукописи, дефектной какъ разъ въ давномъ ея: дефектъ недавняго въ XV в. Погодевскаго свода не восполняется ни спискомъ Заблѣвскимъ (Рукописи Московскаго Историческаго Музея 298—6, л. 153), ни Толстовскимъ (рукопись Имп. Публичной Библиотекы, собранія гр. Ѳ. А. Толстого, стл. I № 145, л. 320—об.). См. П. С. Р. Л., т. V, стр. 221; т. VII, стр. 206; т. X, стр. 208.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 208.

³⁾ «Царя тѣшавши, по обычаю своему, и речець» (т. XV, стр. 419); сказаніе упоминаетъ о сношеніяхъ кн. Александра съ «царичемъ» и ордынцами, которые давали ему вѣста о рѣшеніи царя (тамъ же, ст. 419—420); въ Никоновской (т. X, стр. 206—210) болѣе распространенная редакція тѣхъ же указаній, видимо—плодъ редакціонной переработки стариннаго текста.

⁴⁾ Въ литовскихъ сводахъ—подъ 6847 г., во день убійствъ не въ составъ разсказа объ убійствѣ кн. Александра (см. П. С. Р. Л., т. XV, ст. 420, гдѣ дана дата убѣтъ), а особой записью (см. т. X, стр. 211, гдѣ 28 октября «на память святыхъ мученицъ Теронты и Неонилы, и преподобнаго Стефана, теорца клявома, и Саваста и святыхъ мученицъ Парасковыи, нареченныхъ Пятницъ»,—днѣсто 29 октября, какъ т. VII, стр. 206, и Новг. I, стр. 236; ту же дату, что Никоновская, даетъ Роговскій литовскецъ, т. XV, вѣд. 2-а, ст. 61), которая, какъ церковно-помилыльная, али-ли могла быть отдѣлана не по церковному—сентяброму, а по мартовскому литовскому.

Побѣда в. к. Ивана Давыдовича была полной, и она сгладитъ съ дѣйствіями, которымъ смыслъ—придать ей значеніе побѣды великокняжеской власти надъ самостоятельностью Твери: в. к. Иванъ «въ Твери отъ святаго Спаса взял колоколъ на Москву»¹⁾. Родословныя преданія, использованныя составителями Никоновской лѣтописи, отсылаютъ во времени этой борьбы Москвы съ Тверью при Иванѣ Калитѣ отъѣздъ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву къ в. к. Ивану; сводчики повѣстили вѣстіе объ этомъ отъѣздѣ въ началѣ изложенія хода послѣдней борьбы князей Ивана и Александра, но едва ли можно въ такомъ порядкѣ изложенія видѣть основаніе для датировки самаго вѣщенія. Составители лѣтописныхъ сводовъ руководились, вѣроятно, тѣмъ, что въ ихъ родословныхъ источникахъ отъѣздъ тверскихъ бояръ мотивированъ былъ не пораженіемъ Твери въ борьбѣ съ Москвою, а недовольствомъ бояръ противъ князя Александра на почвѣ мѣстическаго счетовъ—«свѣзда» ихъ новыя приближали Александра—притыками ивоенцами²⁾. Такая мотивировка можетъ скорѣе подорвать всякое довѣріе къ самому вѣщенію, чѣмъ помочь его осмысленію. Если же его принять, то представится болѣе вѣроятнымъ слышать боярскій отъѣздъ съ Твери на Москву съ униженіемъ Твери послѣ гибели кн. Александра Михайловича и демонстративнымъ увозомъ въ Москву Спаса-Преображенскаго колокола. Стогъ тверского княжества занялъ по смерти кн. Александра его братья Константинъ Михайловичъ, но зависимость Твери отъ Москвы надо, понадикому, признать значительно увеличившейся въ эту пору.

¹⁾ Рогожскій лѣтописецъ (тамъ же, ст. 52) и Никоновская (т. X, стр. 211).

²⁾ Въ Никоновской—въ концѣ текста, замѣстивающаго изъ сказаніе объ убѣщеніи кн. Александра, послѣ упоминанія о сироти «всего града» на погребеніи князя,—исходившая фраза: «и тако Тверское княжество до конца опустѣша», которая можетъ навести на предположеніе о пропускѣ какихъ то мѣстныхъ послѣдствій для Твери московскаго одолженія; въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421), такъ же какъ въ Забѣлинской и Толстовской рукописяхъ, въ этомъ мѣстѣ текста слова дефекты, восходящія къ ихъ общему источнику.—Мотивировка отъѣзда тверскихъ бояръ—«свѣздою» ихъ притычками принадлежитъ кн. М. М. Щербатову, который предполагалъ прїѣздъ во князя Александру Михайловичу пензенскихъ бояръ и смыслъ ихъ прїѣзда къ нему «кнѣзя Доля» («Ист. Росс.», т. III, стр. 325); эту догадку, отбросивъ источникъ, воспроизводитъ Карамзинъ (т. IV, ст. 142 и прил. 304); прилагъ ее и Соловьевъ («Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома», стр. 342; «Ист. Росс.», тв. I, ст. 920). Но тенденція родословныхъ тверского боярства относить прїѣздъ ихъ предковъ—звѣтнимъ иностранцевъ (вѣтчина Дона или Дюга, родоначальника Левашовыхъ; Дюска Величка изъ «италинской» земли, родоначальника Нащокиныхъ, см. «Временникъ», т. X, стр. 118 и 119) во времена кн. Александра и притомъ въ моментъ его возвращенія въ Тверь изъ Пскова въ связи съ указаніемъ Никоновской, что тогда же произошло отъѣздъ тверскихъ бояръ въ Москву—поддерживаетъ историчность иль догадку—не случайно, а, вѣроятно, обусловленную уже содержаніемъ родословныхъ источниковъ лѣтописанія XVI вѣка.

Въ Орді одержалъ и. к. Иванъ Даниловичъ свою побѣду надъ тверскимъ соперникомъ и заплатилъ за нее тяжкими обязательствами: размыгивается—послѣ этихъ событій—его столкновение съ Великимъ Новгородомъ изъ за «спросовъ царемь»; въ ту же пору, всего вѣроятнѣе, размыгивается и угнѣwienie Ростова, яроо описанное Епифаніемъ Превудрымъ. Иванъ Даниловичъ закатывалъ дѣла своей жизни и княженія подлиннымъ носителемъ великокняжеской власти «якоже и праотець его великій князь Всеволодъ Дмитрій Юрьевичъ». Въ Смоленскій походъ онъ посылаетъ, по ханскому приказу, «рять свою» князей судальскаго, ростовскаго, юрьевского, друцкого, боинскаго съ московскими воеводами, но и риванскій и тверской князь ивъ моментъ столкновеній Калкы съ Александромъ—идуть въ походы по зову великаго князя. Иванъ Калита положилъ прочное основаніе возрожденію расшатанной великокняжеской власти, но общее политическое положеніе Великороссіи оставалось, въ годину его смерти, весьма сложнымъ и напряженнымъ—подъ давленіемъ внѣшнихъ отношеній и еще несокрѣпшаго въ опредѣленныхъ формахъ великокняжескаго властвованія внутренняго ея уклада ¹⁾.

---

¹⁾ Обзоръ фактическихъ свѣдѣній о дѣятельности и. к. Ивана Даниловича не даетъ основанія для его характеристики, какъ князя «скопидома», представителя «удальной» уюсти и замкнутости потчивныхъ интересовъ. Эта его характеристика, столь обычная въ нашей исторической литературѣ, построена на невѣдѣніи отъ его духовныхъ грамотъ, которыя, однако, касаются только московской отчины и ея семейно-потчивныхъ распорядковъ.

ГЛАВА IV.

Московская вочтина потомковъ Калиты.

I.

Имя Калиты умеръ въ послѣдній день марта 1341 г. Годъ знаменательный въ исторіи Восточной Европы. Въ тотъ же году умеръ и Гедиминъ, подлинный создатель Литовскаго великаго княженія. При немъ опредѣлился и округъ Визинскій центра новаго государства—литовско-русскаго, и его вліяніе самымъ отразилось на Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Твери. Намѣчается въ ходѣ событій важная роль Смоленска, какъ центра московско-литовскихъ столкновеній¹⁾. Литва была тѣмъ самымъ въ подчиненіи себѣ русскимъ ве-

¹⁾ Напомнимъ важнѣйшіе моменты исторіи Смоленска до этой поры. Смоленская земля испытывала литовскіе набѣги съ начала XIII в. (1206, 1223, 1225 г. г.); смоленскіе князья пытались идти на встрѣчу опасности, защищая Полоцкую землю отъ Литвы и вѣдцевъ (1222 смоленскій князь Святославъ Мстиславичъ въ Полоцкѣ; договоръ съ Ригой въ 1229 г. кн. Федора Давыдовича за Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ и т. д.); еще въ 1233 г. Святославъ Мстиславичъ пытался отстоять соединеніе Смоленска и Полоцка подъ одной властью, но имѣвшееся обладаніе князическихъ земель не по самымъ смоленскимъ князьямъ безъ опоры во Владиміръ своимъ великимъ княземъ. Въ 1239 г. в. к. Ярославъ Всеволодовичъ отнимаетъ Смоленскъ изъ литовскихъ рукъ и экзальтируетъ свои отношенія къ западно-русской странѣ женитбой сына Александра на Вричславнѣ; князь Полоцкой. Въ серединѣ XIII в. нарастаетъ дробленіе Смоленской земли, напр. выдѣляется Можайское княжество кн. Федора Ростиславича, а князья смоленскіе подъ рукою Владимірскаго великаго князя, участники его походовъ на Великій Новгородъ и Литву. Кн. Федоръ—съ 1260-хъ г. г. ярославскій князь, а въ 1260-хъ пытался соединить въ своихъ рукахъ смоленское и ярославское княженія. Но Смоленской землѣ не суждено еще вступиться въ великорусскую политическую систему. Смоленскъ ускользнулъ изъ подлѣ власти Федора Ростиславича—тамъ княжить его племянникъ Александръ Глѣбовичъ, а по смерти кн. Федора на можайское княженіе сѣлъ младшій Глѣбовичъ—Святославъ. Княженіе Александра Глѣбовича (ум. 1313 г.) время усилившаго распада: Можайскъ захватченъ московскимъ княземъ, Вязьма съ волостями выдѣлилась въ особое княженіе, часть смоленскихъ волостей отошла къ князю Брячискому. В столкновеніи кн. Александра съ визинскими и брячискими князьями на вершину Смоленску ни волостей, ни подорванныхъ силъ. Долгое княженіе Ивана Александро-

же, что вырвала их из-под татарской зависимости. При Ольгерде подчинение русских земель идет параллельно столкновению с Золотой Ордой, которая и раньше, при Гедиминге, воевала Литву и посылала русских князей и свою рать под Смоленск. В 1341 г. Ольгерд навалъ на Можайск, сжег посады, но города не взял¹⁾. Все царствовавший кануръ Литвы славилъ для московскаго отчича съ защитой личнымъ владѣніемъ, помимо даже его великокняжеской полтинки. А шире, чѣмъ прямая сила Литвы, разрастается ея вліяніе, съ которымъ все чаще и глубже приходится считаться великорусской великокняжеской власти во внутреннихъ отношеніяхъ Великороссіи.

Вопросъ о преемствѣ на столѣ великаго княженія по смерти Калиты разрѣшенъ въ Золотой Ордѣ, насколько можемъ судить по весьма отрывочнымъ сообщеніямъ нашихъ лѣтописныхъ сведеній, безъ особыхъ трудностей—на основѣ созданнаго Калитой, послѣ окончательной побѣды надъ Тверью, преобладавшаго Москвы. Ханъ призналъ великое княженіе за Симономъ Ивановичемъ на общемъ съѣздѣ всѣхъ русскихъ князей въ Ордѣ, «и вси князи русскіи дамы ему въ рудѣ»²⁾. 1 октября совершенъ во Владимірѣ обрядъ посаженія его на столѣ великаго княженія, а вскорѣ затѣмъ былъ

вичъ (1313—1336) время, когда положеніе смоленскаго княжества характеризуется его угнетеніемъ съ востока и запада—Москвой и Литвой. Большое княжество Литовское овладѣло белорусскими областями и правобережными Подляпьями: вся торговые пути Смоленска были въ литовской рукѣ. А на востокъ—кряпичья область—земля великорусской ошмы, къ которой тяготея и въ старой чернигово-стѣрской землѣ и въ смоленскій все, что недозволено литовскимъ засильемъ. Въ русско-татарскомъ походѣ 1340 г. съ великокняжеской и ханской ратью идуть въ Смоленскъ—дружной и ошмыскій (въ мѣнхѣ смоленскій) князь. Въ 1341 г. брацкій князь Дмитрій Романовичъ выдалъ дочь за московскаго князя Ивана Ивановича; вѣзевскій князь Федоръ Святославичъ, служившій ранѣе Гедимину (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 199), оказывается затѣмъ на московской сторонѣ, пославъ на Волгѣ, а въ 1345 г. выдалъ было дочь за в. к. Симона (бракъ былъ разорванъ черезъ годъ). Напротивъ, кн. Иванъ смоленскій держался Литвы; еще при Гедимингѣ онъ заключилъ съ Рязанью договоръ „по тому докончавъ, какъ те братъ мой старшій Гедиминъ докончалъ а его дѣти Глебъ и Алкредъ“ (С. Г. Т. и Д., т. II, № 8); походъ Ольгерда въ 1341 г. подъ Можайскъ имѣлъ, напротивъ задачей вернуть эту волость въ Смоленску; въ 1340-хъ г. г. видны смоленскіе войска въ войскахъ Ольгерда противъ Литовскаго Ордена; во единудшія нѣтъ въ смоленскій отношенія къ Литвѣ: въ крайне осторожной, уклончивой политикѣ Ольгерда много недостатка въ Смоленской землѣ, какъ и вообще къ западно-русскимъ землямъ, недавнейши ошоръ литовской власти въ столкновеніяхъ съ восточнымъ сосѣдомъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 98; т. IV^а, выд. I, стр. 271; т. VII, стр. 206.

²⁾ „И поидоша вси князи русскіи въ Орду“ (П. С. Р. Л., т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206); „и вси князи тогда въ Ордѣ были“ (т. XVIII, стр. 93). „И вси князи русскіи дамы ему въ рудѣ“ (т. V, стр. 222; т. IV^а, стр. 271); „и вси князи русскіи подъ рудѣ его дамы“ (т. VII, стр. 206).

сѣбѣ, всѣхъ русскихъ князей въ Москвѣ¹⁾. Никакихъ извѣстій объ этомъ сѣбѣ, кромѣ глухого гѣтонисаго упоминанія, не сохранилось. А момента была крайне важной: предстояло опредѣлить отношенія между великимъ княземъ и остальными князьями, какъ Симеонъ, въ ту же пору, опредѣляя особымъ договоромъ «у отня гроба» свои отношенія къ роднымъ братьямъ. Будетъ ли слишкомъ сильнымъ предположеніе, что на московскомъ сѣбѣ должны были сложиться договорными соглашеніями и. к. Симеона съ князьями тверскими и рязанскими, суздальскими, ростовскими, ярославскими, а, вѣроятно, и другими? Впрочемъ, существующіе, чѣмъ защищать такое предположеніе, которое гѣтъ возможности подтвердить документально, было бы выяснять, насколько и въ чемъ междукняжескія отношенія Великороссіи во времена и. к. Симеона вступаютъ въ новую фазу развитія. Это тотъ моментъ исторіи Великороссіи, когда Московское княжество, вѣтчинная опора великокняжеской политики московскихъ Даниловичей, стоитъ лицомъ къ лицу съ мѣстными великими княженіями—Тверскими, Рязанскими и Нижегородскими. Важнѣйшія отношенія этихъ четырехъ торриториально-политическихъ единицъ опредѣляли дальнѣйшій ходъ исторической жизни Великороссіи, и его изученію необходимо предпослать характеристику ихъ внутренняго строя, который лишь къ серединѣ XIV вѣка выстаетъ передъ нами съ болѣе или менѣе достаточной опредѣленностью.

II.

Московская вѣтчина князей Даниловичей опредѣлилась въ основномъ своимъ составомъ съ захватомъ Можайска и Коломны. Братья Даниловичи—по гѣтонисаго ятѣро—держались, повидному, въ обществѣ московскихъ гѣтѣтъ братья вѣдѣнія особы гѣтъ удѣломъ каждому. По крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ о законахъ-либо ихъ вѣдѣній вѣдѣній, хотя извѣстіе объ отъбѣдѣ въ Твери князей Александра и Бориса Даниловичей²⁾ можетъ навести на предположеніе, что эти князья «возмостались» со старшими братьями. Во всякомъ случаѣ, для насъ исходный пунктъ исторіи княжого вѣдѣнія въ Московской отчѣнѣ—духовная грамота Ивана Даниловича Калиты, который пережилъ всѣхъ братьевъ и могъ свободно и заново «дать радѣ сыномъ своимъ».

Объ, до насъ дошедшія духовная грамота Ивана Калиты³⁾ обычно

¹⁾ «Тоже же зныи быють выкизъ сѣбѣ на Москвѣ всѣхъ княземъ русскимъ», т. XVIII, стр. 95; т. X, стр. 212; Новгородская легенда извѣнкіемъ текста ссылается это извѣстіе съ последовавшимъ походомъ къ Торжку: «бысть сѣбѣ... и поидоша...» во въ Самососослов это два отдѣльными извѣстіями—первое о «вѣдѣннѣ сѣбѣ», а другое—«и поиде радѣ къ Торжку князь великий Семязъ».

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 184 (подъ 6814 г.) т. X, стр. 176 (подъ 6813 г.)

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I №24 21 и 22.

относится, слѣду «Собранію Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», къ 1328 году, хотя невозможность такой датировки давно указала А. В. Эземплярский¹⁾. Формула обнѣхъ духовныхъ: «а приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братью твою молодшую и клятию свою съ меньшими дѣтми, по Богу ты иже будешь печальникъ»—яко невозможно по отношенію къ родной матери-вдовѣ. Рѣчь идетъ о матеѣ князей Семена съ братьями, о второй жемѣ в. к. Ивана, которую Эземплярскій правильно отождествилъ съ клятией Ульяной, упомянутой въ духовной в. к. Ивана Ивановича. Первая супруга в. к. Ивана Давыдовича, Елена—скончалась въ мартѣ 1332 года, и его первая духовная могла быть написана только послѣ этой кончины, второго брака и рожденія отъ клятии Ульяны «меньшихъ дѣтей»²⁾.

¹⁾ А. В. Эземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 79, прим. 206.

²⁾ В. к. Елена скончалась въ мартѣ 6840 г. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 203; въ Т.т. по академическому списку, изд. при Лаврент. издѣнокъ—подъ 6839 г., стр. 503); записъ о второмъ бракѣ Ивана Калиты въ Никифоровскомъ спискѣ западно-русской летописи (т. XVII, ст. 90, прим. 56) подъ 6840 г.: «того же хѣта евоица въ другыи Іоанъ Давыдовичъ». Въ духовной Калиты в. к. Ивана упомянута, какъ умершая: «а что новое клятиа моеи Оланиа, а то есмь далъ дѣри своей Фетинѣ 14 обручи и смерале матери ее»; старшіе дочери отъ первого брака были замужемъ—Марія (съ 1328 г.) за княземъ ростовскимъ Константиномъ Васильевичемъ, Надюка, о смерти котораго упоминаетъ Нижегородская летопись подъ 1343 г. (т. X, стр. 215),—за ярославскимъ княземъ Василемъ Давыдовичемъ; оиѣ не упоминаются въ духовной, а княжна Фетинья определенно противопоставлена второй семьѣ: «а что есмь придобль золота, что ми далъ Богъ», читаемъ вслѣдъ за строками о заглавленіи княжнѣ Фетиньѣ, «к каробочку золотуу, а то есмь далъ княгинѣ своей съ меньшими дѣтми». Эти «меньшіе дѣти» названы: это княжна Марія и Феодосія; Эземплярскій считаетъ ихъ дочерми в. к. Елены, вѣроятно, потому, что въ Маріи духовной грамоты видѣть ростовскую княгиню, что едва-ли возможно: та была съ 1328 г. замужемъ и «клятиа не подходитъ имъ, подѣ терминъ „меньшіе дѣти“, на подѣ наданіе московскимъ князми, какіи дамы „клятиа съ меньшими дѣтми“, на подѣ опеку матеи. Боги же видѣть въ „меньшихъ дѣтхъ“—двухъ дочерей кн. Ульяны, то дагу первой духовной надо отодвинуть еще годъ на два или нѣсколько бока; позадка въ Орду в. к. Ивана въ годовиу возобновленія борьбы между нимъ и кн. Александромъ Михайловичемъ, быть помогу, дасть наилучшій поводъ для прѣрученія его первой духовной. Въ этой грамотѣ клятиа-вдовѣ названаче, кромѣ волостей и саль (въ томъ числѣ „Раменья, что было на клятиевъ“, вѣроятно Езевой),—къ городскимъ волостѣмъ—осиничевъ, а упоминаніе о клятиѣ Ульянѣ въ духовной в. к. Ивана Ивановича таково: «а клятиа Ульяна, во отда моего князя великаго по духовной, вѣдѣтъ волости и осиничевъ и саль до своего живота»: тожество ясно; ина въ числѣ ея волостей упоминается Суражскъ, а саль—Луциско, тѣмъ благополучнѣе свою вдову Иванъ Калита. Эти владѣніа по духовной в. к. Ивана Ивановича названаче, по смерти кн. Ульяны, ея дочери: видно, что только одна и осталась въ живыхъ (предположеніе Эземплярскаго о дочери, родившейся по смерти отца, вѣроятно).

Сомнительнае одновременность обнѣхъ грамотъ Калиты. Вторая повторить первую, но добавляетъ распоряженія о селѣхъ, пражуванскихъ волостѣхъ княземъ а замѣненныхъ имъ, между прочимъ въ новгородскихъ, владѣирскихъ, ростром-

Цѣль княжеской духовной наложить тотъ «рядъ», какой отецъ дастъ, signifyица въ своей князвѣ на случай, если «Возгъ что рогадаеть о его животѣ». Едва ли правильно означать «рядъ» новѣйшимъ терминомъ «наказаніе», который въ нашемъ словоупотребленіи передаетъ понятіе «теста-мента»: въ задачу духовной Калиты не входило опредѣленіе личности наследниковъ, а ея цѣль только наложить отцовское урженіе о внутреннемъ распорядкѣ, каковыя должно для его семьи оредѣляться владѣніе вотчиной, доставшейся этой семьѣ послѣ кончины ея главы, составителя духовной грамоты. Калита осуществляетъ въ своей духовной исполнюю функцію отцовской власти, которая еще въ «Русской Правдѣ» была оти-чена такою статьей: «аже кто умряа раздѣлитъ домъ свой дѣтиамъ, на томъ же стонтя». Но въ данномъ случаѣ отецъ сложилъ составъ «дома»: дѣло идетъ о московскомъ князвѣй-вотчинѣ Калитиной семьѣ. Сложны и приемы его урженія. Вся семья—младшіе братья, князья Ибаль и Андрей Ивановичи, княгиня Ульяна съ дочерьми—«приказана» князю Семюгу Ива-новичу: оъзъ къ «печальникъ», большаакъ семья въ казвѣ отца. Смы-новичъ—всѣмъ троникъ—Калита приказала «отчину свою Москву, предо-ставивъ нѣзъ саминъ похѣлится городскими доходами (стангомъ и ными волостями городскими), за каждомъ осмиичего въ посылу князю Ульяну. Сама Москва поставлена нѣзъ раздѣла («приказывааъ смынозъ отчину свою Москву, а се ема нѣзъ рождѣзъ учинилъ»), какъ и численныя люди всего Московскаго княжества, о которыхъ въ духовной сказано: «а численныя люди, а тѣ нѣдѣють смынове мон собча, а блюдутъ все съ од-ного». Этнхъ «членовъ» людей считаютъ, обычно, тожественными съ людьми письменными, данскими ¹⁾); дѣйствительно, это все термины, вытѣс-ненные вѣтвѣ терминовъ—тигале люди ²⁾). Разрядъ этотъ опредѣляется, съ точки зрѣнія княжескаго управления, какъ обложенный данью, основное назначеніе которой уплата татарскаго «выхода». Общее «нѣданіе» нѣзъ в нѣзъ блюдене «съ одного» всѣми тремя князьями-братьями, конечно подъ старшинствомъ в. к. Симеона, обеспечиваюаго единство московской финан-совой силы, столь важное въ эпоху борьбы за объединеніе въ рукахъ великаго князя всего «выхода» съ русскаго «зудуса». Повидному и поло-женіе, созданное для города Москвы духовной Калиты, надо полагать,

имѣть и ростовскнхъ предѣлахъ: это, надо полагать, возмы примыслим, сдѣлавше послѣ великаго первой грамоты и весьма возможно, что нѣзъ, какъ и самую грамоту, надо отнести къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія Ивана Калиты, когда оъзъ использовалъ свою ноуду надъ Тверью не только для усиленія своей вѣзтвоянско-ской власти, но и для «примысловъ» нѣзъ своей московской вотчинѣ.

¹⁾ Владимірскій Вудачевъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 130 (7-е изд.); М. А. Дьяковъ, Очеркы общественнаго и государственнаго строя древней Руси, т. I, стр. 315.

²⁾ Ср. напр., сопоставленіе этихъ терминовъ въ уставной грамотѣ 1530 г.: «человѣкъ вѣтвѣкой и письменной». Д. къ А. И., т. I, № 28.

как поручение вѣданымъ ей «собчѣ» и «съ охваного» всѣмъ тремъ братьямъ при раздѣлѣ между ними «городскихъ волостей»—доходить, что должно было внести въ управление ею вѣкоторую неопредѣленность и вызвало, повидимому, крупныя недоразумѣнія между князьими-братьями.

Всѣ эти черты «ряда» в. к. Ивана Даниловича опредѣляютъ единство Московскаго княжества и его владѣтельской княжьей семьи. Не разбито оно и тѣмъ раздѣломъ, какой учинилъ Иванъ Калита, опредѣливъ особымъ владѣніемъ внутри московской вотчины для каждаго сына и для вдовы-княгини съ ея дочерями. По этому раздѣлу старшій отчикъ Симеонъ получилъ Можайскъ и Коложну—два боевыя пункта московской полѣтницы, верховья и устья рѣки Москвы, а также рядъ крупныхъ волостей впасть по теченію Москвы рѣки отъ московскаго уѣзда и Горетовъ станъ, расположенный выше московскаго уѣзда по теченію рѣки и къ сѣверу отъ нее до верхняго течения Клязьмы. Второй Ивановичъ—Иванъ получилъ Звенигородъ и волости по р. Рузѣ до ея впаденія въ Москву рѣку и влѣчье, за Москвою рѣкой, а третій—Андрей княжилъ волости Московскаго княжества отъ Перемышля до Серпухова (включительно), такъ что волости его примыкали къ р. Олѣ; княгиня Ульяна съ дочерями—волости въ сѣверной части московской отчины, по р. Клязьмѣ ¹⁾. За долей каждаго князя въ общей отчизнѣ установилось вѣсковое поудѣбье названіе удѣла; Иванъ Калита еще не употребляетъ этого термина, а говоритъ о «возостяхъ», назначенныхъ сыновьямъ, объ «судѣхъ» каждаго изъ нихъ ²⁾, какъ и сыновья Калиты означаютъ эти доли—ва ряду со словомъ «судѣхъ»—выраженіями: «участокъ, чѣмъ я благословилъ отецъ мой» и «судѣхъ отца его» ³⁾. Раздѣлъ общей вотчины на такіе уѣзды-участки не предполагался окончательнымъ и безповоротнымъ; это не такой раздѣлъ «въ прокъ», которымъ бы разрушалось представленіе о единой вотчинѣ князей-отчиковъ. Духовная Калита предусматриваетъ возможность измѣненій въ общемъ составѣ московскихъ владѣній и, въ связи съ этимъ, частичнаго семейнаго передѣла: «а по мнѣмъ глѣхомъ ца княть искати татарове которыхъ волостей, а отовмутся, ванъ, сынокъ новиз, и княгини моеи подѣити вы ся оцѣть тыми волостями на то вѣсто». «Рядъ», данный в. к. Иваномъ сыновьямъ и вдовѣ-княгинѣ, «исходитъ изъ представленія о семейномъ владѣніи общей отчиной частью до долей-удѣламъ, частью совокупно; отъ недробить этой вотчины на вѣсколько «опричинить», которыя принадлежали бы имъ владѣльцамъ на

¹⁾ В. Н. Дебелъскій, Духовная и договорная грамоты московскаго князя, какъ историко-географическій источникъ,—въ «Запискахъ Им. Русскаго Археологическаго общества», т. XII.

²⁾ «также и мыты, которыми въ которомъ (вторая духовная: въ которого) уѣздѣ, по тому».

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 24 и 26. Терминъ «удѣль» впервые въ договорной грамотѣ в. к. Симеона съ братьями (тамъ же, № 23).

правъ «собственности»; нѣтъ и повода возбуждать вопросъ о правѣ отчужденія долей-удѣловъ въ заобщественныхъ или иныхъ порядкѣ, которое принадлежало бы имъ князьямъ-владѣльцамъ¹⁾.

III

Рядъ в. к. Ивана Даниловича оставилъ недоговореннымъ многое въ опредѣленныхъ имъ отношеніяхъ. Братья-Ивановичи дополнили этотъ рядъ

¹⁾ Одновременно съ раздѣломъ волостей между сыновьями и вдовой княгиней, в. к. Иванъ надѣляетъ ихъ селами, драгоценностями княжи споей, статьями дворцоваго хозяйства, предоставляетъ имъ омины подѣляться своими холопами, зарегистрированными въ особомъ „великомъ овертѣ“. Тѣ имъ сель этого надѣленія, какия подпадаютъ топографическому опредѣленію, либо подмосковныя, либо лежатъ въ тѣхъ волостяхъ, какия вошли въ составъ „уѣзда“ малюга дѣдоваго князя: напр., кн. Свѣносу дано село на Озернѣ въ Покровскомъ уѣздѣ, село Астафьевское, Колотавское, Островское, Оршинское, Константиново, Малаховское—внизъ по Москвѣ рѣкѣ отъ города и подмосковное Яврудское; кн. Иванъ получалъ, кромѣ подмосковныхъ (Семчицкое), села въ волостяхъ, Звенигородскихъ и Рузскихъ; князь Андрей—въ Перемишльскихъ и Серпуховскихъ (см. В. Н. Дебольскаго, указ. соч.). Это само по себѣ достаточно разъясняетъ предлоаутый вопросъ о границахъ или разлнчнхъ основаній княжескаго владѣнія волостями и селами. Волость—единица княжескаго владѣнія, на территоріи которой могутъ и быть, и не быть дворцовыя села. Вопросъ о частнопровозномъ или государственнопровозномъ характерѣ княжескаго владѣнія тѣми и другими—есть вопросъ о томъ, какия владѣнія стариннаго правового быта подводятъ подъ тѣ или иные привычныя нашему времени категоріи правовыхъ понатій. Поскольку постановка такого вопроса исходитъ изъ представленія объ этихъ категоріяхъ, какъ о какихъ-то чуть не апріорныхъ и вѣковѣчныхъ формахъ правосознанія, она ведетъ къ безполезной словесности въ тознаніи историческихъ явленій. Средневѣковое право и у вѣсь и на Западѣ тѣми и отличалось, что отношенія, для насъ рѣдко и принципиально различныя, какъ земельное владѣніе и врслендія, право на хозяйственные доходы и на доходы судебно-административныя или финансовыя—могли трактоваться съ одной и той же правовой точки зрѣнія, которая не подпадаетъ подъ наше представленіе ни о гражданскомъ, ни о государственномъ правѣ. Въ дѣйствительности различіе между владѣніемъ волостями и селами было весьма значительное. Терминъ „волость“—весьма широкъ; онъ означаетъ и финансовыя доходы („городскія волости“ дуговой Иванъ Калита) и единицу территориальнаго владѣнія и управленія съ правами на судебно-административныя доходы и на повинности населенія. Села—единица княжескаго земновладѣнія и дворцоваго хозяйства, но владѣніе имъ, кромѣ того, связано и съ правами такъ наз. „государственнаго“ характера; при возникновеніи владѣнія дворцовымъ селомъ на территоріи чужой княжеской волости получалось особое дробленіе судебно-административной власти: „а которымъ есмь дѣтемъ своимъ села подавалъ, въ чѣмъ удѣлъ имъ буди, чѣмъ въ дуговой грамотѣ я. к. Василія Васильевича, вѣо того и суди надъ тѣми селы, кому дано“. Что это не нововведеніе, а утвержденіе обшчной практики, вѣз за которой возникло много столкновеній, показывають борьба Великаго Новгородца противъ развитія княжескаго земновладѣнія на его территоріи и аналогичныя мѣры князей противъ вторженія инокняжескаго земновладѣнія въ область ихъ княженія.

условиями договора, скрепленного крестоцѣлованіемъ «у отца гроба»¹⁾. Возможно, что этому крестоцѣлованію предшествовали какіе-то недоразумѣнія между князьими-братьями. По крайней мѣрѣ на такое предположеніе наводитъ упоминаніе договорной грамоты о боярахъ, которые станутъ князей «сважнвати»²⁾, о томъ, что князьемъ нѣтъ за такой свады «челюбья не держати», а учинитъ «исправу» и «явноватаго казнити по исправѣ». А въ концѣ договорной грамоты упоминается кримола боярина Алексѣя Петровича противъ в. к. Симеона, при чемъ братья Симеона обязуются отступиться отъ боярина и кнѣзь не помогать ни ему, ни его семьѣ³⁾. Съ этими данными можно сопоставить увѣщаніе братьямъ, какое в. к. Симеонъ вѣстъ въ свою духовную, «лнги за однѣмъ», не слушать «ликихъ людей, кто кнѣзь нѣтъ сважнвати», а слушать митр. Алексѣя и старыхъ бояръ, кто хотѣтъ добра в. к. Ивану Даниловичу и князьемъ его сыновьямъ⁴⁾; а также — тотъ фактъ, что боярина Алексѣя Петровича видѣтъ при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ въ должностъ московскаго тысяцкаго, а затѣмъ убитымъ на московской площади, жертвой тайноустроенной смуты, вызвавшей отъѣздъ московскихъ «божьихъ бояръ» въ Рязань⁵⁾.

¹⁾ Договоръ в. к. Симеона Ивановича съ братьями (С. Г. Г. и Д., т. I, № 23); грамота сохранилась слабо поврежденной, но не настолько, чтобы не служить князьемъ источникомъ.

²⁾ «а кто кнѣзь васъ сважнвати нашъ.» [и боярѣ].

³⁾ «а что Алексѣй Петровичъ аще въ коромолу къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрѣю къ собѣ не приимати, ни его дѣтемъ, и не надѣятъ ни его къ собѣ до Олексѣева живота; волежъ въ немъ князь великій и въ его дѣтѣхъ»; эта формула выдана бояриномъ головой великому князю нѣко смѣтается очевидной, что и великому князю не приимать Алексѣя къ собѣ въ бояре, такъ какъ дажѣ опять условіе, указывающее на бывшую близость боярина ко князю Ивану: «а нѣтъ князю Ивану, что дажѣ князь великій въ Олексѣева живота, того ни Олексѣю не давати, ни его дѣтѣхъ, ни нѣмъ чѣмъ не подмагати нѣтъ».

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I № 24: «а по отда нашего благословенію, что намъ приказъ жити за однѣмъ, такоже и ятъ вамъ приказывамъ, своей братья, жити за однѣмъ; а ликихъ бы есте людей не слушали и кто кнѣзь васъ сважнвати, слушали бы есте отда нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣтъ отъи нашему добра и намъ».

⁵⁾ Въ Симеоновской летописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 99), подъ 6844 г.: «тоже же зимъ Феврала въ 3 день... убилъ бысть Алексѣй Петровичъ тысяцкий, убилъ же его дѣдко и како и невозможно, али ни отъ кого же яликъ же, токо обрѣтѣся дѣмал на площади; вѣдѣи же речеша яко въ таю съзѣтъ сотворилъ ѣ козь ловаша князъ, и тако всѣхъ (бояръ—Воскресскихъ) общимъ думомъ... пострада»; тоже въ Троицкой лѣт. (тамъ же, и Карамзинъ, т. IV, прим. 381) и въ Воскресенской (т. VIII, стр. 10). Никонская лѣт. (т. X, стр. 229) сохранила дополнителное извѣстіе: «и бысть мнѣже велѣи на Москвѣ ради того убійства; и тако той же зимы, по последнему пути, большіи бояре москостіи отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтми», а черезъ годъ «князь велики Иванъ Ивановичъ... переезъ къ собѣ княи

Техдокия духовной Ивана Казимы къ сохраненію единства княжой семьи и силъ княжества подъ старѣйшинствомъ в. к. Симеона получила въ договорѣ его сѣмьей дѣльнѣе развитіе. Тутъ находитъ опредѣленіе «одначества» князей и отношеній старѣйшинства. «Быти вы за одинъ до живота, а брата своего старѣйшого и нѣти вы и чтии во отцево и нѣсто; а брату нашему васъ и нѣти [въ братскѣ, безъ обиды во всякъ]; а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ»: эта формула вновь опредѣленно устанавливаетъ руководящую роль старшаго. «А гдѣ вы, говоритъ въ договорѣ старшій младшимъ, будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы со мною; а гдѣ ми будетъ самому не всѣсти, а будетъ ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья». Въ старѣйшинствѣ Симеона есть элементъ власти: нѣтъ и чти его «во отцево и нѣсто», князья братья повинны ему послушанію. Но они—не подручники, не князья служебныя: старѣйшинство комбинируется съ одиначествомъ на началахъ «братства» князей. Это отразилось въ договорѣ нѣсколькими чертами. Великій князь обязуется дѣйствовать въ согласіи съ младшими: «а тобѣ, господине князь великій, говоритъ онъ ему, безъ насъ не доканчивати ни съ князь; а братскѣ твоей молодшей безъ тебе не доканчивати ни съ князь». Далѣе, тщательно устранилась мысль объ отвѣтственности передъ великимъ княземъ за промахи въ военной охрѣтѣ: «а что си учинитъ просторахъ отъ мене или отъ насъ, или отъ моего тысяцкого и отъ нашихъ вѣстовниковъ, исправа вы учинити, а вельбѣя не держати»; наконецъ, устанавливается полная взаимность въ правѣ боярскаго отъѣзда: «а бояромъ и слугамъ вельбѣимъ воли; кто пойдетъ отъ насъ къ тобѣ, къ великому князю, или отъ тебе къ намъ, вельбѣя вы не держати», причемъ это право широко распространяется и на тѣхъ вельбѣимъ слугъ, «кто въ коренья бывають и въ доводѣ при нашемъ отиди и при насъ».

Договоръ в. к. Симеона съ братьями обеспечивалъ единство въ распоряженіи московскими военными силами; повидному (это и нѣсто въ гранотѣ

дну бояркомъ съестъ, или отъѣзди быти отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичъ" (такъ же, стр. 230). Возможно, что рѣчь идетъ о В. В. Вельмицкомъ, знаменитомъ «востыдцемъ тысяцкомъ» и что его же имя встрѣчаемъ подъ договорной гранотой в. к. Симеона съ братьями: «Великий... тысяцкій». Такое отождествленіе дало бы положеніе мотива всей оумты, какъ борьбы за должность тысяцкого и связанное съ нею значительное вліяніе. При вѣданіи Москвы воижи князьими-братьями «съ одного» тысяцкій должовъ былъ занимать особое положеніе—представителя княжеской власти, но не уполномоченнаго агента того или иного князя; отсюда должан были естественно возникать и попытки тысяцкаго играть болѣе независимую роль и причастность его ко всякому отожждовенію между князьими-совладѣльцами; отсюда и трагическая судьба ряда тысяцкихъ, какъ московскихъ (Алексѣй Петровичъ, В. В. Вельмицковъ), такъ и рязанскихъ (Ивановскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 120).

сильно попорчено), онъ развилъ и дополнилъ кѣры, указанныя въ духовной Калиты, для охраны единства и цѣлости финансовыхъ средствъ московскаго княжества, устанавливая запретъ покупать землю у чуждыхъ людей и забирать изъ санитъ на княжескую службу ¹⁾.

И старѣйшинство в. к. Симеона и братское равенство князей отразились на томъ раздѣлѣ, какое получили въ договорной грамотѣ условія «раздѣла», учиненнаго Иваномъ Калитою. Князья-братья не только «сопустились» в. к. Симеону «на старѣйшинство» большей долей московской «тамги», именно въ договорной, подѣлили между собой другую позованку, но признали такой дѣлежъ нормою и на будущее время: «я потому на старѣйшій путь, кто будетъ старѣйшій, тому полтамы, а молодшымъ двумъ полтамы; а оспорю того все на трою». На старѣйшій путь уступили они старшему брату, великому князю, и рядъ дворцовыхъ доходныхъ статей: пути сокольничій, конюшій и ловчій, сидовничковъ, повенность «ковъ ставитъ» и др. За то договорная грамота устанавливаетъ и основы «удѣльнаго» владѣнія: 1, его неправомерность—«какъ мы отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ты похъ ники блысти, а не обидѣти», съ распространеніемъ той же гарантіи на будущія приобретенія—«если кто възъ вась, брате... что прымисилъ или прикупилъ, или кто по семъ что кто прикупитъ или прымиситъ чужее... своихъ волостей, и того блысти, а не обидѣти»; 2, его наследственность—«кого възъ вась Богъ отведеть, печаловати князю его и дѣтиа какъ при животѣ, такъ и по животѣ, а не обидѣти тебе, ни ниати ничего ото князю и отъ дѣтиа, чикъ мы кого благословитъ отецъ нашъ по раздѣлу», и 3, его самостоятельность въ сферѣ княжого управленія—установлено право бояръ и вольныхъ слугъ служить, кому похотятъ изъ князей, и, по смерти кого-либо изъ нихъ, у его князю и дѣтей, притомъ съ обязаніемъ великаго князя за то «незавья не держати, ни послати безъ исправы, но блысти какъ и своихъ»; установлены сѣистый судъ въ искахъ между великокняжескими и удѣльными боярами и слугами и обязательство князей не посылать агентовъ своей власти въ чужой удѣлъ; установлено и запрещеніе великому князю, его боярамъ и слугамъ покупать села въ удѣлахъ князей-братьевъ, а чикъ—въ его удѣлѣ ²⁾.

Договоръ между Симеономъ, Иваномъ и Андреемъ Ивановичами актъ весьма своеобразнаго значенія. Въ немъ скрещиваются дѣй различныя системы

¹⁾ Вероятно, къ численнымъ людямъ относятся и слѣдующее дефектное изъство грамоты: «а которые люди по нашимъ волостемъ зымаемъ зыки... войим... намъ къ собѣ не прикмата; а которыхъ людей отецъ нашъ, князь великій, зымалъ изъ... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряжатъ, а намъ ихъ къ собѣ не прикмата».

²⁾ Запретъ, повидимому, не безусловный, если правильно дополнение словъ: «нашии удѣлахъ не купити, ни твоими боярами, ни слугамъ безъ»...—словами: «нашего вѣдома».

откошеиъ, такъ какъ этотъ актъ, съ одной стороны, есть рядъ великаго князя съ младшими владѣтельными князьями, а, съ другой, рядъ князей-братовъ, опредѣляющій условія удѣльнаго владѣнія общей отчиной.

Остановившись на дальнѣйшей судьбѣ этого послѣдняго. Цѣнный комментарий къ установлению перваго договора даетъ духовная грамота в. к. Симеона. Въ странномъ жаргонѣ повѣтрин 1358 года Симеонъ Ивановичъ потерялъ сыновей, а черезъ мѣсяцъ послѣ нихъ и самъ скончался, составивъ духовную грамоту—рядъ князей своей Маріи Александровнѣ. Содержаніе этого ряда построено на опредѣленіяхъ бывшаго между братьями договора: «положиша еси на Богѣ и на вась на своей братыи, пишетъ въ грамотѣ в. к. Симеонъ, тако пише близости на нашу докончашю, како тогда мы цѣловали крестъ у отца гроба». Симеонъ передаетъ женѣ своей все, чѣмъ его благословилъ отецъ, в. к. Иванъ Даниловичъ: Коложну со всѣми волостями и Можайскъ съ тязушники къ нему волостями, т. е. весь свой удѣлъ, съ нѣмъ и своей «жеревій» московской тамги ¹⁾, а также села, доставшіяся ему по ряду отца и по доволнительному ряду съ братьями, и свои примысли и прикуны, и всё свои крагоцѣваности. Такое приколнѣнное осуществленіе наслѣдственности удѣла явно грозило серьезной опасностью силѣ Московскаго княжества. Переходъ въ женскія руки, да еще въ руки бездѣтной вдовы, уроженки тверскаго князю дона, такъжъ важнѣйшия московскія владѣнія, какъ Можайскъ и Коложна, была недопустима политически. Отъ и не осуществилась. Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло. Знаемъ только—по духовной грамотѣ в. к. Ивана Ивановича ²⁾, что оба города въ рукѣ в. к. Ивана, притомъ съ волостями, хотя значительная часть этихъ послѣднихъ—въ пожизненномъ владѣніи княгини Марыи; но и волостяны отъ нея владѣла далеко не до смерти, можетъ быть потому, что удалилась въ монастырь ³⁾. Коложенскій удѣлъ—въ виду его исключительнаго политико-

¹⁾ Конечно, не положку, какъ-то «на старѣйшій путь» в. к. Симеону и тому, «кто будетъ старѣйшіи» послѣ него, какъ онъ передаетъ в. к. Симеонъ женѣ и дѣтямъ дворцоваго хозяйства, а только «изъ нова своихъ задомыкъ»—60 копей, а изъ старыхъ «отъ колоньского, другое стадо Дѣтано Иванычова».

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 26.

³⁾ Текстъ духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича содержитъ два, противоположны другъ другу, указанія на судьбу этихъ волостей: три изъ нихъ—Похряе, Песочка и Середокоротва указаны въ перечнѣ пожизненнаго владѣнія кн. Марыи, о которыхъ сказано: «а по ее животѣ, та волости еяму моему нелюбу Дмитрію»; а далѣе читается: «а се дакъ есмь княгини своей Олександрѣ изъ Коломенскыи волостей: Похряе, Песочку, Середокоротву», при чемъ волости эти должны перейти къ в. к. Дмитрію по смерти кн. Александры. Княгиня Марыя умерла въ 1399 г. (П. С. Р. Д., т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 72), переживъ и в. к. Ивана (ум. въ ноябрѣ 1358 г.) и его вдову княгиню Александру (ум. въ декабрѣ 1368 г.; П. С. Р. Д., т. VIII, стр. 13), но предоставленныя ей волости не остались въ ея рукахъ: часть

географического значенія остается, съ тѣхъ поръ—кажется, удѣломъ великокняжескимъ, какъ и опредѣлить въ своей духовной грамотѣ в. к. Дмитрій Ивановичъ: «а по грѣхотъ отыметь Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сыномъ мой, ино тому сыну моему князь Васильевъ удѣлъ». Такъ на первый же поразъ исторіи московской княжеской семьи, во второмъ и въ третьемъ поколѣніи, великокняжеское положеніе ея главы наложило свое печать на судьбы владѣнія по удѣламъ, подчиняя его неизбежнымъ политическимъ условіямъ.

IV.

Однако, въ другихъ отношеніяхъ—удѣльное владѣніе продолжало развиваться наперекоръ существеннымъ политическимъ интересамъ Московскаго княжества, постепенно расплывая тѣ основы его единства, какія пыталась обезвечить Илья Калита въ духовной и Симеонъ Ивановичъ въ договорѣ съ братьями.

Вскорѣ послѣ в. к. Симеона, лѣтомъ 1358 г., умеръ князь Андрей Ивановичъ. Его княжеское наследіе перешло къ сыновьямъ—къ Ивану, который всего на пять лѣтъ перемѣнилъ отца и умеръ отрокомъ, и Владиміру

кнѣ, именно волости коломенскіе, переданы в. к. Александръ въ пожизненное владѣніе. Редакція текста духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича вообще сотрала слѣды перемены на блго съ правленной черновой: такъ село «Мещерка у Коломна» пошло явно на недѣлавшее мѣсто съ приписки на черновой. Встанови при новой редакціи грамоты представляется и статья: «А се дальъ есмь княгини своей Александрѣ изъ коломенскихъ волостей...», причѣмъ въ проредактированныхъ заголо остались статья о пожизненномъ владѣніи коломенскими волостями кн. Марьи Ковачко, возможно было бы и другое предположеніе: что въ статьѣ о надѣленіи кн. Александры коломенскими волостями надо примысливъ оговорку о переходѣ нѣкъ этой княгинѣ по смерти кн. Марьи, во тогда вполнѣе отдѣленіе этой статьи отъ статьи о Залчковѣ и Заберегѣ, которая читается ниже въ духовной грамотѣ: «а что за княгиню за Марью Залчкову, Заберегъ съ мѣстои, то до ее княжота, а по ее животѣ—моей княгинѣ». Эти двѣ волости—изъ коломенскихъ и не часть удѣла кн. Симеона Ивановича, а его примысли: Залчковѣ по «благословенью» его тетки кн. Анны (договорная грамота в. к. Симеона съ братьями, С. Г. П. и Д., т. I № 23), Заберегѣ (Залчкова, Заберегъ)—по куплѣ у Симена Новосилскаго (духовная в. к. Симеона, тамъ же, № 24). Заберегъ—упоминается въ ряду верейскихъ волостей въ духовной в. к. Дмитрія Донского (тамъ же, № 34) и въ мѣстовой грамотѣ 1566 г. (тамъ же, № 187). О Залчковѣ встрѣчаемъ указаніе во второмъ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ (тамъ же, № 29) какъ о пожизненномъ владѣніи княгини (очевидно—Марьи), во въ духовной Донского и Залчковѣ и Заберегъ въ его владѣніи (встрѣчало потому, что кн. Марья въ току времена уже приняла постриженіе? записъ о ее кончѣ въ возмѣстѣ ея: «великая княгини Марія Семенова Ивановича, зареченная во княжескомъ чину Фетинѣ», а не говорить, какъ обычно при постриженіи на смертномъ одрѣ: «проставилъ въ чернѣхъ и въ снѣгѣ»).

Андреичу, родившемуся въ сороковой день отцовской кончины. Духовная в. к. Ивана Ивановича и договоры в. к. Дмитрія Ивановича съ кн. Владиміромъ показываютъ, какъ новое развѣтвленіе княжеской семьи, усилило раздѣльность владѣнія московской отчины по удѣламъ. В. к. Иванъ сохранилъ за племянникомъ долю его отца: «за Москвѣ въ наѣстничествѣ треть, въ тамбѣ, въ мѣстѣхъ и въ поминкахъ городскихъ треть и треть между оброчнаго»; великій князь даже отступился отъ рада преимуществъ «старѣйшаго путя», установленнаго при Синеозѣ: нѣтъ рѣчи о выдѣлѣ на долю «старѣйшаго» цѣлой половинки тамги, на трое дѣлится конюшій путь и «кони ставити по станомъ и по варикъ». Но Москву онъ приказываетъ только деути сымовляи своимъ, князю Дмитрію и князю Ивану. Старшему назначаетъ мезжайско-коломенскій удѣлъ; младшему — звенигородскій; а князь Владиміръ «вѣдаетъ убадѣ отца своего». «Убадѣ» этогъ потерялъ нѣкоторое уменьшеніе: Лопаства отошла къ Рязани, но князь Владиміръ получилъ великія Новыи Городецъ на усть-Поротан; остальныя же отошедшія къ Москвѣ «рязанскія мѣста» идутъ въ раздѣлъ «на помы» между сымовляи великаго князя.

Численныя люди «вся три князя блудутъ сонча, съ одного». По смерти княгини Ульяны ея волости и села и доходъ съ «осиничего» пойдутъ въ раздѣлъ, по выдѣлѣ волости Стружня и села Лучинскаго ея дочери, «на четверо, безъ обиды» между двумя сымовляи великаго князя, его вдовой-княгиней и кн. Владиміромъ; «а ца по грѣхомъ имутъ изъ Орды искати Коломны или лопастевскія мѣста или отъѣзжаютъ мѣста рязанскія, а ца по грѣхомъ отойметоя которое мѣсто, дѣти мои, князь Дмитрій и князь Иванъ, и князь Володиміръ въ то мѣсто и княгиня пойдѣютъ безъ пенными мѣсты».

Семейно-вотчинная группа еще стоитъ на сложившихся основаніяхъ ея строя. Владиміръ Андреичъ—еще въ полной мѣрѣ удѣльный князь московской вотчины. Черты нѣкотораго обособленія этого двоюроднаго въ княжескѣ брательствѣ еще незначительны. Но они будутъ крикнуть и выступить опредѣленнѣе въ дальнѣйшемъ развитіи междукняжескихъ отношеній.

По смерти в. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1358 г.) на московскомъ княженіи остались три намоштеннѣ князя—два Ивановича Дмитрій и Иванъ, и Владиміръ Андреичъ. Первый же договоръ, опредѣлявшій взаимныя отношенія старшаго Дмитрія съ «млодшнимъ» Владиміромъ¹⁾, устанавливаетъ

¹⁾ Этотъ договоръ заключенъ „по благословеню“ митр. Алексѣя; болѣе опредѣленная его датировка дѣлается въ литературу крайне сблѣчно. Въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (т. I, № 27) договоръ отнесенъ къ 1362 году; Карамзинъ отнесъ его къ 1364 г., какъ договоръ, заключенный послѣ кончины князя Ивана Ивановича (ум. 23 окт. 1363—3672 г.), по Карамзину 1364 г.) и в. к. Алексѣю (ум. 27 дек. того же года; ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13; т. X, стр. 3 и

понятіе дружъ отчина въ составѣ московскаго княженія: «тобѣ знати свое отчина, а мнѣ знати своя отчина». Владѣнія князя Владимира Андреевича—уже не удѣлы общей вотчины, а особая отчина; хотя та же грамота сохраняетъ слово «удѣль» для обозначенія владѣній князя Владимира, многозначительность формулы о дружѣ отчинахъ вскрывается дальнѣйшимъ развитіемъ отношеній.

Братъ Донского, князь Иванъ Ивановичъ—умеръ въ октябрѣ 1363 года. Его удѣлъ перешелъ въ обладаніе в. к. Дмитрія Ивановича. Произошло это въ годину послѣдней, рѣшительной борьбы за великое княженіе и окончательной побѣды в. к. Дмитрія надъ судальскими князьями Дмитриемъ Константиновичемъ и тѣми князьями, которые его поддерживали. Тогда же в. к. Дмитрій привелъ въ свою волю ростовскаго князя, а князей галицкаго и стародубскаго согнать съ ихъ княженій. Черезъ годъ князь Дмитрій Константиновичъ вовсе свирялся: когда его сынъ Василій съ татарами послонъ «вынесь изъ Орды великое княженіе отцу своему», князь Дмитрій «сотопулся великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу», а въ январѣ 1366 года выдалъ за него дочь свою Евдокію.

Ко времени послѣ всѣхъ этихъ событій относится второй договоръ в. к. Дмитрія Ивановича съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ¹⁾. Какъ

4, княжна в. к. Александръ подл. 6873 г.), вероятно потому, что въ договорѣ не упоминаютъ князя Ивана. С. М. Соколовъ повторилъ дѣлу С. Г. Г. и Д. Суденко А. В. Экземплярскаго замечаетъ: во II т., на стр. 366 онъ утверждаетъ, что этотъ договоръ состоялся послѣ октября 1364 г., такъ какъ иначе былъ бы упомянутъ иъ Иванъ, но въ I т., на стр. 94, онъ относитъ договоръ къ 1362 г.—къ моменту, когда московскіе бояре организовали походъ противъ иъ Дмитрія судальскаго, «князь съ собой гонѣлъ иъхъ князей, т. е. Дмитрія, Ивана и Владимира», мѣстоназванія Дмитрія Константиновича изъ Переяславля и Владимира и вернулись въ Москву, послѣдъ Дмитрія Ивановича за великомъ княженіемъ; изъ этого, кажется, времени, замѣчаетъ А. В. Экземплярскій, надобно отнестъ его договорную грамоту съ двоюроднымъ братомъ его, Владимиромъ: конечно, бояре позаботились для устранения въ будущемъ какихъ либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ*. Только эта послѣдняя датировка вытекаетъ за себя опредѣленнымъ основаніемъ. Если въ договорѣ не упоминаютъ иъ Ивана, то это еще можно объяснить тѣмъ, что у него, за малолѣтствомъ, не было своего двора и что составъ онъ въ той же смѣшкѣ истр. Алекса и московскихъ бояръ, какъ и в. к. Дмитрія; напротивъ, трудно допустить, чтобы по смерти иъ Ивана заключенъ былъ договоръ, гдѣ не было бы упоминаванія о его званіигородскомъ удѣлѣ: в. к. Дмитрій выступаетъ тутъ владѣльцемъ только того «удѣла дѣди своего князя великаго Семеновича», т. е. новгородско-вологодскаго, какинъ его благословилъ отецъ его в. к. Иванъ. У князя Владимира—былъ свой дворъ—бояре его отца, и договорное опредѣленіе его отношеній къ в. к. Дмитрію было естественно и даже необходимо.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 26. Договоръ этотъ дошелъ до насъ въ сильнѣ попорченномъ видѣ; мѣстами его содержаніе не поддается сколько-нибудь надежному восстановленію. Въ С. Г. Г. и Д. онъ датированъ 1371 г., очевидно—какъ годотъ рожденія князя Василія Дмитриевича, вѣду упоминавша въ грамотѣ о великокняжескомъ сынѣ. А. В. Экземплярскій относитъ грамоту ко времени между 1359 и 1363 г. г.

ни трудно приурочить этого договоръ къ определенному хронологическому моменту, какъ на отрывочномъ разрушенномъ временемъ текстѣ этой грамоты, онъ все таки даетъ рядъ дѣльных указаний, важныхъ для исторіи московскихъ междукняжескихъ отношеній.

Заключеніе договора было связано съ «пожалованіемъ» князю Владимиру Андреевичу в. к. Дмитріемъ Галича и Дмитрова «съ волостями и съ селы», и съ установленіемъ новыхъ условій о раздѣлахъ и взаимоотношеніяхъ княжого владѣнія. Измѣненія въ составѣ владѣній кн. Владимира ставили его владѣльческое положеніе на новыхъ основаніяхъ. В. к. Дмитрій ему «дасть въ удѣлъ» Галича, Дмитрова и волости; эти новоприобрѣтенныя владѣнія кн. Владимира называеь въ грамотѣ: «мой удѣлъ, чѣмъ я есмь, господине, пожаловалъ», противопоставляя ихъ своимъ наследственнымъ владѣніямъ: для обозначенія всей совокупности своихъ владѣній кн. Владимира употребляеть выраженія: «въ моей вотчинѣ и въ удѣлѣ», «а въ вотчину ты, господине, въ мою и въ удѣлъ даищиковъ ты своихъ и приставовъ не всылати». Крѣпнеть и опредѣляется представленіе о двухъ вотчинахъ въ составѣ Москов-

на основаніи словъ: «...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тебя, князь великому, великое...», такъ какъ въ 1363 г. закончилась борьба за великое княженіе, а «что-нибудь другого великаго, кроме великаго княженія, договоривающіеся не могли вознать» (указ. соч., т. II, стр. 221). Однако, такая датировка грамоты неправомерна, какъ потому, что весь ея текстъ, вслѣдствіе отъ сохранился, трактуетъ Дмитрія Ивановича, обладателемъ великаго княженія (кромя титула, обязательство кн. Владимира «не всылати» великаго княженія подъ в. к. Дмитріемъ я его дѣтями, упоминаеіе о оборѣ даенъ съ вотчинами великаго князя и съ великаго княженія), такъ и потому, что въ ней упоминаюто о пожалованіи в. к. Дмитріемъ «въ удѣлъ» князю Владимиру Галича и Дмитрова, устанавливается и рубежъ этихъ владѣній, что возможно только для времени послѣ 1368 г., т.-е. послѣ изгнанія изъ Галича послѣднато великаго князя; наконецъ упоминаніе о «двухъ веробахъ» въ удѣла князя Ульяма, доставшихся в. к. Дмитрію, указываетъ на время послѣ кончины кн. Ульяма (1363 г.), а упоминаніе о сызѣ в. к. Дмитрія («тобе, брата своего старѣйшаго, князя великаго себе отцемъ а сына твоего...» и «а ци Богъ размыслитъ о снгу твоёмъ...») отодвигаетъ дату грамоты во времени не ранѣе конца 1366—начала 1367 г., если допустить, что рѣчь идетъ о первенцѣ в. к. Дмитрія Данилѣ, который умеръ, по видимому въ младенчествѣ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 337—«Давало малой»; т. VIII, стр. 56; т. IX, стр. XV; т. XI, стр. 121), такъ какъ в. к. Дмитрій женился въ январѣ 1366 г. Мало существенно для приуроченія этой грамоты указаніе календя на ея оборотѣ, что отъ заключенія «при Оленѣе митрополитѣ всея Руси», т.-е. ранѣе 1378 г. Однако, всего вѣроятнѣе отнестя ее, согласно С. Г. Г. и Д., къ 1371 г. Три ея мѣста — три дефектныхъ отрывка дають неустранимое впечатлѣніе тревоги за великое княженіе и за владѣнія, пожалованныя кн. Владимиру в. к. Дмитріемъ: 1) [велико]...е княженіе, а отъ мене мой удѣлъ, чѣмъ я есмь, господине, по...[жаловалъ]; 2) «лицо от...[обмуча?] и 3) «...пожалуетъ насъ Богъ, найдемъ тебя, князь великому, великое...» [княженіе?]. Въ ряду событій послѣдте 1366 г. можно указать лишь одинъ моментъ, которыймъ посвящался бы подобная тревога: въ 1371 г. тверской князь Михаилъ Александровичъ вывелъ изъ Орды яригъ на великое княженіе и началъ борьбу съ Дмитріемъ Ивановичемъ при помощи литовской рати.

скаго княжества: потомковъ в. к. Ивана Ивановича и его брата Андрея. Владѣя своей вотчиной, кн. Владимиръ получалъ долю—«удѣль» въ новыхъ прибрѣтенныхъ великаго князя, преемственъ, котораго дого не забывали младше князья московскаго княжескаго дома. А в. к. Дмитрій владѣеть, кромѣ великаго княженія, своею московскою вотчиной и удѣломъ¹⁾, причежь послѣдній терминъ означаетъ въ этой грамотѣ, повидимому, ту долю новыхъ прибрѣтеній, которая осталась въ рукахъ великаго князя за удѣломъ кн. Владимиру пожалованнаго ему удѣла. Владѣя каждый своею вотчиной, князья подѣлялись по удѣламъ²⁾ новыми прибрѣтеніями, яли, точнѣе, в. к. Дмитрій произвелъ зтоу раздѣлъ своею властью, «по сгадѣ» съ кн. Владимиромъ, закрѣпиль его въ договорной грамотѣ, какъ свое «пожалованіе». Договоръ опредѣляетъ отношенія не только двухъ князей, но и двухъ главъ княжескаго дома, такъ какъ содержитъ взаимную потомственному гарантію владѣній³⁾.

Такъ во вторыхъ поколѣніяхъ потомковъ Калиты получала дальнѣйшее развитіе раздѣльность владѣнія по удѣламъ, установленная въ договорѣ в. к. Симеона Ивановича съ братьями. Обособленіе вотчинъ Владиміра Андреевича получило наглядное выраженіе и въ быту княжескомъ. Городскіе центры удѣловъ старшаго поколѣнія—Могайскъ, Коломна, Звенигородъ, Серпуховъ—не были столькими городами. А кн. Владимиръ Андреевичъ походилъ серпуховской князь. Договоръ его съ в. к. Дмитріемъ, только что раскритичившій, зачатаятъ, отважно, лишь переходящій моментъ въ отношеніяхъ, подвизная фактическая обстановка котораго намъ точнѣе неизвестна. Нѣтъ основанія полагать, что владѣніе Галичскъ и Дмитровскъ закрѣпилось за Владимиромъ Андреевичемъ хотя бы на иѣкоторое время: князья даже утверждаютъ, что оно вообще существовало. По свидѣтельству третьяго договора между в. к. Дмитріемъ и кн. Владимиромъ Андреевичемъ⁴⁾, еще при жизни митр. Алексѣя и при его посредничествѣ кн. Владимиръ получалъ отъ в. к. Дмитрія Лужу и Боровскъ⁵⁾, сверхъ того и праращенія его

¹⁾ „А коли ти, господине, будетъ взята дань за своей вотчинѣ и за великомъ княженіемъ...“ и ниже: „также и мнѣ, брату твоему молодшему, въ сочелу въ твоѣмъ въ удѣлѣ дашинномъ ми своихъ не взымати“.

²⁾ Слово удѣлъ и въ этой грамотѣ означаетъ долю, полученную путемъ раздѣла (или вадѣла), но по существу относится къ владѣнію иного типа, чѣмъ удѣламъ—участки сменовы Калиты, такъ какъ въ данномъ случаѣ отсутствуютъ предпосылки о единой вотчинѣ, которой вотчичи владѣютъ по удѣламъ, а стало быть, теряютъ свою твердую основу характера особености такого владѣнія—возможность точнѣшаго передѣла и право остальныхъ вотчичей на вымороченнѣ удѣлъ князя—собрата.

³⁾ „Вотчинны ми, господине, твоѣе и великаго княженія... ми подѣ тобою не жскати и подѣ твоими дѣтьми, ни жомъ“... (дѣтьми), „и ж твоими дѣтьми полѣ мои дѣтьми“; „благости, а не обидѣти, и твоимъ дѣтьми“.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 88.

⁵⁾ „и ты мнѣ потомъ твоимъ добикъ отцю мнѣ Алексѣемъ митрополитомъ всемъ Русю, и лѣзъ тебе пожаловалъ, дать ти есмь Лужу и Боровскъ“.

владѣній, какое вызвано было кончиной княгини Ульяны¹⁾, а не Галицы и Дмитровъ²⁾.

Этого третій договора, заключенный уже въ 1390-хъ г.г., по благословенію митр. Пимена³⁾, даетъ, благодаря лучшей сохранности текста, болѣе точное опредѣленіе «вотчины» великаго князя, на которую не должно кн. Владиміръ имѣть какія-либо притязанія. Эта вотчина—то, чѣмъ в. к. Дмитрій благословилъ отецъ его в. к. Иванъ Ивановичъ: два жребія въ городѣ Москвѣ, въ городскія ставалы и доходахъ, Коломна, Можайскъ и Звенигородъ со всѣмъ, что къ нимъ таково. Владѣніи князя Владиміра состоятъ изъ отцовскаго наслѣдія—третьи въ городѣ Москвѣ, городскія ставалы и доходы и отцовскаго удѣла, а также новыхъ приобретений—Городца (полученнаго кн. Владиміромъ взамѣнъ Лопастыи, которая отошла къ Рязаню), Лужы, Боровска и волостей изъ бывшаго удѣла кн. Ульяны.

Въ 70-хъ г.г. XIV в. кн. Владиміръ Андреевичъ выступаетъ серпуховскимъ княземъ-вотчинцемъ, устройтеlemъ своего стольнаго города и каменника. Въ 1371 г. онъ женился на дочери в. к. литовскаго Ольгерда, а въ 1374 г. князь Володиміръ Андреевичъ заложилъ градъ Серпуховъ въ своей отчизнѣ и повелъ въ единомъ дубу срубить его; живущихъ же ту человѣкомъ и

¹⁾ „и что ти он достало удѣла княгинина Ульянина“. Дата кончины вдовы Ивана Калиты неизвѣстна, но скопчалась она разѣ заключенія второго договора в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. По духовной в. к. Ивана Ивановича конюши, сова и осмичеи, назначенныя ей въ удѣлъ духовной Ивана Калиты, приказанъ ей показанному владѣніемъ, съ тѣмъ, чтобы по ея смерти всѣмъ этимъ подвѣялась „на четверо безъ обиды“ князья Дмитрій и Иванъ Ивановичи, кн. Владиміръ Андреевичъ и княгиня Александра, вдова в. к. Ивана Ивановича. Кн. Иванъ и кн. Александра скопчались въ 1369 г. Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ указываетъ на то, что великому князю досталось „два жеребья“ изъ удѣла княгини Ульяны (притчавшійся ему и брату его Ивану).

²⁾ Второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ упоминаетъ также объ усюнкѣ великимъ княземъ Владиміру данъ въ Перемишлѣ, Растовцѣ и Кошовомъ Вродѣ: великій князь обязуется не посылать въ эти мѣста своихъ дашчиновъ; третій (1390 г.) упоминаетъ объ отчизнѣ этого помалованія: „и что ти се есмь былъ отступилъ данъ въ Растовцѣ и въ Перемишлѣ, а на то вы сдѣли свои дашчинны выѣсты, какъ было при вѣномъ дѣлѣ, при великомъ князѣ и при князѣ отчизнѣ“.

³⁾ Договоръ этого содержитъ указаніе, что заключаетъ онъ послѣ разирыи между князьями: „пріялъ есмь въ любовь брата своего молодшаго и своего сына князя Володиміра Андреевича и докончалъ есмь и цѣловалъ есмь крестъ у своего отца у митрополита“. „Разирыи бысть великому князю Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володиміромъ Андреевичемъ“ читаемъ въ гѣтописи подлѣ 1388 г., а затѣмъ: „въ лѣто 6897 марта 25, въ Благовѣщеніе князь великій Дмитрій Ивановичъ зал миръ и прощаніе и любовь съ княземъ Володиміромъ Андреевичемъ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52). Дата договорной грамоты—1389 г. (въ С. Г. Г. и Д.—1386, вѣроятно, по мартовскому лѣтоисчисленію).

приходящимъ отъиуды, ту жити хотящимъ, подаетъ многу волю и льготы; нагѣстничество же приказавъ въ градѣ томъ Якову Юрьевичу Новосельцу, окольничему своему; затѣмъ князь заложилъ, при участіи св. Сергія Радонскаго, храмъ во имя Зачатія св. Богородицы, а при землѣ учредилъ общинательный монастырь; въ 1870-хъ же годахъ сооружена была и соборная церковь св. Троицы, обѣ освященія котораго читаемъ похв. 1880 г. ¹⁾ Серпуховъ становится степнымъ городомъ особаго вотчиннаго княжества.

V.

Удѣльное владѣніе, какъ долеее владѣніе общей вотчиной гнѣсколькихъ князей-отчичей, было весьма непрочной и неустойчивой основой для сохраненія единства семейно-владѣльческой группы и ея вотчиннаго княженія. Тенденція къ распаду такого княженія на отдѣльныя обособленныя вотчины, съ ослабленіемъ и болымаъ разрывомъ владѣльческихъ связей между прежними частями единого цѣлаго, должна была признана существенной его чертой. Она и сказывается въ третью половину московскихъ Давыдовичей. Полному ея осуществленію противодействуютъ, конечно, иные мотивы междукняжескихъ отношеній, которыя—въ противоположность владѣльческимъ, можно назвать политическими: выше были подчеркнуты опредѣленія духовной Казны и договора в. к. Симеона съ братьями, направленные на сохраненіе единства боярской и финансовой силы Московскаго княжества. Однако, и въ этой области отразилось усиленіе раздѣльности княжескаго владѣнія, которая грозила перейти отъ владѣнія по удѣламъ къ обособленію отдѣльныхъ вотчинъ. Договоры в. к. Дмитрія съ Владиміромъ Андреевичемъ заводятъ на любопытныя наблюденія надъ борьбой за сохраненіе единства Московскаго княженія подъ старѣйшинствомъ Дмитрія Ивановича противъ нарастающаго удѣльно-вотчиннаго распада, проявленія котораго въ сферѣ между княжескихъ политическихъ отношеній тѣ же договоры даютъ, однако, гнѣкоторую санкцію.

Договоры эти стоятъ—въ принципѣ—на почвѣ договора в. к. Симеона съ братьями. «А жити ны по тому», уговариваются князья въ первомъ изъ нихъ, «какъ то отцы наши жили съ братомъ своимъ старѣйшимъ, а дядю нахннъ со княземъ съ землякомъ съ Симеономъ»; та же формула и въ третьемъ договорѣ; читалась бы она, конечно, и во второмъ, если бы сохранилось его начало. Однако, братское равенство и владѣльческая самостоятельность младшаго князя выражены—въ рядѣ пунктовъ—опредѣленнѣе и рѣче. Формула договора в. к. Симеона съ братьями: «а гдѣ ны будетъ вѣсти на конь, вѣсти вы на конь безъ осушанья, а гдѣ ны будетъ самому не

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19, 21 и 34.

вѣсти, а будетъ на васъ послати, вѣсти вы на конь безъ ослушанья— полюбавая въ первую изъ договоровъ кн. Владиміра. Сохранилъ обязательство младшаго князя посылать «безъ ослушанья» воеводу, бояръ и слугъ въ походъ съ великокняжескими войсками, договоръ говоритъ о службѣ «безъ ослушанья» младшаго князя старѣйшему «по згадѣ, како будетъ мѣй слычно и тобѣ, брату моему молодшему», но предвидитъ личное участие его въ походѣ только при личномъ же выступленіи великаго князя: «коли ти будетъ вѣсти со мною на конь». На дѣлѣ кн. Владиміръ Андреевичъ не разъ ходилъ въ походъ по посылкамъ великаго князя, и договоръ 1389 г. вернулся къ формулѣ перваго договора московскихъ князей, сыновей Казимы ¹⁾.

Подробно развита въ договорахъ гарантія самостоятельной территориальной власти ²⁾ и власти надъ зависимыми отъ князя людьми ³⁾. Однако, въ послѣднемъ отношеніи полное разграниченіе другъ княжескихъ властей встрѣчало неодолимыя препятствія въ расчлененіи бояръ и слугъ одного князя во владѣніяхъ другого, что поддерживалось и свободой отъѣзда. Договоры в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ устанавливаютъ подчиненіе бояръ и слугъ по данн и военной службѣ мѣстной княжеской власти, по мѣсту жительства и землевладѣнію, на началахъ полной взаимности ⁴⁾,

¹⁾ «А коли ми будемъ самому вѣсти на конь, а тобѣ со мною; или ти кудаи пошлю, а твои бояре съ тобою». Возможно, что уже во второмъ договорѣ отпала мысль, что двоюродный братъ лично выступать только при личномъ же выступленіи великаго князя, но каярнее сказать нельзя, что въ немъ было прописано: отъ разрушеннаго временемъ строка остались только слова: «безъ ослушанья». Сама мысль эта, вѣроятно, не чужда укладу между княжескихъ отношеній еще въ отарой Киевщинѣ, ср. «Княжое право», стр. 75.

²⁾ Гарантія взаимная: во владѣніи другъ друга не всылать ни дощечковъ, ни приставовъ, не давать жалованныхъ грамотъ, не покупать въ чужикъ предѣлахъ сая, не держать ни закладной, ни оброчниковъ, ни князей, ни его бояръ.

³⁾ Въ договорѣ 1389 г.: «а ударитъ ми челоу мѡй на твоего, кто живеть въ твоёмъ удѣлѣ, и мѡй послати къ тобѣ, и тобѣ ему асправа учинити; а ударитъ ти челоу твоемъ на моего, кто живеть въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ князествѣ, и тобѣ послати ко мѣй, и мѡй ему асправа учинити, а за княи слати вамъ своихъ бояръ». Претензіи князей къ боярамъ другъ друга разрѣшаются съѣсными судами, которымъ можно свое разногласіе перевести на третейское рѣшеніе: «а чего ми будитъ искати на твоихъ боярахъ или чего посканъ тобѣ на моихъ боярахъ, вамъ отослати отъ себе по боярну, тѣ тому дѣлу учинити исаралу; а ци о каковѣ дѣлѣ мѡи себе сопрутасъ—хѡти мѣй на третія, кого себе изберутъ, тамо хѡти промовитасъ» (первый договоръ). Такимъ же порядкомъ разрѣшаются и пререканія самихъ князей; договоръ 1389 г. добавляетъ лишь указаніе, что роль третейскаго суда исполняютъ, въ такомъ случаѣ, митрополиту, и лишь при замѣтности митрополита—возможенъ выборъ «кого себѣ изберутъ».

⁴⁾ Первый договоръ (тѣсть дефектный): «а коли мѡй будетъ, брате молодшіи, и давъ злати на своихъ боярахъ въ великомъ князествѣ, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ князествѣ..... ми давъ злати, какъ и на своихъ».... Договоръ

тѣмъ самымъ укрѣпила самостоятельность власти территориальной. Осложнились эти отношенія и особымъ значеніемъ Москвы, гдѣ у князей удѣльныхъ были свои дворы, свои бояре и слуги, свои доходимыя права. Договоръ в к. Симеона съ братьями обеспечивалъ права удѣльныхъ князей отъ полномочія старшаго брата и его наместниковъ, и тотъ же порядокъ нѣсколько отчетливѣе опредѣляетъ въ договорѣ в к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ¹⁾: московскіе суды судить великій князь или его наместникъ, но слогъ приставовъ за чуждымъ бояриномъ не посылать, вызовъ боярина на судъ—дѣло власти князя, кому этотъ бояринъ служитъ, а наместникъ удѣльнаго князя присутствуетъ на судѣ, блюде интересы праваго суда и княжого судебного прибытка.

Еще сложнѣе были отношенія по сбору дани. Въ своей вступилъ кн. Владиміръ Андреевичъ выдѣлъ самостоятельному финансовую власть, а «ордынскую тягость и проторъ» выплачиваетъ великому князю съ своего удѣла, по давнымъ сверткамъ. Такъ—по первому его договору съ в. к. Дмитріемъ. А договоръ 1389 г. устанавливаетъ дою въ ордынской тягости и «проторѣ»—съ его удѣла и доставшейся ему трети владѣній кн. Ульяны въ 5320 рублей, «а прибудеть ли, убудеть ли, ино по розочту», притомъ съ обязательствомъ принять на себя «по тому же по розочту» дою въ долгахъ золотоордынскимъ купцамъ и князятинимъ капиталыстамъ²⁾.

1389 г.: „а хто иметь жити моятъ бояръ и моего сына князю Вясилювичю и моятъ дѣти въ твоимъ удѣлѣ, бжати ти нѣтъ какъ и своихъ, и дань вати какъ на своихъ; а хто иметь жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княжествѣ, а тѣхъ намъ бжати, какъ и своихъ, и дань вати, какъ и на своихъ“. О розочтѣ службъ: „а коли ми будетъ послати на рать своихъ воювати, а твоихъ бояръ хто иметь жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княжествѣ, тамъ похати съ моихъ воювати, а моихъ потому же съ твоимъ воювати“.

3) Дефектный текстъ: „... московскіе имуть бити челоуъ тоба, князь великому на нашихъ бояръ и слугъ московскихъ,—аже будаши въ Москвѣ, тобѣ судити, а ми съ тобою въ судѣ шлѣ, господни; опрочъ Москвы—слати къ твоиму наместнику и къ нашимъ .... чиняти исправу московскимъ бояромъ и слугамъ, а приставовъ ти не слати“. Въ договорѣ 1389 г.: „а судюти ти [князь Владиміру] московскихъ безъ моятъ наместниковъ не судити, а нѣтъ ему московскимъ суди судити; тѣмъ ми съ тобою дѣлати, а буду опрочъ Москвы, а ударитъ ми челоуъ москвитинъ на москвитина, пристава имъ дати, а послати ми въ своемъ наместникомъ, и ми исправу учиняти, а твои наместники съ нами; а ударитъ ми челоуъ хто кѣтъ великаго князя на москвитина, на твоего боярина, а мѣтъ пристава послати по него, а тобѣ послати за своимъ своего боярина“. Великій князь—согласно обѣимъ договорамъ—не посылать пристава для зова на судъ бояръ и слугъ кн. Владиміра, который самъ ставитъ на судѣ своихъ людей, но судъ не симонный, а великаго князя или его наместника, а наместникъ удѣльнаго князя „съ ними“—ради доми въ судебномъ доходѣ („тѣмъ же съ тобою дѣлати“).

4) „Васермичній долгъ и проторъ“—задолженность великаго князя въ Орду. „Русскій долгъ“, повидимому, тотъ долгъ, что сдѣлалъ въ Константинополѣ на ния

Договоры предвидят случаи, когда потребуются чрезвычайный сборъ дани—той, что въ жалованных грамотахъ именуется «данью немилучей»; когда великий князь возьметъ эту дань на своихъ боярахъ, то и удѣльный обязуется взять ее на своихъ боярахъ и внести въ казну великого князя¹⁾.

Хотя въ договорахъ и к. Дмитрія съ кн. Владимиромъ Андреевичемъ нѣтъ оговорокъ, какую встрѣчаемъ позднѣе, когда удѣльный князь заявляетъ великому въ договорной грамотѣ: «а переимнѣтъ Бога Орду, не внемъ даяти татарамъ, а коли учнешь имати дань съ своею отчины съ великого князенья себѣ, и нѣтъ тогда съ своего удѣла имати дань собѣ», но представлено, что только «ордынская тягость» связываетъ удѣльного князя по сбору и выплатѣ дани въ великокняжескую казну, несомнѣнно лежуща въ основѣ нѣтъ финансовыя отношенія. Это сказывается въ договорныхъ опредѣленіяхъ о тѣхъ доходахъ, которые князья «блудутъ» еще «съ одного». Сборъ московскихъ городскихъ дани—въ городѣ и по ставкамъ и по переварамъ (вариямъ)—производить данщики обонихъ князей, хотя все что они соберутъ идетъ въ казну великого князя, потому что онъ выплачиваетъ татарскій «выходъ»²⁾. Если же отпадетъ уплата «выхода», предполагается раздѣлъ дани: «а еже ны Бога избавитъ, ослободеть отъ Орды, аю мѣтъ даи жеребѣи, а тобѣ третья», говоритъ въ договорѣ 1389 г. великий князь удѣльному.

Традиціонная улагодь возрѣшій и отношеній утверждаетъ, какъ морку, полную раздѣльности восточной власти при владѣніи общей отчиной по удѣлахъ, тѣмъ болѣе по превращеніи удѣловъ-долей въ обособленныя восточными княженіи.

к. к. Дмитрія въ 1377 г. Пиманъ, добивался поставленія на митрополию вмѣсто умершаго Митая: «Пиманъ же кабаломъ ономъ великого князя съ своими советники повелюваша въ ростъ на мня великого князя у фразъ и у бесорменъ, ростеть же сребро то и досади» (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32).

¹⁾ Дефектная часть перваго договора даетъ слѣд. указаніе: «а коли ми будетъ брате молодшій, и дань вяти на своихъ боярахъ въ великомъ князеньи, а кто будетъ твоиць боярь и слугъ въ великомъ князеньи.... ми дань вяти какъ и на своихъ»; второй договоръ содержитъ тоже постановленіе на случай, когда великому князю «будеть вяти дань на своей отчинѣ и на великомъ князеньи», причѣмъ согладалъ и вторую половину уговора: и удѣльному князю въ своей «отчинѣ и въ удѣлѣ» брать дань съ великокняжескихъ боярь, чѣмъ сама лежать въ предѣлахъ его княженія. Договоръ 1389 г., кромѣ этого согласенія (боярь, слугащій одному князю, а живущій во владѣніяхъ другого, «блудитъ какъ и своихъ и дань вяти—какъ и на своихъ»), содержитъ и другое: «а коли ми вяти дань на своихъ боярахъ на большинѣ и на путыжѣ, тогда ти вяти такъ же по кормленю и по путыжѣ, да дати ти мѣтъ, а то спроче того урока трехъ сотъ рубльнъ и дватцати» (разумѣется, очевидно, упомянутый выше «урокъ» въ 5290 р., т. е. въ грамотѣ описна на пять тысячъ р.).

²⁾ Первыи договоръ: «а коли ми будетъ слани свои данщикъ въ городъ и на переварѣ.... а тобѣ свои данщикъ слати съ своими данщикъ вѣботѣ»; договоръ 1389 г.: «а что кази данщикъ оберуть въ городѣ и въ ставкамъ и въ перевахъ тому ити въ мою казну, а мѣтъ даяти выходъ».

Однако, еще Каята противопоставилъ въ своемъ предсмертномъ радѣ этой тенденціи къ неотчуждому распаду ограниченіе самостоятельной власти удѣльныхъ князей, основанное на столь же традиціонныхъ началахъ княжого единства подъ старѣйшинствомъ старшаго изъ данной, московской группѣ князей. Сила и смыслъ старѣйшинства видоизмѣнились и осложнились въ Москвѣ соединеніемъ его въ одномъ лицѣ съ великокняжеской властью. Договорными грамоты великихъ князей-старѣйшинъ по всей братѣ, князьяхъ Московскаго княжества, съ младшими, удѣльными—отразили исkanie компромисса между двумя противоположными тенденціями между-княжескихъ отношеній.

Въ договорѣ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ повторяется запретъ князьямъ и ихъ боярамъ покупать села и держать зависимыхъ людей въ чужихъ предѣлахъ, но практика вольной службы неизбежно создавала землевладѣніе этого запретнаго типа и привела къ компромиссу «блюденья», подчиненія военному командованію и сбору дани—не по личной волеизъявленности, а по мѣсту землевладѣнія. А, вѣсть съ тѣмъ, само право отъѣзда потеряло въ первомъ договорѣ названныхъ князей нѣкоторое ограниченіе, сравнительно съ договоромъ в. к. Симеона съ его братьями: «а который бояринъ поѣдетъ искормленъ отъ тебе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тебѣ,—такъ уговариваются в. к. Дмитрій и кн. Владиміръ,—а службы не отслушавъ, тому дати кормылене не испрашъ, а либо служба отъслужити ему; отъѣздъ кормленщиковъ осложняется требованіемъ предварительнаго отказа и расчета. Этими усиленно подчеркивалась раздѣльность служебныхъ и административныхъ отношеній. Но въ области управленія военными силами провести ее было трудно. Удѣльный князь обязуется посмать въ походы своихъ бояръ и слугъ «безъ ослушанья»; поэтому не оставлено на его усмотрѣніе освобождать тѣхъ или иныхъ изъ нихъ отъ выступления въ походъ: это дѣлается лишь съ доклада великому князю, «по гадцѣ» обоимъ князьямъ¹⁾; а нѣтъчиковъ-ослушниковъ караетъ великій князь при участіи удѣльнаго²⁾. Таковы условія перваго изъ договоровъ в. к. Дмитрія и Владиміра Андреевича; договоръ 1389 г. ихъ не повторяетъ, что, быть можетъ, надо признать указаніемъ на упадокъ этихъ формъ великокняжескаго контроля надъ удѣльной боевой силой.

Въ сферѣ финансовыхъ отношеній наблюдаемъ тѣ же колебанія и компромиссы. Раздѣльность сбора дани по территориальному владѣнію стоитъ рядомъ съ повтореніемъ соглашенія: «а численныхъ людей бавести мы съ одного»³⁾ и съ совмѣстной дѣятельностью обоимъ князьямъ по сбору

¹⁾ «а кого моя останити у тебе бояръ, про те ти мене доложити, то вы учинити по гадцѣ: кому будетъ сачтено ся остати, тому остатиси; кому ѣхати, тому ѣхати» (первый договоръ)

²⁾ «а кто ся ослушавъ, того ми казнити, а тебѣ браху моему со мною» (тоже).

³⁾ Первый договоръ: «а которые слуги покыжи къ дворяскому, а черныи люди

цѣлаго ряда доходовъ. Но первое изъ этихъ соглашеній стоить теперь въ связи, судя по договору 1389 г., съ мѣрами для охраны земельнаго обеспечения и личнаго состава черныхъ людей отъ ихъ расхищенія не только изъ пользу дворцоваго хозяйства князей, но и въ пользу боярскаго и монастырскаго земледѣлiя; эти мѣры, какъ и охрана состава слугъ, которые тянутъ къ дворянину, и служилки земель, носятъ уже характеръ не столько опредѣленiя междукняжескихъ отношенiй и разграниченiя вѣчной власти между князьями, сколько общихъ мѣропрiятiй князей по управленiю силами и средствами княжества. Наряду съ установленными въ договорѣ порядками по управленiю военной силой и сбору дани въ великокняжескую казну, эти мѣры—яркое свидѣтельство живой потребности единства въ наиболее существственныхъ сторонахъ управленiя Московскихъ княжествами.

На поддержку и укрѣпленiе этого единства направлены усилiя в. к. Дмитрiя, иритою едва-ли слѣдуетъ или разсматривать эти связи съ его борьбой за усиленiе въ великокняжеской власти. Борьба московскихъ князей за власть въ Московскомъ княжествѣ—не самостоятельное явленiе, а одинъ изъ моментовъ или борьбы за великокняжескую власть надъ всей Велико-россiей: вѣдь они не «московскiе» великiе князья, а владимирскiе и всей Руси. Сопоставленiе договорныхъ отношенiй в. к. Дмитрiя съ его тверскими и рязанскими договорами—даетъ ясное тому свидѣтельство.

Но и самые договоры в. к. Дмитрiя съ кн. Владимiромъ Андреевичемъ даютъ это свидѣтельство о стремленiи къ усиленiю великокняжеской власти, которое преобразуетъ—въ московской почвѣ—смыслъ стариннаго старшiнства и самое понятiе о немъ. Устанавливается элементъ властнаго подчиненiя въ отношенiяхъ между старшимъ и младшимъ князьями. Связывался онъ, конечно, и въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, но тутъ находимъ дальнѣйшее его развитiе. Первый же договоръ между князьями Дмитрiемъ и Владимiромъ содержитъ формулу: «а тобѣ, брату моему младшему, князю Володимiру держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти нѣ хотѣти во всемъ»—формулу, которая опредѣляетъ отношенiе младшаго князя не къ старшiннѣй во всѣхъ князьяхъ Московскаго княжества, а къ великому князю всей Руси. Формула

къ отиному, тыль имъ въ службу не приймай, но бѣствы имъ съ одного, такоже и члсеныхъ людей". Во второмъ—не новый отрывокъ: „а въ члсеныхъ людѣхъ тобѣ, князю великому“..., какъ бы заключающiй на раздѣль (ка дѣль третi и третъ). Въ договорѣ 1389 г.: „а члсеныхъ людѣхъ бѣствы имъ съ одного, а земля нѣхъ не купити; а которые слугы къ дворяному, а черныи люди къ ставовоцку, тыль ихъ службу не примаити, а бѣствы имъ нѣхъ съ одного, а земля нѣхъ не купити“; и ниже: „а хто будетъ покунитъ земли дапыи служни или черныи людѣхъ, по отъ моего животѣ, по князи великого по Ивановѣ, а тѣ хто зможего выкупити, по тѣ выкупити, а не змогутъ выкупити, и тѣ потянутъ къ черныи людямъ; а хто не въсочетъ таяти, и тѣ ои земля съступитъ, а земли черныи людѣмъ даромъ“.

подчиненного единчества (кто старшему другу или недругу, тот и младшему другу или недругу) допознана такая определенность вѣрности этому единчеству, которое обычно и въ определяющих вѣрной боярской службы: «а что ты слышавъ о мѣѣ отъ крестьянина да, отъ поганкина да о моемъ добрѣ или о лхѣ, или о нашей отчизнѣ и о всѣхъ крестьянахъ, то то мѣѣ повѣдати въ правду безъ прикльщеня, но цѣловалью»¹⁾. Правда, договорная грамота тщательно сохраняетъ при каждой изъ такихъ формулъ оговорки, охраняющія грань между простой службой великому князю и братсканъ, хотя и подчиненнымъ, единчествомъ съ нимъ: кромѣ общаго положенія—«а мѣѣ, князю великому, тебе, брата своего, держати въ братствѣ безъ обиды во всемъ», великій князь призываетъ свою обязанность на съ князь не заключать договоры и не вѣсти переговоры безъ младшаго князя²⁾, сообщать ему, съ своей стороны, что узнаета «о добрѣ или о лхѣ». Но оговорки эти не умаляютъ руководящаго положенія великаго князя и подчиненности младшаго; ихъ взаимныя отношенія мало разнятся отъ отношеній боярской мольной службы, разъ и она сочеталась съ обязанностью добраго совѣта, сознаваемой не только какъ реальная необходимость, но и какъ боярское право. Служба младшаго князя великому «безъ ослушанья» лишь условно и не безъ натяжки сочетается съ такой характеристикой, какую даетъ съ договорная грамота, обязаю младшаго служить великому «безъ ослушанья по загодѣ, како будетъ мѣѣ слыно и тобѣ, брату моему молодшему», да еще при обѣщаніи великаго князя «корысти» младшаго «по его службѣ». Второй договоръ, заключенный великимъ княземъ въ моментъ тревоги и затрудненій, казавшихся опасными,

¹⁾ Ср. напримѣръ, П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219: «были челоми великому князю въ службу бояре новгородскіи и всѣ дѣти боярскіи и жаны да приказаво вышлю отъ него; и князь велики выслати за ними Ивана Тозарюча..., а вѣдѣтъ ити князь велики говорити: въ которой грамотѣ великимъ княземъ крестъ цѣловалесте, по той бы грамотѣ государемъ своимъ и правлахъ есте по тому же крестному цѣлованью; а что услышиши кто у брата своего у новгородца о великомъ князехъ о добрѣ и о лхѣ, и вамъ то сказати своимъ государемъ великимъ княземъ».

²⁾ Въ первомъ договорѣ: «а тобѣ брату моему молодшему безъ мене не докучити, ни съемати ни съ князь же, такоже и мѣѣ безъ тобо»; въ договорѣ 1380 г.: «а тобо брату моему молодшему и моему сыну безъ мене и безъ моль дѣтии не качивати ни съ князь же, и мѣѣ бесъ тобо». Кн. Владиміръ Андреевичъ и на дѣлѣ исполнивой участникъ договоровъ в. к. Дмитрія съ кн. Михаиломъ Тверскимъ (тутъ вмѣстѣ съ Великимъ Новгородомъ: «а на самъ на всемъ, брате молодшій князь великій Михайло Олександровичъ делуй по мѣѣ крестъ къ брату къ старшему князю великому къ Дмитрію Ивановичю, къ моему брату князю Володиміру Одрѣвичю и къ нашей вотчинѣ къ Великому Новгороду»;—С. Г. Г. в Д., т. I, № 28) и съ в. к. Ольгердомъ, причѣмъ устанавливаются договоръ и скрѣпляются его крестоположеніемъ посамъ отъ великаго князя отъ Дмитрія Ивановича и отъ князя Володиміра Андреевича—С. Г. Г. в Д., т. I, № 31; съ кн. Олегомъ Рязанскимъ—тамъ же, № 32; съ Великимъ Новгородомъ—А. А. Э., т. I, № 8.

давалъ кн. Владимиру рядъ уступокъ, которыя были, однако, тотчасъ взяты назадъ, и договоръ 1389 г. еще рѣшительнѣе опредѣляетъ его зависимость отъ великокняжеской власти. Въѣсто прежней формулы, обвѣщающей его «иждѣи брата своего старѣйшаго князя великаго Дмитрія въ отца и вѣсто», находимъ тутъ его обязательство иждѣи великаго князя отцовъ, его старшаго сына—братомъ старѣйшимъ, второго—братомъ (равнымъ), а меньшихъ—братомъ младшимъ; «честно и грозно» держать великое княжение не только подъ самимъ великимъ княземъ и подъ его старшимъ сыномъ, но и подъ остальнымъ его потомствомъ; блистать подъ кѣмъ не только изъ московскую вотчину, но и великое княжение; служить великому князю безъ еслушанья; ходитъ въ походы со своими боярами, куда оя пошлетъ. Изъ оговорокъ, гарантировавшихъ братское одиначество князей (въ противоположность подчиненію служебныхъ подручниковъ) уцѣлѣли только упоминаніе о важной солидарности при заключеніи договоровъ и обѣщаніе сообщать другъ другу вѣсти, какія кто услышитъ отъ христіанна или отъ поганяна.

Взятая въ цѣломъ, договорная отношенія в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ проникнуты глубокой двойственностью. Естественное развитіе удѣльнаго владѣнія вело къ распаду Московскаго княжества, единой вотчиной потомковъ Калиты, на отдѣльные вотчины княжескихъ лнній его потомства. Но процессъ этотъ встрѣтилъ, на первыхъ же порахъ, энергичное противодѣйствіе въ пользу усиленія великокняжеской власти. Разложеніе прежней основы московскихъ междукняжескихъ отношеній—семейно-вотчиннаго одиначества—создало условія, благоприятныя для перестройки этихъ отношеній на новомъ основаніи, уславная, въ то же время, самую потребность въ такой перестройкѣ.

Соединеніе великаго княжества и двухъ московскихъ удѣловъ въ рукахъ в. к. Дмитрія давало ему огромный перевѣсъ силы надъ кн. Владиміромъ; къ тому же рядъ княжескихъ правъ и доходовъ Владиміра Андреевича былъ неотдѣлимъ отъ великокняжескаго управленія в. к. Дмитрія Московскимъ княжествомъ. И великому князю удалось не только положить предѣлы вотчинному обособленію Серпуховскаго княжества въ составѣ московскихъ владѣній, но и усилить элементы власти въ своихъ отношеніяхъ къ младшему князю. Форма традиціоннаго старѣйшинства начинаетъ замѣняться новыми—вещнокняжескимъ содержаніемъ. А тѣмъ самымъ постепенно стирается грань между московскимъ вотчиннымъ старѣйшинствомъ и великимъ княженіемъ вселъ Руси. Въ договорѣ съ кн. Владиміромъ в. кн. Дмитрій утверждаетъ силу своихъ вотчинныхъ правъ на московскую отчину и на великое княжество Владимірское, требуя ихъ укрупненія за собой и своимъ потомствомъ¹⁾. Его дужовная грамота, со-

¹⁾ Второй договоръ: вотчимъ ми, господаню, твою и великого князья... не подь тобою не исхати, не подь твоими дѣтми, не юмкъ* (дѣтми). Договоръ

составлена въ то же почти время какъ и послѣдній изъ договоровъ съ кн. Владиміромъ, проводитъ ту же тенденцію къ сближенію московской вотчины съ великокняжескими владѣніями, московскаго старѣйшинства съ великокняжеской властью: уваслѣдовать отъ Владимірскихъ великихъ князей задачи великокняжескаго старѣйшинства надъ всеми князьями Велико-россія, власть московскаго государя куется изъ вотчинныхъ началъ новое орудіе для ихъ разрѣшенія.

Духовная грамота, в. к. Дмитрія Ивановича (вторая) ¹⁾ документъ столь же сложнаго содержанія, какъ и его договоры съ кн. Владиміромъ. Въ основѣ своей эта «духовная грамота» — семейный рядъ отца-вотчинника дѣтямъ и вдовѣ-княгинѣ. У великаго князя пять сыновей; эта семейная группа «приказана» княгинѣ-вдовѣ: «а вы, дѣти мои, живите за оудѣю, а матери свое слушайте во всемъ», читаемъ въ началѣ грамоты; и слова въ ея заключительной части: «а приказала есмь свои дѣти своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, слушайте свое матери во всемъ, изъ ее воли не выступайтеси ни въ чемъ, а который смыслъ мой не ибѣтъ слушати свое матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья». Смерть волюстей и созъ, назначенныхъ княгинѣ въ пожизненное владѣніе изъ удѣловъ всѣхъ сыновей, она владѣетъ и своею опричиною, которая состоитъ изъ ея собственнаго «прикунова» ²⁾ и великокняжескаго «примислова» ³⁾, перечисленныхъ въ грамотѣ: «а тѣми своими примислы всѣми

1389 г.: «тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Андрѣевичу держати ти нодо мвое и подъ моиѣмъ смыкомъ подъ княземъ подъ Васильемъ и подъ моиѣмъ дѣти князьство мое чество и грозно»; — «а чимъ ми благословитъ отецъ мой князь великий Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ ставѣхъ два жеребѣя и пошлаѣи всѣхъ два жеребѣя, также и Коломна съ волостми и Суздорой съ волостми и Можайскъ съ волостми и отъзавдими мѣсты и великимъ князьствомъ, того ти подо мвое вѣсти и подъ моиѣмъ смыкомъ подо княземъ подъ Васильемъ и подъ моиѣмъ дѣти».

¹⁾ Сохранился дѣй духовнаго Дмитрія Донскаго, но отъ первой, составленной еще при митр. Алексѣѣ, уцѣлѣлъ только малозначущій конецъ. Вторая грамота упоминаетъ княжца Петра (род. 1365 г.), но не упоминаетъ о Константиѣ (род. въ маѣ 1389 г.). Не упоминаетъ духовная грамота и о митр. Пименѣ; можетъ быть потому, что писана послѣ его отъѣзда въ Константинополь (уѣхалъ 13 апреля 1389 г.). Тѣмъ же даннымъ соотвѣтствуетъ и датировка грамоты временемъ между 1385 и 1386 г. г. (послѣ рожденія княжца Петра и до возверенія въ Москвѣ митр. Пимена, вторичнаго). Однако, слова духовной грамоты: «а которые деревки отомилалъ былъ князь Володимеръ отъ Литвинскаго саяа княгини моеѣ къ Верендѣвѣи свободѣ, а тѣ деревки потавутъ къ Литвинскому селу моеѣ княгини» указываютъ скорѣе на время послѣ розмиры князей и ихъ примиренія. Рѣшаетъ вопросъ, — въ повѣсть млада 1388 — нач. 1389 г. ожидавше рожденія сына (Константина): «а дастъ ми Богъ сына, а княгини мои подѣлятъ его, возми по части у большіе его братья».

²⁾ Эти «прикусы» княгини утверждаются за ней словами: «то еѣ и естъ», такъ какъ не духовная создаетъ еѣ право на эти владѣнія.

³⁾ Великій князь даетъ своей княгинѣ нѣсколько своихъ «примисловъ» и

благословилу книгу свою, а въ тѣхъ примѣстѣхъ полна моя книга, смылу ли которую дастъ, по душѣ ли дастъ, а дѣти мои въ то не вступаются. По смерти мужа, книга-я-вдова остается главою семь. Въ случай смерти одного изъ сыновей книга дѣлится его удѣлу между остальными: «второму что дастъ, то току и есть, а дѣти мои изъ се волн не вынутъ (ся)». Ей же предстоитъ надѣлать ожидаемаго сына, «возня по части у большіе его братья»; она, своею матернею властью, проведетъ частичный передѣлъ, если «у котораго сына убудеть отчымъ».

Не лѣзть изъ подъ этой матерней власти и старшіи сыны, князь великій. Но его удѣлъ, коломенскій—на особомъ положеніи: этотъ удѣлъ не идетъ въ раздѣлъ въ случай безнаследной кончины великаго князя, а переходитъ цѣлкомъ къ слѣдующему брату по старшинству, «а того удѣломъ подѣлится икъ книгѣ». При сохраненіи авторитета матери, какъ главы семь, в ея власти въ вопросахъ удѣлаемого владѣнія, старшіи братья, князь великій, заимлетъ отна по отношенію къ младшимъ: «а дѣти мои, младшая братья князя Васильевы, иштаетъ икъ в. к. Дмитрію, «читате и слушайте своего брата старѣйшего, князя Василья, въ мое мѣсто, своего отца. Но они ему—не подручники; онъ долженъ держать икъ «въ братствѣ, безъ обиды».

Князь Владиміръ Андреевичъ, отчичъ серпуховской, стоитъ въ сторонѣ отъ этой семейной группы. Духовная л. к. Дмитрія не опредѣляетъ и не укрѣпляетъ за нимъ его владѣльческихъ правъ: вѣдь это его собственныя вотчинныя права, а рядъ в. к. Дмитрія касается только личной семьи великаго князя. О князѣ Владиміріи духовная только упоминаетъ по поводу его права на треть въ городѣ Москвѣ, «чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Андрей», да въ случайныхъ ссылкахъ при распоряженіи селомъ съ починкомъ и деревнями, которые «отшли» отъ него къ великому князю. Раздѣлъ московскаго княжества на дѣи вотчимъ выступаетъ въ духовной в. к. Дмитрія съ полной опредѣленностью.

А своей вотчиной князь Дмитріевичи будутъ владѣть по удѣламъ. Старшему—Василію названъ удѣлъ Коломенскій со всими Коломенскими волостями; второму—Юрію Звенигородскій, Андрею—Можайскій съ волостями, Можайскими и «отъзданными», Петру—Дмитровскій. Князь Иванъ Дмитріевичъ, оставленъ безъ удѣла, хотя «удѣломъ» названъ въ грамотѣ его отчичина изъ двухъ волостей и одного села съ починкомъ; это его отчичина въ томъ смыслѣ, что великій князь опредѣляетъ: «въ томъ

„купель“; въ томъ числѣ: „а что ми дала книга Федосы Суду за Вязьморѣ да Колашку и Слободу и что благословила книгу мою Городецкомъ да Волоцкомъ, та мѣста владѣтъ книга Федоса до своего живота, а по ее животѣ то книги мои“. О князѣ Федосѣ, вдовѣ по князю киевскомъ Давидѣ Семеновичѣ, см. у Памзова-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (Сочиненія, т. III), стр. 5—5.

удѣль носить сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тону дастъ, а судѣльзъ лишь въ общемъ значеніи—долн¹⁾. Четыре удѣльных князя маѣлемъ и селамъ, московскими и юрьевскими, а городъ Москва князю четвертымъ приказанъ, съ сохраненіемъ за княземъ Владиміромъ его вотчинной трети. Но при этомъ слова возникаютъ, какъ въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями, представленные о „какоморомъ лишиѣ «на старѣйшій путь»: Василію Дмитріевичу отцѣ назначилъ «на старѣйшій путь» дѣльную половину своихъ «двухъ жеребьевъ»—«въ городѣ и въ ставѣхъ» и въ городскихъ помянать, съ раздѣломъ другой половины между остальными тремя сыновьями; ему же «на старѣйшій путь» большая часть въ медовыхъ доходахъ («Васильцено сто и Добрятинская борть съ сезомъ в Добрятинскиахъ»); все-же остальное—«сборгидца въ ставѣхъ въ городскихъ и конюшій путь и сокозничій и ловчій»—пойдутъ всѣмъ четвертымъ поронну, какъ и половина тамги, другая половина которой назначена вдовствующей княгинѣ либѣстѣ съ «восмичнимъ»²⁾.

¹⁾ Сказаніе „О житіи и о преставленіи царя Рускаго, великаго князя Дмитрія Ивановича“ называетъ князя Ивана пятымъ сыномъ в. к. Дмитрія, но этого перечня расположено не по старшинству князей, такъ какъ седьмымъ названъ „старѣйшій“ Данилъ; въ такомъ порядкѣ перечня можно видѣть отраженіе духовной грамоты, такъ какъ выше въ сказаніи находимъ сообщеніе о четырехъ удѣлахъ князей Дмитріевичей, а упоминаніе о „пятомъ“ Иванѣ, шестомъ Константиѣ, который былъ „мешій всѣхъ дѣтей его“ и остался по отцѣ „четверодѣльцемъ“ и „седьмомъ“—„старѣйшемъ“ Данилѣ, который „прежде преставиша“—носитъ характеръ правяски въ концѣ сказанія о погребеніи в. к. Дмитрія. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 58). Роздольные перечни князей (напр., т. V, стр. 90; т. VII, стр. 237; т. IX, стр. XV) то пропускаютъ кн. Ивана, то вставляютъ его имя послѣ кн. Петра, руководствуясь, вѣроятно, сказаніемъ. Что Иванъ былъ старше Петра видно изъ его упоминанія въ летописномъ сказаніи о бою на Куликовомъ полѣ (П. С. Р. Л., т. IV², стр. 315), какъ третьего, послѣ Василия и Юрія. Исключительное положеніе князя Ивана, выдѣленнаго по обычаямъ вдовствующей дочери, а не сыновей, но княженіемъ, а небольшою опрочавшою объявлено, вѣроятно, его богатствомъ. Овъ скончался въ 6901/1393 г. (т. VIII, стр. 63).

²⁾ Особое благословеніе „на старѣйшій путь“ привнесено въ грамотахъ только къ доходнымъ статьямъ въ городѣ Москвѣ, городскихъ ставѣхъ и путяхъ дворцоваго хозяйства. В. О. Каючской расширилъ смыслъ этого понятія, подводя подъ него весь перечень силъ старшаго князя московскаго надъ младшими, какой создается тѣмъ, что этотъ князь былъ, въ то же время, великимъ княземъ (Курсъ русской исторіи, т. II, лекція ХХII, отдѣлы: „Усиленіе старшаго насажденка“). Но если княженіе иногда не жаловалось отцѣмъ старшему сыну „на старѣйшій путь“; замѣчаніе В. О. Каючскаго, что налѣшекъ, который давался „на старѣйшій путь“ является до времени Дмитрія Донскаго „очень малозначительнымъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ лишанихъ городовъ или селъ, изъ нѣсколькихъ лишанихъ доходовъ, но съ завѣщаніемъ Дмитрія Донскаго этотъ налѣшекъ на старѣйшій путь получаетъ все большіе размѣры“—опозновано. Во-первыхъ, налѣшекъ „на старѣйшій путь“ появляются впервые въ договорѣ в. к. Симеона съ братьями и состоитъ только изъ круглой доли въ тамгѣ и дворцовыхъ путяхъ, и въ томъ же видѣ, лишь болѣе ограниченнымъ,

Книгой вѣдывается въ эту удѣльно-вотчинную духовную грамоту особая статья о великокняжескихъ владѣнiяхъ. Она утверждаетъ вотчаинное право в. к. Дмитрія на великое княжение: «а се благословенъ сына своего князя Василья своимъ отчиномъ великимъ княжениемъ»; недавнiй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владимiромъ Андреевичемъ закрѣпляетъ это право за московской великокняжеской семьей обязательствомъ князя Владимiра держать великое княжение «честно и грозно» подъ в. к. Дмитріемъ, его сыномъ Василіемъ и подъ всѣми дѣтими великаго князя. Но подчиненіе великаго княженія вотчинному праву привело къ попыткѣ, правда нерышительной и осторожной, использовать великокняжескія владѣнiя для дополнительнаго надѣленія удѣльными князьями. Къ статьѣ о благословеніи старшаго сына великимъ княжениемъ прикидается, вѣдъ связи съ опредѣленіемъ состава удѣловъ младшихъ сыновей, къ надѣленію «вулжани» Ивана Калиты—Галичи, Вязоверомъ и Угличемъ ¹⁾, а также назначеніе адюнктуальной княгини въ пожененное владѣніе волостей изъ великаго княженія, а именно изъ переплывскаго и костромскаго уѣздовъ, изъ волостей галицкихъ и

вожанделья вновь изъ духовной Довского. Во-вторыхъ, постепенное превращеніе великаго княженія Владимiрскаго изъ вотчину московскихъ государей—не можетъ быть сведено къ эффектной, но исторически-неправильной схемѣ постепеннаго заростанія «византизма на старшейшій путь». Поэтому ошибоченъ и весь расчетъ Ключевскаго о соответствіи реальной силы великаго и удѣльныхъ московскихъ князей (тамъ же, стр. 46—47). Онъ ошибоченъ арифметически, какъ всякая операція съ разнородными, нечлоставно-различными единицами, и исторически, такъ какъ игнорируетъ то космическое обстоятельство, что перевѣсъ въ массѣ владѣльческихъ средствъ и у Семеона и у Довского надъ младшими князьями не сводился къ тому, что значилось за оми въ духовныхъ ихъ отнош.: вѣдъ были же оны великими князьями, владѣли средствами великаго княженія, и въ этомъ отношеніи упоминали о немъ въ духовной Довского вачебъ каибъши не могло; даже напротивъ—выдѣлять младшимъ князьямъ долей изъ великокняжескихъ владѣнiй грозило дробленіемъ великокняжеской силы. В. О. Ключевскій довелъ до крайности наблюденіа С. М. Соловьева надъ духовными Ивана Калиты и Дмитрія Довского. Ср. замѣчаніе Соловьева, что «величье удѣловъ свидѣетъ (въ духовной Калиты) старшинству» (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 346) и его же слова по поводу духовной Довского объ усилеиіи «старшаго сына на въ примѣръ прочимъ областямъ В. Княженія, областямъ уже теперь вѣрномъ, переходившемъ какъ отчине» (тамъ же, стр. 406); но Соловьевъ не использовалъ этихъ наблюденій для построенія на вѣдъ цѣлой схемы, подобно Ключевскому, конечно потому, что правильно относилъ «смаженіе» всѣхъ московскихъ удѣловъ (московской вотчины) съ великокняжескою областью Владимiрскою во времена, когда Василій Темный одождѣтъ смуту, ипотрошумъ при немъ остатки старыи традиціа («Исторія Россіа», кн. I, стр. 1187); ср. тоже у Чичерина «Обытъ по исторіи русскаго права», стр. 253.

¹⁾ Ср. замѣчаніе С. М. Соловьева: «Благословеніа старшаго Василія цѣломъ областію В. Княженія Владимiрскаго, Дмитрія, какъ бы для вознагражденія, отдѣтъ остальнымъ 3 сыновьямъ города, купленные еще Калитой и окончательно присоединены только имъ: Юрію Галичу, Андрею Вязоверу, Петру Угличу» (Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 106).

бѣлозерскихъ, и доли въ владимирскихъ и переяславскихъ селгахъ; при томъ — отдѣльно отъ назначенія ей же волостей и селъ изъ удѣловъ этихъ четырехъ сивостей. Квалификація Галича, Бѣлозера и Углича, какъ «купель» хѣдовскихъ, не привела къ нѣкъ связи съ московской вотчиной, которой князь владѣлъ по удѣламъ, и не разорвала ихъ связи съ великокняжескимъ княженіемъ. Выше уже было замѣчено, что эта квалификація звучитъ мотивированной защитительнаго распоряженія или и обличаетъ, тѣмъ самымъ, характерное колебаніе въ попыткѣ прикѣпить вотчинное право къ великокняжескимъ волостямъ. Мотивы этого колебанія могли быть различны: проводя въ жизнь предположеніе о великомъ княженіи, какъ своей отчизнѣ, и включая его въ составъ объектовъ защитительнаго распоряженія, в. к. Дмитрій тѣмъ самымъ ставилъ на очередь вопросъ, захватить ли вотчинное владѣніе по удѣламъ в область великаго княженія. Сопоставляя съ этой чертой духовной граноты в. к. Дмитрія содержаніе второго вѣдоговоровъ его съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, когда великій князь пожелалъ двоюродному брату Галичу и Дмитроу «въ удѣлѣ», можно заключать о коренномъ перерожденіи, какое переживалъ понятіе «удѣльнаго» владѣнія и связаннаго съ нимъ отношенія уже во времена в. к. Дмитрія. Передача князю Владиміру Галича и Дмитрова «въ удѣлѣ» — не осуществленіе его права на долю въ общей вотчинѣ, а великокняжеское «пожалованіе», закрѣпленное договоромъ («надѣлъ») въ духѣ старыхъ кіевскихъ отношеній, властью старѣйшаго во всѣхъ князьяхъ русскихъ); благословеніе Галича, Бѣлозера и Углича трехъ Дмитріевичей — сверхъ назначенныхъ имъ удѣловъ въ московской вотчинѣ — носятъ тотъ же характеръ не вотчиннаго раздѣла, а произвольнаго надѣленія властью великаго князя. При этомъ особое вниманіе заслуживаетъ судьба Дмитрова, который оказался, по духовной в. к. Дмитрія, исключеннымъ изъ составъ удѣловъ московской вотчины: оторванный отъ комплекса галицкихъ владѣній Дмитроу инкорпорировать въ составъ московскихъ владѣній и стоять особо отъ Галича ¹⁾.

¹⁾ Судьбы Дмитрова тѣсно связаны съ исторіей Галича (см. Энциклопедическаго, т. II, стр. 340—341), но слабо отразилась въ нашихъ источникахъ; лѣтописные своды даютъ о Дмитроу лишь случайнымъ упоминаніемъ. Новгородской лѣтописи пришлось дозволить ихъ по родословнымъ источникамъ. «Галицкимъ и дмитровскимъ» называлась она князь Давыда Константиновича, сообщая о его кончинѣ подл 1280 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 155); повидимому, Дмитроу только одианмъ имѣлъ особаго князя — Бориса Давыдовича, который въ Новгородской лѣтописи называлъ — въ свѣдѣніи о его кончинѣ подл 1334 г. (тамъ же, стр. 206) княземъ дмитровскимъ, въ отличіе отъ его галицкаго брата Бедора, умершаго въ 1335 г. (тамъ же, стр. 207); ср. Энциклопедическаго, т. II, стр. 215. Если это и такъ, то все-таки, у насъ нѣтъ основаній представлять себя Дмитроу стольнымъ городомъ особаго княженія; такое значеніе за нимъ не закрѣпилось и онъ остается галицкой волостью. Въ московскія руки онъ долженъ былъ попасть послѣ того, какъ Дмитрій Донской согласъ съ Галича послѣдственаго галицкаго князя; второй договоръ в. к. Дмитрія съ кн. Владиміромъ Андрее-

Все развитие княжого владѣнія и междукняжескихъ отношеній въ Московскомъ княжествѣ произошло подъ давленіемъ особымъ условій, создаваемыхъ закрѣпленіемъ великокняжеской власти въ рукахъ московскаго старѣйшины. Значеніе великокняжеской власти и ея особой позитивн. и отрицат. функций видоизмѣняло укладъ княжого единства и подлинный смыслъ старѣйшинства. Усиленіе великокняжеской власти углубило противорѣчіе между ея стремленіемъ и потребностями и семейно-вотчиннымъ укладомъ московскихъ княжескихъ отношеній. Сынъ и внукъ Дмитрія Донскаго переменили затяжной и тяжкій кризисъ этихъ отношеній, который зародился еще при в. к. Дмитрія, а разрѣшеніе получалъ только при Иванѣ III Васильевичѣ.

вѣдомъ еще указываетъ на связь Дмитрова съ Галичемъ, но затѣмъ в. к. Дмитрій исключаетъ Дмитрова изъ состава удѣловъ московской отчины, назначая его сыну Петру. Галичскій владѣлецъ кн. Юрій Дмитріевичъ сохраняетъ и поддѣе приглашеніе на Дмитрова.

ГЛАВА V.

Тверская отчина потомков в. к. Михаила Ярославича.

I.

Неудача тверскихъ князей въ борьбѣ за руководящее положеніе въ великорусскомъ политическомъ мірѣ: замкнула Тверское княжество въ исторической жизни и исторической политикѣ. Правда, традиція о быломъ, болѣе широкомъ значеніи Твери и ея князей долго еще живеть въ тверской письменности, вознужаетъ тверскую правящую и книжную среду, вызывая, по временамъ, порывы на новую борьбу и тягу къ возвышенію политической роли тверской княжеской власти. Но великорусская большая политика все крѣпче сосредоточивалась въ московскихъ рукахъ, и Тверь, по выраженію ея историка—В. С. Бородавкова, «должна была поспѣть ограничиваться интересами болѣе узкими, только своими собственными».

Новыя условія тверской жизни вошли въ полную силу послѣ гибели въ Ордѣ князя Александра Михайловича. Съ трудомъ отставшая свою независимость отъ Москвы—нап, точнѣе, отъ великорусской великокняжеской власти, Тверское княжество переживаетъ внутренней процессъ дробленія и борьбы съ нѣмъ исторической великокняжеской власти. Аналогичный московскому, этотъ укладъ внутреннихъ отношеній Тверского княжества отличается нѣкоторыми особенностями, весьма интересными для изученія удѣльно-отчиннаго строя княжого владѣнія и княжого права.

То же значеніе, какое имѣетъ духовная Ивана Калиты для исторіи московскихъ междукняжескихъ отношеній, принадлежало бы въ исторіи Тверского княжества духовной грамотѣ князя Михаила Ярославича, если бы она дошла до насъ. Однако, единственный слѣдъ ея находимъ въ сообщеніи скаканъ о мученической кончинѣ князя Михаила, что Михаилъ, собравъ въ Ордѣ, отпустилъ сыновей доной въ Владиміра «давъ имъ рядъ, написавъ грамоту, раздѣливъ имъ отчину свою»¹⁾. Михаилъ оставилъ свою тверскую вотчину четырѣмъ сыновьямъ—Дмитрію, Александру, Константину

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 182.

и Василию. Вотчинами его внуков были: Александровичей—Холмъ и Макулявъ; Константиновичей—Дорогобужъ; Васильевичей—Кашия. Возможно, но далеко не достоверно, что такое распределение удѣловъ предустановлено радомъ князя Михаила Ярославича. Но это владѣніе тверской отчиной по удѣламъ, если оно и зародилось, никакъ еще не отразилось на единствѣ Тверского княжества при сыновьяхъ в. князя Михаила. Лишь послѣ гибели князя Александра въ Орду, когда стога Тверского княженія снова достался Константину Михайловичу, опредѣлилась вотчинная обособленность холмско-макулявскихъ владѣній князей Александровичей ¹⁾. О предсмертныхъ радѣхъ князя Александра лишь немногими упоминается лѣтописное сказаніе о его кончинѣ, повѣствуя о томъ, какъ онъ прощался со своими боярами «к о вотчинъ своей глаголахъ» ²⁾. Если принять это указаніе литературной повѣсти за точное воспроизведеніе факта, надо признать, что духовной грамоты князь не успѣлъ составить; кѣтъ и основаній для догадки, какъ онъ распредѣлялъ между сыновьями свою отчину на доли-удѣлы. Судямыя лѣтописныя повѣсти о его сыновьяхъ—не даютъ свѣдѣтельств о такомъ радѣхѣ. Передъ нами не отдѣльные владѣтельные князья, а семейная группа отчичей на холмско-макулявскомъ княженіи съ вдовствующей княгиней

¹⁾ Вопросъ объ этихъ князьяхъ и ихъ владѣльческомъ положеніи весьма темна, но достоверной повести свѣдѣній о нихъ въ нашихъ источникахъ. Кроме старшаго Льва, о которомъ лѣтописи сообщаютъ только то, что онъ родился въ 1321 г. (П. С. Р. Л., т. X стр. 188; т. XV, стр. 414), и втораго, очевидно, умеръ въ въ дѣтствѣ, и Федора, погибшаго съ отцомъ въ 1330 г., в. к. Александръ имѣлъ сыновей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея. Такой ихъ порядокъ по старшинству устанавливается темъ ролью, какую играетъ Всеволодъ вмѣстѣ съ вдовствующей княгиней-матерью при великомъ княженіи на Твери дяди Константина, и перечнемъ Александровичей въ жалованной грамотѣ другого ихъ дяди Василия Михайловича Отрочу монастырю (А. А. В., т. № 5). О Владимирѣ и Андрѣ Александровичахъ знаемъ, сверхъ того, лишь дату ихъ смерти отъ моровой язвы въ 1363 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4). См. Эземиларскаго, т. II, стр. 531 и 640—641. А. В. Эземиларскій, однако и въ вопросѣ о тверскихъ удѣльно-вотчинныхъ княжествахъ свѣдѣтъ, какъ у него обычно, съ утвержденіемъ ихъ раздѣльности и обособленности, полагаетъ, напримѣръ, что ив. Александръ Михайловичъ «передъ смертью подѣлялъ свою отчину между сыновьями, но какъ видно, не всѣмъ: Всеволодъ получилъ Холмъ, Михаилъ—Макулявъ, а младшіе Владимиръ и Андрей, остались, кажется, безъ удѣловъ». Положеніе этихъ младшихъ Александровичей, при такомъ предположеніи, непонятно, тѣмъ болѣе, что по упомянутой грамотѣ Отрочу монастырю—они участвуютъ въ дѣятельности княжеской вѣнцы. А. В. Эземиларскій указываетъ, повидимому наъ виду, что семья в. к. Александра осталась послѣ его кончины единой владѣтельной семьей подъ рукою вдовы-матери, княгини Анастасіи и что мы вообще не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о радѣхѣ между ними отцовской отчины до 1360 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 231). Искусственность старшаго Эземиларскаго установить такой радѣхъ съ кончимъ ив. Александромъ заводитъ отъ свѣдѣній о повѣсти удѣльного владѣнія и вотчиннаго княжества.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 210.

материю во главѣ, и судя по даннымъ лѣтописныхъ сводовъ, въ жизни Тверскаго княжества стала на очередь не вопросъ о внутреннихъ отноше- нияхъ и распределеніи владѣній-удѣловъ въ этой группѣ князей, а другой— объ ихъ положеніи въ Тверскомъ княжествѣ.

Отъ болѣе поздняго времени дошли до насъ грамоты тверскихъ князей, въ которыхъ «одначество» всей тверской княжеской группы проишлось съ такой яркой опредѣленностью, какой не находимъ ни въ московскихъ междукняжескихъ договорахъ, ни въ какомъ иномъ источникѣ для исторіи княжого права XIV вѣка. Въ этихъ грамотахъ тверскіе князья выступаютъ всѣ вѣдѣстѣ носителями единой княжеской власти въ Тверской землѣ, подъ старѣйшинствомъ своего «князя великаго». Разумѣю грамоту тверскому Отрочу монастырю, которая сама себя именуетъ: «се милостыня князя великаго Василья Михайловича и его братанничъ— князя Всеволода, князя Михайло- ва, князя Володимирова, князя Андрея Александровичевъ, князя Еремее- ва, князя Семенова Костянтиновичевъ, князя Михайлова Васильевича»¹⁾, и ея позднѣйшее повтореніе отъ имени «работъ святыхъ Троица»—з. к. Бориса Александровича и его «братія молодчей» князей Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича²⁾.

¹⁾ А. А. З., т. I, № 5. Въ этой грамотѣ «се ми раба святыхъ Троица, князь великий Василь Михайловичъ и его братанничъ (идеть ихъ перечень) по отца моего и нашего лѣда князя великаго Михайловымъ грамотымъ, Бога дѣла и своего дѣла своея, пожаловали есмь отца своего архимандрита, кто ихъ будетъ у Святыхъ Богородице, дали есмь сю милостыню царямъ Святыхъ Богородици Отрочамъ монастырю на память преставльшимся отъ сего житья роду нашему, а намъ, пребывающимъ въ жити есмь, за въздоровіе; льготы жалуются «въ нашей отчизнѣ, въ тверскихъ волостехъ и въ кашинскихъ»; въ числѣ льготъ—освобожденіе отъ вѣзде въ монастырскія земли и суда должностныхъ лицъ, которыхъ названы: «наместники наши и волостехъ» и «дьяки наши и ямщики и писцы и пошляевыи, кто ихъ буди»; Тверская земля для князей «отчизна наша земля Святыхъ Богородицъ». Отъ князя всѣхъ князей происходитъ общій сборъ даней въ Тверской землѣ: «а кто кому повелѣмъ выити за тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши пожалованы, на монастырскихъ людехъ ни тогда никто не емя вачего, по себѣ нашей грамотѣ».

²⁾ А. А. З., т. I, № 34. Возобновляя пожалованіе Отроча монастыря «по родителей великихъ грамотамъ», князь добавилъ утвержденіе его «всподнижко» на будущее время: «не порущати намъ сея милостыня, ни великимъ дѣтемъ, ни нашимъ внучанамъ», оговорку объ обязанности архимандрита «пособить въ ту тяготу», если придетъ «въ Орду посолье сивою, а вемочае будетъ его одровадита», усвоенную санкцію противъ нарушителей грамоты, причемъ князь въ торговлю князю великому князю («въ князь великий ваяю»), но явну и вояковро ваято съ монастырскихъ людей замсвятать всѣ князья («себѣ возмечь за немъ ваяю протаву даней съ архимандритомъ на помя, а ваято великимъ выити втрое и озъ проторы»); а также запретъ архимандриту принимать людей волостныхъ «въ нашею лотчимъ». По числу князей—грамота была укрѣплена шестью великими печатями. Но времена з. к. Борися—привели къ коренной ломкѣ тверскаго «одначества», такъ что данная грамота лишь формально сохраняетъ черты уже паразитнаго прошлаго.

Другую черту того же единичества тверскихъ князей, столь же существенную, открываетъ летописный рассказъ о началѣ раздоровъ между тверскимъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ и его братьями ¹⁾. При в. к. Михаилѣ Александровичѣ тверскіе великокняжескіе бояре цѣловали крестъ всѣмъ Михайловцамъ (Ивану, Василию и Федору) и викаю великаго князя (Ивану Борисовичу) на томъ, что «хотѣти имъ добра»; но старшій князь—Иванъ Михайловичъ, завѣвъ столь великаго княженія тверскаго, повелѣлъ боярамъ своимъ цѣлованіе сложити къ своей братьи, несмотря на протестъ княгини-матери и младшихъ князей ²⁾.

Въ семьѣ тверскихъ князей владѣніе общей отчиной по удѣламъ едва-ли сложилось сколько-нибудь рѣшительно ранѣ починки князя Александра Михайловича (1339 г.). Опасное напряженіе отношеній къ Орду и Москвѣ, видимо, парализовало обычную тягу къ удѣльному и вотчинному раздѣлу, поддерживая, на первыйъ поразъ, полное единичество не только княжеское—совоное, но и владѣльческое. Только съ переходомъ старшаго стола тверскаго княженія къ Константину Михайловичу по смерти второго изъ старшихъ братьевъ, намѣчается удѣльное владѣніе Кашиномъ для князя Василия Михайловича и холмско-никуланскими волостями для сына Александра Михайловича. Тогда же должно было опредѣлиться и значеніе Дорогобужа, какъ будущей отчины Константиновичей. Не знаемъ, когда и какъ сложился этотъ «градъ» для князей Михайловичей. Конечно, возможно, что онъ предопредѣлялся духовной грамотой в. к. Михаила Ярославича, но реально его послѣдствія начинаютъ сказываться въ жизни Тверскаго княжества только послѣ мужицкой кочевы в. к. Александра ³⁾.

¹⁾ Изъ тверскаго источника—въ Самойловской летописи (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 148), въ Рогожскомъ летописцѣ (т. XV, 3-е изд., ст. 178) и въ Никоновской (т. XI, 163).

²⁾ Протестъ этотъ поддерживалъ соимомъ на грамоту в. к. Михаила Александровича: «за по грамотѣ отца нашего, говорятъ князья-братья, твои бояре къ намъ сложили цѣлованіе, и ты бы, господяне князь великій, пожаловалъ, взгляды бы еси своимъ бояромъ цѣлованіе держати по нашего отца грамотамъ». Это сложивіе боярскаго крестоцѣлованія за вѣтъ разрыва в. к. Ивана съ братьями; его бояре не за него, а за себя слагавтъ «по его слову» цѣлованіе къ младшимъ князьямъ. Въ Москвѣ такого крестоцѣлованія, насколько знаемъ, не бывало, но за вѣтъ братьевъ в. к. Симеона: «слушали бы есте отца нашего владика Оликофа, также старшихъ бояръ, что хотѣлъ отцу вашему добра и вамъ», а не слушали бы «лихихъ людей, «то иметь васъ саживати», также подчеркиваетъ обязанность бояръ—отповѣдать великокняжескимъ—поддерживать единичество семейной княжеской группы. Братья тверскаго великаго князя отставляютъ единичество только своей братской семьѣ. достигшей зрѣлаго повоенія въ Тверскомъ великомъ княженіи: вѣдь этого единичества стоить не только кашинскіе и дорогобужскіе князья, но и холмскій двоюродный братъ.

³⁾ А. В. Зименляровскій (т. II, стр. 480) отвѣтилъ, взгляды за А. Д. Никоненко-внѣтъ («Удѣльные князья Кашинскіе»—въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.»).

Предстояло определить степень самостоятельности удельных князей и гарантию единства тверской силы, подобно тому как та же задача стала перед московскими князьями по смерти в. к. Ивана Давыдовича и раздроблена была договором между в. к. Симеоном и его братьями. Не зная договорных грамот между тверскими князьями, хотя на них указываются мысли не о своих «докончаниях» при раздорах, но о взаимных правах и обязанностях. Съ большой остротой поднять этот вопрос в последний год жизни и княжения Константина Михайловича: «того же лета князь Константин Михайлович тверскому бысть влюбие съ княгиней съ Настасьею и со князем со Всеволодом Александровичемъ, и пача имати боре скорби и слуги въ серебри за волости, чрезъ людскую силу, и бысть надъ ними скорба велика»¹⁾. Дило шло о сборѣ дани²⁾; это видно изъ дальнѣйшаго: князь Всеволодъ, «того же ногий тергѣти», ушелъ изъ Твери на Москву къ в. к. Симеону, а затѣмъ оба—и Константинъ Михайловичъ и его племянникъ—отправысь въ Орду; но здѣсь князь Константинъ внезапно скончался, а братья его Василий иступилъ вемедля въ правление Тверскимъ княжествомъ и, прежде всего, прислалъ своихъ данщиковъ въ удѣлъ князя Всеволода Александровича и выискалъ дань на его людяхъ³⁾.

Дѣянія Константина и Василия Михайловичей напоминаютъ то утѣшеніе ростовскихъ князей и ихъ княжества московской силой, о которомъ повѣствуетъ Епифаній Премудрый въ «Житіи св. Сергія Радонежскаго». Потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за Владимірское великое княженіе, тверской князь отправляетъ въ предѣлахъ тверскихъ владѣній титулъ великаго князя и приемы великокняжескаго вѣствованія, пытается свести положеніе княжества, отчасти холмскія, до служнаго подручничества, подчиняя населеніе ихъ владѣній непосредственно своей великокняжеской власти, ихъ бояръ и слугъ—отвѣтственности передъ собой.

1919 г. кн. IV), что Василий Михайловичъ обозначается въ летописныхъ текстахъ какъ камнинскій только съ 1380 г., но замѣчаетъ при этомъ, что обозначеніе кн. Василия «тверскимъ» при жизни брата Александра не исключаетъ его владѣнія камнинскими удѣлами: «онъ, и владѣя Камниномъ, могъ жить въ Твери и называться потому тверскимъ». Впрочемъ «тверскимъ» нами летописные своды называютъ также князей Тверской земли, конечно не по мѣсту жительства, а по представленію обѣ княземъ ихъ «одначества».

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 217.

²⁾ Вѣроятно, судя по выраженіямъ: «въ серебри за волости» о сборѣ дани съ бояръ и слугъ «по корнямъ и по путемъ».

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 218. Никоновская летопись называетъ удѣломъ князя Всеволода—Холмъ («и. удѣлъ князя Всеволода Александровича въ Холмѣ», «на вотчинѣ его на Холму»), но это еще не свидѣтельствуетъ о раздѣлѣ отчимъ Александровичемъ на Холмокое и Микулинское княжества, какое, повидимому, осуществилось нѣсколько позднее. Вѣроятно, кн. Всеволодъ и жилъ то въ Твери, а не въ какомъ либо городѣ удѣла («иде изъ Твери къ в. к. Симеону Всеволоду»), но Холмъ считали центромъ удѣла сыновей в. к. Александра.

Такъ, на первомъ же пораѣ замкнутой въ себѣ политической жизни Тверской земли, семейное и владѣльческое одиначество тверскихъ князей глубоко потрясено первымъ же переходомъ братняго удѣла въ вотчину его потомковъ. Великокняжеское отрицаніе независимости ибѣстнаго вотчиннаго княжества вызвало упорную борьбу двухъ лній тверского княжескаго дома холмской и кашинской, осложненную воздействием на Тверь Москвы и Литвы. Въ этой борьбѣ постепенно и неуклонно рухнула семейно-вотчинный строй Тверского княжества съ обособленіемъ Кашина, который все больше подчиняется московскому вліянію, съ вымелчаваніемъ остальнаго князья до уровня служебныхъ князятъ—при настойчивомъ и послѣдствительномъ стремленіи обладателей старшаго стола Тверского княженія къ уменьшенію своей великокняжеской власти надъ всею Тверской землей.

II.

Князь Всеволодъ Александровичъ нашелъ при столкновеніи съ лядей Константиномъ нѣкоторую поддержку въ Москвѣ; но крайней мѣрѣ въ Москву къ в. к. Симеону Ивановичу ушелъ онъ изъ Твери и уже отсюда поѣхалъ въ Орду къ хану Чагтайку. Естественно, поэтому, предположить поддержку его домогательствъ въ Ордѣ передъ закономъ московскимъ княземъ¹⁾. Поводомъ для немилости ханской ко князю Василию послужило, повидному, жалоба на его самоуправство въ оборѣ данъ съ отчины племянника: узнавъ въ Ордѣ объ этомъ сборѣ, князь Всеволодъ «оскорбился» и пошелъ настрѣчу къ дядѣ, который спѣшилъ въ Орду съ набранными серебромъ, перехватить его на Бежежѣ и «сграби его»; но сдѣлалъ онъ это не самовольно, а пошелъ за дядю Василиемъ «отъ цари изъ Орды съ походомъ»²⁾. Оба князя долго прожили въ Ордѣ—больше года, и вернулись—князь Всеволодъ Александровичъ на Тверское княженіе, князь Василий Михайловичъ на свой Кашинъ³⁾. Этихъ, конечно, не разрѣшилось «нелюбівъ»

¹⁾ Вскорѣ затѣмъ, еще до возвращенія тверскихъ князей изъ Орды, состоялся бракъ в. к. Симеона съ сестрой кн. Всеволода—Маріей Александровной (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Николовская лѣтопись передаетъ рассказъ объ этихъ событіяхъ по своему тверскому источнику, но, влетая его отрывки въ сводъ много матеріала, построеннаго наложени, которое вымываетъ большія сомнѣнія. Если сдѣлать этому наложению, то можно представить дано такъ, что Всеволодъ получилъ Тверское княженіе тотчасъ послѣ кончины кн. Константина и до прѣбытія въ Орду кн. Василия Митѣловича; однако, лѣтописецъ самъ даетъ понять, что порядкомъ событий сбѣгъ изъ его наложени; онъ сообщаетъ о поядѣ въ Орду князя Василия съ замѣчаніемъ: «а тогда въ Ордѣ бысть преше его (вар. сего) братавчѣ его князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій, и даде ему царь Тверское княженіе»; а черезъ нѣсколько строкъ, рассказавъ о нападениіи Всеволода на Василия у Бежежа, поминаетъ печаль

между князьми; ихъ раздоры создавали «людемъ тверскимъ тигость», такъ что «много люди тверские того ради нестроения разидошася, а между князьми «мазо кровопролитіа не бысть»¹⁾. Помимо соперничества дяди съ племянникомъ изъ за старшаго стола, отношенія должны были еще болѣе обостриться на томъ же вопросѣ—о степени самостоятельности удѣльнаго князя отъ великокняжеской власти, разъ эта власть пошла въ руки племянника, а дядя вынужденъ ограничиться Кашискимъ удѣломъ. Но Всеволодъ и года не удержался на Тверскомъ великомъ княженіи. Тверская смута закончилась полюбовнымъ соглашеніемъ князей при посредничествѣ тверскаго епископа Феодора, и «Всеволодъ Александровичъ сступился великому княженію Тверьскому дядѣ своему князю Василию Михайловичю»²⁾. Въ такомъ исходѣ ихъ раздора можно видѣть результатъ княженія московской полкѣтня: епископъ Феодоръ былъ тѣсно связанъ съ митрополіей—участницей этой полкѣтня³⁾, а вскорѣ за приключеніемъ тверскихъ князей произошло семейное событіе, которое закрѣпило сближеніе Василия Михайловича съ Москвою, а Всеволода—съ Литвою. Литовскій великій князь Ольгердъ женился на сестрѣ Всеволода—княжнѣ Ульянѣ, а в. к. Симеонъ выдалъ дочь за Васильевича Михаила⁴⁾. Съ этой поры

была Василия въ Всеволода, «даже бо ему Чьявбахъ все княженіе Тверское». Дядю было ясно предѣшено въ Орду противъ кн. Василия Михайловича, разъ онъ былъ ограбленъ Всеволодомъ при участіи тавскаго посла, но формальное рѣшеніе этого дѣла оттянулось на годъ съ лишнимъ, когда князь Всеволодъ «прииде изъ Орды отъ царя съ помянуваніемъ и съ великою честью и съ многъ посоль», а князь Василий «прииде изъ Орды въ Кашиязъ» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 230).

¹⁾ Вся эта тверская смута известна намъ только по отрывочному переписку Николовской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. X, стр. 218—230), но пересказъ этого, несомнѣнно, восходитъ къ ея тверскому источнику, до насъ недошедшему. Остальныя свѣдѣнія о ней вовсе умалчиваются.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 221: «и тако сяде на великомъ княженіи князь Василей Михайловичъ... и укрѣпшася межѣ себя крестнымъ цѣлованіемъ въ единомыслии и въ советѣ и въ единствѣ жити; и приѣхавъ въ Тверь князь великій Василей Михайловичъ на великое княженіе и вача жити съ братанцемъ своимъ со княземъ Всеволодомъ Александровичемъ холмискимъ тихо и кротко и мирво и въ любви многъ; и поидоша къ нимъ люди отовоуду во грады ихъ и во власти и во всю землю Тверскую и умолишася люди, и возрадовашася радостію великою». Это риторическое заключеніе рассказа о смутѣ—мало отбѣчало дѣятельности, такъ какъ миръ и любовь князей продолжалась весьма недолго: можно видѣть въ немъ черту современной тверской записки.

³⁾ Владимиръ Феодоръ подаетъ—надежнымъ сторонникъ митр. Алексея (П. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231); вѣроятно этики объясняются ошибочное повеленіе его имени въ чертахъ епископства поставленія митр. Алексея, какой дается житіе святаго митрополита: П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27; т. XVIII, стр. 120 и 121 (прим.: изъ Троицкой лѣтописи).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 221—222. Бракъ княземъ Ульяны Александровны съ в. к. Ольгердомъ состоялся съ разрѣшенія в. к. Симеона, во еднѣ ли правильно

кабинская земля тверских князей постоянно тягетъ къ Москвѣ, какъ холмская—къ Литвѣ.

Вѣншія войны и трудное положеніе между двумя сильными сосѣдями необходимо осложнили внутренніе отношенія Тверского княжества. Отрешеніе обезпечить самостоятельность требовало сохранения единства его силы. Эта острая потребность поддерживала формальное «одиначество» тверскихъ князей, какое виднѣтъ въ формулѣ тверскаго гранота, но непримиримый раздоръ днугъ лшій княжого дома подрывалъ основы этого одиначества и только укрѣплялъ тенденцію къ иной формѣ обладанія тверской силой—къ усиленію великокняжеской власти.

Василій Михайловичъ вернулся на столъ Тверского великаго княженія; получалъ и ханскій ярлыкъ ¹⁾; и тотчасъ возвращаетсѣ оиъ къ пріемамъ великокняжескаго управленія брата Константина: «к нача братамича своего князя Всеволода Александровича холмскаго обидѣти чрезъ докопчаніе в бояръ его и службу его тягостью данною оскорбляти» ²⁾. При явной поддержкѣ Москвы и покровительствѣ хана в. к. Василій смирнулъ племянника и привелъ его въ свою волю. Попытка Всеволода воззвать къ суду митрополита Алексія ко своихъ обидахъ, что си ему учинило чрезъ докопчаніе привело только къ болѣе тѣсному соглашенію великихъ князей московскаго и тверскаго «по митрополичу слову» ³⁾. Пытался князь Всеволодъ съѣздить въ Орду съ жалобой хану, но тверскіе пути были въ рукахъ враждебнаго дяди, а на Переяславѣ не пустили его замѣстники в. к. Ивана Ивановича; пришлось пробираться окольными путями черезъ Литву. В. к. Василій предупреждалъ хана встрѣчными жалобами на племянника, и ордынская власть «безъ суда выдала» ему князя Всеволода. «И бысть князю Всеволоду Александровичю отъ дяди его князя Василія Михайловича томъ

вѣдѣть въ этомъ провалѣ великокняжеской власти: рѣчь шла о замужествѣ его сводчаницы, какъ при женитвѣ кн. Либарта Гедиминовича на ростовской княжкѣ—о замужествѣ его племянницы. Характерно въ этомъ извѣстіи другое: вѣтъ упоминанія о согласіи родного дяди, тверскаго великаго князя Василія Михайловича.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228. Никоновская лѣтопись сообщаетъ подлѣ 6860/1351—2 г., что «ко князю Василію Михайловичю Тверскому приде изъ Орды отъ царя посолъ Ахметъ и привесе ему ярлыкъ на его имя». А. В. Эскелларскій (т. II, стр. 481) замѣчаетъ, что это «любезность со стороны хана, трудно объяснимая»: во эта «любезность» можетъ быть повинуема изъ связи съ зачатой русскою войною противъ нагупленія литовской силой.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X стр. 223. Никоновская лѣтопись объясняетъ поступки в. к. Василія Михайловича «негодопачіемъ» его на племянника изъ «Бездѣлскій грабикъ»; но и грабень этотъ былъ вызванъ раздоромъ изъ-за сбора дани и притѣвленія удѣльными бояръ и служъ великихъ князей.

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 229: въ 1357 г. князь Всеволодъ и в. к. Василій съ епископомъ Федоромъ ѣздилъ къ митрополиту во Владимиръ, «и много быша мнѣхъ иль глаголаша, во коветный миръ и любовь во сотвореса».

лехіе везіе, такоже и боярѣхъ его и слугамъ, и продама и грабасіеи везіе на нитъ, такоже и черншиа людехъ данная продама везіе¹⁾).

III.

Положеніе дѣлъ въ Тверскомъ княжествѣ приближилось со смертію в. к. Ивана Ивановича въ 1358 г. Въ малолѣтство в. к. Дмитрія ослабила сама Москва, опора в. к. тверского Василія, и усилился литовскій напоръ на восточную Русь. Князь Всеволодъ ѣдетъ въ Литву къ вятю своему Ольгерду.

Больше, чѣмъ когда либо приходалось тверскому великому князю считаться—въ этотъ моментъ—съ самою литовскою вліаіію въ Тверской землѣ. Князь Всеволодъ вернулся въ Тверь одновременно съ пріѣздомъ туда Романа, поставленнаго, по требованію в. к. Ольгерда, константинопольскимъ патріархомъ на западно-русскую митрополию. Неудачный пріѣздъ Романа на Тверь нѣмъ цѣлью перетянуть тверское духовенство на литовскую сторону²⁾, но покушеніе это разбито протаводѣйствіемъ в. к. Василія и епископа Федора; однако, Романъ гостилъ «во властяхъ тверскихъ, потребное приѣмилъ отъ князей и отъ боярѣхъ тверскихъ и отъ другихъ князѣхъ», а князь Всеволодъ ему «многу сотвори честь и дары даде» и «паче новѣгъ его проводити въ Литву съ честію³⁾»; есть извѣстіе, что митр. Романъ былъ родственникомъ князя Всеволода⁴⁾. Въ тотъ же пріѣздъ князь Всеволодъ «изъ миръ и любовь съ братьею своею, причемъ ови «раздѣлишася волостями», а князь великій Василій Михайловичъ, дядя ихъ, «треть (третя?) вѣхъ отчавы отступася⁵⁾». Извѣстіе это даетъ только глухой намекъ на

¹⁾ Па. Соколовъ («Русскія архіереи изъ Византіи», стр. 367—368) предполагает, что к. Романъ пріѣзжалъ по зову кн. Всеволода „третьимъ судьей“ между нимъ и в. к. Василіемъ и удачно примирилъ ихъ; но это вовсе не кажется ни съ тѣмъ, что во в. к. Василій принималъ его, а только Всеволодъ, ни съ повѣданіемъ св. Федора.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 231. Ср. Голубинскаго, Исторія Русской Церкви, т. II, первая половина, стр. 182—185.

³⁾ Ср. Голубинскаго, указ. соч., стр. 185: цитата изъ „Византійской Исторіи“ Никифора Григорія—Романъ „родственникъ по жевѣ своего королева“.—

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 231: „того же лѣта (1358—1360) князь Всеволодъ Александровичъ холмскій пріиде изъ Литвы и ала миръ и любовь а братью своею, и князь Всеилей Михайловичъ, дядя ихъ, треть ихъ отчавы отступася, и раздѣлишася волостями“. Текстъ этотъ вызываетъ не малыя затрудненія. Съ наибольшимъ вниманіемъ отвесился къ нему В. С. Воронковскій и А. В. Энгельгардскій. Воронковскій (Исторія Тверского княжества, стр. 137) пишетъ: „Выходитъ, какъ будто и другіе племянники Васильевы были въ спорѣ со Всеволодомъ. Однако едва ли братья Всеволода держали сторону дяди: нѣтъ не было выгодъ поддерживать и усиливать кашинскаго князя. Въ такомъ случаѣ, значить, что ови я его двоюродные братья, всѣ извѣстѣ, помирившася съ Василіемъ, тѣмъ болѣе что даже говорили, что дядя уступилъ треть ихъ отчавы. Василій Михайловичъ уступилъ племянникамъ треть ихъ отчавы, т. е. треть самой Твери, а себя удержалъ дѣя трети, должно быть, на ста-

III.

Разрушительное значение наследственности удѣловъ, т. е. ихъ превращенія въ вотчинныя княженія особымъ линіей княжескаго дома, на княжеское единчество, сказалось въ Тверской землѣ много сильнѣе и ярче, чѣмъ въ Московской. Единчество братьевъ Михайловичей Ярославича съблизилось по смерти в. к. Александра оместоченной борьбой двухъ линій княжескаго дома, а въ этой борьбѣ сочетаются два мотива: столкновение тверской великокняжеской власти съ мѣстной удѣльно-княжеской независимостью и соперничество линій княжеской династіи въ отчужденныя права на Тверь. Первый изъ этихъ мотивовъ даетъ поводъ къ раздорамъ, но хитроумно-интуитивскіе князья сразу переходятъ отъ самоборьбы къ наступленію и разрушаютъ всякую возможность компромисса въ пользу договорнаго единчества тверскихъ княжескихъ силъ рѣшительнымъ домогательствомъ великаго княженія тверскаго съ поддержкой сперва изъ москвитянъ, затѣмъ изъ литовскитъ связей и отношеній. Ихъ вывала на то практическое великокняжеская власть въ дѣяхъ Константина и Василія—исходный пунктъ внутренняго разложенія тверской силы, но сыновья в. к. Александра Михайловича выдвигаютъ противъ нарушенія своихъ княжескихъ правъ—не только защиту

наго свода—Тверская летопись (П. С. Р. Л., т. XV) и Рогожскій летописецъ (отпечатанный для втораго изданія XV-го тома, но въ свѣтъ еще не вышедшій) не сохранили ихъ именъ. А Никомская летопись переработала свой источникъ въ духѣ столь для нея характернаго генеалогическаго интереса. Для нея тверской князь—прежде удѣльнымъ княземъ-княжить, и она подчеркиваетъ на каждомъ шагѣ, что Василій—кашнскій, Всеволодъ—хомяскій. Такъ при сообщеніи о первомъ же изъ столкновеній—П. С. Р. Л., т. X, стр. 218; такъ, особенно покатательно для этой черты въ редакціонной работѣ—при сообщеніи объ ихъ примиреніи, гдѣ находимъ особое поясненіе этого „удѣльнаго“ комментарія къ княжескимъ именамъ: „того же хѣта Феодора, владѣма Тверскій, введе въ мѣръ и въ любовь князя Василія Михайловича кашнскаго съ великимъ княземъ Всеволодомъ Александровичемъ тверскимъ... И тако Всеволодъ Александровичъ съступился великому князю въ Тверскіаго дѣдѣ своему князю Василію Михайловичю кашнскому, се бо быша мѣръ удѣли: князя Василія Михайловича Кашня, а князя Всеволода Александровича Хомя. И тако сѣде на великомъ княженіи во Твери князь Василій Михайловичъ кашнскій, а князь Ярославъ, вранянукъ Ярославовъ, вранянукъ Всеволодъ, вранянукъ Юрья Долгорукаго“ (т. X, стр. 221). До 1360 г. никто изъ братьевъ Всеволода не выступаетъ въ самостоятельную роль рядомъ съ нимъ. Первое извѣстіе о владѣтельномъ князѣ интуитивскомъ Михаилѣ Александровичѣ—годъ 1362 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2. Не знаемъ, какими „волостями“ владѣлъ младшій Александровичъ—Владиміръ и Андрей; ихъ равная кознична въ морскую казу 1364—1365 годовъ являла этотъ вопросъ интереса для составителя летописныхъ сводовъ, гдѣмъ болѣе, что оба князя не оставили потомства. Тогда имъ умеръ и Всеволодъ Александровичъ, о которомъ послѣ извѣщенійъ перенетія его жванъ болѣе хѣта упоминаній. На первомъ планѣ выступаетъ вѣсто него—еще при его жизни—дарованный братъ его, интуитивскій князь Митангъ.

обычнаго «докончашилъ» младшихъ князей со старшими, но и свое вотчинное притязаніе на стогу Тверскаго княженія. Это икъ притязаніе получало сильную и глубокую опору въ популярности среди тверскаго общества мечты объ освобожденіи отъ татарскаго ига съ помощью великаго княжества Литовскаго. Героическія эпіки тверскихъ мечтателъ стали брать Всеволода Александровича, михулинскій князь Михаилъ, который сталъ опасенъ для дяди Василія, повидимому, еще при жизни брата Всеволода, а послѣ его кончины становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тверской исторической драмы ¹⁾. Шла въ Тверь борьба за свою иѣстную великокняжескую власть и за ея усиленіе, а вытаскала она неумирившимъ стремленіемъ вырвать изъ московскихъ рукъ великорусское великое княженіе и отбѣгаться зарать отъ московскаго засилья и татарскаго владычества.

Въ этой борьбѣ на большія задачи габло: владѣніе общей отчиной по удѣламъ, габло княжеско-семейно-вотчинное единичество. По смерти Всеволода Александровича и двухъ младшихъ Александровичей, икъ отчина распалась на дѣи вотчины — холмскую и михулинскую, между которыми не видно какой либо связи. Холмское княжество осталось въ синозвоніи Всеволода — Иванизъ и Юриенъ ²⁾. О князѣ Иванизъ Всеволодовичѣ знаетъ только, что онъ въ 1397 г. «сложилъ крестное цѣлованіе» къ дядѣ своему, тверскому великому князю Михаилу Александровичу и отбѣгалъ въ Москву къ в. к. Василію Дмитріевичу, который приваля его съ честью, далъ ему городъ

¹⁾ Княжескія сторонники и почитатели князя Михаила Александровича, составили его Биографію-панегрику, которая должа до насъ въ составъ Тверской летописи. Тутъ ясно высказаны оба мотива, какіе обосновывали для сторонниковъ этого князя его права противъ дяди. Михаилъ Александровичъ, какъ сынъ старшаго брата въ семьи в. к. Михаила Ярославича, «восприя» стогу великаго княженія тверскаго, какъ «отечество свое» и «благъ „на стогу дѣдовъ и отца“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 469—470); супруга в. к. Василія Михайловича предвадитъ исходъ борьбы враждующихъ ланій княжескаго дома: «яко сынове ваше нагнави будутъ». Такъ въ представленіи княжеско-современника борьба идетъ не за старшинство дяди надъ племянникомъ по какимъ либо родовымъ счетамъ: в. к. Василій и княгиня Елена водять въ возможной побѣдѣ князя Михаила нагалави изъ Твери, съ великаго княженія, своихъ сыновей — борьба идетъ между княжескими иніями за отчизное право на стогу тверскаго великаго княженія. На сторонѣ Михаила, по словамъ княжескаго-биографа, тверскаго общества: «яси сынове тверскіи прилагаюху къ нему и грабри слушалу ему» въ узравности «яко сынъ кощеть Богъ свободити люди своа отъ великаго мужа иноплеменникъ» (тамъ же, ст. 468).

²⁾ А. В. Эпхемларскій признаеть Юріа — старшимъ (т. II, стр. 345), слѣдуя, очевидно, генеалогическимъ перечтямъ XVI в. («Временникъ», т. X, стр. 50; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 345), что, однако не согласуется съ летописными извѣстіями объ отикъ князяхъ: Иванизъ Всеволодовичъ вытупаетъ дѣятельнымъ княземъ съ 1397 г., а Юріа — только по смерти брата (Иванизъ умеръ въ 1402 г.). Перестановка икъ именъ въ родословцахъ XVI в., можетъ быти, повлела: Иванизъ умеръ бездѣтнымъ, отъ Юріа пошли князья Холмские.

Торжокъ и выдалъ за него сестру свою Анастасію; вскорѣ великій князь послалъ его княземъ-набѣстникомъ въ Псковъ; а по смерти тверскаго великаго князя Михаила, Ивана Всеволодовичъ «сосался» съ его сыномъ, в. к. Иваномъ Михайловичемъ и вернулся по «доказанію» съ нимъ въ Тверь «со княжескою своею и бояры»²⁾. Характерно, что Иванъ Всеволодовичъ не причастенъ къ спору в. к. Ивана Михайловича съ братьями и племянниками изъ за сложенаго крестоваго къ нимъ дѣлованія великокняжескими богами: оно касалось только семьи в. к. Михаила Александровича, а Всеволодовичъ холмскіе и такъ выѣ того одиначества, которое сдѣлалась этимъ кресто-дѣлованіемъ; видно, что и дѣлъ его была закрѣпить вѣрность великокняжескаго тверскаго боярства за потомствомъ в. к. Михаила нимо доволовыхъ лнмѣй тверскаго княжескаго рода. Гола черезъ два князь Иванъ Всеволодовичъ скончался (1402 г.) на своемъ холмскомъ княжествѣ бездѣтвымъ, «а отчину свою приказа великаго князя сыну князю Александру Ивановичу», что однако не поѣшало его брату Юрію быть, послѣ его смерти, владѣтельнымъ княземъ: только вѣномъ 1404-1405 г. онъ «отъѣхалъ со Твери на Москву» и сложилъ крестное дѣлованіе къ в. к. Ивану Михайловичу, который пытался затѣмъ помириться съ нимъ и призвалъ его вернуться къ «дому святого Спаса» и жить «въ предѣлѣхъ отца своего». Обычное толкованіе «приказанія» отчнкн Ивана Всеволодовича великокняжескому сыну Александру, какъ вѣщательнаго распоряженія его въ пользу этого князя и въ обходъ вогчинныхъ правъ брата Юрія, — не соотвѣтствуетъ подлинному смыслу вѣстныхъ источниковъ³⁾. Нѣтъ у насъ и данныхъ для разья-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 167; первая жена князя Ивана—нижегородская княжна, дочь князя Бориса Ковостановича, умерла въ 1395 г. (т. XI, стр. 163).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 171 и 183.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 131; т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 187. Кроме этого издѣлія, нѣтъ никакихъ указаній на какое-либо ближайшее отношеніе кн. Александра Ивановича къ холмскому князю, которому и сыновья его не владѣли. Послѣ брата Ивана — кн. холмскіе князья князь Юрїя Всеволодовичъ, затѣмъ его сынъ Дмитрїй, упоминаемый въ числѣ владѣтельныхъ тверскихъ князей въ договорныхъ грамотахъ тверскаго в. к. Бориса Александровича съ в. к. всея Русы Василіемъ Васильевичемъ (С. П. Г. и Д., т. I, № 76 и 77); отъ этого Дмитрїя и пошелъ князь Холмскіе—москвитинъ (великокняжескіе) князятъ. Однако, С. М. Соловьевъ полагалъ дѣло такъ, что «Иванъ Всеволодовичъ Холмскій... имѣю родного брата Юрїя отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя Александра» («Ист. Россїи», кн. I, ст. 1026). В. С. Воронцовъ полагаетъ, что Иванъ Всеволодовичъ «не могъ распорядиться своимъ удѣломъ какъ хотѣлъ; но крайней мѣрѣ, умирая онъ отказалъ свой удѣлъ не брату своему Юрїю, а сыну в. князя, Александру Ивановичу»; хотя Воронцовскій приводитъ мнѣніе Арцибашева («Постановленія о Россїи», т. II, стр. 156 и прилѣченіе 1119), что кн. Иванъ Всеволодовичъ поручилъ своей удѣлъ описи князя Александра, какъ «душеприказчика», а также рядъ текстовъ, указывающихъ на именно такое значеніе термина «приказъ», но полагаетъ, что, «если и такъ, то кн. Александръ, конечно удержалъ эту отчину за собой» («Ист. Тверскаго княже-

своей, почему холмский князь приказал свою отчину не великому князю, а его сыну. Но общий смысл свершенного—свидѣтельствуемъ о значительномъ усилении тверской великокняжеской власти. В. к. Михайль Александровичъ закрѣпилъ эту власть за своей семьей: великокняжескіе бояре пѣловыи, по его грамотѣ, крестъ его сыновьямъ и внуку. Божовымъ князя тверского княжого дона внѣ этого великокняжескаго единчества членомъ княжеской линии, добившейся старѣйшинства на Твери. Холмскій князь не выдержалъ власти полнѣнн дѣда, великаго князя, отбѣжалъ въ Москву, гдѣ былъ въ положеніи служебнаго князя при великомъ князѣ всея Руса, а по смерти тверского великаго князя Михаила вернулся на свое холмское княжество по «докопчанію» съ его сыномъ, в. к. Иваномъ, очевидно—смирившись передъ тверскими великокняжескими засильемъ надъ младшимъ братомъ, княземъ Тверской земли. Автокъ этого смиреннаго былъ и предсмертный «рядъ» князя Ивана Всеволодовича. Нисведенный до положенія князя подручника, онъ долженъ былъ признать великое княжество на Твери за Иваномъ Михайловичемъ и за его сыномъ Александромъ и отдать свою отчину подъ властную опеку послѣдняго. Такимъ же представляеть себѣ положеніе Холмскаго княжества, когда оно перешло къ князю Юрію Всеволодовичу. Юрій не смогъ примириться съ этимъ положеніемъ и въ 1404—1406 г., опасаясь захвата великимъ княземъ Иваномъ, бѣжалъ въ Москву, а черезъ два года поднялъ споръ съ в. к. Иваномъ въ Ордѣ, добиваясь кружкой доли въ тверской отчинѣ, а не только холмскаго княженія, и сошелъ съ исторической сцены невѣдомо какъ: наши лѣтописи не сохранили свѣдѣній о его княжеской судьбѣ¹⁾. Съ князь угасло стремленіе холмскихъ отщиповъ къ само-

стве», стр. 177 и примѣч. 440). Ворязовскій пытался разрѣшить затрудненіе заключеніемъ, что «коветю Иванъ не могъ отказать всего Холма, а только часть его» (стр. 177), и тоже предположеніе принялъ А. В. Зырянскій (т. II, стр. 547). Однако, гдѣ основанія для призыванія такого различія между братьями Всеволодовичами холмскими? Еще очевидное невозможное обмытное толкованіе такого «приказанія», какъ передача по завѣщательному распоряженію вотчинъ имю наследника, относительно текста, гдѣ говорится о томъ, князь князь Семенъ Ковстантиновичъ доробоужскій «отчимъ своимъ удѣлъ и княженію своимъ приказалъ князю Михаилу Александровичу» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4), такъ какъ, при такомъ толкованіи, приходится одному и тому же сказуемому придавать два резко различныя значенія по отношенію къ подлечанимъ—«удѣлъ» и «княженію». Распоряженіе князей—Ивана холмскаго и Семена доробоужскаго авалогатамъ, вопреки, тому, какъ князь Владимиръ Андреевичъ, благословляя своихъ сыновей серпуховской вотчиной, приказалъ ихъ в. к. Василию Дмитріевичу (С. Г. Г. и Д., т. I, № 40); вѣроятно, что краткое упоминаніе подаяна итнописнаго свода свѣдѣвало бы дополнить, но аналогія съ повѣстіемъ о «рядѣ» Семена доробоужскаго, такъ, что на Иванъ Всеволодовичу «брата своего и отчяну свою приказалъ великаго князя сыну князю Александру Ивановичу».

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 132, и т. VIII, стр. 77—краткое повѣстіе объ отбѣдѣ князя Юрія съ Твери въ Москву («отбѣда» Воскр.: бѣжа» Соф. II); дальѣйшіи

стоительному книжному значенію. Юрьевичъ Дмитрій только упомянутъ въ числѣ «молодшія брата» тверского великаго князя—въ договорныхъ грамотахъ в. к. Василия Васильевича съ тверскими в. к. Борисомъ Александровичемъ. А его сыновья—и вовсе сошля на положеніе служилыхъ князей: Данилъ на службѣ у в. к. Ивана III, а Михаилъ, при тверскомъ в. к. Михаилѣ Борисовичѣ повзрослый «братъ молодшій», склонился передъ Москвою послѣ бѣгства своего «брата старшійшаго» въ Литву ¹⁾.

Къ той же клятвѣ Юрій эти своды не даетъ. Тверская хѣтонскъ сохранила два сободея (въ двухъ разныхъ источникахъ) о судьбѣ Юрія, подъ 6915 г.: «того же лѣта поиде со Тѣри князь Юрій Всеволодичъ на Москву и съ Москви поиде въ Орду; подмови его Ромашъ Скудивъ»; похвалъ въ Орду в. к. Иванъ Михайловичъ, и власти ордыскія «судятъ Ивана съ Юріемъ, обвиниша Юрія, и Юрій оуба Азторокаво, а князь великій Иванъ приде съ великою честью въ Тѣрь, въ свое отечество» (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 473; а ниже (ст. 478) болѣе обстоятельно, въ календарско-литературной обработкѣ, повествуется, какъ князь Юрій «ума третіе лѣто» былъ въ Москвѣ, и князь Иванъ точно знаетъ его вернуться къ «дому св. Спаса», предлагая въ обидѣхъ третейскій судъ св. Арсція и отдоскалъ бояръ обидѣ князей; но кн. Юрій похвалъ въ Орду, а за нимъ и в. к. Иванъ, который «пробылъ въ Ордѣ „немного же дни“, совершилъ всю похвалку въ 6 (въ хѣтонскъ: 5); ибѣснѣвъ—выѣхалъ изъ Твери 21 июля, а вернулся 24 января; дагдѣ (ст. 480) читаемъ, безъ сообщенія о новой похалкѣ в. к. Ивана, что онъ замчалъ въ Орду, а затѣмъ прибылъ въ Тверь (въ виду возвращенія его изъ конду яваре, можетъ быть, ибѣнъ въ этомъ текстѣ отраженіе того же самого источника), а весной прибылъ въ Москву князь Юрій съ ханскимъ вѣстемъ Мамаитъ Дербышемъ; этотъ поидѣ отправился въ Тверь съ требованіемъ для кн. Юрія, по ханскому повелѣванію, Кашина и десяти волостей тверскихъ; однако, в. к. Иванъ потребовалъ новыя сношенія съ ханомъ, сомнялся на то, что ему «ярлыкъ царевъ данъ на всю землю тверскую и самъ Юрій въ ярлыкѣ царевъ данъ (ему) естѣ», а для исполненія нарекае ярлыка и съ князь приехалъ царевъ послахъ; законодѣе не доведѣво до конду, прерывался на упоминаніи о новой похалкѣ Юрія въ Орду, во дальнѣйшее было въ Тверской сообщено раздѣ (ст. 473). Отрывокъ Троицкой хѣтонскъ (въ цитатѣ Карамзина—«Ист. Гос. Росс.», т. V, прим. 215, и П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 282) явчѣ опредѣляетъ домогательство князя Юрія: «Кашина да третья часть Тѣри». Вѣроятно, что это домогательство какъ либо да обосновывалось, во его основаніи видѣтъ не упомянуты въ нашихъ источникахъ. По содержанию, кажется, правильнѣе признавать параллельнымъ терминамъ: «десять волостей тверскихъ» и «третья часть Твери» не случайнымъ и отказываться отъ попытки (см. Воеводского «Ист. Тверскаго князства», стр. 264—266) усмотрѣть въ этой «третьей частѣ»—треть города Твери. Скорѣе можно представить собѣ дѣло такъ, что кн. Юрій, обратясь въ Москву, добивался Кашинскаго княженія, усиленнаго рядомъ волостей, по аналогіи съ тремя первымъ удѣльнымъ князьямъ на тверской почвѣ—сыновей в. к. Михаила Ярославича. Николовская хѣтонскъ вовсе явчѣ освѣтила все дѣло; но я вполнѣніи, кн. Юрій поидѣ въ Орду, аща великаго княженія тверскаго подѣ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ тверскимъ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 196), о томъ и былъ имъ судъ передъ ханомъ, который, по рѣшенію «всѣхъ князей ордыскитъ», «оправилъ» в. к. Ивана и отпустилъ его съ честью, «а князь Юрій Всеволодичъ тамъ въ Ордѣ осталъ» (стр. 202).

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—77 и 110—120.

XI.

Младшая линия потомков тверского великого князя Александра Михайловича укрѣпила за собой великокняжескую власть и быстро разрушила притязанія старшей, холмской линии на самостоятельное княжеское значеніе. Еще раньше опредѣлилось такое-же захуданіе дорогобужскихъ потомковъ в. к. Константина Михайловича. Не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній о «радѣ» в. к. Михаила Ярославича, историки полагаютъ, что значеніе Дорогобужа какъ отчины Константиновичей основано на установленіяхъ этого «рады»¹⁾.

Исторія Дорогобужскаго княжества открывается извѣстіемъ о смерти второго изъ сыновей в. к. Константина: князь Семенъ Константиновичъ погибъ отъ моровой язвы 1364—1365 года, «а отчины своея удѣла и княжство свое приказавъ князю Михаилу Александровичу». Изъ за этого удѣла князь Семенъ началъ «розмирье» между княземъ Михаиломъ и старшимъ Константиновичемъ, дорогобужскимъ княземъ Ерсибемъ, котораго поддерживалъ и великій князь, ихъ дядя Василій Михайловичъ, опасавшійся усиленія кн. Михаила Александровича. Князья обратились къ третейскому суду митрополита Алексѣя, а судилъ ихъ «по митрополитичю бл^гу» господствую и повелѣнію» тверской епископъ Василій—«и оправилъ князя Михаила Александровича»²⁾. Надо полагать, что в. к. Константинъ подѣлилъ Дорогобужскій удѣлъ между сыновьями, но точнѣе этого раздѣла намъ неизвѣстны; имѣемъ только одно указаніе, что Градокъ, отчужденный въ 1368 г. в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ у тверского великаго князя Михаила, былъ частью удѣла князя Семека³⁾. Своей удѣлъ дорогобужской отчины князь Семенъ оставилъ жемъ⁴⁾, «приказавъ ея в ея владѣніи в. к. Михаилу»⁵⁾. Можно усматривать въ этомъ актѣ фактической малость Горюдка

¹⁾ В. С. Борзавоскій, Исторія Тверскаго княжества, стр. 57; А. П. Виземлинскій, т. II, стр. 516.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 4 и 6.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10, 11—12. Намоновски относятся даже на стр. 4 правящую формулу: «отчины своея удѣла», но затѣмъ пользуется такими искаженными выраженіями, какъ: Градокъ — «часть отчины удѣла князе Семека» (стр. 10) или «ототушился Градокъ и всеи части удѣла князе Семека» (стр. 11); въ первомъ выраженіи извѣстно слово «отчины», во второмъ подлежало бы либо поставить слово «отчины» вмѣсто «удѣла», либо писать — «всего удѣла». Но въ текстахъ XVI в., какъ и у историковъ XIX в.: удѣлъ = отчина, а, по С. М. Соловьеву, и = отчичина.

⁴⁾ Ср. лужичскую гранату в. к. Семеона Ивановича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 24).

⁵⁾ Ср. выше — о «приказаніи» холмскимъ княземъ Иваномъ Всеволодовичемъ своей отчичи князю Александру Ивановичу (стр. 204); ср. также П. С. Р. Л., т. XII, стр. 112, о томъ, какъ раздѣшилъ в. к. Иванъ Федоровичъ «княженіе свое раздѣсилъ и сына своего Василія приказавъ великому князю Василію Васильевичу за соблюденіе».

и других пунктовъ князь Семеновъ удѣля княземъ Михайломъ; можно утверждать, что онъ не успѣлъ послать въ Городецъ своего канцелярика ¹⁾; но и въ основаніи видѣть тутъ передачу ему чужого удѣла въ мотынку путемъ владѣльческаго духовнаго завѣщанія. Можно указать предположительно и мотынку распоряженія князя, умиравшаго бездѣтными: переходъ его отчимаго удѣла къ вдовѣ-княгинѣ не могъ не вызвать возраженій со стороны брата Еремѣя и не внушать опасеній за прочность ея владѣнія ²⁾. Бессиліе неподчиненной власти Василія Михайловича передъ восходящей звѣздой популярнаго михулинскаго князя могло побудить князя Семена обратиться къ нему, а не къ тверскому великому князю. Усиленіе михулинскаго князя тревожило не только великаго князя тверскаго, но и великокняжеское правительство въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ споръ изъ за «ряда» князя Семена былъ разрѣшенъ въ пользу михулинскаго князя, измѣнилось общее политическое положеніе. Митрополитъ Алексѣй и в. к. Дмитрій Ивановичъ успѣшно закончили борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ. В. к. Дмитрій «заложи градъ Москву намень» — «и пошлъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновалуся воли его, а на тѣхъ нача посегати». Тверской в. к. Василій искалъ опоры въ облоупленной великокняжеской власти московскаго князя, и михулинскій князь испытывалъ на себѣ одно изъ первыхъ проявленій московскаго «посеганья». Слова поднято дѣло объ удѣлѣ князя Семена. В. к. Василій, сынъ его Михайла и дорогобужскій князь Еремѣй Константиновичъ возбудили передъ митрополитомъ жалобу на тверскаго епископа Василія, «что ихъ судилъ о удѣлѣ княже Семеновѣ не по правдѣ». Князь Михайла Александровичъ ушелъ въ Лату, надѣясь тутъ найти помощь противъ московской силы, ставшей на сторону его враговъ. По краткимъ сообщеніямъ Никоновскаго свода ³⁾ трудно рѣшить, былъ ли этотъ его отъѣздъ въ Лату связанъ съ дѣломъ объ удѣлѣ князя Семена или поводъ былъ иной, напримеръ — построеніе Михайломъ на Волгѣ Цоваго городка, которое и въ Твери, и въ Москвѣ должнъ были считать, какъ приготовленіе въ борьбѣ, а потому — принять какія-либо мѣры, угрожающія для князя Михайла. Во всякомъ случаѣ, разрѣнь оказался полнымъ, а

¹⁾ Какъ сдѣлалъ относительно Рязаніи в. к. Василій Васильевичъ: „на Рязань посла канцелярника свои на соблюдение и на прочаа грады его и во власти“ (тамъ же).

²⁾ С. М. Соловьевъ („Ист. Россіи“, т. I, ст. 960) опредѣляетъ поводъ къ тверской борьбѣ тѣмъ, что „Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михайлу Александровичу мимо дяди Василия и родного брата Еремѣя Константиновича“; В. С. Баранковскій („Ист. Тверск. княжества“, стр. 143) также въ „приказаніи“ Семена видятъ „отказъ“ удѣла Михайлу помимо родного старшаго брата Еремѣя Константиновича, такъ что Михайла Александровичъ присоединялъ „къ своему удѣлу еще новый удѣлъ“; тоже у А. В. Эвземлярскаго (т. II, стр. 483, 480: „владыка Василій... оправилъ Михайла, какъ получившаго удѣлъ Семена по завѣщанію“).

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 6.

тверичи проявил достаточно определенно свое сочувствие ивкусискому князю, чтобы вызвать суровую репрессию великих князей¹⁾. Весьма даже вероятно, что борьба между князьями Василием и Михаилом сразу развернулась в борьбу за Тверское великое княжение. Тверичи встали на осаду против великих князей, пока Михаил Александрович не вернулся «с своей ратью» и с ятвской помощью²⁾, и пошел к Кашину. До битвы дѣла не дошло. Князья помирились; условия докончания Михаила Александровича с Василием кашинским, с дорогобужским Еремеем и в. к. Дмитрием каки неизвестны. Но из дальнейших известий ясно, что Михаил остался (с осени 1366 г.) великим князем.

¹⁾ Московский летописный свод передает ход этих событий очень кратко и как бы нехотя, много опускает. В его изложении явилось стремление тверского летописца, проливающего тверскими настроениями, во вся отрывать и смиты. Владыка Василий вызвал в Москву «приставомъ митрополитамъ», какъ объясняемъ, и этотъ московскій судъ стоить ему великаго протора, какъ и «княтскимъ подьямъ» во Твери «ужно бысть» изъ за этого дѣла. В. к. Василий, котораго Новгородскія летописи титулуютъ тутъ просто «князь» и не называютъ «тверскимъ» (а Михаилъ Александровичъ всегда «Тверской»), какъ будто не сохранилъ Твери въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, текстъ очень неясенъ: съ одной стороны, князь Василий и Еремей «приѣхаша во Тверь» — по нов. кашинскою (не тверской) своду и «многимъ людямъ сътвораша досады бѣдчестивымъ и мучамъ и разграблениемъ книгамъ и продажей безъ помилованія»; съ другой, они «къ городу ратью ходиша, правили съ собою и московскую рать князя великаго Дмитрия Ивановича», но шли, «града» (князья) не «града» ли, т. е. Твери; ср. выше «къ городу» не «земле», а только («точнѣ») поговаривали волости и села, и узели боюшюю полость. Не слѣдуетъ имъ приписывать два послѣдовательныхъ момента: прибытіе въ Тверь князя Василия съ кашинскою силой для кары тверичей за то, что они признали своимъ великимъ княземъ Михаила (ушедшаго въ Литву за помощью), а затѣмъ походъ подъ Тверь московскою и кашинскою ратью (по приглашенію князя Василия востанувшими тверичами?), причемъ, на этотъ разъ, Тверь занять не удалось. Ср. недоумивные вопросы А. В. Жемчужникова, т. II, стр. 467, примѣч. 1453. Поэвидному, слѣдуетъ полагать, что тверской летописецъ Яковлевскій летописецъ говорилъ о в. к. тверскомъ Михаилѣ Александровичѣ и борьбѣ тверичей за него противъ кашинскаго дяди и его московскаго союзника. См. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8—9. Ср. замѣчаніе С. М. Соколова («Ист. Росс.», кн. I, стр. 960—961): «изъ этихъ словъ летописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василию, но Михаилу; когда произошла эта перемена, мы не знаемъ; быть можетъ, она-то и повела къ враждебнымъ столкновениамъ Михаила съ Москвою».

²⁾ «Тое же осеню, мѣсяца Октября 27 (8876 г.) князь Михайло Александровичъ Тверской приде изъ Литвы со своею ратью, и княгиня Еремеева, и Василий, и боларъ ихъ вѣдѣхъ, такоже и боларъ и слуга всѣхъ дяди своего Василия Михайловича поималъ»; княгиня и дворяне князей Василия и Еремѣя ясно выходящие въ Тверь; сопоставляя это указаніе съ предыдущимъ известіемъ о томъ, какъ князья, предъ съ московскою помощью, только разорили волости и села, а города Твери не взяли, — заключаемъ, что князья, болары и слуги, «поиманные» въ Тверь Михаиломъ и до того были въ рукахъ тверичей, отбывшихъ отъ московскою и кашинскою ратью.

на Тверь, а дядя его Василий вынужденъ удовольствоваться своимъ вочиннымъ Кашиномъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1368 г. ¹⁾

Вступивъ на путь борьбы за тверскую великокняжескую власть, вслѣдъ за старшимъ братомъ Всеволодомъ, Михаилъ Александровичъ достигъ цѣль — утвердилъ ее за собой и своимъ потомствомъ. Этимъ предопредѣлилась полная его побѣда надъ дорогобужскимъ Константиновичемъ Еремѣемъ. Отъѣздъ князя Еремѣя въ Москву означалъ призывъ великокняжеской власти Дмитрія Ивановича къ новому внимательству въ тверскія дѣла; возможно, хотя наши позднѣе лѣтописные источники о томъ не упоминаютъ, что дѣло шло не только о притязаніяхъ дорогобужскаго князя, но и о захватѣ Михаиломъ тверскаго великаго княженія ²⁾. В. к. Дмитрій и митр. Алексѣй «заваша на Москву любовію» князя Михаила, и «бысть ему судъ», а кончилось дѣло «покаяніемъ» его и бысть съ нимъ боръ. Но приближеніе къ Москову ханскіе послы «уоумишиса» о такомъ дѣлѣ, какъ расправа съ княземъ мимо ханской воли, и в. к. Дмитрій отпустилъ Михаила Александровича, «укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ» ³⁾. Не знаетъ, въ чемъ состояло это крестоцѣловальное докочаніе, кромѣ одного пункта, о которомъ сообщаетъ Никоновская лѣтопись: у князя Михаила отнята часть княже Семеново удѣла—Градокъ, и в. к. Дмитрій послалъ туда своего наѣбистина съ княземъ Еремѣемъ ⁴⁾. Однако, покровительство Московъ не на долго помогло дорогобужскому князю. Въ тихой борьбѣ съ Тверью и Литвой в. к. Дмитрій отступился отъ князя Еремѣя; в. к. Михаилу вернули Градокъ, признали за нимъ весь удѣлъ князя Семена Константиновича, а князь Ере-

¹⁾ Тотчасъ за извѣстіемъ о заключеніи мира, читаемъ, что «того же лѣта князь Еремѣя своимъ цѣлованіемъ крестное по князю Михаилу Александровичу Тверскому и поѣха къ великому князю Дмитрию Ивановичю на Москву» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9), а въ слѣдующемъ году «преставося князь Василей Михайловичъ Тверскій въ Кашиль» (тамъ же чр. 10). С. М. Соловьевъ послѣ замѣтанія, приведеннаго выше, продолжаетъ вѣст... «борьбы Михаила тверскаго съ Москово, даже не отмѣчалъ смерти Василія Михайловича. Напрасно предполагалъ Борзакоскій (указ. соч., стр. 146—147), что Михаилъ сталъ тверскимъ великимъ княземъ только по смерти дяди. А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 186) полагаетъ, что Михаилъ «de jure» сталъ великимъ княземъ по смерти дяди Василія, но «de facto» былъ имъ и раньше, впрочемъ, на томъ основаніи, что Никоновская лѣтопись титудуетъ Михаила «великимъ княземъ» только послѣ извѣстія о смерти Василія; но, въ такомъ случаѣ, отдаловало придать значеніе и тому, что она раньше перестала давать этотъ титулъ князю Василію. Впрочемъ, это скорее черта наклонія въ сводѣ XVI в., чѣмъ въ его тверскомъ источникѣ.

²⁾ О томъ, что у кашинскія князей были свои счеты съ оп. Василіемъ можно, кажется, заключить изъ новой жалобѣ кн. Михаила Васильевича на митр. Алексѣя въ 1360 г. — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 10.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.

Прислано. Обрѣ. рукописи. госуд.

иѣи перулся въ Тверь и уверь на своемъ удѣлѣ въ 1373 г. 4), смирившись передъ взысканъ тверской великокняжеской власти. Его сыновья—Дмитрій и Иванъ Ермѣевичи, его внуки—Дмитріевичи, Андрей и Иванъ еще владѣтельными князья тверскіе, участники того единчества князей Тверской земли во власти надъ нею, выраженіе котораго находимъ въ формулахъ тверскихъ жалованныхъ грамотъ. На дѣлѣ это единчество связано съ полнотъ подчиненіемъ младшихъ князей тверской великокняжеской власти, съ фактическии ихъ подручничествомъ, переходнымъ состояніемъ молодшаго князя къ положенію служиломъ князей и бояръ-князатъ 5).

У.

Кашиинское княженіе обособилось въ составѣ тверскихъ владѣній, какъ удѣлѣ князя Василія, младшаго изъ князей Михайловичей Ярославича. Когда же Василій Михайловичъ достигъ великаго княженія на Тверь, Кашиинъ остался въ его рукахъ, какъ вотчинное владѣніе, гдѣ, повидимому, и при немъ княжили его сыновья—Василій, а по смерти Василія Михайла Васильевичъ 6). Въ Кашиинѣ Василій Михайловичъ закончилъ дни свои, сочтясь инкулинскимъ племянникомъ съ тверского великаго княженія.

По смерти князя Василія Михайловича въ Кашиинѣ княжить смѣя его

4) П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

5) О потомкахъ князя Ермѣя Константиновича см. у Эземпларскаго, т. II, стр. 520—522 и стр. 557—559. Князь Дмитрій Ермѣевичъ (ум. 1407 — П. С. Р. Л., т. XI, стр. 197; т. XV, ст. 475) еще при жизни отца во главѣ тверскихъ воюющихъ при нападѣніи на московскія владѣнія (1372 г., П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17). Иванъ Ермѣевичъ — участникъ похода тверскихъ князей, по послышкѣ в. к. Ивана Михайловича въ помощь в. к. Василію Дмитріевичу противъ Витовта (т. XI, стр. 194, 1407 г.). Андрей Дмитріевичъ упоминаетъ въ грамотѣ Отрочу монастырю въ числѣ владѣтельныхъ князей Тверской земли (А. А. Ф., т. I, № 34), а князь Иванъ Дмитріевичъ только въ родословныхъ (напр. „Временникъ“, т. X, стр. 51) считается паремъ „черниговскимъ“ княземъ; ср. Борзакоскаго, Исторія Тверскаго княжества, стр. 227—228.

6) Ср. А. В. Эземпларскаго, т. II, стр. 525—528. Что Новоковская хитицаиъ называется „кашиинскимъ“ княземъ Василія Васильевича въ сообщеніи о его кончинѣ, подъ 1383 г. (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2), а князь Михаила Васильевича — еще при жизни его отца, въ хитицаиъ о столкновѣніи и примиреніи его отца съ Михаиломъ Александровичемъ, подъ 1367 г. (стр. 9)—въ показаніи, такъ какъ такова обычная „удѣльно-родословная“ манера этой хитицаиъ; особенно второй примѣръ терять слѣду, такъ какъ въ томъ же хитицаиъ и Василій Михайловичъ названъ кашинскимъ (на стр. 8). Но что в. к. Василій держалъ свой вотчинный Кашиинъ сыновьями, хитицаиъ само по себѣ, а особенно подтверждается жалованной грамотой тверскихъ князей Отрочу монастырю (А. А. Ф., т. I, № 5), гдѣ подтвержута особость Кашиинъ (формулами: „въ нашей отчинѣ, въ тверскихъ волостехъ и въ кашинскихъ“, и „или кого (архимандрита) въ городѣ посадитъ во Тѣверѣ и въ Кашиинѣ“), и названъ смѣя великаго князя Михаилъ въ ряду владѣтельныхъ тверскихъ князей.

Михаилъ. Жена тѣмъ на московской княжѣи¹⁾, кн. Михаилъ Васильевичъ въ Москвѣ вѣдетъ, подобно отцу, защиты отъ тверского великокняжескаго засады: Вскорѣ послѣ кончины отца онъ ѣхалъ къ митр. Алексію съ жалобой на тверскаго епископа Василія²⁾; въ 1372 г.—въ разгаръ борьбы Москвы съ Тверью и ея литовскими союзниками, кашинскій Михаилъ перешелъ на московскую сторону³⁾, но поплатился за то развороніемъ княжества и «окупомъ» съ Кашина и вынужденъ свиряться: в. к. Михаилъ Александровичъ его «принималъ» и «велъ во всю свою волю»⁴⁾. Однако, кн. Михаилъ и года не выдержалъ въ такой неволѣ, вновь «сложилъ крестное цѣлованіе» къ тверскому великому князю и ушелъ съ Кашина въ Москву, а оттуда поѣхалъ въ Орду⁵⁾, но вернулся ни съ чѣмъ въ свой Кашинъ, гдѣ и умеръ неожиданно; а смѣль его Василій повезъ въ Тверь помянутую голову, отдавшись съ челобитнымъ въ волю великаго князя Михаила Александровича⁶⁾. Москва мирилась съ тверскими великими князьями, и кашинскому отчичу нигого выхода не было. Когда же въ 1376 г. новая вспышка борьбы разразилась надъ Тверью цѣлой грозой, кн. Василій Михайловичъ со своими кашинцами въ ряду ея враговъ⁷⁾. Ужасненіе Твери принесло кашинскому князю независимость отъ тверскаго великаго князя, обезпеченную договоромъ в. к. Дмитрія Ивановича съ Михаиломъ Александровичемъ: «а въ Кашинъ ти слъ не вѣступати, а что потягло Кашину, вѣдаеть то вочичъ, князь Василей; ни выходовъ же надобъ тобѣ ко Тфери Кашину тикуть, а его ти не обидѣти; а амѣшь его обидѣти, мѣѣ его отъ тобѣ бороити»⁸⁾.

Этотъ договоръ разрушалъ зависимость кашинскаго князя отъ тверской

¹⁾ Дочь в. к. Симеона Ивановича, Васильева (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12—ум. 1368 г.; т. VII, стр. 215—дата женитьбы 1351 г.).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 12. Вѣда ли эта жалоба могла касаться стараго опора о дорогомъшномъ удѣлѣ, какъ полагають Экземплярскій (т. II, стр. 527).

³⁾ «посла на Москву, замъ миръ съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ, а къ в. к. Михаилу Александровичу тверскому крестное цѣлованіе сложи» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 17).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 17.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 16.

⁶⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 20: «а смѣль его князь Василей, по одному слову а бабю своею съ княгинею Еленою (Ивановою, вдовой в. к. Василія Михайловича, ур. княжной брянскою) и а бояры съ кашинскими прѣхалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Александровичу тверскому съ челобитнымъ и вдалася въ волю его».

⁷⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; тоже въ т. IV², стр. 301—302; V, стр. 232; XVIII, стр. 116; XI, стр. 22. Тверская летопись (т. XV, ст. 434—436) не упоминаеть о кн. Василіи Михайловичѣ и кашинцахъ.

⁸⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 26. Тутъ она датирована 1368 годомъ, но вѣрная датировка указана еще въ «Древней Россійской Визаціи», т. I, стр. 78; такъ и у Карамзина («Ист. Гос. Рос.», изд. Эверсманга, т. V, ст. 22). Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22: в. к. Дмитрій Ивановичъ «замъ миръ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ на всей своей волѣ, а грамоты пописалъ, отъиде прочь отъ града».

великокняжеской власти и ставилъ его въ непосредственную связь съ великимъ княземъ всея Руса¹⁾. Но актъ этотъ не имѣлъ какаго-либо прочнаго политическаго послѣдствія. Кашишскій князь Василій Михайловичъ умеръ въ мѣѣ 1382 г. бездѣтнымъ, угасла кашинская линія тверскихъ князей, и выморочный кашинскій удѣлъ, ея отчая, перешелъ во владѣнiе тверскаго великаго князя²⁾.

VI.

Продолжительное княженiе Михаила Александровича на старшемъ столбѣ Тверской земли (1366—1399 г.)³⁾ значительно подняло тверскую великокняжескую власть.

Борьба противъ удѣльно-вотчиннаго распада силъ и средствъ Тверской земли, качалая сыновьями в. к. Михаила Ярославича, завершена его внукомъ со значительнымъ успѣхомъ. Усиленiе великокняжеской власти было настолько острымъ и насущнымъ вопросомъ въ жизни Тверскаго княжества, что столкновениа изъ за независимости внутреннего управленiя мѣстнымъ вотчиннымъ княженiемъ отъ этой власти неизбежно переходили въ борьбу за великое княженiе: можно и къ тверскимъ дѣламъ прикнѣпить слова С. М. Соловьева, что въ борьбѣ князей «дѣло идетъ о томъ, быть государемъ земля или слугою этого государя»; князья, самими слабыми для такой борьбы, перекидывались на сторону Москвы противъ родной Твери или смирлясь передъ мѣстной великокняжеской властью и становились ея подручными, при формальномъ сохраненiи княжого братства и единства. В. кн. Михаилъ Александровичъ свелъ къ такому положенiю холмскаго племянника Ивава Всеволодовича, который только за два года до кончины дѣда ушелъ отъ него изъ Москву, а затѣмъ смирлясь передъ

¹⁾ Трудно допустить, чтобы стѣнна обязанность Кашинскаго княжества тянуть къ Твери ордынскимъ выходамъ создавала для кашинскаго князя право самостоятелно и непосредственно «знать Орду», тѣмъ болѣе, что тотъ же договоръ устанавливаетъ полную солидарность Москвы и Твери въ отношенiи къ Орду: «а яти намъ, брате, по сей грамотѣ съ татари, оне будутъ какъ миръ, по думѣ, а будутъ намъ дати выходы, по думѣ же, а будутъ не дати, по думѣ же». А. В. Энциклопедическiй считаетъ правдоподобнымъ известiе некоторымъ свадаямъ о Куликковской битвѣ, что Василій кашинскiй былъ въ засадномъ полку вмѣстѣ съ Дмитриемъ Воброкомъ (т. II, стр. 529); князь Василій могъ участвовать въ Куликковской битвѣ, какъ великокняжескiй подручный, а князьямъ использовать это обстоятельство при обработкѣ сказанiя о ней, которая выѣла цѣлью предать Мамаюку побойшу характеръ общерусскаго дѣла.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XI, стр. 71.

³⁾ В. кн. Михаилъ Александровичъ скончался въ ночь съ 26-го на 27-е августа (со вторника на среду) 6907 г., т. е. 1399 г.; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 360, т. VIII, стр. 73; т. XI, стр. 175; т. XV, стр. 461; т. XVIII, стр. 148.

его сыновъ в. к. Иванаъ Михайловичемъ; привесть в. к. Михаилъ въ свою волю дорогобужскихъ и кашинскихъ князей, несмотря на московскую помощь этихъ противникамъ тверского великаго князя. И послѣдняя мыслька борьбы съ Кашинемъ, которая чуть не вырвала этого удѣла изъ состава Тверского великаго княжества, была лишь мимолетнымъ эпизодомъ, такъ какъ кашинская княжна зиня въскорѣ угасла, и само Кашинское княжество перешло въ руки в. к. Михаила Александровича ¹⁾.

Сказаніе «О преставленіи князя Михаила Тверского» ²⁾ повѣствуетъ, какъ в. к. Михаилъ, готовясь къ смерти, призываетъ дѣтей «братолюбие честно держати», «брату брата любити и чити, а не обидѣти, а старѣйшаго брата имъ всѣмъ (вар.: во всемъ) слушати», а боярмъ заповѣдаетъ: «вспоминайте конкъ дѣтемъ, чтобы въ любви были, якоже указашъ имъ и раздѣляя имъ коеумудро часть отчины: сыну князю Ивану и его дѣтемъ, Александру и Ивану, Тферь, Новый Городокъ ³⁾, Зубцехъ, Радомъ, Вбърмъ, Опекъ, Вертаинъ; а князю Василію и Борису и сыну его Ивану Кашинъ, Косматинъ, а сыну Федору два городка Микулинъ съ волостми, якоже указашъ въ грамоту душевную, почему имъ владѣти и жити, не преступати моего слова и грамоты душевныя». Эта «душевная грамота» до насъ не дошла; утрата—невозмѣградимая, такъ какъ постановленіи предсмертнаго рѣда в. к. Михаила Александровича, судя по лѣтописнымъ указаніямъ на его содержаніе, была чрезвычайно важна. В. к. Михаилъ, утверждая сыновей на братскомъ единичествѣ, которое закрѣпляетъ престольныя цѣлованіемъ тверскихъ бояръ на немъ всѣхъ членомъ семьи своей ⁴⁾, выдѣляя «коеумудро часть отчины»: старшему Ивану великое княженіе Тверское, Василію—Кашинское княжество, Федору—Микулинское. Но это владѣніе общей отчиной по удѣламъ получало особый характеръ, ввиду предоставленія Твери (а, стало быть, и связаннаго съ тверскими столомъ великокняжескаго старѣйшинства) князю Ивану Михайловичу съ сыновьями: этимъ предопредѣлялось закрѣпленіе тверской великокняжеской власти за одной старшей линіей потомковъ в. к. Михаила. Кашинское княжество—размечено двумъ Михайловичамъ Василію и Борису съ сыновъ послѣдняго, Иваномъ; такое сообщеніе кашинъ текстовъ не можетъ быть точной передачей соответственнаго мѣста духовной грамоты в. к. Михаила: его смѣл

¹⁾ Судя по лѣтописнымъ записямъ о смерти его сыновей: «въ лѣто 6897 (1389) преставися въ Кашинѣ князь Александръ Михайловичъ Ординецъ» (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 444) и «въ лѣто 6903 (1395)... преставися князь Борисъ Михайловичъ въ Кашинѣ» (т. XI, стр. 157; т. VIII, стр. 65), она владѣла въ Кашинѣ подлъ руной отпа, великаго князя.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 359—360; т. VIII, стр. 74; т. XI, стр. 180.

³⁾ Софійская л-я (т. V, стр. 252) упоминаетъ еще „Ржеву“.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 183; т. XV (3-е изд.), стр. 176; т. XVIII, стр. 149. См. выше, стр. 194.

Борисъ умеръ за четыре года до смерти отца. Кн. Борисъ умеръ въ Кашинѣ, оставивъ малолѣтняго сына на рукахъ вдовы—княгини, и опредѣленіе духовной в. к. Михаила поставило его семью въ своеобразное и сложное соотношеніе къ дядѣ Ивану Борисовичу князю Василію, съ одной стороны, и къ в. к. Ивану Михайловичу, съ другой. Федоръ Михайловичъ получилъ «два городка Макузаны съ волостями», т. е. пражскій отцовскій Макузинскій удѣлъ.

Нельзя, конечно, поручиться за то, что «Сказаніе о преставленіи князя Михаила Тверскаго» точно передало содержаніе его духовной грамоты и въ томъ пунктѣ, который говоритъ о передачѣ Твери, какъ «части отчины» в. к. Ивану съ сыновьями, Александромъ и Иваномъ. Но фактически в. к. Иванъ, близъ къ великое княженію по ханскому ярлыку¹⁾, весьма рѣшительно приступаетъ къ закрѣпленію великокняжеской власти (и владѣнія Тверью) за своей семьей, выдѣляя ее изъ общаго одиначества князей—потомковъ в. к. Михаила Александровича. Выше уже пришлось упомянуть о распоряженіи в. к. Ивана Михайловича, чтобы его бояре—тверскіе великокняжескіе бояре—сложили крестное дѣлованіе къ его братьямъ и къ князю-внуку, нарушая тѣмъ отцовскій завітъ. Князья братья обратились съ жалобой къ вдовствующей княгини-матери, в. к. Анютѣ, в ея бояре вмѣстѣ съ боярами сыновей и внука заявили протестъ передъ в. к. Иваномъ противъ такого небреженія грамотой къ отцу. Въ семьѣ настали радоры: «и оттого нача великій князь вражду въздымати на свою мать и на свою братью и на своего братишца, нача на нихъ нелюбие держати»²⁾. В. к. Иванъ высвободилъ эту же актомъ свою великокняжескую власть изъ пута семейно-потчпннаго строя междукняжескаго отчужденія и противопоставилъ ее, какъ личную власть, традиціонной опека вдовствующей княгини-матери, семейнаго главы, изъ чьей воли не должны выходить сыновья, не исключая и того, кто былъ великимъ княземъ,—а также стѣснительному одиначеству съ братьями, которыми «добра хотѣть» обяваны были бояре—и съ тѣмъ нивѣтъ, какъ членами одного владѣтельнаго княжого дома, отчи-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 461: «Въ кѣто 6006 вынесона князь великому отъ царя Шахбѣга ярлыкъ, Темиръ Кутлунъ умре, а приде Гурханъ, а съ нимъ по-солъ царевъ Софря съ ярлыкомъ на Тверское княженіе»; т. XI, стр. 183: кн. Иванъ посылалъ къ Орду къ царю Темиръ-Кутлунъ своихъ князятъ Федора Гуслея да Константина, но они застале за ханствъ уже Шахбѣга, и этого ханъ «дале удучъ свой, великое княженіе Тверское, князю Ивану Михайловичу, по отчавъ и по дядки его».—Послаженіе кн. Ивана на стожъ великаго княженія состоялось 7 марта 1400 г. (т. IV, стр. 104).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 148—149 (тоже въ т. XI, стр. 183 и т. XVI, ст. 76). А. В. Энциклопедическій (т. II, стр. 498) не повелъ текста, передавъ его такъ, будто в. к. Иванъ «черезъ бояръ сложили крестное дѣлованіе» къ братьямъ: рѣчь идетъ о боярскомъ крестномъ дѣлованіи, къ которому привелъ бояръ къ отцу, в. к. Михаилу Александровичу.

чамъ на Тверскомъ великомъ княженіи. Насколько властными стали распоряженія в. к. Ивана показывается такой прирубъ. Мать князя Ивана Борисовича использовала раздоръ между в. к. Иваномъ и его братьями и отрекалась отъ солидарности съ ними; ея завлечение дало плодъ: великій князь отнялъ у брата Василия Лукое озеро и Иерусалимскую слободку и отдалъ племяннику, а на попытку князя Василия Михайловича потребовать, по обычаю, «суда общаго» передъ тверскими владѣльцами Арсеніемъ, «отпознать всѣхъ»,—отбитилъ рѣшительнымъ отказомъ¹⁾. На ряду съ этими фактами, находимъ косвенное указаніе на требованіе великаго князя, чтобы и за его сыномъ Александромъ было признано право на великое княженіе,— въ извѣстіи, что холмскій князь Иванъ Всеволодовичъ «приказалъ» свю

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 146; т. XI, стр. 184; т. XV, ст. 177. «Езеро Лукое и Влодь Брусалинъ»; первое не поддается опредѣленію, а Влодь Брусалинъ — слобода въ Камнѣ на посада — см. у В. С. Воряковскаго, примѣч. 642. Воряковскій (въ примѣч. 836) пытается установить раздѣлъ владѣній между князьями Василиемъ Михайловичемъ и Иваномъ Борисовичемъ, а подтвержденіе тому, что «Кашинъ и Косовитинъ не были въ общемъ владѣніи Василия Михайловича и Ивана Борисовича» влѣдетъ изъ томъ, что в. к. Иванъ отнялъ Лукое озеро и Брусалинскую слободу у Василия и отдалъ Ивану. Но владѣніе землями и угодьями не имѣетъ прямого отношенія къ владѣнію княжескимъ по удѣламъ. Попытка Воряковскаго представлять кн. Василия — кашинскимъ, а кн. Ивана Борисовича — косовитинскимъ княземъ не подтверждается никакими данными. Напротивъ видимое противрѣчіе извѣстій, что протестъ противъ дѣйствій в. к. Ивана былъ завершенъ боярами в. к. Авдотью, ея дѣтей князей Василия и Федора и внука Ивана, а затѣмъ, что мать князя Иванова внука утверждала отъ имени своего и своего сына: «мы, господине, не посылываша своихъ бояръ къ тебѣ», показываетъ, что у Борисовича княгиня съ сыномъ была своя дворъ (в. конечно, свое дворовое землевладѣніе), но не была своей княжеской властью — въ смыслѣ управленія особыми удѣломъ — княженіемъ. Княгиня Иванъ Борисовичъ была, повидимому, подъ княжеской опекой дяди Василия: по крайней мѣрѣ, выступленію его матери предшествовало ея дѣйствіе, которое указано въ летописномъ разсказѣ словами: «внукъ своего сына» (отъ князя Василия Михайловича или просто въ походку въ Тверь?). Приходится вообще признать, что соотношеніе княжеской власти кашинскихъ дяди и племянника не поддается опредѣленію по кашинскимъ даннымъ, слышимомъ отрывочнымъ. Одна изъ летописей (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 471) передаетъ примѣрете кн. Василия Михайловича съ братомъ, княземъ великимъ, послѣ первого его бѣгства въ Москву, словами: «послалъ князь великій Иванъ Михайловичъ брата своего князя Василия его удѣломъ» — кн. Василий владѣльцемъ князя кашинскаго удѣла. А извѣстіе, которое читаемъ подъ 6917 г. (октябрь 1408 г.): «князь Иванъ Михайловичъ тверскій поиде ратью къ Камнѣ на братавича своего, князя Ивана Борисовича; оу же убилъ на Москву; а князь Иванъ, пришедъ къ Камнѣ, помирися съ братомъ своимъ, съ княземъ Василиемъ съ кашинскимъ, а княгиня Борисову княгиню прииде на Тверь, а на Камнѣ посади кашинские свои, и данъ на нѣтъ кня» (т. XVIII, стр. 154; т. XI, стр. 206) — представляетъ кашинскимъ владѣльцамъ княземъ Ивана Борисовича, чье изгнаніе привело къ водворенію въ Камнѣ великокняжескихъ кашинскихъ княжескихъ, несмотря на присутствіе въ Камнѣ князя Василия и примиреніе съ нимъ в. к. Ивана.

отчину князю Александру ¹⁾). Великокняжеская полковница Ивана Михайловича встретила лишь слабое сопротивление въ изданныхъ князьяхъ Тверской земли. Вспышка такого сопротивления со стороны холмского князя Юрія Всеволодовича (1404—5 г.) не привела ни къ чему; и князь Юрій пропадаетъ безъ вѣсти въ ватагахъ литовскихъ послѣ неудачи спора его съ в. к. Иваномъ изъ Орды, а его сынъ—скирний подручникъ, о которомъ въ лѣтописяхъ и не слышать ничего; въ ту же ступеньку свѣдѣны дорогобужские князья еще в. к. Михайломъ Александровичемъ. Младшій братъ в. к. Ивана, михулинскій князь Федоръ уволняется только въ походѣхъ по посылкѣ старшаго брата. Но много тревогъ въ жизни Тверской земли было связано съ кашинскими дѣлами и отношеніями.

Князь Василій Михайловичъ пытался отстоять свою княжью независимость «и не почалъ слушать брата своего старшаго, великаго князя Ивана» ²⁾, чѣмъ навлекъ на себя походъ тверской рати. Князь Василій бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великокняжескимъ сыномъ Александромъ Ивановичемъ ³⁾. На этотъ разъ дѣло кончилось миромъ; при посредничествѣ в. к. Василия Дмитриевича кн. Василій получилъ Кашинъ обратно ⁴⁾. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ возникло новое столкновение: в. к. Иванъ захватилъ брата и бояръ его, держалъ «въ ятамъ» нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ отпустилъ, заключивъ съ братомъ крестоцѣловальное докончаніе; но князь Василій не выдержалъ условій этого докончанія и бѣжалъ въ Москву, а Кашинъ занятъ великокняжескими наместниками ⁵⁾. Однако, черезъ годъ князья братья опять помирились ⁶⁾, и Василій Михайловичъ вернулся въ Тверь и въ Кашинъ. Эти перепетія братскихъ раздоровъ тѣсно связаны съ московско-тверскими отношеніями: разрывъ Твери, примыкавшей къ литовскому в. к. Витовту, съ Москвой, позволялъ кашинскому князю искать поддержки у великаго князя воєв Руси; привиреніе ватагахъ князей, тверского и московскаго, вело къ привиренію и тверской братьи: князь Василій

¹⁾ См. выше на стр. 203—204.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XV, ст. 470.

³⁾ «и князь Александръ Кашинъ заняде»; тамъ-же; видимо, ожидалось надежде московской помощи кн. Василию.

⁴⁾ «и прии ихъ князь великій Василій Дмитриевичъ», т. VIII, стр. 78; «помогалъ князь велика Юаъ Михайловичъ брата своего князя Василия его удромъ» (т. XV, ст. 470).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 77: «и по урѣхъ мѣсяцехъ (весна 1406 г.) пакъ некии ни бысть величье и бѣже князь Василій изъ Кашина на Москву», а наместники в. к. Ивана «много ватагахъ створиша христаномъ продами и грабачемъ»: въ томъ же году признали въ Кашинѣ князь Александръ Ивановичъ, а затѣмъ и в. к. Иванъ (т. XI, стр. 182).

⁶⁾ Т. VIII, стр. 78; т. XI, стр. 193; крестоцѣлованіе состоялось въ Троицкѣ день 1406 г.

видать скорый послѣ новаго докончанія съ в. к. Иваномъ въ тверской рати, помогавшей в. к. Василію Дмитриевичу противъ Витовта ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ рѣчь идетъ о князѣ кашинскомъ Василіи Михайловичѣ, а про его племянника Ивана Борисовича нѣтъ и помину. Этотъ князь выступаетъ жертвой великокняжескаго гнѣва въ 1408 году, когда в. к. Иванъ «повде ратью къ Кашину на братаища своего князя Ивана Борисовича; оуъ же бѣжа въ Москау», а великій князь помириса съ братомъ Василіемъ, но мать Ивана Борисовича, «княгиню Борисуу, изнака и приведе на Тверь», а въ Кашнѣ посадилъ своихъ князьстниковъ, «и дань на нихъ (т. е. на кашинцахъ) занъ ²⁾. Возможно, что вопросъ объ уплатѣ дани былъ и въ этотъ случай, такъ бывало при великитъ князятъ Константинѣ и Василіи Михайловичахъ, главной причиной конфликта между великокняжескою властью и мѣстныиъ князятъ - отчичемъ, но свѣдѣнія наши слишкомъ недостаточны для асаго представления о томъ, почему гнѣвъ в. к. Ивана обрушился на племянника съ его матерью, и какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играли князь Василій Михайловичъ. Возможно, что попытку возродить самостоятельность Кашинскаго княжества началъ Иванъ Борисовичъ, возмущавшій къ 1408 году кашинскій отчичъ ³⁾. Но это должно было поставить его въ противорѣчіе съ кашинскими дядей Василіемъ, что, быть можетъ, и обусловило примиреніе кн. Василія Михайловича съ братомъ—великимъ княземъ; Ивану Борисовичу осталось только искать прѣишща и возможной поддержки въ Москвѣ у великаго князя всея Руси.

Однако, князь Василій удержался на Кашинскомъ княженіи лишь дорогой цѣной полнаго подчиненія тверской великокняжеской власти. Новый раздоръ былъ неизбеженъ, тѣмъ болѣе, что в. к. Иванъ помириса съ Иваномъ Борисовичемъ ⁴⁾. Въ 1412 г. снова встало «нелюбіе велие» между братьями, и в. к. Иванъ велѣлъ захватить князя Василія, его княгиню, бояръ и слугъ, а въ Кашнѣ послалъ своего князьстника Василія Михайловичу, котораго повезли «за сторожи» на заключеніе въ Новый Городокъ. удалось по дорогѣ бѣжать и спастись отъ погони въ московскіе предѣлы ⁵⁾. Изъ Москвы князь Василій ѣздилъ въ Орду, куда прибылъ и в. к. Василій

¹⁾ Т. XV, ст. 475.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82; т. XI, стр. 305.

³⁾ Отецъ его, князь Ворюхъ Михайловичъ, женился въ 1364 г. на дочери смоленскаго князя Святослава Ивановича; годъ рожденія Ивана Борисовича неизвѣстенъ, но въ событіяхъ осени 1390 г. онъ играетъ только пассивную роль, такъ малоизвѣстенъ.

⁴⁾ «Въ лѣто 6919 пожаловалъ в. к. Иванъ Михайловичъ своего братаища князя Ивана Борисовича благословеніемъ глумека московскаго Ианова» (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 159).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 218—219.

Дмитриевича; съ московской поддержкой такская милость склонилась, видимо, на сторону князя Василия. По краевой хрѣб, татарское войско помогло ему въ нападеніи на Кашинъ. Однако, надежде это отбыто княземъ Иваномъ Борисовичемъ, которому в. к. Иванъ Михайловичъ поручалъ оборону Кашина съ «тверской заставой». Князь Василий снова ушелъ изъ Орду.

Послѣ этого эпизода—защиты Кашина—наши лѣтописные своды болѣе не упоминаютъ о князѣ Иванѣ Борисовичѣ, а по смерти в. к. Ивана, погибшаго въ 1425 въ морскомъ поѣздѣ, великий князь на Тверь сталъ сызмъ его Александра, но черезъ пять мѣсяцевъ погибъ жертвой того же поѣзда, какъ и сибывшій его на великокняжескомъ столѣ сызмъ—Юрій Александровичъ, который пережалъ отца всего на четыре недѣли¹⁾. Послѣ всѣхъ этихъ катастрофъ на тверскомъ столѣ утвердился второй внукъ в. к. Ивана—Борисъ Александровичъ, а въ Кашинъ вернулся было Василий Михайловичъ²⁾, но вскорѣ, «понмалъ» в. к. Борисомъ; на этомъ и кончается

¹⁾ Т. XI, стр. 219—220.

²⁾ В. к. Иванъ Михайловичъ умеръ въ май 1425 г. (по Тверской—22 мая, П. С. Р. Л., т. XV, ст. 488; Воскресенская—т. VIII, стр. 98, и Симонская—т. XVIII, стр. 168 относятъ къ 21 мая возмужаніе Александра, какъ и Соф. I—т. V, стр. 203; то же, очевидно, и въ источникахъ Нижегородской, гдѣ, по описку, май 1,—т. XII, стр. 8; и въ Соф.—т. VI, стр. 143, при этомъ, имя Александра замѣнено именемъ Бориса Александровича, какъ и въ Новгород. IV—т. IV, стр. 121, гдѣ даны мѣсяцъ). В. к. Александръ Ивановичъ умеръ въ октябрѣ: «бысть княземъ его 5 мѣсяцъ, и преставися предъ Дмитриемъ званъ» (28 октября)—т. XV, ст. 488; в. к. Юрій Александровичъ умеръ «на Юрьевъ день», т. XV, стр. 489, «а на великомъ княженіи бысть же 4 недѣль»—т. VII, стр. 245 и Карамзинъ, т. V, прим. 284. А. В. Эземплярскій (т. II, стр. прим. 162) относитъ кончину в. к. Юрія къ 28 апрѣля, очевидно потому, что забываетъ про Юрьевъ день осенній (28 ноября).

³⁾ Какъ произошло возвращеніе кн. Василия въ Кашинъ, объ этомъ наши источники не сообщаютъ; не даютъ и свѣдѣній о конечной судьбѣ князя Ивана Борисовича. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній также погибъ въ морскомъ поѣздѣ, а забыли о немъ лѣтописные своды потому, что «отъ того родъ не пошелъ» (т. VIII, стр. 245). Известіе Новгородской IV, что «успе князь Иванъ Михайловичъ Тверской, а призвавъ княженіе свое сызю своему Борису Александровичу, а Кашинъ бреху своему Василию» (т. IV, стр. 120—121), едва ли заслуживаетъ вниманія; упоминаніе о Кашинѣ и Василии пошло сюда вмѣстѣ съ забытой «сиа» (такъ во всѣхъ спискахъ—слѣдъ первоначальнаго текста—«сызю своему Александру») — звукомъ; ср. т. XII, стр. 8, гдѣ при имени князя Александра вѣтъ слова «приказалъ», а сказано: «сиде... на великомъ княженіи тверскомъ сызмъ его князь Александръ мѣсяца мая въ 1 (sic, см. 21) день, а въ Кашинѣ дядя его князь Василий Михайловичъ». Нѣтъ основанія смѣлывать возвращеніе кн. Василия въ Кашинъ съ предсмертнымъ «рядомъ» в. к. Ивана (какъ у Эземплярскаго, т. II, стр. 835), ни настаивать на преклеваніи—по кончѣ в. к. Ивана—водвореніи кн. Василия въ Кашинъ. Последнее, вѣроятно, обусловлено было бездѣлнотъ мотивной Ивана Борисовича, и оказалось неудачнымъ: в. к. Борисъ Александровичъ «того же лѣта понмалъ князя Василия кашинскаго» (т. VI, стр. 143), чѣмъ и закончимъ разсудомъ за Кашинъ

его истории въ наших источникахъ. На томъ кончались и существованіе особаго Кашинскаго княжества, а вмѣстѣ и «судьбальное» владѣніе частіи Тверской земли.

VII.

Сохраненію видности княжого единчества въ договорныхъ и жалованныхъ грамотахъ тверскаго великаго князя Бориса Александровича (1425—1461) едва ли можно придавать значеніе, кромя формально-дипломатическаго ¹⁾. Младшіе князья тверской земли—отъичи на своихъ княженіяхъ ²⁾, сходять на положеніе зависимыхъ подручниковъ, причесть фразеоло-

и самое существованіе особаго Кашинскаго княжества. Ср. В. С. Ворзиковскаго, Исторія Тверскаго княжества, стр. 102.

¹⁾ Въ жалованной грамотѣ Тверскому Отрочу монастырю (А. А. Э., т. I, № 34) и к. Борисъ повторяетъ формулу грамоты к. к. Василія Михайловича (тамъ же, № 5) съ заглавн. именъ тогдашнихъ князей Тверской земли именами своей молодой братьи; но, напротивъ, грамоту Срѣтскому монастырю (тамъ же, № 35) онъ даетъ единолично „въ своей вотчинѣ великомъ княженіи“. Договоръ съ великимъ княземъ воля Руси и к. Борисъ заключаетъ отъ имени своего и своей „братьи молодой“ и „меньшей братьи“ (А. А. Э., т. I, № 35), во договоры съ Витовтомъ и Казимиромъ—единолично; тутъ владѣніе князья только населенныя области соглашенія между великими князьями, а „меньшей братьи“ соответствуютъ „князья служебные“; эти послѣдніе упоминаются только въ послѣднемъ договорѣ Бориса съ к. кн. Василіемъ Васильевичемъ (1453—1454 г.); С. Г. Г. и Д., т. I № 76—77), наряду, однако, съ „братьей молодой“ и съ „меньшой братьей“.

²⁾ Составъ этого младшаго князья во времена к. к. Бориса не вполне ясенъ. Въ его грамотахъ упоминаются князья Федоръ Федоровичъ, Иванъ Юрьевичъ, Андрей Ивановичъ (А. А. Э., т. I, № 33); Ф. Ф., И. Ю., Андрей Дмитриевичъ, Федоръ Александровичъ (А. А. Э., т. I, № 34); Дмитрій и Иванъ Юрьевичъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77). Федоръ Федоровичъ, известный только по двумъ грамотамъ, вѣроятно, михайловскій князь, сынъ Федора Михайловича; въ грамотѣ 1453—1454 г. его уже именъ. Иванъ Юрьевичъ—сынъ к. к. Юрія Александровича; „а удѣлъ его бысть Зубцовъ, и [отъ] того родъ не пошесть“, сообщаетъ родословіе тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245). Андрея Ивановича Эвземлярскій признаетъ внукомъ к. к. Ивана Михайловича, тамъ какъ больше михаила пристроить это имя (т. II, стр. 643). Андрей Дмитриевичъ—дорогобужскій князь, сынъ Дмитрія Бранѣевича (см. Эвземлярскаго, т. II, стр. 521). Федоръ Александровичъ упоминаетъ въ родословіи тверскихъ князей (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 246) какъ князь тверской, младшій сынъ михайловскаго князя Александра Федоровича и братъ Бориса Александровича михайловскаго. Дмитрій Юрьевичъ—домскій князь, сынъ Юрія Всеволодовича. Иванъ Юрьевичъ договора 1453—1454 г., вѣроятно, тотъ же упомянутый ратье зубцовскій князь. Но какъ объяснить сочетаніе этихъ именъ въ разныхъ грамотахъ? По первой ихъ снхъ въ договорѣ к. к. Бориса съ к. к. Василіемъ Васильевичемъ участвуютъ съ к. к. Борисомъ—его племянникъ Иванъ Юрьевичъ и двоюродный братъ Андрей Ивановичъ; по почему Иванъ прописанъ раньше Андрея? Отсутствіе другихъ именъ можно допытъ, какъ признакъ суженія тверскаго единчества до предѣловъ лннхъ к. к. Михаила Александровича. Но почему въ грамотѣ Отрочу монастырю рядомъ

гическому различію между «братъею молодшею» и «князьемъ служебнымъ» (въ договорныхъ грамотахъ в. к. Бориса) не соответствуетъ какое-либо различіе въ ихъ положеніи передъ великокняжескою властью.

Борисъ Александровичъ строитъ свое великокняжеское властвованіе въ Тверской землѣ, опираясь на тѣсный союзъ съ литовскими великими князьями¹⁾. Отдавшись подъ властную оборону Витовту, «своему господину дѣду», в. к. Борисъ выговариваетъ себѣ полную независимость по управленію Тверскими великими княженіемъ и по господству надъ младшими князьями Тверской земли: «а дядежъ коня, читаемъ въ договорѣ 1427 года, и братья моея, и племени моему, княземъ. быти въ моемъ послушъ; и, князь великій Борисъ Александровичъ, волежъ, кого жагуи, кого князю, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися; а который въскочетъ къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту со отчиною, и моему господину дѣду, великому князю Витовту, со отчиною не приняти; пойдеть ли который къ моему господину дѣду, къ великому князю Витовту, и отъ отчины лишеть, а у отчинъ его волежъ и, великій князь Борисъ Александровичъ, а моему господину дѣду, великому князю Витовту, не вступатися»²⁾.

Договоръ в. к. Бориса съ королемъ польскимъ и в. к. литовскимъ Казимиромъ, заключенный въ 1419 году, еще рѣже сблизжаетъ младшихъ князей Тверской земли съ боярами и вольными слугами: «а хто отъѣдетъ отъ мене къ тобѣ, къ королю польскому и великому князю литовскому, братья моея колодохъ и князей служебныхъ, иво тотъ отчины своея лишеть, а итѣ, великому князю, не вступатися; а хто отъѣдетъ отъ тебе, королю польского и великаго князя литовского, князей служебныхъ ко мнѣ, къ великому князю Борису, иво тотъ отчины своея лишеть, а тобѣ, королю и великому князю, не вступатися; а бояромъ и слугамъ нашимъ вольнымъ волъ

ствъ Федоромъ михулинскимъ и Иваномъ зубковскимъ повисшия дорогобужскій Андрей и что еще труднѣе объяснить—это Федора Александровича, если отъ подлинно телятскій князь, при имени—въ той же грамотѣ—его дядя Федора михулинскаго и отсутствіи имени его старшаго брата Бориса; притомъ бы дѣло такъ представлять, что князю Федору выдѣлялъ быть телятскій удѣлъ, а братья его Борисъ итѣ при дядѣ, какъ будущіи преемникъ во владѣніи Михулинскомъ. Наконецъ, въ договорѣ 1453—1454 г. названы только Дмитрій холмскій и Иванъ зубковскій; почему итѣ имени михулинскаго князя? О князьяхъ-князятъ Тверской земли ср. Воряковскаго, Ист. Тверскаго княжества, стр. 227 и слѣд.; Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси, т. II стр. 554 и слѣд., и Родословіе тверскихъ князей въ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 245—246 (съ нему таблица у Воряковскаго; Родословія № 2).

¹⁾ А. С. Р., т. I № 83. Въ 1427 г. в. к. Борисъ «взявъ любовь такую» съ в. к. Витовтомъ: быть в. к. Борису съ в. к. Витовтомъ «за одинъ, при его сторонѣ и пособяти ему въ всякомъ, во зминанъ», а в. к. Витовту «в. к. Бориса Александровича, своего жагуи, борявѣти отъ всякого, думою и помощю», но не вступатися «въ земли и въ люди и во все его великое княженъе тверское».

²⁾ А. С. Р., т. I № 33.

межи насть¹⁾. Такъ при и. к. Борисѣ Александровичѣ закончилась полнотой побѣдой борьба за усиленіе тверской великокняжеской власти. Преодолена опасность удѣльно-вотчиннаго дробленія власти и распада самой территоріи на рядъ слабо связанныхъ другъ съ другомъ вотчинныхъ княжествъ. Тверская земля не поддавалась этой опасности—подъ давленіемъ внешней борьбы за свою самостоятельность, которая означивала тверскія силы вокругъ одного центра. Еще въ XIII вѣкѣ Тверь была центромъ наиболѣе уверенныхъ попытокъ сопротивленія татарской власти, и попытки эти оставили въ настроеніяхъ тверского общества традицію, на которой и выросла необычайная популярность в. к. Михаила Александровича, возродившаго силу великокняжеской власти. Тверь, съ другой стороны, передовой пунктъ великорусской борьбы съ литовскими наступленіемъ къ востоку, и переименуя, во времена в. к. Михаила Ярославича, моментъ порыва къ захвату въ руки своихъ князей руководствъ всей политической жизни Великороссіи; не даромъ именно тверской князь впервые титулуется великимъ княземъ всея Руси. Традиціи великокняжеской политики проникли всю исторію тверскихъ князей; поневогѣ замкнутые въ болѣе узкую сферу дѣятельности московскихъ соперничествъ, они стремятъ свое Тверское великое княженіе, какъ основу болѣе крупной роли въ историческихъ событіяхъ Восточной Европы. Однако, ростъ Москвы, съ одной стороны, и Литовскаго великаго княжества, съ другой, приводятъ эту тверскую силу къ колебанію между сосѣдями, съ постепеннымъ, все болѣе сильнымъ уклономъ на литовскую сторону. По договору съ Витовтомъ в. к. Борисъ Александровичъ можетъ быть признанъ вассаломъ-подручникомъ литовскаго великаго князя, а въ договорѣ съ королемъ Казимиромъ (1449 года) в. к. Василий Васильевичъ призналъ тверского великаго князя и всѣхъ тверскихъ князей «въ его сторонѣ»—великаго князя литовскаго и короля польскаго²⁾. Эти отношенія ставили тверскую великокняжескую власть въ противорѣчіе съ основными стародавними тверскими традиціями и внесли несомнѣнный разладъ въ тверскія настроенія. Окружная Москва взяла въ свои руки то національное знамя, которое было дорого тверскимъ традиціямъ, въ борьбѣ съ татарами, о какой издавна мечтали въ Твери, и съ Литовско-польскими государствами, гдѣ все усиливались иноземныя и шовинистскія тенденціи.

¹⁾ Надо читать въ первой части этой статьи договора: „а тобѣ, королю и великому князю, не вступатися“, а во второй: „а мнѣ, великому князю, не вступатися“; такіе ошибки возможны (и встрѣчаются) при писаніи прозаич. — Относительно великаго князя всея Руси это соглашеніе о вѣотьпадѣ князей съ вотчинами внесено только въ договоръ в. к. Бориса съ в. к. Василиемъ Васильевичемъ 1453—1454 года, и то съ упоминаніемъ объ однихъ только служебныхъ князьяхъ: „а кто мовѣ князей служебныхъ къ тобѣ отъдеде, въ тѣхъ ти отчю не вступатися, кого ми Богъ поручилъ, на твои дѣтѣмъ, на твоей братьѣ молодой“. (С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77).

²⁾ А. З. Р., т. I, № 36 стр. 50.

Тверская великокняжеская власть закончила свою внутреннюю строительную работу в такой исторический момент, когда оказались разрушенными основными условиями ее значения и самостоятельного существования.

Въ 50-хъ г.г. XV вѣка Москва одолѣла такую смуту въ московско-владимирскомъ великомъ княженіи всей Руси и вышла къ новымъ путямъ великорусскаго государственнаго строительства. Великому князю тверскому пришлось заключить съ в. к. всей Руси сомашии договоры о томъ, чтобы имъ другъ другу «добра хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси безъ хитрости» и помогать всею силою противъ Литвы, Лязговъ и Пѣнцевъ¹⁾. Втянутая въ общія великорусскія международныя отношенія, Тверь терпела всякую опору противъ Москвы. Тверь втянута въ кругъ великорусской политики, руководимой великимъ княземъ всей Руси, московскимъ государемъ, со всеми своими княжескими, боярскими и боевыми силами; непосредственная служба великому князю всей Руси нию иѣотнаго, тверского, естественно влечетъ служебныхъ князей и бояръ Тверской земли къ отъѣзду отъ Твери къ Москвѣ. Исходъ великаго княженія Бориса Александровича и княженіе его сына Михаила—только прологъ къ конечному паденію тверской независимости.

Всюю историческую судьбу, политическія успѣхи тверской великокняжеской власти вошли на пользу московской объединительной работѣ. Показателемъ для этихъ успѣховъ снोकшій переходъ власти въ Тверскомъ великомъ княженіи, по смерти в. к. Бориса Александровича (1461 г.), къ его малолѣтнему сыну Михаилу (р. 1453 г.). Въ его договорахъ съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ рядомъ съ тверскимъ великимъ княземъ упоминаются только незначительный зубцовскій князекъ—Иванъ Юрьевичъ и холмскій князь Михаилъ Дмитріевичъ, братъ московскаго воеводы князя Давида Холмскаго, которыхъ только формально устойчивая традиція выдѣляла, какъ великокняжескую «братью молодшую» изъ среды—безымянной изъ договоровъ—«мншей братьи», князей служебныхъ²⁾. Цѣльмихъ «тверскимъ государствомъ» вошла Тверская земля въ составъ «всѣхъ государствъ Россійскаго царства».

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, ММ 76 и 77. Договоръ вадателями отнесенъ къ 1451 году. Правильная датировка—1453—1454 г. (на развѣ) у С. М. Соловьева („Ист. Росс.“ жн. I, ст. 1086: „послѣ 1454 г.“) и Воряковскаго („Ист. Тверок. кн.“, прим. 930).

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, ММ 88—89 и 119—120.

ГЛАВА VI.

Рязанское великое княжество.

I.

Въ южныхъ предѣлахъ Велкороссіи сложилась особая, безпокойная нѣзкъ Рязанской Украины. Еще въ 20-хъ годахъ XII-го вѣка Муромо-рязанская область выдѣлилась изъ состава Черниговскихъ волостей ¹⁾ въ потнку младшей лѣви черниговскихъ Святославичей, лѣви потомковъ князя Ярослава Святославича; въ 60-хъ годахъ того же вѣка распалась на два обособившихся княжества Ярославовыхъ внуковъ: Муромское Юрия Владимировича и Рязанское Гдѣба Ростиславича ²⁾. Связь между ними порвана въ актъ подчиненія власти Владимірскаго великаго князя. Муромское княжество вплоть поддалеко этой власти, и его князья, видимо, вошли безъ возможности сопротивленія въ положеніе Владимірскаго подручниковъ. Рязанское княжство, суетливое и безпокойное, довело себя — въ походѣ первого десятилѣтія XIII вѣка—до полной утраты владѣній: по городамъ Рязанской земли водворились посадники и тиуны в. к. Всеволода Юрьевича. Но эта прямая великокняжеская власть держалась на Рязани только силой, подавляя возмненія и недовольство населенія. Сыновья Всеволода Юрьевича принуждены съ возвращеніемъ рязанскихъ князей въ нѣтъ отчину, а въ 1219 году рязанские Владиміровичи выбиты изъ земли княземъ Ингваремъ Игоревичемъ, который закончилъ снугу утвержденіемъ рязанской отчины за семьей князей Игоревичей ³⁾.

¹⁾ „Княжое право въ древней Русѣ“, стр. 131—132.

²⁾ Только при сыновьяхъ Ярослава Святославича еще можно, и то съ большими оговорками, называть, по подлѣйшему, Муромъ „удѣломъ“ Рязанской земли; распространеніе этого термина на подлѣйшія времена у Владимірскаго (т. II, стр. 609) неправильно по отсутствію какой либо ближайшей связи между муромскими и рязанскими княжествами.

³⁾ Князь Ингварь отбился отъ Владиміровичей и нѣтъ союзниковъ полководцевъ съ помощью в. к. Юрія Всеволодовича: П. С. Р. Л., т. VII, стр. 126; т. X, стр. 82. Въ послѣдніи десятилѣтія XII в. и въ началѣ XIII-го между рязанскими князьями идетъ усорная борьба за волости и за общій отрой междукняжескихъ отношеній, смыслъ которой трудно уловить по отрывочнымъ сообщеніямъ наматъ лѣтописныхъ сводовъ. Позвидимо, среди рязанскихъ князей былъ живъ, въ эту пору, характер-

Князь Нигварь промчал недолго; Батыево нашествие застало на старшем столяб Рязанской земли его брата Юрия Игоревича. Племянники князя

эти черниговские традиции княжого единства (о них см. „Княже право“, стр. 120—126), которые производствовали утверждение восточной раздана Рязанской земли (впрочем, под влиянием людного остола княжого семца). Но мы не знаем, как подыжились Глбзовичи удальми (или, по черниговски, надльми)—по ряду их отца или по ршвеню старшого брата. Эту брата, Романа Глбзовича, возстановлял против себя братьевъ (Всеволода и Владимира) тѣмъ, что „умникъ“ у нихъ волости, по впушеню теста, князя Святослава Всеволодовича (внукъ омакъ врандебумъ в. к. Всеволоду черниговскыи Ольговичей). По ихъ жалобѣ в. к. Всеволодъ Юрьевичъ принаудилъ старшихъ Глбзовичей—Романа и Игоря отдать споры о волостяхъ съ ихъ младшей братьей на свое ршвеніе („на всей воли Всеволоду цѣловаша крестъ“) и учинилъ рязанскимъ княземъ „порядъ“, раздавъ имъ волости „поумно по старшинству“, т. е. установилъ, какъ имъ владѣть общей отчиной по удѣламъ подъ старшинствомъ Романа (1180 г.). Но въ 1186 г. началась война „красова ша вельми“ между старшими Глбзовичами (Романомъ, Игоремъ, Владимиромъ) и ихъ младшей братьей (Всеволодомъ и Святославомъ); эти младшіе князья сѣдѣли въ Проклѣ. Старшіе братья объяснили свое нападеніе на брата Всеволода тѣмъ, что онъ ихъ „не слушаетъ“. В. к. Всеволодъ снова смирилъ рязанскихъ князей; показавшись онъ ихъ радорами, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, такъ какъ рязанскіе князья то и дѣло воровали опереться на черниговскую силу противъ владимирскаго судальскаго господства. Невидимо, смерть Всеволода Глбзовича „на Проклѣ“ дала поводъ къ воному вырву рязанской смуты въ 1207 году, прѣтѣмъ в. к. Всеволоду была вѣсть, „оже рязанскіи князи сѣдѣлися съ со Ольговичи на ихъ“. Не этотъ разъ особо скомпрометировать передъ в. к. Всеволодомъ провинціи отчата Керъ-Мизамъ Всеволодовичъ (внукъ Всеволода Ольговича Черниговъ) вѣстѣ съ дядями (Романомъ и Святославомъ; Игоря и Владимира уже нѣтъ въ живыхъ — на слѣдѣ по воу в. к. Всеволода ихъ сыновья), а обязавтъ ихъ въ союзѣхъ съ черниговскими Ольговичами — Глбъ и Олегъ Владимировичи. В. к. Всеволодъ вѣстѣ сѣзавтъ обонѣ старшихъ князей (Романа и Святослава) съ ихъ дружинами и духъ Игоревичей (Нигваря и Юрія; а не шестерыхъ, какъ у Шолоховскаго, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 61), и сослать ихъ во Владимиръ, гдѣ они и вробили дѣтъ вѣ заключеніи; Романъ Глбзовичъ тутъ и умеръ; вѣротно и Святославъ, такъ какъ о немъ подѣе нѣтъ упоминаній. Керъ Мизамъ, узнавъ „оже ему стрѣтъ вѣдмани, а отѣдъ ему мертъ, а се на нь рать вѣдтъ“, бѣжалъ къ Проклу въ Черниговъ. Владимировичи, видно, добивались Прокла (проявляя пыталась замѣщаться отъ в. к. Всеволода съ Ниславомъ Владимировичемъ, а затѣмъ, по Лаврентьевской, Всеволодъ посадилъ было въ Проклѣ его брата Олега), но востановило дѣло тѣмъ, что в. к. Всеволодъ заставилъ Рязанцевъ выдѣтъ себя вѣдтъ князей („рязанци вѣдъ адумавше вѣсавше остатокъ князей и со князьями къ в. к. Всеволоду въ Володимиръ“), а затѣмъ выгналъ ихъ Прокла Владимировичей (Нислава), посадивъ тамъ своего попрученна Давыда муромскаго съ посадивкомъ своимъ Осадимомъ, а въ Рязани сына Ярослава и посадивкомъ по городамъ Рязанской земли. Протестъ рязанцевъ подавлетъ сожженіемъ городовъ рязанскаго и близгородскаго. (Ср. Лаврентьевскую хѣтонисъ, 2-е изд., стр. 367—368; 362—363; 400—412, и „Лѣтописецъ Первѣсавана Судальскаго“, стр. 108). Сынъ Всеволода, Юрій, по смерти отца (1213 г.) отпущая въ заточеніи рязанскихъ князей и дружину ихъ, укрѣпилъ ихъ крестами въ вѣдтъхъ („Л. П. С.“, стр. 111); а Владимировичи (Олегъ, Глбъ, Ниславъ) еще въ 1209 г. соединились съ Керъ-Мизамомъ и, при помощи позво-

Юрия, Ингваревича, сидѣла, поведенному на Провскѣ¹⁾. Татарскій погромъ стубилъ большую часть рязанскаго княжого гнѣзда. Уцѣлѣли только два

целя, привудили муромскаго князя вернуть Провокъ Кирь-Михалку (тамъ-же, стр. 100). — Среди рязанскихъ князей, вернувшихся въ свою отчину, старѣйшимъ сталъ Глѣбъ Владиміровичъ (Олегъ умеръ въ 1209 г.), который вступилъ на путь Святослава Олманика: ради объединенія власти надъ всею Рязанскою землей въ свои руки онъ въ 1217 году измѣнительски загубилъ на пиру (при соучастіи младшаго брата Костянтина) — родного брата Мяслава и пятерыхъ двоюродныхъ (Кирь Михаила Всеволодовича, двухъ Игоревичей — Романа и Глѣба, двухъ Святославичей — Ростислава и Святослава), по плоды его злодѣянія достались случайно спешавшему Ингварю Игоревичу, который выбилъ Владиміровичей изъ Рязанской земли съ поддержкой в. к. Юрія Всеволодовича (1219 г.).

¹⁾ Въ некоторыхъ спискахъ сказаніи о „Ватмевой рати“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180; т. X, стр. 103; Летопись по Анад. списку, въ 3 изд. Лаврентьевской, стр. 487) спутанъ Игоревичей съ Ингваревичами и тѣмъ содѣлаи младшаго Олега, брата Юрія Игоревича (по этимъ спискамъ — Ингваревича): „Юрия Ингваревича, братъ его Олегъ Ингваревичъ“, или: „Юрия Ингваревича и братъ его Олегъ“, что явно лишь искажаетъ правильное чтеніе: „Юрия, Ингваровъ братъ, Олегъ Ингваровичъ“ (Новг. IV; П. С. Р. Л., т. IV³, стр. 213) или: „Юрия, Ингваровъ братъ, Олегъ, Романъ Ингваровичъ“ (Новг. I, стр. 247); осторожность А. В. Эвземиларскаго (т. II, стр. 571 и родословную таблицу VII) излишня. Родословныя XVI в. („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 10, стр. 30; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 248) подпадаютъ той же путаницѣ, такъ какъ сыновьями Ингвара Игоревича называютъ: Романа, Юрія, Олега, т. е. выискиваютъ Ингвара Ингваревича, а его братьевъ (Олега и Романа) делаютъ братьями Юрія Игоревича (который у князя Ингваревича; болѣе точно Игорь и Ингваръ правдивы въ смѣшаніи отца съ сыномъ и другъ Романовъ—Игоревича и Ингваревича. Другое сказаніе о зашествіи Батыя („О зашествіи злочестиваго царя Батыя на Русскую землю повѣсть умилъная“) — въ составѣ сказанія „О прішествіи чудотворнаго Николаева образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуя града, въ вѣрадымъ Рязанскіи“, — которое дошло и въ отдѣльныхъ спискахъ („Временникъ М. О. И. и Др.“, кн. 15) и въ „Русскомъ Временникѣ“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 92 и слѣд.), называютъ еще двухъ Ингваревичей — Глѣба и Давыда, причемъ Глѣба именуется „солонешскимъ“, а Давыдъ Ингваревичъ оказался тутъ муромскимъ княземъ; оба они — братья Юрія „Ингваревича“ (Р. Вр., I, стр. 114 и 124—125). — Провскіи князья, упоминаемые въ сказаніи о „Ватмевой рати“, могутъ быть только Ингваревичи: Всеволодъ провскій, упоминаемый въ „умилъной повѣсти“ (Р. Вр., т. I, стр. 110; Временникъ М. О. И. и Др., кн. 10, стр. 14) — по родословной Временника (кн. 10, стр. 30) Глѣбовичъ, а по другимъ (см. у Эвземиларскаго, т. II, стр. 623) Михайловичъ (сынъ Кирь-Михалка), созданіе генеалогическихъ комбинацій, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. Судя по перечислѣ князей, содѣланныхъ Юріемъ Игоревичемъ для отпора татарской силѣ, въ упомянутыхъ текстахъ, — изъ основной тексты, подвергшіеся затѣмъ ряду сокращеній, называлъ за Юріемъ старѣйшаго изъ Ингваревичей (Романа, а въ другой редакціи Олега), затѣмъ муромскихъ и провскихъ князей. Косвенное подтвержденіе тому, что подъ „провскими князьями“ слѣдуетъ разумѣть Ингваревичей даетъ тексты родословной книги, выданной въ 10 книгъ „Временника“, гдѣ послѣ Юрія и Романа названы сперва муромскіи князья, затѣмъ князья Олегъ, Давыдъ и Глѣбъ Ингваревичи. „Повѣсть умилъная“ развиваетъ даже путаницу съ Олегами, повѣствуя, какъ Ингваръ Ингваревичъ собиралъ „раздробленные уди“ брата, Олега Краснаго, и хоронилъ его („Рус. Вр.“, т. I, стр. 125); зная, что Олегъ остался живъ,

Игваревича: Олега, который был послан дядей за помощью в Чернигов и вернулся оттуда в Рязанское княжество, когда слышана татарская напасть, в Олегу, топящийся в ордынском плъну. О князе Игварѣ Игваревичѣ только и знаем, что онъ обрелъ землю Рязанскую; даже время его кончины не отгъчено лѣтописными сводами; обычно полагаютъ, что его не было въ князѣ, когда въ 1262 г. «пустили татарове рязанскаго князя Ольга Игваревича, княжа Игорева, на свою землю»¹⁾. При Олеге Игваревичѣ оформилось владчество Орды надъ Рязанской землей, ордынские чюсленики «изочюли» землю Рязанскую, и установлена татарская власть въ русскомъ улусѣ золотоордынскаго хановъ.

Олеге оставилъ единственнаго сына—Романа, но в двѣнадцатилѣтнее княженіе этого князя на Рязани (1268—1270) ничѣмъ не отгъчено въ нашихъ источникахъ, кромѣ сказанія о его мученической кончинѣ въ Ордѣ. Отъ князя Романа Ольговича пошли рязанскіе князья. Такъ исторія Рязанской земли начинается какъ бы заново въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью. Подъ татарской властью Рязанская земля слугается въ сильное княжество, одно изъ мѣстныхъ великихъ княженій Северо-восточной Руси. Его значеніе опредѣлилось въ XIV вѣкѣ въ зависимости отъ его географическаго положенія, какъ Рязанской Украины—лишняго форпоста Великороссіи. На югѣ оно владѣло важными водораздѣлами между бассейнами Оки и верхняго Дона. Поселенія, тянувшія къ Рязани, спускались и южнѣ этого водораздѣла, пока гдѣсь давалъ имъ прикрытіе отъ степной опасности, по Дону и Вороню до рѣчки—притоковъ Дона—Тихой Сосны, Черемнаго Яра и Битюга, а восточнѣе—по Великому Воронею, притоку Хопра. Здѣсь проходила въ концѣ XIII-го и въ XIV вѣкахъ граница между Рязанской и Сарайской сарацинскими²⁾. Конечно, такъ далеко къ югу и юго-

историка считаютъ Олега Красваго—братомъ Юрія Игоревича (Иловайскій, Ист. Рязанскаго княжества, стр. 90) или отдѣляютъ происжде въ пользу племянника, оставивъ меньшаго дядю просто Олегомъ (Эвемпларскій, т. II, стр. 370 и 372).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 160. Олега обычно считаютъ младшимъ сыномъ, что онъ поше княжилъ. Однако, возможно, что онъ былъ вторымъ сыномъ Игваря Игоревича (послѣ Романа); возвращеніе изъ Орды могло и не стоить въ связи со смертью его брата Игваря. Отсутствие свѣдѣній не даетъ возможности возстановить даже элементарные факты рязанской исторіи XIII вѣка. Жалованная грамота в. к. Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. Н., т. I, № 2) вызываетъ большое сомнѣніе: переименъ «предѣломъ» в. к. Олега Игваря, Олега, Юрія. Первые двое—Игваревича? Но какъ попалъ на третье мѣсто Юрій, ихъ дядя?

²⁾ Историкъ Рязанскаго княжества, Д. И. Иловайскій отмѣчаетъ возрожденіе русской колонизаціи въ юго-восточномъ направленіи послѣ Ватмена погрома (указ. соч., стр. 93—94); граница княжества перешагнула за рѣку Вороню и углубилась въ степь; окрестка русскія поселенія въ степномъ пространствѣ между р. р. Ворѣнскомъ, Донемъ, Хопромъ и Великой Вороней, известномъ подъ названіемъ Черемнаго Яра. Этотъ предѣлъ рязанской украины, обращенный къ татарской степи, область малой пограничной борьбы и постоянной военной тревоги; была предме-

востоку забиты только отдельные поселения, выдвинутые в степную сторону далеко от главной массы поселений. Ядро земли было много севернее. Старая Рязань была естественным центром этого ядра, но с нею конкурирует в значении центра княжой рязанской силы Переяславль рязанский, выше къ сѣверо-западу по Оки. Возвышение Переяславля и его конечная побѣда надъ Рязанью показательны, по своему, для боевого положения Рязанской земли. Передъ вазальной и изурительной южной опасностью эта земля жмется къ сѣверу, къ центральнымъ областямъ восточнорусской силы. Южные предѣлы Рязанской земли сводили ее со степью, гдѣ господствовали татары, не лямская только сила, но и беспокойная разбойничья земля орды, которая со своими ордынскими царевичами и князьями наезжала на Русь на свой рискъ и на свою добычу. Боевая тревога стала за обычай жителямъ Рязанской Украины и выработала изъ нихъ тотъ свѣдѣльскій, буйный и «дерзкій» нравъ, о которомъ твердятъ съ укоризной московскіе князья.

Опорнымъ пунктомъ рязанскаго союза въ южномъ направленіи служилъ Пронскъ, который рано получилъ значение особаго княжого стола. А укрѣпить свои южные позиции и развивать ихъ оборонительное и наступательное значение Рязанское княжество могло только захватывая, по мѣрѣ силъ и возможности, прилегающія Чернигово-сѣверскія волости и вовлекая въ сферу своего политическаго вліянія ихъ мелкихъ сосѣднихъ княжествъ ¹⁾. Западныхъ отношеній—съ Черниговщиной, затѣмъ съ Лаврою имѣла постоянное и крупное значение для Рязани.

Не спокойнѣе была и восточная граница Рязанской земли—по рѣкѣ Цѣль, примыкавшая къ ицѣдерскимъ и мордовскимъ мѣстамъ. Затѣмъ борьба съ сосѣдними восточно-финскими племенами и съ кочевой силой южной степи еще въ XII столѣтіи связала Рязанскую землю съ Судалянщиной. Въ великихъ князьяхъ Владимірскихъ рязанскіе князья находили

той споръ о разграниченіи рязанской и сарайской епархій. Грамота митр. Феогноста (А. И. т. I, № 1), подтверждающая рѣшеніе митр. Максима и Петра въ пользу рязанской епархій, обращена „во всѣмъ христіаномъ Черкаленомъ Яру“; грамота митр. Алексѣя (о томъ же, А. И., т. I, № 3)—„во всѣмъ христіаномъ, обрѣтающемся въ предѣлахъ Черкаленого Яру и по караулѣмъ волею Хосра до Дону“. Рязанскіе князья держатъ тутъ степную сторожу для предупрежденія внезапныхъ татарскихъ набѣговъ, развѣивъ зародыши воздѣлѣнной ставкой и сторожевой службой (ср. Вѣзема въ „Чтенияхъ О. И. и Др.“, 1846 г.). Д. И. Клоковскій придаетъ значеніе тому, что „караули“ упомянуты только въ грамотѣ митр. Алексѣя, а не Феогноста, и заключилъ, что въ 1360-хъ годахъ они были еще живы. Но различіе въ формулѣ обращенія объяснитъ грамотѣ едва ли имѣетъ столь определенно показательный смыслъ для датировки поселенія украинныхъ карауловъ, а по существу это явленіе старинное, каже болѣе еще изъ предѣловъ половецкихъ.

¹⁾ у Клоковскій; *Исторія Рязанскаго княжества*, стр. 87 и 104; о князьяхъ Владимірскихъ и Ковельскихъ при Олегѣ Ивановичѣ см. тамъ же, стр. 127.

опору своимъ недостаточнымъ силами, но и платилъ за то подчиненіемъ, которое естественно обуславливалось значеніемъ Рязанской Украйны, какъ великорусскаго форпоста противъ владетельскаго юга и юго-востока.

Эти изданія сложившіяся отношенія существенно опредѣляли и дальнѣйшія судьбы Рязанской земли. Ея боевое положеніе органически требовало опоры въ связи съ великорусскими центромъ. Жидкой артеріей этихъ связей было теченіе Оки и ея притоковъ. Укрѣпить этотъ свой тылъ и расширить его базу было существовавшей потребностью Рязанской земли. Но возможность усиленія въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіяхъ была рано оборвана окрѣпшею Москвою. Между Москвою и Рязанью—соперничество за воласта ослабѣвшей и распадавшейся Черниговщины. Спорными мѣстами были для нихъ Лопатня, Верея, Воронскъ, Лужа, которые въ договорныхъ грамотахъ опредѣляются, какъ «мѣста рязанскія», хотя все—это бывшія чернигово-сѣверскія волости ¹⁾. Завласть ихъ Москвою означало, вѣроятно, съ захватомъ Коломны—ключъ къ путямъ на Рязань съ сѣвера. А, съ другой стороны, устье Оки замкнуто Нижнимъ-Новгородомъ; къ тому же развитіе рязанской территоріи внизъ по Окѣ преграждено муромскими владѣніями, которые давно ускользнули изъ подъ рязанскихъ вліяній и потянули къ великокняжескому Владиміру.

Такое, въ самыхъ общихъ чертахъ, положеніе Рязанской земли, которое обусловило тяжелую ея исторію. Рязанское княжество въ крайне трудныхъ условіяхъ приняло на себя, по историко-географической необходимости, боевыя и колонизаціонныя задачи русскаго сѣверо-востока, поддержку и развитіе традицій старой Суздальщины въ южныхъ отношеніяхъ Великороссіи, пока ковалъ, московская сила не объединитъ залова въ одномъ центръ разрозненныхъ теченій великорусской народнои жизни.

Исходъ XIII вѣка и начало XIV-го—время, когда Рязань вовсе представляла своимъ собственнымъ, мѣстнымъ силамъ, а великорусскій центръ навислаъ ей только ослабляющіе тяжкіе удары.

Наше гѣтонисное своды крайне незначительны къ судьбамъ Рязанскаго княжества. По нимъ (а другого матеріала нѣтъ) слыхкомъ часто нельзя точно установить даже элементарные факты рязанской исторіи—хотя бы генеалогію рязанскихъ князей и хронологическую канву ихъ преемства.

Князь-мученикъ орднцисій, Романъ Ольговичъ умеръ въ 1270 году, оставивъ трехъ сыновей—Федора, Ярослава и Константина. Федоръ Романовичъ съѣлъ, вѣроятно, на старшемъ рязанскомъ столѣ; подѣлъ княжескіемъ его братъ Ярославъ возродилъ особое прюское княженіе. Однако, даже этотъ

¹⁾ Ср. замѣчанія С. М. Соловьева, *Ист. Россіи*, кн. I, ст. 1142, и договоръ 1381 г. между в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ и рязанскими в. к. Олегомъ Ивановичемъ (С. Г. Г. и Д. т. I, № 32): тутъ «рязанскіи мѣстами» названы Новая городокъ, Луца, Верея, Воронскъ.

факты устанавливаются съ трудомъ, по даннымъ спорнымъ и противорѣчивымъ; а какиъ-либо детальнымъ свѣдѣнiй о рязанскихъ событiяхъ и объ отношенiяхъ между князьями нами источникъ и вовсе не дають¹⁾.

¹⁾ О князѣ Федорѣ Романовичѣ находимъ только упоминанiе его лютчимъ въ 6301 (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 83) или 6803 (Лаврентьевская, стр. 480; П. С. Р. Л., т. X, стр. 169); онъ названъ княземъ Федоромъ Романовичемъ Рязанскимъ (только въ нѣкоторыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи „княземъ великимъ“— П. С. Р. Л., т. X, стр. 169, вар. е). Умеръ онъ бездѣтнымъ, судя по тому, что нѣтъ упоминанiя о его потомкахъ, и по пренебреженiю спискомъ князей въ родословцѣ къ его памяти: они объ немъ вовсе не упоминають (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 574, прил. 1850). Старшимъ Романовичемъ и преемникомъ отца историкъ (С. М. Соловьевъ, Ист. Россiя, кн. I, ст. 883; Иловайскiй, Ист. Рязанск. княжества, стр. 91; Экземплярскiй, т. II, стр. 573) называетъ Федора, очевидно, только потому, что онъ первый умеръ, да еще отдавъ такому же соображенiю тѣхъ списковъ Никоновской лѣтописи, которые придаютъ ему великокняжескiй титулъ. Однако, этому противрѣчатъ два текста, указанные Д. И. Иловайскимъ (указ. соч., стр. 206 и 207): приписка къ Рязанской Коричей (писана въ 1284 г.), составитель которой епископъ Юсефъ датируетъ свой трудъ словами— „во дни же благоутраваго христолюбива князя Ярославъ и брата его Федора, рязанскихъ князей и великихъ князей, матере ихъ, Анастасiа“, и правая грамота XV вѣка, гдѣ читается ссылка на „грамоты старинные великихъ князей рязанскихъ Ярослава и брата его Федора и сына его Михаила Ярославича“. Но, съ другой стороны, Ярославъ Романовичъ упоминается въ сообщенiи подъ 1299 (6807) г. о его смерти называемъ только княземъ проскимъ (Лаврентьевская, стр. 461; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 162; т. XVIII, стр. 84). Никоновская (т. X, стр. 172) даетъ ему титулъ „князя великаго“, но сохраняетъ названiе „проскiй“. Поэтому С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 883) считаетъ Ярослава „третьимъ Романовичемъ“, а Константина—вторымъ и преемникомъ на Рязани послѣ Федора. Но Иловайскiй (стр. 91) и Экземплярскiй (стр. 573) признають его (согласно съ родословнымъ, кромѣ тѣхъ, которыя Ярослава дѣлають Константиновичемъ, впрочемъ Романа) вторымъ Романовичемъ и преемникомъ брата Федора. Ихъ выводъ подтверждается другимъ предположенiемъ: что глухою заставою въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1300 г. „того же лѣта рязанские князи Ярославичи... [одного слова недостаетъ] у Переславца“ означаютъ усобицу Ярославичей съ дядей Константиномъ. Эти отрывочныя намеки получили бы нѣкоторую ясность, если предположить, что „у дядюжъ“. Константинъ былъ Переславцемъ, что Ярославъ приобрѣлъ старшинство въ Рязанской землѣ отъ дяди вочуждымъ княземъ на Пронскѣ, что близки Ярославичи подъ Цереевскими съ дядей противъ перехода къ нему отцовскаго старшинства. Но все это слишкомъ гадательно для сколько-нибудь надежныхъ заключенiй. Оставаясь въ текствѣ построений Иловайскаго и Экземплярскаго, полагаю, что приписка на Рязанской Коричей, можетъ быть, выдвинула впередъ Ярослава по какиъ-либо мѣстнымъ отношенiямъ (проскiй?) или по личному отношенiю князя Ярослава къ труду епископа Юсефа. Эта приписка еще тѣмъ интересна, что титулуется мать „великаго князя“, не давая такого знанiя сигнальныя: передъ нами сидя съ матерью-вдовой во главѣ. Однако, правая грамота „второй половины XV вѣка“, на которую ссылается Иловайскiй (указ. соч., стр. 207), дала бы сильную поддержку этой припискѣ на коричей князь въ пользу признанiя старшинъ Ярослава, если бы ея формула не вымывала сомнѣнiй при сопоставленiи (тамъ же) съ грамотой 1340 г. проскаго князя Александра Михайловича, гдѣ его дѣдъ названъ „Ярославомъ проскимъ“.

Не лучше обстоят дѣла съ нашими свѣдѣніями о дальнейшей судьбѣ Рязанскаго княжества. По смерти Федора (въ 1293-4 г.) и Ярослава (въ 1299 г.) въ Рязанской землѣ размыгались какая-то смута¹⁾, помогшим новгородскому князю Даниилу захватить рязанскій городъ Коломну и князя Константина, который и убитъ въ Москвѣ Юріемъ Даниловичемъ въ 1306 г. Все же не знаемъ, что творилось на Рязани въ годы плѣненія Константина и послѣ его смерти, какъ сложились отношенія между его сыномъ Василиемъ и проясскими вочичами Ярославичами, Иваномъ и Михаиломъ²⁾. По убійствѣ кн. Василия въ Ордѣ въ 1308 году упростило внутреннія отношенія рязанскаго княжества: на исторической сценѣ только прояская ихъ днѣя, потомство Ярослава Романовича. На старшемъ столѣ княженія—Иванъ Ярославичъ, а Проясскъ остался за его племянникомъ Александромъ Михайловичемъ³⁾. Когда Иванъ Ярославичъ погибъ отъ татаръ—не то въ Шекснинской рати, не то въ Ордѣ (въ 1327 году), рязанскія князья стали смѣляго Иванъ Кортюцолъ.

Самая скудость свѣдѣній о дѣлахъ Рязанской земли и ея князей можетъ быть принята за свѣдѣтельство объ ея значительномъ обособленіи отъ общихъ судебъ тогдашней Великороссіи. Рязанскіе князья не играютъ роли въ борьбѣ между Тверью и Москвою, стоятъ въ сторонѣ отъ очередныхъ, острыхъ вопросовъ великорусской жизни. Рязанская земля вынесла первые, наиболѣе тяжкіе удары татарскаго нашествія⁴⁾, и татарская сила нависла надъ нею болѣе тягостно, чѣмъ надъ какою либо иной русской областью. Князь Олегъ Нигзаровичъ пятнадцать лѣтъ томился въ ордынскомъ плѣну; Ольговичъ Романъ погибъ въ Ордѣ мученикомъ за вѣру; татаряни убиты его внуки Василий Константиновичъ и Иванъ Ярославичъ;

¹⁾ Эпизодическіи (возлѣдъ за Иловайскимъ) пытаются установить связь между тѣмъ, что приключилось съ Ярославичами у Переславля въ 1300 г. и тою смутною рязанскою бурей, которая помогла кн. Даниилу „взятіюю“ захватить кн. Константина въ битвѣ подъ Переславлемъ въ 1301 г. Ему за этии намеренія довольно естественно расуется княжна и боярская смута на Рязани, которой воспользовался Даниилъ.

²⁾ О кн. Василии Константиновичѣ знаемъ только, что онъ „убиенъ бысть въ Ордѣ“ въ 1306 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 176). Изъ Ярославичей загоищи знаютъ только Ивана; имя Михаила Ярославича въ упомянутой выше правои грамотѣ XV в. Василии признають, возлѣдъ за С. М. Соловьевымъ (кн. I, ст. 913), рязанскіи князьями послѣ Константина, а его гибель въ Ордѣ Иловайскій склоняетъ отнести на счетъ „прояснотъ его двоюродныхъ братьевъ, проясскихъ князей“ (указ. соч., стр. 92).

³⁾ Вопросы генеалогіи рязанскихъ князей этой „прояской“ днѣи потомкомъ Ярослава Романовича удалось выяснии, насколько это возможно. Д. Н. Иловайскій и А. В. Эммануиловъ.

⁴⁾ Кроиъ нашествія 1237—1239 г. Рязанской земли коснулось раззорительное нападеніе 1239 г., когда „внша татарове Мордовскую землю и Муромъ похоща и по Князьи воеваша и градъ сангяи Вогородица Гороловецъ похоща“ (Лаврентьевская, стр. 466).

послѣ шестидесяти 1237 и 1239 годовъ, Рязанская земля испытала разорительные татарскіе наѣды въ 1278, 1288, 1308 годах¹⁾. Какъ не отрывочны и случайны наши свѣдѣнія о рязанско-татарскихъ отношеніяхъ за данное время, они все же даютъ нѣкоторое представление о тяжести татарской руки для Рязанской земли. Ни силы центральной Великокорусіи, ни великокняжеская власть, подавленная внутренней борьбой, не были въ состояніи дать какою-либо опору Рязанской украинѣ. Въ ея тылу стояла правдивная Москва, которая зазываетъ Коложичи, пльвоичъ и убійничъ князя Ковстантина лишь успиша оторванность Рязани отъ великорусскаго центра и расстройство мѣстной организаціи рязанскихъ силъ.

Успіаніе великокняжеской власти въ рукахъ московскихъ Даниловичей Юрія и Ивана поставило въ болѣе тѣсную зависимость отъ нея и рязанскихъ князей. П. к. Юрій Даниловичъ ходилъ на Рязань ратью въ 1320 г. и привелъ князя Ивана Ярославича къ «доковчанію», послѣ котораго видны рязанскихъ князей въ составѣ великокняжеской «незовской рати»²⁾. Однако, въ княженіи Ивана Коротополь ведены черты значительной и крѣпящей самостоятельности Рязанскаго княжества по отношенію къ великорусскому великокняжескому центру. У Коротополя свои особыя сношенія съ Ордой, и на Рязани своя борьба за оборъ и амплитуду татарскаго выхода.

Въ 1340 г. князь Иванъ Коротополь идетъ къ своему стольному Переяславу съ татарскою ратью воеводы Толубія въ походѣ на Смоленскъ. По пути Коротополь перахватилъ своего провскаго двоюроднаго брата Александра Михайловича, который ѣхалъ къ хану въ Орду съ выходомъ, «вызывалъ его пограби, и приведе его въ Переяславъ рязанскій, поведе его убити»³⁾. Изъ Переяслава рать Толубія и Коротополь пошла къ Смоленску, а къ ней присоединились великокняжескія войска Ивана Калиты съ князьми суздальскимъ, ростовскимъ, юрьевскимъ, друцкимъ и юмскскимъ и великокняжескими воеводами. Расправа съ княземъ провскимъ въ присутствіи ордынскаго воеводы, представителя ханской власти, не простое самоуправство, а рѣшное проявленіе великокняжескихъ притязаній по отношенію къ «удѣльному» князю Рязанской земли⁴⁾.

¹⁾ Въ 1278 г. «призодима татарове на Рязань и много зла створиша и отхлота въ спосахъ»; въ 1288 «князь Екортал ордынскій, Темірлукъ сынъ, прихлота ратью на Рязань и воша Рязань, Муромъ, Мордау и много зла створиша, хлота воевода»; въ 1308 г., послѣ убійствъ въ Ордѣ князя Василия Ковстантиневича, «татарове Рязань воеваша» — П. С. Р. Л., т. X, стр. 158, 167, 176.

²⁾ «Ходи князь Юрій ратью съ братомъ Иваномъ на Рязань на князя Ивана Рязанскаго и доковчаша миръ» (Нолг. I, стр. 319); «въ лѣто 6841 (1335) приде князь Иванъ въ Торнекъ съ воими князи незовскими и съ рязанскими» (тамъ же, стр. 328).

³⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 206; т. IV², ч. I, стр. 370; т. XVIII, стр. 93. Въ Тверской лѣтописи (т. XV, ст. 421) и Никольской (т. X, стр. 311) подлѣ 6847 (1339) г.

⁴⁾ Возможно, что именно Иванъ Коротополь началъ титуловать себя «велик-

Пронское княжество перешло къ сыновьямъ убитаго Александра—Ярославу—Дмитрию и Ивану. Ярославъ Александровичъ подалъ въ Орду дѣло объ убійствѣ отца и достигъ въ 1342 г. того, что данъ отпустить его изъ Орды «на Рязанское княженіе» съ посломъ Княдинокъ и татарской ратью. Коротополь пытался оказать сопротивленіе, но осаждаемъ въ Перемыслахъ, бѣжалъ изъ осады и вскорѣ убитъ, попавъ во вражескія руки¹⁾. Съ нѣмъ оборвана еще одна линія рязанскаго княжескаго дома²⁾. Вся Рязанская земля во власти пронскихъ Александровичей³⁾. Ярославъ пережилъ Корото-

поль княземъ рязанскимъ⁴⁾, по аналогіи съ теоретич. князьями. Щедрое примѣненіе этого титула позднѣйшими грамотами къ предшественникамъ Коротополя нельзя считать показательнымъ. Въ грамотахъ Дмитрія Донскаго рязанскіе князья титулуются «великими» (Олегу Ивановичу, Федору Ольговичу).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. XVIII, стр. 94 (Троицкая и Симеоновская), т. X, стр. 215.

²⁾ Вѣсть говоритъ, вражда къ памяти Олега Ивановича даже поводитъ къ призванію его сыномъ братоубійцы Коротополя (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243: «а князь Иванъ сынъ Коротопольцевъ Олега, иже бысть сохитанъ безбожному Мамаю»; ср. также Ивановской объ убійствѣ Коротополя, т. X, стр. 215). Грамоты (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65, 115 и 116) устанавливають оградѣнно, что Олегъ сынъ князя Ивана Александровича (см. у Иловайскаго, Ист. Рязанск. кн., стр. 206—310). И въ грамотѣ Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. Н., т. I, № 2) князь Олегъ называетъ отцомъ своимъ Ивана Александровича. О какомъ-либо потомствѣ Коротополя вѣсть не сохранила.

³⁾ Лѣтописные своды сообщаютъ, что кн. Ярославъ «бѣгъ въ Ростиславль» (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 94,—Троицкая и Симеоновская; тоже въ Воскр., т. VII, стр. 209, въ Никол., т. X, стр. 215; но тутъ можно предположить съ Иловайскимъ, указ. соч., стр. 93 (ср. Экземпларскаго, т. II, прим. 1869) простую ошибку переписчиковъ нашихъ сводовъ. Однако, выше лѣтописные своды называютъ князя Ярослава въ извѣстіи о его кончинѣ—княземъ пронскимъ, а не в. к. рязанскимъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 209; т. X, стр. 216; т. XVIII, стр. 94). Сынъ Ярослава Владимиръ—пронскій отчичъ, а братъ Ярославъ—Иванъ Александровичъ извѣстенъ какъ великій князь рязанскій по договорнымъ грамотамъ его внука и правнука (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65; также № 115—116 и упоминаемая грамота Олега Ивановича, А. Н., т. I, № 2); лѣтописные своды упоминають только его кончину въ 1350 г. (П. С. Р. Л., т. X, стр. 222; т. XVIII, стр. 97; т. VII, стр. 215—подъ 1351 г.), и то называютъ его не Иваномъ, а Василіемъ. Потомки Ярослава остались пронскими отчичами, а въ великомъ княженіи вѣданы Олега Ивановича и его потомковъ; потому А. В. Сиземпларскій предводитъ, что старшимъ Александровичемъ былъ Иванъ, а младшій Ярославъ мимо него получалъ ханскій ярлыкъ («отлучилъ») на Рязанское княженіе, такъ что Иванъ Александровичъ занялъ старшій стокъ только по смерти младшаго брата въ 1344 г. (указ. соч., т. II, стр. 581—582). Однако, у насъ нѣтъ основаній утверждать, что Ярославъ утвердился во в. к. рязанскомъ и рѣшительно отвергаетъ указаніе лѣтописца, что оль умеръ княземъ на Пронскѣ; вѣтъ и увѣренности, что его возмѣненіе «въ Ростиславль»—создане простой ошибкой, что князь Иванъ не занялъ старшаго рязанскаго стока (въ Перемыслахъ) еще при жизни брата. Мудрено заподозривать отсутствіе фактическихъ данныхъ—догадками.

пола не больше, какъ на годъ, а князь Иванъ Александровичъ умеръ въ 1350 г. Великое княженіе на Рязани перешло къ его сыну, весьма еще юному князю Олегу, а на Пронскомъ княженіи—двоюродный братъ Олега Владиміръ Ярославичъ, который, новизинному, тоже остался послѣ отца малолѣтникомъ. Хозяевами положенія въ Рязанской землѣ оказались рязанскіе бояре.

II.

Середина XIV вѣка отъичена значительнымъ подъемомъ рязанской энергіи. Прискорбная скудость свѣдѣній о жизни Рязанской земли, какія находимъ въ нашихъ источникахъ, не позволяютъ прискорбаться ближе и глубже къ этому существенному явленію.

Вѣшнія обстоятельства благоприятствовали рязанскимъ стремленіямъ къ усиленію и самостоятельности. Московское и великое княженіе Ивана Ивановича отищено ослабленіемъ великокняжеской власти и skutой въ московской боярской средѣ; вѣтъ наступили годы малолѣтства Дмитрія Донского и борьбы его за великое княженіе. Эти московскія дѣла умалали на первыхъ порахъ московское вліяніе въ Ордѣ; открылась возможность успѣшнымъ провозомъ въ средѣ ордынскихъ властей, попытокъ перетянуть на свою сторону татарскую силу.

Въ апрѣлѣ 1358 г. умеръ в. к. Симеонъ Ивановичъ, а въ іюлѣ рязанцы взяли Лопасту, увели московскаго наѣстника плѣннымомъ въ Рязань и едва отпустили его за выкупъ. Князь Иванъ Ивановичъ былъ тогда въ Ордѣ, куда съѣхались всѣ русскіе князья; адѣсь шелъ у него споръ о великомъ княженіи съ суздальскимъ княземъ, а вернулся онъ на великое княженіе во Владиміръ зимой 1354 г., въ мартѣ вѣскаѣ. Юный князь Олегъ едва ли игралъ въ этомъ дѣлѣ руководящую роль; вѣрнѣе, что в онъ былъ въ Ордѣ, да лѣтосписи и подчеркиваютъ, при сообщеніи о захватѣ Лопасты, что «князь Олегъ тогда еще младъ былъ», а самое дѣло приписываютъ не ему, а «рязанцамъ»¹⁾. Видно, что рязанскіе бояре использовали удобный моментъ для энергичнаго выступления, и skutымъ удержать Лопасту, в. б. въ связи съ затрудненіями, какіе были созданы для московской власти внутренней skutой, которая проявилась въ убіеніи тысяцкаго Алексія Петровича и въ отъѣздѣ съ Москвы на Рязань «большихъ бояръ московскихъ».

Захватъ Лопасты былъ съ рязанской стороны только первымъ шагомъ въ требованіи исправленія рязанско-московской границы. Въ 1358 г. прабылъ на Рязани царевичъ Магметъ-Хожа и послалъ отсюда къ в. к.

¹⁾ И. С. Р. Л., т. XVIII (Троицкая и Симеоновская), стр. 28; т. X, стр. 226—227 (подъ 6861 г.).

Ивану Ивановичу требовали о «раздѣдѣ земли Рязанской». Но на этотъ разъ рязанскіе требовали не получить удовлетворенія. Митр. Алексій, руководитель московской политики, успѣлъ приобрести значительное вліяніе въ Орду, а «замѣтилъ» ордынская, связавшая съ убіеіемъ хана Джалибека и переходомъ власти къ Бердибеку, слугила царевича Махметъ-Хожу: в. к. Иванъ не пустилъ его на Москву, онъ отозвалъ изъ Орду и убить таизъ «повелѣніемъ царевны». Только въ 80-хъ годахъ, уже при митр. Кипріяніи, добились рязанцы новаго разграниченія своей земли съ московскими владѣніями¹⁾.

На ридѣ лѣтъ между Москвою и Рязанью нависла непорѣшимая «потора». Эта напряженность московско-рязанскихъ отношеній создавала крайне двойственное положеніе Рязанскаго княжества между Москвою и татарами, подготавливая и предопредѣляя позднѣйшую ползатку в. к. Олега. Рязань и рязань искала въ Орду опоры противъ московскаго засилья. Татарская помощь была на сторонѣ рязанскаго князя Константина Романовича въ битвѣ, которая кончалась для этого князя вліномъ и гибелью отъ московской руки; въ ордынскихъ связяхъ ищутъ рязанцы опоры для константинизма своихъ владѣній по Оку. Но татарская сила ненадежна; быстро нарастающее разложенеіе ордынскихъ отношеній ея частыми «замѣтилъ» исключали возможность опредѣляющихъ и устойчивыхъ отношеній ея къ дѣламъ русскаго уюса. Отдѣльными малыми орды чинили самостоятельные набѣги, и халская власть была безъ связи передъ татарской анархіей. Въ 1866 г. Рязанская земля испытала набѣгъ ордынскаго князя Тагаса; татары пожгли Переяславль, но

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 280; т. XVIII, стр. 100; С. Г. Г. и Д., т. I, № 32.— Впрочемъ, изъ котораго соглашеніе о новомъ разграниченіи земель рязанскихъ и московскихъ состоялось еще при Иванѣ Ивановичѣ: Лопаства осталась за Рязанью, а в. к. Иванъ получалъ Новыя городки на устьѣ Поротки и «иная мѣста рязанская отъиная», о чемъ упомянуто въ его духовной грамотѣ (С. Г. Г. и Д., № 26); но сама эта грамота свидѣтельствуетъ о тревогѣ за прочность такого обитва и вообще владѣній спорными землями («а ци по грѣхонъ ишутъ въ Орду послати Колономъ или Лопастевскимъ мѣста или отъиными мѣста рязанскими»). С. М. Соловьевъ полагалъ, что съ Лопаствою Москва потеряла въ пользу Рязани «шестъ другихъ мѣстъ», т. е., очевидно, тѣ, что въ договорѣ 1381 г. упомянуты «на рязанской сторонѣ за Окою, что доселе полагаво къ Москвѣ»: именъ Лопастамъ еще Мстиславъ уладъ, Жадѣе городище, Жадамль, Дубокъ и Вродичь («Ист. Россіи», кн. I, ст. 951 и 1141); это весьма вѣроятно, но, въ такомъ случаѣ, текстъ договора 1381 г. съ его выраженіемъ «что доселѣ полагаво къ Москвѣ» и безъ смысла на прежній договоръ свидѣтельствуетъ, что формальнаго договора не было заключено при в. к. Иванѣ и митр. Алексѣи, и весь «обитва» какъ-будто и не былъ оформляемъ? Татищевская передача эпизода о Махметъ-Хожѣ (т. IV, стр. 185) примѣръ произвольнаго комментаріа, какое Татищевъ внесъ въ редакцію текста: отсюда и цѣлая история о спорѣ за Лопаству у него-же (стр. 223). Лопаства по отношенію къ Москвѣ, очевидно, за Окою; лопастевскія мѣста по р. Лопастѣ, къ югу притоку Оки, остались за Москвою.

князь Олег и Владимиръ съ козельскимъ княземъ Титомъ, Олеговичемъ своимъ, напали в разбни его у Шившевскаго гѣса на р. Войтъ¹⁾. Тягость татарской опасности тормозила разрывъ зависимости Рязани отъ великорусскаго великаго княженія и подрывала значение ордынскаго покровительства, слишкомъ неустойчиваго и внутренне обезсмысленнаго. При всей напряженности московско-рязанскихъ отношеній—сохраняется связь Рязани съ великимъ княженіемъ, и мы видимъ рязанскую рать «князя Олега рязанскаго» подъ воцводствомъ прюкскаго князя Владимира въ борьбѣ противъ Ольгерда, при его нападеніи на Москву въ 1370 году²⁾.

Однако, 1350-е—1370-е годы были временемъ, когда великокняжеское положеніе московскихъ князей пережило тяжкій кризисъ подъ давленіемъ борьбы съ поднявшейся новой силой великаго княженія нижегородскаго и съ Новгородомъ Великимъ, съ порывами Твери къ независимости и преобладанію въ Восточной Русси, съ судорожными движеніями татарской силы, съ наступленіемъ къ востоку Литовскаго великаго княжества. Исходъ этой многоаспектной борьбы былъ долгое время неясенъ для современниковъ, а Рязанское княжество, не имѣя твердой опоры въ великорусскомъ цестрѣ, должно само себя оборонять и само устанавливать свои отношенія къ татарскому и литовскому сосѣду³⁾. Эта тѣга въ обособленію политическому самоопредѣленію Рязанскаго княжества ослаблена и обострена порубежными спорами съ Москвою, потребностью Рязани укрѣпить свою прюксую базу «вершными и непретворными предѣлами и рубежами»⁴⁾. Двойственное положеніе Рязанскаго княжества между великорусскимъ великимъ княженіемъ всея Руси и его южными и западными врагами опредѣляло въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка внутреннее разногласіе рязанскихъ тенденцій. Младшее—прюксое—княженіе становится центромъ тяготѣнія къ Москвѣ; и ея великокняжеской силѣ, тогда какъ младшее рязанское княженіе ищетъ выхода изъ подъ московской власти и пытается самостоятельно опредѣлить свои сосѣднія отношенія на три фронта.

Намъ ближе неизвѣстны мотивы разрыва между Рязанью и Москвою въ 1371 году⁵⁾; суть вопроса въ отношеніи этого разрыва къ договору,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 18; т. XI, стр. 3; т. XVIII, стр. 104.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 13; т. XI, стр. 14 (подъ 6879 г.); т. XVIII, стр. 110.

³⁾ Назрѣваетъ та «эмаксинація Твери и Рязани отъ подчиненія в. к. московскому» въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, которую выдвигаетъ М. К. Лебедевскій въ своихъ «Лекціяхъ по древней русской исторіи», стр. 167.

⁴⁾ По выраженію Никонцевой лѣтописи—П. С. Р. Л., т. X, стр. 330.

⁵⁾ С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 961—986) ограничился указаніемъ, помимо точныхъ, что произошло это «неизвѣстно по какимъ причинамъ», а подчеркнул только, какъ въ ходъ конфликта оказавшее «вражда между двумя княжескими динаміями, рязанскою и прюкскою»; Иловаевскій (стр. 108) прямо предполагаетъ «участіе, которое прюксій князь принималъ въ войнѣ Дмитрія съ Олегомъ»; Эвксимлярскій (т. II,

какой в эту пору заключены между великими князьями Ольгердомъ и Дмитриемъ. А въ договорѣ этомъ читаны упоминаніе о включеніи въ мирный трактатъ съ Ольгердомъ тѣхъ князей, «кто будутъ со княземъ съ великимъ в Дмитриемъ Ивановичемъ и съ его братьемъ со княземъ съ Владиміромъ Андрѣевичемъ въ любанъ и въ докочанья, князь великій Олегъ, князь великій Романъ, князь великій Володиміръ Провольскій и нмѣи князи, кто будутъ въ нашемъ землѣ»¹⁾. Текстъ показываетъ, что предстало

стр. 584) болѣе осторожно допустить, что проваливъ князь былъ въ это время «во враждебныхъ отношеніяхъ къ рязанскому князю и если не дѣйствовалъ противъ него вмѣстѣ съ московскимъ княземъ, то и не помогалъ ему». Все это впрочемъ не оспариваетъ мотива рѣшительныхъ дѣйствій Дмитрія Донского, да и не можетъ быть обосновано данными нашими источниками; и замѣчаніе Соловьева только оспариваетъ дѣйствую роль князя Владиміра послѣ московской побѣды. Татищевъ высказываетъ шире, предположивъ вѣдѣніе пограничныхъ споровъ, подвѣстивъ съ заката рязанцами Лопастямъ, и еще—въ некоторую действительность въ отношеніи Олега къ русско-литовской борьбѣ (т. IV, стр. 223), но подчинилъ, по своей манерѣ, этому предположенію само фактическое изложеніе при редактированіи текста источника для своей «Исторіи». Карамзинъ (т. V, ст. 16) принявъ Татищевское указаніе на пограничные споры, какъ мотивъ разрыва.

¹⁾ Въ С. Г. Д. в Д. (т. I, № 81) этотъ договоръ отнесенъ къ 1371 году. Заключенъ онъ былъ послами в. к. Ольгерда, какъ предположенъ при заключеніи перемирія (отъ Основанаго заговѣна до Дмитріева дня, т. е. отъ 31 іюня до 26 октября) и открытія переговоровъ («а межъ насъ нашимъ посломъ ѿидти, путь нмѣ чистъ», причемъ: «а си грамота аже будетъ князю великому Ольгерду влюбю, наъ отешлетъ, а лота и отешлетъ, а на семь перемирія и докочанья межъ насъ съ Олгердомъ войемъ нѣтъ до Дмитріева дня»). По этноположннмъ сведениямъ мѣсяцъ Ольгердомъ подѣ Москву отнесенъ къ декабрю 6878 г. (Воскр. в Симеоновск.; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17, т. XVIII, стр. 110) или 6879 (Након., т. XI, стр. 14), но явная дата, декабрь 1370 года, устанавливается тѣмъ, что послѣ заключенія перемирія съ Ольгердомъ в. к. Дмитрія позвалъ въ Орду 15 іюня «въ недѣлю», что соответствуетъ только 1371 г. (т. XVIII, стр. 110), а походъ на Рязань и бой на Скворинѣшѣ произошли въ декабрь того же года. Ольгердъ стоялъ подѣ Москвой 8 или 10 дней съ 6 го декабря 1370 г., но узнавъ о приходѣ рязанской рати, заключилъ перемиріе «до Петрова дня» и началъ переговоры о «вѣчномъ мирѣ» и замужествѣ своей дочери съ княземъ Владиміромъ Андрѣевичемъ, а самъ отступилъ съ войскомъ во своен. Послы Ольгерда прибыли въ Москву послѣ отъѣзда в. к. Дмитрія въ Орду (т. VIII, стр. 18: «послѣ великаго князя»), такъ что переговоры съ ними шли, очевидно, мѣсяцъ Александръ в бояре. Дата договора—іюль 1371 года, развѣ разрывъ в. к. Дмитрія съ Олгердомъ. Точно и порядкомъ изложеніи мѣсяцъ лѣтописнымъ сведеніемъ; ср. Лѣт. по акад. описку (въ изд. Лаврентьевской лѣтописи), стр. 505—506; П. С. Р. Л., т. XV, ст. 450. Но Соловьевъ (б. м. подѣ вѣдѣніемъ изложеніи Карамзина, т. V, ст. 187) привелъ для этого договора дату 1372 г. и отнесъ его къ такому моменту, когда Ольгердъ, послѣ неудачной встрѣчи съ московскимъ войскомъ у Любутска «заявъ миръ» съ в. к. Дмитріемъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20 и т. XVIII, стр. 113, также въ Троицкой и Ростовской лѣтописяхъ—подѣ 6881 г.; т. XI, стр. 19—подѣ 6880 г.), во этотъ «миръ» заключилъ самъ Ольгердъ, а предвѣривающій договоръ его послѣдъ, о которомъ вѣдѣть рѣчь, никакъ не слѣдуетъ, «отославъ» нмѣ, такъ какъ сказано въ московскомъ архивѣ въ подлинникѣ (отъ печатанія, нѣтъ которыхъ одна митрополиты,

особое «докончанье» съ князьями рязанскими и прокискими, причемъ дасть намекъ на то, что вопросъ, быть ли имъ «въ имени» в. к. Дмитрія оставался еще открытымъ. Въ возраженіяхъ Олега противъ его зачисленія въ число «ншихъ князей», кто будетъ «въ имени» великаго князя Дмитрія съ отказомъ отъ самостоятельныхъ вышнихъ словеній, всего естественнѣе видѣть мотивъ послѣдовавшаго разрыва между Москвою и Рязанью. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1371 г. великокняжеская рать идетъ на Рязань, рязанцы разбиты близъ Переяславля на Скоринцѣхъ, князь «Олегу едва утѣче въ калѣ дружинѣ», а столъ Рязанскаго княженія занялъ прокискій князь Владиміръ Ярославичъ¹⁾. Однако, не на долго; Олегъ, по угодѣ московской рати, «нагономъ» согналъ Владимира и вернулъ себѣ великое княженіе на Рязани²⁾.

Къ сожалѣнію, наши источники молчатъ о томъ, какъ опредѣлялись московско-рязанскія отношенія послѣ этихъ событій. Впрочемъ, самое это умочаліе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ слѣдуетъ, быть можетъ, признать чертой показательной: трудно допустить, чтобы въ нихъ не нашли упоминанія докончаніе в. к. Дмитрія съ рязанскимъ Олегомъ «на всей волѣ» великаго князя, если бы таковое состоялось. Олегъ слабъ, быть можетъ, съ татарскою помощію³⁾, вернулъ себѣ великое княженіе, согнавъ съ Рязани московскаго ставленника. И онъ не только удержался на великомъ княженіи, но фактически увеличилъ свою независимость отъ великокняжеской власти. Въ ближайшіе годы—не слышно объ его участіи въ борьбѣ Москвы съ Литвою и Тверью, и этотъ его нейтралитетъ подчеркнуть тою ролью третейскаго судьи въ московско-тверскихъ разногласіяхъ, какая ему предначена въ договорѣ 1376 г. в. к. Дмитрія съ тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ⁴⁾. Собственные интересы Рязанской земли, какъ и въ, повидимому, понималъ в. к. Олегъ, побуждали его держать себя уклончиво и осторожно. Правда, разладъ съ прокискимъ княженіемъ вскорѣ

другая, повидимому, литовскихъ пословъ). Дату 1372 г. приняла Иловайскій (стр. 110) и Шенниковъ (т. II, стр. 366), хотя послѣдній весьма обильно отнесъ договоръ къ другимъ моментамъ вранья—стр. I, стр. 100—101 и 104—105, замѣтивъ, притомъ что словозвучіе подлѣ Любутскомъ точнѣе отнесено къ 1373 г.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 18—19 («князь великій Дмитрій Ивановичъ посади на Рязанскомъ княженіи князя Володимира прокискаго»); т. XVIII, стр. 112 («и оиде тогда на княженіи великомъ рязанскомъ князь Володимеръ прокискій»; то же т. XI, стр. 17).

²⁾ Никоновская (т. XI, стр. 17) добавляетъ, что Олегъ «злама» князя Владимира и «приведе его въ свою волю».

³⁾ Подословное преданіе Вердеревскаго, на которое ссылается Иловайскій (стр. 106), о «мурзѣ Салкмирѣ» само по себѣ не имѣетъ исторической цѣнности, но фактъ татарской помощи—возможенъ; см. текстъ этого преданія въ «Сборникъ Моск. Арх. Мнѣ. Юстиціи», т. I, ч. I.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 28; о его датировкѣ см. выше, на стр. 211, примѣчаніе 8-е.

потерял тревожный характер. Князь Владимир Ярославич умеръ зимой 1372—3 года ²⁾, а сына его Ивана вступивши дѣятельнымъ княземъ въ раздорѣ съ великимъ княземъ рязанскимъ только по смерти князя Олега. Но шестьдесятые годы время крайняго напряженія русско-татарскихъ отношеній, и Рязанская Украина должна была ихъ провести въ состоянн непрерывной тревоги. Въ 1378 г. Рязанская земля испытала разорительный набѣгъ Мамаевыхъ татар ³⁾. А я. к. Дмитрій съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ стояли, «собрался со всею силою своею» на берегу Оки—«все дѣло», и цѣль ихъ была достигнута, разѣ удалось не допустить татаръ до переправы за Оку ⁴⁾.

Рязанская земля горько испытала участь украинки, лежащей впереди основной лини великорусской обороны—теченіи Оки. Великорусскія силы, объединившіяся вокругъ Москвы, упорно и все болѣе успѣшно защищали отъ татарскихъ нападений Нижній Новгородъ, нижегородскій край и линію Оки. Такъ и осенью 1377—8-го года царевичъ Арапша послѣ нападенія на Нижній Новгородъ и разоренія Засурья безпрепятственно грабилъ «изгономъ» Рязанскую землю. Много терпѣлъ и Нижній, но и значительныя были усилія на его оборону; а для положенія Рязанской земли особенно характерны дѣянія 1378 и 1379 годовъ. На этотъ разѣ неожиданнымъ походомъ татары захватили Нижній върасплохъ и сожгли его. В. к. Дмитрій вступивши новую татарскую рать воеводу Бегича на Оку, въ Рязанской землѣ и разбѣгъ ее на берегахъ рѣки Вожи. Но на Рязанскую землю незамедлительно обрушится татарская отпата. Передъ новымъ «изгономъ» сѣмьей татарской рати, в. к. Олегу пришлось, по словамъ лѣтописца-новоскивца, «перелѣзати на сю сторону Оки», покинувъ города свои на произволъ врага. Татары сожгли Переяславъ и рядъ нѣмкихъ городовъ и «Рязанскую землю пусту сотвориша» ⁵⁾.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19; тутъ же, на стр. 185—подъ 6909 (1401 г.) упоминаетъ о проклятии князьихъ въ походѣ в. к. Олега подл Смоленскъ; лѣтописецъ упоминаетъ кромѣ Ивана Владиміровича только мн. Давида Прохорова, участника битвы на р. Вожи (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42), но безъ отчества, и его генеалогическое положеніе неопредѣленно. Откуда знаетъ Д. И. Иловайскій (стр. 126) втораго Владиміровича Федора—князьихотку (ср. Эвемпировскаго, т. II, стр. 690).

³⁾ «Приидоша татарове ратью изю Орды отъ Мамал на Рязань, на великого князя Олга Ивановича рязанскаго, и гради его пожгоша, и людей многое многоство заложиша и цѣлнннша и со многими козкомъ отъидоша во степи» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19).

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ «Олегъ же рязанскій по отшествіи татарскомъ видѣ землю свою всю кусту и огнемъ сожжеху, и богатство его все и нѣмнѣе татарове взяли, и оскорбнли, и опечалнся зело», князь Никонская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 43.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 32—33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42—43.

Упомянутые события семидесятих годов XIV-го века подготовили пресловутое поведение Олега рязанского в эпоху Куликовской битвы. Долгое время рязанская и нижегородская у Краины Великороссии спасали своими неистодными бѣдами ея центральныя области отъ татарской чумы. Но въ концу семидесятих годов XV века это ихъ значеніе какъ вѣтвяго оазиса Великороссіи оказывается исжитымъ, а сильныя враги—Москва и Орда—стоятъ черезъ нихъ лицомъ къ лицу. Боръ на Вождѣ рѣшио указать татарамъ, гдѣ подлинный центръ великорусской силы, окрѣпшей для опитовъ единой національной обороны по всей линіи западныхъ и южныхъ предѣловъ Великороссіи. Готовилось осуществленіе грознаго союза Орды и Литвы, намѣченнаго еще Ольгердомъ. Рязанскому князю предстояло опредѣлить свое положеніе въ вѣрѣваемомъ рѣшительномъ конфликтѣ восточно-европейскихъ силъ. Линія его поведения опредѣлилась еще въ отношеніи къ западной борбѣ в. к. Дмитрія въ направленіи уклонаваго нейтралитета. Москва дернула на борбу съ Ордой, а вымогѣе такая раслата въ случаѣ неудачи или невозможности даже удачи падегъ на Рязанскую землю: такъ, повелѣнному, можно опредѣлить тревожныя рязанскія размышленія этой поры; но едва ли меньшія опасенія должна была вызывать на Рязани мысль о рѣшительномъ усилѣи Москвы (если только овъ считался сколько-нибудь вѣрными): видѣ современникамъ было уже ясно, особенно послѣ московско-татарскаго договора 1376 года, чѣмъ подобный усилѣи грозила независимости Рязанскаго княжества. Какъ бы то ни было, в. к. Олегъ занялъ въ рѣшительную минуту положеніе, которое навлекло на него рѣзкіе пореканія за памѣту русскому дѣлу и двуличную политическую игру: сподсался съ Мамаямъ и съ Ягайломъ, отстраняя отъ себя вражду противниковъ в. к. Дмитрія, а, въ то же время, предупреждалъ Дмитрія объ ихъ движеніи; уклонился отъ участія ратной силой въ великокняжескомъ походѣ противъ татаръ и не суждалъ мѣшкать столкновенія между рязанцами и московскими войсками при ихъ возвращеніи съ Куликова поля¹⁾. Побѣда

¹⁾ Ср. С. М. Омовѣва, „Ист. Россіи“, кн. I, ст. 377; Д. И. Иловайскаго, Ист. Рязанскаго княжества стр. 112—117; А. В. Вяземскаго, т. II, стр. 566—567. Литовская повѣсть о побити в. к. Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаямъ—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 311 и сл. (I кн., стр. 75—83); т. VI, стр. 90—93; т. VIII, стр. 34—41. О ней см. А. А. Шахматова „Отзывъ о сочиненіи С. Шамбизаго—Повѣсть о Мамаявомъ побити“ (въ 12-мъ присудженіи преміи имп. Макарія, 1910 г.) в Шамбизаго (въ „Сборникѣ Отд. Рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ“, т. 81).—Въ договорной грамотѣ 1381 года в. к. Олегъ обязуется „въ Литѣи цѣловати сложити“ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 82); въ томъ же договорѣ: „а что князь великій Дмитрій и брать князь Володимиръ быша на Дону съ татари, отъ того времени что грабежи или что помяне в князю и князю и великому князю и у его брата князю Володимирю, тому мели вѣстъ судъ вопчіи, оудати то по исправу“.

Подъ вліяніемъ словъ Литовской повѣсти, какъ в. к. Дмитрія, по возвращеніи въ Москву „похѣдала...“ что князь Олегъ рязанскій космалъ Мамаю на

в. к. Дмитрій поставил Олега рязанскаго въ бѣдпомощное положеніе передъ великаго княземъ всея Руси, Олега потерявъ опору въ ордынской власти и въ сближеніи съ Литвой. В. к. Дмитрій использовалъ благоприятный моментъ, чтобы покончить съ международной самостоятельностью Рязани и вернуть ее къ завасности отъ своей великокняжеской власти. Однако, великокняжескому войску, собранному для похода на Рязань, не пришлось выступать: въ Москву прибыло рязанское посольство съ известіемъ, что князь Олегъ покинулъ свою землю и бѣжалъ съ княгиней, дѣтьми и со всѣми своимъ дворомъ. В. к. Дмитрій принялъ челобитіе рязанцевъ, заключая съ ними «рады», отбывая походъ и послалъ на Рязанскую землю своихъ князьковъ¹⁾. Габель Маная и подвореніе въ Золотой Орды нового владѣи Тохтамыша круто измѣнили все положеніе дѣла. Русскіе князья

помочь свою силу, а самъ по рѣкамъ мосты перемѣталъ, а кто поѣхалъ съ доновскаго побояща домовъ къ Москвѣ окрестъ его отчужу рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣхъ велѣлъ влечи и грабити и пагыти пудати», Иловайскій (стр. 118) и Энциклопедическій (т. II, стр. 387) повѣли дѣло такъ, что рѣчь идетъ и въ договорѣ о грабѣжъ и похищеніи москвичей рязанцами; но текстъ упоминаетъ только о похищеніи людей, которые у в. к. Дмитрія и его брата, т. е. рязанцевъ, такъ что тутъ въ рязанцахъ надо видѣть также не виновниковъ, а жертву «грабежа». С. М. Соловьевъ, основанно подсказавшій Иловайскому и Энциклопедическому изд. покаяніе договора (ср. «Ист. Россіи», кн. I, ст. 983), поддѣржалъ его ссылкой на договоръ в. к. Василія Дмитріявича съ рязанскими великими княземъ Федоромъ Ольговичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 36), гдѣ читаемъ: «а будеть въ твоей отчужъ тѣхъ людей, а Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустати»; по контакту возможно, что тутъ рѣчь о возвращающихся съ Кулакова поля, хотя этого прямо и не сказано. Прямое противодѣйствіе по приказу Олега возвращающимся съ Дона войскамъ, о тѣхъ говоримъ, по польсти, в. к. Дмитрію его бояре, весьма сомнительно, не несомнѣнно столкновение этихъ войскъ съ кѣстными рязанскими населеніемъ, скорѣе всего, какъ полагаютъ Иловайскій (стр. 117), изъ за напѣвъ московской рати. Злобное указаніе похлѣвшихъ редакцій сказаніи о Кулаковской битвѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67), что в. к. Дмитрій «заповѣдалъ всему своему войску, аще кто идетъ по Рязанской землѣ, то никтоже ни одному пласу да не коснется», не столько опровергаетъ, сколько подтверждаетъ такое предположеніе.

¹⁾ У насъ нѣтъ основаній отвергать это известіе хитовскими сведомъ, поскольку, вѣроятно, въ той же повѣсти о Кулаковской битвѣ, какую читаемъ въ изд. Соснава (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 82; т. VI, стр. 97; т. VIII, стр. 41), хотя оно вымываетъ хитовское надуманіе, какъ потому, что не допознано указаніемъ, куда бѣжалъ Олегъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ вернулся, такъ и потому, что, при такой безполезности фактическихъ свѣдѣній оно представляется несогласнымъ съ договорной грамотой 1381 года (см. у Иловайскаго, указ. соч., стр. 118; Соловьевъ, кн. I, ст. 984 и Энциклопедическій, т. II, стр. 387—обходить это затрудненіе). Вѣнать отъ могъ только въ Литву (Иловайскій: «на хитовскую границу»), а вновь появляется въ хитовскихъ сведомъ уже при встрѣчѣ хана Тохтамыша. Николовская хитовская вопись опустила упоминаніе о бѣгствѣ Олега и послѣднѣмъ извѣщеніемъ въ Рязань, а редакторъ хитовскаго свода внесъ вставку объ этомъ изъ Воскресенской на крайне неподходящее мѣсто своего изложенія (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 67).

сь в к. Дмитриемъ во главѣ сѣвшихъ признавъ новаго хана, признали съ честью его посла, а къ хану отпростили своихъ пословъ съ дарами и помянками ¹⁾. Опаска передъ новой грозной силой сплотила «людей князей русскихъ» подъ старейшинствомъ в. к. Дмитрія ²⁾. Къ этому моменту надо отнести возвращение князю Олегу Рязанскаго великаго княжения. Однако, насколько можемъ судить по сохранившимся неполнымъ и недостаточнымъ данностямъ, между великимъ княземъ Дмитриемъ и Олегомъ не состоялось формальнаго урегулирования и докончания, по крайней мѣрѣ до осени 1381 г. ³⁾, вѣрнѣе, что и до конца 1385 года.

Новая татарская гроза поднялась на Русь осенью 1382 года ⁴⁾. Князь

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, 42; т. XI, стр. 60.

²⁾ „Тоя же осени, мѣсяца ноября въ 1 день вса князи рускіи послашася велию любовью учиниша между собою“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 60).

³⁾ Договорная грамота 1381 года (С. Г. Г. и Д., т. I, № 82) упоминаетъ о „погребѣ“ всему „что ая на дѣло дошло, какъ есмь деловали крестъ“—„до Спасова Преображенія дни за четыре дни“ и устанавливаетъ „судъ вопчей мжи вьсѣ отъ того празника всему“, а составлена „по благословенію“ митр. Каприана, который прибылъ въ Москву въ митрополію 23 мая 1381 г., а осенью 1382 года высланъ изъ Москвы: грамота относится къ августу 1381 года. Должна она до насъ быть печатей, и, возможно, дать только проектъ договора, составленный въ Москвѣ, не утвержденный и не совершій въ силу. Когда много поддѣвъ, въ ноябрѣ 1385 состоялось примиреніе в. к. Олега съ в. к. Дмитриемъ при посредничествѣ тринадцатого игумена Сергія, ктормъ отиѣванъ, что „мзоемъ праме того къ нему ѡдана и не мзалогама умирити князъ“ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49). Грамота 1381 г. князю, во всякомъ случаѣ, большую цѣнность, какъ формулировка цѣлей великокняжеской политики и приделама для вса компромисса съ разладными требованіями въ старыхъ пограничныхъ спорахъ. Весьма важно, что ая содержание легло въ основу „дѣтскаго мира“ 1385 г., такъ какъ этому соответствуетъ, по существу, отомощи Москвы и Рязани, установившія послѣ 1385 года—до самой смерти в. к. Олега.

⁴⁾ „Точная“ дата прихода хана Тохтомыша подъ Москву, общаая въ нашихъ свѣдѣн—6890 г., августа 23, въ поведѣяникъ—возможна, т. к. 23 августа 6890/1382 г. приходилось на субботу. Ошибая—отъ порчи текста. Николовская (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 73) и Символевская (т. XVIII, стр. 152) сохранили такую редакцію „новѣста о привокленіи Тохтамышей на Москву“, гдѣ порча текста принята и слажена, да еще и подѣрижена (по вычисленію) сообщеніемъ, что князе Москвы произошло 30 августа; тутъ только „понеделѣяникъ“ указываетъ на воскресенье. Но въ Воскресенной (т. VIII, стр. 44 и 46) слѣды этого искаженія ясны: 1) несладкая фраза: ханъ „приде ратью къ городу Москвѣ, а свла татарская приде мѣсяца августа въ 23, въ поведѣяникъ, и придоша на вса полки къ городу“ повелѣется варьянтомъ (r) Карамзинскаго списка, гдѣ вмѣсто „въ 23“ отонто: „въ 8 день въ третій день“; дѣло, повидному, въ томъ, что ханъ подошелъ къ Москвѣ въ частую полковъ 8 августа (въ пятницу), а въ третій день послѣ него—въ поведѣяникъ 11-го, являя вса свла татарская; 2) ханъ стоялъ подъ Москвой 3 дня, а на четвертый возлъ ее облекомъ: по Воскресенной—28 августа въ четвергъ, но 26 августа 1382 г. приходилось на вторникъ, а ханъ была Москва, очевидно, въ четвергъ, 14-го августа. Несоводемъ общыи счетъ „третьяго“ и „четвертаго“ дней вѣдѣнъ,

Олегъ встрѣтилъ хана Тохтамыша, когда онъ не вступалъ еще въ русскіе предѣлы, съ челоубецкѣмъ и «обведе царя около всей своей отчины Рязанскія земли, тоташе бо», замѣчаетъ московскій княжичъ, «добра не вамъ, но своему княженію поможаше»¹⁾, и далъ татарамъ проводниковъ на броды черевъ Оку. По разсказу московскіихъ княжичковъ, Олегъ сузилъ хану легкій завязъ московскаго города и самого в. к. Дмитрія. Но лянтіе Москвы и разореніе нѣсколькихъ городовъ и волостей не набавили Тохтамыша отъ вырожденія его грознаго похода въ набѣгъ «изголомъ» и отъ послѣдшаго отступленія, какъ только успѣли собраться войска великаго князя. Этими, бытъ можетъ, объясняется гибель хана на рязанскаго князя, жестокое разореніе татарами Рязанской земли и бѣгство передъ нимъ князя Олега²⁾. И кн. Олегъ снова между двухъ огней. Онъ вернулся на Рязань, когда ушли татары, но вынужденъ снова бѣжать передъ московскою ратью, которая разорала его землю «до остатка», такъ что «пуще ему бысть и татарскія рати». И слова наши источники не упоминають, когда и какъ вернулся Олегъ на свое княженіе послѣ этого бѣгства, но связь это возвращеніе естественно съ примиреніемъ между Тохтамышемъ и в. к. Дмитріемъ на началахъ обновленной зависимости, которое состоялось тою же осенью 1382 г.³⁾. Однако, мира и докончанія между великимъ княземъ все еще не установилось. Весной 1385 года затяжное напряженіе московско-рязанскаго откошей разуршилось кровавымъ столкновеніемъ. Олегъ «ягономъ» взялъ Коломну, увелъ въ плѣнъ великокняжескаго наместника, а затѣмъ разбилъ въ бою «на Рязани» московскую рать князя Владиміра Андреевича⁴⁾.

Эти ратные успѣхи не только не дали Олегу даже частичнаго перевѣса надъ Москвою, но не повели и къ новой, упорной борьбѣ между великими князьями. Надъ Рязанью, какъ показалъ горькій опытъ прежнихъ лѣтъ, тяготѣла также ордынская опасность, что и надъ всей Великороссіей, а внутреннія дѣла Литовскаго великаго княжества обесцѣпивали до престоцѣловальнаго докончанія, какое Олегъ заключилъ съ Ягайломъ, вѣроятно, во время своего устраниенія съ Рязанскаго княженія въ 1380—1381 г.⁵⁾. И в. к.

въ данномъ случаѣ, вѣроятно, отъ того, что и татары пришли подъ Москву „въ помябѣдѣ“ и лянтіе города произошло „по обѣдѣхъ“—„въ 7 часѣ дам“.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 85; т. VIII, стр. 43; Никоновскія, т. XI, стр. 78 переводитъ встрѣчу Тохтамыша Олегомъ „на украинъ своихъ земли рязанскія“.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 89; т. VIII, стр. 47.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90; т. VIII, стр. 47—48.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49.

⁵⁾ Разумно то „дѣлованіе къ Литвѣ“, сносненіе котораго Олегомъ требуетъ договорная грамота 1381 г.—Полное отсутствіе свѣдѣній о содержаніи и обстоятеляхъ этого престоцѣлованія дѣлаетъ невозможной проверку, а тѣмъ самымъ и обоснованіе предположенія о связи его съ отношеніемъ Олега къ вѣнчанію Тохтамыша, какъ моментомъ, который служилъ бы продолженіемъ союза противъ Москвы Ягайла съ Мамоемъ и подготовкой послѣдшаго союза Витовта съ Тохтамышемъ.

Дмитрій переживалъ въ эту пору сдѣшкомъ сложными затрудненіями, чтобы подхватить рѣшительную борьбу съ Рязанью. Конфликтъ, тянувшійся столь долгое время, разрѣшился, наконецъ, при посредничествѣ троицкаго игумена Сергія заключеніемъ «вѣчнаго мира». До насъ не дошла грамота, его закрѣпившая, а лѣтописи говорятъ о немъ лишь въ краткой запискѣ¹⁾. Выше уже было высказано предположеніе, что въ основу этого «вѣчнаго мира» должны были лечь условия, сформулированными въ доготорной грамотѣ 1381 года. По этой грамотѣ, в. к. Олегу должно было признать себя «братомъ молодшиимъ» в. к. Дмитрію, равнымъ серпуховскому князю Владимиру Андреевичу; сложить сѣлованіе къ Литвѣ и подчинить свои отношенія къ ней великокняжеской полнотѣ, какъ «въ любви», такъ и «въ вѣнчаніи» (т. е. въ случаѣ разрыва съ литовцами «быти на нихъ съ одного»); и съ татарами держать «вѣръ вѣн даные съ одного съ княземъ съ великимъ съ Дмитріемъ», а будетъ «некиръ» — быть «съ одного на татаръ и битися съ ними»; тоже и въ отношеніи къ русскимъ князьямъ: кто в. к. Дмитрію другъ, тотъ и в. к. Олегу другъ, а кто недругъ, то и кл. в. Олегу недругъ, «итти нахъ съ одного». За то и московскіе князья обязывались добра Олегу «хотѣти во всякъ въ Орду и на Руси отъ чистосердѣя» и «близости, а не обидѣти» его вочину. Въ то же время договоръ устанавливалъ новое разграниченіе между владѣніями рязанскаго князя, съ одной, великимъ княжествомъ и московской вотчиной, съ другой стороны²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VIII, стр. 49: «то же осени преподобный игуменъ Сергіи ѣздилъ на Рязань къ князю Олгу о миру, могои бо прежде того къ нему ѣздиха и не возмогоша умерити ихъ, тогда же вѣн съ великимъ княземъ Дмитріемъ миръ вѣчный». Риторическое развитіе этого лѣтописнаго въ Нижегородской (т. XI, стр. 87) и Симеоновской (т. XVIII, стр. 136) не имѣетъ значенія.

²⁾ «Родѣтъ земли по реку по Оку» и по Цѣль: кто «въ московской сторонѣ», то къ Москвѣ; «а что на рязанской сторонѣ, а то къ Рязани»; «а неподмерное по рубежъ, по тому, какъ то было при вѣномъ (московскихъ князевъ) дѣдѣ при в. к. при Иванѣ Давыдовичѣ и при вѣномъ дѣдѣ при Семѣѣ и при вѣномъ отце при в. к. при Иванѣ», (С. П. Г. и Д., т. I, № 82). Но владѣнія в. к. Дмитрія выходили и за Оку: тутъ Туза «мѣсто великаго князя Дмитрія Ивановича на рязанской сторонѣ» (Тухо) — съ уѣдомомъ: в. к. Дмитрій владѣтъ въ граицахъ, «какъ было при царѣ при Тайдугѣ и кога еѣ баскаки вѣдали», но дайте непонятный текстъ: «а въ то ся князю великому Олгу не вступитися и князю великому Дмитрію» (пр. замѣчанія С. М. Соловьева, кн. I, ст. 1142); по статьѣ подѣлитыхъ договоровъ — в. к. Василія Дмитріевича съ в. к. Федоромъ Озоговичемъ и Юри Дмитріевича съ Иваномъ Федоровичемъ (С. П. Г. и Д., т. I, №№ 36 и 46), и договоръ в. к. Василія Темнаго съ Иваномъ Федоровичемъ (№ 65), исключительная «вступаніе» въ Тузу принадлежало в. к. Дмитрію, вызывавшее на сомнѣніе, удалось ли ему: утвердить за собой Тузу при доокончаніи «вѣчнаго мира» въ 1385 году; хотя возможно, что отказъ отъ Тузы былъ услугою въ пользу рязанскаго князя со стороны в. к. Василія Дмитріевича. Преступъ и общему союзу на обменъ тульскаго узда, «какъ было при царѣ Тайдугѣ», Ивановскій (стр. 136), а «за князь Эвемиларокій (т. I, стр. 114) показалъ, какъ указаніе на особое положеніе Тузы — какое-то исключительное», по

«Вѣчный миръ» 1385 года закрѣпляетъ, двумя годами позднѣе, князь боя Ольговича Федора на московской княжнѣ Софьѣ Дмитріевнѣ¹⁾. Отношенія, установленныя докончаніемъ «вѣчнаго мира», вопли въ жизнь и окрѣпли, все углубляя тѣсныя связи рязанской укрѣпленности съ великимъ княжествомъ всея Русси. Похитка в. к. Олега потерпѣла полное и рѣшительное крушеніе. Рязань не въ силахъ обойтись безъ опоры въ великорусскомъ центрѣ, и ея порывы къ независимости отъ великорусской великокняжеской власти слабѣютъ и замираютъ. Въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ XIV вѣка в. к. Олегъ, обезвѣдивъ рязанскій тылъ во лѣвѣн рѣкъ Оку и Цну прочными мостами съ Москвой и разграниченіемъ споримыхъ владѣній, поглощенъ обороною своей земли отъ татарскихъ набѣговъ и отъ злоутрастнаго наступленія въ западныя области чернягово-сіверской земли. Но въ этой борьбѣ на южныхъ, восточныхъ и западныхъ предѣлахъ своей рязанской вотчины онъ дѣйствуетъ со значительной самостоятельностью, иной разъ даже въ разрывъ съ направленіемъ великокняжеской политики московскаго князя.

Ослабленіе московской энергіи въ борьбѣ съ татарами послѣ нашествія Тохтамыша какъ бы возродило, на время, самостоятельное значеніе Рязанской земли въ оборонѣ Великороссіи отъ вражескихъ силъ татарской степи. В. к. Олегъ укрѣпляетъ и охраняетъ русскую колонизацію въ бассейнахъ р. Дона и въ междурѣчныхъ мѣстахъ, за Цною. Еще въ грамотѣ 1381 года упоминаются «татарскія мѣста», «что в. к. Олегъ отонималъ отъ татаръ», и потребовало отъ него обязательство, чтобы онъ не «встунался» къ Мещеру; договоръ великаго князя Василія Дмитріевича и Федора Ольговича (1402 года) гарантируетъ имъ вѣчно владѣніе тѣми «татарскими и мордовскими мѣстами», какія захвачены были ихъ отцами, а, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ, что в. к. Олегъ и самъ, и черезъ сыновей или бояръ скупалъ

Ивановскому, «въ вѣдѣніи хановыхъ баскаковъ», по Эвклипьярскому, не въ прошлое (при царцѣ Тайдукѣ), а въ эпоху договора. Дальше, кн. Олегъ отступаетъ въ походъ к. к. Дмитрія Талицы, Выволонова и Тейасова, мѣстг, помянутому, тульскани; призываетъ великокняжескимъ владѣніемъ Мещеру, «кулаю князя великаго», и оба великіе князья призываютъ другъ за другомъ «татарскія мѣста», какія оны «отомали за себя отъ татар до сего докончанья». Вѣчный миръ 1385 г. былъ заключенъ на основаніи условій, наложенныхъ въ грамотѣ 1381 г., съ отступленіями, надо полагать, но какими, этого установить, конечно, нельзя. Близость текста ряда положеній договора между великими князьями Василіемъ Дмитріевичемъ и Федоромъ Ольговичемъ къ тексту грамоты 1381 г. подтверждаетъ значеніе этой предсѣдней для представлений объ условіяхъ «вѣчнаго мира» 1385 года (ср. МѢ 82 и 86).

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VIII, стр. 61; т. XI, стр. 90 (здесь Ивановская пишетъ: «князь великий Дмитрій Ивановичъ по сотвореніи мира и любяи преподобнаго Сергія къ великому князю Олегу Рязанскому князю промажу себя нѣбовъ залюи, и отдале князю великии Дмитрій Ивановичъ дщери свою князю Софью де, Рязань, за князю Федору Ольговича Рязанскаго»).

земли въ Мещерѣ, вопреки принятымъ московскимъ требованіямъ и довозчанію. Возможно, что эти разнородные захваты, а не только простыя разбойничьи цѣли вызывали татарскіе заботы на рязанскія области¹⁾. Въ борьбѣ съ татарскою запастью в. к. Олегъ въ девяностыхъ годахъ переходитъ отъ пограничной обороны «карауланъ» къ болѣе энергичнымъ дѣятельностямъ. Такъ въ 1394 г. ояъ «любилъ татаръ Тохтамышевы орды, иже приходиха изгономъ на Рязанскія полости», а въ 1400 г. занесъ татарской силѣ значительный ратный ударъ въ предѣлахъ Черемного Яра²⁾. Эта дѣятельность рязанскаго князя спланивала вокругъ него боюми украинныя русскія силы: кромѣ провинціалъ князей въ его походы участвуютъ князья муромскій, карачевскій, козельскій, елецкій, притомъ и въ великаго отомшенія къ этимъ ратнымъ дѣланъ великорусскія великокняжеской власти³⁾, а какъ владѣи князья-соседи в. к. рязанскаго⁴⁾.

Съ тою же боевой силой пытается в. к. Олегъ организовать противодействие литовскому наступленію на русскія области. И тутъ ояъ дѣйствуетъ вполне самостоятельно, не только въ зависимости отъ послѣдовъ великаго князя вса Русь, но и въ разрѣзъ съ уступчивостью в. к. Василия Дмитриевича

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 (забѣтъ на Рязань, въ 1387 г., бытъ монета, связанный съ побитомъ ить Орды князича Родослана—см. т. XI, стр. 91; въ этотъ „потогъ“ татары „Олега князя мало на яша“), стр. 95 (1388 г.—забѣтъ на украинъ рязанскій), 122, 129, 137.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 156.—Въ 1395 нахождение Тамара-Аксака коснулось рязанскаго Придолия („Темаръ же Аксаку царю стоишу въ Рязанстей землѣ и ободола Дона рѣки пусто вся сотворяшу“—тамъ же, стр. 159).—Въ 1400 г. „въ прѣдѣлахъ Черемного Яра и въ караулахъ юзавъ Ховоръ до Дону князь велики Олегъ Ивановичъ съ провинціалъ князей и съ муромскими и козельскими вѣдша множество татаръ и паревича Мемать-Салтава яша и вымъ князевъ ордыскитъ поймаша“, тамъ же, стр. 164).

³⁾ Д. В. Нловацкій (Ист. Рязанскаго княжества, стр. 127) связываетъ восстановление былаго близкаго отношенія Муромскаго княжества къ Рязанскому великому князю съ событиями 1385 г., указывая на этоисное извѣстіе, что в. к. Дмитрій отразилъ, одновременно съ посольскъ князя Владимира Андреевича противъ в. к. Олега посоль его нападѣнію на Коломну, „изуу рать“ на Муромъ; Нловацкій полагаетъ, что „въ связи съ западеніемъ Олега на Коломну“ произошло „возстаніе муромцевъ“. Зависъ эта дошла до насъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 95; т. XI, стр. 88) влописанной: „а изуу рать послала на Муромъ, на князя безчестна“... (радѣ); повидимому, дало не въ „возстаніи“, а въ „безчестьи“, м. б. послѣ великокняжескаго?

⁴⁾ Однако, данныя, правде крайне случайныя и отрывочныя, какія находимъ въ нашихъ источникахъ, не содержатъ основаній для вывода, что Олегъ „не даромъ носилъ титулъ великаго князя, потому что умѣлъ приладъ единство далеко разбросаннымъ частямъ древняго Муромо-Рязанскаго княжества“ (Нловацкій, стр. 128). Нетъ никакого основанія представлять отношенія в. к. Олега къ князьямъ муромскому, карачевскому, козельскому, елецкому по аналогіи съ отношеніями между великимъ княземъ и удѣльными на Москвѣ или въ Твери: итъ владѣи не была дѣлами Рязанской отчуж.

по отношению къ Витовту и его подчиненнымъ званію тестя. Олегъ пытался своею силой поддержать оборону Смоленска отъ литовскаго захвата. Смоленскій князь Юрій Святославичъ, женатый на дочери Олега, одинъ изъ семи смоленскихъ князей побѣждалъ въ плѣненіи Витовтомъ въ 1396 г.; потому что былъ въ ту пору на Рязани у тестя ¹⁾. Олегъ отозвался на «первое званіе граду Смоленску отъ великаго князя литовскаго» походомъ на Литву— съ зятемъ Юріемъ и князьями просвляни, ковельскимъ и куремскимъ; во встрѣчній набѣгъ Витовта на разванскія волости оставивъ его походы; пришлось вернуться для отраженія литовскихъ «лагошцаковъ» ²⁾. На слѣдующую осень, въ сентябрѣ 1396 года, в. к. Олегъ возобновилъ борьбу нападеніемъ на Любутскъ, но на этотъ разъ въ дѣло выѣхался в. к. Василій Дмитріевичъ: прислалъ къ Олегу послы и «отведе его отъ Любутска». Противодѣйствіе Москвѣ, погнавшей въ тѣ годы подъ сильное вліяніе Витовта, сдѣлывало разванскаго князя и дорого ему обошлось. Витовтъ двинулся на Рязань; Олегъ вынужденъ бѣжать, и земля разванская подверглась сильному разоренію ³⁾. Но какъ только въ Смоленскѣ начались волненія послѣ разгрома сына Витовта на Верскѣ, в. к. Олегъ съ зятемъ и союзниками пошелъ ратью къ Смоленску, добился возвращенія кн. Юрія на Смоленское княженіе, повоевалъ литовскія волости и вернулся «со многими полонами». Наступленіе на Смоленскъ тѣсно связалось для Витовта съ борьбой противъ Рязани. На неудачную попытку литовскаго великаго князя вернуть себѣ Смоленскъ—осенью 1401 г.—в. к. Олегъ отрубилъ наступленіемъ на Брянскъ, противъ котораго онъ послалъ сына Родослава. Но Родославъ Ольговичъ разбитъ у Любутска ополченіемъ литовскихъ князей и самъ попалъ въ плѣнъ ⁴⁾.

Вся энергія, затраченная Олегомъ на борьбу съ Литвой, пропала даромъ. Безъ поддержки всей великорусской связи на Рязани было остано-
вить успѣхи Витовта. Освобожденіе Смоленска отъ литовской власти не дало прочнаго результата, такъ какъ в. к. Василій уклонился отъ поддержанія смоленскаго князя. А Рязань надорвалась въ невольномъ напряженіи, и

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 66; т. XI, стр. 162.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 66; т. XI, стр. 163.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70 («прогн князя Олга»). т. VI, стр. 129 («Олегъ же не бѣ»), т. XI, стр. 166. Подробности этого дѣла затуманены въ вѣдѣніи литовскихъ сведѣній. Возможно, что в. к. Василій «отведе» Олега отъ Любутска не мирнымъ посредничествомъ, а угрозою своего союза съ Витовтомъ (пр. конгородскія его отношенія той же поры). По разгромѣ Рязани Витовтъ ѣдетъ къ зятю въ Колокву, гдѣ в. к. Василій воздаетъ ему многою честью и дары. Николовская лѣтопись подчеркиваетъ эту связь событій: Витовтъ «тогда у своего вата, у в. к. Василія Дмитріевича московскаго, на Колоквѣ бысть и много чести и дары отъ него приявъ, и тако возвратиши во своемъ, кровь пролиавъ, аки воу, Рязанскія земли».

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 165—167.

ности потчины Олега (въ 1402 г.) постепенно слабѣть, подавляющая москвитинъ засѣдѣть¹⁾.

III.

Старшій столъ Рязанскаго княженія занялъ сынъ Олега Федоръ²⁾, связанный съ московскими великокняжескимъ домомъ двойнымъ свойствомъ³⁾. По смерти отца онъ бѣднѣтъ въ Орду къ хану Шадибеку и получилъ отъ хана грамоту на свою «отчину и дѣдину, великое княженіе Рязанское»⁴⁾, а затѣмъ возобновилъ отцовскій договоръ съ великимъ княземъ всея Руси⁵⁾. Признавалъ в. к. Василия Дмитриевича «собѣй братомъ старшннмъ»⁶⁾, Федоръ Ольговичъ обязался быть съ нимъ вѣдѣй за одинъ «по думѣ, какъ будетъ годно, безъ хитрости», не «престать къ татарамъ «якаторому хитростью», а извѣщать великому князю, что услышитъ «отъ Орды», и сучаятъ по думѣ съ великимъ княземъ, если Орда оставитъ ему вѣрдебой⁷⁾. Сношенія рязанскаго великаго князя съ Ордой стоятъ подъ контролемъ великаго князя всея Руси: онъ имѣетъ право посылать «ключевъ» въ Орду и принимать татарскихъ пословъ, «то ему не въ измѣну», но подъ условіемъ, что будетъ сообщать въ Москву о каждомъ такомъ сношеніи съ ханомъ⁸⁾.

¹⁾ М. К. Любевскій („Лѣтніи по древней русской исторіи“, стр. 167) усматриваетъ въ отношеніи Рязани (какъ и Твери) къ великорусской великокняжеской власти въ XV в. усиленіе ея независимости. Основаніе для такого сужденія М. К. Любевскій находитъ въ договорѣ 1402 г. между великимъ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ и Федоромъ Ольговичемъ; но, какъ увидимъ ниже, нельзя согласиться съ его пониманіемъ этого договора: даже помыслъ самостоятельнаго грамоты 1381 года, самымъ текстомъ этого договора не подтверждаетъ такого пониманія. Вѣрнѣе сужденіе Иловайскаго: „дальнѣйшая исторія Рязани представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію съ Москвою; отклоненія отъ этого пути были очень незначительны“ („Ист. Рязанскаго княжества“, стр. 155).

²⁾ Олегъ Ивановичъ умеръ 5 іюля 1402 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 188); второй Ольговичъ Родославъ находился въ литовскомъ плѣну и пробылъ тамъ 8 года, а затѣмъ былъ выкупленъ братомъ за 3000 рублей; умеръ 14 ноября 1407 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 135; „Родославъ Ольговичъ“; т. XI, стр. 197; т. IV, стр. 106—2000 сребра).

³⁾ Федоръ Ольговичъ былъ женою на сестрѣ в. к. Василия Софій Дмитриевичъ, а дочь Васильюса выдалъ за серпуховскаго князя Ивана Владиміровича.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188: „и пожалова его царь, даде ему отчину его и дѣдину, великое княженіе Рязанское, улусъ свой“.

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., т. I № 36; сохранился „въ копіи“, съ пометкой: „грамота князя великаго Василья Дмитриевича со княземъ съ Федоромъ съ Ольговичемъ Рязанскимъ княемъ“.

⁶⁾ а князя Владимира Андреевича и Юрія Дмитриевича равными братьями, князя Андрея и Петра Дмитриевичей—младшими.

⁷⁾ „а отдадите отъ васъ Орду“...

⁸⁾ „А будетъ те князѣи поскате въ Орду, и что съ нимъ попомнѣи, или х тобѣ посоль татарскойя придетъ, и тобѣ того попомнѣи крестьяньского дѣла добра,

И съ в. к. Витомтом¹⁾ рязанскій князь долженъ вступать изъ договоръ не князе, какъ по предварительному соглашенію съ в. к. Василіемъ.

Мы слишкомъ мало знаемъ о внутреннихъ отношеніяхъ Рязанскаго княжества, чтобы получить о нихъ хоть сколько-нибудь ясное представление. Знаемъ въ Рязанской землѣ только одинъ стольный городъ, кромѣ старшаго Переделова, Пронскъ. Пронскій князь Владиміръ Ярославичъ, который называлъ было въ 1372 году стогъ Рязанскаго великаго княженія, умеръ зимой 1372—3 года²⁾, оставилъ на пронскомъ княженіи сына (единственнаго³⁾ Ивана; летописные тексты упоминають о «пронскихъ князьяхъ» во множественномъ числѣ, но не знаемъ, какихъ князей они тутъ разикують. Остаетсялишь вниманіе одна особенность грамотъ этого времени: договорная грамота 1371 и 1402 годовъ⁴⁾ титулуютъ пронскаго князя Владиміра Ярославича и Ивана Владиміровича—«великими». Грамоты эти редактированы въ Москвѣ, и такая титулатура пронскаго князя должна имѣть какое-то особое значеніе, блже, впрочемъ, не поясненіе именами известными намъ давными. Возможно, конечно, связать ее съ прорывавшимся по временамъ притязаніямъ пронскаго князя на старшій стогъ Рязанскаго княженія и съ поддержкой, какую пронскіе князья находили иногда въ Москвѣ, какъ, напримеръ, въ концѣ того же 1371 года. Договоръ 1402 г. выдвигаетъ особое положеніе пронскаго князя. По этому договору в. к. Василій и все московскіе князья обязались «въ землю въ рязанскую и во князи въ рязанские⁵⁾ не вступатися». Но относительно пронскаго князя въ договоръ вошло особое обязательство в. к. Федора Ольговича: «а со княземъ съ великимъ съ Иваномъ съ Володимеровичемъ зяти [тѣ]⁶⁾ любовь по давнымъ грамотамъ⁷⁾»; а дабѣ договоръ

а то тобъ не въ помѣну; а коли князь князичъ слати въ Орду, и то ти намъ явяти». Вся редакция этой статьи договора придаетъ ей характеръ ограничительной оговорки къ положенію, что рязанскій великій князь не имѣетъ самостоятельныхъ сношеній съ Ордою; такіа сношенія допускаются, но не ставятся въ измѣну лишь при взаимномъ согласіи и по необходимости («иреислѣснаго дѣла добра»). Тутъ имѣтъ «ириислѣднѣ» отъ великокняжеской власти, какъ полагаютъ М. К. Либаскій.

¹⁾ «А вѣсточеть съ тобою тѣсть мой в. к. Витомъть любви, ино тобъ съ нимъ зяти любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно».

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19.

³⁾ Энциклопедіи, т. II, стр. 630, прим. 2023.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 31 и 36.

⁵⁾ Намъ некого разумѣть подъ этими рязанскими князьями, которые тутъ явно не исключаютъ изъ себя пронскаго князя, кромѣ братьевъ Ольговичей—Белора и Родослава, възъ которыхъ второй былъ въ ту пору въ летописномъ плѣну.

⁶⁾ Это «ти» добавлено по аналогіи съ вышедшею формулой договора: «а со княземъ Семеломъ съ Романовичемъ съ Новосильскимъ и съ Торускимъ князи также зяти ти любовь по давнымъ грамотамъ».

⁷⁾ «Давныи грамоты»—вѣдомствіе до насъ договоры между рязанскими и пронскими князьями.

устанавливает порядок третейского суда по столкновениям между великими князьями рязанскими и прюскими съ тѣмъ, что за в. к. Василіемъ Дмитриевичемъ признается право принудить приговореннаго къ отдачѣ «обиднаго», если онъ добромъ не отдастъ: в то великому князю «не въ амилу»¹⁾. Существенно отметить, что такой же точно порядокъ разрешения земельныхъ или иныхъ столкновений и споровъ устанавливается договоромъ между в. к. рязанскимъ и князьями новосельскимъ и торусскимъ²⁾, которые въ данномъ договорномъ докончаніи «однаго человека» съ в. к. Василіемъ.

Однако, въ дальѣйшемъ, прюскій князь пошелъ инымъ путемъ и наметъ опору противъ мѣстной великокняжеской власти не у московскаго князя, а въ Орду, у хана. Краткія сообщенія летописныхъ сводовъ о происшествіяхъ 1408 г. не даютъ указаній на ближайшій поводъ столкновения между князьями Федоромъ Ольговичемъ и Иваномъ Владимировичемъ. Прюскій князь ѣздилъ въ Орду и вернулся осенью 1407 г. отъ хана Булатъ-Салтана «съ пожалованіемъ и съ честью», а, главное, съ ханскимъ посломъ. Поздному, дѣло шло о какихъ-то разногласіяхъ его съ в. к. рязанскимъ, которыя нѣтъ перенесены на ханскій судъ³⁾. Засѣвъ въ своемъ Прюскѣ кн. Иванъ Владимировичъ впадалъ съ татарской помощью на Рязань. В. к. Федору пришлось бѣжать за Оку, во владѣнія шуряна своего, в. к. Василія, и тотъ далъ ему помощь, хотя въ болгарской средѣ его соотѣнника это

¹⁾ «Искрау» къ обидѣмъ «учити» бояре обидѣ сторонъ на създѣ; «о чѣмъ ся споруть, иво нмъ третей митрополитъ»; приговоръ митрополита окончательнъ: «а кого митрополитъ обвинитъ, иво обидное отдати»; «а не отдасть, иво нѣтъ в. к. Василію Дмитриевичю отпавити, а то ма не въ амилу». Заключеніе: «также ма обѣ стороны» подтверждаетъ, что в. к. Василій выставляетъ себя не разпичникомъ и кровозвѣдемъ одной стороны, затѣ своего Федора или прюскаго князя, а гарантомъ установившихъ отношеній.

²⁾ Съ тѣмъ оцѣнѣмъ, что для нѣтъ обязательно обращаться къ третейскому суду митрополита: бояре, не приди въ согласенію, «дуть на третей, кого себя изберуть».

³⁾ Въ Никоновской (И. С. Р. Л., т. XI, стр. 202): «Въ лѣто 6916 сентября 6 князь Иванъ Володимировичъ прюскій приде ко Орды отъ хана Булатъ-Салтана съ пожалованіемъ и съ честью на Русь и сяде на Прюскѣ, а съ нѣмъ посолье царя». Далѣе было, конечно, не въ «посажаніи» кн. Ивана на Прюскѣ, но въ указаніи, чтобы кн. Иванъ получилъ ярлыкъ на великое рязанское княжество, если только не усмотритъ такое указаніе въ сообщеніи той же летописи (стр. 202), что посолье багетая в. к. Федора за Оку. «князь великий Иванъ Володимировичъ прюскій сяде на обидѣ княземъ Иваномъ на Рязанскомъ и на Прюскомъ» (ср. т. VII, стр. 243). Съ осени до весны велось, поздному, переговоры; только весной 1408 г. прюскій князь ударилъ на Рязань: битва на р. Сидѣ произошла 1 июля. Передъ битвою опять шли переговоры: «хана Иванъ прюскій приде съ посломъ татарскимъ—а на умиршася княземъ» (И. С. Р. Л., т. XV, стр. 480). Ханъ Булатъ-Салтанъ былъ вконецъ на хвастѣ, а ни в. к. Василія, ни в. к. Федоръ къ нему не поѣхали. Ср. Временникъ, т. X, стр. 33 (Родословца).

дѣло вызвало разногласіа, въ виду негнѣшательства татарской власти¹⁾. Переговоры, при участіи ханскаго посла, не привели къ соглашенію, и дѣло дошло до битвы. Войско великихъ князей было разбито ратью пронскаго князя, несмотря на нейтралитетъ татарскаго отряда²⁾. Но на томъ дѣло и кончилось. Князь Иванъ Владиміровичъ, который было замѣлъ Рязань, помирился съ в. к. Федоромъ при посредничествѣ в. к. Василія³⁾, а, вѣроятно, и ханскаго посла.

Было бы существенно лучше знать это проясное дѣло, чѣмъ даютъ возможность наши источники. Оно было прамудрѣе намѣщенію на Русь Едигея и послѣдней попыткой Рязанскою украиню—на этотъ разъ въ лицѣ пронскаго князя—самостоятельно опредѣлить свое отношеніе къ Орду и найти въ ней опору для своей самостоятельности по отношенію къ великорусской великокняжеской власти. Въ рукѣ московскаго князя—онъ же и великій князь всея Руси—не было еще достаточной силы для обороны южныхъ и западныхъ окраинъ Великороссіи. Рязанская земля терпѣла по-прежнему татарскіе набеги⁴⁾, а послѣдніе годы в. к. Олега Ивановича по-казали, какъ мало надежды на поддержку великокняжеской власти въ западныхъ, лѣтовскаго дѣлахъ⁵⁾. Эта слабость великорусской великокняжеской власти достигла крайней степени въ тяжкую годину внутренней ситы

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV ст. 480: „князь же великий Василей московскій двѣ помощи зяло своему князю Федору Олговичу; старци же се не показаша, а зяло те сложякъ къ провскому ратью послати на нь, се бо здумаша боера лизн“. Ср. т. XI, стр. 210.

²⁾ „Татарове на отягоша на гору и стана, не помагаючи проишномъ“ (П. С. Р. Л., т. XV, ст. 481). О мѣстѣ боя см. замѣчанія Экеншларскаго, т. II, стр. 631, прим. 2087.

³⁾ „и помирилъ ихъ князь великий Василей Дмитреевичъ, и сядоста по словемъ княжескимъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 243).

⁴⁾ Федоръ Ивановичъ успѣшно отбилъ „половъ“ и покаралъ татарскій „изгоу“ въ 1404 г.; тоже удалось рязанцамъ въ 1410 г., но въ 1416 г. татары разорили рязанскія вѣности у р. Дона, зявдѣ Висць, причемъ погибъ елецкій князь, и „много вовазаша“, ушли „со многымъ половомъ и богатствомъ“; удача была погнѣда за татарскимъ изговомъ въ концѣ 1426 г.; въ 1437 г. татары рязанскія „украина сѣла поимаша“; въ 1438 г. „вовазаша Рязань и много ала учиниша“; въ 1442 г. приодѣяла на „ризанскія украини“, сотворили много зла и ушли съ половомъ; въ 1443—1444 г. отособѣи набѣгъ на Рязань караяча Мустафы и его зивова на Рязань (въ Переяславскѣ); на этотъ разъ московская ратьля сила помогла разгромить татарскую салу, захуренную суровой зивной стужей; былъ пометъ, въ отместку за гибель Мустафы, татары учинили набѣгъ на рязанскія украини осенью 1444 г.— П. С. Р. Л., т. XI, стр. 191, 215, 225, т. XII, стр. 6, 23, 25—26, 42, 61—62. Въ это зянь болѣе крупнае зивады постовавшихъ украинныхъ травогъ и столкловеній.

⁵⁾ Разрывъ московско-литовскаго союза въ 1406—1409 гг. былъ зивнѣе незначительнымъ и переходилъ зивадомъ въ почитнѣе в. к. Василія Дмитреевича; во „моравцѣномъ“ сѣздѣ у Виконта въ 1480 г. в. к. рязанскій испрѣтѣлокъ, въ кругу другихъ князей, съ в. к. Василіемъ Дмитреевичемъ.

при Василии Темномъ. Рязанская земля, бесцельная въ устройствѣ собственныхъ судебъ, потонула было въ Литовскому великому княжеству; но договоры великихъ князей рязанскаго Ивана Федоровича¹⁾ и прюскаго Ивана Владимировича съ в. к. Витовтомъ, по которымъ эти князья «дали сѣбу въ службу»²⁾, были лишь отраженіемъ того переѣка, кадой приобрѣло въ эту пору великое княжество Литовское надъ Москвой и относится къ послѣднимъ годамъ жизни и княженія Витовта, а съ его смертью потеряли всякое значеніе передъ новыми укладомъ восточно-европейскихъ отношеній.

Рязанское великое княжество все тѣснѣе принакцаетъ къ московскому центру, все больше теряетъ самостоятельность. По смерти Витовта, в. к. Иванъ Федоровичъ снова подъ рукою великаго князя всей Руси и посылаетъ свою рать сѣбу въ помощь на галицкаго Юрія Дмитріевича³⁾. Но, по существу, его отношеніе къ московской сѣбѣ весьма пасивно. Когда Юрій вторично захватываетъ Москву и великое княженіе, Иванъ Федоровичъ вступаетъ въ договоръ съ нимъ, какъ съ великимъ княземъ⁴⁾, но договоръ

¹⁾ Даты кончины в. к. Федора Овечьевича и возмашенія его сына Ивана не могутъ быть установленны по отсутствію данныхъ. Ср. замѣчанія Иловайскаго (стр. 136) и Экземплярскаго (т. II, стр. 596—598).

²⁾ А. А. 2., т. I, №№ 25 и 26—оба договора по своему и тому же формуляру. Князь рязанскій и прюскій «далося въ службу» в. к. Витовту, «полодарю своему», обязуясь «оказати ему вѣрво божъ всякия хитрости»; в. к. Василии Владимировичу, «мужу его», помогать только по повелѣнію в. к. Витовта, а при раздорѣ между ними—«пособити в. к. Витовту на нѣхъ (московскихъ князей) божъ хитрости»; спорныя дѣла между Литовской и Рязанской землями рѣшаются съѣздомъ судей того и другого великаго князя, но если они «сопруга», то окончательное рѣшеніе дѣла принадлежитъ в. к. Витовту. Въ договорѣ внесено обязательство «судъ и исправа держати со великимъ княземъ съ Василиемъ съ Владимировичемъ по старшѣ»: в. к. Витовтъ беретъ отношенія между Москвой и Рязанью подъ своею опеку. Обязательство Витовта не вступался по младшій Иванъ Федоровичъ, «позае рубель рязанские земли», т. е. «перяславской его вѣтчимъ», соединено съ оговоркой: «мѣшкше Тулу, Верестовъ, Ретавъ съ Паша, Дорожнѣа, Заволотѣа Гордѣвскій»; тутъ вѣтъ уступки перечесявскимъ мѣстъ Литвѣ, какъ помятъ Иловайскій (стр. 139), а есть противоположеніе нѣкъ «перяславской вѣтчимъ» (слово «мѣшкше» отавдѣ не означать, чтобы онъ рѣвѣе входила въ ак составъ), надо полагать—какъ князю спорныхъ между Москвой и Рязанью; въ судьбу же нѣкъ Витовтъ сохраняетъ право «вступатся».

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 48: «а что вса, говоритъ въ этой договорной грамотѣ в. к. Иванъ Федоровичъ князю Юрію, посылаетъ свою рать съ твоими братичемъ со княземъ съ Васильемъ, и воевалъ, и грабилъ, и пологъ мѣшал...», и обязуется слюжать къ Василию свое крестоцѣлованіе.

⁴⁾ Терминологія этого договора своеобразна. В. к. Иванъ называетъ Юрія «господникомъ дядѣй», который и обязуется «имѣти его себя братичемъ», а старшему своему сыну братомъ (равнымъ), младшимъ сыновьямъ—братомъ старшійшимъ. По содержанию отношеній «господникъ дядѣй»—зависимый князь въ стѣи мѣсто, братъ старшійшимъ: в. к. Иванъ обязуется быть съ нимъ «въ однихъ вѣдѣхъ божъ хитрости», но

этот упреждает скорой смертью Юрия; не слышать о каком-либо участии Ивана Федоровича в дальнейшей борьбе, а укрѣпление великокняжеского стола за в. к. Василиемъ Васильевичемъ вызываетъ новый договоръ его съ в. к. рязанскимъ, близкімъ, по существу отношеній, къ ить прованскимъ докончательнымъ и къ договору Ивана Федоровича съ Юриемъ Дмитріевичемъ¹⁾.

Подозрительное трудностью своего вѣдѣннаго положенія, окруженное опасными врагами, Рязанское великое княжество связано, при недостаточной собственной силѣ, великорусской великокняжеской властью, которая все больше забираетъ въ свои руки руководство всѣми вѣдѣнными отношеніями Великороссіи, въ томъ числѣ и рязанской ея укарины. Близкімъ къ рязанскимъ предѣламъ назоръ литовской силы не въ состояніи прочно нарушить неизбѣжную связь Рязанской земли съ великорусскимъ центромъ. И эти отношенія тѣмъ характернѣе, что въ самомъ-то великорусскомъ центрѣ вѣтъ еще достаточной силы для крѣпкой обороны Рязанской земли. Носители великорусской великокняжеской власти требуютъ полного подчиненія рязанско-литовскихъ отношеній своей политикѣ и своему контролю. А сама вынуждена отдѣлать эти отношенія отъ спонса, восполско-литовскихъ, ограничиваясь ролью посредниковъ между Рязанью и Литвой, ко-

„проставать“ къ татарамъ, не вступать въ докончаніе съ Василиемъ Тенкимъ и не свозитъ съ нимъ, не принимать въ свои земли ни его, ни его бояра, а быть „на него за одинъ“ съ Юриемъ. И съ литовскимъ великимъ княземъ Свидригайломъ в. к. Иванъ долженъ устанавливать соглашеніе не только, какъ „по думѣ“ съ Юриемъ, и къ договорной грамотѣ съ нимъ писать, что оъ съ Юриемъ „однакъ чакотыкъ“. Тоже односторонство съ Москвою, подчиненное ей политикѣ, — въ отношеніи къ татарамъ и мещерскимъ князьямъ. — Договорная грамота эта редактирована по грамотѣ 1402 г. (№ 86), причѣмъ нѣмѣ мѣста ея текста — взяты изъ образца и вновь вписанные, повидимому, плохо составленные: такъ рядомъ съ тѣмъ же опредѣленнымъ порядкомъ разрѣшенія споры между рязанскимъ и прованскимъ князьями, каковой установленъ въ грамотѣ 1402 г., тутъ читаемъ еще такой текстъ: „а со княземъ есимъ съ прованскимъ и съ его братьемъ любовью владѣ, а что ся промежъ насъ учинитъ, ино межъ насъ управити тобѣ, возному князю, а намъ тебѣ слушати“. Если читать этотъ текстъ, какъ согласный съ порядкомъ митрополитскаго третейскаго суда в великокняжеской управѣ на непокорнаго приговору, получится значительное повтореніе; а если отдѣлать, онъ отдѣлетъ окончательное рѣшеніе великому князю (подобно тому, какъ было въ договорѣ рязанскаго князя съ в. к. Витовтомъ). Что обѣ эти формулы не дополняютъ другъ друга, а равносильны и, стало быть, несомнѣнны, показываетъ ихъ редакція: 1) „а что ся промежъ насъ учинитъ“... и 2) опять: „а что ся межъ насъ учинитъ“; полагаю, что первая (новая) была при редактированіи грамоты вписана за попятъ, какъ замѣняющая вторую, а въ списки грамоты сохранилась обѣ по недоразумѣнію, — причѣмъ такъ сложившійся текстъ механически перешелъ и въ договорную грамоту 1447 г. (С. Г. Г. и Д., т. I, № 65).

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 65 — договоръ повторяетъ условія дочинательной грамоты великаго князя Юрія и Ивана, но съ замѣной „господина дѣда“ — „братомъ старѣшимъ великимъ княземъ“ и „братенча“ — „братомъ молодшимъ“, а также съ нѣкоторыми редакционными измѣненіями.

тория иной раз оказываются, по прежнему лицом к лицу — помимо Москвы.

Так и в к. Василий Васильевич требует (из договоры 1447 г.), чтобы рязанский великий князь вступал с в. к. Литовским из договорами отношения «по думи» с князю, князем великим, непременно оговаривал в окончательной грамоте, что он, рязанский великий князь, с в. к. Василием «одати человекъ», и обещает за то оборонять Рязанскую землю от литовской силы¹⁾.

Однако, дело еще не дошло до полного единства в распоряжении воинской силой; единчество князей обусловлено соблюдением братского относительного равенства: в. к. рязанский лично выступает в поход лишь в том случае, когда в. к. всея Руси самъ «всадеть на конь», а если посылет воеводу, то в поход идут рязанские воеводы.

Так и в случае нападения Литвы на Рязанскую землю: в. к. Василий обещает «боронити» рязанского противъ всѣхъ, отъ кого онъ самъ «не возможетъ» оборонитися, за отказъ в. к. рязанского отъ всѣхъ селатинъхъ крестоцѣлованій²⁾, но притомъ лишь условно: обязуется самъ выступить на оборону Рязани отъ Литвы, когда на рязанского князя пойдетъ лично в. к. литовский; а если онъ только пошлетъ противъ Рязани своихъ литовскихъ воеводъ, то и в. к. Василий пошлетъ в походъ своихъ воеводъ. Эта условность «одиначества» в ратномъ дѣлѣ и въ распоряженіи ратной силой получаетъ особое значеніе при сопоставленіи съ большой относительностью, в московскомъ пониманіи, договорнаго установленія, что в. к. рязанский передъ в. к. литовскимъ «одати человекъ» съ в. к. всея Руси. Въ 1449 г. в. к. Василий Васильевичъ заключилъ договоръ съ литовскимъ великимъ княземъ и королемъ польскимъ Казимиромъ Ягеллончиком³⁾; въ договорѣ этомъ в. к. Василий признаетъ за Казимиромъ право «повозити» рязанского князя и обещаетъ не вступаться въ дѣло, если в. к. рязанский «сгубитъ» Казиміру и «не исправитъ» къ нему по указанію в. к. Василия, котораго король Казиміръ долженъ предварительно уведомить о происшедшихъ разногласіяхъ и столкновеніи. Мало того: в. к. Василий признаетъ за рязанскимъ княземъ право, если онъ «вослоцеть», служить королю Казиміру, обещая за то «на него не гнѣваться, ни лстать ему».

Такъ замечательная рязанская самостоятельность поддерживалась, из исхода своего сколько-нибудь реального значенія, не столько собственной силой Рязанскаго княжества, сколько слабостью великорусскаго центра передъ окрѣпшею мощью Литовскаго великаго княженія. И великорусская великокняжеская власть поневоли не слѣзнула съ ликвидацией этой самосто-

¹⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 65.

²⁾ «а кому будетъ поволять крестъ, а тому ти поволяе сложити».

³⁾ А. З. Р., № 50.

тельности, довольствуясь покорностью слабого соседа, «брата молодшаго», лишь бы он не был орудием враждебных сил и не создавал затруднений для собственных задач московской великокняжеской политики.

Наша источник—гётонисские своды—попрежнему, молчат о вступлении дѣлать Рязанской земли. А, между тѣмъ, и тутъ, какъ въ Тверскомъ великомъ княженіи, произошла въ послѣднія времена особлившей независимости значительная концентрація княжого владѣнія. Но явленіе это какъ почти неизвѣстно даже съ элементарно-фактической стороны. Уже въ договорѣ между Иваномъ Федоровичемъ и Юріемъ Дмитріевичемъ находимъ такое опредѣленіе владѣній великаго князя рязанскаго, которое расходится съ самостоятельнымъ значеніемъ «великаго князя» промскаго въ рязанскихъ договорахъ съ великими князьями Василиемъ Дмитріевичемъ и Витовтомъ. Рязанскій князь требуетъ отъ Юрія Дмитріевича гарантіи «отъ чьихъ княженъ Рязанскаго, Переяславля и Провьска, и всѣхъ волостей переяславскихъ и провскихъ, что потягло къ Переяславлю и къ Провьску по рѣкѣ по Оку»¹⁾. Для яснаго разузнанія этихъ отношеній, какъ они отразились въ поминутыхъ договорахъ, надо бы имѣть совсѣмъ иной запасъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ то скудное, что находимъ въ нашихъ гётонисскихъ сводахъ: въ томъ же договорѣ, а. к. Иванъ Федоровичъ повторяетъ требованіе принять докончательнымъ гарантію, чтобы московскіе князья не «вступались» въ «рязанскіе князья», во относительно промскаго князя сообщаетъ особо, что онъ съ нимъ и съ его братьями «любовь имать». Опредѣленіе отъ чьихъ рязанскаго великаго князя, какъ «Переяславля и Провьска и всѣхъ волостей переяславскихъ и провскихъ», даетъ поводъ признать, что эта «любовь» съ провскими князьями состояла въ томъ, что онъ ихъ привелъ «въ свою волю». Однако, тутъ же всѣ столкновенія между рязанскими князьями и провскими князьями отдаются на «управу» московскаго великаго князя, въ чемъ великая не видѣть значительной гарантіи независимости Провьска отъ вѣстной великокняжеской власти²⁾. А гётонисские своды не даютъ никакихъ свѣдѣній о послѣднихъ десятилѣтіяхъ Провьскаго княжества. Они не отиѣтили даже года смерти промскаго «великаго князя» Ивана Владиміровича, а о его сыновьяхъ—князѣ «провскомъ» в его

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 48.

²⁾ Указаннымъ выше сомнительнымъ чертамъ редакціи этой договорной грамоты крайнее затрудняютъ пользование ею. Великокняжеская «управа», какъ было уже упомянуто, въ рязанско-провскихъ столкновеніяхъ опредѣляется тутъ двумя несогласными формулами, которыя совмѣстную вѣдливость въ текстѣ договорныхъ грамотъ 1434 и 1447 г. г. (С. Г. Г. и Д., № 48 и 65) приходится толковать, какъ редакціонное недоразумѣніе. Но значительную трудность представляютъ, собственно говоря, и согласованіе (по содержанію) опредѣленія «рязанскаго отъ чьихъ», какъ заключающей въ своемъ составѣ и промское княжество, съ приваженіемъ сюда великокняжеской власти надъ договорными отношеніями между рязанскимъ великимъ княземъ и провскими князьями.

братья» договорных грамотъ—повсе не упоминаютъ. Только родословцы XVI вѣка даютъ кое-какія свѣдѣнія о послѣднихъ проислахъ князьятъ и судьбѣ ихъ потомства ¹⁾. По такимъ даннымъ нельзя опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ проискіе князья утратили самостоятельное княженіе; но смыслъ и предметъ рязанскаго великаго князя Ивана Федоровича, Василій, уже владѣеть Пронскимъ и благословляетъ имъ, передъ кончиной, вѣстѣи съ великимъ княземъ Рязанскимъ своего старшаго сына Ивана Васильевича ²⁾.

Это внутреннее объединеніе Рязанской земли подъ единой княжеской властью свершилось въ такую пору, когда великое княженіе Рязанское находилось въ полной фактической зависимости отъ московской великокняжеской власти и его внутренніи отношенія стояли подъ ея крупнѣйшій контролемъ и руководящихъ надзоромъ. Прочіи владѣія господствомъ надъ Рязанской землей ³⁾, великорусская великокняжеская власть не препятствовало, а, очевидно, содѣйствовала концентраціи Рязанской усадьбы, вѣроятно, въ связи со стремленіемъ взять въ свои руки организацію обороны южныхъ окраинъ.

Рязанскій великій князь Иванъ Федоровичъ оставилъ на столѣномъ княженіи восьмилѣтняго сына Василія, а судьбу его тѣмъ обезпечилъ, что «далъ его на руки» в. к. Василію Васильевичу ⁴⁾. В. к. Иванъ Васильевичъ

¹⁾ Изловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 144—145; Бхманперскій, т. II, 631—632.—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 344—345: «А у князя у Ивана быше три сына: Федоръ, да князь Иванъ Никитъ, да князь Андрей Сухорукой; а у князя Федора быше сынъ Юрій, да у Юрія сынъ князь Глебъ провской; а у князя Ивана у Никиты сынъ Иванъ же, а у Ивана сынъ Василій Никитъ, а у Василія сынъ Шемяка князь Иванъ, а у князя Андрея у Сухорукого сына князь Дмитрей, а у князя у Дмитрія дѣти: Юрій, да Иванъ, да Федоръ, да Давыдъ.—«Временникъ» Общ. Ист. в Др. Росс.", т. 10, родословцевъ, стр. 71.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 127—128: «а чѣмъ маян (тебя) благословитъ отецъ нашъ князь великій Василей Ивановичъ Переславлемъ и Ростиславлемъ и Пронскомъ и вѣими волостями и со отъиждими мѣстами и вѣими великими княземъ»...

³⁾ Въ концѣ княженія в. к. Ивана Федоровича (въ началѣ 50-хъ г.г.) в. к. Василій Васильевичъ правителю рязанскаго князя изъ укладъ «мелка» на содержаніе касимовскихъ татаръ: «а что шло царевичю Касиму и смку его Давыду царевичю съ вѣими земли при твоёмъ дѣдѣ в. к. Иванъ Федоровичъ и при твоёмъ отцѣ при в. к. Василіи Ивановичѣ и что царевичемъ княземъ шло и што князятвамъ и даругамъ», поминатомъ в. к. Иванъ III въ договорѣ съ в. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ (1483 г.; С. Г. Г. и Д., т. I, №; 115); размѣръ укладъ былъ окончательно условленъ по «запискамъ», дакъ в. к. Василій Васильевичъ «за твоего отца, за в. к. Василія Ивановича хотѣлъ съ царевичемъ съ Касимовымъ княземъ» (тамъ-же).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181: «княженіе свое предать держати в. к. Василію Васильевичу московскому, и сына своего дакъ ему на руки, князя Василія, бѣ бо тогда еще осми дѣтъ»; т. VIII, стр. 147: «княженіе же свое Рязанское и сына своего Василія приязати в. к. Василію Васильевичу; князь же великій Василей сына его и съ сестрою

выдалъ въ 1464 г. сестру свою Аниу за молодого рязанскаго князя и отпустилъ его на Рязань—«на его отчину на великое княжение». Василій Ивановичъ княжилъ 19 лѣтъ «великимъ княземъ», по московскимъ подручникамъ. Передъ кончиной (ум. въ январѣ 1483 г.) онъ благословилъ старшаго сына Ивана—Переславскаго, Ростиславскаго, Пронскаго и всѣмъ великимъ княземъ Рязанскимъ, а младшаго—Федора—Перевтескомъ и Старой Рязанью. Братья Васильевичи заключили договоръ, въ общаго, по образцу московскихъ договоровъ великихъ князей съ удѣльнымъ братъемъ¹⁾,

взять къ себѣ на Москву, а на Рязань посла князѣтвонн свои и на прочаа грады и на алаоты; г. XII, стр. 112: «князѣи же свое Рязанское и сына своего Василія приказала в. к. Василію Васильевичю на соблюдение; князь же великій Василій сына и сестру его съ Феодосіемъ зва зкъ къ себѣ на Москву, а на Рязань посла князѣтвонн свои на соблюдение и на прочаа грады его и на алаоты».

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 137 и 138. Грамота в. к. Ивана Васильевича брату Федору сохранилась въ описи, который сызъ въ Москвѣ съ подлинной (а она «писана въ Переславле лѣта 7004 августа въ 19 день»), о чемъ свидѣтельствуетъ помята на ея оборотѣ: «описи а грамотѣ з допечаленн съ рязанскихъ великому князю Ивану а братомъ его со княземъ съ Феодоромъ, а самимъ грамоты допечаленн съ печатнми лѣта 7036 (посланы къ великому князю) въ рязанской къ Острогу съ его челоукомъ съ Медведемъ»; грамота князя Федора брату, в. к. Ивану, въ подлинникъ за печатями и скрѣпой: «симрешимъ епископъ Семюкъ рязанской и Муромской». — Двойной документъ этотъ весьма интересенъ, какъ единственный, уцѣлѣвшій до нашего времени, памятникъ «удѣльнымъ» отношеній въ Рязанскомъ князествѣ. Однако, тутъ это отношеніе, возникшій знаво между братьями Васильевичами въ началѣ XV в., въ пору, когда подлинными отношеніями удѣльнаго владѣнія быстро разлагались подъ давленіемъ великокняжеской власти московскаго государя. Договоръ 1466 года не можетъ служить вѣрнымъ источникомъ для изученія типа и основного узла «удѣльныхъ» отношеній: не мало въ немъ явно новаго, не традиціоннаго, а подлинно договорнаго. Точнее даже было бы сказать, что какъ въть въ этомъ договорѣмъ таковы термины «удѣль», такъ въть въ немъ и раздѣлы общей отчины между братьями по удѣламъ. Владѣнія младшаго брата весьма значительны: старшій получилъ «са великое княжево», а младшему отецъ, князь великій Василій Ивановичъ, и мать, в. к. Анна и старшій братъ, в. к. Иванъ Васильевичъ «отдѣляна» только «Перевтескъ и Рязань старую съ волостями и съ отѣдками мѣстн», да «треть» въ Переславскомъ доходять в доходимы вмуцѣстаетъ в часть дворцовымъ салъ по раздѣльнымъ «зависемъ». Все это гарантируется князю Федору въ потомстванномъ владѣніи, причемъ старшій удѣльнымъ возвращаю уже настолько вказанымъ, что требуется особый огорока противъ прераждевія отнѣк владѣній въ оврчнчану и произвольнаго завѣщательнаго распоряженіе ими въ случаѣ выморочности: «а не будетъ в тоби дѣтей, в тоби, моему брату своей отчинѣ не отдади ни которю х и тростъ в мимо мѣня, великого князя». За то и великій князь, объява брата «во хотвѣи» великаго княжево подъ собой и своимъ дѣтми, объявляе ему: «а не будетъ в мои дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княземъ благословити тебѣ, моего брата». Составленн договора судить правдиво, полагая, что отчужденіе «удѣла» на сторону мимо братами, возможно только «литростамъ» (вольной лѣя, какъ увидимъ, чаще вмуцѣдленой). Новыя отношенія и повлѣтн сказались въ томъ же договорѣ вначетельной салой великаго князя и подтѣчельнымъ приваженіемъ младшаго брата, за которымъ лѣшъ слабые остатки

во со значительным усилением великокняжеской власти над младшими братьями, князем на Старой Рязани.

Договор этот относится к послѣдним годам жизни и княжения в. к. Ивана Васильевича и, подводя итогъ отношеній, сложившимся между князьями-братьями, имѣя, повиданно, главной цѣлью обезпечить за ними наследственное обладаніе ихъ владѣніями, в прамде всего, переходъ, въ случай выморочности, великаго княженія къ брату Федору, а его младшій къ в. к. Ивану. Но было уже поздно. Никакія политическія и владѣльческія соглашенія рязанскихъ князей не могли создать препоны для московской полѣтки¹⁾, послѣдовательно завершаемой Иваномъ III.

Со времени замяданія смуты, потрясшей Москву при Василии Темномъ, рязанскихъ князей ничего не оставалось, какъ быть «покорными слугами» великихъ князей всея Руси. Рязанскій великій князь Иванъ Васильевичъ былъ связанъ съ московской властью договоромъ, какой заключенъ въ перемѣ же годъ его княженія²⁾. Рязанскій князь призналъ «стар-

участіе въ княжеской власти. Утверждая свое единчество (взаимное), братья не обижаясь въ земь равенства; они обязуются „не каичивати, ни сомыгати“ ни съ кѣмъ другъ безъ друга, во младшій обязанъ сложить все свои селаратимы „дѣло-вама“ и быть всецѣло въ оныхъ старшаго, который обижаетъ его „жаловати и печаловати“ и въ его отчаюмъ; обязатъ младшій братъ „йтии безъ ослушанья“, куда его пошлетъ князь великій (при этомъ—теряетъ живой смыслъ сохраненная въ договорѣ формула о „сѣдланіи на конь“ обоихъ князей и посмытъ воеводъ, если великій князь самъ не выступаетъ). Участіе младшаго Федорова „третьяка“ въ судѣ великокняжескаго наместника надъ Переславцами сведено, по существу, къ тому, что третякъ „смотреть своего прибытка“; за то младшій братъ не судитъ въ Переславлѣ своихъ людей „въ душегубствѣ и въ разбѣи и въ тѣлѣ съ подличимы“, а великому князю въ этихъ дѣлахъ и въ „протаножіи и въ кичовѣ дѣлѣ и буда“ людей князя Федора „судити и казнити воля во всемъ“. Важнѣе, чѣмъ прямое участіе младшаго князя въ управленіи княжствомъ, взаимное договорное обязательство „новыхъ пошани не замышлати“, не нарушать церковныхъ и монастырскихъ привилегій, боярскаго землевладѣнія и боярскихъ правъ. Князь Федоръ—за рублемъ между положеніемъ „удѣльнаго“ князя и привилегированнаго крупнаго землевладѣльца-служилца князя. Тексты возникъ договорныхъ грамотъ, подчиняясь старшимъ формулирамъ, сохраняютъ неогда формулы, уже не соответствующія дѣйствительности, имъ современной: примѣръ въ данномъ договорѣ—слова „а Орды знати и вѣдати нѣтъ, великому князю“, „а имати мнѣ у тебя выходи“ и „а кони нѣтъ, князь великій, въ Орду не дамъ“. Отразно было бы заключить, что въ 1496 г. рязанскій князь уплачивалъ выходы „въ Орду“; дѣло поворачивается тутъ же упоминаніемъ о „дарничномъ асакѣ Сатмышаловомъ или хю иной дарничъ будетъ за томъ мѣстѣ“, т. е. о „асакѣ“, какой шелъ съ Рязанской земли наемникомъ татарамъ со времени в. к. Василия Темнаго.

¹⁾ Ср. замѣчаніе Д. И. Косовскаго (указ. соч., стр. 148), что „въ дѣйствительности имѣли силу развѣ только экономическія статьи договора, а въ дѣлахъ полѣтки оба князя были покорными слугами Ивана III“.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 115 и 116: „дѣя грамоты утверженныя великаго князя Ивана Васильевича большаго съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ меньшимъ“.

шнии братьями» обоих великих князей—Ивана III и его сына, Ивана Ивановича, обиделся быть съ ними «за одинъ» и на Литву, и на татаръ, отступался въ пользу Москвы отъ всѣхъ притязаній на ея захваты и приобрѣтенія къ югу отъ Оки. И на дѣлѣ «меньшой» Иванъ, сохраняя въ договорѣ съ братомъ Федоромъ видимость своего великокняжескаго достоинства, словно даже окружного, оставался покорнымъ московскимъ подручникомъ. Рязанская рать ходила въ московскій походъ противъ Литвы¹⁾, а къ мирному договору съ в. к. Иваномъ III литовскій великій князь Александръ пишетъ²⁾ рязанскія князья, в. к. Ивана и его брата Федора, съ ихъ владѣніями «въ сторонѣ» в. к. Ивана III, обязуясь всѣ столкновенія съ ними передавать для «направы» московскому великому князю. Рязанскіе «сестричичи» великаго князя Ивана III были введены въ его руки, тѣмъ болѣе, что жива была и мать ихъ, московская княжна Анна Васильевна (ум. 1508 г.). Въ 1500 г. умеръ в. к. Иванъ рязанскій, оставляя на столѣ великаго княженія пятнадцатого сына Ивана. А дядя его, кн. Федоръ, скончавшійся въ 1508 г., «далъ свою отчину» в. к. Ивану III, который въ своей духовной отдастъ ее сыну Василию³⁾. Фактически Рязанское великое княженіе во власти московскихъ государей съ конца XV в., а исторія послѣдняго рязанскаго великаго князя, закончившаяся утраченіемъ особаго княженія на Рязани,—естъ исторія «крамолы» подручнаго князя противъ великокняжескаго власти, уже овладѣвшей всѣмъ управленіемъ и всей ратной силой на рязанской украинѣ Восточной Россіи.

¹⁾ Когда Воротыцкіе князья, отбѣжавъ къ Москвѣ въ 1493 г., «зашли на великаго князя кня» Сергеевъ да Мезецкъ, а в. к. литовскій отправилъ своихъ воеводъ на выручку этихъ городовъ, в. к. Иванъ Васильевичъ «послалъ проткнути ихъ острожича своего князя Федора Васильевича рязанскаго», своихъ воеводъ и «великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича воеводу Нильку Немайлова съ слезомъ». Н. С. Р. Л., т. IV, стр. 161; т. XVIII, стр. 277; т. XII, стр. 234.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. V, № 29 (1494 г.), согласно договору 1493 г., гдѣ Иванъ III обиделся при дознаніи съ в. к. литовскимъ, «княземъ» рязанскаго князя, что онъ съ ними «однаго челоука».

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 144: «а что же далъ сестричичъ мой князь Федоръ Васильевичъ рязанской свою отчину на Рязани въ городѣ и на посаде своей марабой и Старуи Рязанъ и Перелестекъ съ волостями... потому, князь онъ дѣлалъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ, и изъ ту его воичину... со слезомъ по тому, какъ было за княземъ за Федоромъ, далъ сыну своему Василию». Возможно, что эта «дѣла» была оформлена духовной грановой князя Федора, но видѣть тутъ актъ свободнаго распоряженія «удѣломъ», какъ «собственностью», никакъ нельзя. Къ этому вопросу вернемся по поводу аналогичныхъ случаевъ въ московской практикѣ XV вѣка.

ГЛАВА VII.

Нижегородское великое княжество.

Историческія судьбы Рязанскаго княжества, бурныя и тревожныя, так сложившійся—подъ тягостнымъ давленіемъ его положенія между татарами, Москвою и Литвою,—что внутренній политическій строй этого «великаго княжества» не смогъ опредѣлиться въ сколько-нибудь устойчивыхъ формахъ: объ «удѣльномъ» (въ точномъ значеніи термина) строѣ Рязанской земли говорить, собственно, и не приходится. Но если по отношенію къ Рязанскому великому князю причиной представленія о невыработанности его внутреннего строя можетъ на дѣлѣ оказаться просто наша неосвѣдомленность о рязанскихъ дѣлахъ и междукняжескихъ отношеніяхъ, по недостатку данныхъ въ сохранившихся источникахъ, то такое же представленіе пріятельно къ Нижегородскому великому князю выйдетъ болѣе естественное и надежное объясненіе въ скоротечности его бытія, протекавшаго, кромѣ того, въ крайне бурныхъ и напряженныхъ условіяхъ.

Положеніе историка передъ историческими судьбами великорусской восточной окраины—не лучше, чѣмъ въ изученіи рязанской исторіи: данные источниками глгописныхъ сводовъ—отрывочны, спутаны и сбивчивы, и, во многихъ, крайне недостаточны. Темна и трудно вымыслима исторія самого образованія той территоріально-политической единицы, центромъ которой сталъ въ серединѣ XIV вѣка Нижний Новгородъ. Въ составѣ этой территоріи только Суздаль—старинный городъ, съ крупнымъ историческимъ прошлымъ. Остальное, повидимому, «княжескіе» города, укрѣпленные пункты, во всякомъ ради опредѣляемыхъ стратегическихъ цѣлей. Таковы, прежде всего, тѣ пункты, которыми въ глгописныхъ текстахъ, обычно, опредѣляется, какъ и Суздальскъ, вся территорія—Городецъ на Волгѣ и Нижний. Волжскій Городецъ—старше Нижняго. Первое глгописное упоминаніе о немъ относится къ 1172 году, и построено отъ, вѣроятно, либо Всеволодомъ Юрьевичемъ или Алхреемъ Боголюбскимъ, либо еще изъ отцовъ, Юріемъ Долгорукимъ. Въ XII и началѣ XIII-го вѣка Городецъ—опорный пунктъ поволжскихъ отношеній и дѣйствій влади-

ирикскаго великаго князя¹⁾. Тоже значеніе «устья Оки» вызвало постройкіе тутъ въ XIII в. Нижняго Новгорода.

Когда в. к. Святославъ Всеволодовичъ «сыновца свои посади по городѣхъ, якоже бѣ нѣкъ отецъ урядилъ Ярославъ», князь Андрей Ярославичъ получалъ въ свою долю—Городецъ Волжскій и Нижній Новгородъ; на эти города, какъ на свою отчину, онъ возвращается въ за моря въ 1256 г., послѣ примиренія съ братомъ Александромъ, и получаетъ въ обладаніе Суздаля. Но такое соединеніе владѣній въ рукахъ князя Андрея не создало «суздальско-нижегородскаго княжества». Возможно даже, что князь Андрей получалъ Суздаль не въ уряду къ Городцу и Нижнему Новгороду, а какъ нѣкъ: такое предположеніе сдѣлало бы болѣе понятной дальнѣйшую судьбу этихъ послѣднихъ и отбѣчало бы нѣкъ особую значенію для великокняжеской власти. Лѣтописные своды именуютъ князя Андрея (съ 1256 г.) суздальскимъ, а въ Суздали нѣкто его погребеніа; на Суздали—своей отчизнѣ—княжатъ а сыновья его: Юрій, ватѣкъ Михаилъ и Василій²⁾. Но Городецъ и Нижній не вошли въ составъ ихъ отчины³⁾. По нашимъ источникамъ невозможно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ перешли они во владѣніе князя Андрея Александровича. Ближайшее отношеніе Андрея Александровича къ Городцу, какъ «городскаго» князя, устанавливается только извѣстіемъ о его погребеніи: онъ везше положиша его на Городцѣ въ церкви святаго Михаила Архангела⁴⁾. Но князь Андрей не сталъ «судѣнникомъ» городецкаго князевъ; мы видимъ его почти непрерывно либо въ борьбѣ за великое княженіе, либо великимъ княземъ. А сыновей онъ не оставилъ, а потому вопроса о вѣтчаніи его потомства не возникало. Не располагаемъ также никакими данными для какого-либо владѣнія

¹⁾ Въ 1172 г. князь Мстиславъ Андреевичъ, сынъ Боголюбскаго, влѣтъ съ Городца въ устье Оки на соединеніе съ муромскою и рязанскою ратью въ походъ на болгаръ. На «устѣ Оки» соединяются русскія военныя силы для похода на болгаръ въ 1220 г., а возвращается князь Святославъ Всеволодовичъ во Владимиръ на Городецъ (до Городца шли Волгой въ лодьяхъ, а отсюда во Владимиръ на коняхъ); на Городцѣ стоятъ в. к. Юрій Всеволодовичъ, собираясь въ новый походъ противъ болгаръ, принимаетъ тутъ болгарскихъ пословъ и заключаетъ съ ними миръ.—Лавр. лѣт., стр. 84; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 88; стр. 126—128. И послѣднее обѣщанъ путь на Городецъ князь по Волгѣ и обратно съ Волги; во Городецѣ, тѣсно связанной съ «устѣмъ Оки» въ своей стратегической рани, уступаетъ съ XIII-го вѣка почти все свое значеніе Нижнему Новгороду, основанному в. к. Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1221 г. Волжскій Городецъ—имѣлъ село Балахиинскаго узда.

²⁾ См. выше, стр. 62—68 и 98.

³⁾ Вопреки утвержденіямъ, весьма обичайнымъ, А. В. Экземлярскаго (т. II, стр. 390—396).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 175; «положенъ бмъ на Городцѣ въ церкви святаго Михаила»—т. XVII, стр. 98; «положенъ бмъ на Городцѣ»—Новг. I, стр. 308; т. VII, стр. 184.

его Нижний Новгородъ, крокъ великокняжескаго. И великокняжеские бояре, утвердивъ на великомъ княженіи тверского князя Михаила Ярославича, пытаются удержать за нимъ Нижний Новгородъ. Наде, повидяному, признавъ, что Нижний Новгородъ (а также и Городднмъ?) успѣлъ овладѣть московскій князь Юрій Даниловичъ, соперникъ тверского Михаила въ стремленіи къ великокняжеской власти, или же предположить, что судальскіе князья возобновили свои отчужденныя права на Нижний и дѣйствовали, притомъ, на сторонѣ князя Юрія противъ Михаила Ярославича ¹⁾: Михаилъ Нижний не овладѣлъ, при его сыновьяхъ споръ Твери съ Москвою закончился тѣмъ, что великое княженіе досталось въ 1328 году Ивану Калитѣ, а «Володимерь и Повозжье» досталось судальскому князю Александру Васильевичу ²⁾. Этотъ моментъ и наде признать моментомъ образования территоріи Нижегородскаго великаго княжества, окончательно сложившагоси при Александровомъ братѣ Константинѣ.

Мы видѣли, что Александръ Васильевичъ стремился къ большому, пытается утвердить за собой обладаніе Владиміромъ и его областью, слить ихъ наирѣзко со своими судальскими владѣніями, которыя охватили бы всю восточную Великороссію, судальско-нижегородское Повозжье. Но по его смерти владимірская, великокняжеская территорія отошла къ в. к. Ивану Калитѣ. Столъ Судальскаго княженія перешелъ къ его брату Константину.

Константинъ Васильевичъ и явился организаторомъ Нижегородскаго великаго княжества. Для времени съ 1332-го по 1340 годъ явны гѣтописные своды не даютъ отчетливыхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ судальскомъ Повозжьи. Никоновская гѣтопись ведетъ счетъ годамъ княженія Константина Васильевича только съ момента кончины Калиты, и это обстоятельство, какъ и случайное упоминаніе той же гѣтописи, что князь Симеонъ Иваловичъ былъ въ Нижнемъ во время кончины и погребенія отца, не водитъ нашихъ историковъ на заключеніе, что только съ этой поры Константинъ сталъ «княземъ великимъ судальскимъ, нижегородскимъ и городец-

¹⁾ Ср. А. В. Виземлярскаго, т. II, стр. 398—399.

²⁾ См. выше, стр. 138—140.—Съ вопросомъ о „судальско-нижегородской“ территоріи, которая сложилась не въ порядкѣ удаленно-вотчиннаго выдѣла, а болѣе сложнымъ путемъ комбинацій владѣльческо-политическихъ, связана и территориальная судьба Судальской епархіи. Для свѣдѣній о ней за XIII в., весьма полезными, см. Покровскаго „Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в.“, т. I, стр. 219—221. Епархія эта судальско-владимірская сохраняла связь съ Владиміромъ (см. тамъ-же, стр. 220, прим. 1); когда митр. Максимъ перевелъ митрополитскую резиденцію во Владиміръ, онъ „слѣдъ къ Володимѣри и къ Суздаль и къ Новгородъ въ Нижнемъ и прочая тамъ прежездая мѣста, а Семіона володимѣрскаго посла въ Ростовъ и даде ему Ростовскую епископью“ (П. С. Р. Л., т. X, стр. 172). Судальская епархія стала митрополитской. Первое вѣдѣніе о поставленіи на Суздаль особаго епископа встрѣчаемъ только подъ 8855—1347 годомъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218).

князь». Если принять этот вывод вьз данныхъ, болѣе чѣмъ саудымъ, то Нижегородское великое княжество придется признать окрѣпшимъ вь формально сложившимся вь силу тудского помазованія и соглашенія между князьями на свиданіи съ вѣдѣ всѣхъ князей вь Москвѣ вь 1341 г. ¹⁾ Вскорѣ возродилась и особая судадальская епископія ²⁾. Возрожденіе мѣстной похитаческой жизни къ серединѣ XIV вѣка вь восточной украинѣ Великороссіи неразрывно связано съ ея боевыми и колонизаціонными значеніемъ. Во второй половинѣ XIII в. и вь первой четверти XIII-го шла упорная борьба морды съ русскими наступленіемъ. Борьба эта прервана и подавлена татар-

¹⁾ Сообщенія Нижегородской лѣтописи, что Симеонъ Ивановичъ не былъ на погребеніи отца, «покаже въ то время былъ въ Новгородѣ въ Нижнемъ» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 211 — подь 6848 г.), само по себѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ о прямой великокняжеской или московской власти въ Нижнемъ: на Симеонъ могъ быть въ Нижний проездомъ въ Орду или обратно или по иному поводу. Однако, Нижегородская лѣтопись при сообщеніи о кончинѣ князя Константина Васильевича (подь 6868—1355 г., т. X, стр. 226) считаетъ, что онъ княжилъ «лѣтъ 15», т. е. съ 1340—41 г., со времени смерти Калиты (тоже и вь Симеоновской — П. С. Р. Л., т. XVІІІ, стр. 99). Это далъ П. И. Мельникову (вь статьѣ: «Нижегородское малое княжество» — вь «Нижегородск. губерск. вѣдомостяхъ» за 1847 г., №№ 3 и 4), а за нимъ Храповицкому («Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода», ч. 1, стр. 14) утверждать, что до 1340 г. Нижнимъ владѣлъ Симеонъ. Ср. колѣбаніа А. В. Экземплярскаго, т. II, стр. 398, прим. 115, стр. 400 и 403, прим. 1131. — Считаю Нижегородскую лѣтопись не можетъ быть точнымъ: княжилъ Константинъ, хотя бы на Суздаль, во всякомъ случаѣ болѣе 15 лѣтъ: сама Нижегородская знаетъ объ увѣнчаніи Константина Васильевича судадальскаго вь походѣ Толубѣи и в. к. Юрия Калиты подь Смоленскъ вь 1339 г. (т. X, стр. 211), и отрицать судадальское княженіе Константина съ 1332 г. лѣтъ основанія. А. В. Экземплярскій славенъ такъ повѣтъ стѣтъ его княженія вь 15 лѣтъ, что «Нижегородская лѣтопись беретъ только послѣднія 15 лѣтъ, вь продолженіи которыхъ онъ былъ княземъ не только судадальскимъ, но и нижегородскимъ», и признаетъ, что «все Судадальско-нижегородское княжество Константинъ получалъ по смерти Калиты, когда всѣ русскіе князья были въ Ордѣ вѣсть съ в. к. Симеономъ» (ср. у Храповицкаго: «Симеонъ получалъ вѣсть на великокняжество Владимѣрско-Московское, а Константинъ на Судадальско-Нижегородское»; на это же утвержденіе Храповицкаго разумѣетъ Экземплярскій подь смысломъ вь «какомъ нибудь вѣстѣи».—т. II, стр. 400).

²⁾ Образованіе Судадальско-нижегородскаго княжества отразилось и вь стрѣе первонаго управленія: въ 1347 г. митр. Феодосій ставилъ Нафанасія на Судадальскую епископію (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 216). Попроевскій («Русскіе епархіи», т. I, стр. 222, прим. 3) сомнѣвается, чтобы при этомъ восстановленіи судадальской епархіи къ ней были причислены Нижній Новгородъ и Городецъ, а предполагаетъ, что Нафанасій былъ поставленъ только на Суздаль, Нижнимъ же и Городекомъ управляетъ явилъ вь качествѣ митрополитскаго наместника. Это послѣднее предположеніе названо только мнѣніемъ смлгать смлгать дѣйстви митр. Алексія, который подѣляе, ради цѣлей политическихъ, «отца епископіи возогородицкую и городецкую отъ владыки судадальскаго Алексія»; таково сообщеніе лѣтописи (Нижегородской, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 5), которая епископа Алексія называетъ «судадальскимъ и возогородицкимъ и городецкимъ» (тамъ же, стр. 4).

силы наместника. Русь подчинилась власти золотоордынских ханов, а мордва и Камская Болгария покорены татарской власти. Но пережитая угроза нашествия, установилась новый укладъ жизни—и вопросы земельного захвата, торговли, взаимныхъ нападений и столкновений стали съ новою силой вознмать Поволжье. Пограничное положение Нижняго Новгорода за рубежъ русского и инопороческаго міра придадо ему исключительное стратегическое и административное значеніе и рано развило его роль какъ центра поволжской торговли. Великорусскій центр, слагавшійся въ Москвѣ, еще не окрепъ въ достаточной мѣрѣ, еще слишкомъ поглощенъ ними, преимущественно западными дѣлами и сложными отношеніями внутри страны и къ Золотой Ордѣ, чтобы тратить много силъ и вниманія на дѣла восточной окраины. Въ такихъ условіяхъ слабеетъ, хоть и не надолго, крупное самостоятельное значеніе Нижняго Новгорода и водворившейся въ немъ княжеской власти.

Въ серединѣ XIV вѣка это значеніе Нижняго Новгорода, какъ обороннаго пункта великорусскаго движенія на востокъ, которое было приостановлено въ условія предыдущей эпохи и постепенно возрождается, явственно выступаетъ сквозь отрывочныя и скудныя свѣдѣнія нашихъ источниковъ о нижегородскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Въ 1350 году князь Константинъ Васильевичъ заложилъ въ Нижнемъ Новгородѣ храмъ Преображенія Господня, т. е. началъ отстраивать замоу Преображенскій соборъ, построенный в. к. Юріемъ Всеволодовичемъ въ двадцатыхъ годахъ XIII-го вѣка. Согласно нижегородскому преданію, Константинъ перенесъ въ этотъ храмъ старинную, вывезенную изъ Греціи, икону св. Спаса ¹⁾. Этотъ актъ церковнаго строительства связанъ съ перенесеніемъ старшаго стола Суздальскаго княженія изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ ²⁾. Мѣстная традиція сохранила память о князѣ Константиѣ, какъ дѣятельномъ колонизаторѣ нижегородскаго края: онъ повелъ русскимъ людямъ селиться по Окѣ и по Волгѣ и по Кудьмѣ рѣкамъ и на мордовскихъ земляхъ, гдѣ кто

¹⁾ Въ „Нижегородскомъ летоисчѣ“ (изд. А. С. Гадяйскаго, Н.-Н., 1896 г., стр. 4): „и въ ту церковь привнесетъ бысть изъ Суздаля образъ св. Спаса иарушотвореннаго“. Ошибочная хронологія Нижегородскаго летоисчѣ (1282—8780 г. им. 1352) и имя князя (Константинъ Юрьевичъ им. Васильевичъ) не вызываютъ сомнѣній, что рѣчь идетъ объ свѣдѣніяхъ, относящихся къ серединѣ XIV в. и къ дѣятельности князя Константина Васильевича; за этими свѣдѣніями идетъ рѣчь о князѣ Дмитріи Константиновичѣ, современникѣ Донцова, а даты опять ошибочны: 1303 г. (6811) и т. д.

²⁾ Точнаго свѣдѣнія о водвореніи стольнаго княженія въ Нижнемъ-Новгородѣ наши источники не сохранили, какъ и въ упоминаніи о землѣ и въ „Нижегородскомъ летоисчѣ“, который даетъ нѣкоторыя указанія, заслуживающія вниманія, хотя источникъ этой весьма путанной и поздней компіляціи не поддается выясненію. Храмовскій („Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго-Новгорода“, ч. I, 1857 г.) отвѣтъ „перенесеніе престола“ изъ Суздаля въ Нижній Константиновъ Васильевичемъ въ 1350 году (стр. 15), а за нимъ и Знаменскій (т. II, стр. 401).

воходить»¹⁾. Его возость—съ Намшии Новгородомъ, Суздальскъ, Городецъ, Юрьевомъ половецкимъ, Шуей, Беремдомъ на устьи Клязьмы—стала обороной Великороссіи отъ игорческой силы и организующимъ отъ-помощъ въ восточномъ движеніи великорусской колонизаціи. Въ этомъ значеніи своемъ Нижегородское великое княжество, подобно Рязани, явилось своего рода форпостомъ Великороссіи и हुआ, не менѣе Твери и Рязани, въ поддержкѣ всей великорусской силы. Въ такомъ соотношеніи окраинъ и центральныхъ областей Великороссіи можно видѣть реальную основу попытокъ востателей мѣстной великокняжеской власти добиться великаго княженія Владимірскаго и всея Руси. Неразрѣшимость великорусскаго великаго княженія отъ обладанія Владиміромъ выступила съ новой наглядностью въ исторіи суздальскаго князя Александра Васильевича, и Константинъ, при первой возможности, «сперся о великомъ княженіи» съ московскимъ княземъ. Произошло это тотчасъ послѣ кончины в. к. Симеона. Выступая соперникомъ московскаго князя Ивана Ивановича, Константинъ Васильевичъ завязалъ отношенія и съ Литвою, и съ Великимъ Новгородомъ. Въ 1354 г. состоялся бракъ его сына Бориса съ дочерью в. к. Ольгерда, а новгородскіе послы поддерживали въ Ордѣ передъ ханомъ его домогательство Владимірскаго великаго княженія²⁾. На этотъ разъ московское заиміе одолѣло: «не послуша ихъ царь» и далъ ярлыкъ на великое княженіе князю Ивану. Его противникъ смирился не сразу, но сдѣлалъ на борьбу у него не было, и пришлося идти на миръ. Примиреніе князя Константина съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ состоялось незадолго до его смерти, и тогда же появился съ великимъ княземъ новгородцы³⁾. Лѣтописная запись повинула князя Константина уѣхать, что онъ «схитилъ лѣтъ 15, честно и горно боролъ отчину свою отъ славныхъ князей и отъ татаръ»⁴⁾. А послѣ его кончины сынъ его князь Андрей поѣхалъ въ Орду, и ханъ «даде ему стогъ отпа отъ, княженіе Суздальское и Намшии Новгородъ и Городецъ»⁵⁾. На стѣздѣ съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ въ Переяславѣ князь Андрей призвалъ

¹⁾ «Нижегородскій лѣтописецъ», изд. Гациоскаго, стр. 2—3.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 217; т. VIII, стр. 9; т. X, стр. 227.

³⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228, «того же лѣта (6863) князь великий Иванъ Ивановичъ оза любовь со княземъ Константиномъ Васильевичемъ суздальскимъ» (тогда въ Никольской). Тамъ же, стр. 228: «новгородцы же тогда пребыша съ нимъ (в. к. Иваномъ) не въ миру похора года, но ала же бысть ничтоже» и стр. 228: «того же лѣта новгородцы смиршася съ великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, ануломъ Давидовымъ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228.

⁵⁾ Тамъ-же. Ср. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10: «и вал стеновъ отпа своего. Суздаль и Новгородъ Нижней и Городецъ, и приде въ Русь въ своемъ отчину съ половецкимъ отъ пара и сѣде на княженіи Суздальскомъ»; т. XVIII, стр. 99: «приде изъ Орды князь Андрей Константиновичъ суздальскій и сѣде на княженіи въ Новгородѣ въ Нижнемъ».

себя «братомъ молодичи» великому князю и принять къ въ крное докочачіе ¹⁾. Миръ съ Москвой и отказъ отъ соперничества съ нею—быть можетъ, какъ продолженіе и утвержденіе той «любви», какую «взялъ» его отецъ, князь Константинъ Васильевичъ, съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ,—осталась характерной чертой характера Константина Андреевича. Но и въ Суздальско-Нижегородскомъ великомъ княжествѣ и въ его еще бродни силы и настроенія, враждебныя великокняжескому значенію Москвы. Во главѣ ихъ попытка стать братъ Андрей Дмитрій Константиновичъ.

Вѣроятно, по отцовскому «раду» братья в. к. Андрей, замѣшаного «степенъ» отца, получили въ удѣлъ отчины своей—Дмитрій Константиновичъ Суздаля, а Борисъ Городецъ ²⁾. Не исключено какъ бы свѣдѣній о «радѣ», какой, надо полагать, далъ сыновьямъ Константинъ Васильевичъ, ни о договорныхъ соглашеніяхъ между братьями Константиновичами. На дѣлѣ старшинство въ ихъ братской семьѣ не утвердилось за Андреемъ Константиновичемъ. Засилье московской власти, навѣрное надъ ихъ отчиной, искавало въ корень суздальско-нижегородскія отношенія. Братья дѣйствуютъ врозь и каждый ведетъ свою особую политику. Скуты въ Золотой Орды сильно осложнили положеніе великокняжеской власти и создавали новые возможности для связей проросковъ русскихъ князей, разрушая всякую

¹⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 226 (Софійская I, списокъ Парскаго: «въ лѣтѣ 6664 създъ бысть въ Переяславѣ великому князю Ивану Ивановичю съ княземъ Андреемъ Константиновичемъ; и дары многа и честь сотвори брату своему молодичи и отпусти его съ миромъ»).

²⁾ Лѣтописные своды характеризуютъ Андрей Константиновича, какъ князя «благосвѣрнаго и смиреннаго» (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 105), «броднаго и тѣлаго и смиреннаго и многодобродѣтельнаго» (т. XI, стр. 4; ср. стр. 3; смѣше же сей князь дудовещъ княю и многодобродѣтелемъ»).

³⁾ А. В. Экземплярскій (т. II, стр. 404) полагаетъ, что эти удѣлы младшимъ братьямъ «далъ» Андрей Константиновичъ; осторожнѣе допустить отцовское уроченіе, хотя и о немъ нѣтъ упоминанія въ источникахъ. О четвертомъ сынѣ князя Константина Васильевича—Дмитрія Ногтѣ см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 422—423; повидному, слѣдуетъ признать предлагаемую А. В. Экземплярскимъ датировку грамоты суздальскому Васильевскому монастырю 6661 годомъ и его выводъ, что Дмитрій умеръ раньше отца, въ 1352—53 г. Упомянутое о второмъ Дмитрии Константиновичѣ въ Новгородской лѣтописи подъ 6663 г. самой формой своей: «со княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ Ногтемъ Суздальскимъ» даетъ поводъ отнести его къ вставкѣ въ родословнаго источника (въ перечнѣ князей-участниковъ тверского похода въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, этого Дмитрія нѣтъ, во онъ выдѣленъ въ видѣ «князя Дмитрия Новгородскаго» въ Тверской, т. XV, ст. 435); такой же омыбочной вставкой слѣдуетъ признать его имя подъ 6675 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 9; т. XVIII, стр. 106; Воскресенская (т. VIII, стр. 14) и тутъ же даетъ этого имени. Возможно, что тутъ же лѣтописалии отразилось построеніе вѣлоторыхъ чертъ биографіи князя Дмитрія Ногтѣ, отъ котораго черезъ его сына Юрія (другимъ источникомъ князьства) вѣли свою родословную князья Ногтевы, въ автѣ ихъ родословной.

устойчивость сложившихся политических отношений. Смерть а. к. Ивана Ивановича (въ ноябрѣ 1858 г.), и переходъ его наслѣдія къ малолѣтнему сыну Дмитрію неизбежно ослабляли силу этихъ отношений. Одновременно ослабили оба ихъ основныя устоя—значение ханскаго «пожалованія» и собственная сила носителя великокняжеской власти. Быстрая и кровавая сѣйна хановъ Золотой Орды послѣ убійствъ Бердибека привела къ власти хана Кулпу, затѣмъ, черезъ полъ-года, Науруса, а весной 1360 г.—Хидыря. Русскія князьки приводились считаться съ такимъ шатаемъ власти, утверждавшей за ними ихъ владѣнія. Строй русскаго улуса, только что утверждаемъ Наурусомъ¹⁾, подвергая сильному потрясенію, когда власть перешла къ хану Хидырю²⁾. Этотъ ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Владиміръ-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10—11: „и саде Наурусъ на царствѣ, и поидоше къ нему въ Орду вси князи русскіи и бысть родилъ въ Орду княжеюмъ ихъ, и придоша поидо въ свою отчину“; то же т. XVIII, стр. 100 („и бысть имъ въ Орду родилъ княжеюмъ ихъ, и который же сихъ по временомъ своимъ возвратилъ къ своимъ, и кой же ихъ приде къ своимъ отчину“). Никонская хѣтопись дѣлаетъ новую редакцію этого княженія, которая болѣе опредѣленно указываетъ на какое-то княженіе споры о волостяхъ, раздѣленныхъ ханомъ: „того же лѣта поидоше въ Орду къ новому царю Наурусу вси князи русскіи и быша челомъ царю о раздѣленіи княженія ихъ; и тако смири ихъ и раздѣли положе княженія ихъ, и звалъ имъ поиду свое княженіе и во преступати; и тако раздѣли ихъ поидоше поиду и не отпусти ихъ съ миромъ и съ честію“, т. X, стр. 231. Поважному, передъ нами три сокращенныя передачі общаго, болѣе обстоятельнаго сообщенія о томъ, какъ смерть а. к. Ивана и сѣйна хановъ точнось подвиги между князьки о волостяхъ; къ оспаданію, точнось о нихъ ничего не знаемъ.

²⁾ Вѣрное указаніе на послѣдовательность событій въ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 11): весной 1360 г. „приде на царство Волжское лѣтій царь съ востока, именемъ Хидыря, и бысть дѣсть въ князевъ ордынскихъ, и убилъ бысть царь Наурусъ, а Хидырь сѣде на царство и дасть княжеюмъ великое князю Дмитрію Константиновичу судальскому“; то же въ „Лѣт. по акад. списку“, изд. при Лаврентьевской, стр. 504; ср. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 438). Въ Троицкой (вѣроятно, велико-московской княжеской хѣтописи)—сперва идетъ сообщеніе о приходѣ къ Орду Дмитрія Константиновича на великое княженіе, а затѣмъ (и то, и другое „то же весемъ“) о Хидырѣ и убійствѣ Науруса (т. XVIII, стр. 100). Полю вѣдѣюмъ этого источника и собственнаго недоумѣнія, какъ могъ второй Константиновичъ получить ярлыкъ на великое княженіе мимо старшаго брата, Никонская хѣтопись имеетъ такой текстъ: „того же лѣта князь судальскій придоша къ Орду къ царю Наурусу, князь Андрей Константиновичъ, князь Васильевъ, и брать его князь Дмитрій Константиновичъ, и крикъ ихъ царь Наурусъ съ честію, и даде великое княженіе Володимѣрское князю Дмитрію Константиновичу судальскому не по отчину, ни по дѣдичѣ; а прече, добавляетъ князьки, царь давалъ великое княженіе Володимѣрское старшему его брату князю Андрію Константиновичу судальскому, и оя по то же яса; и тако князь Дмитрій Константиновичъ судальскій иа великое княженіе Володимѣрское“ и т. д. Этотъ текстъ—характерная черточка московской историографіи XVI в., а не источникъ для событій XVI вѣка. Свой текстъ Никонская хѣтопись тутъ комбинируетъ изъ двухъ источниковъ: сѣднаго съ Троицкой,

ское судальскому князю Дмитрию Константиновичу; князь Дмитрий съѣзъ на столъ великаго княженія 22 июня 1360 г., былъ признанъ и митрополитомъ Алексѣемъ, и всѣми князьями, и Великимъ Новгородомъ¹⁾. А тѣмъ временемъ орднская земля все разрасталась и такъ же увеличилась успѣхи князя Дмитрія, какъ нѣтъ создава. Ханъ Хидыръ убить роднымъ сыномъ Темыр-Хозей, а на Темыра поднялся темникъ Мамай; казалось, все распадется Золотоордынское царство. Сарайскіе князья признали ханомъ Амурата, Хидырева брата, а Мамай провозгласилъ ханомъ своего отагенника Андуса. Русскіе князья признали власть Амурата: на его судъ передали князья московскій Дмитрій Ивановичъ и судальскій Дмитрій Константиновичъ свой споръ о великомъ княженіи. Ханскій ярлыкъ достался московскому Дмитрію, и Дмитрій судальскій, который было захватилъ Переяславъ²⁾, вынужденъ бѣжать, послѣ двухлѣтняго великаго княженія, въ свой отчанный Суздаль. Занять стога Владимірскаго великаго княженія, Дмитрій московскій принялъ ярлыкъ на него и отъ Амуратова соперника Андуса, тава Мамаевой орды. Въ Сарай, при дворѣ хана Амурата, приняли эти сношенія в. к. Дмитрія Ивановича съ Андусомъ, какъ князю, и Амуратъ послалъ съ бізюверскимъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ в своихъ посланцахъ ярлыкъ на великое княженіе судальскому Дмитрію. Дмитрій Константиновичъ вторично занялъ было Владиміръ, но не прошло и двухъ недѣль, какъ московскія войска согнали его со Владиміра, подступили и къ Суздалью

порядокъ изложенія которой принять за порядокъ событій, и сложнаго съ Воскресенской (откуда, напримеръ, слова „не по отчнѣи, ни по дѣднѣи“—изъ текста, который Никонская книга приводитъ; ср. Воскр.: в „пріиде (Дмитрій) въ Володимѣрь Іюня 22 и сѣде на великомъ княженіи, а не по отчнѣи, ни по дѣднѣи“ и Ник.: „и въѣха въ Володимѣрь на великое княженіе за недѣлю до Петрова дне, мѣсяца Іюня въ 22 день, не по отчнѣи, ни по дѣднѣи“), и дополнить ихъ соображеніями книжника-составителя.

¹⁾ „и поставленъ бысть Алексѣй архіепископомъ Новгороду ...митрополитомъ Олексѣемъ воемъ Руск, при захватомъ князе Дмитрія Константиновича, мѣсяца Іюня въ 12 день“ Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232; въ ту же зиму в. к. Дмитрій осматриваетъ въ Костромѣ „всѣмъ княземъ съѣздъ“ по дѣлу о выдачѣ ханскому послу новгородскихъ ушкуйниковъ, которые пограбили болгарскій Жукотанъ—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 11; т. XVIII, стр. 100—101; а тотчасъ же посланіемъ своимъ на столъ великаго княженія в. к. Дмитрій послалъ въ Коагородъ по слову своимъ и наизъяснюеть „и посланна Новгородци наизъяснили князи у себе и судъ въѣхъ даша, домыкая съ княземъ“ (Новг. I, стр. 356; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232).

²⁾ В. к. Дмитрій Ивановичъ идетъ съ войскомъ на князя Дмитрія Константиновича къ Переяславу, и тотъ бѣжитъ отсюда далѣе въ Суздаль—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12; т. XVIII, стр. 101. Никонская (т. X, стр. 232) сохранила указаніе, что Дмитрій Константиновичъ „иде изъ Володимѣря въ Переяславъ и оиде въ конь на княженіи“, когда московскіе послы явились изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе Дмитрію Ивановичу.

и прикудала къ миру ¹⁾). Побѣда Москвы была полной; подавлены не только покушенія судальскаго князя на стогъ великаго княженія; подавлено и враждебное Мосннѣ броженіе среди второстепеннаго князья: в. к. Дмитрій Ивановичъ «свалъ волю свою» не только надъ судальскими Дмитріями, но и надъ Константиномъ ростовскимъ, а князей галицкаго и стародубскаго согвалъ съ нѣхъ княженій.

Условія мира между князьями Дмитріями, московскими и судальскими, не сохранены нашими источниками, да и все ихъ изложеніе, относящееся къ событіямъ 1363—1365 годовъ, полно недоумовъ, а мѣстами и спутано въ копированіи текста лѣтописныхъ сводовъ по разнымъ источникамъ ²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12, т. XVIII, стр. 102 (дважды—подъ 6871 г., какъ и въ другихъ сводахъ, и подъ 6872 г.); т. XI, стр. 2.

²⁾ Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 12—13) даетъ извѣстія въ такомъ порядкѣ: 1) подъ 6871 г.—о посолѣ съ ярмомъ в. к. Дмитрію Ивановичу отъ Аудулы; 2) о вторичномъ заявленіи Владимира Дмитріемъ Константиновичемъ («и тако прибысть въ Володимери адиму ведѣан; слышавъ же се князь великій Дмитрей Ивановичъ и прашедъ пакы съ братьемъ и съ вои своими и оговя чю съ Володимери, охъ не бѣше въ Суздаль, князь же великій поиде за нѣмъ ратью къ Суздалью и вземъ миръ отъиде»); 3) подъ 6872 г.—о морѣ на Русь; 4) «Тоже князми приде къ орымъ отъ дара Алма князь Василей Дмитревичъ суздальскій и съ нѣмъ посолъ Урусманди, и ямнесе великаго княженія отцу своему князю Дмитрею Константиновичу, охъ не отступися великаго княженія князю великому Дмитрею Ивановичу»; 4—5) кончина судальскаго епископа Алексія и в. к. Александръ (27 декабря); 6) подъ 6873 г.—о построеніи Архангельскаго храма въ Москвѣ; 7) кончина (2 июля) нижегородскаго князя Андрея Константиновича—«и сѣде по немъ братъ его Борсье Константиновичъ въ Новгородѣ»; 8) «о спорѣ Константиновичемъ»; 9) набѣгъ Тага на Наручади; 10) посамненіе Борса Константиновича на Нижегородское княженіе ярмыкомъ воесомъ; 11) посольство св. Сергія въ Нижніи и 12) походъ на Вориса кн. Дмитрія Константиновича съ московскою ратью и докончаніе мира между братьями. Симеоновская лѣтопись держится, въ общемъ, того же порядка (повторяя извѣстія въ счетъ не идуть—т. XVIII, стр. 102), но вскрываетъ его ошибочность слѣдующимъ текстомъ: подъ 6873 г. посолъ извѣстія о морѣ на Русь идеть сообщеніе о полученіи княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ ярмына отъ гана Алма: «охъ же отступися княженія великаго князю великому Дмитрею Ивановичу московскому, а испредъ и захъ себя у него еану къ Новгороду къ Нижнему и къ брату Вориса» и т. д., возмачъ примиреніемъ братьевъ Константиновичей; а затѣмъ уже идуть извѣстія о кончинѣ св. Алексія и в. к. Александръ, а подъ 6873 г.—объ основаніи Архангельскаго храма и кончинѣ Андрея Константиновича. Цѣлю тутъ прямо указаніе на сдѣланный между отъказомъ Дмитрія Константиновича отъ ярмына на великаго княженія и его стожковеніемъ съ братомъ Борисомъ—послѣ кончины Андрея Константиновича. Тоже соотношеніе событій находимъ и въ Николовской лѣтописи, которая, вообще, сократила извѣстія о нѣхъ посолѣ и въ порядкѣ, который и слѣдуетъ признавать правильнымъ, а именно: 1) подъ 6871 г.—походъ в. к. Дмитрія Ивановича во Владимиръ и посольство отъ Аудулы; 2) посольство Амурала, разгвѣданнаго споменіемъ Дмитрія съ Аудулы, къ судальскому Дмитрію («посолъ

Пострашение, а исорѣ затѣчь и кончина в. к. нижегородскаго Андрея Константиновича въ 1365 г. дали толчекъ къ новой всплывшій кѣтской смутѣ. Возникло соперничество между Константиновичемъ—Дмитріемъ и Бориса кнзъ за Нижегородскаго княженія. И это соперничество, какъ прежде борьба за великое княженіе между Дмитріемъ, московскаго и суздальскаго, питалось, въ значительной мѣрѣ, татарской разрухой. На ряду съ борьбой нрзъ за обладанія ханской властью въ Золотой Ордѣ, началось ея частичный распадъ; отдѣльные ордынскіе князья «о собѣ прѣбываху», по выраженію Лѣтописца. Такъ Бузакъ-Тенгуръ захватилъ Великія Болгары и «отягль весь Волжскій путь», а князь Тагай властвовалъ въ мордовской землѣ; разблужечная внутренней аваріей татарская сила надвигалась на русскія предѣлы, и всего болѣе терѣла отъ ея судорожныхъ движеній рязанскія и нижегородскія волости. Центральная ханская власть,

Нельзя да трицать татариниовъ да князь Иванъ Обозерскій“); 3) вторичное возмущеніе Д. К. во Владимірѣ; 4) походъ в. к. Дмитрія Ивановича (съ существенными подробностями: князь Дмитрій „бѣжа въ Суздаль, сидѣвъ на великомъ княженіи въ Володарьмѣ точию двамъдѣсять лѣтъ; князь великій же Дмитрій Иванковичъ поиде за князь рязнь къ Суздалью и стои рязнь со многемъ силою около Суздаля а все аусто сотора, и тако князь Дмитрія Константиновичъ, князь князь съ нимъ, поиде кнзъ Суздаля въ Нижній Новгородъ къ великому князю Андрею Константиновичу, къ старшиму брату своему, а князь великій Дмитрій Иванковичъ, „вземъ волю свою вѣдъ нимъ, возвратиса въ Володимиръ“), причѣмъ въ прямой связи съ этимъ рассказомъ сообщается Никоновская лѣтопись о томъ, какъ в. к. Дмитрій „также и вѣдъ ростовскимъ княземъ Константамъ зва волю свою“, а князѣмъ галицкаго и стародубскаго соглаше съ нѣмъ княземъ, — съ заключительной строкой: „тогда все князи ѣхаша въ Новгородъ Нижній къ князю Дмитрію Константиновичу, скорбище о княженіиъ своемъ“. А подлѣ 6872 г.—Никоновская даетъ для суздальско-нижегородскихъ лѣтъ только повѣстіе о пострашеніи в. к. Андрея Константиновича въ вичевскій чинъ; о его кончинѣ сообщаетъ подлѣ 6873 г., а затѣмъ вѣдомыя интересующія насъ повѣстія въ такой последовательности: 1) о допадкѣ къ Орду князя Василія Кирдяны; 2) о столкновеніи Константиновичей нрзъ за Нижегородскаго великаго княженія (причемъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ еп. Алексѣй, смерть котораго по Воскресенской пришлося бы отвѣсти по времени до кончины в. к. Андрея); 3) пославшіе на Нижегородское княженіе Бориса Константиновича посломъ таканымъ; 4) возвращеніе Василія Кирдяны къ отцу съ армяномъ отъ цари Азия; и 5) отъѣздъ Дмитрія Константиновича отъ великаго княженія: „отъ же не вѣздохъ и ступилъ великаго княженія Владимірскаго великому князю Дмитрію Иванковичу московскому, а вприсялъ у него силу къ Новугороду къ Нижнему на своего меньшого брата на князя Бориса Константиновича“. Далѣе, существенныя сообщенія Никоновской: 6) о неудачномъ посредничествѣ в. к. Дмитрія Иванковича („посла къ князь посамъ своимъ, чтобы се помирили и подлазилася мотчаню своимъ; князь же Борисъ не покуша“), 7) „того же хѣтъ Алексѣй митрополеть отъ епископѣмъ новгородцкѣмъ и городецкѣмъ отъ владыки суздальскаго Алексѣя“; 8) о посольствѣ св. Сергія въ Нижній, движеніи ратной силъ на Бориса и примиреніи князей. Затѣмъ только сообщаетъ Никоновская о кончинѣ суздальскаго епископа Алексѣя.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 2—5.

ослабшая и растерянная въ рукахъ случайныхъ и недоговорѣнныхъ ея обладателей, шла легко на поддержку русской скуты раздачей ярлыковъ претендентамъ на русский княженіе. Князь Борисъ Константиновичъ скупилъ майта поддержку въ Ордѣ своему притязанію на Нижній Новгородъ и былъ посаженъ въ Нижегородскомъ княженіи гангскимъ посломъ. А въ Ордѣ при дворѣ хана Азиза былъ въ ту пору сынъ князя Дмитрія Константиновича Василій, прозвѣдывъ Кирдяна, выхланшій къ хану тотчасъ послѣ кончины князя Андрея. Кирдяна вывезъ изъ Орды отцу ярлыкъ на Владимірское великое княженіе; возможно, что тутъ передъ нами осуществленіе одного плана: Борису—Нижній, Дмитрію—великое княженіе всея Руси. Но Дмитрій Константиновичъ, видно, убѣдился въ безнадѣжности всей этой политической игры. Онъ стремится утвердить за собой великое княженіе Нижегородское, созирая въ своихъ рукахъ и Суздаль, а противъ брата ищетъ опоры въ великокняжеской власти и силѣ Дмитрія московскаго. Попытка великокняжескаго посредничества между Константиновичами не удалась. Тогда руководителю московской политики митрополиту Алексію направалъ противъ князя Бориса, отвергшаго вѣншаельство великаго князя въ свои счеты съ братомъ Дмитріемъ, всю силу церковной и сѣвской власти. Нижній Новгородъ и Городецъ изъяты изъ подѣ управленія суздальскаго епископа Алексія и подчинены непосредственно митрополиту, въ Нижній посломъ митрополита и великаго князя явился игуменъ Сергій съ зовомъ князю Борису на великокняжескій судъ въ Москву. Новый отказъ Бориса навлекъ первое запрещеніе на Нижній: игуменъ Сергій «во митрополитъ сзаву Алексіеву и великаго князя Дмитрея Ивановича»—затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ. А, въ то же время, на Нижній двинулись великокняжескія войска вѣстѣ съ суздальскою ратью Дмитрія Константиновича. Князю Борису оставалось только спираться. По докончанію съ братомъ онъ вернулся на свой городецкій уделъ, а Дмитрій Константиновичъ сѣлъ на княженіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Возрожденный на этотъ княженіи московской помощью, Дмитрій Константиновичъ восстановилъ единство Суздальско-Нижегородскаго великаго княжества. Его столицей города—Нижній Новгородъ; въ Суздаль, вѣроятно, правилъ сынъ его Василій Кирдяна¹⁾; городецкій князь Борисъ Константиновичъ княжить подѣ рукою брата Дмитрія, участвуетъ въ его походахъ. Но это Нижегородское великое княжество не стоитъ рядомъ съ великимъ княжествомъ Владимірскимъ и всея Руси, а входитъ въ составъ политической системы, во главѣ которой великій князь Дмитрій Ивановичъ. Къ сожалѣнію, среди нашихъ источниковъ нѣтъ его договоровъ съ Нижегородскимъ великимъ княземъ, но фактическія ихъ отношенія, насколько они намъ извѣстны,

¹⁾ Ср. «Нижегородскій летописецъ», стр. 8: Дмитрій Константиновичъ „послѣ нѣхъ Нижняго въ Суздаль къ сыну своему Василію Дмитріевичу“.

дают картину политического единения и подтянутого единчества великого князя нижегородского съ великимъ княземъ всея Руси.

Такой укладъ этихъ отношеній обусловленъ самымъ положеніемъ Нижегородскаго княжества на боевой восточной окраинѣ Вѣликороссіи. Ослабленіе внутреннихъ связей Владимірска-суздальской Руси и тутъ, какъ на западныхъ и южныхъ предѣлахъ, вызвало тягу къ самостоятельной организаціи и боевымъ силъ для противодействія опасному напору враждебныхъ сосѣдей, сохраненія и укрѣпленія позицій, добытыхъ прежней колонизаціей, и ея дальнѣйшаго развитія. Броженіе и начавшійся распадъ инопородческаго міра, было спящимъ татарской властью, только обострили эту опасность и требовали отъ вѣликорусскаго населенія все большаго напряженія силъ для самозащиты, постепенно переходившей въ дальнѣйшее наступленіе. И первые же опыты такой мѣстной политической организаціи неизбежно связались съ потребностью восточной окраины—идти въ тылу надежную поддержку центральныхъ вѣликорусскихъ силъ. Нижегородскіе князья потянулись къ великокняжеской власти надъ всею Вѣликороссіей, къ воскрешенію стародавней, казалось—уже забытой, традиціи Суздальскаго старшества, а, потерявъ неудачу, ищутъ помощи и защиты у новаго центра вѣликорусской силы, у окрѣпшей и властной Москвы. Въ дѣятельности князя Дмитрія Константиновича наглядно и ярко сказались эти условія политическнхъ судебъ Нижегородской окраины.

Выходъ изъ снута былъ данъ только въ примиреніи съ Москвою и въ признаніи ея первенства. Съ московской помощью восстановилъ в. к. Дмитрій свою стольную власть въ Нижнемъ Новгородѣ, и, охъ тѣсно примыкая къ великокняжеской власти московскаго Дмитрія, закрѣпилъ эту связь замужествомъ съ нимъ своей дочери Епдокии¹⁾.

И съ этого момента все опредѣляюще выступало въ нашу жизнь стѣпихъ торговая и боевая значительность Нижняго Новгорода. Впрочемъ, состояніе нашихъ источниковъ таково, что нѣтъ возможности ближе прослѣдиться къ внутреннему укладу нижегородской жизни. Такъ свидѣтельствомъ о значительной нижегородской торговлѣ этого времени являются только сообщенія лѣтописей о нападеніяхъ новгородскихъ ушкуйниковъ на кое-какія черты изъ столкновеній русской княжеской власти съ камскими болгарамн. Ушкуйники новгородскіе дванды палатали на Нижний при Дмитріи Константиновичѣ. Въ 1366 г. они въбили тутъ «множество» татарскихъ торговыхъ гостей (татаръ, бесерменъ и армянъ) и мѣстныхъ—нижегородскихъ, разграбили ихъ товары, потребовали ихъ суда, а затѣмъ пошли внизъ по Волгѣ и въ Каму на грабежъ болгарскихъ городовъ; другою еще болѣе крупный набѣгъ ушкуйниковъ произошелъ въ 70-хъ годахъ:

¹⁾ Свадьба состоялась на Кокоши 18 января 1366 г. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14).

оми разграбили Кострому и Нижний Новгородъ, грабили тутъ и «бесер-
нень» и христіанъ, грабили по Камѣ, и пошли князь по Волгѣ, грабя торго-
выми гостей ¹⁾. Подъѣзжъ и ростъ поволжской торговли, крупнымъ цент-
ромъ которой выступаетъ Нижний Новгородъ, казнить за разбойничьи
подвиги волями гуагнция силы.

Оживленіе поволжской торговли обострило и вопросъ о защитѣ поволж-
скихъ городовъ и волостей и торговаго пути отъ татарскихъ, болгарскихъ
и нюрдовскихъ набѣговъ и нападѣй. Тѣсно связаны оны и съ возобновленіемъ
колониціоннаго движенія, которое съ середнимъ XIV в. медленно, но неуловно
тянется князь по Волгѣ. Врени Дмитрія Константиновича отиѣчено новымъ
напряженіемъ столкноленій съ кнордческими поволжскими міромъ на
восточныхъ предѣлахъ Великороссіи. Сила опаснаго сосѣда Булатъ-Темря,
ордынского князя, который захватилъ было весь волжскій путь, утвердилъ свое
господство въ устьяхъ Камы, рухнула при первомъ попытаниі. Въ 1367 г.
оны набѣгомъ пограбили нижегородскія волости по Волгѣ, но бѣжали при вы-
ступленіи братьевъ Константиновичей, а русская рать преслѣдовала татаръ
и обратила ихъ отступленіе въ поражение; Булатъ-Темря бѣжалъ въ Золо-
тую Орду и убитъ тамъ по повелѣнію хана Азнаа ²⁾. Разладъ внутри татар-
скаго міра облегчалъ борьбу съ его разрозненными силами. Боевыя дѣйствія
русскихъ князей на Волгѣ не ставили ихъ, на первыхъ порахъ, лицомъ къ
лицу съ главной ордынской силой и даже истрѣчали ея поддержку. Такъ,
послѣ гибели Булатъ-Темря, полки князя Дмитрія Константиновича идутъ
на болгарскаго князя Асана съ ханскими посланцы и водворяютъ на кня-
женіи у болгаръ другаго князя, Малхетъ Салтана. А черезъ нѣсколько лѣтъ
русскія войска снова идутъ на болгаръ, на обоихъ «болгарскихъ князей»,
Асана и Малхета, на этотъ разъ безъ участія въ дѣлѣ ханской власти:
полки Дмитрія Константиновича приводятъ болгарскихъ князей къ покор-
ности съ помощью великокняжескаго войска, присланнаго в. к. Дмитріемъ
Ивановичемъ и принуждаютъ ихъ къ уплатѣ значительной контрибуціи.
Мало того: болгарскіе князья вынуждены «посадить» у себя «въ Болга-
рехъ» великокняжескаго «дарагу и тамошника», т. е., какъ бы имъ не пони-
мали это ясное и непоное извѣстіе, подчиниться контролю агентовъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 14—15; т. XI, стр. 6;—г. VIII, стр. 23—24, т. XI,
стр. 24. Ужуйники захватывали «вожъ товаръ», увозили все «лучшее и дечайшее»
и ували изъ князь «нижегородъ народа христіанскаго», а продавали добычу въ Бол-
гаріи и въ Астрахань.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 14; т. XI, стр. 9.—Татары пограбили весь нижего-
родскія «уздъ» по Волгѣ до р. Суздована (Суздована, впадающаго въ Волгу у
сака Ямскова—см. Ямсконларскій, т. II, стр. 411); парадъ русской ратию Булатъ
бѣжалъ за рѣку Пынку, а русскіе «гонеще по земь, много татаръ остаточнымъ
заговныхъ князья, а кнме мнози въ рѣцѣ Пынавъ истопиша, нѣмалоко же ихъ по
захватить князья».

русской великокняжеской власти въ дѣлахъ торговли и, повидному, призвать за ней право на какіе-то доходы ¹⁾. Съ полками в. к. Дмитрія Ивановича ходитъ нижегородская рать и на моржаву, карая ея набѣги на русскія воеводы опустошеніемъ Мордовской земли ²⁾.

Военная дѣятельность русскія князей на восточныхъ предѣлахъ Велико-русскія князства въ 70-хъ годахъ XIV в. сооруженіе каменнаго кремля въ Нижнемъ-Новгородѣ и новаго городка Курмыша на р. Сура ³⁾. Она сложилась в. к. Нижегородское тѣсною связью съ великорусскими великими князьями, тѣхъ болѣе, что, направленная на поволокскихъ вояродцевъ, неизбежно вводила Нижегородскую Украину въ опасныя конфликты съ татарскими миромъ. Конечно, и въ этихъ конфликтахъ—Нижегородская Украина не самостоятельная величина, а лишь передовая позиція великорусской великокняжеской силы. Назрѣваетъ неизбежная борьба Велико-русскія съ татарами, когда Золотая Орда, распатаянная въ самыхъ основахъ своего строя, нашла себѣ вождя-объединителя въ темникѣ Мамаѣ.

Къ середицѣ семидесятыхъ годовъ XIV вѣка Нижегородская Украина снова получила на себѣ возрожденіе, въ тылу сосѣдняго вояродческаго міра, дѣятельной мощи Золотой Орды. На Русь шла послѣ Мамаѣ съ сильными военными отрядами, но столкновение этихъ Мамаевыхъ татаръ съ русскими населеніемъ началось еще по дорогѣ: нижегородцы часть ихъ перебили, часть захватили и привели въ свой городъ, гдѣ тѣ были истреблены послѣ новаго удивнаго боя ⁴⁾. Татары отбѣгли набѣгомъ на нижегородскія воеводы

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17 и 24—25. Впрочемъ, что попытка „въ Воягары“ великокняжескыи чиновиныи была связана съ замыслиемъ контрбунда, которая, по дѣтиски, была весьма значительна: Асака и Мамака „добыта челоуи великому князю и тѣсто его князю Дмитрію Константиновичу дѣлаи тысяча рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысяча рублевъ“.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19 (ноябрь 1372 г.). „Нижегородскій дѣтискии“ оти-чѣтъ два момѣнта постройки нижегородскаго кремля: подъ 1359 г. (такая дата невозможна), по почину князя Бориса Константиновича (если такъ, то въ 1365 г.) начаты земляныя работы („повелъ розъ копать, гдѣ быти каменныи городовой стѣны и башнями“), и подъ 1374 г., когда Дмитрій Константиновичъ „повелъ дѣлатъ каменную стѣну и начаты Дмитровскія ворота“—изв. Гадягскаго, стр. 12 и 17.—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 19: „князь Борисъ Константиновичъ постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сура и нарече его именемъ Курмышъ“.

⁴⁾ Воскресенская дѣт. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 25): „того же дѣта (1374) избѣжа въ Новгородъ въ Нижнемъ пословъ Мамаевыхъ, а съ ними бы 1000 татаръ; а старѣйшкы ихъ, именемъ Сарыкы, съ прочю дружиною руками яма и валомъ въ городъ“; въ Ивановской (т. XI, стр. 20) и Симеонской (и Троицкой; XVII, стр. 114): „вогородци Нижнего Новоторода добыша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними татаръ тысящу, а старѣйшкы ихъ Сарыкы яма и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній и съ его дружиною“. Впрочемъ, что первый бой разыгрался въ нижегородскомъ посадѣ, второй—„въ городѣ“.

Публикована. Образъ великорусскія гостр.

и разореніяхъ Завьяльи, а черезъ годъ в. к. Дмитрій Ивановичъ выступилъ «въ силѣ величїи» на оборону Нижняго, по зову Дмитрія Константиновича: дошли вѣсти, что на Нижній идетъ ратью царевичъ Арашта. Арашта задержалъ свой походъ, затѣмъ напалъ на русскую рать врасплохъ съ помощью мордовскихъ князей, которые потаивно подвели татаръ, когда в. к. Дмитрій отъѣхалъ въ Москву, а русское войско впадо въ крайнее небреженіе всякой осторожностью. Тяжкое пораженіе русской рати на р. Пьяльѣ (въ августѣ 1376 г.) оставило Нижній безъ защиты. Дмитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, нижегородцы спасались Волгою въ Городецъ. Нижній взятъ и разоренъ татарами, татарскіе и мордовскіе отряды пограбили нижегородскія волости. Съ мордвой русскіе князья посчитались, какъ только слыжугу татарскій набѣгъ, но напоръ татарской силы оставался крайне опаснымъ. Подготовляя общее движеніе на Русь, Мамай въ 1378 г. послалъ на Нижній войска наговожъ, въ отсутствіе князя Дмитрія Константиновича; городъ оказался снова беззащитнымъ, татары отвергли предложенный княземъ выкупъ, сожгли городъ и пограбленъ весь уѣздъ. Этотъ набѣгъ стоилъ, повидимому, въ силѣ съ походомъ на Русь ордынскаго князя Бегуча, котораго великій князь Дмитрій Ивановичъ встрѣтилъ и разбилъ на рѣкѣ Вождѣ, въ рязанскихъ предѣлахъ¹⁾. Но этотъ частичный успѣхъ не произвелъ рѣшительнаго впечатлѣнія. Ордынская сила, подобравшая въ рукахъ Мамайа, нависла надъ Русью тяжкою угрозою. И подобно Рязанской землѣ, Нижегородская укрывалась, хотъ и имѣла она болѣе дѣлательной поддержку и защиты въ великорусскомъ центрѣ, оказалась слѣпою възуренной испытанными ударами, чтобы рѣшительно и всею силой прилечь къ выступленію Дмитрія Донскаго противъ Мамайа. Къ тому же, можно было ожидать татарской диверсіи на Нижній, подобно набѣгу 1378 г., когда Бегучъ шелъ на Русь къ Огѣ черезъ рязанскія волости. Нижегородскихъ князей и ихъ полковъ не видимъ въ русскомъ войскѣ на Куликовомъ полѣ. Дальѣйшія событія какъ бы оправдали нижегородскія опасенія. Нашествіе Тохтамыша началось съ угрозы Нижнему Новгороду: какъ послалъ татарское войско въ Болгары, гдѣ были захвачены и ограблены русскіе купцы, а ихъ суда послужили татарами для переправы черезъ Волгу. Князь Дмитрій Константиновичъ посѣдѣлъ изъявить покорность хану. Огъ и не могъ думать о сопротивленіи безъ сильной поддержки изъ Москвы, а в. к. Дмитрій Ивановичъ и самъ не смогъ отразить Тохтамыша ударами

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22, 25—26, 32—33; т. XI, стр. 21, 24 (хотъ набѣгъ татаръ на Нижній Новгородъ, подъ 1376 г., въ упоминаемый другими летописными сводами, мотивированъ раздраженіемъ ордынской власти за походы русскихъ князей съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на Тверь—чѣрта едва ли историческая, а скорее походъ московской публицистики), 27—29 (Арашта послѣ разграбленія Засурья, захвативши русскіхъ гостей на Волгѣ, затѣмъ совершаетъ разорительный набѣгъ на Рязанскую землю), 42—43.

Къ хану явились сыновья Дмитрія Константиновича—Василій и Семенъ— и остались при немъ, повидному, заложниками. Княжача Семена Тохтамышъ отпустилъ, послѣ похода, къ отцу съ посохомъ своимъ, но Василія Дмитріевича Кирдяку увелъ въ Орду. На время пришлось Русь спрятаться передъ татарами, и нижегородскіе князья усиленно ѣздить на поклонъ къ хану ¹⁾. Князь Дмитрій Константиновичъ былъ, видимо, уже при смерти ²⁾ (скончался лѣтомъ 1388 г.), и ханская воля должна была утвердить преемство по немъ. Все родичи его были въ Орду въ моментъ его кончины. Старшій изъ Дмитріевичей—Василій Кирдяка—остался и на слѣдующіе годы заложникомъ у хана, а ярыкъ на великое княжение Нижняго Новгорода ³⁾ получилъ его дядя Борисъ Константиновичъ, который и вернулся на столъ княженія въ Орду съ сыномъ Иваномъ и племянникомъ Семеномъ Дмитріевичемъ ⁴⁾.

Историческая роль Нижегородскаго великаго княжества была нечерпама. Его успѣхи и его неудачи при Дмитріи Константиновичѣ были лишь отраженіемъ колебаній въ силѣ и положеніи великорусскаго великокняжескаго центра. Вокругъ Бориса Константиновича по ханскому повелѣнію можно разсматривать, какъ слѣдствіе временнаго ослабленія великорусской великокняжеской власти послѣ вшествія Тохтамыша. Братья Дмитріевичи, шуря великаго князя Дмитрія Ивановича, устранили отъ восточнаго нижегородскаго стола, очевидно безъ согласенія съ великимъ княземъ. Отношенія эти ясырлись послѣ побѣга Василія Кирдяки въ Орду. Побѣгъ не удался, Кирдяка былъ на пути перехваченъ ордынскими воинами и водворенъ обратно въ Орду, но на слѣдующемъ—1387 году—ханъ Тохтамышъ отпустилъ его на Русь, утвердивъ за нимъ Городецкое княжество. А братья его Семенъ княжилъ, повидному, на Суздальѣ подъ рукою дяди ⁵⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42—43, 45, 47. Въ Орду ѣдетъ вскорѣ князь Борисъ Константиновичъ, затемъ з. и. Дмитрій Константиновичъ посылаетъ къ Тохтамышу „въ свое мѣсто“ сына Семена; ѣдетъ изъ отцу въ Сарай князь Борисовичъ; тамъ же. стр. 48.

²⁾ „поже самъ въ старость призошае и въ немощъ“, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 83.

³⁾ Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 84) подчеркиваетъ, что произошло посавненіе Бориса Константиновича „въ великомъ княженіи, на отчизнѣ и дѣлахъ его въ Суздальѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ и на Городѣ“. Варная „своей удѣльно-генеалогической системѣ, она постоянно называетъ Дмитрія Константиновича „Суздальскимъ“, какъ „Суздальскимъ и Новгородомъ Нижнимъ“.

⁴⁾ Средній Дмитріевичъ Иванъ погибъ въ бою на р. Пьянѣ въ 1377 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 80; т. XI, стр. 87 и 93 („дало ему царь Городеца“: вѣроятно, что Городецкое княжество пришло за Кирдякой или пожалованъ Борису Константиновичу ярыкомъ на Нижегородское великое княженіе, а при отступѣ изъ Орды Кирдяка получивъ свой ярыкъ). Никоновская лѣтопись (тамъ же) называетъ Василія Кирдяку „суздальскимъ и городецкимъ“, а Семена Дмитріевича „суздальскимъ“.

Съ возвращеніемъ князя Василія, Дмитріевича тотчасъ ставъ добиваться осуществленія своихъ отчаянныхъ правъ на Нижній, стало быть на великое суздальско-нижегородское княжество, и началъ, подобно ихъ отцу, поддержку в. к. Дмитрія Ивановича противъ дяди Бориса. Походъ подъ Нижній суздальской и городоцкой рати съ московской помощью принудилъ князя Бориса уступить племянникамъ и вернуться на Городецкое княжество ¹⁾. Уступилъ Борисъ Константиновичъ подъ давленіемъ великокняжеской власти и силы Дмитрія Ивановича, а по его кончѣ посѣдѣлъ къ хану Тохтамышу, пробылъ въ Ордѣ больше года и вернулся съ ярлыкомъ на Нижегородское великое княжество ²⁾.

Наши источники не даютъ указаній на то, какія дѣйствія или черты поведенія в. к. Бориса Константиновича неизмѣнно ставили его въ противорѣчіе съ московской великокняжеской властью. Возможно, что для этого было достаточно, въ повліянн этой власти, полученія ханскаго ярлыка помимо соглашенія съ великимъ княземъ всея Руси. Общее положеніе дѣлъ и отношеній на восточной украинѣ Востокороссіи, особое значеніе которой въ нарастающей борьбѣ съ татарскими и вообще внородческими кироуэ вполнѣ выяснилось еще при Дмитріи Донскомъ, дѣлало, можно сказать, неизбежной импандацию всякой неопредѣленности въ ея политическомъ отношеніяхъ. Предшествовавшія событія показали, что въ власть ордынская всю учитывала стратегическое значеніе Нижнего, какъ опорнаго пункта, господствоваващаго надъ волжскими ругеуэ и восточными флангомъ пріоской земли. Рядъ татарскихъ ударовъ привелъ Нижній Новгородъ къ полному ослабленію и непосредственной покорности хану.

Отношенія съ Ордой, сложившіяся при в. к. Василіи Дмитріевичѣ, дали ему возможность порѣшить нижегородскій вопросъ безъ столкновенія съ ханской властью и даже при ея помощи. На этотъ разъ великій князь всея Руси не использовалъ своихъ свойственниковъ—князей Дмитріевичей противъ ихъ дяди Бориса, а повелъ дѣло болѣе круто. Онъ «сложилъ крестное цѣлованіе» ко князю Борису Константиновичу и пошелъ въ Орду къ хану Тохтамышу «со многю честію и в дары»—просить великое княженіе Нижнего Новгорода «подъ великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ» себя. Богатые дары и полная покорность в. к. Василія доставили ему желанный ярлыкъ, и онъ вернулся на Русь съ ханскимъ посольствомъ и татар-

¹⁾ Л. С. Р. Л., т. XI, стр. 93 («отступился имъ властей своихъ новгородскихъ, а ови ему отступилася его удѣловъ»).

²⁾ Л. С. Р. Л., т. XI, стр. 127 («князь великий Борисъ Константиновичъ Нижнего Новгорода, прииде во Орду отъ царя Тохтамыша въ свое отчаку въ Новгородъ въ Нижній съ пожалованіемъ»); т. XVIII, стр. 141. Подробности (и даже подробности датъ), сообщаемыя Храпцевичемъ въ «Краткомъ очеркѣ исторіи и описанія Нижнего Новгорода», ч. I, не поддаются научному учету, пока неизвѣстны его источники.

связи отрядов. Не знаем никаких подробностей этого дела; но, по всей видимости, оно было подготовлено на ибгст, так как нижегородские бояре, по литовскому рассказу, сразу отступились от своего князя и выдали его головой московским боярам и тохтамашевым татарам. Василий Дмитриевич приехал в Нижний уже после поимки князя Бориса. Этот же делю еще не почалось. Къ в. к. Василию прибылъ посолъ отъ царя Тохтамыша—звать его въ Орду, а възъ этой поѣздки къ хану Василий Дмитриевичъ вернулся, добившись утверждения за собой Нижнего-Новгорода и Города ¹⁾.

¹⁾ Сравнение известий о падении нижегородской самостоятельности въ разныя литовскимъ сводомъ показываетъ, что во всѣхъ извѣстияхъ по разному сокращенную передачу болѣе или менѣе изложено. Болѣе обстоятельнымъ рассказъ Нижегородской летописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 147—148) по существу тотъ же, что, напримеръ, въ Симоновской (т. XVIII, стр. 142), но тутъ оны въ редакціи, полной осужденія московскаго коварства и боярской взятокъ, тогда какъ въ Нижегородской устранены черты такой оценки. Измоторый, хотя и очень глупой замечъ на условія, помогши в. к. Василию получить ярлыкъ на Нижний можно усмотрѣть въ чертѣ, сохраненной только Тверскою летописью (т. XV, ст. 440): в. к. Василию, домогался Новгорода Нижнего и получая его, „премоще бо многое собраніе на кровопролитіи“, что можно понять, какъ указаніе на отклоненію переговоровъ угрозу татарскаго нашествія. Повидящему, в. к. Василию исполновала глѣвъ Тохтамыша, по неизвѣстному поводу, на нижегородскихъ князей (а въ Симоновской летописи тѣ же приведенныя слова измѣнены въ риторическое выраженіе: „на кровопролитіи, за погубель христіанскую“). Несколько литовскія (Новг. I, стр. 378; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245; т. VI, стр. 123; т. VIII, стр. 81) сократили данное указаніе, что ударъ обрушился не на одного Бориса Константиновича, а на все глѣздо суданско-нижегородскихъ князей: в. к. Василию „поима князей и выгнать въ таль“ („въ повогъ“, „сведомъ“), а Семелъ Дмитриевичъ бѣжалъ въ Орду (Симоновская сохранила указаніе, что таково было извѣстіе ее источника въ неудачномъ выраженіи: „а князь великого Бориса повалъ по градомъ розвеси съ княземъ и съ дѣтми“, а Нижегородская замѣняетъ „княземъ“ — добротами Бориса). Вызовъ в. к. Василию въ Орду послѣ заветія князя Нижнего и повторное пожалованіе ему Нижегородскаго княжества—хромѣ Нижегородской и Симоновской, см.: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245. Тутъ съдѣлательно о какихъ то колебаніяхъ ордынской власти, быть можетъ—о борьбѣ суданскихъ и московскихъ князей. Характеренъ, въ этомъ отношеніи, текстъ сообщенія Симоновской летописи объ окончательномъ торжествѣ в. к. Василию: „тоже же осени мѣсяца октября въ 20 день приде князь великий Василий Дмитриевичъ къ Моску, пославъ Богомъ и царемъ, Тохтамыши предать ему царь въ великому князю Новъгородъ Нижний со всѣмъ княженіемъ, и бысть радость велика въ градѣ Моску о приездѣ его“ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 142—143), слова, въ которыхъ нельзя не видѣть отраженія только что перешедшей острой тревоги.—Самыя порядкомъ извѣстія и нѣхъ хронологія сильно опутаны въ нашихъ сводомъ. Последний документъ, дошедшій отъ в. князя Бориса Константиновича, его пожалованная грамота отъ 8 декабря 8902 (1898) г.—А. А. З., т. I, № 12. „Пожаніе“ его пропало поодѣ, а вторичную поѣздки в. к. Василию въ Орду и его возвращеніе изъ Орды 20 октября надо отнести на 8903 (1894) г., т. е. вернулся в. к. Василий

Кратко и скупо сообщают наши летописные своды эту историю падения нижегородской самостоятельности. Только некоторые тексты сохраняли наметку на судьбу Дмитриевичей упоминаемъ о бѣгствѣ князя Семена въ Орду. Изъ изложение не даетъ приняты указавшій на то, какъ сложилось владѣльческое положеніе суздальско-нижегородскихъ князей послѣ паденія нижегородской самостоятельности. Въ ихъ обладаніи остался, вѣроятно по рѣшенію дама Тохтамыша, Суздаль, а къ великому князю отошли Нижній Новгородъ и Городецъ. Какъ бы восстановлено прежнее соотношеніе владѣній, когда эти послѣдніе города были великокняжескими, а не были связаны съ Суздальскими вотчавнымъ княжествомъ. Разрушена эта связь, создавшая Нижегородское великое княжество.

Въ Суздальѣ провезъ Борисъ Константиновичъ остатки дѣл своихъ, изъ Суздаля и погребень охъ въ «своей отчизнѣ». При немъ же въ Суздальѣ жили, повидному, и его племянники Василій и Семенъ Дмитриевичи, когда послѣдній прибылъ изъ Орды¹⁾. Но намѣченный такимъ образомъ раздѣлъ Нижегородскихъ владѣній не имѣлъ подѣ собой прочной основы. Утвердившись въ обладаніи Нижнимъ Новгородомъ, в. к. Василій Дмитриевичъ приобрѣлъ притязаніе на «все княженіе», съ нимъ связанное, а суздальские Дмитриевичи, съ своей стороны, не смогли примириться съ утратой большей части того, что считали своей отчиной. Борьба немедленно возобновилась. И опять приходится отмѣтить крайнюю недостаточность свѣдѣній, какія получаемъ въ летописныхъ сводахъ, притомъ не по какимъ-либо случайностямъ исторіи изъ текста, а вслѣдствіе явно тщательнаго замалчиванія московскими книжниками ряда обстоятельствъ этихъ событій.

Вскорѣ послѣ кончины князя Бориса Константиновича его племянникъ—Дмитріевичи бѣжали изъ Суздаля въ Орду къ хану Тохтамышу, в. к. Василій послалъ было за ними погоню, но князья успѣли уйти отъ

уже послѣ кончины Бориса, который умеръ въ Суздаль въ мѣс. 6902 (1394) г.—Самое вѣдѣніе княжества въ Нижній Новгородъ (Дм. Ав. Всеволодовичаго) произошло, повидному, только послѣ этихъ событій (г. VIII, стр. 62)—въ мѣсѣцъ 1394 г.

¹⁾ Въ Нижегородской летописи читаемъ, что в. к. Василій „князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтми что и елико аще быша добрототъ его рѣкъ: похвалъ по градуъ розвести и въ веригѣ хаживанн смелати и въ величій крепости держати ихъ“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 148). Если это не литературное украшеніе книжнаго творчества и если это касается не только „добрототъ“, но и „князей“, то повидному князья были отпущены въ Суздаль, вѣроятно, въ связи съ иоричвой побѣдой в. к. Василія въ Орду, всего вѣроятно—по приѣздѣ къ нему второго ханскаго посла. Нѣтъ основаній полагать (съ Храповицкимъ и Эзеншларскимъ), что Борисъ Константиновичъ умеръ „въ заточеніи“. С. М. Соловьевъ (кн. I, ст. 1010) колебался, признать ли, что Дмитриевичи княжили въ Суздаль или только оставались жить тамъ. Отсутствіе всякаго упоминанія о томъ, чтобы Суздаль перешелъ подъ власть в. к. Василія, рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и Борисъ и его племянники сохраняли Суздаль въ княжествѣ владѣній, какъ свою отчину.

ней ¹⁾. Но въ Орду въ эту пору была своя занятая, ей было не до дѣятельнаго вмешательства въ русскія дѣла. А дагдѣ о князѣ Василіи Кирдягѣ больше ничего не знаемъ, дажѣ въ указанія даты его кончины лѣтописные тексты расходятся ²⁾. Но Семѣю Дмитріевичу пытался продолжать борьбу съ помощью татаръ. Въ октябрѣ 1396 г. ему удалось съ татарскими войсками захватить Нижній, который подвергся при этомъ жестокому разграбленію; но приближеніе великокняжескихъ полковъ заставило татаръ бѣжать, и князь Семѣя снова ушелъ въ Орду. В. к. Василій послалъ свою рать съ братомъ Юріемъ идти по Волгѣ и она три мѣсяца воевала Болгарскую землю, причѣмъ—отмѣчаютъ лѣтописи—никто не понималъ, чтобы Русь когда либо такъ далеко заходила въ татарскія земли ³⁾. Князь Семѣю Дмитріевичъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64. Въ Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 155) находимъ извѣстіе о походѣ в. к. Василія Дмитріевича „разуиъ къ Новгороду къ Нижнему на князя новгородскихъ, за Василіемъ Дмитріевичемъ Кирдягу да на брата его Семѣю Дмитріевича“—послѣ сообщенія о занятіи ихъ Нижняго и до извѣстія о кончинѣ князя Бориса Константиновича. Татищевъ развилъ и осмыслилъ это сообщеніе, представивъ дѣло такъ, что Кирдяга и Семѣю воспользовались походомъ в. к. Василія на Валюгу Новгородѣ для захвата Нижняго, въ расчетѣ на помощь ордынскихъ князей, а затѣмъ доложили (быть можетъ, на основаніи княжѣ либо родственникѣмъ источнику) извѣстіе о походѣ на нихъ в. к. Василія—сообщеніемъ, что в. к. Василій, выведя ихъ изъ Нижняго, дажѣ ихъ городъ Шуу („Исторія Россійская“, т. IV, стр. 374—375). Но тутъ надо видѣть только черту спутанности перадава извѣстій и ихъ хронологіи въ нашихъ сводахъ; ср. въ Симеоновской сообщеніе о побѣдѣ Дмитріевичей въ Орду до извѣстія о смерти Бориса (т. XVIII, стр. 145).

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188 и указанными тамъ же въ примѣчаніи параллели другія сводовъ; въ самой Никоновской извѣстіе о смерти князя Василія приведено дважды (на стр. 188 подъ 6911 г. и на стр. 192 подъ 6918 г.). А. В. Энциклопедикъ придалъ особое значеніе тому, что Кирдяга въ одной записи о его смерти (т. XI, стр. 188; т. VI, стр. 192) называлъ Городецкимъ и рѣшнзъ, что князь Василій умеръ въ Городцѣ. Но названіе князя то „городецкимъ“, то „судальскимъ“ въ записи о его кончинѣ извѣстѣ также мало значенія, какъ то, что Никоновская титуловала князя Бориса Константиновича, въ сообщеніи о его смерти, великимъ княземъ Новгорода Нижняго и судальскимъ и городецкимъ, и также называла князей Василія и Семѣю Дмитріевичей („князи Судальскіи и Новгорода Нижняго и Городецкіи“) въ извѣстіи о ихъ побѣдѣ въ Орду.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101—102; т. V, стр. 247—248; въ Софійской II лѣтописи извѣстіе объ этомъ событіи приведено дважды (т. VI, стр. 128 и 130, подъ 6903 и подъ 6907 г. г.) въ разныхъ редакціяхъ; вторуъ—находимъ, также подъ 6907 г., въ Воскресенской (т. VIII, стр. 72 и тутъ же краткое извѣстіе о томъ же); въ Никоновской—подъ 6904 г. (т. XI, стр. 163); въ Тверской—подъ 6907 г. (т. XV, ст. 461) и подъ 6908 г. (тамъ же, ст. 470). Эти разнорѣчивыя датировки одного и того же извѣстія заставляютъ допустить, что и сообщеніе Никоновской лѣтописи подъ 6907 годомъ: „тогда же осали князь великий Василій Дмитріевичъ московскій посылалъ за княземъ за Семѣюмъ за Дмитріевичемъ за судальскимъ и городецкимъ до Казани и не угнаша“ (т. XI, стр. 171; ср. приниску на спискѣ Царскаго Софійской I лѣтописи—

нашего убийстве и поддержку у князьной татарской силы, которая господствовала в мордовских и болгарских волостях, получая все больше самостоятельности по княрь уадак золотоордынского центра. Его суетливости и буйными попытками вернуть себѣ нижегородскую отчину совпали съ помыслами, когда случилось будущее Казанское царство, и князь Семенъ сталъ отщепенцомъ отъ русскаго дѣла—орудіемъ враждебной Руси татарской силой. Пробываніе въ татарскихъ предѣлахъ претендента на Нижегородское княжество усугубляло непрерывную тревогу на русской восточной окраинѣ. В. к. Василій Дмитріевичъ дѣлалъ попытки захватить князя Семена—такой была князь и похода князя Юрія; посмалъ великій князь воеводъ своихъ захватить семью князя Семена, усилѣнному уйти къ нему изъ великокняжескаго плѣна ¹⁾, и воеводы привели на Москву его жену и дѣтей. Безнадежность положенія его дѣла и захватъ семьи великимъ княземъ принудилъ, наконецъ, князя Семена возобновить сношенія съ Василіемъ Дмитріевичемъ и покориться ему; онъ сослалъ въ Витку ²⁾, гдѣ и умеръ въ декабрѣ 1401 г. Нижегородское великое княжество, созданное въисшимъ условіями князя великорусской окраины, держалось въ князьной силѣ и значеніи, пока его поддерживало напряженіе самообороны, попытки колонизаціонныхъ захватовъ и боевого наступленія для обезпеченія торговыхъ путей; но переходъ этихъ задачъ въ болѣе сильные руки носителей великокняжеской власти привелъ къ быстрому упадку нижегородской самостоятельности, и отъ «князьнаго княжества» осталась только развалина—въ мелкомъ вотчинномъ владѣніи сурядальскаго князя, да, на первое время, испышки княжескаго авантюризма, для котораго не мало было условій въ безповойномъ укладѣ окраинной жизни. По слѣдамъ князя Семена Дмитріевича пошелъ его двоюродный братъ Борисовичъ, Даміанъ и Иванъ; эти «отчичи Нижняго Новгородъ» пришли въ 1411 г. на Русь съ «казанскими» князьями (болгарскими и жукотвискими), разбили великокняжеское войско, которое выслалъ на нихъ в. к. Василій Дмитріевичъ подъ воеводствомъ брата Петра, а затѣмъ князь Даміанъ навелъ татаръ изгономъ на Владимиръ—и столичный городъ великаго княженія была сильно разграблена. Наши лѣтописные своды говорятъ объ этихъ событіяхъ глухо и съ явными недомолвками. Набѣгъ на Влади-

т. V, стр. 352, прим. г) относится къ тому же самому походу. Ср. Экземплярнаго, т. II, стр. 429; т. I, стр. 137—138 и прим. 300; едва ли можно установить, съ Василиарскими, два похода кн. Юрія на Казань.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75; т. VI, стр. 151—подъ 6909 (1401) г.; въ Извѣстнаго (т. XI, стр. 186—187) подъ 6910 г. вѣстятъ съ вѣстіемъ о смерти князя Семена, черезъ 5 мѣсяцевъ, въ декабрѣ 1401 г.

²⁾ Въ почетную, повидному смыслу—на княженіе; по крайней мѣрѣ сурядальскіе князья еще въ третьемъ поколѣніи наши походы заявлять притязанія на Витку, какъ составную часть своей «прадѣльной и дѣдичной и отчины»—С. Г. Г. и Д. т. I, № 63.

шурь, выполненный воеводой князя Даниила Семеновъ Карамышевымъ и даре-
вечемъ Талычечемъ, котораго Данилъ «тайно отъ всѣхъ приведе къ себѣ»,
едва ли былъ выполненъ безъ опоры въ Нижнемъ Новгородѣ, который, оче-
видно, былъ занятъ послѣ побѣды надъ великокняжескимъ войскомъ его
«старымъ отчичемъ» княземъ Даниломъ. Но хитонские тексты не гово-
рятъ о такомъ захватѣ Нижняго, замалчивая послѣдствія побѣды Данила¹⁾.
Однако, дальнейшія свѣдѣнія объ этомъ князѣ подтверждаютъ такое пона-
вие окончиваго наложенія хитонскихъ сводовъ. Въ 1412 г. нижегород-
ские князья Бадма въ Орду къ хану Зелени-Салтану, Тогтамышеву сыну, и
вернулись «пожалованы своимъ нхъ отчичомъ»²⁾, а въ 1414 г. братья вели-
каго князя Василія, Юрій Дмитріевичъ, идетъ на князя Данила Борисовича
и его братья³⁾ къ Нижнему Новгороду; суданские князья бѣгутъ изъ
Нижняго за Суру, а князь Юрій, покорою встрѣченнымъ богами и жителями
Нижняго, безъ боя занимаетъ города⁴⁾. Данилъ съ братьей ушелъ отъ
преслѣдованія за Суру. Совокупность этихъ свѣдѣтельствъ даетъ основаніе
принять, что князь Данилъ держался въ Нижнемъ съ 1411 по 1414 годъ⁵⁾.
Года черезъ два Борисовичи князисъ въ Москву съ повинной, но въ 1418 г.
снова бѣжали съ Москвы, и больше нѣтъ вѣсти о нихъ въ нашихъ хитон-
скихъ сводахъ⁶⁾. В. к. Василій посадилъ въ Нижнемъ Новгородѣ судань-

¹⁾ Подлинное положеніе дѣлъ всего лѣтисъ въ Тверской хитонисъ (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 465), гдѣ о побѣдѣ на Владимірѣ читаемъ: «пришлоша татарове къ Володимеру отъ Новгорода отъ Нижняго изволомъ». Возможно, что Наній былъ занятъ Даниломъ раньше боя съ княземъ Петромъ Дмитріевичемъ; можетъ быть, на это указываютъ выраженія Никитовой хитонисъ: «бысть бой на Лысковѣ князю Петру... со княземъ Даниломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новгорода...» стамъ же на пометѣ князя конгородцѣ Нижняго Новгорода» (П. С. Р. Л., т. X, стр. 216). Большая часть хитонской описки даетъ вѣдѣніе о лысковскомъ пораженіи, и сообщаетъ только о раззореніи Владиміра.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 467. Упомянуты кромѣ Данила и князя Борисовича, князь Иванъ Васильевичъ (сынъ Курдынъ) и Василій Семеновичъ (сынъ Семѣя Дмитріевича).

⁴⁾ Тамъ-же. Подчеркнуто, что «князь же Юрій не сотвори зла ничтоже Новугороду»: очевидно, оштрафованъ за преслѣваніе Борисовича.

⁵⁾ А. В. Экземлярскій иначе оцѣнываетъ эти дѣянія—т. II, стр. 432—433. У С. М. Соловьева (ав. I, стр. 1012) только пересказъ Никитовой хитонисъ. Однако, сообщеніе Никитовой хитонисъ о нижегородскихъ дѣлахъ за эти годы тѣсно связано съ дѣяніями Тверской хитонисъ (вѣроятно, восходитъ къ общему нхъ тверскому источнику).

⁶⁾ Хранцовскій (указ. соч., т. I, стр. 40), а за нимъ Экземлярскій (т. II, стр. 433, прим. 1226) указали на грамоту «князя великаго Данила Борисовича», которая была имъ дана архидиакону Спасо-Влагодѣльскаго монастыря «малъ въ 8 того лѣта, вози князь великій Данило Борисовичъ вышолъ на своимъ отчичу отъ Махмета царя въ другія ракъ». Хранцовскій заключаетъ отсюда, что князь

скаго княжича Александра Ивановича, за котораго выдалъ дочь свою Василису, но князь Александръ умеръ вскоре послѣ свадьбы, и Никлаій Новгородъ окончательно перешелъ въ управленіе великокняжескихъ князей-низовъ¹⁾. Въ средѣ суздальскаго княжя еще долго жили традиціи былой независимости, большого политическаго значенія и владычя. Смыслу великаго князя Василія Дмитріевича придется считаться съ новыми вышками суздальскихъ притязаній, которыми сильно осложнена домашняя московская смута, да и поодиноку суздальскіе князья—многотѣе яркіе представители «судьбыныхъ» княжескихъ традицій. Но суздальскія притязанія потеряли реальную почву самостоятельной исторической жизни и дѣятельности восточной укарыи Великойросіи и остались только пережиткомъ въ настроеніяхъ и мѣстныхъ вліяніяхъ князья—вотчинниковъ.

Даніяхъ вторично повянася великимъ княземъ въ Нижнемъ Новгородѣ „между 1423 и 1442 годами“. Можно видѣть тутъ указаніе на опущенныя лѣтоисчисленныя годами эпоху изъ исторіи смуты при Василіи Темномъ.

¹⁾ Князь Александръ Ивановичъ, прозвищемъ Врхотыя, сынъ князя Борисовича (см. Экземлярскаго, т. II, стр. 435—437), отбѣжалъ въ в. к. Василію въ 1414 г., вѣрноту въ связи съ конфликтомъ между великимъ княземъ и суздальско-нижегородскими князьями; въ 1418 г. в. к. Василію выдалъ за него дочь Василису. Его нижегородское княженіе устанавливается двумя его жалованными грамотами (А. А. З., т. I, № 17 и А. Н. т. I, № 25)—въ концѣ которыхъ читаемъ: „А дана грамота Ивану тугу хѣта, коли князь Александръ Ивановичъ сѣлъ на своей отччѣ въ Новгородѣ“ и „А дана грамота тое... коли великій князь Александръ князь умеръ съ великимъ княземъ“. См. Экземлярскаго, т. II, стр. 441—442.—Экземлярскій полагаетъ, что владычельнымъ княземъ Нижняго Новгорода былъ и сынъ Александра Ивановича Семенъ, объясняя этимъ слова духовной в. к. Василія Дмитріевича, обычно датируемой 1423 годомъ: „а оже, ми днеть Богъ Новгородъ Нижній, и лѣтъ и Номыиъ городомъ Нижнимъ благословлюи сына своего, князя Василія, со всѣмъ“. Князь Александръ Ивановичъ умеръ вскоре послѣ женитьбы въ 1418 г. (Карамзинъ, Н. Г. Р., т. V, прим. 254, годъ 1418 г.). Но в предположеніе Экземлярскаго не объясняетъ различія въ откомненіи къ Нижнему Новгороду духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, такъ какъ мы не знаемъ года кончины князя Семена Александровича и во кѣмѣтъ основанія относить ее къ 1423—1424 г. Напротивъ княземъ прямое свидѣтельство, что онъ былъ живъ въ 1436 г.—въ договорной грамотѣ князя Дмитрія Шемяки съ в. к. Василіемъ Тимыиымъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 56), гдѣ Шемяка требуетъ отъ в. к. Василія гарантіи долга ии Александра Ивановича и суда въ случаѣ заператальства великокняжескаго „дестрича“ (князя Семена). А въ жалованной грамотѣ в. к. Василія Спасо-Вѣфимьевскому монастырю, которая относится къ 1440-мъ годамъ, князь Семенъ упоминаетъ какъ недавно умершій: грамота выполняетъ его „приказъ“ владѣмъ на поминъ души его и его предковъ. Поэтому почти вѣрно опредѣляетъ время его кончины Храмыковскій (указ. соч., т. I, стр. 40): между 1434 (?1436) и 1440. Правильнѣе отнеситъ духовную Василія Дмитріевича не къ 1423, а къ 1418 году, когда Нижнимъ владѣлъ князь Александръ.

ГЛАВА VIII.

Великокняжеская политика преемников Калиты.

I.

Преемники Калиты строили дальше великокняжеское значение своей власти на основѣ, заложенной въ дѣятельности ихъ отца и дѣда, Ивана Давыдовича. Конечно, объемъ нашихъ свѣдѣній о жизни московскаго княжого двора савшкомъ незначителенъ для учета личной, болѣе или менѣе сознательной роли носителей великокняжескаго титула и власти въ послѣдовательномъ развитіи этой политической работы. Преувеличивать ее отнюдь не приходится. Сравнительно немногія дѣянія, какими располагаемъ для нѣкотораго осмысленія этого вопроса, скорѣе говорятъ о преемникахъ Ивана Калиты, какъ о внѣшнихъ, преимущественно пассивныхъ центральнымъ фигурахъ той работы въ области политическихъ отношеній и общественно-политической мысли, которая вела великорусскую великокняжескую власть къ значенію крупной національно-государственной силы. Духовная грамота Симеона Ивановича—яркій памятникъ такого семейно-вотчиннаго взгляда на княжеское владѣніе; блѣдная личность «кроткаго и тихаго» Ивана Ивановича остается въ тѣни событій его времени, а наложившій Дмитрій Ивановичъ—орудіе политики митрополичьяго двора и московской боярской среды—не проявляетъ сколько-нибудь яркой индивидуальности и личности. За официальной дѣятельностью великокняжеской власти стоятъ нѣмны руководящіе силы, которые стараются и практикую и теорію великокняжеской власти—во многомъ наперекоръ вотчинно-владѣльческимъ тенденціямъ стараго княжого права. Съ большою постепенностью и не безъ замѣтныхъ колебаній уступаютъ эти традиціи княжого владѣнія колымъ теченіямъ въ отношеніяхъ и возрѣваніяхъ княжеской и общественной среды, подъ само вотчинное начало, разлагающее политическій строй Великороссіи въ практикѣ удѣльнаго владѣнія и вотчиннаго распада, не движетъ, преобразованное назрѣвшіе единодержавіемъ, въ основу самодержавной власти московскихъ государей. Весь этотъ процессъ собиранія власти протекалъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ внѣшнихъ отношеній Великороссіи—подъ давленіемъ потребностей ея самообороны и стремленія къ такимъ условіямъ этихъ отношеній,

которым обещали бы торговле, колонизационные и, в широком смысле—национальные ее интересы. Поэтому, первым моментом рѣшительного удара въ великокняжеской борьбѣ за усиленіе центральной политической власти явилось нарастаніе руководящей роли великихъ князей всея Руси въ международных—боевыхъ и мирныхъ—отношеніяхъ Великороссіи съ соотвѣтственной перестройкой внутренней организаціи княжого вѣствованія и между княжескихъ связей.

Основы новой государственности слагались постепенно подъ непрерывнымъ давленіемъ хода международной борьбы на прострѣткахъ Восточной Европы. Обзоръ хода событій этой борьбы—необходимый элементъ выясненія образованія Великорусскаго государства, которое ею куется въ вѣкъ въ вѣкъ въ самыхъ своихъ глубокихъ основаніяхъ.

Симеонъ Ивановичъ унаследовалъ отъ отца созданное имъ положеніе великокняжеской власти; оно закрѣплено хавскимъ пожалованіемъ, который отдалъ «подъ руку» Симеона всѣхъ русскихъ князей, и признало за «великомъ създѣдъ всѣхъ князей русскихъ», который состоялся въ Москвѣ. Договоромъ съ братьями «у отца гроба» в. к. Симеонъ закрѣпилъ свое руководящее значеніе въ управленіи вѣдшими отношеніями Московскаго княжества и въ распорядкѣ всей его воинской силой, а также признаніе за старѣйшиной московской княжеской семьей—она же великій князь всея Руси—за старѣйшій путь» ряда улохотимыхъ статей, чѣмъ возвышалось, такъ можно выразиться, его представительство. Но вѣдь Московскаго княжества его подчиняла власть провозвѣстается только по отношенію къ великимъ князьямъ Владимірскаго великаго княженія; князья ростовскіе, ярославскіе, близосерскіе—входятъ въ составъ великокняжеской «явновской» рати. И судальскій Константинъ улохотимается въ ее составѣ при в. к. Симеонѣ. Однако, въ годы великаго княженія Симеона и Ивана Ивановичей—слагается Нижегородское великое княжество и противопоставляетъ себя великому княженію Владимірскому; крѣпится самостоятельность Рязани, которая настоятельно требуетъ определенія своихъ территориально-политическихъ предѣловъ «нерушимыми рубежами» не только отъ «московской вичины», но и отъ «великаго княженія». А старая соперница Москвы, Тверь, ратѣ утвердилася въ своемъ территориально-политическомъ обособленіи, все болѣе поднимаетъ трудный положеніемъ между Москвой и Литвой и все болѣе сложилася въ общенію съ Латвійскимъ великимъ княжествомъ ради опоры въ немъ противъ властнаго вѣдательства великихъ князей всея Руси въ тверскихъ дѣлахъ и подчиненія Твери великорусской великокняжеской власти—на основѣ традиціоннаго старѣйшинства Владимірскихъ великихъ князей, но уже чреватаго элементами едикодержанія.

На западныхъ дѣлахъ всего болѣе сосредоточены вниманіе и силы этой великокняжеской власти. Собираніе русскихъ земель подъ властью в. к. Ольгерда рисовалось современникамъ широкимъ предпріятіемъ подчи-

ненія всѣхъ русскихъ областей ¹⁾. И столкновения между Москвою и Литвою изъ за промежуточныхъ, пограничныхъ земель рано осложнились опасными вліаніемъ этихъ конфликтовъ на внутреннія отношенія обояхъ великихъ княжествъ. Русскіе князья ищутъ въ восточной Руси защиты отъ литовскаго напора и захвата, и братъ Ольгерда Явнугъ показавъ недовольнымъ литовской великокняжеской властью путь въ Москву своимъ побѣгомъ къ а. к. Симеону въ 1345 г. ²⁾ А Москва все чувствительнѣе встрѣчается съ поддержкой, какову мѣстными сепаратистическія тенденціи Пскова и Новгорода, Твери и Рязани находятъ въ изъ литовскихъ связяхъ и отношеніяхъ. Политическій кругозоръ Ольгерда широко охватывалъ отношенія сѣверо-восточной Руси, подготовая, какъ можно сказать съ точки зрѣнія подлѣвшей исторической перспективѣ, попытку Витовта. Родственнымъ связямъ—самого Ольгерда, по женѣ, съ тверскими князьями, а по дочери съ нижегородскими, Любарта Гедлиновича съ ростовскими—открывали пути литовскому вліанію на дѣла и отношенія Великороссіи. И родственными связямъ эти несколько не слагчали направленія вѣднбнаго соперничества двухъ великихъ княжествъ. Они столкнулись въ первый же годъ великаго княженія Симеона Ивановича на смоленскихъ дѣлахъ. Ольгерду не удалось попытка захватить Можайскъ, недавнюю смоленскую волость, хотя набѣгъ былъ предпринятъ, повидному, въ отсутствіе и. к. Симеона, когда олъ еще не вернулся изъ Орды. Набѣгъ этотъ былъ отвѣтомъ на походъ въ предыдущемъ году великорусскихъ войскъ подъ Смоленскъ съ татарской ратью воеводы Толгубія. Притязанія литовской власти на Смоленскъ и на волости черниговско-сѣверскія встрѣчались противодѣйствіемъ, за которыхъ стояли расчеты на московскую (великокняжескую) и татарскую помощь. Мѣстное мелкое князье тягетъ къ восточной Руси. Въ походѣ 1340 г. участвовали князья друцкій и оомискій; брянскій князь выдалъ въ 1341 г. дочь за московскаго князя Ивана Ивановича, а князі дорогобужскій Федоръ Святославичъ, неудавшійся тесть и. к. Симеона, сдѣлалъ одно время на Волокн ³⁾.

Ольгердъ шелъ къ своей цѣли—закрѣпленію связи Смоленска съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, которая сложилась еще при Гедиминѣ, и распространенію литовской власти на черниговско-сѣверскія области—съ большой выдержкой и постоянной оглядкой на Москву. Въ концѣ сороковыхъ годовъ олъ сдѣлалъ было попытку подготовитъ сопернику рѣшительный ударъ: отправилъ брата Коріада къ хану Джамшибуку—склонить его

¹⁾ Такое притязаніе, по свидѣтельству нѣмецкихъ орденскихъ источниковъ, выдвигали литвины по отношенію къ Литовскому ордену, который „*nihil juris (ordo) sibi remittat et apud Ruthenos, sed omnis Russia ad Letivnos debere simpliciter pertinere*“.

²⁾ Новг. I, стр. 348.

³⁾ И. С. Ф. Л., т. XII стр. 207, 209—210.

на совет противъ в. к. Симеона ¹⁾, но послы Симеона убѣдили гана, что Ольгердъ ему врагъ, такъ какъ разоряетъ ханскій улусъ—вотчину великаго князя, и добился выдачи всего литовскаго посольства въ московскія руки ²⁾. Пришлось Ольгерду отказаться отъ широкаго плана и заключить новый договоръ съ в. к. Симеономъ, ради освобожденія брата и его «дружныя» ³⁾. Не знаемъ, какой цѣной купилъ Ольгердъ этого «мира и любовь», но вслѣдъ затѣхъ в. к. Симеонъ—черезъ годъ—поднимается походомъ подъ Смоленскъ; на р. Протвѣ его встрѣтили послы Ольгерда, съ которыми онъ заключилъ какое-то мирное докончаніе; однако, Симеонъ продолжаетъ свой смоленскій походъ, идетъ съ войскомъ къ р. Угрю, гдѣ его встрѣтили смоленскіе послы, а послѣ восьмидневныхъ переговоровъ съ яны отправилъ своихъ пословъ въ Смоленскъ на заключеніе мира ⁴⁾. Возможно, что условія договора 1350 года обеспечивали такую трактовку Смоленска, какъ владѣнія, вполнѣ независимаго отъ литовскаго великаго князя. Только послѣ смерти в. к. Симеона Ольгердъ получаетъ полную возможность развернуть свободу наступленія на смоленскія и черниговско-сѣверскія области, и наша скудная свѣдѣнія о смоленскихъ дѣлахъ за годы великаго княженія Симеона Ивановича все-таки даютъ основаніе признать, что въ эту пору уже не Тверь, а великокняжеская власть, сосредоточенная въ Москвѣ, приняла на себя дѣло самообороны Великороссіи съ Запада.

Но задача эта чрезвычайно осложнена внутренними отношеніями Великороссіи. Военныя силы Твери и Рязани, Пскова и Великаго Новгорода не принимаютъ участія въ дѣйствіяхъ в. к. Симеона. Съ Новгородомъ у Симеона отношенія крайне напряженныя, какъ сложились они и при Иванѣ Калитѣ. Поѣздка Симеона въ Орду по смерти отца и успѣхъ въ ханотатахъ о ханскомъ пожалованіи, несомнѣнно, потребовали крупныхъ расходовъ и обязательства усиленной выплаты татарамъ «выхода», «запросовъ» и поминковъ. И первое дѣло в. к. Симеона по возвращеніи—послать въ новгород-

¹⁾ князь великій литовскій Ольгердъ посла въ Орду къ царю Чкакабеку брата своего Коріяда просити себѣ помощи на великаго князя Симеона—1349 г., П. С. Р. Л., т. VII, стр. 215.

²⁾ Тамъ же; П. С. Р. Л., т. X стр. 219. «Коріядъ и Михайлъ» Воскресенской литовцев—одно лицо.

³⁾ В. к. Симеонъ «миръ съ князъ ваятъ» (т. VII, стр. 215); «миръ и любовь пріа» (т. X, стр. 221); условія этого договора не знаемъ, но освобожденіе князя Коріяда и литовскихъ пословъ предполагаетъ какіе-либо уступки со стороны Ольгерда (литовскихъ упоминаятъ только о «многохъ дарахъ»). Святославу Ольгерда за княжю Ульяну тверскую, а Любарта за Константинушу ростовскую, состоявшееся въ томъ же году (1350 г.), какъ бы закрѣпляетъ новый договоръ о «мирѣ и любви».

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 216; т. X, стр. 223.

⁵⁾ Смоленскимъ княземъ въ эту пору былъ Иванъ Александровичъ (1318—1358), который не въ Москвѣ тѣлулъ, а къ Литвѣ—см. выше, стр. 161, прижизненіе.

сии полости, въ Торжокъ «дали брать», и сталъ тутъ его нагнѣтшии и «борцы»-дальщики «связо дѣяти». Новоторжцы послали жалобу въ Новгородъ и просьбу о защитѣ. Тогда въ Торжокъ явились новгородскіе бояре, арестовали агентовъ великокняжеской власти, подготовили городъ къ оборонѣ, а, въ то же время, поѣхало въ Новгородъ посольство къ великому князю съ протестомъ: «еще не сѣдъ у насъ на княженіи, а уже бояре твои дѣлатъ слыше». Однако, подготовка къ открытой войнѣ съ великимъ княземъ вызвала возстаніе новоторжцевъ; они не вѣривъ въ силу Новгорода, боясь прихода великокняжескаго войска, а потому пагивали отъ себя новгородскихъ бояръ и освободили великокняжескаго нагнѣтшикова и борцыкова дани. В. к. Симеонъ, дѣйствительно, прибылъ въ Торжокъ «со всею землею явонскою», а новгородцы, хотъ и собрали всѣ силы свои въ городъ, однако послали къ великому князю пословъ и «докончали миру» съ нимъ «по старымъ грехотамъ, на всея волѣ новгородской», выматывъ за то великому князю «черный боръ» со всея Новгородской земли да тысячу рубль съ новоторжцевъ ¹⁾. Въ Новгородѣ подвораки великокняжескій нагнѣтшикъ. Но у в. к. Симеона не хватало силы на руководство обороной земель Новгорода и Пскова противъ наступленія кнѣзя и шведовъ. Псковъ передъ непрерывно грозной ливонскою опасностью, какъ разѣе при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, «отвергся» въ началѣ сороковыхъ годовъ отъ Великаго Новгорода и великаго князя и «предался» Литвѣ, признавъ къ себѣ на княженіе Ольгерда; а тотъ посадилъ у нихъ княземъ сына Андрея ²⁾. Однако и Андрей Ольгердовичъ, какъ и отецъ его ³⁾, не былъ въ состояніи вести оборону Пскова лично и съ достаточными дружинами литовскихъ боевыхъ силъ. Только небольшіе вспомогательные дружины литовскихъ нагнѣтшиковъ помогаютъ Пскову въ борьбѣ противъ кнѣзей ⁴⁾, и дѣло кончилось отказомъ псковичей отъ князя Андрея и враждой за это

¹⁾ Новгородъ, стр. 329—340. Двойственное положеніе „новоторжцевъ“ объясняется разногласіемъ между новоторженскими черными людьми („чистага черъ на бояръ“) и новоторжскими боярами („бояре новоторжскими прибѣжаша въ Новгородъ только душамъ, кто ушѣлъ“, а дома ихъ разграблены, хоромы разведены, ома опустошены чернымъ). Очевидно, звали новоторжцевъ противъ пагивнаго князя кнѣзские бояре, и на нихъ имъ надо полагать, пала уплата тысячи рубль.

²⁾ Новгородъ, стр. 341; П. С. Р. Л., т. V, стр. 13 („тогда псковичи много томившия, бѣже чомоу князю Ольгерду, хотѣше его крестити и на княженіе посладити во Половъ, отъ же не възгохъ, во кресте сына своего Андрея, и посадиха его посличи на княженіе, падѣвшиса помощи отъ Ольгерда) стр. 224.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 13, Псковская вторая лѣтопись: посадилъ во Псковѣ сына „Ольгердъ и братъ его Кестутъ со своими литовскими побѣдша прочь, а псковичемъ не учинаше помощи явномъ же“. Неудачнымъ боевымъ дѣйствіемъ Ольгерда въ эту пору описаны въ Псковской первой лѣтописи, т. IV, стр. 167—168.

⁴⁾ Новгородъ, стр. 342, 344.

Ольгерда против Пскова ¹⁾. Это произошло в 1348 г., и в том же году исконные возобновили порванную политическую связь с Великим Новгородом, но уже на новых условиях Болотовского договора, который превращал Псков в новгородского вассала из автономного «младшего брата» Великого Новгорода. Тѣм самым восстанавливалась и связь Пскова с великим княжеством всея Руси.

Новгород привлек великокняжеского наместника в 1341 г.; но и к. Сimeoнъ, занятый устройствомъ дѣлъ «язовской» земли, относившей къ хану и къ Литвѣ, только на пятый годъ прѣехалъ въ Новгородъ и «сѣсть на столѣ своемъ». Положение новгородской узкой было сугубо опаснымъ. Съ одной стороны, Ольгердъ, вѣдя въ своихъ рукахъ Псковъ, началъ было наступленіе и на Новгородъ; впрочемъ, южнѣе дѣла скоро поглотили его силы и вниманіе, такъ что онъ и Псковъ потерялъ. За то болѣе серьезная опасность поднималась на новгородскія восточныя границы съ шведской стороны.

Король Магнусъ II началъ завоеваніе Ижорской земли, грозилъ идти со всѣми силами на Новгородъ, взялъ Орѣховъ. Привыкъ новгородцамъ о помощи великаго князя Сimeoна—остался втумѣ. Сimeoнъ долго медлил, занятый дѣлами царевныи, потому было вошелъ въ Новгородъ, но съ дороги вернулся въ Москву. Вмѣсто него въ Новгородъ прѣбылъ его братъ Иванъ, но и онъ не сталъ во главѣ новгородскаго войска, а уѣхалъ обратно, «не принявъ владычицы благословенія и новгородскаго челобѣтя». Новгородцы предоставлены своимъ силамъ; только Псковъ, обезпечивъ свое новое политическое положеніе Болотовскимъ договоромъ, далъ имъ дѣлоторую военную поддержку; приходится мѣстными силами отбивать шведовъ, задвигаться отъ мѣщанъ ²⁾. Великій князь не въ состояніи отвлекать свои силы на дальній сѣверо-западъ: въ эту пору разыгрались волненья Ольгерда поднятъ на него Орду, затѣмъ—походъ в. к. Сimeoна на Смоленскъ. Литовская опасность тяготѣла надъ всѣми отношеніями великорусскаго великаго княжества.

Эта опасность подрывала энергію великокняжеской власти въ новгородскихъ дѣлахъ. Она же сильно осложнила тверскія отношенія. Тутъ съ кончиной тверскаго великаго князя Константина Михайловича (ум. в 1345 г.) разгорается борьба кашинской и холмской княжескихъ линій, сметавшая сложную сеть ордынскихъ, литовскихъ и московскихъ политическихъ вѣтвеговъ въ напряженный клубокъ. И напряженіе это оказалось не во славу великорусскаго великокняжескаго власти. На время центробѣжными силами бе-

¹⁾ Псковская I, П. С. Р. Л., т. IV, стр. 190. Псковичи звалиють Андреемъ, тобѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а наместникомъ тобѣ Пскова не держати; а ямъ же тобѣ не угодно сѣсти у насъ, надѣ събъ княжншъ, а Псковъ повергъ, то уже вси самъ лишншъ Пскова, а наместникъ твоюхъ не хотимъ"

²⁾ Новгород. I, стр. 346—350.

рута вертъ въ политическомъ строй Великороссіи. Толчкомъ для нѣхъ рѣшанаго проявленія послужила неожиданная смерть в. к. Свирова въ морское поутіе 1363 года.

Пятидесятые и шестидесятые годы XIV-го вѣка—время, когда Москва перешла серьезнѣе вникать своего положенія въ сѣверо-восточной Руси. Точнѣе по смерти Свирова нижегородскій князь Константинъ Васильевичъ «сперся о великомъ князевѣ» съ в. к. Иваномъ Ивановичемъ, при поддержкѣ новгородцевъ; только передъ своею кончиной примирился князь Константинъ съ в. к. Иваномъ, да и новгородцы полтора года «пребыша бѣгъ мѣра съ великимъ княземъ», причѣмъ «за не бысть никакого желя, т. е. великій князь не мѣлъ силы ни покярать новгородцевъ за выстуленіе въ Ордѣ, ни привести ихъ въ свою волю; отношенія возстановились только по умириванію князей ¹⁾. А затѣмъ, по смерти князя Константина, сынъ его Андрей призналъ в. к. Ивана себѣ братомъ старѣйшимъ, но послѣ Ивана вспыхнула новая борьба на великое княженіе, ликвидированная съ большими трудомъ и съ большими усиліями. Замутались и отношенія къ рязанцамъ, которые захватили Лепастку и настойчиво предъявляли требованіе исправленія рязанскихъ границъ. Въ Твери усобная борьба склонилась чѣмъ дальше, тѣмъ больше къ побѣдѣ накулакиста князей, враждебныхъ Мос-

¹⁾ Конфликтъ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ былъ осложненъ еще церковными дѣлами. Владика Моисей посланъ къ патриарху съ жалобой на «наклоука» митр. Феогноста. Моисей—новгородскій избраникъ—былъ поставленъ митр. Петромъ въ 1325 г., а въ 1330-мъ покинулъ кафедру и принялъ скиту, но послѣ полчанъ арх. Василия вернулся, но настоянію новгородцевъ «на своей епископъ». Такое нарушеніе скитимъ должно было встрѣтить каноническія возраженія митрополита, и, хотя Никитовская летопись (И. С. Р. Л., т. X, стр. 224) утверждаетъ, что митр. Феогностъ «благодарилъ» Моисея на архіепископствѣ, однако княземъ въ «Краткомъ летописцѣ новгородскіиъ князевъ» («Нозг. летописецъ»—3-я и 3-я, изд. 1379 г.) прямое свидѣтельство, что Моисей «благодарилъ бысть лексиомъ митрополитомъ всемъ Руса» (стр. 186). Впрочемъ, что отъ этого споръ и былъ перевезенъ на судъ патриарха, причѣмъ Моисей поддерживалъ свою самозащиту встрѣчными жалобами на митрополита. Изъ содержаніе указано въ летописи только глаголю: «о несправдливѣ» (Нозг. 3-я; тамъ же, стр. 233). «о несподобилъ вѣщати, приходуещи съ несправдливѣ отъ митрополита» (Нозг. 1, стр. 352). Моисей, очевидно, выигралъ свое дѣло, такъ какъ его послѣ привели ему отъ патриарха грамоту «съ великимъ пожалованіемъ» и прѣдѣлами рязи. Указаніе Никитовской летописи (т. X, стр. 228), что въ патриаршихъ грамотахъ шла рѣчь «о проторгѣ на поставленіи и о церковныхъ пошленихъ святельскихъ и нима разнѣчнми указаніи», спорѣ всего просто догада князьями относительно содержанія грамоты (ср. замѣчанія Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II, ч. I, стр. 167). Вопросъ осложнялся развогнаніемъ о правѣ Моисея на прѣдѣлы рязи, пожалованныи митр. Феогностомъ еп. Василию, и о притязаніи новгородскаго владѣнны на особое положеніе по отношенію къ митрополиту, казія отъ связывалъ съ этимъ вѣдѣннымъ отплатіемъ; патриаршая грамота разъяснила ему, что эти рязи не дають ему права умалать свое послушаніе митрополиту (см. грамоту Флавова отъ 1347 г.—Р. И. Б., т. VI¹⁾, приложеніе, № 10).

ней и втянутых в сферу литовского влияния. И за всѣмъ этими тревожными тенденціями внутренней жизни Великодержавы стоитъ опасность вышатательства татарскихъ и литовскихъ силъ. Изъ рукъ великокняжеской власти снова ускользаетъ управление въѣзными отношеніями Великодержавы, областныя политическія силы враждебны центру, отстаиваютъ и углубляютъ свою независимость отъ него, сама опредѣляютъ свое положеніе по отношенію къ въѣзному міру, ищутъ въ Орду и въ Литвѣ союзъ и опоры противъ требованій великокняжеской власти.

II.

Въ это трудное для Москвы время во главѣ правленія дѣлами великорусскаго великаго княженія стоитъ крупный политическій дѣятель—митрополитъ Алексій. Его руководство великокняжеской политикой вывело власть великихъ князей вся Русь изъ тяжелыхъ затрудненій времени «кроткаго и тихаго» Ивана и малолѣтняго Дмитрія. Притомъ Алексій, глава русской церкви, вдохнулъ въ эту политику опредѣленное идейное содержаніе—церковно-религіозное и, тѣмъ самымъ, національное. Самый фактъ достиженія Алексіемъ митрополитчьею кафедрой былъ для великаго князя значительнымъ успѣхомъ. Въ его лицѣ во главѣ русской церковной іерархіи сталъ представитель московской правящей среды, своей теловѣкъ въ великокняжескомъ дворѣ. По житію, Алексій¹⁾ былъ сыномъ боярина Федора Бякомта, который выѣхалъ изъ Чернигова на службу ко князю Данилу Александровичу, а при Иванѣ Калитѣ, согласно свидѣтельству родословныхъ, «за нимъ была Москва», что можно понять, какъ принадлежность тысяцкого²⁾. Позднѣйшіе родословцы ведутъ отъ Бякомта нѣсколько боярскихъ родовъ—Плещевыхъ, Ошениныхъ, Жеребцовыхъ, Игнатьевыхъ, все фактически, которыхъ не стали въ первые ряды боярства, но занимали прочное положеніе среди московскаго служилого люда, а частію, какъ Ошенины, связавши се службой при митрополитчьемъ дворѣ³⁾. Братъ митр.

¹⁾ О житіи митр. Алексія—Ключевскій, Древнерусскіе житія святыхъ, историческій источникъ, и Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, ч. I. Старшая краткая редація въ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26; Типографскій издатель (изд. 1784 г.) стр. 182; вторая, пространная, Пахомія Серба—Илариона Обш. Любит. Древней Псковщины № IV; особая переработка перваго житія въ Николовской издѣлкѣ—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 29; особая редація Пахоміева житія въ «Отечественной книгѣ»—П. С. Р. Л., т. XXI, ч. II. Крестное имя Алексія, по старшему житію было Симеонъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26), но другія житія приносятъ имя—Евсевій (ср. похвалы Николовской издѣлки, т. XI, стр. 30, прил. в). Поиздаемому, это его «мирское» имя?

²⁾ Временникъ, т. X, родословная книга, стр. 28; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 26.

³⁾ Родословная книга Временника (т. X), стр. 98 и 100: «Ошенины, что митрополиты».

Алексія, Александру, родоначальникъ Плещеевыхъ, и его племянникъ Данила Теофиловичъ—бояре великаго князя Дмитрія Донскаго ¹⁾.

Алексія можно назвать питомцемъ великокняжескаго двора и его боярской, служилой среды. Есть извѣстіе, что онъ былъ крестьяномъ Ивана Калиты ²⁾. Ранній уходъ двадцатилѣтняго юноши въ монастырь не порвалъ этиагъ общественныхъ связей, не былъ удаленіемъ отъ міра. Алексія монашествовалъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей ³⁾, и его постриженіе крѣпко, повидному, значеніе подготовилъ будущаго іерарха. Съ конца 1340 г. онъ стоялъ во главѣ митрополитскаго суда и управленія въ должности митрополитскаго намѣстника ⁴⁾. Митр. Феогностъ готовилъ его, по согласію съ великимъ княземъ, себѣ въ преемники, ввелъ его, за двѣнадцать слѣшкомъ лѣтъ его намѣстничества, въ дѣла митрополіи, а въ декабрѣ 1352 года поставилъ его епископомъ Владимірскимъ и отправилъ, вмѣстѣ съ в. к. Симеономъ, посольство въ Константинополь къ патриарху—хлопотать о поставленіи Алексія себѣ въ преемника по русской митрополіи ⁵⁾. Дѣло русскаго, великокняжескаго кандидата на митрополію

¹⁾ Тамъ же, стр. 98 („Александръ Плещей, а былъ въ боярехъ у великаго князя у Дмитрія Ивановича“; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122—123; т. VIII, стр. 62—63 (Дмитрій „великаго боярѣвъ великаго князя и правый добротѣ“); т. XI, стр. 154.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 28.

³⁾ Въ Ноголавецкомъ, гдѣ онъ обзавелся съ братомъ св. Сергія, именуемъ Стефаномъ—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 80—81 (это изъ житія св. Сергія—т. XI, стр. 131).

⁴⁾ Въ намѣстничествѣ Алексія пребылъ 12 лѣтъ и 9 мѣсяца (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 31), а въ епископъ посвященъ 6 декабря 1352 г., за три мѣсяца до кончины митр. Феогноста (смыслъ 11 марта 1353 г.)—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 37; стало быть его назначеніе намѣстникомъ состоялось осенью 1340 г., т. е. еще при князѣ Иванѣ Калитѣ, который скончался 31 марта 1340—1341 года; вѣстие у Голубинскаго, т. II, ч. I, стр. 175. Текстъ краткаго житія упоминаетъ объ избраніи митр. Феогноста Алексія въ намѣстники по поводу его посвященія въ епископа, а не говоритъ объ этомъ избраніи при в. к. Симеонѣ, какъ разумѣтъ Голубинскій.

⁵⁾ По представленію Голубинскаго (указъ соч., стр. 175—176) посольство отъ в. к. Симеона и митр. Феогноста о поставленіи на русскую митрополію изъ грека, „кандидата, который будетъ приславъ изъ Москвы“, отправилось въ Константинополь разѣе поставленіи Алексія въ епископа владимірскіа; и вернулось оно послѣ смерти митр. Феогноста и в. к. Симеона. Слѣдную отправку посольства Голубинскій связываетъ съ болѣзью, какову митр. Феогностъ перенесъ въ 1350 г. Но, по извѣщенію, посольство отправлено по поставленіи Алексія на епископство (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 217) съ просьбой патриарху, „яко да не поставитъ иного митрополита на Русь, кромѣ сего Алексія епископа“, и вернулось оно съ позволеніемъ Адеосіа явиться въ Царьградъ „станутися на митрополію“ (т. е. либо въ Константинополь успѣли дѣятелія посольства узнать о смерти Феогноста, либо знали Алексія по испытанію, какъ указаннаго изъ Москвы кандидата). На какое-либо другое, предварительное посольство нѣтъ указаній, а отсюда его въ 1350 или 1351 г. заочно бы предполагать нехорошо долгуи при отправку въ Константинополь. Па. П. Соколовъ („Русскій архіерей изъ Византии“, стр. 308—309) ставитъ, согласно Никифору Григорію, успѣлъ кандидатурѣ Адеосіа въ связь съ кружными поногрозваніемъ в. к.

было, на этот раз, хорошо подготовлено и в Константинополе и в Русь. Московские послы вернулись, уже послѣ кончины и митр. Феогноста и в. к. Симеона, съ приглашеніемъ ѣхать вѣ Константинополь на поставленіе, и в. к. Иванъ Ивановичъ посѣдѣлъ сварядить Алексѣя въ эту побѣдку, одновременно со своимъ выѣздомъ въ Орду для получения ярлыка на великое княженіе ¹⁾. При патриаршемъ дворѣ Алексѣя протренили почти годъ на «тщательномъ испытаніи», и только въ іюлѣ 1364 онъ былъ отпущенъ съ настоятельной грамотой на митрополию Киевскую и вся Русь ²⁾ Русские епископы прислали патриарху грамоты съ признаніемъ Алексѣя достойнымъ митрополіа, — всѣ, кромя новгородскаго Моисея. Оновонія новгородскаго владыки, нѣтъ какія бы основанія она не исходила ³⁾, была серьезнымъ дѣломъ не только для митрополіа, но и для великокняжеской власти, борющейся за свое значеніе въ западныхъ областяхъ Велюкороссіи противъ сильнаго вліянія на нихъ Литовскаго великаго княжества. Общее положеніе московско-литовскихъ отношеній все тѣснѣе сплеталось съ цер-

Симеона на ремонтъ константинопольскаго храма св. Софія, но и по рассказу Григоры эта кандидатура была поставлена подлѣе, чѣмъ время помертвованія (1350 г.), когда уже стала, будто-бы, известна въ Москвѣ судьба этихъ суммъ, расстроченныхъ императоромъ. Относя рассказъ Григоры ко времени «не ранѣе 1350 года», Соколовъ замѣчаетъ, что «въ эту эпоху кандидатура Алексѣя должна была быть уже совершившимся фактомъ», но «фактомъ» она не могла стать ранѣе посвященія Алимпія въ епископы. Поставленіе Алексѣя въ епископомъ владимирскіе дѣлаю митрополитскаго вѣдѣнія викаріемъ митрополита (Глубинскій, стр. 176), и съ этимъ поставленіемъ П. Соколовъ (тамъ же, стр. 319) правильно связываетъ извѣстіе Новгородской IV лѣтописи (годъ 6890 г.—П. С. Р. Л., т. IV⁷, стр. 282), что «бысть свемъ на Москвѣ князь Симеону и князю Константину Васильевичю про причетъ церковный», повелѣя, что «Константинъ суздальскій жемалъ на случай замѣщенія митрополіа Алексѣемъ—обезпечить свои церковные интересы» и успѣлъ добиться передачи Нижняго Новгорода и Городца отъ Владимірской епархіи въ управленіе суздальскаго епископа. По всей вѣроятности, дѣло было не только въ обезпеченіи «церковныхъ интересовъ» Нижегородскаго великаго княжества, но и въ примереніи суздальскаго епископа съ кандидатурой на митрополию Алексѣя: въ грамотѣ патр. Филоея новгородскому епископу Моисею (Р. И. В., т. VI⁷, приложение № 10) читается сообщеніе о «рекомандативныхъ грамотахъ», подержавшихъ поставленіе Алексѣя въ митрополиты, какія патриархъ получалъ отъ «прочахъ боголюбивѣйшихъ епископовъ» (кромя Моисея новгородскаго).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 27.

²⁾ Мѣстныя дѣла византийскаго имперія и патриархія, объясняющія задержку поставленія Алексѣя, рассмотрѣны въ трудѣ П. Соколова «Русскія архіереи въ Византии» (Кіевъ, 1918 г.); тутъ же интереснаго вліянія церковно-историческаго и каноническаго сторонъ этого дѣла, а также характеристика общаго положенія Византийскаго церкви при патр. Филоея, объясняющая, съ одной стороны, его уступчивость къ русскимъ требованіямъ, и съ другой—осторожность его въ отношеніи къ митр. Алексѣю.

³⁾ О возраженіяхъ Моисея противъ поставленія на митрополию Алексѣя см. П. Соколовъ, указ. соч., стр. 346—347.

ковно-политическими задачами русской митрополии, владу разбитого Олгердовича въ пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка дѣятельного и успѣшнаго наступленія на русскія области и острой постановки вопроса объ отношеніи западно-русской церкви къ московско-владимірской митрополии.

Все эта чрезвычайно сложная съѣтъ отношеній ставила передъ митр. Алексѣемъ—главою русской церкви и руководителемъ политической дѣятельности великихъ князей всея Руси—рядъ крупныхъ и трудно разрѣшимыхъ задачъ. Онъ достигае митрополіи, какъ степенникъ великокняжеской власти; судьба сдѣлала его фактическимъ правителемъ великорусскаго великаго княжества. И въ этой роли онъ опирается на свой церковный авторитетъ въ политическихъ дѣлахъ, славаетъ въ одно цѣлое свою церковно-политическую дѣятельность съ руководствомъ общей политикой великаго княжества всея Руси. Отношенія къ византійскому патриархату, къ литовской великокняжеской власти, къ мѣстнымъ политическимъ силамъ Великороссіи славуются у Алексѣя въ одну цѣльную систему, въ которой элементы московскаго политическаго строительства неотдѣлимы отъ задачъ и интересовъ митрополичьей власти.

Настоящая грамота, которую Алексѣй получалъ отъ патриарха, опредѣляла положеніе русскаго митрополита передъ патриаршимъ престоломъ весьма подробно и съ обдуманной отчетливостью. Эта грамота, знаменитая въ русско-византійскихъ церковныхъ документахъ, подчеркиваетъ, прежде всего, обширность и многообразность митрополии Кіевской и всея Руси; управленіе этой митрополіей особо важная задача для Константинопольской церковной власти, и потому эта власть поставила туда, въ прежнее время, надежныхъ и добренныхъ людей изъ среды византійскихъ клириковъ, избравъ, по тщательномъ испытаніи, такихъ, кто не только отличался добродѣтелью и силой слова, но былъ и сбудущъ какъ въ церковныхъ канонахъ, такъ и въ гражданскихъ законахъ. Поэтому патриаршая грамота оговариваетъ, что поставленіе Алексѣя—дѣло вслѣдствіе, объясненное его личными особыми достоинствами, хорошей подготовкой и единодушнымъ свидѣтельствомъ въ его пользу какъ грековъ, такъ и русскыхъ, начиная съ митр. Феогноста и великихъ князей Симеона и Ивана, но не должно служить прецедентомъ на будущее время, а, напротивъ, впродолженіи патриаршая власть не допускаетъ и не дозволяетъ поставленія на русскую митрополию русскаго уроженца. Грамота подчеркиваетъ, что такая исключительная уступка—дѣло совершенно необычное и даже не вполне безопасное для Церкви, а потому указываетъ и мѣры, исполненіе коихъ должно обезпечить бдительный надзоръ константинопольской церкви за дѣятельностью митр. Алексѣя и руководствомъ ея. Патриархъ предписываетъ Алексѣю пріѣзжать въ Константинополь черезъ каждые два года или хотя бы присылать надежнаго представителя изъ клириковъ своей митрополии для полученія авторитетныхъ указаній по всемъ важнымъ и спорнымъ церковнымъ вопросамъ.

Вся грамота проникнута опасением загромождения самостоятельности митрополита, который не вышел из среды константинопольского клира, не связываясь с ним воспитанием и прочной традицией. Перспектива прочной национализации русской церковной иерархии, несомненно, встревожила патриаршую власть. Это понятно. В Константинополе должны были знать, что русская митрополия вступает на путь превращения в орудие жёсткой светской власти и подчинения ей, а патриарх должен был стремиться к тому, чтобы русский митрополит был, прежде всего, представителем власти и авторитета его, патриарха, и состоявшего при нем освященного собора, служителем греко-восточной церкви, возглавляемой, по византийской традиции, константинопольским патриархом, а не русской политикой.

Отношения между митр. Алексеем и патриархатом сложились далеко не в духе настоятельной грамоты. После назначения своего он только дважды являлся в Константинополь, да и послов своих посылал, поглядяному, только в такие моменты, когда испытывал необходимость отразить подготовленный врагами удар или опереться на патриарший авторитет. А такая опора была ему необходима для утверждения силы и значения северной митрополии.

Нараставшее раздражение против окрившей Москвы и ее властителей приватно и неизбежно отражалось и на церковных отношениях при митрополитах союзниках и сотрудничавших московской политике, особенно же при митрополитах, ставленниках великого князя, вышедших из митрополии из московской боковой среды, чтобы взять в свои руки общую политику великокняжеской власти. А митр. Алексей формально закрепил связь митрополии с великорусскими князьями, выхлопотав постановление о перенесении резиденции митрополита из Киева во Владимир¹⁾. Русская митрополия осталась при этом «Киевской и всея Руси», так как за Киевом сохранено значение собственно престола и первой кафедры архиепископской, а владимирская епископия признана второй кафедрой, резиденцией и жёсткой уполномоченной митрополитов. И такое решение вопроса о митрополии являлось отчасти существенным интересам как митрополита, так и великокняжеской власти. Интересы эти настоятельно требовали сохранения за русской митрополией характера «Киевской», несмотря на перенесение митрополичьей резиденции на север. Утрата киевского центра грозила не только потерей самого Киева и юго-западных епархий, но и Твери, и Новгорода, и Пскова, не говоря уже о Смоленск, как только им представится возможность потянуть в церковном отношении к югу, к московскому центру.

Не будет преувеличением сказать, что вопрос этот стал перед митрополитом Алексеем во всем объеме, повидяному, еще во время его первого пребывания в Константинополе.

¹⁾ Р. И. В., т. VI, приложение, № 12.

Политическія судьбы юго-западной и западной Руси неан естественно къ стремленію освободить эту церковное управление отъ подчиненія московскому іерархическому центру. Попытки создать особую митрополию хотя бы для Галицкой земли, возникли въ началѣ XIV вѣка ¹⁾, и митр. Феогносту только въ 1347 г. удалось добиться закрытія особой галицкой митрополии. Но вскорѣ — незадолго до поставленія Алексѣя во владимірскіе митрополиты — вопросъ объ отдѣленіи западно-русской церкви отъ сѣверной митрополии сталъ особо острымъ. Еще при жизни митр. Феогноста явился въ Константинополь новый западно-русскій кандидатъ на митрополию — Теодоритъ и, не добившись тутъ успѣха, использовалъ тогдашній расколъ между византійской и болгарской церквами, отправился въ Терновъ, тутъ поставленъ былъ въ митрополиты болгарскимъ патриархомъ и занялъ Кіевскую митрополию ²⁾. Совпаденіе этого дѣла съ конфликтомъ между сѣверной митрополией и новгородскимъ епископомъ усиливало остроту положенія. Патриархъ Фавосей выступилъ рѣшительно. Его грамоты, разосланныя по западно-русскимъ епарціямъ объявляя Теодорита нелегитимнымъ, поды угрозой полнаго отлученія отъ христіанскаго общества, и грозили такимъ же отлученіемъ всѣмъ, кто приметъ его въ общеніе. Новгородскій епископъ Моисей получалъ одну за другой двѣ патриаршья грамоты: одну о должномъ повиновеніи митрополиту Алексѣю, другую съ изложеніемъ дѣла о Теодоритѣ и запретомъ признавать митрополитчью власть Теодорита и вступать съ нимъ въ церковное общеніе ³⁾. Затѣмъ, патриаршій эвхархъ, отправленный на Русь вмѣстѣ съ митр. Алексѣемъ, совершилъ посаженіе его на кафедру митрополии Кіевской и всей Руси, очевидно, въ Кіевѣ: Теодоритъ смеетъ со спемъ, больше о немъ и нѣтъ вѣстий ⁴⁾.

За покушеніемъ Теодорита на Кіевскую митрополию дѣлая не усмотрѣть политикъ В. К. Ольгерда ⁵⁾. Причина неудачи — осложненіе дѣла разрывомъ

¹⁾ Годулевскій, История русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 126—130 и 157—162 (доп.—стр. 878); Па. Соколовъ, указ. соч., стр. 271—278 и 303—307.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 236: „Того же лѣта (8800) вноскъ Теодоритъ поставленъ бысть митрополитомъ отъ Терновскаго патриарха и приде въ Кіевъ“.—Р. И. В., т. VI, приложеніе, № 11. Борьба съ Теодоритомъ поставила на очередь легализацію перемещенія митрополитчьея резиденціи во Владиміръ и вообще облегчила Алексѣю его хлопоты въ Константинополѣ, такъ какъ опасность потерять Кіевъ, а, быть можетъ, и Новгородъ грозила не только русской митрополии, но и византійскому патриархату.

³⁾ Р. И. В., т. VI, приложеніе, ММ 10 в 11.

⁴⁾ Р. И. В., т. VI, приложеніе, ст. 59—60; П. П. Соколовъ, указ. соч., стр. 353.

⁵⁾ П. П. Соколовъ (стр. 355 и 360) отвѣтъ въ этому моменту, или въ 1355 г. „сѣвскую канонизацію литовскихъ мучениковъ“, канонизиръ Ольгердомъ въ 1347 году, какъ политическій шагъ митр. Алексѣя, чтобы представить Ольгерда говнелемъ православнаго, врага Москвы—врагомъ христіанства. Основаніе для такой датировки только въ томъ, что Густаянская литовскъ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 350) говорить объ

съ византійскимъ патриархатомъ была устранена заѣмой Феодорита покимъ кандидатомъ на митрополию—Романомъ, родственникомъ жены Ольгерда, в. к. Удьяны. Есть известіе, что Романъ, въ качествѣ нареченнаго митрополита, сдѣлалъ попытку занять Кіевскую кафедру еще до возведенія митр. Алексія въ Константинополь, въ томъ 1354 года ¹⁾. Не пріятный кіевлянами, Романъ явился въ Константинополь къ патриарху послѣ поставленія митр. Алексія и его отъѣзда на Русь ²⁾, и былъ поставленъ въ литовскіе митрополиты, получивъ въ свое вѣдѣніе Новгородскую, Полоцкую и Туровскую епархіи. Романъ, однако, этимъ не удовлетворился, а сталъ «изъявлять притязаніе на большее» и нарушать права митр. Алексія. Поднялась борьба за Кіевъ и южно-русскія епархіи, за Тверскую землю. Рядомъ двухъ русскіхъ митрополитовъ стали предметомъ разбирательства патриаршаго собора, уже при патр. Калкитѣ, послѣ паденія Филоея. Романъ явился въ Константинополь отстаивать свои притязанія; былъ вызванъ в Алексію ³⁾. Соборъ призналъ, что митр. Алексій, рукоположенный на митрополию Кіевскую и всяя Руса, такимъ и остается, а Роману, литовскому митрополиту, переданы всѣ «епископіи Малой Руси», но безъ Кіева, какъ перваго престола въ митрополіи Алексія ⁴⁾. Такое рѣшеніе вопроса, по существу—половинчатое, показываетъ, что патриархія нехотѣ уступала литовскимъ настоятелямъ. Патриархъ Филоей—въ подвѣдѣишей грамотѣ, возобновившей, во второе его патриаршество, единство русской митрополіи поясняетъ, что раздѣленіе ея было, въ свое время, допущено по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ ⁵⁾. Такихъ «настоятельныхъ

этой канонизаціи подъ 1355 г., но вмѣстѣ съ упоминаніемъ о поставленіи Алексія на митрополию и о его мощахъ, какъ святаго митрополита. Дата, явно неподходящая для поставленія Алексія, можетъ относиться къ канонизаціи литовскихъ мучениковъ. Но данными Густинской лѣтописи свѣдѣніемъ неважнымъ. Макарію (Ист. русск. церкв., т. IV, стр. 261) относитъ эту канонизацію къ 1364 г., на основаніи столь же мало надежныхъ источниковъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XVII, ст. 34.

²⁾ Р. Н. Б., т. VI, приложение, ст. 71—72. Возраженія Голубинскаго противъ достовѣрности свидѣній, сообщаемыхъ патриаршей грамотой 1361 г.—всѣма не убедительны; ср. П. П. Соколова, стр. 369.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228, сообщаютъ о вторичной подачѣ митр. Алексія подъ 6964 г.—выздалъ осенью 1356 г., вернувшись изъ Литвы, въ 1356 г., такъ какъ Романъ еще въ Константинополѣ въ іюль 1356 г. (Р. Н. Б., т. VI, приложение, ст. 74, примѣчаніе). Возраженія П. П. Соколова противъ этихъ данныхъ мало убедительны, такъ какъ онъ напрасно находитъ въ патриаршей грамотѣ (7 въ собранномъ постановленіи 1361 г. Р. Н. Б., тамъ же, № 13) указаніе, что Романъ уѣзжалъ изъ Константинополя раньше Алексія, и пытается установить, что Романъ, будто бы, приобрѣлъ такіа званія митрополита кіевского и всяя Руса (стр. 376).

⁴⁾ Р. Н. Б., т. VI, приложение, №№ 13 и 14. *

⁵⁾ Тамъ же, № 15.

нужды», несомненно, вылились на лицо, так как, при господствѣ національнаго строя церковной жизни, каждое политическое цѣлое требуетъ себя особой іерархической организаціи, не мирясь съ ея экстерриториальностью. Но Византии трудно было вполне усвоить законность такихъ тенденцій безъ отказа отъ вселенскаго значенія своей церковной иерархіи, а, съ другой стороны, Москва и Литва находились въ состояніи упорной борьбы и соперничества на почвѣ территориально-политическаго самоопредѣленія, далеко неважнѣющаго, такъ что всякая попытка разграничить эти церковныя области вела неизбежно къ «многимъ замѣшательствамъ и беспорядкамъ». Ольгердъ настаивалъ, чтобы его Литовско-русское государство было избавлено отъ подчиненія духовной власти митр. Алексѣя, чтобы западно-русская церковь была признана самостоятельной митрополіей, и ввужала патриаршему собору опасенія, что можетъ, въ противномъ случаѣ, произойти позднее отдѣленіе Литовско-русскаго государства отъ греко-восточной церкви или, по крайней мѣрѣ, отъ византийскаго патриархата, какъ уже было въ дни Θεодората. Патриархія пошла на компромиссъ, но этихъ не прекратила раздора.

Романъ не принявъ ея предложеннаго рѣшенія, отказался принять настоящую грамоту, покаявъ Константинополь и, прибывъ въ Кіевъ, провозгласилъ себя митрополитомъ кіевскимъ и всей Руси и удержался на своей митрополіи до самой смерти, постигшей его въ 1361 году.

Потеря сѣверной митрополіей власти надъ православной церковью въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства грозила сугубой опасностью великорусскому великому князю. Западно-русская митрополія должна была стать такой же опорой политики литовскихъ великихъ князей, какою московскіе князья находили въ своихъ владимирскихъ митрополитахъ. Іерархическія связи кіевскаго центра предвѣщались этой политикой для заурядности господства литовскихъ государей надъ русскими землями и литовскаго вліянія за предѣлами прямого захвата. Такъ столкновение соперниковъ на твердой почвѣ началось еще во время пребыванія обожья митрополита въ Константинополѣ¹⁾. А послѣ попытки митр. Алексѣя въ 1358 г. осуществить свою митрополитичью власть въ южной Руси, попытка, за которую и онъ лично и московская княжеская власть расплачивалась дорогой цѣной²⁾,

¹⁾ «И тогда отъ обожья изъ вно Цараграда придоша послы въ Тверь къ Θεодору, владыцѣ тврьскому, и быють свидѣнническому чину тамъже вали вадѣ», П. С. Р. Л., т. X, стр. 221.

²⁾ Въ 1358 г. митр. Алексѣй «иде въ Кіевъ», въ началѣ года («по кращеніи») — П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 290; вернувшись митрополитъ «въ Володимирь и на Москву» въ 1360 г. Вѣдь это случилось въ ноябрѣ 1358 г. а к. Иванъ Ивановичъ. Продолжительное отсутствіе митр. Алексѣя гдѣ больше замѣчательно, что, самъ ввали и въ Константинополь (Р. И. В., т. VI, стр. 166—166) а к. Иванъ оставилъ малолѣтняго сына на его, митр. Алексѣя, попеченіи, и поручилъ ему «управ-

Романъ использовалъ свои литовскія связи въ Тверской землѣ для похода въ Тверь, точно въ отвѣтъ на дѣйствіи митр. Алексѣя, которыхъ должны были представляться «набѣдою» въ его, Романа, митрополию.

III.

Всѣ эти церковно-политическія отношенія тѣсно слетались съ основнымъ московско-литовскимъ антагонизмомъ. Борьба между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ разыгрывалась на фонѣ Ольгердовой политики, которая направлена въ 60-хъ—70-хъ годахъ XIV вѣка на энергичное наступленіе къ востоку. Это наступленіе размыывается, какъ только сила великорусскаго великаго княжества оказалась парализованной внутренней борьбой въ Великороссіи, въ моментъ перехода власти отъ в. к. Самсона къ его брату Ивану. Литва встала въ Ржевѣ, литовскія войска воюютъ Брянскъ и смоленскія волости, а послѣ смерти брянскаго князя Василія смута, поднявшаяся въ Брянскѣ, облегчила захватъ его в. к. Ольгердомъ. Какъ только, «начавъ обладати Брянскомъ великій князь Литовскій», митр. Романъ захватилъ іерархическую власть надъ Брянскомъ—въ епархіи митр. Алексѣя. Роману присвоена въ Москвѣ, а съ московскихъ смуть и при патриаршенъ дворѣ, починъ къ нападенію Ольгерда на Алексѣя, митрополитѣи города¹⁾. Съ той же поры Орша и Бѣлая въ литовскія руки, а года черезъ три заняти Ольгердомъ Мстиславъ. Все тѣснѣе надвигалась на Смоленское княжество, охватывая его крѣпкимъ кольцомъ, литовская сила; все плотнѣе надвигалась она на предѣлы великорусскаго и тверскаго великаго княжествъ: Смоленское княжество еще продержалось полъ-вѣка²⁾, лавируя между Москвою и Литвою, но Чарнаговско-сѣверская область, раздробленная на мелкія вотчинныя княжества

лэвіе и охрану всего княжества»; оно было бы и вовсе непохитно, если не отягати къ этому времени (вмѣстѣ съ Голубинскимъ, указ. соч., стр. 192) событіе, сообщаемое тою же грамотой: Ольгердъ захватилъ Алексѣя, когда тотъ обоезрявалъ малорусскія епархіи и заключилъ его подъ стражу, нѣтъ подъ которой Алексѣю съ трудомъ удалось бѣжать (тамъ же, ст. 167—168). П. П. Сомоловъ (указ. соч., стр. 385) предполагаетъ, что Алексѣй мѣрно жилъ въ Киевѣ, пока кончина в. к. Ивана и вступилъ въ Москву въ столкновеніи нѣтъ за великаго князя съ Дмитріемъ суздальскимъ не дала Ольгерду повода для изгнанія Алексѣя нѣтъ Киева. Сильная попытка митр. Алексѣя осуществити свою власть въ Киевской Руси на глазахъ Ольгерда и Романа предполагаетъ безъ предположенія, что она опиралась на сильную поддержку его въ Киевѣ и южной Руси: вѣдь Ольгердъ только въ 1361 г. устранилъ мѣстнаго киевскаго князя Федора, а посадилъ хутъ сына Владимира „и началъ надъ сими владѣти, ниже отидя его данъ дядю“. Алексѣй вернулся во Владимиръ, когда тутъ уже слѣтъ на великое княженіе Дмитрія Константиновича.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 228; ср. тамъ же, стр. 220; Р. Н. В., т. VI, приложеніи, ст. 87—88.

²⁾ Князя Святославъ Изясковичъ (1358—1386 г.) и сына его Юрія (1386—1404 г.).

и почти не испытывавшая на себя объединяющего влияния великорусского князя—стала ареной крупных усейковъ политики Ольгерда. Западная полоса этой области перешла въ шестидесятых и семидесятых годах XIV-го вѣка подъ прямую власть литовскихъ князей: тутъ слагаются княженія его сыновей—Дмитрія брагского и трубчевского и Дмитрія-Коробута черниговского и новгородъ-сѣверского, а также стародубско-рымское княжество Патрикія Наринкутолача и его сыновей. Въ восточной полосѣ—сидятъ на своихъ отчинахъ мелкіе князья Рюриковичи, которыхъ Ольгердъ стремится сдѣлать своими подручными, то силой, то путемъ родственными связями ¹⁾. Въ посланиіи къ Константинопольскому патриарху Ольгердъ называетъ своими воеводствами Казугу и Мценскъ, жаждетъ ихъ захватить итъ носковцами назъ за «нагѣны» своего слуги князя Ивана Козельскаго. И долго еще будетъ восточная Черниговщина колебаться между Москвою и Литвою; долго служить ей князья то одному, то другому великому князю, а то и «на обѣ стороны».

Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка великорусское великое княжество слишкомъ подавлено внутренними политическими нрависомъ, чтобы противодѣйствовать литовскому напору сколько-нибудь энергично. Дѣтисыные своды даютъ только кое-какія указанія на попытки такого противодѣйствія въ боюхъ столкновенияхъ тверской и мѣдвѣской рати съ литовцами назъ за Ржевы, въ походѣ смольнянъ на Бѣлуу ²⁾. Наступленіе Литвы осложнило и обострило внутреннія отношенія Великороссіи. Въ Тверскомъ княжествѣ жѣстная борьба двухъ княжескихъ ланъ, кашинской и микулинской, перешлась съ борьбой между литовскими и носковскими влзненіемъ на Тверь, а съ 1366 года побѣдила микулинско-литовская сторона. Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ вступилъ съ Москвою въ упорную и затяжную борьбу, которая обезпечила Ольгерду свободу дѣйствій въ Черниговско-сѣверской области. Лишь вердиктъ, безъ затраты значительной силы дающъ Ольгерду поддержку Михаилу, назрѣвая главную энергію на югъ и на поддержку Кейстута противъ нѣмцевъ.

Новая борьба Москвы съ Тверью была, какъ и прежняя, борьбой за великое княженіе всея Руси. Едва-ли, впрочемъ, съ самаго начала: открылась она наступательными дѣйствіями не Твери, а Москвы. Московское великокняжеское правительство, душой котораго былъ митрополитъ Алексій, только что закончивъ борьбу съ Дмитріемъ суздальскимъ, правило «въ свою волю» и его, и второстепенныхъ владѣтельныхъ князей Великороссіи. Великій Новгородъ призналъ власть Дмитрія Ивановича, выговорясь себѣ держаніе «въ старій безъ обиды», а затѣмъ и подлинную, дѣятельную

¹⁾ Одна Ольгердовна за кн. Иваномъ носовскимъ, другая за Святославомъ черкасскимъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. X, стр. 230—231.

защиту отъ вѣнскихъ враговъ ¹⁾. Но отношенія къ великимъ княжествамъ Тверскому и Рязанскому оставались напряженными.

Москва охлыла и стала притязательна. Литовские своды отбитыи 1367 г. краснорѣчивой записью, надо полагать—тверского литовска: «того же лѣта князь великій Дмитрей Ивановичъ заломя градъ Москву камень, и начаша дѣлати безперестани; и всѣхъ князей русскихъ привокаше подъ свою волю, а которые не повиновашуся воли его, а на тѣхъ нача посягати, также и на князя Михаила Александровича тверского, и князь Михайло

¹⁾ А. А. З., т. I, № 8. Договоръ этотъ, разнъ отъ прочихъ по формѣ отъ прочихъ,—по содержанию, прежде всего, союзный. Великій Новгородъ обязуется «всѣмъ на конь съ одного» при возникновеніи войны съ Литвой или Тверью; при этомъ, если разрывъ происходитъ между в. к. Дмитриемъ и Литвой или Тверью, онъ обязуется либо самъ прибыть въ Новгородъ, либо прислать князя Владимира Андреевича; если же Новгородъ подвергается нападенію Литвы, Твери или шведовъ (шведовъ), то в. к. Дмитрій и князь Владимиръ обязуются «всѣмъ по Новгороду съ одного, по кляванію» и до заключенія мира «Новгорода не метати», а бѣгъ въ Новгородъ самому великому князю, пока онъ не «умиритъ» Новгорода, или прислать князя Владимира; только отъѣздъ въ случай вражескаго нападенія на великія самихъ князей не вѣшается имъ въ измѣну. Въ этомъ договорѣ отразилось и старая мысль о томъ, какъ великіе князья не разъ покидали Новгородъ посатъ разныхъ предпріятій, но обеспечить ему мира, и недавнее воспоминаніе объ отношеніи къ обороту Новгорода в. к. Симеона и его брата Ивана. Въ концѣ договора краткая формула подтверждаетъ основное допущеніе: «а князь вѣе бы великое мое держати чество и гроно, безъ обиды; а кнѣ, князю великому Дмитрию Ивановичю всея Руси, держати Новгородъ въ старинѣ, безъ обиды».—Въ А. А. З. договоръ этотъ отнесенъ къ началу 1372 г.; Карамзинъ (т. V, стр. 26) отнесъ его къ 1371 г. на основаніи имени посадника Юрія в тысяцкаго Елизая, которые «правительствовали въ Новгородѣ въ 1371 году» (Нов. I, стр. 362), но Соловьевъ (кн. I, ст. 268, примѣч. 3) отнесъ этотъ договоръ къ 1367 г., къ известію о томъ, какъ «послыша посимъ новгородцы къ князю великому Дмитрию Ивановичю и докончаша миръ съ княземъ великимъ, а князь великимъ... князьстника своего прасла въ Новгородъ» (Нов. I, стр. 369). Впрочемъ, что правъ Карамзинъ, не только явду имеетъ посадника и тысяцкаго, но в истому, что этотъ договоръ предполагаетъ существованіе другого, заключеннаго, когда примиреніе в. к. Дмитрія съ Дмитриемъ судальскимъ передало стокъ новгородскій въ его руки, т. е. къ 1365-6 г. Миръ 1367 г. только восстановилъ «розрешенный миръ» великаго князя съ Новгородомъ (назъ за ушкунничьяго кабыга 1366 г.). Князь Владимиръ прѣзжалъ въ Новгородъ въ 1368 г. (тамъ же, стр. 361), но вѣстия о вѣнскомъ набѣгѣ на Изборскъ, во, вѣдима, загодаль. За столкновеіе съ Тверью новгородцы расплачивались безъ великокняжеской помощи въ 1372 г.: князь Владимиръ прѣзжалъ въ Новгородъ только въ 1373 г. «и сѣдъ въ Новгородѣ до Петрова дни и поика прочъ»; это записъ сухая и краткая, но слово звучитъ укоромъ. Подъ впечатлѣніемъ испытаній 1372 г. новгородцы относились горючо къ походу в. к. Дмитрія на Тверь въ 1375 году; они, «наводъ чести своего князя, вѣнокоръ, въ три дни поикаше подъ Тверь» (тамъ же, стр. 363). Напряженіе отношеній къ Твери въ началѣ 1370-хъ годовъ скорее всего объясняется заключеніе упомянутаго договора.

того ради поведе въ Литву¹⁾. Московская попытка отнять Тверь у в. к. Михаила и восстановить тверское великое княжество Василия Михайловича кашинского не удалась, Тверь отбоясь от нападения московской и кашинской рати, а осенью вернулся из Литвы Михаил Александрович съ литовской помощью и добился мира съ в. к. Дмитрием и дадеи своего Василиемъ. Но великокняжеское правительство ему не довѣрило и сдѣлало попытку захватить его въ свои руки, «завазя любоню къ себѣ на Москву»²⁾, а, когда захватить не удалось, двинуло на Тверь войска, передъ которыми Михаилу пришлось снова бѣжать въ Литву. Ольгердъ поднялся на защиту шурна съ большимъ литовскимъ войскомъ, полками тверскими и смоленскими, быстрымъ походомъ захватилъ в. к. Дмитрія врасплохъ, разбилъ сторожевой его полкъ, и повалился подъ Московой ратьше, чѣмъ успѣла собраться ратная сила великаго княжества. Московские князья выдержали осаду, но пришлось в. к. Дмитрию пойти на уступки Михаилу тверскому³⁾. «Поспѣгане» на Тверь вело къ борьбѣ съ Литвой, а в. к. Дмитрій рѣшился на наступательныя дѣйствія. Его войска возвали смоленскія волости, ходили подъ Брянскъ. Великокняжеское правительство убѣдилось, что походъ Ольгерда подъ Москву въ 1368 г. былъ только устрашающимъ набѣгомъ, что занятый на югѣ и западѣ литовскій великій князь не сосредоточитъ на восточныхъ предѣлахъ силы, достаточной для рѣшительной борьбы съ Московой, и снова сдѣлало попытку смарать тверского князя. Недалекій уступчивый миръ съ Тверью расторгнутъ⁴⁾, на Тверскую землю двинулись великокняжескія войска, в. к. Михаилъ снова ушелъ въ Литву. Въ сентябрѣ 1370 года в. к. Дмитрій самъ двинулся на Тверь «со многю силою», князь Зубцовъ и Макузинъ, вѣтчинный городъ тверского великаго князя, и «смирнѣ тверичи до зѣла»⁵⁾.

Въ Вильнѣ, надо полагать, сложился широкій планъ рѣшительной борьбы съ Московой, осуществленію котораго в. к. Михаилъ Александровичъ посвящаетъ всѣ свои силы въ ближайшіе годы. Сила Золотой Орды стала, въ эту пору, выходить изъ состоянія анархіи подъ властной рукой Мамаю. Михаилъ отправился изъ Литвы къ Мамаю, получить въ Ордѣ ярлыкъ на

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 8.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 10.—В. к. Ольгердъ такъ писалъ объ этомъ эпизодѣ патрарку: «и шурна много князя Михаила клятвенно завазя къ себѣ, и митрополитъ смарѣ съ него страхъ, чтобы ему притти и уйти по своей волѣ, но его снзвѣде»—Р. И. В., т. VII, приложение, № 24.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 15—16; т. XI, стр. 10—12. Разгромъ сторожевого полка произошелъ 21 ноября 1368 г.

⁴⁾ Объясненіе войны состоялось «по Осножнѣ днѣ на третій дѣнь», т. е. 24 июля 1370 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17; т. X, стр. 18. Вѣрная хронологія—къ Воскресенской лѣтописи: ср. выше, стр. 296, примѣчаніе.

Владимирское великое княжение и съ ханскихъ пословъ поѣхалъ на Русь. Однако, в. к. Дмитрій поставилъ заставы на всѣхъ путяхъ, и только предупредженіе, полученное Михаиломъ отъ добротова изъ Руси избавило его отъ поѣздки ¹⁾. Пришлось снова уходить въ Литву, гдѣ Ольгердъ собрался къ походу противъ Дмитрія. Неудача Михаила не остановила этого похода; Ольгердъ вновь дошелъ до Москвы, но сборъ великорусской рати съ Владиміромъ Андреевичемъ по главѣ и рязанской помощью свезъ дѣло къ заключенію перемирія и переговоровъ о «вѣчномъ мирѣ»; перемиріе съ в. к. Дмитріемъ заключилъ и Михаилъ тверской. Эта новая неудача не сломила его эвергіи. Онъ снова ѣдетъ въ Орду, чтобы повторить попытку занять съ помощью ханскаго ярлыка и ханскаго посла великое княженіе.

На этотъ разъ онъ вернулся въ Тверь съ ярлыкомъ и посломъ Сары-ходжей и отсюда пытался занять столицу Владиміръ, но в. к. Дмитрій принялъ свои мѣры—приневъ бояръ и черныхъ людей ко крестному цѣлованію на томъ, что они не передадутся на сторону Михаила и не пустятъ его на Владимірское великое княженіе, а ханскаго посла перекупили богатыми дарами на свою сторону. Михаилъ оказался изопропавшимъ. Литовскій великій князь возобновилъ и продолжилъ перемиріе съ Москвою, велъ переговоры о «вѣчномъ мирѣ» и союзѣ съособства съ московскимъ княземъ домомъ. Поѣздка в. к. Дмитрія въ Орду вернула ему ярлыкъ на великое княженіе; Михаилу оказано въ дальнѣйшей татарской поддержкѣ. Однако, крайняя трудность положенія словно удвоила усилія Михаила. Онъ, видимо, пытается фактически овладѣть великимъ княженіемъ въ томъ разсчетѣ, что успѣлъ сломить колебанія Ольгерда и возстановить изъ союза противъ Москвы. Михаилъ успѣлъ занять нѣсколько городовъ великаго княжества—Кострому, Угличъ, Мологу, Бѣжецкій Верхъ—и посадить тамъ своихъ на-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 18: „приде бо ему вѣсть съ Москвы, сказующе ему такова“. Никоновская лѣтопись представляеть дело такъ, что Михаилъ отправился въ Орду только послѣ похода в. к. Дмитрія на Тверь (выступилъ 3 сентября 1379); но если Ольгердъ 25 ноября былъ уже въ московскія предѣлахъ, то ясно, что всѣ переносы поѣздки въ Орду, прибытія на Русь и похода блгоизъ въ Литву в. к. Михаила не могли свершиться въ такой короткій срокъ. Онъ прибылъ въ Литву послѣ злѣтнаго похода на Тверь великокняжескихъ войскъ, а во время похода изъ самого Дмитрія—въ сентябрѣ 1379 г. былъ, вѣроятно, въ Ордѣ, или ѣхалъ оттуда на Русь. Поэтому и самый походъ на Тверь в. к. Дмитрія можно считать, какъ мѣру противъ посяженія Михаила на Русь; „и много гониме по намъ и по обрѣтоша его“.

²⁾ Ольгердъ заключилъ съ Дмитріемъ перемиріе до Петрава днѣ (29 Іюля); затѣмъ послѣдовали переговоры, о которыхъ читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 15): „придоша послы отъ в. к. литовскаго о миру и о любви, а за князя Володимира Андреевича обручаша Ольгердову дщери, именемъ Елизу“; самый важный этапъ переговоровъ остался прокламаторымъ договоромъ, заключеннымъ въ юнѣ 1371 г. (С. Г. Г. и Д. т. I, № 31); перемиріе было продолжено до 26 октября (ср. выше, стр. 236).

вѣстенкова, добился, хоть и условнаго, признанія въ Великомъ Новгородѣ¹⁾.

Всѣ эти успѣхи не дали прочнаго результата. В. к. Дмитрій подготовилъ пока въ Ордѣ тяжкій ударъ сопернику. Востойчиво укрѣпили свое положеніе на Русь, Михаилъ посылъ въ Орду для поддержки тамъ своихъ интересовъ сына Ивана. Но з. к. Дмитрій использовалъ большую задолженность тверского князя по обязательствамъ и посуламъ въ Ордѣ, чтобы «сокупить въ доугу княжича Ивана и добыться его выдани въ свои руки. Онъ вернулся на Русь съ большими торжествами, «съ многою честью» и съ пожалованіемъ оупы на великое княженіе, а шлѣвима своего держалъ заложникомъ. Русские противники были ему не страшны безъ татарской и литовской помощи. Разрывать съ Рязанью былъ быстро ликвидированъ—поряженіемъ рязанцевъ у Скорнящева, бѣгствомъ князя Олега и водвореніемъ на Рязанскомъ княженіи Владиміра пронскаго; правда, в. к. Олегъ вернулъ себѣ княженіе искорѣ по ухотѣ великокняжескаго войска съ Рязани, но

¹⁾ Къ этому времени надо отнести договоръ в. к. Михаила Александровича съ Новгородомъ, надъ к. С. Г. П. и Л., т. I. № 8. Условное признаніе его великокняжеской власти выражено въ оговорѣ: «а вынесутъ тобѣ изъ Орды княженіе великое, дакъ еси князь великій, или какъ не вынесутъ тобѣ княженіа великого изъ Орды, почти твоеми вѣмѣстникамъ изъ Новгорода прощъ и изъ новгородскѣхъ пригородовъ, и въ томъ Новгороду зимѣмъ зѣту». См. А. А. Шахматовъ, «Исследование о князѣ новгородскѣхъ грамотъ XIII и XIV вѣка», стр. 233—234. Труднѣе пріурочить грамоту (того же заглавіа № 16), гдѣ в. к. Михаилъ признаетъ восстановление рублина между новгородскими и тверскими властями, «по старому рублеву», возраръ сель, купленныхъ его боярами и слугами въ Новгородской землѣ во время его княженія («въ мое княженіа») — безденежно, а купленныхъ при прежнихъ князьяхъ — за выкупъ, а съ своей стороны требуетъ «исправы» о своихъ «защельцахъ» (?) въ Торжѣ, суда о пограбленномъ у его людей, и отпуска безъ выкупа его людей, «поставившихъ» новгородцами; въ концѣ обычнаго условія — о правѣ гостей «ходить» безъ рублина и выдѣлъ «по исправѣ» холоповъ, должниковъ и поручиковъ. Специальное содержаніе этой дополнителной грамоты позволяетъ видѣть въ ней не самостоятельный договоръ, а договорную запись, дополняющую или видоизмѣняющую статью другой, основной грамоты. Можно бы предположить такое отношеніе ея и къ № 8 (развитіе и измѣненіе статей о возрарѣ сель и княжескио дополнителныхъ условій). Но трудно пріурочить къ опредѣленному времени до 1371 г. (А. А. Шахматовъ датируетъ эту грамоту 1368—1371 г. — указ соч., стр. 235) или къ 1371 г. для черты этой грамотки: 1) покупка сель боярами и слугами во время княженія в. к. Михаила требуетъ ѣмоторой продолжительности этого княженія; А. А. Шахматовъ и предположилъ, что замѣстники Михаила сидѣли въ Новгородѣ и рабѣ 1371 года, но это яв изъ чего не видно, да и едва ли возможно, ввиду устойчивой тенденціа Новгорода принимать только великокняжескихъ замѣстниковъ; и 2) упоминаніе о пограбленномъ имуществомъ людей Михаила и поставившихъ его людей — не послѣдуетъ вѣжакими вѣвѣстными намъ фактами до 1372 года, когда новгородцы составя съ Торжана Михайловичъ вѣмѣстниковъ (Новг. I, стр. 362; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 20; т. XI, стр. 18). Поэтому предпочтительна болѣе поздняя датировка грамоты — 1372, послѣ разгрома Торжка в. к. Михаиломъ.

устрашился от дальнейшей борьбы против Москвы. Съ Михаиломъ было труднѣе; онъ снова ищетъ литовскую поддержку, наводитъ литовскаго князя на Переяславъ, Дмитровъ и Кашинъ, привезъ въ свою волю кашинскаго князя Василія, который было опять перекинулся на московскую сторону. Потерявъ онъ и Новгородъ, который не сталъ держать его наместниковъ, разъ князь потерялъ крышку на великое княжение. Михаилъ съ тою же литовскою ратью овладѣлъ за то Торжокъ, но его наместники сошлись съ Торжма новгородцами. Михаилъ отвѣтилъ походомъ на Торжокъ и полнымъ разгромомъ этого города. Сильная литовская поддержка Михаилу могла бы поставить в. к. Дмитрія въ крайне опасное положеніе. Она, казалось, и появилась на Русь, когда прибылъ «со многымъ саюзомъ» в. к. Ольгерда. Но неудачный для него бой подъ Любутскимъ въ іюнь 1372 года¹⁾ привелъ къ отказу Ольгерда отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и новому его миру съ Москвою²⁾. Великому князю Дмитрію удалось окончательно отдѣлать южнѣйшія дѣла Великороссіи — отношенія къ Орду и Литвѣ — отъ борьбы съ тверскимъ княземъ. Впрочемъ, татарскія отношенія этой поры были самымъ напряжены и запутаны, чтобы соглашеніе оказалось устойчивымъ. Главное значеніе событій 1372 года въ ликвидациі литовской войны и ливеніи Михаила тверского литовской поддержкѣ.

Сама и вниманіе великорусской великокняжеской власти сосредоточены въ ближайшіе годы на татарскихъ дѣлахъ. Почти непрерывная тревога держитъ въ жуткомъ напряженіи Нижегородскую и Рязанскую уграины

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VIII, стр. 17—20; т. XI, стр. 15—16; т. XVIII, стр. 110—113. Въ Воскресенской и Симеоновской запискѣ Торжка и Любутскій бой подъ 6881 (1373) г.; въ Никоновской, какъ и въ Новгородской I (стр. 362) подъ 6880 (1372) г. Предпочтѣнъ надъ послѣднюю дату, какъ по общему ходу событій, такъ и потому, что самое имененіе Воскресенской (и Симеоновской), суммирующее событія, не могло не быть хронологич. въ пользу бояе позднѣе моментовъ. — Послѣ записки Торжка в. к. Михаилъ привелъ новгородцевъ къ докончанію, съдѣл котораго, съ новгородской стороны, въ приказъ послать³⁾ (опредѣленіе С. М. Соловьева) — С. Г. Г. и Д., т. I, № 13, а со стороны в. к. Михаила въ грамотѣ С. Г. Г. и Д., т. I, № 16. Состоится ли окончательный договоръ — не знаемъ: въ грамотѣ № 16, если принять такую ея датировку, видно, что Михаилъ, князь силу надъ новгородцами, еще держится за великокняжескую власть надъ Новгородомъ. И его наместники слова поворачиваютъ въ Новгородъ, Торжокъ и въ волости новгородскихъ.

²⁾ Показано, что только въ этотъ моментъ, въ 1372 г. состоялся миръ Ольгерда съ в. к. Дмитріемъ и, затѣмъ, бракъ князя Владимира Андреевича съ Клеюю Ольгердовной («во ту же зиму» 1372—1373 г.); въ 1374 г. князь Владимиръ отстраняетъ свое удаленное гнѣздо — Серпуховъ (см. выше, стр. 176—177); соответствено этому проше дату его брака (на стр. 176)—1371 исправить на 1372—1373 годъ. Если хитросплетеніе помѣщать възвѣстіе объ этомъ бракѣ подъ 1371 г., то подъ вѣдѣніемъ записки о литовскихъ пославахъ этого года, что они «обручаша» литовскую князю князю Владимиру, означавшемъ, повидному, лишь предварительное соглашеніе о бракосочетаніи.

Великороссии, которым не из силъ выдержать оборону без поддержки великорусскаго цюкря. Великокняжеское правительство выдвигается по временамъ войска на ливю Оди и за Оку, «стерегася рати татарскя», посылаетъ ратную помощь Нижнему Новгороду; постепенно надрываетъ рѣшительное столкновение его съ татарскямъ миромъ, разрѣшавшееся боемъ на Куликовомъ полѣ.

Михаилъ тверской, потерявъ главную опору въ союзѣ съ Литвой, вынужденъ, на время, замкнуться въ своихъ тверскихъ предѣлахъ. Онъ усиливаетъ укрѣпленія Твери, ирится съ в. к. Дмитриемъ; выкупаетъ сына нзъ московскаго плѣна, отымаетъ наѣственниковъ съ городовъ великаго княжества, гдѣ они еще держались, и вступаетъ съ великимъ княземъ въ мирное дозвочаніе¹⁾. Но это дозвочаніе, условій котораго не знаемъ, оказалось только перемиріемъ. В. к. Михаилъ пытается еще разъ использовать трудное положеніе великокняжеской власти, чтобы нанести в. к. Дмитрію новый ударъ. Теперь его надежда на вражду, все нарастающую, между Москвой и Мамасовою Ордой. Въ июлѣ 1375 г. московскій отъѣчникъ Некомать снова вывезъ в. к. Михаилу нѣтъ Орды вранкъ на Владимірское великое княженіе и ханскаго посла — въ поддержку ханскаго помазанія. Михаилъ тотчасъ «сложилъ крестное плѣваніе» къ в. к. Дмитрію, посылъ своихъ наѣственниковъ въ Торжокъ, свою рать въ Угличъ. Но этимъ онъ навлекъ на себя конечную бѣду. В. к. Дмитрій поднялъ на Тверь всю Великороссію, всѣхъ князей низовой земли, новгородскіе полки, даже камшское ополченіе. А расчетъ Михаила на татарскую и литовскую помощь оказался ошибочнымъ²⁾. Пришлось ему искать мира и согласиться на договорное дозвочаніе, которыми закрѣплено полное крушеніе его многолѣтней борьбы. Въ договорѣ этомъ Михаилъ Александровичъ призналъ себя великому князю Дмитрію «братомъ молодшимъ», равнымъ князю Владиміру Андреевичу, подчинился

¹⁾ Къ этому моменту С. М. Соловьевъ отнесъ послѣдній договорную гранату между в. к. Михаиломъ и Великимъ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I, № 17. («Ист. Россія», кн. I, ст. 989; тожа у А. А. Шахматова, указ. соз., стр. 235 и 270). Эта граната показывалъ, что послѣ разгрома Торжка Новгороду пришлось иривать, въ извѣстныхъ условіяхъ, власть Михаила: его наѣстники на Торжокъ и др. новгородскія волости. Условій его «дозвочанія» съ в. к. Дмитріемъ не сохранилось.

²⁾ По свидѣтельству лѣтописныхъ сводовъ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XVIII, стр. 115—116; т. XV, ст. 435) къ этому походѣ кромѣ силъ «низовой» земли и новгородцевъ участвовали князья смоленскій, волосыпскій, обоянскій. Этотъ чертень то болѣе, то менѣе полный, связалъ въ Никоновской лѣтописи съ рассказомъ о томъ, что послѣдовавшее въ томъ же году нападеніи Мангуйтъ татаръ на Нижний Новгородъ и Олугерда на Смоленскъ были карой за участіе нижегородскихъ князей и смоленскаго князя въ походѣ на Тверь. Бытъ можетъ, эти нападенія — не столько кара, сколько запозданная деверсія для поддержки Михаила? П. С. Р. Л., т. XI, стр. 24.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 28.

требованиями подчиненного одиначества съ великимъ княземъ, отказавъ отъ всякихъ притязаній на великое княженіе и на Новгородъ Великій в себя и за всѣхъ тверскихъ князей, признавъ независимость Кашкина, подчинивъ великокняжеской политикѣ свои татарскія и литовскія отношенія словомъ условія этого договора только тѣмъ отнечать положеніе тверскаго великаго князя въ составѣ великорусскаго великаго княжества отъ положенія московскаго удѣльнаго князя, что спорныя дѣла между двумя великими князьями идутъ, если имъ болре не придуть къ соглашенію и съѣздѣ, также какъ и разиогласія въ «общемъ судѣ» по дѣламъ междутверчанами и великокняжескими людьми, на третейское разрѣшеніе разаскаго великаго князя Олега. Рядомъ съ в. к. Дмитріемъ введена въ этотъ договоръ съ Тверью и его вотчина Великій Новгородъ, и новгородско-тверскія отношенія регулируются въ этомъ же договорѣ, а не особой грамотой. Тверскимъ владѣніямъ Михаила Александровича противопоставлены территория великокняжеской вотчины Москвы, всего великаго княженія и Новгорода Великаго. Въ этомъ своеобразномъ двойственности политическаго структуры договора. Тверской великій князь еще недавно, въ договорѣ в. к. Дмитрія съ литовскими послани 1871 года, писалъ «въ князи» великаго князя Ольгерда, а теперь вынужденъ сложить къ Ольгерду свое крестное цѣлованіе и признать свою органическую принадлежность къ великорусскому великому княжеству, въ составѣ котораго занимаетъ онъ положеніе, близкое къ положенію серпуховскаго удѣльнаго князя, равнаго ему въ княжествѣ братствѣ и подчиненія великокняжескому старѣйшинству. Неполной, реальной остается еще политическая обособленность Тверскаго великаго княжества, «государства тверскаго», какъ будутъ говорить позднее. Договоръ 1376 года скорѣе только подготовилъ и намѣчалъ, какъ задачу будущаго, прочное восстановление союза Тверскаго великаго княжества съ великорусскимъ великимъ княженіемъ, какъ части съ цѣлымъ, тѣмъ его осуществлялъ. Но принципиальная постановка требованія такой связи была крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ территориально-политическаго самоопредѣленія Великокороссія, постепенно опредѣлявшей свой національно-политическій составъ¹⁾.

IV.

Въ такую же минуту напряженной вѣднейшей и внутренней борьбы великорусская великокняжеская власть нашла въ интрополитѣ Алексѣѣ энергич-

¹⁾ Существенную черту этого договора составляетъ также включеніе Смоленскаго княжества въ сферу русскихъ земель, защита которыхъ—задача одиначества войскъ союза великорусскаго великаго княжества: „а пойдутъ на часть Литвы или на смоленскаго на князя на великаго, или на него на наше братья на князей, или на ихъ берогнети, а тобѣ съ нами, возмѣ съ одного“.

шаго и даровитого руководителя. Алексѣй явился на митрополитской кафедрѣ прямымъ продолжателемъ дѣятельности св. Петра и Феофота, углубляя связь церковно-политической работы митрополита съ великокняжеской политикой московскихъ князей. Эта связь получила при немъ особенно яркую окраску, благодаря особенностямъ его положенія, которое грекъ такъ изображалъ (очевидно, по сообщенію московскихъ пословъ): в. к. Иванъ Ивановичъ «передъ своею смертью не только оставилъ на попеченіе этому митрополиту своего сына, вымышленнаго великаго князя всен Руси Дмитрія, но и поручилъ ему управленіе и охрану всего княжества, не доверилъ никому другому, ввиду множества враговъ внѣшнихъ, готовыхъ къ нападенію со всѣхъ сторонъ, и внутреннихъ, которые завидовали его власти и искали удобнаго времени захватить ее.»¹⁾ Традиція владимирскаго митрополитаго двора, сложившаяся еще во времена митр. Максима, окрѣпла и опредѣлилась въ духѣ московской политики, когда на митрополию вступили автономно московскаго княжескаго двора и его боярской среды и воспитанникъ митр. Феофота. Личный отпечатокъ, наложенный на дѣятельность митр. Алексѣя его «стараніями сохранить (внѣшнихъ ему) дитя и удержать за нимъ страху и власть»²⁾, придавъ лишь больше цѣльности осуществленію ея принципиальной основы—борьбы за «приведеніе къ единству власти мірскаго»³⁾ въ связи съ защитой единства русской митрополіи. А такая связь задаетъ сѣтской власти съ церковно-политическими задачами митрополіи расширала, въ значительной мѣрѣ, кругозоръ великокняжескаго правительства и содѣйствовала осмысленію ея политики особой идеологіей. Митр. Алексѣю пришлось въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ XIV вѣка вести параллельно съ дѣлами, разыгрывавшимися на Руси, принципиальную борьбу съ литовскими врагами на византийской почвѣ. Въ 1370 и 1371 гг. между Русью и Константинополемъ шла оживленная переписка, въ которой митр. Алексѣй проводилъ весьма настойчиво опредѣленную тенденцію, исторически потому существующую, что за ней была значительная будущность къ исторіи московскихъ политическихъ теорій и воззрѣній.

Тенденція эта родилась въ полемикѣ, самозащитѣ и нападеніи. Двойственный характеръ дѣятельности митр. Алексѣя—политическаго дѣятеля и церковнаго іерарха—не могла не вызывать многихъ нареканій, тѣмъ болѣе, что іерархическая власть служила въ его рукахъ интересамъ сѣтской политики, какъ, напримѣръ, въ недавнемъ константинопольскомъ дѣлѣ. По смерти литовскаго митрополита Романа (въ концѣ 1361 г.) митр. Алексѣй

¹⁾ Р. И. В., т. VI, приложение, № 30.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, № 23. Византийскія предположенія о русскихъ дѣлахъ и о значеніи русской митрополіи въ политической жизни Руси, какъ онъ выраженъ въ грамотѣ 1380-хъ годовъ (митр. Илья и Автопій), сложившихъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ дѣятельности митр. Алексѣя.

достигъ возсодвиженія митрополія Кіевской и всея Руси ¹⁾. Политическій вѣсъ его церковнаго авторитета получилъ сугубое значеніе не только для внутренихъ дѣлъ сѣверной Руси, но и для ея западно-русскихъ отношеній. И митрополитъ Алексій сумѣлъ не только преодолѣть первоначальное недо- вѣріе патріархіи, какому сопровождалось его поставленіе на митрополію, но и приобрести значительное вліяніе на нее. Онъ внушилъ патріарху Филоею увѣренность, что высокое и властное положеніе русскаго митрополита отъ- чаетъ интересамъ патріархіи; патріархъ оказываетъ рѣшительную поддержку этому положенію, лишь настанвавъ на томъ, что въ немъ—отраженіе священ- наго авторитета вселенскаго патріарха: «митрополитъ, мною поставленный, ишетъ патріархъ великому князю Дмитрію, носитъ образъ Божій и нахо- дится у васъ вѣсто мейя, такъ что вслѣдъ, повинующійся ему и желавщій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей вѣр- ности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а черезъ меня прямо къ самому Богу». Поэтому за дѣйствіями митрополита опора во всемъ авторитетѣ патріаршей власти: «кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хороше—за благочестіе и за послушаніе—, того и я живъю благовоен- нымъ и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также» ²⁾. Такая готовность патріарха поддержать дѣй- ствія митрополита всею силой своего авторитета получала совѣтъ исклю- чительное значеніе въ связи съ тѣмъ, что митрополитичье благословеніе и запрещеніе стали на Руси незамолвимымъ орудіемъ политической борьбы. Въ грамотѣ къ Алексію патріархъ, выражая ему «любовь особенную и довѣренность отъѣдную», поощряетъ его обращеніе къ патріархіи не только о первоныхъ потребностяхъ, но и по государственныхъ дѣламъ, такъ какъ, по мыслямъ патріарха, «великій и многочисленный народъ», который вѣруетъ Алексію «община отцовъ, учителямъ и посредникомъ передъ Богомъ» и «весь зависятъ» отъ него, требуетъ «великаго попеченія». До насъ не дошли грамоты, съ какими обращались къ патріарху и к. Дмитрій и митр. Алексій по государственнымъ дѣламъ ³⁾, но содержаніе этого обращенія

¹⁾ Грамота патр. Филоею, которая подтверждаетъ постановленіе, «чрѣмъ лютва- ская земля ии подѣ какими видомъ не отпагалеся и не отдагалеся отъ власти и духовнаго управленія митрополита кіевскаго» (Р. И. Б., тамъ же, № 15; должна быть отнесена къ 1371 году и отражаетъ колебанія патр. Филоею, возникшія въ ту пору подѣ давленіемъ престоновъ Ольгерда и Калкитира Великаго), сообщаетъ, что такъ было постановлено соборнымъ дѣланіемъ патр. Калкития, очевидно, во второе его патріаршество, т. е. въ 1363 или 1363 году (до августа этого года).

²⁾ Р. И. Б., тамъ же, № 16.

³⁾ Тамъ же, № 17. Патр. Филоею ишетъ въ отвѣтъ на грамоту, которую при- везъ ему митрополитчій челявѣцъ, Алвакумъ, и посылаетъ свои грамоты на Русь «по даванию и по просьбѣ» в. к. Дмитрія.

указано въ патриаршей грамотѣ: митрополитъ и великій князь писали ему о русскѣхъ князьяхъ, нарушавшихъ свои клятвы и мирныя условія.

Недавно закончилась борьба митр. Алексѣя и в. к. Дмитрія за великое княжение Владимірское и всей Руси, закончилась приведеніемъ «въ свое волю» великаго князя—князей суздальскаго, ростовскаго, стародубскаго, галицкаго, бѣлгородскаго. Щади борьба съ Ольгердомъ, къ которому принадлежалъ Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ и тверской Мстиславъ Александровичъ; приходилось признавать князя смоленскаго «однимъ чезовѣкомъ» съ в. к. Ольгердомъ, а тверскаго князя писать «въ имени» великаго князя литовскаго¹⁾. Называлось новое столкновение съ Рязанью.

Великокняжеское правительство, руководимое митр. Алексѣемъ, стремилось наполнять реальныя политическія содержаніемъ традиціонное старѣйшинство великихъ князей «всей Руси»—привести къ единству власть мірскую». Мѣстныя княжескія власти и, по крайней мѣрѣ, часть русскаго общества воспринимали эту тенденцію, какъ «восстаніе» на обычную старину и пошлину, но возможна была ея защита, какъ укрѣпленія подлиннаго единства русскѣхъ князей «въ любви и докончаніи» подъ главенствомъ великаго князя всей Руси. Очевидно, что въ писаніяхъ къ патриарху великій князь и митрополитъ выступали защитниками союза князей въ подчиненіи великокняжеской власти и въ братскомъ единствѣ, которое закрѣплено договорными докончаніями и взаимными крестоположеніемъ, отъ непокорныхъ нарушителей. Патриархъ отказался, кромѣ отбитыхъ грамотъ великому князю и митрополиту, двумя другими грамотами, которыя обращены ко всемъ русскѣмъ князьямъ, такъ сказать—циркулярно. Одна изъ нихъ призвала князей Русской земли въ общія выраженія къ оказанію подобающаго уваженія, почтенія, послушанія и благопокоренія митрополиту, какъ представителю патриаршей пастырской власти, замѣстителю самого патриарха, «отцу и учителю душъ». Другая же дѣлаетъ изъ всѣхъ этихъ предисловій практическій выводъ и даетъ имъ позитивное приженіе. Патриархъ усвоилъ точку зрѣнія великокняжескаго правительства на обязательное княжеское единчество всѣхъ князей Русской земли, скрѣпленное договоромъ, «страшными клятвами и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго креста», однако—въ той спеціальной окраскѣ и въ томъ спеціальному приженіемъ, какое, очевидно, было ему подсказано московскими освященіемъ русскѣхъ дѣлъ и отношеній. Содержаніе и дѣла союза всѣхъ русскѣхъ князей подъ главенствомъ великаго князя всей Руси въ дружной борьбѣ противъ «враговъ креста», чуждыхъ нашей вѣрѣ и «безбожно поклонниковъ огню», т. е. Литвы. Война в. к. Дмитрія съ Ольгердомъ представлена въ патриаршей грамотѣ самоотверженной борьбой за христіанскаго Бога, исполненіемъ обязанности «возвать за Него и поражать враговъ Его».

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. I, № 31.

Но среди русских князей нашлась также «презритель и нарушитель заповѣдей Божиихъ и своихъ князь и обѣщаній», которые соединялись съ «нечестивымъ» Ольгердомъ противъ великаго князя Дмитрія. За это, сообщаетъ патриаршая грамота, митрополитъ наложилъ на нихъ отлученіе отъ церкви, и патриархъ не только подтверждаетъ это отлученіе, «такъ какъ они дѣйствовали противъ христіанскаго сщещіянства», но требуетъ, чтобы отлученные князья заслужили прощеніе митрополита и примиреніе съ Церковью общими ополченіемъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, на «врагѣхъ креста» — великаго князя Ольгерда и литовцевъ ¹⁾. По этой общей грамотѣ составлена и особая — смоленскому князю Святославу Ивановичу, которая внушаетъ ему, что его союзъ съ Ольгердомъ противъ в. к. Дмитрія есть «тяжкій грѣхъ противъ своей вѣры и своего христіанства», и призываетъ его къ искреннему поканію и исправленію передъ митрополитомъ ²⁾.

Византийская школа усвоена митр. Алексѣемъ и использована имъ. Идея «спасенной христіанской политикѣ», противъ которой, по словамъ патриаршей грамоты, князья союзники Ольгерда такъ тяжело согрѣшили, что заслужили отлученіе, использована для освященія московской политикѣ: православная Русь — часть этого политическаго тѣла Церкви, а всѣ великаго князя всѣ Русь и русскаго митрополита — органы его устройства и защиты.

Что источникъ всего идейнаго содержанія грамоты патр. Филоея, послышко оо тутъ приписано къ русскимъ дѣламъ, въ грамотахъ и внушеніяхъ митр. Алексѣя, асо изъ того перелома въ отношеніи патриарха къ русскому митрополиту, какой произошелъ въ ближайшее послѣдующее время.

Выступленіе патр. Филоея противъ князей, союзниковъ Ольгерда, вызвало рѣзкую отвѣдь литовскаго великаго князя ³⁾. Обвиненія, какія выдвинулъ противъ него митр. Алексѣй, Ольгердъ противопоставляетъ обвиненію великорусскаго великокняжескаго правительства въ нарушеніи мира, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ, предательскомъ захватѣ его шуринѣ тверскаго великаго князя Михаила, отягченіи владѣній у его зятя Бориса никогородскаго, нападеніи на другаго его зятя, новосильскаго князя; Ольгердъ обвиняетъ митрополита въ томъ, что тотъ «благословляетъ москвитинъ на пролитіе крови», а слугъ литовскаго великаго князя, которые нарушили крестное цѣлованіе и перешли на московскую сторону, какъ князья королевскій и византійскій, освобождаетъ отъ дѣлюй и нарушеній князья; упрекаетъ Ольгерда и патриарха за то, что дѣлаютъ это Алексѣй съ патриаршаго благословенія. Общей тенденціи патриаршихъ грамотъ

¹⁾ Р. И. В., тамъ же, №№ 18 и 20. Обѣ грамоты въ подлинникѣ скрѣплены собственноручною печатью патр. Филоея: «Мѣсяца юня, недѣля 8».

²⁾ Тамъ же, № 21.

³⁾ Тамъ же, № 24.

грамота Ольгерда противопоставляет утверждение, что митрополиту слѣдовало бы благословить москвитян на помощь Литвѣ въ войнѣ съ татарами. А заключиваетъ жалобой, что западная Русь заброшена митрополитомъ, и требуетъ отъ патріарха возставленія для нея другого митрополита «на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ»¹⁾.

Еще существовавшимъ для патріархіи были протесты противъ сохранения исконнаго единства русской митрополіи съ другой стороны. Польскій король Казиміръ обратился, въ ту же пору, къ патріарху съ требованіемъ поставить особаго митрополита на Галицкую митрополію, такъ какъ «Малая Россія», состоящая подъ властью польскаго короля, «гибнетъ иныѣ безъ закона», и добавилъ угрозу, что откажъ заставить его «крестить русскаго въ латинскую вѣру»²⁾.

Прибыло въ Константинополь и посольство отъ тверскаго великаго князя Михаила съ жалобами на митр. Алексія и требованіемъ суда надъ нимъ. Митрополитичье отлученіе поразило и в. к. Михаила и его братья, тверскихъ князей, и епископа тверскаго Василія³⁾. Политическая борьба на

¹⁾ Датировка этой грамоты у П. П. Соколова („Русскія архіереи изъ Византии“, стр. 401) „между іюнемъ и декабремъ 1370 года“ основана на ошибочномъ предположеніи, что въ декабрь 1370 г. была заключена „вѣчный миръ“ между Литвою и Москвою, но, по существу, приемлемо, такъ какъ именно она споритъ въ отрывѣ за сохранившееся до насъ патріаршее посланіе къ Ольгерду (удовѣреніе о немъ—Р. Н. Б., тамъ же, ст. 145—146), одновременно съ другими (польскими) грамотами этого года. Дать „Памятникъ каноническаго права“—1371 г., основанная на положеніи документа въ сборникѣ патріаршихъ грамотъ, изданномъ Миссионеромъ и Миссионеромъ, послѣ акта отъ мая 1371 г., можетъ указывать на время полученія въ Константинополь грамоты, которая, вѣроятно, и послана была по возвращеніи Ольгерда изъ русскаго похода. Патріаршая грамота могла только послѣдовать въ отрывѣ русско-литовской войны. Отрывъ Ольгерда не даромъ порицаетъ П. П. Соколова „своею необдуманностью“: фантастично очерченъ разрывъ будущей митрополіи („оферація Литвы“), причемъ несколько странно отсутствіе притязанія на Новгородъ и Псковъ; крайне грубымъ тономъ пренебрегаетъ къ тексту характеръ не дипломатической ноты, а темпераментальной выходки.

²⁾ Р. Н. Б., тамъ же, № 22; Казиміръ Великій умеръ къ концу 1370 года.

³⁾ Р. Н. Б., тамъ же, № 26, 27, 28. В. к. Михаилъ и тверскіе князья просили патріарха святаго о какъ велемъ митрополитомъ вѣстать, но патріархъ не захотѣлъ возможнымъ исполнить это, а потребовалъ отъ митр. Алексія святаго отлученія, пока не свершится патріаршій судъ (въ греческомъ текстѣ слово „и хъ“—тѣхъ, кого надлежало Алексіемъ разрешить, относится не къ князьямъ тверскаго князя которые пойдутъ отъ послани митрополита на судъ патріарха, а къ князьямъ, чьи „люди и хъ“ составятъ это посольство отъ Твери; русскій переводъ далъ тексту иной смыслъ—тамъ же, ст. 151—152). О времени этого отлученія см. у П. П. Соколова, указ. соч., стр. 406; тутъ же прижитивіе, гдѣ запрещеніе, наложенное на св. Василія, поставлено въ связь съ спорованіемъ между князъ и княземъ Василіемъ.

Руск чрезвычайно подчинил себя церковным отношениям; митр. Алексій отодвинул вѣрность Церкви съ вѣрностью крестоцѣловальному признаку власти в. к. Дмитрія.

Передъ патриархомъ раскрылась такая связь и западно-русской и великорусской политики Москвы съ церковными отношениями русской митрополита, которая и его сдѣлала оружіемъ этой политики. А подобная роль грозна компрометировать патриаршій авторитетъ не только въ Литовско-русскомъ государствѣ, но во всей сферѣ литовскаго вліянія, не говоря уже объ угрозахъ польскаго короля разорвать связи его русскимъ владѣніямъ съ восточной церковью.

Патр. Филодей—въ маѣ 1371 года—утвердилъ соборное дѣланіе о поставленіи на галицкую митрополию королевскаго кандидата еп. Антонія съ передачей въ его управленіе владимірской, перемышльскаго, туровской и холмской епархій, т. е. владѣній польскаго короля, а затѣмъ—въ августѣ—обратился къ митр. Алексію съ посланіемъ, гдѣ сообщалъ о поступившемъ на него обвиненіи: митрополиту «утвердилася на одномъ мѣстѣ», а «съ прочіи оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и безъ духовнаго надзора»—не посѣщая Малороссіи втеченіе ряда лѣтъ ¹⁾. Осудилъ патриархъ и «соблазнительные раздоры съ тверскимъ княземъ Мхаломъ» ²⁾. Патриархъ сообщалъ митрополиту о назначеніи Антонія на малорусскую митрополию и зналъ его на судъ—либо лично, либо черезъ присланныхъ въ Константинополь митрополитичьихъ бояръ ³⁾. Рѣшившись на такой шагъ, патриархъ дѣйствовалъ, однако, съ большою осторожностью, избѣгая столкновенія съ обѣими сторонами и подчиненія своихъ дѣйствій одной изъ нихъ ⁴⁾; его грамоты митр. Алексію—заглаваютъ объясненіе въ

имѣя кашинскимъ, совѣникомъ Москвы. Важнѣйш, вѣроятно, сыграли роль въ поддержкѣ завета Михаиломъ великаго княземъ и освобожденіи его отъ крестнаго цѣлованія в. к. Дмитрія.

¹⁾ Р. Н. В., тамъ же, № 23 и 26.

²⁾ Тамъ же, № 26.

³⁾ Тамъ же, № 26; требованіе на судъ представителямъ тверскаго князя въ грамотѣ № 27.

⁴⁾ Въ грамотѣ къ митр. Алексію патриархъ категорично сообщаетъ, что отдалъ Антонію Галичь и малорусскія епископіи польскаго владѣтеля; но въ соборномъ дѣланіи подчеркиваетъ, что передача этихъ епархій сдѣлана «въ видѣ придачи» къ галицкой епархіи, до тѣхъ поръ пока прекратится имѣя происхожденія тамъ смуты и не настанетъ миру и концу соблазнамъ; «временность» передачи (подчеркнутая подателемъ въ русскомъ переводѣ—ст. 132) характерная черта политики патриарха, избѣгавшего непоправимыхъ шаговъ. Къ этой порѣ надо отнести грамоту патр. Филодея, которой биспо добился послы митр. Алексія, о подтвержденіи имъ соборнаго дѣланія патр. Каллиста, но патриархъ не утвердилъ ее, а признавъ это (свое) дѣланіе «отъзвѣвающимъ и кдѣйствительнымъ», хотя она уже была внесена въ кодексъ соборныхъ актовъ. (Р. Н. В. тамъ же, ст. 28).

тогь самооправданія патріарха, а суду, которому и срокъ былъ назначенъ, въ концѣ концовъ не состоялся. Въ Москвѣ не признали формальнаго патріаршаго суда, а ходъ событій привелъ къ крушенію литовскій и тверской катаскъ на москвитско-владимірское великое княженіе. Поводому, сообщенію патріаршаго посла ¹⁾, отравленнаго на Русь къ митрополиту, выдвинули патріарху реальное соотнoшеніе борющихся силъ, съ которыми приходилось считаться. Патріархъ круто жбнетъ тогь, не настаиваетъ больше на явкѣ сторовъ къ суду, а посылаетъ митр. Алексію и в. к. Михаилу грамоты, призывающія ихъ къ примиренію, предлагаетъ даже посредничество между ними своего посла-представителя, пребывавшаго у митрополита на Русь; в. к. Михаилъ получаетъ теперь прямой совѣтъ просить у митрополита прощенія и строгое внушеніе о храненіи крестнаго дѣланія. Патріархъ пришлось удовольствоваться кочими объясненіями и оправданіями митр. Алексія, который опровергалъ обвиненія польскаго короля и литовскаго великаго князя—указаніемъ на непреклонную вражду Ольгерда, которая лишила его возможности лично посѣщать Кіевъ и западныя епархіи, а источникъ имѣла заштту Владимірополіа отъ стремленія Ольгерда «пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси» ²⁾.

Патріархъ отступилъ—въ время. Но его отклоненіе къ дѣятельности митр. Алексія къ король вносъ Ольг и теперь настойчиво ставятъ Алексію на видъ, что тотъ посвященъ къ митрополиту «не одной какой либо части, но всей Руси» и обязаны относиться ко всѣмъ князьямъ Русской земли съ равной пастырской любовью, а не такъ, чтобы «однихъ изъ нихъ любить, какъ своихъ сыновъ», а другихъ жбтъ; такъ же, съ полнѣмъ безпристрастіемъ между Москвою и Литвой призываетъ патріархъ Алексія относиться къ обонь великимъ князьямъ, принаряясь съ Ольгердомъ, чтобы открыть себѣ доступъ къ попеченію о западно-русской церкви и «христованенитомъ народѣ господнемъ», который состоитъ подъ властью литовскаго великаго князя ³⁾. Не только изъ западной Руси, но также изъ Византии подымались вѣднія, протавными превращенію Кіевской митрополіи

¹⁾ Іоанна Докиана, довѣреннаго лица при патр. Филоеѣ.

²⁾ Р. И. В., тамъ же, № 30 (ст. 167—168).

³⁾ Р. И. В., тамъ же, № 28. При патріаршемъ дворѣ сложилась и осталось те суровомъ оцѣнка дѣятельности митр. Алексія, какому выходятъ, напримѣръ, въ соборномъ дѣланіи 1560 года (тамъ же, № 23): обвиненая саломъ митрополита, митр. Алексій «сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и ко о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать отвѣтъ на день суда, но къ однимъ показывалъ отращаніе, а къ другимъ распоноженія», а когда сталъ опекуномъ в. к. Дмитрія, то «весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественные законы и постановленія, принаря на себя, вмѣсто пасенія и наученія христіанъ, мірокое начальствованіе, вследствие чего, призванній учить миру и согласію, возвеченъ былъ въ войны, браки и раздоры» (ст. 197—198).

и всей Руси въ национальное великорусское утреждение, спору великорусской великокняжеской власти и орудіе ея мирской политики. Эти вліянія восторжествуютъ при преемникахъ Алексія въ связи съ общими ходами политическаго жизни Восточной Европы, до тѣхъ поръ, когда окончательная побѣда національнаго характера русской церкви и ея митрополіи не захватится канонизаціей памяти св. Алексія по почину восприимца его зачатого митр. Іоны.

«Вѣчный миръ» между великими князьями Ольгердомъ и Дмитріемъ и мирное докончаніе съ Дмитріемъ тверского великаго князя, казалось, должны были завершить весь этотъ церковно-политическій эпизодъ. Однако, в. к. Ольгердъ не могъ примириться съ положеніемъ русской церкви въ подданствѣ ему земляхъ, и дѣло объ отхоженіи митр. Алексія къ западно-русскимъ епархіямъ вскорѣ подвиглось съ новой силой, при обстоятельствахъ, которыхъ указания въ нашихъ источникахъ только весьма глупыми намеками. Повидимому, Ольгердъ использовалъ ту постановку вопроса, какую находимъ въ примирительныхъ грамотахъ патр. Филоея для предъявленія Алексію рѣшительныхъ требованій: пребыть въ Кіевъ на постоянное пребываніе или согласиться на избраніе для кіевской митрополіи особаго пастыря ¹⁾. Отказъ митр. Алексія далъ поводъ для новыхъ жалобъ и домогательствъ при патриаршемъ дворѣ. Патр. Филоей отправилъ на Русь довѣреннаго явля Киприана для расясѣдованія дѣла на хѣстѣ. Противорѣчливы показанія повѣдѣвшихъ дѣяній патриаршаго собора до крайности затрудняютъ не только правильное осѣщеніе, но и фактическое представленіе того, что затѣя произошло.

Прежній представитель патр. Филоея на Русь—Іоаннъ Довианъ похвѣлъ въ Москву и такъ, повидимому, легко поддаваясь вліянію митр. Алексія. Теперь патриаршіи легаты ѣдутъ на Литву и оттуда ведутъ сношенія съ митр. Алексіемъ. Западно-русскіе князья отправивъ, по его сочелу, пословъ къ митрополиту, обіщая прекратить раздоры и призывать его своимъ

¹⁾ Все дальѣйшее дѣло о русской митрополіи изложено въ двухъ соборныхъ дѣяніяхъ—патр. Нила (1360 г.), благопріятномъ для митр. Алексія, и патр. Летоція, рѣше ему враждебномъ (1369 г.)—Р. И. В., тамъ же, №№ 50 и 51. О требованіяхъ Ольгерда говорить первое изъ нихъ, но вмѣстѣ приглашеніе Ольгердомъ Алексія въ Кіевъ «лиценціямъ»: это дѣяніе явно повторяетъ доводами и объясненіемъ Алексія. Возможно, что обращеніе Ольгерда къ митрополиту ставило вопросъ ребромъ, чтобы вынудить его на отказъ. Дѣяніе 1369 г. представляетъ дѣло такъ, что литовско-русскіе князья на призвыі патриарха къ примиренію, «изъявили готовность принять митрополита», но Алексія «совершенно отказался отъ примиренія, на то что поставилъ патриаршія грамоты» (ст. 197—200). Дѣяніе 1360 г. оправдываетъ Алексія, такъ какъ онъ отвергъ приглашеніе сдѣланное «съ коварной цѣлью» и «безъ всякой настоятельной нужды»; а по этому поводу «сплетены были обвиненія противъ митрополита»; дѣяніе 1689 г. настаиваетъ на томъ, что Алексія презрѣлъ патриаршіи грамотами.

пастыремъ, а Кириакъ убѣждалъ Алексѣя прійти въ Киевъ. Но сборы митрополита въ эту поѣздку были прерваны и сама поѣздка не состоялась послѣ свиданія митрополита съ литовскимъ посломъ, такъ какъ Алексѣй «патриаршія наставляніа и упомянутого посла признавъ враждебными себѣ и совершенно отказавшись отъ поѣздки въ киевъ»¹⁾. Тогда поднималась съ новою силой жалоба и обвиненія противъ митр. Алексѣя съ цѣлью добиться поставленія особаго митрополита на Киевъ. Западно-русскіе князья, съ в. к. Ольгердомъ во главѣ, рѣшили не принимать митр. Алексѣя, если-бы онъ и захотѣлъ прійти въ Киевъ, и послали патриарху грамоту о поставленіи имъ другаго архіерея. Кандидатъ былъ у нихъ пріемлемый для Византии — Кириакъ. Мотивировка ходатайства должна была, конечно, содержать рядъ обвиненій противъ митр. Алексѣя²⁾: для этого предыдущая переписка напичкана достаточнымъ матеріаломъ. Политическая невозможность согласовать дѣятельность митр. Алексѣя съ его пріизваніемъ, какъ митрополита «всехъ Руси», была слишкомъ очевидна. Патриархія уступила настояніямъ свѣтскихъ властей Литовско-русскаго государства, и 2 декабря 1375 года Кириакъ послѣдникъ на Киевскую и Литовскую митрополию³⁾. Но поставленіе это не означало раздѣленія митрополіи на двѣ особы: патриархія подтверждала, что на Русь долженъ быть одинъ митрополитъ, какъ требуется

¹⁾ Такъ въ дѣяніи 1369 г. (тамъ же, ст. 201—202); дѣяніи 1360 г. припоминаетъ отказъ Алексѣя принять Кириака, который отговаривалъ его отъ поѣздки, указавъ, что берется все узладить (ст. 171—173). Надо полагать, что оба дѣянія основываются на показаніяхъ съ одной стороны, Алексѣя, съ другой, литовцевъ и Кириака. При различіи толкованія фактовъ и ихъ оцѣнѣнн, можно, однако, такъ попятъ, что литовско-русскіе послы поставили митр. Алексѣю неприемлемыя условія, вынудивъ, возвращеніе постоянной резиденціи въ Киевъ, а Кириакъ далъ Алексѣю поводъ думать, что выслушать дѣло передъ патриархомъ, который, требуя отъ него дѣятельнаго пастырства въ западной Руси, не поднималъ вопроса о резиденціи. П. П. Соколовъ освѣжляетъ свое изложеніе этого дѣла рядомъ недоказуемыхъ предположеній (напр. о замѣстничествѣ Матія, какъ доказательствѣ, что Алексѣй обращался въ Киевъ надолго, объ «упражденіяхъ» и «возстановленіи» Суздальской епархіи).

²⁾ Дѣяніи 1369 г. сообщаетъ, что патриархъ еще разъ обращался къ митр. Алексѣю съ требованіемъ припренія къ западно-русскимъ князьямъ и поѣздки (или переѣзда) въ Киевъ, но что митрополитъ даже не отвѣтилъ на его грамоту (ст. 201—202). Дѣяніи 1360 г. обвиняетъ Кириака въ домогательствахъ низложенія митр. Алексѣя и сообщаетъ, что на Русь была отправлена отъ патриарха церковные саковники, уполномоченные произвести дознаніе о дѣяніи митрополита, и что ихъ дознаніе выслушано пустою и несостоятельностью обвиненій (ст. 171—174). Ср. въ Неконовомъ подѣ 8884 (1376) г.: «пріидоша мѣо Цариграда два княжа протодіакона, саковника суца, адному имя Георгій, а другіи Киваль» (П. С. Р. Л. т. XI, стр. 23); странное поясненіе «саковника суца» повторяетъ слова дѣяніи 1360 г. о «церковныхъ саковникахъ». Эти «саковники» поехали на Русь вмѣстѣ съ поставленнымъ на митрополию Кириакомъ.

³⁾ Относительно даты см. у П. П. Соколова (указ. соч.), стр. 451—452.

«и правомъ, и пользой, и обычаемъ», а чтобы такое «древнее устройство сохранилось и на будущее время», постановила, что митр. Кирилъ получилъ, послѣ кончины митр. Алексѣя, всю русскую митрополию ¹⁾.

Эти постановленія весьма характерны. Патриаршая власть поединно дорожитъ единствомъ русской митрополіи: въ этомъ единствѣ видитъ для интересовъ патриаршіи гарантію противъ рѣшительной націонализаціи русской церкви и ея подчиненія свѣтскимъ властямъ великорусскаго и литовскаго великихъ князей. Митрополитъ всей Руси, равно относящійся къ политическимъ интересамъ Москвы и Литвы, а потому болѣе независимый въ своей церковно-политической дѣятельности отъ вѣстныхъ свѣтскихъ властей, представлялся патриаршей власти лучшей опорой ея «вселенскаго» авторитета. И Константинополь сумѣлъ провести на русскую митрополию людей, которые пойдутъ не по стопамъ митр. Алексѣя, а по тому пути козпроисна между московско-владимірской митрополіей и ея значеніемъ какъ «Кіевской и всей Руси», какой былъ предуказанъ еще въ послѣднихъ грамотахъ патриарха Филоея.

Политическія обстоятельства Восточной Европы за полъ-столѣтія—въ

¹⁾ Въ этомъ согласны оба дѣянія (ст. 171—172 и 203—204). Иначе повела дѣло Голубинскій (т. II, ч. I, стр. 312—314). Но дѣяніе 1390 г. согласно съ дѣяніемъ 1389 г., когда сообщается, что Кирилъ завадѣлъ «одной частью перьяи еще при жизни митрополита» и получалъ, сверхъ того, «такое соборное дѣяніе, чтобы ему не улустити и другой части». Новое дѣло приписываемое Кириллу домогательство владиміра Алексѣя, причемъ текстъ дѣянія 1390 г. указываетъ, повидимому, на то, что мотивомъ, кроивъ какихъ-то обвиненій, была вымогатель престоарымъ возрастъ митр. Алексѣя. «Доказаніе о жизни» митр. Алексѣя, произведенное патриаршими уполномоченными, устранило это домогательство. До нѣхъ доклада патриаршему собору, подтвержденнаго и показаніемъ, имогихъ другихъ, приведенныхъ отсюда людей" (послѣвъ нѣхъ Москвит), вопросъ о времени, когда Кирилъ ставлетъ митрополитомъ «всехъ Русей» оставался формально открытымъ. Ср. П. П. Соколова, указ. соч., стр. 462—455.

Но какъвъ нѣтописаннымъ сводамъ Кирилъ, водворившись на западно-русской митрополіи, сдѣлалъ попытку сразу подчинить себѣ Новгородъ, во получить тутъ въ отвѣтъ указаніе на Москву: Новгородъ призываетъ его, когда онъ ставлетъ митрополитомъ на всей Руси (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 25; новгородскій отвѣтъ приведенъ тутъ въ такой формѣ: «шлѣ въ 'великому князю на Москву и еще тѣ приимѣ митрополитомъ на Русь, то и какъ еси митрополитъ», а затѣмъ слѣдуетъ замѣчаніе: «слышавъ же митрополитъ отвѣтъ новгородскій и не послаа къ великому князю на Москву»: поправка Голубинскаго, указ. соч., стр. 214, прамѣчаніе, не жужла). Утвержденіе Николовской (т. XI, стр. 25), что Кирилъ, прихавъ на Русь, только неприхавъ в. к. Дмитріемъ «лоде съ Москвы въ Кіевъ и тамо живиши»—противорѣчатъ всѣмъ другимъ данымъ и есть простое редакціонное недоразумѣніе (ср. «на Русь» и «въ Москвит»: въ источникѣ своде, вѣдрное, не было «съ Москвит», а вначѣ было бы отвѣточъ и самый фактъ прихода Кирилана на Москву). Наимболѣе, что можно допустить, это что Кирилъ пытался прихавъ самъ въ Москву съ переградскими свѣдоствателями, но не былъ до этого допущенъ.

последствия десятилетия XIV-го и первых XV-го века—создали условия, благоприятные для такого отклонения северной метрополии от традиций, сложившейся при переломе ее представителей. Этот перелом выдала тяжкая церковная смута, которая разыгралась после кончины митр. Алексия (умер 12 февраля 1378 г.), а определилась в общинах условий политической жизни Великороссии, созданных, после смерти Ольгерда (1377 г.) и митр. Алексия, началом прямой борьбы Великороссии с татарской, возвышением и политикой Витовта.

V.

Предыдущим страницам были задачи несколько выиснить крупное значение митр. Алексия в постепенном развитии национально-политической идеологии из тех скромных ее зачатков, какие заложены в построении митрополичьего «общерусского» литовского свода начала XIV века. Попытка осмыслить задачи текущей политической борьбы средневековой теорией «христианского общенития» и войны с «врагами креста», осветить ее сложившиеся отношения к тенденциозно ее использовать для интересов великорусской великокняжеской власти—практически сорвалась после временного успеха, но оставила глубокий след в дальнейшем ходе московской публицистической мысли. Она вышла на русскую почву саванкой глубокие корни, чтобы пройти беззвучно. Борьба с Литвой, столь обострившаяся с конца шестидесятих годов XIV века, принимала в настроениях русских людей все более определенный характер национальной борьбы и получила из грамотах митр. Алексия нрвенсовьдну окраску, которая углубляла боевое настроение великокняжеской политики и подводила под притязания великокняжеской власти на руководство судьбами Великороссии широкое принципиально-идейное оскопление. Круг представлений, в ряд которых вводилась эта борьба подобной идеологией, выводил великокняжескую политику на историческую сцену, значительно более широкую, чьмь предьмь великорусского политического хирка, и, что для данного момента было особенно существенно, ставил перед западно-русским православным обществом острый вопрос, гдѣ ему видѣть центр своей национальной жизни—въ Литвѣ или въ Москвѣ. Конечно, гдѣ и повода говорить о сознательной, отчетливой постановкѣ такого вопроса въ сколько-нибудь общей формѣ. Но ряд характерных фактов истории отношений между Литовско-русским государством и Великороссией свидетельствуют о таких колебаниях западно-русских политический савь между Москвой и Литвой, которыми дѣлають и для данного времени понятнымъ позднѣйшее предостережение Казимира, короля польского и великого князя литовского, своей литовской радѣ, чтобы она поменьше рассчитывала на русскихъ Литовско-русского государства, такъ

как должна означать, насколько тѣ враждебны литванкам и готовы содѣйствовать не столько побѣдѣ литовцевъ, сколько ихъ гибели, въ случай войны съ Москвой ¹⁾.

Исхода семидесятихъ годовъ—послѣ смерти Ольгерда—принесъ Литовскому великому князю время смуты и внутреннего ослабленія. Въ средѣ литовскихъ князей возникли крупныя раздоры изъ за передачи Ольгердомъ ядра своѣхъ владѣній—Виленьской области и бѣлорусскихъ земель—сыновьямъ отъ второй жены, Ягайлу съ братьями, а съ Виленьскихъ столовъ и связаннаго съ ними старшинства въ князья Гедиминова рода. Старшіе Гедиминовичи поднялись на Ягайла. Андрей Ольгердовичъ, бывшій псковской князь отъ руки Ольгерда, ушелъ изъ Полоцка во Псковъ, и псковичи приняли его на княженіе во крестоцѣлчанамъ; но, на этотъ разъ, князь Андрей поѣхалъ изъ Пскова къ в. к. Дмитрію Ивановичу на Москву и тотъ «принялъ его въ любовь» ²⁾. Нѣсколько лѣтъ князь Андрей во Псковѣ подручникомъ великорусскаго великаго князя. Разсчетъ на союзниковъ среди литовскихъ князей подыгъ в. к. Дмитрій на войну. Въ 1379 г. его посылъ идти съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и Андреемъ Ольгердовичемъ на Сѣверскую землю, а князь Дмитрій Ольгердовичъ «не ста протнуну на бой», но выѣхалъ изъ своего Трубчевска съ семьей и боярами и поѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ «съ любовью» и получать въ держаніе Переяславъ «со всѣми пошлыванми» ³⁾. Обрусѣлые литовскіе князья искали въ Москвѣ опоры даже возврата своѣхъ княженій, рассчитывая на великорусскую помощь въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но ожиданіе, что походъ 1379 года станетъ началомъ большой войны на западной границѣ, не оправдалось. Накопившаяся съ начала семидесятихъ годовъ гроза новаго татарскаго нашествія готова была разразиться, и задачи ея острѣнныя поглотили русскія силы. Но положеніе на западѣ оставалось весьма напряженнымъ. Оно было однаково опаснымъ для обѣихъ сторонъ. Вынужденный мѣръ Теодоръ съ в. к. Дмитріемъ не могъ не внушать опасеній, что его сила и значеніе только и держится, пока новый подъемъ борьбы не дастъ в. к. Михаилу Александровичу повода вырваться изъ условій договора 1375 года; съ Новгородомъ у Дмитрія было «ровниръе», которое ликвидировано только въ началѣ 1380 г. ⁴⁾. А Рязанская и Нижегородская украинны—подавлены ря-

¹⁾ Дягوشъ, Сочиненія, изд. Пискавѣцкаго, т. XIV, стр. 696.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 193; т. V, стр. 237; т. VIII, стр. 33.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 34.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 75; т. V, стр. 236; Новгород. I, стр. 367; во вѣсткѣ сводатъ изъ началъ вѣстесія въ 6888 (1379—1380 г.) о номышлѣ изъ в. к. Дмитрію изъ Новгорода владиміа Алексія, бояръ и житиныхъ людей: «князь же приа ихъ въ любовь, а къ Новгороду хрестъ цѣловати на вош старши Новгородской и на старши грамотахъ»: время: «за похвѣю до похвѣной недѣли», т. е. 11 марта 1380 г., послы вѣстала изъ Новгорода.

домъ татарскихъ нападений¹⁾. В. к. Дмитрій Ивановичъ не владѣлъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ всѣми силами Великороссіи, и только внутреннее ослабленіе Литовскаго великаго княжества не только спасло его отъ обостренія литовской опасности, но дало ему существенную поддержку части литовско-русскихъ князей въ моментъ столкновенія съ Мамаемъ. Съ другой стороны, переходъ дядки Ольгердовичей на московскую сторону долженъ былъ тревожить Ягайла, какъ проявленіе характернаго колебанія между Москвою и Литвою всей Чернигово-сѣверской украины. Если припомнить, что враждебныя Ягайлу были и другой Дмитрій Ольгердовичъ—Корвартъ новгородско-сѣверскій, что его великокняжеская власть не была признана волынскими князьями Любартомъ Гедякиновичемъ и подольскими Корятюпичами—показна будетъ значительность московской опасности для в. к. Ягайла. Въ годъ внутренняго раздора въ русскими восточными областями Литовскаго государства стояло великорусское великое княжество, готовое, по мѣрѣ силъ, на поддержку всѣхъ элементовъ, недовольныхъ великой властью, и къ захвату владѣній, которыми старой традиціей связаны съ великими князьями вся Русь.

Внутреннія отношенія обоевъ великихъ княжествъ тѣсно сплетались съ ихъ внѣшнимъ соперничествомъ и застарѣлой враждой; московско-литовская борьба неразрывно связана съ собственной работой каждого изъ нихъ надъ внутреннимъ политическимъ строенствомъ, что и дѣлало эту борьбу тяжелой, но неизбежнымъ факторомъ ихъ территориальнаго и національнаго самоопредѣленія.

Сложными нитями сплеталась эта борьба и съ отношеніями къ татарамъ. Общій врагъ не объединялъ противъ себя усилій великихъ княжествъ литовскаго и великорусскаго. Въ былое время «русскій улусъ» татарскихъ хановъ находилъ, по временамъ, поддержку и защиту отъ Литвы въ татарской силѣ. Теперь вступила борьба между Русью и Ордой. Почти непрерывныя скуты, перемѣты Золотой Ордой, подорвали ея властное положеніе и создали въ татарскомъ мѣрѣ анархію, которая тяжело отразилась на великорусскихъ украинцахъ и заставила великокняжескую власть стать въ боевое оборонительное положеніе и собраться съ силами для организаціи защиты Великороссіи отъ хищническихъ набѣговъ. Великокняжеское войско поддерживаетъ нижегородскую оборону и наступленіе въ Половожье, ведетъ оборону по днѣ Ока. Рядъ столкновеній съ татарской силой велъ неизбежно къ болѣе опасному разрыву съ Золотой Ордой.

Въ ордынской замѣткѣ росло съ начала шестидесятыхъ годовъ значеніе тенгиза Мамаи. Въ «Мамаевой Ордѣ» получалъ тверской в. к. Михаилъ ярлыкъ на Владимѣнское великое княженіе; «Мамаевы татары» громили земли Рязанскую и Нижегородскую. Распоряжался ханскими престо-

¹⁾ См. выше, стр. 238 и 273—274.

лохъ, томики Мамай правилъ Ордой, пока самъ не сталъ полновластнымъ ханомъ. Но смуть и въ Орду и на Русь долго не давали ему возможности установить справедливыми и ясными отношения къ русскому народу. Когда и. к. Дмитрій въ 1371 году ѣздилъ къ «парю Мамаеву», къ сору Мамаеву и почтилъ дарами и покорностью князя Мамай и цари и парад и князи, оны получили прѣдьякъ въ немиковъ княземъ за злыготы, укрепилъ условія. (Крѣпости въ своей силѣ и власти, ханъ Мамай бысть ведъ посылъ «ныходога», какой бысть установилъ его докончаніемъ съ и. Дмитріемъ, «какъ рядъ бысть съ нимъ»¹⁾, да и эту даву едва-ли онъ получалъ послѣ 1373 года, когда и. к. Дмитрію удалось разорвать союзъ Тюрки съ Ордой и Литвой. Въ году въ году идутъ указыми въ сромари Русь съ Мамаемъ²⁾, разрывившеся, наконецъ, боями на рѣкѣ Вожаѣ и на Кузюнонѣ похѣ. Похѣи пораженія князи Бегича на р. Вожаѣ стало несбѣжимымъ рѣшительнымъ столкновіемъ; насталъ и удобный моментъ для новой попытки осцѣпить татарско-литовскій союзъ противъ Москвы, намѣченной еще Олдедоми. Ханъ Мамай собралъ въ походѣ ордынскія силы, а спомениа съ Игалаемъ установили союзное выступленіе обонѣхъ преговъ Москвы.) и. к. Дмитрію явились ханскіе послы, требуя новостановленія прежняго рѣшѣна татарикаго «ныхода», какой бысть при ханахъ Узбекѣ и Джайбекѣ, князиаи опредѣленнаго похѣдѣннма «докончаніемъ». Но, въ цолгати, борьба оружіемъ была, по времѣ этиахъ переговоровъ, рѣшѣнны дѣломъ, особенно, со стороны враговъ Москвы: и для Мамай, и для Игала было существенно важно иности ей рѣшительный ударъ.

Исторія событій, въ центрѣ которыхъ стоитъ Куликовская битва имѣла свою особую судьбу въ памятникахъ письменности, которые и нынѣ служатъ историческими источниками. Прочная основа этихъ дѣлаи положена атадомъ А. А. Шахматова³⁾. Надо признать съ А. А. Шахматовымъ, что въ основѣ нашихъ свѣдѣній лежатъ сообщенія трехъ истниковъ: одинъ — это повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, составленная все послѣ святаго событій для прославленія подвига в. к. Дмитрія и его ра

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 50.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 19 (1373 г. — при нападеніи Мамаевыхъ татаръ Рязань, в. к. Дмитрій сполтъ «со всемъ силовъ» на Оку, князь Владимиръ Андреевичъ приходитъ въ похѣдомъ отъ Нижняго кузю, вѣроятно ходилъ также по вѣстамъ татарикахъ, «и тавиръ не пустима»); стр. 21 («розмирѣ съ татарами, съ Мамаемъ похѣи Мамаевыхъ шоловъ нижегородцами въ 1374 г.), 22—23 (союзъ Мамаи Мамаемъ татарами), 24 (набѣтъ Мамаевыхъ татаръ на Нижній; в. к. Димъ выступилъ на Оку, «стерѣгавеа рати татарския съ Мамаемъ», 1373—1376 г.), 25 (ходъ великокняжеской рати съ нижегородцаи на болгаръ), 27 (набѣтъ царю Аврааміа изъ Мамаевой Орды: пораженіе русскаихъ на р. Нидѣи Мамаевой рати 1377 г.), 42 (1378 г. — бой на Вожаѣ).

³⁾ Отрывъ о сочиненіи С. К. Шахматова: «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ» (134-е изданіе Макарянскаихъ прѣдій).

эта «Повѣсть» — составлена въ Москвѣ, «въ средѣ, по замѣчанію А. А. Шахматова, духовной», и, можно добавить, той, что хранила заветы митр. Алексія, а центральной фигурой была игумена Сергія; другой — запись, которую А. А. Шахматовъ называетъ «официальной реляціей о походѣ великаго князя, составленная въ средѣ слушавшаго великокняжескаго двора; а третій — «Слово о Мамаевомъ побоищѣ», какъ называлъ его А. А. Шахматовъ, возникъ, вѣроятно, при дворѣ серпуховскаго князя Гладыря Андреевича, и просланилъ какому-нибудь словесацу этого князя, брату-ею его жены князю Ольгердовичей, и воєводу воюмца Дмитрія Боброка. Элементы этихъ основныхъ первоисточниковъ, сплетенные между собой и осложненные позднѣйшими наслоениями книжнической работы — вставками, дополненіями, передѣлками, сохранились въ текстахъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ¹⁾.

Пониманию настроеній въ Руси передъ боемъ противъ Мамаю сложилось близкое къ тому, какое охватило Заладу накануне Маравонской битвы: въ возможности побѣды мало кто вѣрилъ, и Дмитрій не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступленія на Куцково поле. Не было съ кѣмъ ни монгородскаго ополченія, ни рати нижегородской, ни тверскихъ полковъ; только риторическая переработка Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, какую читаемъ въ Никоновской лѣтописи, приводитъ на Куцково поле тверскую «силу» съ княземъ холмскимъ Иваномъ Всеволодовичемъ²⁾.

¹⁾ Изученію «Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ» посвящены такъ озаглавленные труды С. К. Шамбинаго (въ «Сборникѣ Отд. Русск. яз. и словесности», т. 61, № 2, 1906) и разборъ этого труда А. А. Шахматовымъ. Въ той редакціи «Повѣсти», которую читаемъ въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 46) видную роль играютъ митр. Каприанъ, прибывшій въ Москву «въ четвертое 6-й вѣдѣти по Пандѣ, въ правдѣи Вознесѣніи Христова»; это дѣло С. К. Шамбинаго повѣдетъ самую особую редакцію Повѣсти и лѣтописнаго свода съ именемъ Каприана, такъ какъ отъ призналъ искаженіе даты прибытія Каприана въ Москву (6888 вл. 8550 — тамъ же, стр. 41) замѣреніемъ (Шамбинаго, стр. 106); возраженія А. А. Шахматова, который призываетъ особое прославленіе памяти митр. Каприана «дѣломъ не современника, а книжника XVI вѣка» — см. указ. соч., стр. 156—157 и 194. Весьма вѣроятно, что хронологическая ошибка была не случайна, а причиной обработки Повѣсти въ этомъ направленіи. Каприанъ прибылъ въ Москву въ Вознесенье 1361 года (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 181). Возможно, конечно, что переработка Повѣсти — съ именемъ Каприана — принадлежитъ составителю не Никоновской лѣтописи, а ея источнику, что допускаетъ и А. А. Шахматовъ (стр. 157); существенно не это, а признакіе данной особенности — чертой редакціонной работы книжника XVI в., а не личнаго вліянія Каприана на лѣтописное дѣло своего времени.

²⁾ Составитель Никоновскаго свода вообще воздержался при редакціонной «Повѣсти полевой бѣшаго чудеса» отъ обычныхъ у него генеалогическихъ повеселій, но при имени Ивана холмскаго добавляетъ, что это «внукъ Александръ, правнукъ Михайловъ, праправнукъ Ярослава Ярославича» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 46); возможно, что тутъ — намекъ на родословное преданіе князей Холмскихъ объ участіи князя Ивана Всеволодовича въ Мамаевомъ побоищѣ, но если и принять его участіе

и исконной сь Андреемъ Ольгердовичемъ; оба эти сообщенія не подтверждаются другими текстами, а трудно допустить, чтобы участие Твери и Пскова въ Куликовской битвѣ прошло безслѣдно въ основныхъ запискѣ о ней и въ псковскія лѣтописанія. Митрополита на Москвѣ не было. Преданіе выдвинуло трюнакаго игумена Сергія въ центръ того духовнаго подвига, какой былъ необходимъ для ратнаго подвига въ подобныя условія. Не даромъ митр. Алексій намѣчалъ Сергію себѣ въ преемника. Пользуясь значительнымъ общественнымъ вліяніемъ по силѣ личнаго духовнаго обаянія и авторитету старчества, игуменъ Сергіи вышелъ, подобно Алексію, на духовное поприще изъ службой срады, столь же близко стоялъ къ великокняжескому двору, гдѣ братья его Стефанъ, а затѣмъ иземняикуъ Беодоръ были духовниками великаго князя и ихъ старшихъ бояръ, и ставъ дѣятельнымъ участникомъ политикъ митрополитъ-правителя¹⁾. Сергіи уклонился отъ митрополитіи, но на немъ долженъ былъ сосредоточиться перковный авторитетъ въ годину церковной разрухи.

Другимъ центромъ боевой энергіи даннаго момента преданіе выставляеть братьемъ Ольгердовичей и серпуховскаго князя Владислава Андреевича. Какъ ни явно сказывается въ памятникахъ письменности, касающихся Мамаева побоища, тенденція выдвинуть ихъ роль возможно ярче, у насъ итъ основаній отказать этой тенденціи въ фактически-иѣрной основѣ, такъ какъ итъ данныхъ, которыя можно бы ей противопоставить, а внутренняя

въ походѣ, это не означаетъ сь наиѣстія о посылкѣ тверской помощи Дмитрію великому князю Михаиломъ Александровичемъ характера произвольнаго добавленія ханшика XVI вѣка.

¹⁾ Особая редакція житія св. Сергія, какову читаемъ въ Никоновской лѣтописи („Повѣсть о преподобномъ Сергіи“, т. XI, стр. 127—147) приписываетъ св. Сергію ту беседу съ в. к. Дмитріемъ (стр. 144—145), какову „Повѣсть полемная“ (стр. 50—51) той же лѣтописи перевела на митр. Кириана. Это сопоставленіе приводитъ С. К. Шамбинаго (указ. соч., стр. 178) къ выводу, что „здѣсь работа одного редактора“ (ср. А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 154); казалось бы, что естественно уметрѣть въ этой несогласованности редакціи свода указаніе на то, что мотивъ благословенія въ Сергіи — старше Никоновскаго свода и послужилъ источникомъ для разработки роли Кириана, разъ ее никакъ не повидобилось внести въ „Повѣсть“. Этотъ мотивъ, исключая изъ себя, надо полагать, зерно исторической достоверности, восходить, всего вѣроятнѣе, къ первоисточникамъ „Повѣсти“; и было использовать для нее раннее Никоновскаго свода, въ которомъ роль Сергія раздвоена и частью передана Кириану. Другое, съ этимъ связаннымъ, мотивъ, также родившій „Повѣсть полемную“ съ „Повѣстью о преем. Сергія“, упоминаніе инокъ-воиновъ Пересвѣта и Ослабѣи, несомнѣнно, позднѣйшее происхожденіе; инокство итъ весьма сомнительно, а братство — явное недоразумѣніе, быть можетъ, плодъ простого искаженія словъ: „даде ему итъ монастыря своего, итъ братья своя, два инокъ, Пересвѣта и Ослабѣи“ (въ повѣсти-житіи, стр. 145) въ „два братова, Пересвѣта да Ослабѣи“ (въ „Повѣсти полемной“, стр. 53); о нихъ см. у Шамбинаго, стр. 177. Возможно, что оба — митрополиты бояре, и оба — выходцы изъ Черниговско-Сѣверской области: Пересвѣтъ итъ Брянска, Ослабѣи изъ Любутска.

шфронтность говорить въ ея пользу. Для Ольгердовичей разгромъ Дмитрія соединенными силами Мамая и Ягайла былъ бы проигранъ въ собственнаго дѣла; сверхъ того, Ольгердовичи принесли съ собой въ Москву свою боевую энергию и омытность и прочную традицію борьбы съ татарами на русскія земли, а также существенныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Литовско-русскомъ государствѣ, которыя должны были, съ одной стороны, сильно уменьшить опасенія передъ выступленіемъ Ягайла, а, съ другой, ускорить походъ, пока не соединились литовскія и татарскія боевыя силы. Ягайло оказался не въ состояніи послѣдовать на это соединеніе съ Мамаемъ, ввиду столкновенія съ дадею Кейстутомъ и смуты, потрясшей Литовское великое княжество, и отъ Одоева отступилъ обратно въ Литву, гдѣ его ожидала упорная борьба съ Кейстутомъ и Витовтомъ.

Побѣда русскыхъ войскъ на Куликовомъ полѣ стубила Мамай, но не создала какого-либо перелома въ русско-татарскихъ отношеніяхъ; не связала съ ея послѣдствіями и какой либо переломъ во внутреннихъ отношеніяхъ Великоороссіи. Это не умаляетъ, однако, ея крупнаго историческаго значенія. Куликовская битва одно изъ тѣхъ событій, въ которыхъ и для современниковъ и для потомства какъ бы символически та или иная основная, существенная черта даннаго историческаго момента. Поэтому и въ оцѣнѣ въ памятникахъ письменности, въ преданіяхъ ближайшихъ поколѣній и въ конструкціяхъ позднѣйшихъ историковъ можетъ не соответствовать подлинной значительности и въ реальномъ послѣдствіи; поэтому легко обростаютъ воспоминанія о ней легендами, продуктомъ отчасти возбужденнаго воображенія, отчасти нахвѣренной тенденціи. Та роль, въ которой выступилъ Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ, роль вождя Великоороссіи въ національной борьбѣ за независимость противъ иноземнаго ига и въ религиозной войнѣ за «христіанство» противъ «нечестивыхъ агаритъ» обрисовалась позднѣе въ условной перспективѣ общественной мысли и княжеской разработкѣ «повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ». А въ реально-жизненныхъ своихъ основаніяхъ это значеніе великорусской великокняжеской власти опредѣлилось въ предидущемъ десятилѣтій борьбы съ Литовско-русскимъ государствомъ, съ одной стороны, и обороны великорусскихъ окраинъ отъ татарскихъ нападений, съ другой, и получило свое церковно-религіозное освященіе въ той идеологіи, какая связала съ именемъ митр. Алексія и троннаго игумена Сергія.

Въ этой борьбѣ на два фронта крупно объединеніе Великоороссіи. Наканунѣ Куликовской битвы, а. к. Дмитрію удалось порвать связь Твери съ Литвой и Ордой, привести ее, какъ часть великорусскаго политическаго цѣлага, къ признанію своей великокняжеской власти. Еще тѣснѣе зависимость Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра. Послѣ Куликовской битвы—всѣчленіе ближайшихъ лѣтъ и Рязань приходитъ къ «свѣтлому миру» съ великимъ княземъ на условіяхъ, близка къ тѣмъ, какия

приняты Тверью еще в 1375 году. Приравненіе обонхъ великихъ князей — разанскаго и тверскаго, какъ младшихъ братьевъ великаго князя всея Руси, къ серпуховскому отчичу князю Владимиру получало особый смыслъ въ ту пору, когда этотъ отчичъ, выдѣленный изъ московской «братской» семьи, изъ владѣнна удѣломъ ея общей потчпыи стать княземъ на своемъ вотчинномъ княжествѣ, а изъ соучастниковъ въ общей ея княжеской власти все болѣе переходилъ въ положеніе владѣтельна князя, подчиненнаго не столько старѣйшинству московскаго князя, сколько его великокняжеской власти. Духовная в. к. Дмитрій Ивановича своей попыткой прѣвратить начало потчпыи власти къ великому князю Владимірскому и всея Руси еще нагляднѣе выдвинула сложный смыслъ историческаго момента, когда великорусская великокняжеская власть ищетъ въ переработанныхъ жвакью формахъ традиціоннаго старѣйшинства и подчиненнаго ему братскаго одначества князей пути къ организациіи на новыхъ началахъ политическаго единства Великороссіи. Эта постепенно нарастающая строительная работа великорусской великокняжеской власти развивалась подъ непрерывнымъ давленіемъ внѣшней опасности, будившей въ Великороссіи тягу къ національному единству ея силъ и ея внутренняго строя.

Близжайшія послѣдствія Куликовской битвы на время усладили, однако, и внѣшнія, и внутреннія условія, противодействовавшія росту великокняжеской власти въ центрѣ Великороссіи. Настали трудные годы внѣшнихъ испытаній, которые вынудили на дѣлѣ непригодность традиціоннаго внутренняго строя великорусскихъ отношеній для успешнаго разрѣшенія тѣхъ политическихъ задачъ, какія вытекали для великокняжеской власти изъ международнаго положенія Великороссіи. Нарастаетъ острый кризисъ этого строя, разразившійся крупнымъ потрясеніемъ во времена Василія Темнаго. Сила великокняжеской власти при Иванѣ Калитѣ, Симеонѣ и Дмитріи Донскомъ покоилась, въ значительной мѣрѣ, на союзѣ съ митрополіей всея Руси и на одначествѣ князей-потчпыи московскаго княжества. И оба эти устоя московской великокняжеской политики пережили въ исходѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV вѣка тяжелое испытаніе.

ГЛАВА IX.

Крушение удельно-вотчинного строя.

I.

Въ исторіи Великороссія періодъ времени отъ кончины митр. Алексія и Куликовской битвы до дѣловой сцѣны, потрясшей великорусское великое княжество при Василіи Тихомъ и ея ликвидаціи въ средній XV вѣка поддается съ удобствомъ общему разсмотрѣнію по нѣкоторому единству, въ основныхъ чертахъ, какъ отношеній къ татарамъ въ эпоху разложенія Золотой Орды при временныхъ испыткахъ ея бывшей силы подъ рукой Тохтамыша или Едигея, и къ Литвѣ — въ эпоху Витовта, такъ и внутреннихъ отношеній церковныхъ — въ эпоху отклоненія русской митрополіи отъ традицій митр. Алексія, и междукняжескихъ — въ эпоху послѣднихъ колебаній борьбы между тенденціями вотчиннаго распада и закрѣпленія политическаго единства Великороссіи.

Нѣтъ у насъ данныхъ для конкретнаго учета непосредственныхъ слѣдствій Куликовскаго боя. Настроеніе, съ какимъ Великороссія ожидала этого испытанія силъ не было, повидному, опровергнуто побѣдой. Ожидали, что Мамаѣ собереть «остаточную силу» и снова «вызоиомъ» появится на Русѣ ¹⁾. Рязанская земля была въ рукахъ великокняжескихъ наместниковъ, и Великороссія стояла лицомъ къ лицу съ татарскими ирами, ожидаая нести и новой борьбы. Нежданная разгромъ Мамаѣ Тохтамышемъ дѣлалъ допущеніе. Явилась возможность переговоровъ. Новый владѣтельный ханъ Золотой Орды въ ту же осень прислалъ своихъ пословъ къ в. к. Дмитрію и ко всѣмъ русскимъ князьямъ сообщить о своемъ намереніи. Всѣ русскіе князья приняли ханскихъ пословъ съ вѣдетомъ и въ ближайшее время — въ ту же зиму и весну — отправили къ Тохтамышу своихъ князьевъ съ чело-битиемъ, дарами и посылками. Отношенія зависимости отъ Золотой Орды возобновились по общему рѣшенію князей, которые въ началѣ ноября схватились въ тѣсный союзъ ²⁾. Сказавъ скуднымъ извѣстіямъ этногенетическимъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 41.

²⁾ Тамъ же: «мѣсяца ноября въ 1 день все князья Русскіи, сославшись, велию любовь укрепиша между собою». Повидному, и Олегъ рязанскій не остался въ этой «вѣзней любви» — см. выше, стр. 241. Точная дата — 1 ноября — какъ будто про-

сводом приходится угадывать, что русские князья, стремясь отклонить татарскую опасность ¹⁾, принимали, в то же время, меры к обороне земли. Успешно наблюдение за донскими татарами ²⁾; в к. Дмитрий поезде, при входе в выступлении Тохтамыша, встрянул разногласие из князьях, недовлачество и неинформированно, что и его убедило из невозможности сопротивления таку ³⁾. Такие же разногласия должны были выясниться и на княжеском съезде 1380 года. Несмотря на первые мирные сношения, сь обиды стороны не было уверенности из мирном исходѣ. Посолъ, отправленный Тохтамышемъ на Русь для вызова русских князей из Орду, не рѣшился ѣхать дальше Нижнего Новгорода, отправилъ из Москву гонцовъ, а самъ вернулся из Орду. ⁴⁾ Извѣстия о русских дѣлахъ, какія онъ привезъ, не должны были быть успокоительны для татской власти. Весь 1381 годъ прошелъ, а русские князья не рѣшились явиться из Орду; из наших источниковъ имѣть указаній на причины столь неопредѣленныхъ отношеній, но среди ордынскихъ князей должно было быть враждебное возбужденіе противъ «русского улуса» за Мамаево побойще.

Къ осени 1382 года какъ поднялся походомъ на Русь. Картинавое изображение из литовскомъ повѣствованіи объ этомъ походѣ глѣтъ мѣръ, какія какъ принималъ, «дабы не было вѣсти Руси», лишь подчеркиваютъ силу сообщенія о томъ, какъ «неинформированно и недовлачество» русских князей сдѣлало невозможной организованной сопротивленіи. В. к. Дмитрий убѣжалъ изъ Москвы из Переяслава, а оттуда мимо Ростова из Кострому; Москва покинута почти безъ защиты; ея оборону организуетъ литовскій князь Остей ⁵⁾; но и этотъ защитникъ погибъ жертвой татарскаго лукавства, под-

творачить повеленію, что сокращеніе князей произошло по „осмыслѣ“; надо познать, что состоялся, хотя бы не полный, съездъ князей.

¹⁾ „Осудѣ бо откуда вся земля русская возводима и слугами и вѣсти воззвоты и о омихъ лѣтѣхъ страхъ бысть вся земля Руская“, читаемъ из литовскомъ сводѣ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 69); потерн русской военной силы должны были быть очень велики, и настроение тревоги, невозможности дальнейшей борьбы представляется, действительно, господствующимъ при дальнѣйшемъ ходѣ событий.

²⁾ О походѣ Тохтамыша в. к. Дмитрий получилъ предупрежденіе отъ „лѣтчикъ добротогова, на предѣлахъ ордынскихъ на то устроенныхъ“, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 42—47. Остемъ наши литовскіе называютъ звукомъ в. к. Ольгерда; но этотъ не убить, а упоминается затѣмъ (тамъ же, стр. 49) какъ князьвскій намѣстникъ Александръ Андреевичъ, нарицаемый Остей, т. е., вѣроятно, сынъ Андрея Ольгердовича, обрусѣвшій на московской службѣ и другіи источники потому неизвестный. Его имя и роль князя Владимира при востѣхъ Тохтамыша даютъ поводъ и для этого момента представлять из литовскихъ князьяхъ и ихъ сериузовскомъ шуринѣ сторонникомъ активной борьбы противъ татаръ. Вѣбю сь развалинами погибъ из 1385 г. другой звукъ Ольгерда, Михаилъ Андреевичъ (тамъ же, стр. 49).

давшись вызову на переговоры, Москва взята татарами и разграблена, а татарские отряды захватили и пограбили Переяславль, развелись граблями в окрестности до Владиміра и Звенигорода, Можайска, Дмитрова, Юрьева, Волока. Подъ Волокомъ князь Владимір Андреевич собралъ войско и разбилъ татарскій загонъ. По вѣстьяхъ о сборѣ русской ратной силы Тохтамышъ отступилъ отъ Москвы и ушелъ въ Орду, а по дорогѣ взялъ Коломну и подвергъ разоренію Рязанскую землю.

Послѣдствія такого покаянія на Русь ордынской силой были весьма значительны. Оно раскрыло безсиліе великорусскаго центра воспользоовать Куликовскую побѣду, закрѣпить какіе либо ея результаты. Цѣной серьезныхъ уступокъ въ пограничныхъ сворахъ съ Рязанью удалось, послѣ долгихъ переговоровъ и новаго боевого столкновенія, заключить «вѣчный миръ» съ и. к. Олегомъ и скрѣпить его союзомъ свойства; но великое Рязанское княжество осталось самостоятельной политической единицей и повело свою татарскую и литовскую политику, помимо какого либо руководства великорусской великокняжеской власти. Нижегородскіе князья принесли полную покорность Тохтамышу во время его похода на Русь и въ ближайшіе годы зависѣть больше отъ непосредственной власти хана, чѣмъ отъ великаго князя всей Руси.

Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ преслалъ къ Тохтамышу, когда тотъ подъ Москвою стоялъ, своего князечка со многими дарами, съ покорностью и просьбой о защитѣ Тверской земли отъ татарскихъ грабежей, и получилъ за то ханское пожалованіе и ярлыкъ ¹⁾. Договоръ его съ и. к. Дмитриемъ 1376 года падалъ самъ собою; Михаилъ не замедлилъ вновь выступить претендентомъ на Владимірское великое княжество: вслѣдъ за Тохтамышемъ поѣхалъ въ Орду «окопницами, не приинцами», «тако великаго князя Дмитрія Ивановича», искать себѣ «великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго». Послѣднимъ въ Орду и городецкій князь Борисъ Константиновичъ ²⁾.

В. к. Дмитрій дождался ханскаго зова. Только по приѣздѣ въ Москву Тохтамышева посла, который привезъ ему отъ хана рѣчь о мирѣ и «пожалованіи», преслалъ онъ въ Орду сына Василия—тягаться съ Михаиломъ—твер-

¹⁾ П. С. Р. Д., т. XV, ст. 442; «Татарова же хотѣша и ко Тѣрзи ити»—очевидно, не ханъ, а татарскіе загоны, грабившіе землю; князичей Гурьевъ добился у хана пожалованія «грабежъ изымати» и выдать ярлыкочъ—вѣроятно, ослышавъ грамоту Тверской земли. Редакція того же изданія [въ Нижегородской летописи (т. XI, стр. 76)] вводитъ въ заблужденіе, такъ какъ тутъ опасность Твери отъ татаръ поята какъ опасность похода хана отъ Москвы къ Твери—«но избрала имъ сила божественная вендичная», а ярлыкъ упомянуть въ единственномъ числѣ, что можно почитать какъ ярлыкъ на княженіе (ср. Владимірское, т. II, стр. 460; ярлыкъ на великое княженіе тверское).

²⁾ П. С. Р. Д., т. XVIII, стр. 133; т. XI, стр. 31.

скинъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ продержали Михаила въ Орді, а лѣтѣхъ отпустили на Тверь «безъ великого княженія». Тохтамышъ великое княженіе утвердилъ на Дмитріемъ¹⁾. Очевидно, ханъ усмотрѣлъ въ раздорѣ соперниковъ гарантію своего владычества; а князичей—Александра Михайловича и Василия Дмитріевича отъ удержалъ въ Орді: заложниками. И до конца своей жизни и княженія Дмитрій не выходилъ изъ поворности Орді: при дворѣ ханскомъ дѣйствил, что среди ближайшихъ совѣтниковъ великаго князя, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Федоръ Кошка, хранилась «добряя дума къ Орді».

Казалось, что восстановлены старыя отношенія. Въ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ XIV вѣка великій князь, по старому, «суду» ханскій, и санкція его власти ханскимъ прыжкомъ одна изъ ся ооръ. Восстановленіе ордынскихъ связей зависмости и ханскаго «свожалованія»—условіе, поясняющее «лѣтний миръ» съ Рязанью, позаніе изъ Великаго князя Бориса Константиновича съ восстановленіемъ зависимости Нижегородскаго княжества отъ великорусскаго центра, фактически миръ Твери съ Москвою въ послѣдніе годы Дмитрія Донскаго²⁾. Тѣже колебанія въ силѣ великокняжеской власти отразились и на отношеніяхъ ея къ Великому Новгороду. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ она предоставилась самъ себѣ. И тотчасъ выступаютъ на первый планъ его литовскій связи: въ 1388—1384 годахъ новгородцы держатъ на пригородахъ своихъ князя Патрїія Наримонтовича: тѣ пригороды, что даны были князю Наримонту съ дѣтьми «въ отщаву и дѣдану» по договору Новгорода съ Г'единичомъ³⁾. Это не означало разрыва съ великимъ княжествомъ, но показательно для потребности Новгорода въ княжеской защитѣ, какой не могли они получить отъ великаго князя и потому искали, гдѣ найдутъ. А мѣсто и сказались и другая сторона отношеній Новгорода къ великому княженію: не получая достаточной обороны отъ великокняжеской власти, Новгородъ несетъ крупную долю въ ея «проторяхъ». Какъ только закончился «стѣжба» передъ ханомъ о великомъ княженіи, настало время дорогой расплаты: «тое же весны бысть

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 84. «Показованіе», съ какимъ прибылъ въ Москву посоль Карачъ, надо полагать—общіе безопасности и мира, по разбору споровъ съ Михаиломъ. Нисловская лѣтопись даетъ разсказъ объ ордынскомъ князѣ, который «смущалъ» князей-соперниковъ, общаа общиъ доученіе вражка, и о рѣшеніи Тохтамыша «по старинѣ»: пусть каждый идетъ на свое отщаву.

²⁾ Нѣтъ свѣдѣній о какомъ-либо «докончаніи» между великими князьями Михаиломъ и Дмитріемъ послѣ послѣдняго ихъ спора о великомъ княженіи. Но Михаилъ и не смирился. Онъ выжидаетъ и копятъ силу. Условныя укрѣпленія Твери (съ 1387 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 93), Города Великаго (1390 г.—т. XV, стр. 445) сѣверными связю съ Литвою—жентябон князичей Бориса да смоленской Сактославнѣи и Василия на дочеря Владиміра Ольсгердовича (1385 г.—т. XV, стр. 443).

³⁾ См. выше, на стр. 142—144.

дать тяжела по всему княжеству, всколку безъ отдачи, съ всякіе деревни по полтина, тогда же и златомъ даваша въ Орду, а съ Новгородца съ Великого князя великий черныи боръ»¹⁾. Новгородцы «дали» великому князю черныи боръ—общую дань, такую же, какую великий князь вилъ съ великого княжества, но сборъ его подъ руководствомъ великокняжескаго боярѣ не прошелъ гладко. За многими «зазела княжична», потрѣчными сборщина приимитъ сопротивленіемъ²⁾. Это привело къ разрыву, зимнему походу великого князя Дмитрія на Новгородъ и къ миру, который новгородцы оплатили крупной нешей за своихъ «княжичныхъ людей» и завершилиемъ выплаты чернаго бора³⁾.

Попытка отстранить отъ Руси татарское нахождение, убитаями Куликской побѣдой, не усмысла великокняжеской власти, а временно ее ослабила. Только обновленіе ордынской зависимости и оморы этой власти въ утвержденіи ея правъ княземъ Золотой Орды возстановило нарушенное равновѣсіе внутреннихъ отношеній великорусскаго великаго княжества. Равновѣсіе — условное и весьма относительное. Наслѣдіе Калиты и Донского выступаетъ на нѣсколько десятилѣтій въ періодъ ватажного и тлгоствова криваса.

В. к. Дмитрій умеръ въ май 1389 года. Благословляя сына Василія «своею отчиною великимъ княжениемъ», онъ сдѣлалъ попытку приписать къ великокняжескому стельному владѣнію вотчинное начало — въ убитрности, что Золотая Орда признаеть это право за его сына. Томъ же осенью—15 августа—осталось по Владиміръ посаженіе на столъ великаго княжества В. к. Василія Дмитріевича ханскимъ посломъ⁴⁾. Временную раз-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48; т. XI, стр. 33.

²⁾ Заключая о сопротивленіи «черному бору» изъ того, что въ мирномъ договорѣ в. к. Дмитрія съ новгородцами, какое было заключено въ началѣ 1385 года, «тѣ, за кѣмъ княжична зазела» поставлены на ряду съ другими «княжичными людьми»—«молчаливи» ушкунниками, которые ходили разбоями на Коостроу и на Пажийю. И за тѣхъ и за другихъ Новгородъ уплатилъ тѣню въ 8000 рублинъ, а сверхъ того великий князь признаеть опять своихъ чероборщевъ—дать дань на великокняжества.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 50—51; т. IV, стр. 94; т. V, стр. 242.—Вольшую часть дань новгородцы возложили на заволочае, «судилиши вси вѣчнѣ по старней вправду», и послали своихъ боярѣ на заволочае платити со всей Заволочской земли. Этихъ омеръ часть тельствоу (т. VIII, стр. 51) отождествляетъ съ «проставкамъ»; но есть редакція текста, указывающая на посылку въ Заволочье великокняжескаго приставомъ (т. V, стр. 240, списокъ Ц.); ср. т. XI, стр. 88 и 89.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60. С. М. Соловьевъ видитъ въ «княжичномъ прииде распоруженіи» в. к. Дмитрія относительно вотчинной владѣчи великаго княжества смыу признаекъ, что Дмитрій уже не боится содералковъ для него ни въ Твери, ни въ Суздаль (кн. I, ст. 1002); Энциклопедическій т. I, стр. 126)—указаніе, «до чего удалось теперь завлечено татарѣ въ глазахъ московскаго князя». Ближе къ обстоятельству времена было бы усмотрѣть тутъ приимъ закрѣпленія за сыномъ великаго княжества въ связи съ договоромъ между в. к. Дмитріемъ и княземъ сорпуховскимъ

молву внаго великаго князя съ дядей Владиміромъ удалось быстро ликвидировать ¹⁾).

Въ договорѣ съ этими дядей упоминается возможность приобретѣнія великимъ княземъ Муромъ и Торусы. Первымъ существеннымъ дѣйствіемъ великокняжескаго правительства при новомъ князѣ было приобретѣніе—по ханскимъ врычкамъ—въ прямое обладаніе Нижняго Новгорода, Города,

(1389 г.), а такъ же съ отношеніями къ великимъ князьямъ тверскому и рязанскому, которымъ московскіе князья также стремились привести къ формальному признанію своихъ вочичиныхъ правъ на великое княжство. Не взирая основаній противопоставлять духовному Дюнскаго признанію авторитета ханской власти: въ Орду считались съ русскими правами и обычаями, и князь Юрій Дмитріевичъ будетъ поддѣле сомнѣться передъ закономъ на духовную отца.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60. По указаніямъ договорной грамоты (С. Г. Г. и Д. т. I, № 35), на Русь приходилъ ханскій посоль, въ раскладъ по приему котораго въ Колокитъ участвуетъ князь Владиміръ, потому что оны тогда еще „были въ своей отчизнѣ“; этотъ „колокитскій посоль“ приходилъ, вѣроятно, звать в. к. Василія въ Орду; „володимерскіе посоль“ (Шакомать съ товарищами) прибыли, когда князь Владиміръ „выгналъ изъ своей отчизны“ (и потому „тотъ проторъ ему не надобѣ“). Задать въ Орду же в. к. Василія, а брать его Юрія и такъ его задержали: во время заключенія договора—послѣ Крещенія 1390 г.—еще ожидали его возвращенія: „а выждать Юрія съ посольмъ, уговариваются князья, и ванъ то подвяти по розоцѣ по выходу“ (т. е. пропорционально долгая „выхода“, установленнымъ въ томъ же договорѣ). Дату мираго доковчанія см. въ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 121. По этому доковчанію в. к. Василія дать дядѣ „въ удѣлѣ Возомъ съ волостями, а волости Надѣтеніе да Войничъ, да Ржему съ волостями“ въ придачу къ тому, чѣмъ князь Владиміръ благословилъ его отца; и чего ему „отступился“ в. к. Дмитрія. А въ остальномъ договорѣ 1390 года повторены почти безъ измѣненій договоръ 1389 г. (см. выше, стр. 178—184), въсильно смягчая терминологию („честно“ вмѣсто „честно и грозно“; оупущено обязательство „служити безъ оскумалы“, но сохранено равносильное „зѣсти безъ оскумалы“ на волю по посольскъ великаго князя). Но постановка собственной княжеской власти Владиміра Андреевича въ возможнѣ командованія и московскомъ судѣ существенно явна: его бояре, которые живутъ въ удѣлахъ в. к. Василія и его братьевъ или въ великокняжескихъ волостяхъ, идутъ въ походъ съ вождомъ своего князя; и въ московскомъ городскомъ судѣ великій князь не судитъ безъ князя князя Владиміра; территориальныя принципы, принятые въ договорѣ 1389 года, потеряли значитное ограниченіе. Нѣтъ основанія предполагать съ С. М. Соловьевымъ причину раздора въ сопротивленіи князя Владиміра „новому порядку вещей“, кромѣ разлѣ уговора князей на случай „городной осады“ въ Москвѣ: если в. к. Василій засядетъ въ городѣ, а Владиміра поместитъ изъ города, то Владиміръ оставитъ въ Москвѣ свою княжню, дѣтей и бояръ, а если великій князь оставитъ Владиміра въ осадѣ, а самъ выждетъ, то оставитъ съ нимъ мнѣ свои, младшихъ братьевъ и бояръ. Соловьевъ подтверждаетъ выраженіе „силыной недоувѣрчавости“ въ этомъ условіи. Но, быть можетъ, тутъ имѣется скорѣе ограниченіе допознанныхъ князь Владиміра о томъ, какъ Москва была похищена во время нахожденія Тохтамыша? Гарантіей отъ враждебныхъ его дѣйствій противъ великаго князя нельзя же считать такого условія, да и значимость уговора плохо вытекаетъ съ точной арміи С. М. Соловьева. О причиннахъ „розмиры“—въ связи съ передѣломъ владѣній по рожденіи младшаго сына Дюнскаго, Комстаатва см. ниже.

Муром, Мещеры и Торусы, т. е. всѣхъ основныхъ пунктовъ обороны восточной окраины и наступленія въ юго-восточномъ направленіи¹⁾. Этому шагъ великокняжеской политики былъ, надо полагать, подготовленъ еще при Дмитріи Донскомъ и опираясь на сложившіяся при немъ отношенія къ ордынской власти князь Тохтамышъ. Но раньше, чѣмъ удалось осуществить и утвердить приобретенныя по ганскимъ ярмакамъ новыя права, ближайшіе годы принесли крутыя перемены въ положеніи всѣхъ дѣлъ Восточной Европы.

II.

Эти крупныя перемены, измѣнившія всѣ условія великорусской великокняжеской политики, пришла и съ Востока, и съ Запада. Борьба съ Тимуромъ и его ставленникомъ Тамиръ-Кузлужемъ сложила силу Тохтамышъ. Его орда подверглась разгрому войскою Тимура въ 1395 г. Тохтамышъ бѣжалъ въ южную Русь подъ защиту Витовта, Золотая Орда подъ номинальною властью Тамиръ-Кузлужа, на дѣлѣ въ рукахъ князя Едигея²⁾.

¹⁾ Объ утвержденіи великокняжеской власти въ Нижнемъ см. выше, стр. 270—282. Муромъ перешелъ къ восточной полукѣ въ ту же пору, когда стрѣлокъ Нижегородское князю князю. Въ 1351 г. муромскій князь Юрій Ярославичъ «обнови отчину свою Муромъ, задушевнѣи отъ перемъ князей»; подл 1354 г. чатами-известіе о смутѣ въ Муромѣ—борьба князей за власть въ землѣ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 216—218 и 244; т. VIII, стр. 6), затѣмъ княземъ свѣдѣніи объ участіи муромскаго князя въ походѣ князя Олега рязанскаго. Латинскіе своды упоминаютъ о приобретеніи в. к. Василіемъ ярмаковъ на Муромѣ, Мещеру и Торусу нматодомъ при сообщеніи о томъ, что князь придалъ ему къ великому князю Нижній (Муромъ: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 90, т. V, стр. 245); но по большей части называть только Мещеру и Торусу, а не Муромъ (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 154). Повидному, всѣ три города попали въ завістіе о пожалованіи в. к. Василію Нижнего путемъ позднѣйшей редакціонной вставки (ор. т. XVIII, стр. 143, гдѣ одинъ Нижній со всѣмъ князю). Но подл 1408 годомъ упоминаютъ уже муромскій великокняжескій воевода Семенъ Жарославичъ (т. XI, стр. 204). Упоминаваніе Мещеры и Торусы въ договорѣ 1390 г. показываетъ, что ярмаки не только были приобретенны в. к. Василіемъ, но и вѣстная княжеская власть еще не устроена. Наши ярмаки мещерскіе, которые живутъ въ Мещерѣ, упоминаются еще въ договорѣ князя III съ рязанскимъ в. к. Иваномъ Федоровичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 115—118). Торусскіе князья, которые съ великимъ княземъ «однакъ человекъ», — въ договорѣ в. к. Василія Дмитріевича съ рязанскимъ в. к. Федоромъ Ольговичемъ (1408 г.; тамъ же, № 36). Въ своей духовной грамотѣ (первой, такъ же, № 39) в. к. Василій говоритъ о Муромѣ также условно, какъ и о Нижнемъ: «а дасть Богъ силу моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ», но вторая духовная (1410 г.) сохраняетъ условную формулу для Нижнего, о Муромѣ говоритъ уже окончательно, какъ о «примысѣ», который «оо всѣмъ, што къ нему поятяго», передается князю Василію Васильевичу. О Мещерѣ и Торусѣ духовныя вообще не упоминаютъ, вѣроятно, потому какъ въ составъ великаго князю.

²⁾ О бѣгствѣ Тохтамышъ наши своды сообщаютъ то подл 8908—1395 г. (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 101; т. V, стр. 248), то подл 6906—1398 (1397; П. С. Р. Л., т. VIII,

Ударъ, перенятый Тохтамышемъ, поразилъ сложившіяся московско-ордынскія отношенія. Эту лорейку въ Орду поодобіе объясняютъ скіной лядъ въ средѣ, окружавшей в. к. Василія. Дѣйствительно, въ 1391 году скончался тронный игуменъ Сергій, въ 1392—Боярнякъ Давидъ Ософавовичъ; ошелъ со слезы и Федоръ Андреевичъ Кошка, чью «добрую думу и добрымъ дѣла къ Орду» поодобіе поминалъ Едигей. Великаго князя окружали новые люди, среди которыхъ «старѣйшиной» почитался великокняжескій казначей Н. О. Кошкинъ¹⁾. В. к. Василій Дмитріевичъ не поѣхалъ въ Орду къ новому князю Темарь-Кузлу, но ѣздилъ и къ сѣбявшему его въ 1400 г. Шадбеку²⁾. Сношенія съ Золотой Ордой прерывали на десять съ лишнимъ лѣтъ. Великорусское великое княжество втиснуто въ сѣверу политика Витовта.

Прочную основу сильному литовскому вліянію въ московскія нравленіе круги положило то значеніе, какія тамъ пользовались Андрей и Дмитрій Ольгердовичи, близко связанные съ серпуховскихъ дворянъ ихъ лѣтъ, князя Владиміра Андреевича. Правда, борьба противъ Ягайла, возгорѣвшаяся съ новой силой, когда на него подаялся дядя Кейстутъ и заваялъ Вильно (въ 1381 г.), вывала Андрея Ольгердовича въ Полоцкъ, гдѣ онъ сумѣлъ удержаться и послѣ побѣды Ягайла, чтобы затѣмъ поднять на главѣ русскихъ элементовъ Литовскаго великаго княжества возстаніе противъ Кривской уаіи Литвы съ Польшей. Но въ эти годы отсутствія онъ не потерялъ связи съ Псковскимъ княземъ: тутъ за него княземъ намістникомъ сядѣлъ сынъ его Иванъ; когда же неудача возстанія привела къ изгнѣнію Андрея Ягайломъ, онъ—уже въ началѣ 1394 года—получилъ свободу за поручительство Витовта, который добился власти надъ Литвой. Андрей

стр. 71; т. XI, стр. 187). Первая дата, какъ указаво М. С. Грушевскій (Исторія України—Руси, т. IV, стр. 314) входить поддержку въ восточныхъ источникахъ, но въ виду разнорѣчія въ показаніяхъ разныхъ источниковъ о татарскихъ походахъ Витовта (ихъ сводка тамъ же, стр. 313—314), Грушевскій ставитъ даже вопросъ, «про одно ли тутъ событіе рѣчь плеть? Однако, гдѣ и ливымъ, чтобы Тохтамышъ возвращался на Золотую Орду послѣ „захватѣнія Темарь-Аювона“ въ 1395 году. Эту же дату подтверждаетъ расчетъ лѣтъ царствъ князей Темарь-Кузлу, Шадбека и Вулачь-Султана въ Никоновской (т. XI, стр. 210).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210. Этого разсказа Никоновской лѣтописи основана на грамотѣ Едигея, С. Г. Г. и Л. т. II, № 15. Примерительный характеръ политическаго вліянія Федора Кошки виденъ изъ свѣдѣній съ нимъ в. к. Миталла теурскаго, который въ 1391 г. женилъ сына „на Москвѣ у Федора у Кошки“ (тамъ же, стр. 137). Последнее извѣстіе о дѣятельности в. к. Кошки относится къ 1393—95 г. (тамъ же, стр. 156).

²⁾ Попреки великому князю въ грамотѣ Едигея содержится утвержденіе, что в. к. Василій не посылалъ ни къ Темарь-Кузлу, ни къ Шадбеку „ни съ которыми словами“; только при Вулачь-Салтаевѣ (съ 1407 г.) великій князь, не ѣздя въ Орду и не посылая туда ни сына, ни брата, къ старѣйшаго боярина, сталъ посылать въ Орду помощь противъ Литвы и русскихъ недруговъ, уклонился, одякою, отъ указами „выхода“ (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210).

вернулся по Псковъ и удержался тутъ на княженіи, пока не поврзъа-
ють великихъ князей Витовта и Василія, но затѣвъ, живой сжиговъ слож-
наго сизтевія судебъ восточной и западной Руси, связанныкъ этногра-
фическимъ и культурно-религіознымъ родствомъ, но политически раздѣль-
ныхъ и неизбежно-враждебныхъ, терять почву подъ ногами при перекрѣ,
ихъ столкновеніи, уходитъ изъ Пскова къ Витовту и гибнетъ въ бою съ
татарами на рѣкѣ Ворсклѣ. Радомъ съ нимъ палъ и братъ его Дмитрій,
который вернулся на Брянское княжество, когда сложилъ крестное покля-
ніе къ Василію Дмитріевичу и привезъ ленивую присягу королю Ягайлу и
королеви Ядвигѣ¹⁾. Во время «кормленія» и службы этихъ князей у велика-
го князя Дмитрія—вокругъ нихъ и родственнаго имъ серпуховскаго двора
взятельная группа западно-русскихъ выходцевъ, среди которыхъ поминемо
знаемъ кроми «Ольгердовитъ инуковъ» - Андреевичей, брянскаго боярина
Пересаѣта и Дмитрія Волынскаго-Войрова, который, по сообщенію поддѣль-
ныхъ родословцевъ, сталъ зятемъ в. к. Дмитрія²⁾.

Борьба съ татарами, борьба за самостоятельность русскихъ областей
Литовско-русскаго государства—то, чѣмъ жила обрусѣлые литовскіе князья
и ихъ русское боярство, дѣлали ихъ сотрудничество съ великорусскими
силами естественнымъ и легкимъ, но тѣ же тенденціи и родины западно-
русскія и литовскія связи связывали ихъ и вокругъ Витовта—борьба за
самостоятельность Литовско-русскаго государства противъ его инкорпо-
раціи владѣніямъ Короны Польской.

Въ 1386—7 г. князьча Вадимъ Дмитріевичъ бѣжалъ изъ Орды въ
Подольскую землю, побывавъ у волошскаго воеводы, видѣлся въ Витовтѣ
на Волынѣ³⁾. За нимъ прѣбыво изъ Москвы посольство изъ старѣйшихъ

¹⁾ Срезневскій, Сводѣніи и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ па-
мятникахъ, № 63: грамота князя Дмитрія Ольгердовича, писанная въ 1368 г., еще
до его возвращенія на Брянскъ, признаеть условіемъ этого возвращенія сложение
той «прады», какую омы даде в. к. Дмитрію московскому, в «гольдъ» на зѣрно
послушавше «короли и его вранницъ и его дѣтемъ и корунѣ польской».

²⁾ Поддѣльшіе тексты—лѣтописные и родословные—превратили его въ князя
Волынскаго, чѣмъ надѣлали послѣдователямъ казненныхъ хлопотъ. Въ Бархатовой
князѣ³⁾ этого титула прѣдалъ Волынскому только въ оглавленіи; въ частимъ
спивскаго родословцевъ этого зятѣ—см. Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дѣла XVI вѣка»,
стр. 377, прим. 2.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 51—52: кн. Василій бѣжалъ изъ Орды въ «Подоль-
скую землю, въ великіе Волохи, въ Петру воеводѣ»; въ Подольскую землю в. к.
Дмитрія пославаетъ «бояръ своихъ старѣйшихъ противу сыну своему». Едва ли это
проезжая «встрѣча»; старѣйшіе бояре—посольство; въ январѣ 1387 г. Василій Дми-
тріевичъ вернулся въ Москву съ литовскими и польскими дѣлами отъ Витовта.
П. С. Р. Л., т. XI, стр. 90—направляетъ московскимъ боярѣ въ Подольскую землю,
такъ какъ, по представленію Нахимоваго лѣтописецъ, Витовтъ былъ въ ту пору въ
Нѣмецкой землѣ, «по убѣіиіи отца его Кестута убѣма», и сюда къ нему прѣбрален.
«въ названыхъ таяса», князь Василій: это передѣлка лѣтописца о перемѣхъ сноше-

бояры, и съ ними въ Москву поѣхали литовскіе папы. Не знаемъ содержанія происшедшихъ переговоровъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно принято историками предположеніе, что состоялся стоворъ о бракѣ Василія Дмитріевича съ Софьей Витовтовной. Вскорѣ по заключеніи Василія, въ началѣ 1391 года этотъ бракъ и состоялся. Свойство Василія съ Витовтомъ создадо значительное вліяніе тестя на зятя, продолжавшееся, съ колебаваніи и моментами враждебнаго разрыва, итеченіе всей жизни и княженія Василія Дмитріевича, гдѣ болѣе, что находило поддержку въ митрополитахъ Клиріакѣ и Фетіи, которые стремили свою церковно-политическую дѣятельность въ качествѣ митрополитовъ «всехъ Русей» на нимахъ основаніяхъ, чѣмъ митр. Алексій.

Оближеніе в. к. Василія Дмитріевича съ Витовтомъ произошло въ весьма сложной международной обстановкѣ. На первыхъ порахъ Витовтъ должелъ быть представлялся Москвѣ противникомъ давленія врага—Ягяйла и меланымъ союзникомъ въ борьбѣ съ татарами, а Ягяйло—союзникъ татаръ и опасный врагъ на западной границѣ. Съ восточной позиталой Ягяйла великорусское правительство сталкивалось, прежде всего, на новгородской почвѣ. Силы великаго княжества были едва достаточны для обороны на восточныхъ и южныхъ предѣлахъ, для частыхъ столкновеній и непрерывной опасности съ литовской стороны, и Новгородъ, поевольтъ все болѣе самостоятельный въ своихъ дѣлахъ, пытался уже не разъ организовать свое ратное дѣло путемъ кормленія князей—литовскихъ выходцевъ. Однако, не удавалось получить ихъ въ полное свое распоряженіе; прішлыхъ князей тянуло къ дѣламъ Литовско-русскаго государства и временное изъ появленіе на новгородской почвѣ, съ одной стороны, приносало Новгороду мало пользы и много внутреннихъ смутъ и раздоровъ, а, съ другой, ставило все круче вопросъ объ отащеніи къ Литовскому великому княжеству. Новгородъ ископи не могъ обойтись своими силами, и оивязъ съ литовскими князьями, въ концѣ концовъ, могла получить существенное значеніе только при оворѣ ихъ—для обороны Новгорода—въ войскахъ великаго княжества, воембѣ гдѣхъ полковъ «пявонской земли», на которые все меньше приходилось рассчитывать. Договоръ Великаго Новгорода съ Гедиминамъ привелъ только къ неудачнымъ попыткамъ использовать для новгородскихъ дѣлъ князей Наримонта, загѣмъ Патрикія.

мѣхъ съ Витовтомъ по расказу о московскомъ посольствѣ къ нему, которое приѣхало въ Мальборгъ и вернулось въ Москву черезъ Перновъ въ концѣ 1390 года съ Софьей Витовтовной (И. С. Р. Д., т. VIII, стр. 61; т. XI, стр. 128; Antoni Prochaska, Król Władysław Jagiełło, т. I, стр. 93—96). Проказа угадываетъ, что Витовтъ заиваетъ переговоры съ Москвой безъ вѣдома Ягяйла и что эти сношенія шли въ разрѣзъ съ позиталой Ягяйла. Витовтъ подготовилъ возстаніе и обеспечивалъ себя оивязи. Возможно, что и подадка князя Василія къ владетелю воеводѣ стоила въ какой либо связи съ этими переговорами.

Однако, на томъ дѣло не кончилось. Въ 1388 году прибыли въ Новгородъ послы князя Лугвения-Семена Ольгердовича съ приглашеніемъ его на тѣ пригороды, на каковыя сѣдѣлъ Наримонтъ Гедиминичъ, и, принявшій съ честью, князь Лугвений въѣхалъ въ Новгородскую землю. Князь Лугвений-Семенъ стоялъ во главѣ новгородскихъ войскъ въ ихъ столкновеніи съ Псковомъ, въ 1390 г. отражая набѣгъ шведовъ на Оушкетъ¹⁾. Но онъ не столичный князь новгородскій²⁾, хотя новгородцы признали его отъ руки в. к. Ягайла: въ присяжной грамотѣ 1389 года на имя короля польскаго, литовскаго и русскаго Владислава-Ягайла Лугвений кнехуетъ себя «опекальничкомъ мужемъ и людемъ Великого Новгорода» по поставленію отъ Ягайла, и обѣщаетъ ему и королеви Ядвигѣ стоять при князѣ и при короли польской «съ тыми людьми съ Великого Новгорода до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ «держитъ въ своихъ опекахъ»³⁾. Это моментъ когда Ягайло, признавъ въ принципѣ славнѣе своего Литовскаго великаго княжества съ Польшей, переводитъ связь землей, соединенныхъ съ его великимъ княженіемъ подручничествомъ вѣстимыхъ князей, на «королю польскую». Широки политическіи планы грозили захватить и Новгородъ въ эту связь зависимости отъ «короны польской», если бы «опеканье» Новгорода княземъ Лугвениемъ могло вытѣснить традиционную принадлежность Новгорода къ великорусскому великому княжеству. Однако, въ то время, какъ Дмитрій Ольгердовичъ сложилъ, ради возвращенія къ свое Бранское княжество, крестное цѣлованіе къ в. к. Дмитрію, Лугвений не удалось оторвать Новгородъ отъ великаго княжества. Его пріѣздъ въ Новгородъ былъ, повидимому, связанъ съ разладомъ отношеній между Новгородомъ и великимъ княземъ и произошелъ, когда въ Новгородѣ не было великокняжескаго княжества, однако, когда Новгородцы «докончили (въ 1390 г.) нивъ по старей» съ в. к. Василіемъ и признали его княжества, они сохранили у себя на пригородахъ княземъ-кормилецникомъ Лугвения. Это своеобразно двойственное положеніе, столь различно осѣщаемое въ своемъ политическомъ и государственно-правовомъ смыслѣ съ точки зрѣнія московской и литовской, создавало, надо полагать, нѣкоторую опору новгородской самостоятельности передъ великорусской великокняжеской властью. И въ 1392 году едва ли случайно за отъѣздомъ Лугвения изъ Новгородской земли⁴⁾ слѣдуетъ новый подъемъ великокняжескихъ требованій и «романья» въ за няхъ съ великимъ княземъ, а затѣмъ—попавшіе въ Новгородѣ князья блговерскаго Константина и литовскаго Романа⁵⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 96, 97; Новгород, I, стр. 378, 379.

²⁾ Какъ предполагаетъ Прохорова (указ. соч., т. I, стр. 94).

³⁾ А. З. Р., т. I, № 10.

⁴⁾ «И тогда же (досягъ защиты Оушкетъ отъ „разбойничьихъ князей“) пошелъ въ Литву къ своей братьи, а городомъ покинувши» — Новгород, I, стр. 378.

⁵⁾ «А на князѣ князь Василей присла свои послы въ Новгородъ.... просити

Псковъ непричастенъ ко всѣмъ этимъ новгородскимъ дѣламъ; позидому, тутъ послѣ отъѣзда Андрия Ольгердовича въ Литву все время сидѣлъ князь-наместникомъ его сынъ Павелъ. Новгородско-псковскія отношенія весьма натянуты; въ 1390 г. вспыхнуло открытое «розырье»; князь Лугвѣй ходилъ на Псковъ съ новгородскимъ полкомъ, но дѣло кончилось миромъ; однако, въ свой миръ съ ильичами, заключенный въ 1392 г., новгородцы не считали псковичей, и тѣмъ пришлось самимъ особо вести дѣло о мирномъ докончаніи¹⁾. Не столько къ Москвѣ тягнетъ Псковъ, сколько онъ въ рукахъ, враждебныхъ Игитлу,—и возвращеніе «изъ италъ» князя Андрия Ольгердовича сопровождается попой вспышкой псковской вражды съ Новгородомъ: князь Романъ и Константинъ были въ походъ Псковомъ съ Андреемъ и его сыномъ, нападеніе отбито, но мира не состоялось²⁾.

Литовскія вѣнскія, литовскія отношенія зависли надъ западными областями Великороссіи. Великорусское великое княжество, безсильное ихъ продолжать и отбросить отъ предѣловъ того сложнаго неопредѣллагагося міра «всехъ Руск», центромъ котораго считало себя, идетъ по пути сближенія съ западно-русскими элементами Литовско-русскаго государства, родственными восточной Руси въ национальности, культурѣ и вѣроисповѣданіи, поддерживаетъ, по мѣрѣ силъ и возможности, ихъ медовольство литовскимъ вассаломъ, ихъ борьбу противъ владычества языческой, а затѣмъ католической Литвы. Первыя шаги Витовта, который опирался, преимущественно, на коренную Литву, но искалъ сближенія съ русскими и православными элементами Литовско-русскаго государства, приказъ даже православіе, когда получилъ южно-русскій надѣлъ, вводилъ его въ кругъ отаженій, которыя создавали готовую почву для сближенія съ Москвою. Въ 1391 году Витовтъ-Александръ, сохранивъ это православное крестное ния и послѣ того, какъ

чернаго бору и княждинъ и о крестной грамотѣ», П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99. Въ другихъ свѣдѣніяхъ причина розньи княжкомъ сведена къ «крестной грамотѣ» новгородцевъ объ отказѣ отъ «зона» на судѣ къ митрополиту въ Москву и отъ «иславнаго суда» митрополита въ Новгородъ; по это дѣло тянулось съ 1385 г., а въ данный моментъ в. к. Василь ставилъ ребромъ вся латинскоязыскія требованія Новгороду, въ томъ числѣ и церковный вопросъ, неотдѣлимый отъ новгородской политики. — Въ началѣ розньи въ главѣ новгородской рати два князя: Романъ литовскій, котораго, быть можетъ, оставилъ за себя Лугвѣй (указатель къ П. С. Р. Л. отождествляетъ его съ Романомъ Юрьевичемъ, дѣлотовавшимъ въ Новгородѣ еще въ 1390 г. вмѣстѣ съ Натріемъ Наримонтовичемъ—т. IV, стр. 93, и убавъ на Шеловѣ въ 1397-8 г. — тамъ же, стр. 103), и Константинъ Псковичъ Вязоверскій (см. у Экземплярскаго, т. II, стр. 166—167). Князь Романъ Юрьевичъ, можетъ быть, величайшій изъ другихъ восточныхъ аяукъ Наримонта-Габба, смѣтъ князя белозскаго Юрія? Впрочемъ, вся генеалогія этой лавы литовскихъ князей весьма сомнительна.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 97; стр. 104 («вѣху новгородци миръ съ ильичи, а псковичи имъ миръ не даху; и вѣху псковичи миръ особа»).

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 64.

привалъ себя сыномъ западной церкви, сталъ тестемъ великаго князя Василія. Слѣдующій годъ поставилъ его во главѣ Литовскаго великаго княжества на условіяхъ Островскаго договора. По существу, это круто мѣнило все положеніе. Вотомъ—въ ближайшіе годы—дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ Ягайломъ, вступаетъ на пути русской политики Ольгерда и Ягайла¹⁾. Въ полномъ согласіи съ Ягайломъ и формально его именемъ проводить Вотомъ упраздненіе самостоятельныхъ князей по русскимъ областямъ²⁾. Въ эти годы политика Вотомъ не противопоставляла сколько нибудь открыто и опредѣленно началамъ Крестской уніи. Тамъ замечательнаго та широкая восточная политика, какую онъ пробуетъ развернуть—въ духѣ Ольгерда, и то положеніе, какое онъ сумѣлъ занять на русскомъ востоцѣ въ девяностыя года XIV-го вѣка.

Князь литовскій, вправду Литвы подя рукою «польскаго короля, великаго князя литовскаго и вотчака Руса» Ягайла, Вотомъ разнаваетъ энергичную дѣятельность по расширенію своего вліянія и прямой властвованія надъ русскими областями не только безъ противодѣйствія, но при прямой поддержкѣ Москвы и Твери. Ближайшая цѣль его—подчиненіе Смоленска и Великаго Новгородца. Въ 1395 г., въ то время, какъ восточная Русь переживала опасность нахожденія на ея предѣлахъ грознаго Тимура, Вотомъ использовалъ смуту среди смоленскихъ князей, чтобы призвать ихъ въ свой лагерь на третейскій судъ, а тутъ ихъ захватить и замѣнить

¹⁾ Напомнимъ, что не въ одной грамотѣ начала девяностыя годовъ Вотомъ на титулуется «великимъ княземъ» (supremus dux) Литвы; «великій князь» это Ягайло («король польскій, великій князь литовскій, вотчака Руса»); только съ 1396—99 г. начинаетъ встречаться наименованіе Вотомъ «великимъ княземъ Литвы». М. К. Либавскій («Литовско-русскій союзы», стр. 16) не учелъ этого обстоятельство, но признаетъ, что «Островское соглашеніе 1392 года..... не замѣнило Крестскій договоръ 1385 года въ принципѣ».

²⁾ Вместе съ Троицкой рѣчкой по Кейстутѣ перешелъ къ Вотому и Полоцкѣ въ рукъ Свидрагайлы, какъ владѣе отъ Ягайла; Видлбскъ, когда кончилось поземное владѣніе имъ Ягайловой матери, въ управленіи Ягайловыхъ (не Вотомовыхъ) наместниковъ, а Вотомъ выбавляетъ оттуда заслѣжнаго тамъ Свидрагайла, чтобы отослать его въвѣномъ къ Ягайлу; терять владѣнія Корбутъ-Дмитрій подгородъ-сѣверскій и самъ въ цѣлу, пока не взялъ его на поруки Осегъ разанскій (затѣмъ выдалъ его княземъ-подручникомъ при Вотомѣ); на югѣ Вотомъ отвѣмалъ Кіевъ у Владимира Ольгердовича съ поддержкой послать отъ Ягайла— для передачі его Смирталу, а Подолію у Федора Користовича, чтобы часть ея получить, выдать съ Волынью, въ державу отъ з. к. Ягайла. Все это тѣсно связано съ проведеніемъ въ князь вѣчала Крестской уніи, которую и Вотомъ окрѣдилъ, участвіемъ въ основномъ актѣ и записью на вѣрность королю и король польскому, а въ 1392 году возобновилъ, дополнивъ особой записью на вѣрность королевы Ядвиги и король польской (Либавскій, указ. соч., стр. 18). — Официальная терминологія того времени не различаетъ въ Ягайла восточнаго великокняжеской власти на Литвѣ отъ короля польскаго; Ягайла стоитъ на пошлѣ Крестской уніи, т. е. единства польско-литовской государственной власти.

своими наместниками. Князь Юрий Святославич избѣжалъ наѣвненія, наперѣ, поддержку у тестя, рязанскаго великаго князя Олега, но Москва поддержала Витовта. Весной того же года, какъ свершилось «первое вѣяtie Смоленску отъ Витовта», в. к. Василий Дмитриевичъ и митр. Клирикъ прѣѣхали къ нему въ Смоленскъ, а лѣтомъ и осенью в. к. Василий останавливаетъ попытку Олега рязанскаго поднятъ за ново борьбу противъ Витовта, но не препятствуетъ литовскому князю громить Рязанскую землю, а послѣ его рязанскаго похода — чувствуетъ теста на Коломнѣ¹⁾.

Такое сближеніе великихъ князей литовскаго и великорусскаго ставило въ трудное положеніе Великій Новгородъ. Размиръ съ в. к. Василиемъ не было исчерпано событиями предыдущихъ лѣтъ, хотя формально закончилось въ 1393 году уступкой со стороны Новгорода; новгородцы послали къ в. к. Василию пословъ съ челобитьемъ о старпшѣ, смирились и передъ митрополитомъ, допустили сборъ «чернаго бора» по своимъ волостямъ и възысканіе вѣныхъ княжескихъ пошлговъ. Тогда же взяли новгородцы мѣръ по старпшѣ и съ Витовтомъ²⁾. Но положеніе, занятое Великимъ Новгородомъ, дѣлало прочный миръ невозможнымъ. Новгородская независимость отъ великокняжеской власти значительно возрасла за время полной заброшенности задачъ сѣверо-западной великорусской полтавки со стороны этой власти. Господинамъ Великій Новгородъ получалъ возможность, даже оставаясь въ необходимости вполнѣ независимо опредѣлять свои отношенія къ соседямъ, вести войны и заключать договоры, полагаясь только на самого себя³⁾. Это годы изобиліе полнаго новгородскаго народоправства. И новгородцы, признавая, по прежнему, княжескую власть необходимой, главнымъ образомъ, для ратнаго дѣла, все чаще повторяютъ опыты съ захватной этой высшей власти ея суррогатомъ — дѣятельностью пришедшихъ князей, которыхъ «ворнили новгородскими хлѣбомъ» на своихъ пригородахъ⁴⁾. Отлученіе отъ великорусскаго великаго княженія достигло высшей мѣры, и вторая половина двенадцатыхъ годовъ принесла Новгороду небывалыхъ испытаній.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69—70; т. XI, стр. 166; т. IV, стр. 101.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; Новгород. I, стр. 379; только въ издѣи 1397 г. поминились новгородцы со Полоцкомъ—Новг. V, стр. 382.

³⁾ Характеренъ княжеский отзывъ къ в. к. Василию на требованіе его и Витовта разорвать миръ съ вѣвцами: «намъ, господине княже, съ тобомъ миръ свой, а съ вѣвцами нѣтъ, а съ Витовтомъ нѣтъ; а ты, господине княже, въ то у насъ не вступайся: Новгородъ держитъ старину древнюю, какъ пошло отъ начала испрваня»; этотъ отзывъ звучитъ совсѣмъ по новгородски; но не такъ еще давно главный новгородскій управъ великихъ княземъ бѣжалъ за недостаточное вниманіе къ вѣвчимъ отношеніямъ Новгорода. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 168; т. IV, стр. 102; т. V, стр. 250).

⁴⁾ Въ 1399—1396 такую роль играетъ блговѣрній князь Константинъ Ивановичъ; въ 1397 князь за другомъ прѣѣхалъ въ Новгородъ смоленскій князь Василий Ивановичъ, захватъ мн. Патрикій Нармонтовичъ.

Въ 1397 году въ Новгородѣ явились «содного» послы великихъ князей Василія Дмитріевича и Витовта и привезли новгородцамъ требованіе разорвать миръ съ нѣмцами. Новгородцы отбили отъамокъ, который послы утверждалиемъ самостоятельности своей политичи и своихъ договоровъ съ великимъ княземъ всея Руса, съ Литвой, съ Нѣмцами. Смысль этого требованія не ясно: на Витовта, на тѣмъ богѣ в. к. Василій не думали въ данный моментъ о войнѣ съ Орденомъ¹⁾; быть можетъ, правильно было бы заключить объ этомъ смыслѣ отъ новгородскаго отвѣта—и повнть требованіе, какъ отрицаніе за новгородцами права на самостоятельную внѣшнюю политику. Во всякомъ случаѣ, оно было только предлогомъ для приступа къ выполненію плана дѣйствій, условленнаго, надо полагать, на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ князей. Трудно повнть связь дальнѣйшихъ событий безъ допущенія, что между великими князьями состоялось соглашеніе о раздѣлѣ новгородскихъ владѣній.

В. к. Василій посылаетъ на Двину своихъ бояръ, призываетъ Двинскую землю отложиться отъ Новгорода и «здатъся» за него, князи великаго. Бояре двинскіе и вся Двинская земля цѣловали крестъ в. к. Василію, обеспечивъ себя опредѣленными условіями управленія по особой уставной грамотѣ. Одновременно великій князь захватъ Волоку Ламскій, Торжокъ, Вологду, Вѣжегидъ Верхъ²⁾. Въ то же время Витовтъ заключаетъ съ Литовскимъ Орденомъ (въ октябрѣ 1398 года) свой знаменитый Салинскій договоръ, по которому отступался въ пользу рыцарей отъ Жмуда и отъ вслѣдъ притязаній на Псковъ, обязуясь помочь имъ въ покореніи Псковской земли, а зато получалъ обязательство Ордена помочь въ завоеваніи Великаго Новгорода³⁾. Въ Новгородѣ явились послы Витовта съ обязательнемъ войнмъ за то, что новгородцы не исполнили своего обязательства признавать Витовта своимъ великимъ княземъ⁴⁾. Но дѣйствій противъ Новгорода оказались

¹⁾ А. Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 106—108.

²⁾ Ном. I, стр. 382—388: Двинская уставная грамота А. А. 8., т. I, № 13.—Торжокъ в. к. Василій „далъ“ князю Ивану Всеволодовичу литовскому, за котораго выдалъ сестру Анастасію (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70).

³⁾ Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 110.

⁴⁾ Ном. I, стр. 398: „обществованіи ми есте, что было вамъ за мене кнѣтиа, а мѣъ было вамъ княземъ великимъ быти, а васъ мѣъ было оборонити, а вы за мене не князюа.—Это моментъ, когда быстрый ростъ плановъ Витовта достигъ своего апогея—метны о взаимномъ Литовскомъ королевствѣ. Съѣздъ Литовскихъ князей и князей на о-вѣ Салинѣ провозгласилъ его „вероломъ на Литву и на Руса“, Орденъ опасался объединенія подъ званіемъ Витовта Литвы и Руса.—Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 111; М. К. Любавскій, Литовско-русскій союзъ, стр. 26—28; Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 87. Не ясно, о какомъ обязательствѣ новгородцевъ „затъся“ за в. к. Витовта завили князья Витовта: моточника мочатъ, но нтъ въ книгъ и описанія того, что подобныя переговоры были. Напомнимъ пріездъ Охтерда на половское князюство, а тутъ рѣчь могла идти о клятвѣ для Новгорода отъ руки в. к. Витовта.

разрозненными, а сования Витовта иеръшительными въ поддержкѣ его чрезвычайнаго усиленія. Ордену было важно поссорить Витовта съ Ягайлой, а не усмирать его подчиненіемъ Новгорода; да едва-ли рыцари на дѣлѣ мечтали о покореніи Пскова. Захватъ Данской земли и другихъ новгородскихъ владѣній оказался недогнѣчимъ, а раньше, чѣмъ Витовтъ развязалъ себѣ руки Саливскимъ договоромъ, войска Великаго Новгорода повели обратное завоеваніе и жестоко покарали отступившую отъ Новгорода Данскую землю, а затѣмъ добились и «мира по старій» съ в. к. Василиемъ. Едва ли скорое отступленіе великаго князя отъ широкихъ захватныхъ плановъ объяснимо однимъ ратными успѣхами Новгорода. Чрезвычайное подчиненіе политикѣ Витовта грозило слишкомъ тяжкими послѣдствіями. Великокняжеская политика становится самостоятельнѣе, и когда Витовтъ отараняетъ «възметную грамоту» въ Новгородѣ, а Псковъ отдастъ въ жертву князю, конечно снова ваши оиору въ великорусскомъ великомъ княженіи, а Новгородъ возстановитъ «старину» своихъ отношеній къ великокняжеской власти. Лѣтомъ 1399 года Псковъ спѣшно укрѣпляется; Ольгердовъ злукъ, князь Иванъ Андреевичъ еще леской ухалтъ, «цѣлованье сложилъ». Къ званію выискивалось, что за Псковомъ в Новгородомъ стоятъ противъ Витовта великорусское великое княжество. Въ Новгородѣ пріѣхалъ братъ великаго князя Андрей Дмитриевичъ; во Псковѣ, по псковскому челобитью, великій князь просадъ князя холмскаго Ивана Всеволодовича, а Витовтъ «стоя зими миръ разверзъ съ своимъ зятемъ, съ великимъ княземъ Васильемъ и съ Новымъ городомъ и со Псковомъ»¹⁾. Въ Москвѣ стали другими глазами смотрѣть на политику Витовта, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ толкованіемъ какое получали въ московской средѣ его татарскія отношенія.

III.

Сѣверные планы Витовта рушились, когда его вниманіе и энергія все сильнѣе прикованы къ югу; дѣла татарскія связали его силу и остановили наступленіе на Новгородѣ. Уступчивость великорусскаго великокняжескаго правительства въ отношеніяхъ къ Витовту могла быть обусловлена не только личнымъ вліяніемъ тети на в. к. Василья съ поддержкой в. к. Софьи Витовтовны и интр. Кипріяна²⁾, но и разрывомъ съ Ордомъ, расчѣтомъ на оборону противъ татарской силы въ союзѣ съ Витовтомъ. Соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Москвы и Литвы противъ татаръ должно было быть предметомъ обсужденія на Коломенскомъ съѣздѣ великихъ

¹⁾ П. С. Р. Д., т. IV, стр. 196.

²⁾ Внутренніе отношенія московскаго великокняжескаго двора, о которыхъ наши источники не даютъ опредѣленныхъ свѣдѣній, впрочемъ многое объясняя бы въ холбаніяхъ великокняжеской политики не только въ татарскія, но и въ русско-литовскія дѣла.

князей¹⁾. У Витовта въ рукахъ было такое орудіе для поддержанія смуты въ Золотой Ордѣ, какъ бѣжавшіи къ нему ханы Толтамышъ, осыпшіи съ дворами своими въ Кіевщинѣ. Витовтъ съ 1397 года возобновлялъ старинныя русскія княжескія походы въ степь в военную колонизація своихъ владѣній плѣнцами и бѣглыми инородцами²⁾. Но замыслы его значительно шире. Онъ мечталъ о сокрушеніи Золотой Орды, собиралъ силы для большого похода, добыты отъ папы Бонифація IX провозглашеніе въ Польшѣ, Литвѣ, Валахіи крестового похода на татаръ, заручился поддержкой Тевтонскаго Ордена. Не могъ тотъ же замыселъ большой войны съ татарами не захватить и сношеній Витовта съ Москвою и Тверью. Въ концѣ 1397 г. тверской в. к. Иванъ Михайловичъ ѣдетъ къ Витовту, въ 1398 проследить общій посланіе между великимъ княземъ Витовтомъ и Василіемъ³⁾. Пограничная борьба Велікороссіи не прекращалась въ эти годы на рязанской и нижегородской окраинѣ, но великокняжеское правительство не отключилось на проекты Витовта. Въ Москвѣ отнеслись съ крайнимъ недоумѣніемъ къ покровительству, какое Витовтъ оказывалъ бѣгшему хану Толтамышу, маки его послужилъ возмущеніемъ на ханствѣ. Памятники русскаго летописанія сохранили указаніе на то, какіе предательскіе замыслы приписывали Витовту противники его вліанія на русскія дѣла: подворить Толтамышу въ Орду, а съ его помощію покорить себѣ Москву и все великорусское великое княжство, чѣмъ разрѣшится въ его пользу и вопросъ о Новгородѣ и Псковѣ⁴⁾.

Пораженію войскъ Витовта на берегахъ Ворсклы въ исторической литературѣ часто придаютъ нѣсколько преувеличенное значеніе. Конечно, оно подорвало замыслы большого наступленія на татарскій міръ, а съ другой стороны, было ударомъ, отрезывающимъ отъ мечтаній Салвискаго съѣзда, и въ польско-литовскихъ отношеніяхъ политика Витовта возвращается, въ значительной мѣрѣ, на прежніе пути солидарности съ Ягайломъ, однако,

¹⁾ Прохаска, указ. соч., стр. 119.

²⁾ О степныхъ походахъ Витовта см. Ляновскаго, „Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчовое время и походы князя Витовта на Татаръ въ 1399 году“ (1907 г.; Ж. М. Нар. Пр. и отд.) Прохаска, указ. соч., стр. 119—121; М. С. Грушевскій, указ. соч., т. IV, стр. 313—314.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 71. Посолье в. к. Витовта Ямонта въ Москвѣ; заглавіе приѣзда в. к. Софьи къ отцу „съ боярами многими“.

⁴⁾ „Хотѣлъ плѣнить Гроскумъ землю в Новаградѣ и Псковѣ“—Новг. I, стр. 390; П. С. Р. Л., т. IV, стр. 103, 143; т. V, 251; т. VIII, 72. Эти толки, связанныя въ одинъ широкій замыселъ татарскую и новгородскую политику, показателны для перелома въ отношеніи къ ней великорусскаго великокняжескаго правительства накануне битвы на р. Ворсклѣ: послѣ нея мало бы въ нихъ было смысла, а разсказъ это-писанныхъ сведоховъ объ этой битвѣ по слову злорадства униженіемъ гордыни Витовта; разрывъ Москвы съ славянской политикой Витовта опредѣлялся до битвы на Ворсклѣ: на Андрей Дмитріевичъ прѣбывалъ въ Новгородѣ къ 15 іюня (на „Володиміръ день“), а боя на Ворсклѣ—12 августа 1399 г.—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 172 и 174.

на новыя началах признали за нихъ пониженной великокняжеской власти; если не придавать чрезвычайного значения широкимъ замысламъ, какіе Витовтъ приписывалъ сосѣдямъ, глядѣвшіе съ опаской на ростъ его силы, а изъ представленія его великорусскихъ недруговъ разрослись до столь фантастическихъ рахѣровъ, учитывать только реальныя черты достигнутого имъ политическаго положенія, можно признать, что оно не было особенно рѣзко поколеблено пораженьемъ на берегахъ Вorskы.

Въ частности не боевая неудача 1399 года разрушила сѣверо-русскіе планы Витовта, а временное объединеніе противъ него великорусскихъ силъ ¹⁾. Пережитое пораженіе, совпавшее съ пересмотромъ литовско-польскихъ отношеній по смерти королевы Ядвиги, знавало Витовта возможность пойти на активныя дѣйствія. Въ ближайшіе годы Новгородъ, а затѣмъ Псковъ заключаютъ съ в. к. Витовтомъ «вѣчный миръ» ²⁾. По это примиреніе не восстановило силы Витовта надъ сѣверными вольными городами. Во Псковѣ являлся князь-намістникъ Данила Александровича (имъ ростовскихъ князей)—представителя власти великаго князя всея Руси. А Новгородъ являлся литовской поддержкой. Возмущенія въ Смоленскѣ, гдѣ часть населенія была на сторонѣ Витовта, а часть стояла за возвращеніе князя-отчича, дали Юрію Сантославичу возможность снова овладѣть Смоленскомъ съ рязанской помощью, а походъ Витовта подъ Смоленскъ осенью 1401 года кончился неудачей и «миромъ по старигѣ» съ княземъ Юріемъ, съ которымъ и новгородцы посѣяли заключить докончаніе ³⁾. В. к. Василій въ то же время возобновилъ, — не объявляя Новгороду войны, — наступательныя дѣйствія для захвата днѣвской земли и Торжка ⁴⁾. Однако и на этотъ разъ великому князю не удалось удержать новгородскихъ возо-

¹⁾ Къ началу 1399 года подходить односторонне стоящая въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ запись Софійской 2-й лѣтописи: „того же лѣта князь великій Василій Дмитровичъ московскій со княземъ Михаиломъ тверскимъ покрѣпиха миръ, и оселъ князь всеи русыи князь заведе и послаша грамоты разметети ко князю Витовту Костулявичу литовскому“, а не въ 1396-му, подъ которымъ она читается (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 128), — ранѣе известія о Коломенскомъ свиданіи великихъ князей.

²⁾ Новгород. I, стр. 391; П. С. Р. Л., т. V, стр. 18.

³⁾ Новгород., стр. 392; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 75. Въ Смоленскѣ „бысть въ то время мятежь и крамола, овѣхъ хотяху Витовта, а другій отчича своего“, верну князь послѣдній, отворилъ городъ Юрію, перебили своихъ бояръ, „которые перавѣтъ держали ко князю Витовту“, и князь Романа брянскаго, „намістника Витовтова“, съ его брянскими боярами.

⁴⁾ „На крестовомъ пѣваніи“ дважды подчеркнута въ Новгород. I, стр. 391 и 392. Надо полагать, что в. к. Василій нацѣленно придавалъ этимъ дѣйствіямъ характеръ осуществленія своего великокняжескаго права Новгородскіе посадники на Днѣвѣ арестовывали, многіе днѣвскіе князья („крестовѣ повѣщали, а имъ послѣла“), въ чемъ можно видѣть репрессию за „миръ“ — П. С. Р. Л., т. IV, стр. 143; задержаны и уведены въ Москву и новгородскіе бояре-посадники на Торжкѣ. Въ распоряженіи съ новгородской партіей на Днѣвѣ во главѣ рати великаго князя — днѣвскіе бояре.

стей, причем всё литовские своды замалчивают обстоятельства, при которых этот конфликт получив свое разрешение ¹⁾. Позвидимо, сѣбшное примиреніе в. к. Василія съ новгородцами стоило въ связи съ оживленіемъ литовскаго напора на смоленскую область: дать разгорѣвшимся борьбѣ съ Новгородомъ значило бы отдать его въ руки в. к. Витовта. Но отъ обороны Смоленска Василій Дмитріевичъ своа уклонился, хотя его примиреніе съ новгородцами и докончаніе съ ними князя Юрія смоленскаго, давали этому послѣднему надежду на великорусскую поддержку. Когда въ ближайшіе годы князь Семенъ Ольгердовичъ захватилъ смоленскій городъ Вазьму, а затѣмъ Витовтъ ваялъ в Смоленскѣ, князь Юрій Святославичъ искалъ въ Москвѣ обороны отъ литовскаго великаго князя, но Василій уклонился отъ столкновенія съ тестемъ ²⁾. Переговоры великихъ князей могли грозить выдачей Юрія Витовту: смоленскій князь бѣжалъ съ Москвой въ Новгородъ (возможно, что съ московскаго попустительства) и новгородцы приняли его ³⁾. Изъ слывывала общая опасность: казалось, возрождается возможность раздѣла новгородскихъ владѣній между литовскими и велико-

¹⁾ Въ 1402 г. в. к. Василій откупилъ изъ плѣна новгородскихъ бояръ, захваченныхъ въ Торжкѣ, во опредѣленно восстановленіе отношеній со старшии указаво тожому сообщеніемъ о прѣздѣ въ 1408 г. князя Петра Дмитріевича въ Новгородъ (Новг. I, стр. 392 и 394).

²⁾ Новг. I, стр. 394 (князь Юрій поѣхалъ въ Москву поклониться в. к. Василію, чтобы его поборовакъ отъ в. к. Витовта, а безъ него „перевѣтивши“ сдать Смоленскъ Витовту); но друиимъ литовскимъ, князь Юрій бѣжалъ в. к. Василію чашомъ о принятіи Смоленска въ составъ великаго княженія вса Русь: „давшаея ему самъ и со воимъ своимъ княженіемъ“; однако, в. к. Василій „не прія его, ни всего его княженія Сисленскаго, не хотя измѣнати Витовту“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 107; т. VIII, стр. 76); Тверская летопись (т. XV, ст. 471) сообщаетъ, что в. к. Василій вымалъ „радъ“ съ Витовтомъ о томъ, ему „не вступатися въ Смоленскъ и съ Юріемъ не имѣти люба“. Однако, есть извѣстія, что в. к. Василій собирався поддержать Юрія, но затѣмъ дѣло, а пока совершилось паденіе Смоленска. Это вызвало великими перекажи: сторонники Юрія обвиняли в. к. Василія, что онъ намѣренно задержалъ Юрія „на тѣе сроки, корая тестя своему Витовту“ (Супрасльская рукопись, стр. 136; объ этихъ срокахъ упоминаетъ в Троицкая летопись—П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 181; князь Юрій вымалъ отдати себя въ Смоленскъ съ помощію „на первый срокъ, и на другіи, и на третій“); а Василій попрекалъ Юрія: „пріяхалъ еси съ хостію, и смольняномъ велѣлъ датися за Витовта“ (Архангелогородскій литовоуеце, изд. 1810 г., стр. 124).

³⁾ Заявъ Смоленскъ, Витовтъ „посла на зомекапіе Юрія“. О его обращеніи въ Москву и въ Новгородъ съ требованіемъ выдачи Юрія—Тверские лѣт. (П. С. Р. Л. т. XV, ст. 471), причемъ и исповки выисказались за адвѣніе съ Новгородомъ и Юріемъ. Нѣосмѣливо, что если у в. к. Василія и былъ поводъ утвердить, что новгородцы приняли Юрія безъ его повѣртія (т. XV, стр. 471), то этотъ шагъ не былъ сдѣланъ и противъ воли великаго князя. Юрій на новгородскія пригороды во время прѣзда изъ Петра Дмитріевича и въ томъ же году отбѣжалъ изъ Новгорода на Москву (Нов. I, стр. 394—395), гдѣ состоялся бракъ его дочери Настасии съ великокняжескимъ братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 281).

русскимъ великимъ князьями. Новгородцы укрѣпились съ княземъ Юріемъ на томъ, что въѣзъ боронится отъ враговъ «слюдного» и дали ему 18 городовъ¹⁾. Ожидали боевого выступления Витовта, опасались, видно, и двойственной политики в. к. Василія. Но вся осторожная уклончивость великокняжескаго правительства въ отношеніи къ в. к. Витовту и на этотъ разъ развѣтвилась крушеніемъ плановъ литовскаго князя. Витовтъ началъ военные дѣйствія, послѣ взятія Смоленска, въ началѣ 1406 года нападеніемъ на псковскія волости. Псковичи выйдя съ новгородцами обратились за помощью въ Москву. Тогда въ Новгородъ и во Псковъ пріѣхалъ братъ великаго князя Петръ Дмитріевичъ—подготовить оборону, а затѣмъ двинулось великокняжеское войско съ татарской помощью отъ хана Шадрбека. Литовцы напали, по прѣжнему, не только силачиваютъ великорусскія слазы, но и заставляютъ ихъ, отбываясь отъ борьбы съ татарами, искать въ Орду поддержки противъ общаго врага²⁾. И Витовтъ остановился; обѣ стороны избѣгали рѣшительнаго столкновения; заключено перемиріе, но «ремирие» затянулось года на три³⁾. Великій князь вся Русь сибѣе беретъ теперь въ свои руки оборону западныхъ областей Восточной Руси. Прѣбитіе въ Новгородѣ князя Петра означало ликвидацію особаго положенія Юрія; онъ отбѣжалъ въ Москву и получилъ Торжокъ уже не отъ Новгорода, а отъ князя великаго⁴⁾. Во Псковѣ видны въ эти годы младшаго великокняжескаго брата Константина—руководителя обороны Пскова отъ князя⁵⁾. Усаженіе дѣятельности великорусскаго центра на западныхъ предѣлахъ не замедленно оживить и шатость въ русскихъ элементахъ Литовскаго государства: возобновляются отбѣзды въ западной Русь къ Москвѣ,⁶⁾ рассчитанные на великорусскую помощь во внутренней борьбѣ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 144—145: Рязань, Ладогу, Орша, Тверь, Торопецъ, Корѣльскія, Копорье, Торжокъ, Волокъ Ламской, Порховъ, Вышегородъ, Яму, Высокое, Кошницъ городца; упоминаются Торжокъ и Волокъ наводять на мысль объ опасѣ со стороны Москвы; въ Новгородѣ должны были опасаться новаго союза Литвы и Москвы, повторенія комбинаціи Коломенскаго сѣзда.—Въ Новгородской IV летописи имѣемъ соединеніе двухъ записей о событіяхъ этого времени, которые такъ соединены, что о судьбахъ Смоленска и князя Юрія рассказываетъ дважды; получалось два осады Юрія въ Смоленскѣ, два отбѣзда его въ Москву, два прѣбитія его въ Новгородѣ.—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 106—107; 144—145.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 78; князь Петръ пріѣхалъ въ Новгородъ „въ посыліа на Литву“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 109); „Псковичемъ на помощь“ (т. VIII, стр. 76).

³⁾ „Воювашаа межа собою по три лѣта“—П. С. Р. Л., т. V, стр. 254.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 81. Тутъ разыгралась семейная драма князя владимирскаго Семёва, кончившаяся убійствомъ и его, и его жёнъ, и бѣгствомъ убійца—князя Юрія въ Орду; буйную князя Юрія Светославича заключилъ „въ пустыни“—въ одномъ изъ резавскихъ монастырей.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Въ концѣ 1406 г. при первомъ выступленіи в. к. Василія противъ Витовта въ нему на службу отбѣжалъ князь Александръ Ивановичъ Ноловъ (Голышастый),

Литовско-русского государства—между противниками Витовта и этимъ великимъ литовскимъ княземъ, чья главная опора, земельно-административное панство коренной Литвы все болѣе тѣсно подавляеть русскіе и обрусѣлые землетно страны. Однако, все это нараставшее напряженіе отголосковъ не привело къ сколько-нибудь рѣшительной и острой борьбѣ. Характерны выступленія другъ противъ друга ратной силы обѣихъ великихъ князей—въ 1406 году на рѣку Плаву и къ Вязьмѣ, въ 1407-мъ на Устру—все съ тѣмъ же результатомъ: перемирие на годъ, новое перемирие, мѣръ «по давному»—на дѣлѣ безсрочное перемирие, не разрушавшее сложнаго, вѣкового антагонизма ¹⁾. Витовтъ связалъ, не мѣняе в. к. Василія, внутренними отношеніями—русскими и польскими, какъ тотъ—новгородскими, нижегородскими, тверскими, разванскими. Насколько великорусско-литовскія отношенія еще далеки отъ какой-либо національной и государственно-междукорядной опредѣленности видно изъ того, что въ 1407 году вернулся въ Новгородъ князь Семень-Дугвемій—на тѣ вѣргороды, что и прежде были за нимъ, держалъ ихъ до 1412 года лично и наместниками своими, водилъ новгородское войско на шведовъ, притѣмъ въ тѣ же годы являеть въ Новгородѣ великокняжескимъ представителемъ князя-наместника Константина Дмитриевича; новгородское кормленіе Дугвемія не было ни отъѣздомъ его отъ Витовта, ни нарушеніемъ «докончанія» Новгорода съ в. к. Василіемъ ²⁾. Новгородское народооправдѣніе было своимъ независимостью къ обѣмъ оторвамъ и, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, укрѣпляло ее, постепенно подводя къ разрыву давней «старинны», принадлежности своей къ великорусскому вели-

„а съ нимъ много Литвы и Лиховъ“; в. к. Василій принялъ его „съ хвобомъ“ и далъ ему городъ Переяславъ. После столкновенія съ Витовтомъ въ 1407—8 гг., въ Москву изъ Брянска выѣхалъ Свядригайло Ольгардовичъ съ цѣлою группой литовско-русскихъ князей и бояръ; в. к. Василій далъ Свядригайлу въ кормленіе даже стольный Владимиръ—, со всѣми волостями и съ пошаними и съ осамъ и съ хлѣбомъ“, и города („вотому же“) Переяславъ, Юрьевъ, Волокъ, Рязань да половину Коломны—такъ же, стр. 78, 82.

¹⁾ Тамъ же, стр. 78, 81, 82.

²⁾ Невг. I, стр. 395—399. Въ тѣ же годы рядомъ съ Дугвеміемъ, который съ Витовтомъ „однаго челоувѣка“, сидеть за новгородскимъ „хлѣбворилемъ“ смоленскій Юрьевичъ Федоръ—, верогъ Витовту. Задача полнѣе Ягайла и Витовта въ эти годы было объединеніе возможно большихъ силъ—польскихъ, литовскихъ и русскихъ для рѣшительной борьбы съ княземъ Орделомъ. Новгородомъ посланъ договоръ объ общей борьбѣ противъ княземъ, но не соглашались признать новую зависимость своихъ вѣтвянокъ отголосковъ польско-литовской политики, а упорно твердили; „какъ есмь съ литовскимъ миромъ, такъ есмь и съ хлѣмъ миромъ“, отстаивая право нейтралитета, если онъ отъѣзжаетъ къ интересамъ. Угроза войной, когда Ягайло, Витовтъ и Дугвемій „вскрикнуша грамоты заметки къ Новгороду“, не привела ни къ чему; это „роміе“, не сопровождавшееся военными дѣйствіями, протевало до 1414 года и закончено „миромъ по старинѣ“; тамъ же, стр. 399—401.

кому князю; литовская поддержка иногда помогала этому процессу литовская опасность тормозила и подрывала его нарастание ¹⁾).

Какъ въ тревожно было первое десятилетіе XV-го вѣка въ князв Великаго Новгорода, оно облегчало его положеніе между двумя силами великими князевскими тѣмъ, что ихъ главные интересы были, въ ту пору, направлены въ иную сторону. Съ одной стороны, крѣпла польско-литовская унія, коня сила къ великому дню Грюнвальдской битвы; съ другой, надъ великорусскими великими княжествами нависла новая татарская гроза.

Разрывъ этого великаго княжества съ Ордой послѣ паденія Тохтамыша не привелъ къ продолженію освободительнаго дѣла, начатаго на Куликовомъ полѣ. Напротивъ: литовская опасность, судя по общему току отношеній лѣтописи къ Витовту, привела къ тому, что тенденція «доброй думы въ Орду» получала въ Москвѣ новую силу въ сознаніи, что Витовтъ врагъ болѣе грозный, чѣмъ татары. Еще при ханѣ Шадибекѣ возобновилась свашенія съ Ордой ²⁾; въ 1406 г. приходила въ помощь в. к. Василію противъ Литвы татарская рать отъ царя Шадибека; сдѣла его другой креатурой князя Едигея, Бузакъ-Темуровъ совпала съ годами постоянной тревоги на нижегородской окраинѣ, борьбы съ попытками нижегородскихъ князей вернуться на свою отчину и на ней утвердиться, и болѣе опаснаго размера съ Витовтомъ. Великокняжеское правительство вынуждено откликъ и нижегородскимъ отщепенъ татарскую поддержку, а также использовать силу Орды противъ литовскаго сосѣда, посылая настойчивыя жалобы и внушенія ордынскимъ властямъ. Передъ ордынскимъ владыкой Едигеемъ раскрывалось затруднительное положеніе «старѣйшаго великаго князя надъ толкмики великими улусомъ» и возможность поставить ему опредѣленные требованія ³⁾. Однако, въ Орду, видимо, сознавали, что не переговорами и

¹⁾ Отношенія между Новгородомъ и в. к. Василіемъ оставались безъ точнаго договорнаго опредѣленія вѣщеніи долгаго ряда лѣтъ. Новгородъ не могъ до 1424 года добиться отъ великаго князя формальнаго отказа отъ притязаній на новгородскія воеводы, а самъ не соглашался на окончательное урегулированіе вопроса о «княжествѣ». Оба спорныхъ пункта разрѣшены только взаимнымъ крестоприсяженіемъ 1424 года—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92.

²⁾ Въ 1405 (5913) г. къ в. к. Василію приходилъ посолъ отъ царя Шадибека (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 321). Тверская лѣтопись (т. XV, ст. 475) отмѣчаетъ, что обращеніе къ татарской помощи вызвало развогласіе среди русскаго боярства; часть бояръ опасалась, что татары «осмотрятъ варада земли нашей и восполнятъ сами прийти на ны»; «якоже и бысть ея», замѣчаетъ лѣтописецъ, иня владу ввещали Едигея. Но тутъ протестъ противъ сближенія съ татарами приписать «старцамъ», а признаніе татарской помощи ввещалъ «думю вмихъ нашихъ бояръ». Возможно, что рѣчь идетъ о тверскихъ боярахъ; въ такомъ случаѣ тутъ можно усмотрѣть намекъ на посредническую роль Твери въ возобновленіи московско-татарскихъ отношеній.

³⁾ По разсказу Никоновской лѣтописи, Едигей упрямилъ в. к. Василію Дмитріевичу: «а обиды каковы ни будутъ или отъ князей русскихъ или отъ Литвы,

требованиями можно добиться восстановления ханской власти надъ русскими улусомъ. Едигей идетъ по слѣдамъ Тохтамыша. Набѣгъ 1408 года привелъ его подъ Москву; в. к. Василий оставилъ городъ на оборону дяди Владиміра Андреевича и братьевъ, а самъ съ семьей уѣхалъ въ Кострому; татарскіе отряды широко развели разореніе по городамъ и волостямъ великаго княжества. И долго—недѣли три—стояли татары подъ Москвой. Городъ выдержалъ осаду, но великій князь не смогъ организовать отраженіе врага. Едигей ушелъ съ добычей и откупомъ, каковой вынулъ у москвичей, по вѣстиямъ изъ Орды о нападеніи на ханскую столицу какого-то царевича ¹⁾. Этотъ набѣгъ наглядно вскрывалъ тягостное положеніе великорусскаго великаго княжества, безсильнаго объединить всѣ боевыя средства Велико-россін для обороны отъ татаръ, отъ ослабленкой смутки и связанной внутренними раздорами Золотой Орды. Правда, и Едигей не смогъ извлечь изъ своего усилія никакихъ прочныхъ результатовъ, кромѣ награбленной добычи. Только послѣ паденія Едигея и перехода власти въ Орду къ сыну Тохтамыша Джелаледдину Султану (Зелену-Салтану)—поѣхалъ в. к. Василий Дмитриевичъ къ этому хану «со множествомъ богатства», вынужденный къ тому возобновленіемъ татарскихъ связей нижегородскихъ и тверскихъ князей.

Время в. к. Василия Дмитриевича для Великороссін—тяжелая година неустойчивыхъ, изурнательныхъ-напряженныхъ отношеній, непрерывныхъ и безысходныхъ конфликтовъ, на разрѣшеніе которыхъ, сколько-нибудь определенное и прочное, у великокняжеской власти не было необходимыхъ силъ и средствъ. Эта власть словно мечется между разными силами и разрывами; кѣтъ у нея внутренней силы для определенной постановки и послѣдовательнаго разрѣшенія сложныхъ задачъ, возникшихъ изъ международнаго положенія Великороссін. То руководство судьбами Великороссін, которое составляло цѣль и внутреннее оправданіе этой власти—въ разрывѣ ея носителей и въ пониманіи русскаго общества,—то и дѣло усложняетъ изъ рукъ великаго князя Василия. Оно не по силамъ исторически-молодому политическому организму; преждевременно предълагало задачи такого руководства требованіе единства и силы центральной власти въ такую пору, когда внутренній строй великорусскаго великаго княжества переживалъ только ранніе моменты эволюціи къ новымъ формамъ политическаго объединенія. Это преждевременное испытаніе силъ Великороссін надрывало ихъ и неизбежно тормозило процессъ объединительной работы, но, съ другой стороны, обостряло потребность объединенія и ведшіи къ нему кривизны устарѣлыхъ порядковъ и отношеній.

¹⁾ в тѣ къ камъ на нѣхъ малобныхъ шлахъ амагъ и малобныхъ грамты и обороны и махъ отъ князь просань—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 210.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 82—84; т. XI, стр. 208—211 (повѣсть о князствѣ Едигея).

Однако, попытки строительной политической работы великокняжеской власти не были вполне остановлены на этот период крайних вышних затруднений. Во втором десятилетии XV века в. к. Василий Дмитриевич завершает подчинение Нижнего Новгорода своему непосредственному управлению, но Рязанская земля, попрежнему, находится лишь слабую поддержку в великорусском центре и то лишь изредка эпизодически. В то же время как с трудом заканчивались безпокойным перелетом нижегородского князя, в. к. Василий повторил было покушение на Дмитрия землю, но она вновь отбита ¹⁾. Отношения к Новгороду так и устанавливались по тому, что Новгородцы теперь называют «старинной», но это старина, которая покрывала «всю волю новгородскую», усложнилась и расширялась по мере роста самостоятельности новгородского воеводства. Новгород не отделяется формально от Владимирского великого княжества, принимает великокняжеских заместителей, но держит рядом с князем на пригородах, на новгородском гребенном западно-русских князей и даже «явонским», если кто из князей из Новгорода из-за союзов с великим князем ²⁾; притом Новгород ведет вполне самостоятельно свои отношения к в. к. Витовту, к шведскому, к Ливонскому ордену и к своему «младшему брату» Пскову и в замечательных отношениях к представителям великокняжеской власти в Новгороде и Пскове ³⁾. Остро стала вопрос об отношении Тверской земли к великорусскому великому княжеству. Тверь—в первой четверти XV-го века—преодолевает последние «удельные» раздоры, находившие опору во власти великого князя всей Руси, и этот процесс внутренней концентрации ставит ее более

¹⁾ Новгород, I, стр. 404; П. С. Р. Л., т. XI, стр. 282.

²⁾ Подъ 1414 и 1421 упоминается князь Ярослав Владимирович (из Смоленских) в 1419 выехал, по союзу с братом, князем Константином Дмитриевичем, в Новгород для ему гд пригороды, что было раньше за Симеон-Лугвельем Олгаровичем; во в то же время во главе новгородского управления князь Федор Патрикеевич, заместитель князя великого, и он представляет Новгород в переговоры с Ливонским Орденом вместе с князем Константином. Характерно, что Новгородская летопись говорит, несмотря на великокняжеского заместителя, о доверчивости ливонского магистра «со князем Константином и со всем Великим Новгородом» — П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 87; т. VI, стр. 136; Новгород, I, стр. 416.

³⁾ На упомянутый случай с летописными посланиями новгородцы, по выражению Новгородской I летописи, «послаша» великокняжеского заместителя вместе со своим посадником. Участие новгородского полка в Гумгаловской битве с князем Симеон-Лугвельем (см. Барбашев, Витовт—последние двадцать лет княжения, стр. 112) не было, конечно, участием в ней отряда войск великого княжества.—Подъ 1421—1422 гг. летописные своды сохраняли запись о том, что новгородцы «дѣловаша крестъ за одних брать» — без посланий о походе и содержании такого крестового похода (Новгород, I, стр. 412; Новгород, II, стр. 50), что дает впечатление конспирации Новгородской городской общины.

независимо по отношенію къ Москвѣ и великому княжеству всея Руси. Тверь при великомъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ стоитъ самостоятельной политической единицей между Москвою, татарами и Литвою.

По смерти отца—черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды татаръ на берегахъ Верскы—в. к. Иванъ оказался лицомъ къ лицу съ окрѣпшею силой Орды. Его отецъ поддерживалъ вассальныя отношенія къ Твери-Кутлумъ¹⁾. а Иванъ Михайловичъ отправилъ въ Орду посланца, которые привезли ему ярлыкъ на Тверское великое княженіе отъ хана Шадрбека²⁾. Это было время, когда в Тверь втигивается въ объединеніе великорусскихъ силъ противъ Витовта, когда подъ давленіемъ литовской опасности и великій князь всея Руси вынужденъ снова искать сближенія съ Ордою. Тверская рать участвуетъ въ первомъ выступленіи противъ Витовта 1406 года, но заключеніе перемирія, закончившаго на время это роизрѣе, вскрыло основныя разногласія между двумя великокняжескими властями. В. к. Василій повелъ переговоры съ Витовтомъ и заключилъ перемиріе до окончанія безъ сдѣланія съ тверскими князьями и в. к. Иваномъ, а въ договорной грамотѣ нависаго его имя являе своихъ братьевъ. Это встрѣило рѣзкій протѣвъ. Тверскіе князья и воеводы ушли съ тверскими полкомъ, и в. к. Иванъ отвергъ союзъ съ в. к. Василіемъ за то, что московскіе князья не почитаютъ тверскихъ равными себѣ, не соблюдаютъ чести тверского имени въ формулѣ грамоты, заключаютъ миръ не «по думѣ» съ тверскими князьями, стало быть обходятся съ ними, какъ со слухшими князьями³⁾. Въ походѣ подъ Вильку и на Угру 1406—1407 годовъ Тверь участія уже не приняла. Во время вѣнчанія Едигея на Москву тверской великій князь уклонился отъ участія, по требованію ордынскаго вѣздя, въ осадѣ московскаго города, за что тверскія воеводы подверглись разоренію⁴⁾. Наши лѣтописные своды объясняютъ эти его дѣйствія осторожнымъ уклоненіемъ отъ разрыва съ Москвою; но въ эту пору прямая помощь татарамъ въ набѣгѣ на Русь была и на тверской почвѣ общественно-психологической невозможна. Иное дѣло отношенія къ великому княжеству Литовскому. Стремленіе отстоять возможно полнѣе свою независимость отъ великорусской великокняжеской власти неизбежно толкало Тверь на испытанные пути союза съ Литвою и попытки найти въ ней опору и покровительство. Въ Тверскомъ великомъ княжествѣ не замедлила возродиться внутренняя смута, находившая опору въ Москвѣ. Великокняжеская власть не могла отшатнуться отъ попытокъ привести Тверь въ свою волю. А путь къ Литовскому великокняжескому двору давно проложенъ связями фамиліальными. Въ 1411 г.

¹⁾ П. С. Р. Д., т. XVIII, стр. 280 (Карамзинъ, т. V, прим. 165).

²⁾ Тамъ же, стр. 281.

³⁾ П. С. Р. Д., т. XV, стр. 476—477.

⁴⁾ П. С. Р. Д., т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 83; т. XI, стр. 309; т. XVIII, стр. 283.

видяхъ тверскаго княжича Александра Ивановича на побывахъ у Витовта въ Кіевѣ, а въ слѣдующемъ году заключенъ союзъ великихъ князей литовскаго и тверскаго, что «быти нѣзъ всюду за единъ»¹⁾, и тверской полкъ участвуетъ затѣмъ въ польско-литовской войнѣ съ Ливонскими Орденомъ²⁾.

Однако, это сближеніе Твери съ Литвой не имѣло остраго политическаго значенія, ввиду тѣхъ отношеній какія послѣ временнаго розньерья, установились между великими князьями Витовтомъ и Василиемъ. Съ 1412 года, когда на ханствѣ Золотой Орды утвердился сынъ Тохтамыша Джелаледдинъ Султаны, связанный съ Витовтомъ, у котораго въ годы изгнанія находилъ съ отцомъ убѣжище и поддержку, а в. к. Василій возобновилъ сношенія съ Ордой и поѣздка къ хану, чтобы вмѣстѣмъ въ Орду поддержать свою нѣжгородскую и тверскую политику, ордынскія и литовскія отношенія Твери терли, въ значительной мѣрѣ, свою опасность для великорусской великокняжеской власти. Но отказъ Тверскаго великаго княжества отъ помощи и дѣятельной солидарности съ великорусскими силами, которыми было сполна поддѣвлено въ власть великаго князя всея Руси, не могъ не усилить пассивности этой власти, и можно признати, что этотъ отказъ сыгралъ свою роль, какъ въ образованіи зависимости в. к. Василія отъ хана, такъ, особенно, въ упадкѣ всякой энергіи противодействія литовской политикѣ и новымъ подвѣгъ литовскаго вліянія на дворъ и политику великаго князя всея Руси.

Послѣдніе годы жизни и княженія в. к. Василія Дмитріевича характерно отличены отъмъ усиленіемъ литовскихъ связей Москвы. Наряду съ затруднительнымъ и сложнымъ укладомъ вышнѣмъ отношеній великаго княжества это влеченіе обусловлено — не мѣже, если не богѣе — тревожнымъ направлениемъ внутреннѣмъ дѣла его. В. к. Василій, какъ еще увидимъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, имѣлъ основаніе смѣрять съ тревогой на будущее, какое ожидаетъ его семью и послѣдніе его власти послѣ его кончины. Въ случаѣ его смѣрти — наследникомъ оставался князь-назодѣтокъ, такъ какъ старшій Васильевичъ Иванъ умеръ въ 1417 году. Вскорѣ послѣ этой утраты составлена духовная грамота, въ которой сынъ Василій, родившійся въ 1415 году, порученъ матери в. к. Софьи Витовтовнѣ: она ему будетъ вѣдѣти отца³⁾. Естественнаго опасенія своему сыну и вдовѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 488 (1432).

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 41. Соображенія, но коимъ мало ее отвѣсти въ 1418 году см. выше, на стр. 282, примѣчаніе. Въ первой духовной в. к. Василія (тамъ же, № 59), писанной когда жена была мать в. к. Василія в. к. Инокія (ум. въ 1407 г.) и въ такую пору, когда произошли разрывы съ Витовтомъ (1405—6 г.), в. к. Софья не отводилась отъ значительнаго вложенія; князь Ивану тамъ только внушалось держать мать «во чти и въ матерости, какъ Богъ рекъ», а поручены они оба, мать и сынъ, князю Владиміру Андреевичу и братьямъ великаго князя Андрея в Петру Дмитріевичамъ.

князю в. к. Василій видитъ въ Витовтѣ, тестѣ своемъ¹⁾. Въ 1428 году составлена послѣдняя духовная в. к. Василія—съ тѣмъ же «примазанъ» ему дочери, в. к. Софьи и ея сына. Въ томъ же году в. к. Софья Витовтовна ѣздила къ отцу, а послѣдъ за ней прибыла къ Витовту и митр. Фотій. Эта поездка имѣла политическій смыслъ. Митр. Фотій повезъ съ собою къ Витовту духовную грамоту в. к. Василія: она была въ подлинникъ предъявлена литовскому великому князю при переговорахъ о новомъ подтвержденіи прежняго докончанія относительно его «печалованія» дочерей, и ея сыновъ²⁾. И въ томъ же году московскій и тверской отряды участвовали въ походѣ Витовта на вѣнцезъ, а въ слѣдующемъ—Витовтъ вызываетъ великорусскую помощь противъ татарскаго набѣга³⁾. Витовтъ стремился закрѣпить успѣхъ, достигнутый въ Грюнвальдской побѣдѣ, военными дѣйствіями литовскихъ, польскихъ и русскихъ силъ, и правель къ войнѣ съ вѣнцезами, по крайней мѣрѣ, Пскова и Новгорода. Но торговые города, часто воюя съ вѣнцезами, искали мира, держались оборонительно. Къ началу двадцатыхъ годовъ в Новгородѣ и Псковѣ добились мира съ софдіями, а исконича даже обязались не помогать Витовту. За это имъ грозилъ гнѣвъ Витовта, и псковичи, опасаясь реальныхъ осложненій, искали обороны и посредничества у в. к. Василія; но, замѣчая псковская гнѣ-

¹⁾ «А примазанъ своего сына князя Василія и свои князья и свои дѣти своему брату и тестю великому князю Витовту, какъ ми рекъ, за Богъ да за немъ, какъ ся имѣть печаловати». Та же грамота даетъ указаніе на обязанъ дружественными посольствами и дарами теста съ зятемъ («каменное судно большое, што ми отъ великого князя отъ Витовта привезъ князь Семекъ») и в. к. Василія съ Ягайломъ («да кубокъ хрустальной, што ми король прислалъ»); князь Семекъ—же Лугвѣнъ изъ Ольгердовичей! Кроме Витовта в. к. Софья и в. к. Василій Васильевичъ «примазаны» младшимъ братьямъ великаго князя Андрю, Петру и Константину и дядю Владиміровичамъ (Андреевичу) Семену и Ярославу; старшіи сызъ Владиміра Андреевича Иванъ не упомянуты: это говорило бы противъ датировки грамоты 1418 годомъ, такъ какъ смерть ихъ Ивана отнесена въ нѣкоторыхъ родословныхъ къ 1422 году (Швейцарскій, т. II, стр. 305), но рисованно опираться на нихъ даныи, особенно хронологическіи.

²⁾ Грамота в. к. Василія (С. Г. Г. и Д., т. I, № 43) хранится въ Главному Архиву М-ства Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ: 1) въ подлинникъ, на большой великокняжеской печати и подписанъ митр. Фотіемъ и 2) въ современномъ подлиннику спискѣ, на оборотъ котораго томъ же рукой, которая писала списокъ, сдѣлана надпись: «списокъ съ грамоты что пошла къ великому князю къ Витовту отъ Оленевича къ лѣту 30 первое в средохрестъ»; в еще (возможному, другимъ почеркомъ): «списокъ съ грамоты что поималъ Оленевичъ съ собою во Лтву полъ съ митрополитомъ похвалъ Фотіемъ на средохресту». Надана грамота съ подлинника; широтно, поэтому надпись на списокѣ осталась незамѣченными и не наданными.

³⁾ «Того же лѣта князь Литовскій Витовтъ собравъ силъ много, летоу Литву, во москвѣ и тферичъ и нѣмѣ многогъ воздемъ, в иде да Прусъ и вал градъ Голубъ».—П. С. Р. Л., т. V, стр. 24. Ср. у Воронцоваго (Указ. соч., прилжчакъ 301).—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 142; т. VIII, стр. 91—92.

пись, великий князь, хоть и присылал во Псковъ, но псковскому честию, князей-наместниковъ, однако, еще учил на добро ничего же». ¹⁾ Это высшее бесцелье великорусской великокняжеской власти было обусловлено теснотнымъ внутреннимъ состояниемъ Великороссіи, въ которой разрастался сложный политическій кризисъ.

IV.

Совмѣ митрополія всяя Руси съ великорусской великокняжеской властью, достигшіи особой силы и значенія при митр. Алексѣй, долженъ быть несомнѣнно привести къ постановкѣ самую живую ряда чрезвычайно острыми и сложными вопросамъ не только объ отношеніяхъ между митрополіей и Константинопольской патриархіей, между митрополитической властью и мѣстными церковными и свѣтскими властями отдѣльныхъ православныхъ земель, между церковной и свѣтской властью вообще, но и богѣ общія—о томъ, что же мыслится въ данное время подъ понятіемъ «всяя Руса», разъ этотъ терминъ входитъ въ составъ титула, какъ митрополита, такъ и великаго князя. Для митрополія терминъ имѣлъ вполне опредѣленное значеніе—соединенности всѣхъ русскихъ епархій, но по отношенію къ великому князю подлежалъ то богѣ, то менѣе широкому толкованію, такъ какъ стоялъ въ явномъ противорѣчій съ реальными предѣлами Владимірскаго великаго княжества, которое противопоставляется въ грамотахъ сосѣднимъ мѣстнымъ великимъ княжествамъ Великороссіи, новгородскимъ волостямъ, тѣмъ богѣ—западной Руси. Терминъ «всяя Руса» заключалъ выраженіе тенденціи къ властной политической роли и къ предѣломъ великокняжескаго владычства (притязанія на великокняжеское старѣйшинство среди всѣхъ мѣстныхъ политическихъ силъ Великороссіи—по отношенію къ такимъ «младшимъ братьямъ», какъ тверские или рязанскіе князья, на опредѣленную власть въ Новгородѣ и Псковѣ, на нововозле въ правѣ сношеній съ Ордой, на оборону противъ литовскаго захвата въ Смоленской землѣ и въ области Черниговско-сѣверской, оборону, готовую, при первой возможности, перейти въ наступленіе), т. е. тенденціи къ расширительному толкованію понятія «всяя Руса» до тѣхъ предѣловъ, какіе этотъ терминъ имѣлъ въ титулѣ митрополита. Попытка митр. Алексѣя поставить борьбу Москвы и Литвы на церковно-религіозную почву, какъ борьбу православнаго христіанства противъ «отъноклонника» Олыгерда, выданную съ большой рѣзкостью національно-религіозную точку зрѣнія на политическія отношенія Восточной Европы. И если дѣятельность этого митрополита сложена прочной связью представленіе о «всяя Руса», какъ объектѣ церковной власти митрополита, съ возможно-широкимъ пониманіемъ задачъ великокняжеской дѣятельности.

¹⁾ П. С. Л., т. V, стр. 28 (6026 г.), 34 (6031 и 6032 г.).

направленной на оборону Руси отъ иноземныхъ и шведскихъ свей и на объединеніе ея вокругъ одного политическаго центра. Церковно-политическое значеніе русской митрополіи ставилось мощнымъ факторомъ въ развитіи не только междукиевскихъ отношеній Великороссіи, не только ея международныхъ отношеній, но и политическаго кругозора ея правящей среды.

Удерживать въ своихъ рукахъ эту крупную силу, сохранить ея вліяніе и національно-политическій характеръ было для великорусской великокняжеской власти дѣломъ чрезвычайной важности. Путь къ тому былъ одинъ: надо было передать митрополитчю кathedру послѣ митр. Алексія русскому кандидату, человѣку изъ той же среды—служилого великокняжескаго двора, изъ которой и самъ онъ вышелъ. Митр. Алексій вымѣчалъ себя въ преемника испытаннаго сотрудника, троицкаго игумена Сергія; но Сергій уклонился отъ самостоятельной политической роли, выходя, что это дѣло «имше его шйры», и остался у св. Троицы. У в. к. Дмитрія былъ слоб кандидатъ, болѣе приспособленный къ сѣвѣской и публичной сторонамъ дѣятельности митрополита—архимандритъ Михаилъ, болѣе извѣстный по провансу Матвій или Митя, по мірскому, надо полагать, его имени. Исторія этого колоссальнаго священника, который сталъ духовникомъ великаго князя Дмитрія Ивановича и всѣмъ его старѣйшимъ бояр., великокняжескимъ канцлеромъ-печатникомъ, всѣмъ архимандритомъ Спаскаго монастыря и нареченнымъ митрополитомъ, не только сильно возмущала московское общество, но подняла и рядъ принципиальныхъ вопросовъ. И, прежде всего, вопросъ о единствѣ митрополіи. Овъ былъ предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ соборнымъ патріаршимъ опредѣленіемъ о поставленіи Кипріяна: послѣ Алексія временное ея раздѣленіе должно прекратиться, и Кипріяна, митрополита литовскій и малорусскій, ставитъ митрополитомъ кіевскимъ и всехъ Руси. Но изъ Москвы Кипріяна считали политическимъ врагомъ, союзникомъ литовскому великому князю ¹⁾; великокняжеское правительство твердо стояло

¹⁾ Въ посланіи къ троицкому игумену Сергію и синодовскому игумену Федору отъ 23 іюня 6866 (1376) года Кипріяна борется противъ такого мѣрна о немъ: 1) утвержденіемъ, что не былъ вродобѣтъ великорусскому великому князю; «не вышло, нишетъ окъ, изъ мнѣ усть слово на князя на великаго на Дмитрія, ни до отавленія, ни по поставленіи, ни на его князюмъ, ни на его боярѣ, ни доканчалъ оное съ князѣ, вѣому добра хотѣтъ боги его, ни длѣомъ, ни словомъ, ни помысломъ,—изѣтъ моя вѣны предъ князѣ», а жалалъ ему добра, и неавандѣлъ «прядумывающѣхъ на его лихо»; и 2) разъясненіемъ, что его дѣятельность на Литвѣ была на пользу Великороссіи (освобождалъ плѣнныхъ, вѣзѣтъ литовцами, напр. камикаецѣмъ) и воссоединенію митрополіи, такъ какъ окъ утверждалъ на Литвѣ триединство хрещеніемъ вѣзѣрѣтъ и строеніемъ церквей, воссоставилъ заброшенными епаркіи, а также авадѣліе митрополіи и власть митрополита, вышнюю въ удѣлѣ по возможности для митр. Алексія ее осуществлять. «Акъ, нишетъ Кипріяна, потрауваеа отидѣша изѣта привлѣтитъ къ митрополіи и почю украинѣи, чтобы до вѣка такъ стояло, на чѣстѣ и на вѣрности митрополіи, князѣ на великій гадѣтъ»

на томъ, что не приметъ Кипріана, какъ человѣка, возмисаннаго згѣшннмъ непріателемъ Москвы ¹⁾. Вопросъ о предметѣ послѣ митр. Алексія былъ поднятъ оффиціально при его жизни. Но сохранившіеся до нашихъ дней источники не даютъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, какъ это произошло, наприкирѣ, былъ ли сразу поставленъ вопросъ о незаконности поставленія Кипріана, какъ поставленъ онъ нѣсколько позднее въ соборномъ опредѣленіи патр. Плава ²⁾. По утверженію Кипріана в. к. Дмитрій шелъ на признаіе владѣла митрополіа, чтобы поставить своего кандидата во главу великорусской церкви, но въ согласіи ли съ митр. Алексіемъ—это весьма сомнительно. Кандидатура Митяи на митрополіаю не встрѣтила сочувствія со стороны митр. Алексія. В. к. Дмитрій стремился обезпечить за Митяемъ митрополіаю тѣмъ же порядкомъ, какъ это произошло въ свое время по отношенію къ митр. Алексію—благословеніемъ предшественника и предварительнымъ соглашеніемъ съ патриархіей. Однако ни лѣтовская «Повѣсть о Митяѣ», ни посланіе митр. Кипріана къ Сергію и Ѳеодору не даютъ безспорнаго и яснаго представленія о роли митр. Алексія во всемъ этомъ дѣлѣ ³⁾. Совокупность указаниіъ приводитъ скорѣе къ выводу, что онъ такъ и не далъ своего благословенія Митяю ⁴⁾. Неудача съ попыткой

двонти митрополіаю, такъ какъ выдвигаетъ на поставленіе новаго, второго кандидата.—Р. И. Б., т. VI, ст. 181—183.

¹⁾ Тамъ же, приложеніе, ст. 207—208.

²⁾ Тамъ же, ст. 175—176. Это соборное опредѣленіе 1380-го года содержитъ цѣлымъ обвинительнымъ актъ противъ Кипріана, явво основаннымъ на жалобѣ и протестахъ митр. Алексія, и признаю опредѣленіе патр. Филова о поставленіи Кипріана незаконнымъ, а Кипріана заслуживающимъ полного низложенія и изгнанія (ст. 180). Компромиссное рѣшеніе, какое заглѣмъ приняло этимъ опредѣленіемъ—въ прямое противорѣчіе установленнымъ предпосылкамъ—вызвано, надо полагать, политическими соображеніями: опасеніемъ разрыва съ Литвой, куда бѣжали изъ Константинополя Кипріакъ.

³⁾ «Повѣсть о Митяѣ» въ выпискахъ—П. С. Р. Л., т. XV, стр. 438—439; краткая редакція въ Ермолицкой лѣтописи—т. XXIII, стр. 121—123; пространная въ Воскресенской и Николовской—т. VIII, стр. 28—32; т. XI, стр. 35—41. Эта послѣдняя содержитъ вѣстивки, подчеркивающія рѣшительное осужденіе Митяи въ выраженіяхъ бѣжнцахъ къ посланію Кипріана игуменамъ Сергію и Ѳеодору, что далю Е. Е. Голубинскому поводомъ приписать Кипріану «сказаніе, враздѣлюе Митяю» («Ист. Русс. Церкви», т. II, ч. I, стр. 230); П. П. Соколовъ правильнѣе видитъ въ лѣтописи во два сказанія, а одно, но вѣстивки въ пространную редакцію приписываетъ тоже Кипріану («Русс. архіерей изъ Византіи», стр. 428). Не вижу твердаго основанія для авторской роли Кипріана; противъ Митяи была весьма значительная часть духовенства, а посланіе Кипріана сохранилось въ спискахъ въ двухъ Коричкахъ XV-го вѣка, стало быть, могло послужить письменнымъ источникомъ для редактора лѣтописнаго свода XVI-го вѣка.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій (тамъ же, стр. 280—284) и Соколовъ (тамъ же, стр. 493) признаютъ, что Алексій въ концѣ концовъ подписалъ грамоту на номинанцію Митяи. Но слова посланія Кипріана: «и что вѣщаютъ митрополита, брата нашего, что онъ

подготовить кандидатуру Сергія на митрополию ¹⁾ и крупным разногласием отнесительно Митяя сильно запутала положение, и безъ того трудное.

Въ Константинополѣ отправлено посольство для подготовки дѣла при патриархѣ дворѣ, и патр. Махарій, отвергнувъ притязанія Кипріяна, передалъ лезикорусскую периковъ въ управленіе архимандрита Мнхама, вызывая его, въ то же время, для поставленія на митрополию Великой Руси въ Константинополѣ ²⁾. Такое рѣшеніе дѣла, очевидно, не соответствовало основнымъ идеямъ церковной и мірской политики Алексѣя, и можно подожидать, что не одна личность великокняжескаго кандидата, но и богіе принципиальныя причины вызвали разногласіе между великимъ княземъ и митрополитомъ. Не имѣя епископскаго сана, Махагъ-Митяй вступилъ, не позволивъ отъ патриарха, въ управленіе митрополіей, и передъ отправленіемъ въ Константинополѣ задумалъ ставиться въ епископы отъ мѣстнаго, лезикорусскаго, епископскаго собора, но проектъ этотъ разрушилъ возвращеніи суздальскаго епископа Діонисія ³⁾. Кандидатура Митяя потеряла почти

его благословеніе на та вся дѣла, то есть жие" и даже: „ни утвѣлось естъ намъ, како ученико естъ на смерти митрополитѣ видѣ грамоту, записану митрополитѣ умрѣа, и та грамота будеть съ нами на великомъ соборѣ"—заключать отреченіе, а не утвержденіе этого. Грамота Алексѣя должна была послужить Кипріяну противъ Митяя, а не доказательствомъ „незаконнаго поведенія умершаго митрополита", какъ толкуеть Голубинскій. Кипріянъ посылаетъ, что „жѣ естъ", будто Алексѣй поступилъ вопреки 34-му правилу св. апостоловъ и учинилъ именованію Митяя „помимо большаго своего", т. е. патриарха, и безъ собора епископовъ. Митр. Алексѣй не выполнилъ и поставленія Митяя въ епископы, смѣшался, по свидѣтельству посты, на то, что Митяй „возоужъ" въ чернотѣстѣй. Предположеніе П. П. Соколова, будто Алексѣй далъ Митю наместничество, ничѣмъ не подтверждается.

¹⁾ Но все ясно въ передачѣ нашими историками эпизода съ игуменомъ Сергіемъ. Сообщение о томъ, какъ митр. Алексѣй возложилъ на него золотой крестъ „якоже кресте обрученіе" (Д. С. Р. Л., т. XI, стр. 34) даетъ П. П. Соколову поводъ замѣтить, что „Сергія принялъ это обрученіе съ будущимъ княземъ во имя монашескаго послушанія" (указ. соч., стр. 441), а если придавать значеніе показанію Стефановъ Книга, что по смерти Алексѣя „мнози молаху" Сергія принять митрополию (Д. С. Р. Л., т. XXI, ч. 2, стр. 363), пришлось бы признавать, что вопросъ не былъ исчерпанъ при жизни Алексѣя. П. П. Соколовъ полагаетъ, что среди этихъ „могахъ" не могло быть в. к. Дмитрія (указ. соч., стр. 464). Возможно, что отказъ Сергія былъ связанъ съ великокняжеской кандидатурой Митяя.

²⁾ Р. И. Б., т. VI, приложеніе, ст. 206.

³⁾ Утвержденіе Кипріяна, что в. к. Дмитрій „гадееть двонти митрополию" отчасти подтверждается тѣмъ, что Митяй и в. к. Дмитрій пытались устроить поставленіе соборомъ епископовъ „сущиэхъ въ Рускѣй землѣхъ подѣ областѣхъ государствѣ" в. к. Дмитрія (Д. С. Р. Л., т. VIII, стр. 29—30). Митр. Махарій прилагъ членію „Повѣсти о Митяѣ" въ Никоновской лѣтописи, согласно котору Митяй предпологалъ ставиться отъ русскіхъ епископовъ въ „епископа и первосвятителя", согласно тому и аргументація его: „почтохъ правла савѣсть отецъ и обрѣвохъ сидѣ въ дѣлѣ, яко достоехъ епифаннимъ епископомъ, акии обрѣвохъ, 5 или 6 да поставятъ епископа" передана въ указаніе, что 2 или 3 епископа могутъ поставитъ еп-

всѣ преимущества, какія въ свое время имѣлъ за себя Алексѣй: авторитарное благословеніе предшественника, санъ владимірскаго епископа, согласную поддержку русскихъ епископовъ. Больше откровенно и рѣзко выступать политическій смыслъ этой кандидатуры, за которой, въ концѣ концовъ, стояла только настоятельная воля великаго князя. Московскіе раздоры и долги сборы Митяя создали возможность подготовитъ и борьбу противъ него въ Константинополѣ. Она шла съ двухъ сторонъ—отъ Діонисія и отъ Кипріяна. Діонисій былъ поставленъ на Суздаль митр. Алексѣемъ послѣ долгаго вдовства этой епископіи во время одичавшества в. к. Дмитрія съ суздальскими тестемъ, и нѣтъ основаній видѣть въ немъ противника Москвы и выискивать въ его поведеніи по отношенію къ Митяю какіе либо политическіе мотивы. Ставленникъ митр. Алексѣя, близкій къ игумену Сергію Діонисій могъ стремиться къ митрополитчѣй каведрѣ, рассчитывая на сочувствіе вліятельныхъ круговъ московскаго духовенства, враждебныхъ великокняжескому кандидату.

Его оппозиція Митяю вызвала столкновение, которое этотъ архиеврей, ставшій правителемъ митрополіи, грозился властью окончить, когда вернется отъ патриарха митрополитомъ вся Русь. И въ этихъ раздорахъ снова поднялся вопросъ о Нижнемъ Новгородѣ и Городцѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла. Діонисій сталъ собираться къ выѣзду въ Царьградъ для самозачины и нападенія. Но в. к. Дмитрій распорядился задержать его, пока поручительство Сергія не вернуло ему свободы. А тогда Діонисій—слово свое исполнивъ, и поручника свята выдалъ, поѣхалъ вслѣдъ за Митяемъ въ Константинополь. Нежданная смерть Митяя въ дорогѣ избавила нѣтъ отъ встрѣчи при дворѣ патриарха. Діонисій прибылъ въ Царьградъ, когда посольство, сопровождавшее Митяя, уже успѣло провестись, подъ надомъ великокняжескаго кандидата на великорусскую митрополію, Пимена²⁾; его протестъ и обвиненіе пословъ оказались запоздалыми, но наложеніе этихъ возраженій въ поддѣйшей патриаршей грамотѣ тѣмъ цѣлкомъ, что содержитъ указаніе на отрицательное отношеніе Діонисія къ

сплош, а 5 или 6 буквъ поставитъ первоверховнаго (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 37); эта глава (и началъ) редакціонная передѣлка дѣла митр. Макарія поводъ говорить о зафривѣ Митяя ставится на Русь въ митрополіи („Ист. Русс. Церкви“, т. IV, стр. 67—69).

¹⁾ Покровский („Русскія епархіи“ т. I, стр. 224—225) предполагаетъ, что Діонисій былъ поставленъ въ „однакъ Суздаль“, а Нижнимъ-Новгородомъ и Городцомъ вѣдалъ только по порученію митрополита. Діонисій, какъ цитируетъ самъ Покровский, по отъѣздѣ Митяя въ Константинополь, „поѣхалъ къ Царьграду нѣтъ своей епископіи изъ Новгорода Нижняго“ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 30). Діонисій поставленъ въ 6882 (1374) году (тамъ же, стр. 20).

²⁾ Наименованіе этого дѣла, наиболѣе точно, у П. П. Соколова, укал. соч. стр. 302—307.

раздѣленію митрополіи всея Руси, прилатону и. к. Дмитрію¹⁾. Въ Константинополѣ Діонисій сумѣлъ оставить впечатлѣніе человека, который имѣлъ разумѣніе и знаніе каноническаго и реальною стоять за кнѣзь, участвуя въ разсужденіяхъ патриаршаго собора, и получая сажь архіепископа для своей суздальской епархіи съ особой гарантіей ея предѣловъ и состава²⁾. И явился Діонисій на Русь въ исключительной роли патриаршаго полномочнаго посла, которому доуверены общецерковные интересы, не касавшіяся его епархіи: видимъ его въ Новгородѣ съ патриаршей грамотой въ обвиненіе стрігольщановъ и во Псковѣ по дѣлу о той же ереси, причѣмъ Діонисій совершаетъ тутъ именемъ патриарха пастырскіи дѣйствія въ предѣлахъ митрополіи всея Руси, а не своей епископіи³⁾. Такое отличіе Діонисія выдвинуло его кандидатуру на митрополію при первомъ подхождающемъ случаѣ. Но такія «случаемъ», въ сущности, могло быть только устраненіе князя Пимена, такъ и Кипріяна въ пользу новаго митрополита «всея Руси».

¹⁾ Вскорѣ послѣ поставленія Пимена прибылъ Діонисій и выступилъ передъ патриархомъ съ обвиненіями противъ Пимена и членовъ московскаго посольства «и съ заявленіемъ, что все, случившееся съ нимъ (Пименомъ) есть зло для той церкви, ведущей къ расколу, смутѣ и раздѣленію, кѣмъ то, чтобы поддерживать согласіе миръ и единство»; то же соборное опредѣленіе патр. Антонія, иде на уступки сложившемуся задушевному положенію, признаетъ, однако, въ принципѣ, что сохраненіе единства митрополіи было бы единственною правельною рѣшеніемъ дѣла, но для этого нужно было бы, чтобы «послѣ смерти князя Алексія князь Кипріянь получалъ всея русскую церковь»—Р. И. В., т. VI, приложение, № 33 (ст. 209—212 и 205—206).

²⁾ Р. И. В., т. VI, № 23; П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48 («исправилъ себя архіепископію у патриарха Нила и сущимъ по себе епископомъ въ томъ предѣлѣ—въ Суздали, въ Новгородѣ Янжевъ и въ Городцѣ»).

³⁾ Р. И. В., т. VI, № 23 и приложение № 31; въ грамотѣ новгородчанъ и псковичанъ патриархъ сообщаетъ, что отъ него и отъ патриаршаго собора посланы архіепископу суздальскій Діонисій, «свещенныхъ каноническыи кнѣзствомъ и кнѣзствомъ, да видѣть ить отъ патриарха и благословеть „и поучать, и наказать, и кнѣзвѣсть, и подобая устроить, и совокупитъ соборной апостольской Восточной церкви». Широта и самостоятельность полномочія Діонисія выражены въ этой грамотѣ вполне опредѣленно. Въ напѣхъ лѣтописныхъ сводовъ поименіе представлено иначе: Діонисій прибылъ въ Новгородъ отъ патр. Нила съ благословеніемъ и грамотами и отправился во Псковъ—«по повелѣнію владими Алексіа» (новгородскаго—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 83; Новг. I, стр. 370). Надо замѣтить, что Діонисій осуществлялъ свои полномочія по какому-либо соглашенію съ архіеп. Алексіемъ, но это не имѣетъ ихъ характера. Въ силу полномочія «подобая устроить» Діонисій даетъ, въ чужой епархіи, Сийтоторскому монастырю грамоту о соблюденіи уставнаго вѣчюслаго пѣтія—также выписавъ «вознесенскаго патриарха» (тамъ же, № 28). Высокая авторитетность Діонисія—патриаршаго посла—использована иконопечниками для пріисненія возвысь ота-тей къ Псковской судной грамотѣ, каяъ она сложилась при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, что такъ сердито отвергъ Кипріянь («а что Діонисій владими владѣла не въ свое дѣло да описавъ неподобную грамоту, а каяъ тую грамоту „руманъ“—тамъ же № 28; въ грамоту вложено было „проклетіе и неблагословеніе патриаршеско» противъ ее изрешитавей).

Однако, обстоятельство сложилось иначе. Лѣтомъ 1883 года в. к. Дмитрій, который Пискаев не призналъ, а боролся и съ иривянцами было Киприяномъ, послалъ въ Константинополь Діонисія на поставленіе его въ митрополию на мѣсто Пискаева, стало быть на великорусскую митрополию, по изложеніи этого Митлева наследника, противъ котораго великій князь отирашилъ патріарху «письменными объясненіями». Въ Константинополь это посольство встрѣчено съ большимъ недоумѣніемъ и раздраженіемъ: ревностный хранитель каноновъ вступилъ въ борьбу за митрополию, на которую и такъ уже есть два посвященныхъ патріаршей властью претендента, да еще какъ великокняжескій кандидатъ, принявшій ту постановку вопроса о раздѣленіи митрополіи, противъ которой рѣше высказывался въ согласіи съ принципиальною точкою зрѣнія патріаршаго собора. Патріархъ Никъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, и постановилъ отправить на Русь двухъ архіереевъ разслѣдовать на мѣстѣ дѣло о Пискаевѣ съ полномочіемъ изложить его, если объясненія подтвердятся, и поставить на его мѣсто Діонисія. Нареченнымъ митрополитомъ воцѣлъ Діонисій на Русь, но по дорогѣ его захватилъ кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ, и у него въ глѣбу Діонисій умеръ годъ спустя ¹⁾.

Противопоставленный Киприяну, Діонисій и не могъ устоять на позе-

¹⁾ Лѣтомъ 1883 г. поиде въ Царьградъ Діонисій, архіепископъ суздальскій, и съ нимъ отсутствіи съ князь великій Дмитрій Ивановичъ отца своего духовнаго Теодора, игумена Симонскаго, управленія ради митрополіи Русскія" (П. С. Р. Ж., т. VIII, стр. 48). П. П. Соколовъ (указ. соч., стр. 564) толкуетъ текстъ соборнаго опредѣленія патр. Антонія отъ февраля 1894 (Р. И. Б., т. VI¹, приложение, № 33, стр. 211) въ томъ смыслѣ, что великокняжескимъ кандидатомъ тутъ обозначены не Діонисій, а Теодоръ, но его толкованіе конструкція греческой фразы слишкомъ искусственно. Оно связало у П. П. Соколова съ построеніемъ, согласно которому великокняжескимъ кандидатомъ на великорусскую митрополию былъ Теодоръ, а въ Константинополь поставили, зѣвото того, Діонисія на всю митрополию, устрояя и Киприяна и Пискаева (тамъ же, стр. 535—536). Все это авторъ излагаетъ изъ „въ вышней степени важныя фразы", которыми грамота митр. Антонія старается „замаскировать" истину, но особенно опирается онъ на цитируемую имъ сентябрьскую грамоту 1386 года патр. Никъ, гдѣ сказано, что при этомъ патріархъ поставилъ митрополитъ на Галичъ, что въ Малой Россіи, а Русскій митрополитъ именованъ „Кіевскимъ и всея Русы". Этого текста, который долженъ доказывать, что была восстановлена единая митрополія для Діонисія, въ достаточной мѣрѣ поясняется соборнымъ постановленіемъ 1380 года о томъ, что за Пискаевымъ, митрополитомъ Великой Русы, однако, сохранилъ титулъ „Кіевскаго и всея Русы"—Р. И. В., т. VI¹, приложение, стр. 179—180. А. С. Павловъ высказалъ предположеніе, что восточная грамота митр. Фотія (А. И. т. I, № 264), известная только въ рукономъ спискѣ, даетъ текстъ настоятельной грамоты, заготовленной для Діонисія, а потомъ на Русь передѣланной на имя Фотія; Павловъ указываетъ на текстуальную близость этой грамоты къ грамотѣ того же патріарха Антонія о возведеніи Діонисія въ архіепископи. Дѣйствительно, восточная грамота мало подходитъ къ постановленію Фотія, такъ какъ говоритъ о Русской митрополіи, тогда какъ Фотія былъ поставленъ на митрополию Кіевскую и всея Русы.

дів неуклонного защитника единства митрополіаі. Эта идея составляет главную славу Кипріяна, который отстаивал и сумѣлъ отстоять свое право на престоло послѣ митр. Алексія по наводрѣ Киевской и всей Руси. Его побѣда въ этой борьбѣ получила особое значеніе въ исторіи великорусскаго великаго княженія, потому что Кипріянь съ единствомъ митрополіаі связалъ тенденцію къ независимости всей церковно-политической дѣятельности митрополита отъ великокняжеской власти. Послѣ кончины митр. Алексія Кипріянь сдѣлалъ попытку прибыть въ Москву, а затѣмъ, встрѣтивъ отказъ в. к. Дмитрія, пробрался туда потайными путями, предупредивъ о томъ гротичаго игумена Сергія и его племянника, симоновскаго игумена Федора, которые вызывали на свиданіе съ собою ¹⁾. Но въ Москвѣ его захватили и выслали обратно ²⁾. Кипріяна на Москвѣ встрѣтили заявленіемъ, что имѣется на митрополіаі свой нареченный митрополитъ, архимандритъ Митай, прачемъ, очевидно, утверждали, что онъ получалъ митрополіаію по благословенію митр. Алексія и по волѣ великаго князя ³⁾, а Кипріяна брали еднотинкомъ. Кипріянь отвѣтила отлученіемъ всѣхъ, кто причастенъ къ замыслу и исполненію того безчестія, какое выпало на долю его святительскому

¹⁾ Посланіе Кипріяна къ Сергію и Федору (первое)—въ „Православномъ Собордннкѣ“ 1860 г., ч. 2; второе посланіе—тамъ же и Р. И. В., т. VII, № 20. Кипріянь выехалъ изъ Киева еще весной 1376 г. Сохранилось не совсѣмъ точно лѣтописное извѣстіе, что Кипріянь въ апрѣлѣ прибылъ въ Киевъ на Москву, но не былъ принять в. к. Дмитріемъ (П. С. Р. Л., т. XX, ч. I стр. 198); но Кипріянь на этотъ разъ не добралъ до Москвы: во второмъ посланіи онъ сообщаетъ, что побѣдилъ было къ Москвѣ, но великій князь разослалъ заставы, чтобы его не пропустить,—а онъ „ливымъ путемъ“ проехалъ, о чемъ и предупредилъ игуменовъ письмомъ отъ 3-го июля къ Любутску. „Вы же, писель къ Кипріянь, будите готовы видѣться съ нами, гдѣ сами погадаете“.

²⁾ Второе посланіе: великій князь Кипріяна „въ ночи заточилъ“ и приставилъ къ нему „мучители, проклятаго Никифора“, а затѣмъ его со спутниками „изъ города вывели“; съ игуменами Кипріяну не удалось поладиться; онъ упрекаетъ ихъ, что они „умолчали“ передъ великимъ княземъ, но ясно не осмѣливаетъ о нихъ поведѣти, такъ какъ спрашиваетъ „всѣ ли узлохились акутѣ“ отъ выматательства въ дѣло и кауники она могли смолчать! Третье посланіе („Права. Соб.“, тамъ же) показываетъ, что отъиная грамота игуменовъ усложнила Кипріяна относительно ихъ сочувствія: „члхо смирзие и дозволоніе и любовіе имѣете къ святѣй Божіей Церкви и къ нашему смирзю, все познаете емь отъ словъ вашихъ“; эта грамота была отъиномъ на званіе второго посланія—отпослать немедленно, что онъ „мудрствуйтъ“ по поводу прокляскаго Кипріяномъ „неблагословенія“ на причастныхъ къ его безчестію.

³⁾ Кипріянь (во второмъ посланіи) опровергаетъ оба основанія; первое—отрицаетъ самаго факта („не умѣте было ему—митр. Алексію—васлѣдника оставити по своей смерти“, это „капшишь“ въ него) и доказательствомъ, что по правымъ апостольскимъ и антихійскаго собора имѣть у святителя права на коннацію себя преемника; второе—ссылая на 30-е правло св. Апостоловъ, содержащее запретъ приобретать святительство помощью мирскихъ князей.

саму, и поѣхать въ Константинополь на судъ патриарха и патриаршаго собора ¹⁾. Но тутъ, при разбирательствѣ дѣла, поставленъ былъ вопросъ о незаконности самого поставленія Кипріяна; ему пришлось заявить, что онъ готовъ остаться на той части митрополіи, какая была ему назначена, а затѣмъ уѣхать, чтобы ослабить значеніе заочнаго постановленія собора. А рѣшено было поставить Пимена митрополитомъ Великой Руси, предоставлявъ ему писаться и Киевскій, а Кипріяну «по снисхожденію» оставить митрополію Малой Руси и Литвы ²⁾.

Послания Кипріяна къ игуменамъ Сергію и Фодору показываютъ, что онъ встрѣтилъ въ нихъ сторонниковъ еднства митрополіи. Ихъ мнѣнію слѣдуетъ приписать неожиданный оборотъ дѣла къ весніи 1381 года, когда великокняжескій духовникъ, игуменъ Фодоръ посланъ въ Киевъ звать Кипріяна на митрополію. Кипріянъ прибылъ въ Москву на праздникъ Возмезенія (23 мая), а къ концу того же года вернулся на Русь московское посольство съ Пименомъ и встрѣчено великокняжескою оцалою, карамъ и ссылкамъ ³⁾. За Пимена вступился патриархъ, пославъ въ Москву «многія грамоты» въ пользу Пимена и противъ Кипріяна ⁴⁾. Но едва ли патриаршее соборное опредѣленіе 1389 года, которое объ этомъ сообщаетъ, право, когда внимательству патриарха приписываетъ дальнѣйшее поведеніе в. к. Дмитрія: высылку Кипріяна изъ Москвы и призаніе на митрополію Пимена. У великаго князя были, по свидѣтельству шестъ лѣтописныхъ сводовъ, свои причины для глубокаго недовольства новымъ митрополитомъ и прямого недовѣрія къ нему. Во время намѣстна Тохтамыша—въ августѣ 1381 г.—митрополитъ, оставленный ледянымъ княземъ въ осажденномъ городѣ, не справився съ попыткой остановить порожденную панной анархію и уѣхалъ въ Тверь, гдѣ и пребылъ до начала октября; при немъ происходили ослепшія тверского великаго князя съ Тохтамышемъ, при немъ выѣхалъ в. к. Митяга въ Орду искать для себя ярлыкъ на «великое княженіе Влади-

¹⁾ Третье посланіе отъ 23-го іюня 1378 года. Оно писано въ отвѣтъ на преданіе игуменовъ Сергія и Фодора, изъ котораго Кипріянъ убѣдился, что они признають его митрополитомъ («а какъ—пшеть отъ—возникутеса къ нашему смрению, тако хрѣститеся»); объявляя себя защитникомъ «смрениа и свидкиеніа царкованаго», онъ утѣшаетъ игуменовъ тѣмъ, что Господь сподобитъ свидѣствъ и что тѣ, кто его не воспоетъ (т. е. в. к. Дмитрія), потому познаютъ истину.

²⁾ Соборное опредѣленіе патриарха Иова, іюнь 1380 г.—Р. И. В., т. VII, приложеніа, № 30.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 181; т. XI, стр. 70 и 41. Пимена задержали на Коломнѣ, свали съ него бѣлый клобукъ и послали въ Чудову, а черезъ годъ перевели въ Тверь.—Вздоръ по крѣздѣ Кипріянъ хрелотъ у в. к. Дмитрія выѣсть съ игуменомъ Сергіемъ сына Ивана, а черезъ годъ игуменъ Фодоръ престати княжатиа Андрѣа. О харакъ—въ оборочствѣ дѣвниа 1389 г., Р. И. В. т. VII, приложеніа, ст. 209—210.

.. 4) Тамъ-же.

иірское и Новгородское». Кипріявъ, можно сказать, сразу вступилъ на путь отдѣленія своей политики и своихъ политическихъ отношеній отъ великокняжескихъ: не московскій онъ митрополитъ, а всея Руси. В. к. Дмитрій рѣшительно вернулся къ прежнему взгляду—предпочелъ имѣть митрополита для Великой Россіи и, вызвавъ Кипріяна изъ Твери, заставилъ его «сѣлать» съ Москвою на Киевъ ¹⁾, а на великорусскую митрополию призналъ въ ссылокъ «съ великою честью и любовью» Пимена на митрополничью кафедру ²⁾.

Возвращеніе на Русь изъ Константинополя суздальскаго архіепископа Діонисія въ 1383 году снова подняло дѣло о незаконномъ достиженіи Пименомъ митрополіи. В. к. Дмитрій сдѣлалъ попытку спасти свою комбинацію замѣной Пимена Діонисіемъ, но плѣтъ и кончина его въ плѣну оборвали и эту попытку закрѣпить за Великороссіей особаго митрополита. Оставалось держаться Пимена, лишь бы избѣжать водворенія на сѣверѣ Кипріяна, или поднять дѣло о новомъ кандидатѣ. Но для послѣдней попытки обстоятельства были чрезвычайно запутаны, а дѣло о Пименѣ зашло слишкомъ далеко, чтобы его легко было сразу останоить. Скопированное въ концѣ положеніе Пимена и смерть Діонисія открывали пути для Кипріяна. Представители Константинопольской власти—митрополитъ адрианоупольскій и гамскій, уполномоченные разсѣдовать запутанное дѣло о русскій митрополитѣ, прибывъ въ Москву безъ Діонисія и могла выловить лишь слѣдственную сторону своихъ полномочій. Рѣшеніе дѣла должно было состояться въ Константинополѣ по опредѣленію патриаршаго собора. Только весной 1385 года поднялся Пимень въ дорогу, притомъ отдѣльно отъ греческихъ митрополитовъ и великокняжескаго посла—синоковскаго архіандрита Федора. Наши источники не даютъ слѣдствій о томъ, каковы были заговоренія в. к. Дмитрія и какія инструкція получилъ арх. Федоръ. Попадкому, ему были даны широкія полномочія, такъ какъ кѣтъ указаній на какое либо опредѣленное предложеніе великокняжескаго правительства относительно митрополіи. Царградскіе послы в Федоръ гугмень представили

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48: «разговѣ бо се на него князь великій Дмитрій Ивановичъ того рада, что не сидѣть на Москвѣ изъ оудѣ». Патриаршее рѣшеніе сверхъ о митрополитѣ и патриаршіи грамоты противъ Кипріяна и въ пользу Пимена давали опору такому дѣйствию в. к. Дмитрія. Иначе расцѣпляется эти дѣлами Е. Е. Голубинскій (Указ. соч., т. II, ч. 1), стр. 250—251).

²⁾ П. П. Соколовъ («Русскій архіерей изъ Византіи», стр. 527—533) считаетъ истинной причиною удаленія Кипріяна и возвращенія Пимена формальную уловку Византіи, поддержанную Діонисіемъ: добиться возобновленія Пимена, чтобы имѣть возможность законически правильно его судить и изгнать. Но содержаніе, въ характерѣ патриаршаго соборнаго опредѣленія 1389 года, въ положеніе дерзостей этого дѣла въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ не согласуются съ такою омишкой конструкціей.

патриарху обвиненія противъ Пимена, обвинявшій его въ достиженіи сама обманомъ. Но, вѣроятно съ тѣмъ, Феодоръ велъ съ патриархомъ какіе то «устные» переговоры: это даетъ поводъ предположить, что великокняжеское правительство, не рѣшаясь ставить патриарху новые требованія относительно замѣщенія киевскаго дѣла, однако, какія то попытки найти приемлемый выходъ изъ создававшегося положенія. Безъ такого предположенія пришлось бы допустить мало вѣроятное, что состоявшееся въ Константинопольской соглашеніе арх. Феодора съ Пименомъ (причемъ Пимень поставилъ Феодора на Ростовскую епископію въ санѣ архіепископа) было дѣйствіемъ самовольнымъ и явно нарушавшимъ великокняжескую волю. Но этотъ поворотъ въ дѣйствіяхъ Феодора объяснимъ только соответственными инструкціями изъ Москвы: въ крайнемъ случаѣ признавъ Пимена, лишь бы не возвращался Кипріянь; и такой крайній случай насталъ, когда не оказалось возможнымъ достигнуть иного результата, т. е. освободить Москву и отъ Пимена, и отъ Кипріяна ¹⁾. А патриархъ крайне затянулъ дѣло, и весной 1387 года Кипріянь былъ отпущенъ въ Литву для исполненія какаго то императорскаго порученія, хотя и съ назначеніемъ ему годичнаго срока для явки на окончательный судъ ²⁾. Ходъ дѣла явно сложился противъ Пимена, его измѣненіе было неизбежнымъ ³⁾, и въ пользу Кипріяна, что было ясно до окончательнаго разрѣшенія дѣла ⁴⁾. Пимень и Феодоръ не стали

¹⁾ Настовкин и к. Дмитрія на изложеніи Пимена не имѣли значенія поддержки правъ Кипріяна; на это указали князья киевскіе. Нѣтъ и основанія предполагать, что архимандритъ Феодоръ дѣйствовалъ безъ согласія съ и. к. Дмитріемъ; Пимень и Феодоръ вернулись въ Москву и были приняты великимъ княземъ безъ всякаго протеста противъ ихъ дѣйствій. Тонкованіе этой исторіи у В. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 254—257) и П. П. Соловоя (указ. соч., стр. 542 и слѣд.) основаны и безъ того запутанное дѣло большимъ количествомъ предположеній, но сдѣланныхъ съ дилемми котичиковъ. Весьма вѣроятно, что предложеніе великаго князя, на которое явко указаніе въ словахъ дѣла 1389 года «о велѣніи Феодору „устно“ передать многое потоку же дѣлу» (Р. И. В., т. VI, приложение, стр. 215—216), состояло въ просьбѣ, устроить и Пимена, и Кипріяна, поставивъ на великорусскую митрополію новое лицо по выбору патриарха (такъ поступилъ и в. к. Василій по смерти Кипріяна).

²⁾ Р. И. В., т. VI, приложение, № 32—въ маѣ 1387 г.

³⁾ Оно предѣлано разсѣдованіемъ, какое въ Москвѣ произвелъ патриаршіе послы; тамъ же, стр. 215—214.

⁴⁾ П. П. Соловоя (указ. соч., стр. 546) полагаетъ даже, что Кипріянь успѣлъ получить императорскую грамоту на митрополію, до рѣшенія патриаршаго собора. Основывается онъ на томъ, что Кипріянь подписался въ 1387 г. по книгѣ язь переписавшей „митрополитомъ Киевскимъ и всея Руса“; но этотъ титулъ принадлежалъ притязавшіи Кипріяна, но нигдѣ не употреблялъ въ грамотахъ. Грамота объ отпускѣ Кипріяна—отъ 29 мая 1387 г.; Пимень вернулся въ Москву въ іюль 1386 г.; судъ, вслѣдствіе каковогомъ обстоятельствомъ того времени, читавшій въ соборномъ опредѣленіи 1389 года, замедляясь до собранія, по распоряженію

домыслится этого рѣшенія, а, вступивъ въ соглашеніе, возмущавшее патриарха, тайно покинулъ Константинополь и вернулась въ Москву. Здѣсь Пимень продолжалъ сълительствовать, не возразивъ на патриаршіе увѣщанія и запрещенія, и только собранное опредѣленіе патр. Аѳанасія, смѣнявшаго Ила на кафедрѣ, о томъ, что Пимень согласно канонамъ долженъ быть признанъ вавилоныинымъ, единство митрополій Кіевской и всея Руси—всегдашнее, востановляемымъ, какъ въ «древній порядокъ и устройство», а единственнымъ законнымъ ея митрополитомъ объявляетъ Кипріяна, заставило Пименя предпринять третью поѣздку въ Константинополь—притомъ противъ воли в. к. Дмитрія, какъ свидѣтельствуемъ наша лѣтопись¹⁾. Судьба побавила Кипріяна отъ дальнейшей борьбы. Пимень не доѣхавъ до Константинополя, умеръ въ дорогѣ, а равнѣе его смерть постигла в. к. Дмитрія. При новомъ великомъ князѣ Кипріяна былъ принятъ на митрополію безъ возраженій.

У

Такъ кончилась церковная смута, которая лишила великорусскую великокняжескую власть вѣдательной опоры въ митрополіи всея Руси при такихъ переживаніяхъ, какія выпали на долю этой власти въ восьмидесяти годахъ XIV-го вѣка. И кончилась она несоизвѣстнымъ политическимъ поразженіемъ великокняжеской власти. Пришлось—на рѣдъ долгихъ лѣтъ—отказаться отъ политической солидарности съ митрополіей, отъ ея мощныхъ услугъ; упущено изъ рукъ великаго князя замѣщаніе митрополіей кафедры желательнаго для свѣтской власти кандидата, оборвано развитіе традицій митр. Алексія, придавшихъ митрополіи, въ значительной мѣрѣ, характеръ великорусской государственной церкви.

Если Кипріяна и не былъ тѣмъ врагомъ Москвы, тѣмъ «антиномъ» по духу, какимъ воображали его московскіе противники, то, все такъ, это былъ человекъ, чуждый московской правящей средѣ, ея традиціямъ и стремленіямъ. Богарникъ, сдѣлавшій въ Византии рѣдкую карьеру, Кипріяна и на русской митрополіи остался церковнымъ дѣятелемъ вавантийскаго школы, который отнюдь не отождествляетъ интересовъ митрополіи съ интересами великорусской или литовской великокняжеской власти и, тѣмъ болѣе, не подчиняетъ первые вторымъ. Водворившись въ Москвѣ, Кипріяна посвѣдительно укрѣпляетъ свою іерархическую власть въ духѣ значительной самостоятельности своей церковно-іерархической политики. Къ сожалѣнію, дѣло тверскаго епископа Евфимія Висленя остается—въ вавлоніи нашихъ источниковъ—крайне неяснымъ, по его существу. Вислень поставленъ на твер-

патриарха, вавлонческаго собора», и въ этотъ перерывъ состоялось примиреніе Федора съ Пименемъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 58.

скую клядру митр. Алексѣемъ, когда борьба тверского великаго князя Михаила Александровича съ в. к. Дмитриемъ оказалась проигранной, не надолго до договора 1875 года, который привелъ тверского великаго князя къ воле великаго князя всея Руси. У в. к. Михаила все нарастаетъ «несобіе» съ епископомъ, но только въ 1887 г. удалось ему донести Висленя до удаленія изъ Твери; однако, уходя епископа въ монастырь не былъ еще отказомъ отъ сана и не давалъ возможности замѣнить его желательнымъ для князя лицомъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Кипріяна, по окончательномъ водвореніи на митрополіи, былъ разборъ этого тверского дѣла. Характерна самая обстановка, въ какой онъ произошелъ. Кипріянъ не вызывалъ сторонъ въ Москву на свой митрополитскій судъ, а поѣхала въ Тверь съ двумя греческими митрополитами, которые проводили его въ Москву отъ патриарха, и двумя русскими епископами, созвали тверской епископальный соборъ и повелъ дѣло въ соединенномъ собраніи этого духовнаго собора и тверской боярской думы съ в. к. Михаиломъ во главѣ. Мѣрскія и духовныя власти Твери единодушно возводили на Висленя многія укоризны, и в. к. Михаилъ настаивалъ на поставленіи иного епископа. Митр. Кипріянъ, постѣ формально обязательнымъ попыткамъ добиться примиренія сторонъ, собраніемъ опредѣленнымъ лишая Висленя епископства и рѣшилъ поставить на тверскую епископію своего протодиакона Арсенія. Однако, Арсеній не сразу рѣшился принять такое поставленіе: онъ опасался «вражды и многогъ браней», надо полагать— потому, что Кипріянъ предпочелъ дать Твери на епископію своего человѣка, а не того «иного», о которомъ просилъ в. к. Михаилъ¹⁾: видяко Кипріянъ и въ этомъ дѣлѣ провелъ дѣя своихъ тенденцій—рѣшилъ дѣло безъ участія великаго князя всея Руси и отстраняя живіе мѣстной свѣтской власти на замѣщеніе епископской клядры.

Кипріянъ стоитъ въ своей дѣятельности на почвѣ тѣхъ отношеній между церковной и свѣтской властью, между русской митрополіей и Константинопольской патриархіей, какія указаны, какъ нормальныя, въ грамотахъ патр. Филовея къ митр. Алексію. Митрополія—не русское націонал-

¹⁾ Б. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 304—305) различаетъ два повѣствованія о дѣлѣ Висленя—Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 124—126) и найденное въ отдѣльномъ спискѣ (Карамзинъ, т. V, примѣчаніе 232); последнее, въ изслѣзованной сокращенной редакціи, читается въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 445) и въ Симеоновской (т. XVIII стр. 140—141); отраженіе болѣе пространнаго (Никоновскаго) повѣствованія есть въ краткомъ изложеніи „Русскаго Временника“ (изд. 1820 г., т. I, стр. 322). Голубинскій краткое повѣствованіе признаетъ, возгъдъ за Карамзинымъ, болѣе авторитетнымъ. Но въ некоторыхъ фактическихъ отношеніяхъ его, какъ напр. представляемъ, что дѣло было покончено въ однихъ прѣдѣлахъ во Тверь,—надо признавать истинность такого же сокращенія, каково получилось въ „Русскомъ Временникѣ“. Никоновская лѣтопись сохранила повѣсть общій первоисточникъ.—Въ колебаніяхъ Арсенія явную основаніе допустить, что у в. к. Михаила былъ свой кандидатъ, когда онъ „началъ просить иного“ епископа у митрополита.

ное учреждение, тѣмъ болѣе не великорусская политическая сила, а самостоятельный органъ вселенской восточной церкви. Въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ на Русь Кавріанъ идетъ, въ радѣ случается, рука объ руку съ великимъ княземъ, но это тогда, когда интересы митрополита совпадаютъ съ великокняжескими; основная же опора митрополитчѣй власти въ авторитетѣ Константинопольскаго патріарха, на рѣшеніе котораго идутъ спорныя русскія дѣла.

Въ Москвѣ съ трудомъ отступались отъ извѣрнаго представленія о національной русской митрополіи. Это сказалось въ извѣстномъ эпизодѣ о поминаніи императорскаго имени на митрополитчѣмъ богослуженіи и о почтеніи патріаршей власти на Русь. Въ 1393 году патр. Ахтоній обратился къ в. к. Василию Дмитріевичу съ укоромъ и настоявленіемъ по поводу его дѣйствій, о которыхъ донесъ ему Дмитрій Ловчинскій, прибывшій въ Константинополь по дѣламъ русской церкви апокрисиаріемъ митр. Кавріана и великаго князя Василия. Патріархъ укоряетъ великаго князя за то, что онъ не воздастъ представителю патріаршей власти того уважительнаго отношенія и той чести имени патріарха, какое было въ обычаѣ при прежнихъ великихъ князьяхъ, и не позволяетъ митрополиту поминать въ дитвахъ божественное имя царя». Патр. Ахтоній грозитъ великому князю гнѣвомъ Божиимъ, если онъ не будетъ «читать патріарха, какъ самаго Христа, и оказывать уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Русь не должна обособляться въ самодовольную, національную церковную и политическую единицу, а созвзвать себя частью вселенской церкви и вселенскаго царства. Нельзя великому князю говорить: «церковь ны имѣемъ, но царя не имѣемъ и звать не хотимъ». Цари византийскіе—организаторы церкви, они своими законами подтвердили церковныя законы о правахъ догматахъ и благоустройствѣхъ христіанской жизни; царь—великій владыка и правитель вселенной, не то, что другіе помѣстные правители и князья; «невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ единствѣ и общности и невозможно отдѣлать ихъ одно отъ другой»¹⁾. Какъ часть вселенкаго цѣлаго—христіанскаго Востока, возглавляемаго византийскимъ императоромъ—«даремъ и самодержцемъ Ромеевъ», то есть всѣмъ христіанамъ, и «вселенскимъ» патріархомъ, Русь имѣетъ въ составѣ своего политическаго устройства рядомъ съ великокняжескою властью также церковную власть митрополита всея Руси, у которой своя задача и свои приемы дѣйствія. Эта

¹⁾ Р. Н. В., т. VI, № 40. О поминаніи царей см. М. А. Дьяконова, «Византизмъ и русскія государя», стр. 24; въ томъ же трудѣ—о взаимоотношеніяхъ Руси и власти византийскихъ императоровъ. П. П. Савлюковъ правильно разъясняетъ тѣхъ лавинъ, противъ которыхъ протестуетъ грамота патр. Ахтонія,—Дмитрію Донскому (Указ. соч., стр. 372—373), но его толкованіе словъ: «церковь имѣемъ, но царя не имѣемъ»—нельзя считать омысла и эту фразу и всю патріаршую грамоту (стр. 371).

самостоятельность церковно-политической деятельности митр. Кириана сказывалась на том, что его отношенія къ политическимъ связямъ Руси сѣверной и западной далеко не всегда согласованы съ великокняжескими, а съ другой стороны, его вліяніе надо признать однимъ изъ факторовъ тѣхъ колебаній, той видимой неустойчивости, которая отличаетъ политику в. к. Василія Дмитріевича.

Въ суздальскихъ дѣлахъ и въ новгородскихъ отношеніяхъ интересы митрополія и великокняжеской власти не стояли въ противорѣчій, и обѣ власти выступаютъ согласно, хотя по отношенію къ Великому Новгороду только въ началѣ, а затѣмъ митрополитъ и тутъ идетъ своею линіей, не подчиненную планамъ великокняжеской политики.

На суздальской архіепископій Діонисія смѣнили Евфросинъ, поставленный въ Константинополь, надо полагать, Пименомъ, одновременно съ Фодоромъ ростовскимъ; по примѣру Діонисія и онъ заручился патриаршей грамотой на принадлежность Нижнего Новгорода и Городецъ къ Суздальской епархіи ¹⁾. Но митр. Кириакъ и в. к. Василій Дмитріевичъ подымае возмущеніе противъ этого, утверждая, что Діонисій управлялъ спорными городами только «въ правахъ экзарха», и патриаршимъ посланъ было поручено разслѣдовать дѣло на мѣстѣ; исходя дѣла—князьствомъ, но пойдя (при митр. Іоаннѣ) Нижній и Городецъ подъ прямой властью митрополита. Участіе великаго князя въ этомъ спорѣ митрополита съ суздальскимъ архіепископомъ связано, конечно, съ приобретеніемъ халкского ярлыка на Навэй и началомъ утвержденія тутъ великокняжеской власти ²⁾.

Характернѣе для деятельности Кириана его новгородскія отношенія: отъ предшественниковъ онъ унаследовалъ споръ митрополита съ новгородцами о судебныхъ правахъ митрополита по отношенію къ Великому Новгороду. Наростаніе новгородскаго народоуправства вело князьство къ попыткамъ

¹⁾ Р. И. В., т. VII, приложения № 34, 41 и 42.

²⁾ Тамъ же, № 41 и 42. Митр. Кириакъ и в. к. Василій утверждали передъ патриархомъ, что Діонисій держалъ Нижній и Городецъ „отъ лица кнзя Алексія, какъ экзархъ“, тогда какъ Діонисій утверждалъ, помогая патриаршей грамоты, что эти города „принадлежатъ къ его епархіи и подвластны суздальскому князю, а князь вѣдая его державу“; политическій мотивъ—приспособленія границъ епархіи къ предѣламъ Нижегородскаго великаго княжества игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ большую роль, и политическимъ приемомъ были мѣры митр. Алексія, а въ данный моментъ в. к. Василія. Кириакъ былъ заинтересованъ въ ослабленіи суздальской архіепископій, гдѣ сказывалась оппозиція противъ него: вѣроятно, что Вафкиа, игуменъ Спасскаго Суздальскаго монастыря, не хотѣлъ признавать Кириана митрополитомъ; Евфросинъ былъ ученикомъ Діонисія, котораго патриаршая грамота называетъ „макугеромъ“ Евфросина.—Е. В. Голубинскій, указ. соч., стр. 220. Только при Кириакѣ впервые появляется осмысла на то, что Нижній и Городецъ подчинены Суздальскому архіепископу только „на правахъ экзарха“ и едва ли митрополитъ съ великимъ княземъ смогли это доказать.

опредѣлить по новому и ограничить при такомъ опредѣленіи іерархическую зависимость новгородской епархіи отъ власти митрополита. Эти іерархическія отношенія получили большой политическій вѣсъ, благодаря, съ одной стороны, тѣсному союзу митрополитъ съ великокняжескою властью, а, съ другой, усвоенію господствомъ Великимъ Новгородомъ права избирать князю да на свою архіепископію, права, которое, въ общемъ укладѣ русскихъ церковно-политическихъ отношеній, было правомъ княжескимъ. Возвышеніе новгородскаго епископа въ архіепископскій санъ, затѣмъ пріобрѣтеніе имъ вѣшняго отячія крещатыхъ разъ уже вызывало, какъ мы видѣли раньше, трекія, которыхъ потребовали отъ Константинопольскаго патріарха разъясненія архіепископу Великаго Новгорода, что отячія эти не связаны съ какими либо уменшеніемъ его зависимости отъ митрополитъ. Наволеи остриня попросомъ этихъ отношеній сталъ вопросъ о судебныхъ правахъ митрополита. Новгородцы достигли на дѣлѣ того, что и на судѣ митрополита распространялось ихъ требованіе, установленное договорами по отношенію къ суду великаго князя: «а на Нину, княже, новгородца не судити», и обычной практикой митрополитскаго суда стали періодическія пріѣзды митрополита въ Новгородъ на вѣщичный срокъ для суда, полученія обычныхъ доходовъ в судебныхъ помянхъ. Но эта практика не получила исключительнаго господства, не всякій вытѣснила «позывъ на судъ въ резиденцію митрополита—на Нязь, въ Москву. Въ 1386 году новгородцы поставили этого вопроса ребромъ, причемъ возникшіи споръ не замедлилъ получить болѣе широкій смыслъ, перейдя въ отрицаніе не только позывовъ, но и вѣщичнаго суда митрополита въ Новгородѣ¹⁾. Въ 1386 году состоялось въ Новгородѣ «на вѣчѣ, на княжи дворѣ» постановленіе, скарпленное крестнымъ пѣрвоикенъ всего Великаго Новгорода, о судѣ гражданскомъ и церковномъ; в гражданскій судъ—посадника и тысяцкого, в церковный—владыки архіепископа должны входить при участіи двухъ бояръ и двухъ житныхъ людей отъ каждой изъ судящихся сторонъ, а на судѣ къ митрополиту новгородцы обязывались другъ друга не вызывать²⁾. Началась

¹⁾ Е. В. Голубинскій, *Ист. Русс. Церкви*, т. II, ч. 1, стр. 306—313; *Нахитскій*. Очеркъ внутрешней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 101—105.

²⁾ П. С. Р. Д., т. IV, стр. 91 (ноябрь 1386 г.—, той же зимы», 92 («той зимы въ великій постъ»—ноябрь 1386 г.) Составленіе этихъ вѣщичныхъ редакционныхъ постановленій, позволяеть признать, что участіе бояръ и житныхъ людей предполагалось и для церковнаго суда. Такъ разуметь в Голубинскій (стр. 308); толкованіе Нахитскаго: новгородцы «позволили, чтобы не только не ходитъ по церковнымъ дѣламъ въ расправу къ митрополиту въ Москву, но даже не давать ему вѣщичнаго суда и въ самомъ Новгородѣ, а чтобы всѣ церковныя дѣла рѣшалъ на основаніи рекомендаціи окончательнаго сама новгородскій владыка» (стр. 111). Патріаршая грамота (Р. И. В., т. VI, прил., ст. 255—266) такъ передаетъ рѣчи новгородскихъ посланцевъ: «не хотимъ судитися у митрополита, ни того, чтобы, когда онъ позоветъ на стѣ нашего епископа, онъ шелъ, или чтобы митрополитъ приходилъ въ Великій

борьба съ митрополіею всея Руси ¹⁾, имѣвшая свое особое значеніе и для великокняжеской власти, такъ какъ ослабленіе связей между Новгородомъ и Москвою грозило усилить западное, литовское вліяніе; не даромъ новгородскіе послы, отстаивая свои притязанія передъ патриархомъ, повторили литовскій аргументъ: не уступая греку, придется переходить къ латинство ²⁾. В. к. Василій и ставитъ въ ряду другихъ притязаній своихъ къ Великому Новгороду во время ихъ разбирья 1392—1398 года, требованіе выдать митрополиту крестоцѣловальную иѣчевую грамоту о судѣ. Новгородцы это выполняли, послѣ «многого кровопролитія», при заключеніи «мира по старикѣ» съ в. к. Василіемъ и получая отъ митрополита разрѣшительную и благословенную грамоту ³⁾. Но этия дѣла далеко не закончились. Въ слѣдующіе годы видимъ, что, съ одной стороны, новгородскій епископъ является въ Москву по каждому зову Кипріяна, и новгородцы принимаютъ митрополита съ великою честью, но, съ другой, они, по прежнему, упорно стоять на отлученіи иѣсичаго его суда ⁴⁾. Конфликтъ затя-

Новгородъ и судилъ одна мѣсяцъ, или кто-нибудь привоистъ ему жалобу, и митрополитъ присылалъ бы для суда своего человека».

¹⁾ Весною того же года новгородцы отказали въ иѣсачьемъ судѣ митр. Пимену (П. С. Р. Л., т. V, стр. 239), а затѣмъ не приняли патриаршей грамоты, убѣждавшей ихъ не нарушать канонѣвъ (Р. И. Б., тамъ же, стр. 237—238; П. С. Р. Л., т. V, стр. 244; т. VIII, стр. 60—61); эту грамоту привезли на Русь греческіе митрополиты, прибывшіе съ Кипріяномъ въ 1390 г. Въ 1391 г. Кипріянъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ принять въ честь⁷⁾, но на требованіе иѣсичаго суда получилъ отвѣтъ: «чѣловекъ есмь крестъ съ одного, а грамоты повисали и поветытали, и душу зачѣтали» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 245). Тогда митрополитъ наложилъ на Новгородъ отлученіе, котораго, однако, не признали ни новгородцы, ни архіепис. Іоаннъ (Р. И. Б., тамъ же, стр. 239—242). Обѣ стороны обратились къ патриарху (тамъ же, стр. 254 и П. С. Р. Л., т. IV, стр. 99; любопытно, что при этомъ новгородскіе послы задохнули въ Ковстантаинополѣ, а уплачиваютъ долгъ—митрополитчю боярину Дмитроку, тому самому Дмитрію Левяннику или Левяновичу, который ѣздилъ судиться съ ними къ патриарху—тамъ же, стр. 100), но отвѣтъ былъ тотъ же: «повизуйтеса митрополиту русскому; въ новгородцѣвъ не подѣйствовали и дѣя козми увѣщательныя грамоты патриарха (Р. И. Б., т. VI, прил., №№ 37 и 38); во второй грамотѣ (осень 1393 г.) патр. Антоній упоминаетъ о военныхъ дѣйствіяхъ в. к. Василія противъ Новгорода, которыя вызвали его «дѣлами и стѣнами» съ новгородцами, а указываютъ на примиреніе съ митр. Кипріяномъ, какъ на условіе его посредничества передъ великимъ княземъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 255—256.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 100; С. Г. Г. и Л., т. II, № 13: митрополитъ обихравету новгородцѣвъ крестоцѣловальную грамоту и даетъ имъ за ихъ «обращеніе» свое прощеніе и благословеніе, а в. к. Василій даетъ имъ «миръ по древнему». Миръ состоялся въ Фиваино горахѣ 1393 года.

⁴⁾ Новгородъ, I, стр. 390, 381, 391. Свообразіе сложившихся отношеній заставило составителя Новгородской лѣтописи написать, что въ 1395 г. новгородцы дали митр. Кипріяну «судъ по старикѣ» (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 157); но Новгородъ сообщаютъ: «судъ ему не даше», хотя Кипріянъ пріѣхалъ съ патриаршимъ посольствомъ, архіепис. Матанъ-

кулся и дошелъ до трехлѣтняго заточенія еп. Іоанна въ московскомъ Чудовскомъ монастырѣ¹⁾, и важнѣйшая его черта—крайняя осторожность Кипріяна по отношенію къ Новгороду, далеко не согласованная съ новгородской политикой в. к. Василія. Митрополитъ не прибѣгаетъ къ крутымъ мѣрамъ церковнаго запрещенія, не порываетъ съ Новгородомъ въ годы напора на Новгородъ великокняжескихъ влостей Василія и Виконта и боробы Василія Дмитриевича за Данскую землю. Его поведеніе, подлинныя мотивы котораго мудро установить по краткимъ и сухо фактическимъ указаніямъ нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, даютъ впечатлѣніе напряженнаго обособленія отношеній митрополита отъ политическаго дѣйствія великокняжеской власти. Такъ Кипріявъ и послѣ первой уступки Новгороду—выдачи крестоцѣлительной записки по требованію великаго князя, встрѣтивъ новый отказъ новгородцевъ въ исполненіи судѣ, убавляетъ отъ нихъ, несмотря на то, что держалъ «свѣлюбіе» на нихъ и на ихъ епископа, съ благословеніемъ, въ отлученіемъ; такъ при новомъ моринѣ розмѣря между в. к. Василіемъ и Новгородомъ Великимъ, когда князь великій «владычюа благословенія и слова добра не принялъ, а отъ пословъ новгородскихъ челобитья, а отъ Новгорода нелюбія не отложилъ, а миру не далъ», митрополитъ «своего сына, владыку Іоанна и пословъ новгородскихъ отпустилъ въ Новгородъ съ честью и съ благословеніемъ»²⁾. Когда же въ исходѣ девяностыхъ годовъ Новгородъ въ разрывѣ съ обоями великими князьями—великорусскимъ и литовскимъ, Кипріявъ не ставитъ остраге церковнаго вопроса, который на этотъ разъ не выступаетъ и въ составѣ требованій в. к. Василія къ Новгороду; только въ 1401 г. постигло архіеп. Іоанна запрещеніе и покаяніе, но и то личное, безъ

комъ, который пришелъ отъ запр. Литовіи грамоты (Р. И. Б., т. VII, № 37 и 38) и доказавъ былъ, согласно инструкціи (тамъ же, № 42) являлась дано устно передъ епископомъ, начальниками и народомъ, а затѣмъ представлять в грамоты для всеароднаго прочтенія. Поковская I летопись подтверждаетъ, что въ этотъ пріездъ Кипріявъ «на владыку и на весь Новгородъ великіе дары» (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 194); Архангелогородскія лѣтописцы, сообщая о «покаяніи» еп. Іоанна митрополитомъ «до великаго князя слову» въ 1401 г. и заключенія его «за стороны» въ Чудовскомъ монастырѣ, поясняютъ «за ижечюи судѣ, до не дали» (зд. 1819 г., стр. 121).

¹⁾ Три года и четыре мѣсяца пробылъ епископъ въ Москвѣ съ 1401 по 1404 г.—Новг. I, стр. 891 и 393. Никоновская лѣтопись даетъ рядомъ два разныя и несогласованныя извѣстія подъ 1401 г.: 1) что еп. Іоаннъ «пробылъ у Кипріяна митрополита въ наказаніи и окривленіи» и 2) что за епископскомъ соборѣ еп. Іоаннъ (князь и лудей еп. Савва) «отписалъ своея митрополита», и оба удержавъ митрополитомъ въ Москвѣ; дальнѣйшее сообщеніе той же лѣтописи—подъ 1404 г.—о томъ, какъ Кипріявъ отпустилъ арх. Іоанна, отослѣннаго въ монастырскомъ заточеніи три съ половиною года, поясняетъ, что не могла быть рѣчи объ отреченіи Іоанна отъ епархіи, а только о запрещеніи ему святительства въ связи съ его «покаяніемъ».—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 188 и 190.

²⁾ Новг. I, стр. 396 и 394.

митрополита на Новгородъ Великій; однако, и этотъ эпизодъ закончился, хотя и черезъ три съ лишнимъ года, отпускомъ Іоанна на его ксенодору—безъ рѣшенія основного спорнаго вопроса по воли митрополита, за которымъ былъ и право и авторитетъ патриарха.

Не было в. к. Василию и той поддержки со стороны митрополита въ борьбѣ съ Литвой, какую выдвинулъ въ свое время митр. Алексій. Сильное вліяніе Виконта на Москву находило, несомнѣнно, поддержку въ митрополитѣ всея Руси, который стремился проводить свое общерусское значеніе независимо отъ литовско-московскаго соперничества. Въ литовскихъ отношеніяхъ Кипріяна—митрополита Киевскій и тщательно набѣгаетъ осложненій, которые зашли бы его значенія въ западной Руси, какъ произошло, по политическимъ причинамъ, съ митр. Алексѣемъ. Рѣзкое противопоставленіе христіанской Руси языческой Литвѣ, использованное митр. Алексѣемъ для цѣлей политической борьбы и національно-политической идеологии, перешло въ другую плоскость по водворенію на Литвѣ католицизма. Митр. Кипріяна не ставитъ себя въ рѣшительное противорѣчіе съ католической церковью и католическимъ государствомъ. Его мнѣніе о томъ, что сдѣлало бы его главой обширной вѣстной церкви, охватывающей и восточную Русь, и Литовско-русское государство, и русскія земли короны Польской. Свободный отъ національно-великорусскихъ настроеній Кипріяна идетъ не къ націонализациі вѣроисповѣданна агглютинизма, а къ попыткѣ разрушить его—соединеніемъ церквей. Въ началѣ 1397 года патр. Антонію пришлось дать королю Ягайлу и митр. Кипріяну отвѣтъ на опредѣленно поставленный имъ вопросъ о соборѣ для обсужденія условій этого церковнаго соединенія. И уклончивый, осторожный отвѣтъ патриарха свидѣтельствуеетъ, что Византія въ ту пору, тѣснимая «нечестивыми», вступала на путь политической игры съ идеей унии ради боевой помощи католическаго Запада: уніатскія настроенія Кипріяна не стоятъ въ противорѣчіи съ тенденціями византийскаго политикі¹⁾, а Византія находитъ въ немъ поборника матеріальной помощи Руси—денежными сборами на нужды Константинополя, угнѣмленнаго врагами христіанства²⁾. Самостоятельная позиція митр. Кипріяна между великорусскими и литовскими великими князьями и его тѣсныя связи съ Византіей, которымъ онъ не противопоставляетъ національнымъ-великорусскихъ интересовъ, ставятъ его въ правое

¹⁾ Р. И. Б., т. VI, прил. №№ 44 и 45. Видно изъ патриаршихъ грамотъ, что рѣчь шла о первенномъ соборѣ въ предѣлахъ Западной Руси для соединенія церквей, какъ вѣстной, русскаго церковнаго глаго. Патриархъ отвѣчаетъ, что это дѣло «требуетъ собора вселенскаго, а не помѣстнаго» и что «Россия неудобное мѣсто для вселенскаго собора», а путь для восточной поставленъ дѣла о соединеніи указываетъ въ выслушаніи Ягайла съ венгерскими королями за имя Христова «на сокрушеніи нечестивыхъ, стремившихся поглотить всю вселенную».

²⁾ Тамъ-же, № 46.

противорѣчіе традиціямъ митр. Алексія. Памятникъ внутренняго отношенія между митрополіей и великорусской великокняжеской властью—установл. грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріяна «о дѣлахъ церковныхъ и о волостяхъ и о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ помѣнахъ о церковныхъ» показываетъ въ немъ защитника самостоятельной церковно-административной и свѣтской власти митросознана. Трудно, по недостатку документовъ отъ боѣе стараго времени, оцѣнить, что въ содержаніи этой грамоты принадлежитъ Кипріяну, а что есть только восстановленіе и укрѣпленіе порядковъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшихъ митрополитовъ¹⁾. Установл. грамотѣ, совмѣстной великаго князя и митрополита, придана форма протокола ихъ согласенія, что придаетъ ей характеръ договорной грамоты²⁾. Она опредѣляетъ положеніе митрополитскихъ владѣній въ составѣ великаго княжества сходно съ положеніемъ удѣльныхъ княженій; составъ владѣній и льготъ опредѣляется, въ общемъ, «какъ было и при Алексѣѣ митропо-

¹⁾ М. Д. Приселковъ въ цѣлой работѣ: «Ханскіе ярмаки русскихъ митрополитовъ» высказалъ убѣжденіе, что рядъ данныхъ («отношенныя упомянутое, являя митрополитовъ, наконецъ, установл. грамота в. к. Василія Дмитріевича и митр. Кипріяна, въ основѣ которой лежатъ, какъ это ясно видно изъ текста, установл. грамота митр. Алексія») — «не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что за все время золотоордынскаго владычества шла борьба свѣтской и духовной власти на Русь, и установл. грамота в. кн. Василія и митр. Кипріяна вводитъ власть съ окончательнымъ ясностью и въ результатѣ этого составили за власть надъ церковными имуществомъ и въ основныя пункты спора» (стр. 35). М. Д. Приселковъ находитъ два указанія на столкновеніе между духовной и свѣтской властью во времена в. к. Свѣтлана: 1) лѣтописную запись подъ 1342 г. о томъ, какъ митр. Феогноста ходилъ въ Орду «о прачѣ церковныхъ», причѣмъ «лѣтніи русскіи чловеци» довели хану, что митрополитъ имѣетъ крупныя доходы и долженъ бы давать въ Орду «похѣтныя дани», но митрополитъ откупился отъ ханскихъ требованій, раздалъ значительную сумму хану и его близкимъ; М. Д. Приселковъ видитъ въ этихъ «лѣтнихъ»—русскихъ князя, но по общему положенію собора и упоминанію «выхода» рѣчь могла бы быть развѣ о передаче митрополитомъ къ участию въ дани со стороны великаго князя, а увеличеніе суммъ «выхода» особой данью съ церковныхъ доходовъ ничѣмъ не послужило бы выгодѣ его (П. С. Р. Л., т. X, стр. 215; т. VII, стр. 209) и 2) тамъ же. Ярмикъ ханши Табдулы митр. Іоанну, въ которомъ М. Д. Приселковъ видитъ грамоту, обращенную къ в. к. Семѣну и всѣмъ русскимъ доходить ничѣмъ не послужило бы церковному, князю свѣтскаго суда; пониманіе М. Д. Приселковомъ Табдулы ярмика даетъ наилучшее объясненіе этого текста.

²⁾ А. А. З., т. I, № 9—«Се азъ, князь великій (Василій Дмитріевичъ), съдѣ съ словми отцемъ (Кипріяномъ), митрополитомъ Кіевскимъ и всемъ Русь, управяи есмь (всѣмъ)». Отнеси ее надо къ 1392 г. по азъ датѣ 28 іюня, въ это 6900, несмотря на ошибочное указаніе подлѣта, 12-го, который относится къ 1890 или 1604 году; только по окончательномъ водвореніи на митрополию, вожди въ дѣлахъ управленія, митр. Кипріяну наладить восстановленіе своихъ правъ и владѣній, потерѣвшихъ за время церковной смуты, да Кипріяна и не было въ Москвѣ въ 1390 г.; 1604 г. надо вѣрнѣе, какъ слѣдуетъ подлѣта; ср. В. Е. Годубинскаго, указ. соч., стр. 326.

литъ»¹⁾; «церковные люди» дают «оброкъ» великому князю (по оброчнымъ грамотамъ), «свои дань дати въ татары», а не будетъ татарской дань, то и оброка не дать; когда самъ великий князь выступаетъ въ походъ, то идутъ митрополитичьи бояре и слуги подъ митрополитичьимъ воеводой, хотя и подъ стягомъ великаго князя—это, видно, старина, такъ какъ тѣ, кто не служивалъ митр. Алексию, а «приказался ново митрополиту», тѣ идутъ въ походъ подъ великокняжескими воеводами, по мѣсту жительства; слугъ великаго князя и его дамныхъ людей митрополитъ не ставитъ въ дьяконы и поны, кромя поповичей; по искамъ на митрополитичьихъ управителей (намѣстника, десятиника, возостеля)—судъ великаго князя; правна смѣстнаго суда тѣ же, что въ междукняжескихъ договорахъ; утверждается никумятецкй (судебный) митрополитичьи церковныхъ сель и «пошлыхъ монастырскихъ». И тутъ, какъ въ междукняжескихъ договорахъ, большая условность финансовой и военной власти великаго князя; сборъ дань—въ опредѣленной раздѣлѣ оброка-урока—обусловленъ уплатой татарскаго «мыхода»; ополченіе митрополитичьихъ людей выступатьъ только въ походахъ, гдѣ самъ князь великій «сидеть на конѣ». Конечно, нѣтъ рѣчи о самостоятельности вѣвшихъ отношеній митрополита; но, на дѣлѣ, Киприанъ былъ въ этихъ отношеніяхъ самостоятельной политической единицей, что придаетъ особый вѣсъ и договорному характеру его относительной зависимости отъ великокняжеской власти въ дѣлахъ свѣтскаго, политическаго вѣствованія.

Такой узакъ откошеніи между духовной и свѣтской властью можно разсматривать, какъ отраженіе на нихъ удѣльно-вотчиннаго строя. Подразъ предвѣтъ связей политической солидарности митрополія съ великокняжеской властью долженъ былъ обострить вопросъ о ея націонализациі, не только съ болѣе отдаленныхъ возостяхъ, къ болѣе общаго — о судѣ, повелеваеягъ и слугѣ митрополитичьихъ людей говорить сморѣ объ отсутствіи сложившагоса формуляръ подобнахъ грамотѣ. Исключительное положеніе и значеніе митр. Алексія Лидско, по всей вѣроятности, спорнымъ вопросомъ о правѣ его приемливостъ на все, что было признано за нимъ.

Церковно-политическая дѣятельность митрополита Киприана не была только личнымъ его дѣломъ. Въ ней—проникненіе сложныхъ влѣдѣній, какъ общаго положенія дѣлъ въ Восточной Европѣ, подѣленія между великорусскимъ великимъ княженіемъ и литовско-русскимъ государствомъ,

¹⁾ Не раздѣлая увѣренности М. Д. Прасалкова въ томъ, что уставная грамота Киприана составлена на основѣ такой же грамоты митр. Алексія; ссылки на порядки, какіе были при Феогностѣ и Алексѣ еще не доказываютъ существованія соотвѣствующихъ «уставныхъ» грамотъ; наша грамота перечисляетъ вопросы, ставшіе спорными и требованіе опредѣленія; самыя породегъ статей—отъ частныхъ вопросовъ объ отдаленныхъ возостяхъ, къ болѣе общаго—о судѣ, повелеваеягъ и слугѣ митрополитичьихъ людей говорить сморѣ объ отсутствіи сложившагоса формуляръ подобнахъ грамотѣ. Исключительное положеніе и значеніе митр. Алексія Лидско, по всей вѣроятности, спорнымъ вопросомъ о правѣ его приемливостъ на все, что было признано за нимъ.

такъ и церковно-политическаѣ тенденціи, шедши въ Византію. И сама великорусская великокняжеская власть не смогла устоять на прежней своей точкѣ зрѣнія. Кончина митр. Кипріяна (въ сентябрѣ 1406 г.) совпала съ разрывомъ мирныхъ отношеній между а. в. Василиемъ и Витовтомъ, который тотчасъ выдвинулъ своего кандидата на митрополию, Феодосія полоцкаго. Чтобы парализовать эту кандидатуру Москва пошла на ходатайство передъ патріархомъ о поставленіи «по старой памяти» митрополита, «его же во Божію хотѣнію каберуть и пришають» патріархъ, патріаршій соборъ и византійскій императоръ¹⁾. Поставленъ былъ грекъ Фотій, которому не безъ труда удалось добиться признанія и отъ Витовта²⁾. Но Фотію не пришлось наладить, подобно Кипріяну, отношеній съ великими князьями литовскими и удержать, безъ борьбы и потрясеній, единства митрополии всей Руси. На этотъ разъ дѣло осложнилось настойчивымъ стремленіемъ Витовта нибѣ для Западной Руси особаго митрополита, въ чемъ онъ камель поддержку у крайней шѣрѣ части западнорусскаго духовенства. Властимъ и требовательнымъ митрополитъ вызвалъ среди мѣстнаго духовенства и сѣвѣрскаго общества раздраженіе настойчивой заботой о восстановленіи въ полномъ объемѣ своихъ доходовъ и церковныхъ вѣдствъ³⁾. Рѣче, чѣмъ

¹⁾ Р. Н. Б., т. VI, ст. 329—330; А. З. Р., т. I, № 25, стр. 86. Возможно, что такой исходъ дѣла былъ подготовленъ еще Кипріяномъ, если принять предположеніе Е. Е. Голубинскаго (указ. соч., стр. 406), что обязательно новопоставленнымъ епископомъ «за хотѣніи ми приимати вного митрополита, раздѣльного поставити въ Царьградѣ, накъ есмю то значила приимѣ», которое читаемъ въ члѣнѣ кабаріи и поставленія въ спискомъ временахъ Фотія (Р. Н. В., тамъ же, № 52, ст. 454) установлено еще Кипріяномъ.

²⁾ «Мы, писмотъ Витовтъ въ грамотѣ 1415 года, не хотѣли быти того приимати Фотія митрополита, и онъ являе сякъ здѣ у насъ быти, церковь строити, и приимати бмае есмю его на митрополию кіевскую» (А. З. Р., т. I, № 25). Въ Москву Фотій прибылъ только на Пасху 1410 г. (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 486).

³⁾ Захвата, подъ разными предлогами, церковныхъ вѣдствъ и вѣдствостей, а также умаленіе тѣхъ или иныхъ правъ на доходы церковной казны во время ея захватности и отсутствія митрополита—явленіе обычное; пользовались обстоятельствами и князья, и бояре, и церковные люди, сѣвѣрскіе и духовные. В. Н. Бенедиктъ указалъ въ трудѣ: «Святаго въ 50 титуловъ» (стр. 166—169) записки о расхищенномъ митрополитчьемъ вѣдствѣ, которое пришлось разыскивать митр. Феодосію (послѣ смерти литовскаго митрополита Феофана—см. ст. М. Д. Прозимова и М. Р. Фелсера объ «Отрывкахъ В. Н. Бенедиктова» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности» Акад. Наукъ, 1916 г., изд. I). Даже-ли Фотій вѣдствуетъ въ той защитѣ, какую даетъ ему Е. Е. Голубинскій (указ. соч., стр. 371), пытался замѣнить содержаніе «клятвы» за него его врагомъ, какому сообщалъ источники, другимъ (стр. 372); раздраженіе Витовта, духовенства, являея и болѣе вызвано не только крутой требовательностью Фотія (за даромъ литовскъ двѣтъ ему рѣдкіи по отношенію къ митрополиту звѣствъ «мужествоваго»), но и тѣмъ, прежде всего, что доходамъ и церковнымъ вѣдствамъ уходить, накъ и при признаніи митрополитомъ, въ чужую страну, въ далекую резиденцію митрополита. Фотій признавалъ въ Литву въ 1411 году

когда либо раньше, поставленъ въ Литвѣ вопросъ о восстановленіи резиденціи митрополита въ Кіевѣ, чтобы и церковное дѣло правильно строилось въ Литовской Руси, чтобы и матеріальныя ея средства не уходили на московскіе расходы митрополита. Впрочемъ, первые же шаги Витовта показали, что дѣло идетъ отнюдь не о защитѣ интересовъ южно и западно-русской церкви. Раздраженный на неудачу своихъ церковно-политическихъ плановъ и лично на Фотія, котораго упрекали за нарушение общацій не запускать управленія этой церковью и не оставлять ее безъ своего личнаго присутствія въ Кіевѣ, Витовтъ въ 1414 году не допустилъ Фотія убраться въ Кіевъ, а заставилъ его вернуться въ Москву, куда выслазъ и его наместниковъ, «а грады митропольскіе Кіевскіи церквн великіи соборныи и волости и села раздаде паномъ своимъ»¹⁾. Отвергнувъ Фотія, Витовтъ добился, при поддержкѣ части епископовъ Литовско-русскаго государства, избранія на Кіевскую митрополию болгарина Григорія Памблха, племянника митрополита Кириана; отказъ патриарха въ поставленіи Григорія привелъ къ его посвященію соборомъ епископомъ²⁾. Но и четырехлѣтній разрывъ митр. Фотія съ великимъ княземъ Литовскимъ не привелъ его къ московскимъ церковно-политическимъ воззрѣніямъ и тенденціямъ. По удаленіи Памблха съ литовской митрополіи—въ концѣ 1418—начатѣ 1419 года³⁾—Фотій восстанавливаетъ въ правлѣ митрополита всюя Русь. Лѣтою 1420 года Фотій ѣдетъ въ Литву съ патриаршимъ посломъ на воссоединеніи своеѣ митрополіи⁴⁾, и во второе десятилѣтіе своеѣ дѣятельности укрѣпляетъ

на цѣлый годъ (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 55).—П. С. Р. Л., т. XI, стр. 223; Р. И. В., т. VI, № 39 („точію приходы церковныи сбараи и живаше надѣ и старая устроиши и чести кіевскіи церквн на ншо мѣсто долагаше“); А. З. Р., т. I, № 25. По рассказу Никоновской лѣтописи (т. XI, стр. 224) толчокъ къ обостренію отношеній дали недовольные Фотіемъ въ Москвѣ, бѣжавшіе отъ него въ Литву; возможно, что сдѣлкіи о раздѣленіи противъ митрополита въ Москвѣ дало Витовту поводъ поднять за ново вопросъ объ управленіи Фотія съ кіевской митрополіи.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XI, стр. 224. Грамота епископовъ съ отреченіемъ отъ Фотія—Р. И. В. т. VI, № 37.

²⁾ Р. И. В., т. VI, № 38—соборная грамота западнорусскихъ епископовъ; № 39—окружное повелѣніе Фотія—протестъ противъ поставленія Памблха; № 40—грамота патр. Иосифа къ Фотію объ осужденіи Памблха; № 41—грамота митр. Фотія во Псковъ объ этомъ „великомъ и богоугоднымъ церковномъ мѣстѣ“.

³⁾ Давши о „смерти“ Памблха или его добровольномъ удаленіи съ митрополіи и уходѣ въ Молдавію—въ трудѣ А. Н. Яценковского, „Григорій Памблхъ“, глава IV; Яценковский доказываетъ тождество Григорія Памблха съ епископомъ Намедкаго монастыря Гагриломъ, во етѣ гипотеза, для моего изложенія безразличная, едва ли достаточно имъ обоснована.

⁴⁾ „Соединеніе церковь русская и въ пераий миръ приведена бысть“, когда патриархъ и царь и все освященный соборъ „оправдали“ Фотію его митрополію—„всѣмъ русійскуу землю“—Р. И. В., т. VI, № 40; окружное повелѣніе Фотія Литовской Руси.—Доп. къ А. Н., т. I, № 182.—П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 58—59. Соединеніе

ириши отношенія съ Ритовтохъ, пользовалъ новое обличіе Москвы съ Литвой, которому, надо полагать, и содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ. Съ трудомъ и не безъ бурныхъ столкновеній устанавливался, въ то же время, и московскій отношенія Фотія. По прибытіи въ Москву—его ожданъ рядъ столкновеній изъ за церковныхъ воччанъ, имущества и доходовъ, только недавно гарантированныхъ митрополіимъ уставной грамотой в. к. Васкїи Дмитріевича и митр. Кипріяна ¹⁾. И въ этой борьбѣ за церковное достояніе Фотій выступаетъ авторитетнымъ настояремъ-духовнымъ отцомъ, который именемъ Христа требуетъ отъ великаго князя смиренія и послушанія: ибо, говоритъ онъ, «аще и грѣшешъ еси, авостольское вѣщаніе» ²⁾.

Дѣятельный и энергичный церковный правитель, митр. Фотій держится въ сторонѣ отъ политической борьбы ³⁾. Единственное порученіе

было похвалъ, такъ какъ еще до исторіи съ Цамблкомъ и Галичъ подъ общей митрополитической властью (т. XVII, ст. 35).

¹⁾ Тамъ потомъ и ставала митрополіи свои церковная и доходы Фотій митрополитъ началъ обжаловати и что гдѣ захотѣло начать камсати, или отъ князей и бояръ что любилецо или отъ чимыхъ князехъ лютимецо что восхитило, села и волости и доходы и пошанимъ Христова дому и пречиста Богородица и салтыкъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя; оуъ же вся сіа отъ князь взымаше и утверждалше крапко въ дому Христова и пречиста Богородица и салтыкъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя во свѣдѣній митрополитъ всея Русїи и доходы, и пошанимъ, и земля, и воли, и села, и волости», П. С. Р. Л., т. XI, стр. 213.

²⁾ Два посланія Фотія в. к. Васкїю Дмитріевичу—Р. И. В., т. VI, № 36 (I и II). Въ первомъ—пученіе о «непринятости» установленнаго для церквей вселенскими соборами, православными царями и предками в. к. Васкїи, о высотѣ священническаго сана, «охоримленію, поддержанію» котораго Дмитрій Донской обжалъ побѣдой надъ «агарянами»; создалъ это в. к. Дмитрій «монастырскіи все пошанимъ и церковныи, яко вѣщану оца, всегда соблюдалше», и слышъ его обжалъ, папекута, что Церковь породила его хощеніемъ и воспитала и поставила «окомъ всей Русїи», «заирать» и «снотрѣль» какъ о себѣ самомо, «какъ себѣ добре устроити мѣстѣ», такъ и о всѣхъ «сущихъ подъ собою», а особенно «всаку неправду и хощеніе и лукавство и лютимство возмезднѣтъ»; потому великій князь долженъ утвердить «благочестивымъ списаніемъ» все принадлежашее Церкви, утвердить и устроить «всѣ пошанимъ». Второе посланіе посвящено, что благочестивые цари Византіи считали долгомъ охранять церковное достояніе, а великій князь, поступаая иначе, не долженъ стѣноватъ на митрополитичье пученіе, ибо оуъ «апостольское вѣщаніе». Князь великій, хоть оуъ и «съ Богомъ повстаетъ» долженъ помнить, что оуъ только человекъ, и если оуъ уважалъ Церковь, «васоимствуа, князя неподобнѣша», то себѣ самому оуъ стѣжъ не можеть, а долженъ обратиться къ Церкви и къ отцу своему митрополиту съ покаянной речью: «согрѣшахъ, прости ма, и вѣдаше, о отче, во всемъ благослушана и покорена мене» и съ обѣщаніемъ «исполнѣтъ и исправитъ» всѣ церковныи пошанимъ, верушенныи и расхищенныи, хотя были издавна утверждены прародителами.

³⁾ Въ 1416 году къ митр. Фотію обратилъсь исконичъ съ замалованіемъ, что послѣдній изъ «уставная грамота», сдѣланная яростнымъ цѣлованіемъ при князѣ Константїнѣ Дмитріевичѣ, противорѣчитъ грамотѣ митрополита («какъ еста

политического характера, как выполненное—участіе въ посольствѣ къ Витовту въ 1428 году, когда съ нимъ послана литовскому великому князю духовная грамота его зятя. Но кончина в. к. Василія Дмитріевича (въ февралѣ 1425 г.) поставила Фотія въ новое, исключительное положеніе: пришлось войти дѣятельной силой въ борьбу за великое княженіе, отстаивать права юного Василія Васильевича, пережить разразившійся кризисъ междукняжескихъ отношеній, который постепенно назрѣвалъ втеченіи всего княженія Василія Дмитріевича.

VI.

Ослабленіе связи и дѣятельности великорусской великокняжеской власти въ два послѣднихъ десятилѣтія XIV-го вѣка и въ первой четверти XV-го проявилось и обусловлено не только обстоятельствами тягостныхъ внѣшнихъ отношеній и внутренняго разлада съ митрополіей. Глубочайшіе и основныя корни пережитого этой властью затяжного кризиса лежали въ самой ея структурѣ, въ ея связности обычными, традиционными семейно-вотчинными отношеніями внутри московской княжой вотчины и господствомъ тѣхъ же вотчинныхъ—владѣльческихъ возрѣвій во всемъ политическомъ быту Великороссіи.

Мы видѣли, какъ при Дмитріѣ Донскомъ усилились проявленія вотчиннаго раздѣла внутри Московскаго княженія и какъ реакція на нихъ со стороны великокняжеской власти выдвинула политической элементъ властвованія надъ силами и средствами страны, укрѣпляя и дальше развивая начала, заложенные дуконной Калиты и договоромъ в. к. Симеона съ братьями. Великокняжеское старѣйшинство не только протавостопило, по мѣрѣ силъ и возможности, дробленію этого властвованія подъ воздействием удѣльнаго и вотчиннаго владѣнія, но дѣлаетъ успешными усилія использовать свою семейно-патріархальную основу, какъ готовую форму отношеній властвованія

доставляя то цѣлованіе князя Константина Дмитріевича, а чертъ мое писаніе), которую псковское посольство и представило тутъ же Фотію вмѣстѣ съ уставою, и потому подлежатъ отпѣву; въ отпѣльной грамотѣ Фотія настаиваетъ псковичей, что въ годъ, когда имъ дѣлать постановленія (очевидно, о дѣлѣ церковномъ), не являлись сперва митрополита, но что крестное цѣлованіе имѣвать большой грѣхъ, подлежащій снѣтѣмъ, и разрешаетъ „порухати ту возину“, если отъ нея „будеть куля христіаномъ“, однако, подѣ условіемъ, что псковичи за то сами себя понесутъ „и милостивымъ, и постоимъ, и молитвомъ“—Р. И. В., т. VI, № 44. Уставная грамота князя Константина Дмитріевича (во Псковѣ въ 1407—1414 г.г.) упоминается въ „Псковской Судной Грамотѣ“, какъ одна изъ источниковъ и, очевидно, содержала постановленія относительно церковнаго суда и подсудности духовенства, противорѣчившія каноническимъ наставленіямъ Фотія. Возможно, что рѣчь идетъ о той самой грамотѣ, которая упоминается въ Судной Грамотѣ, т. е. что подлежала отпѣву грамота не цѣловкомъ, а въ некоторыхъ мѣстахъ.

и зависимости, для закрепления всекрестарных связей политического объединения Великороссии. Однако, эта нить, естественно, оказывается о двух концах. Во владильческих откошениях Московского княжества видна, въ ту же пору, усиление началъ вотчиннаго раздѣла признаваемъ условности объединенія воицкихъ силъ и только временнаго—пока Богъ не прервѣтъ Орды — единства финансовыхъ средствъ; попытка приблизить начало вотчиннаго владѣнія къ всакому княженію грозитъ и его территорию подчинить семейно-вотчинному раздѣлу, а распространеніе патриархальныхъ формъ старѣйшинства на отношенія къ «владимовъ» мѣстнымъ великимъ княженіямъ Великороссіи поднимаетъ ихъ сопротивленіе, разрушающее «одиначество» княжескихъ силъ.

Такъ обостряется противорѣчіе удѣльно-вотчиннаго строя насущнымъ политическимъ задачамъ и потребностямъ великокняжеской власти. Только крутая ломка внутреннихъ отношеній Великороссіи приведетъ его къ крушенію, только острое разрѣшеніе назрѣвшаго кризиса въ местной силѣ второй четверти XV вѣка откроетъ путь снѣзету вотчиннаго владѣнія и политической силы великокняжеской власти къ московскому единю и самодержавію.

Время княженія Василия Дмитріевича полно внутренними трепѣями въ московскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, приходится опустъ отбѣгать, какъ слишкомъ часто для великорусской исторіи этого періода, отрывочность и неполноту тѣхъ свѣдѣній, нація даютъ намъ наши источники.

Княже владѣніе долины Московскаго княжества осложнено во времена Василия Дмитріевича обособленностью Серпуховскаго княжества и вопросомъ о надѣленіи младшаго Дмитріевича—Константина, который родился за нѣсколько дней до смерти отца. Послѣдняя духовная грамота в. к. Дмитрія, составленная до этого рожденія, предполагала, что, если Богъ дастъ великой княжѣ силъ, она надѣлитъ его, князь по части нѣтъ удѣловъ его старшихъ братьевъ. Но есть основаніе признавать, что в. к. Дмитрій успѣлъ еще и самъ сдѣлать распоряженіе о надѣленіи младшаго сына: в. к. Василий Дмитріевичъ въ первой же своей духовной «дастъ ему въ удѣлъ Тохмоу да Устижну» и дѣлаетъ это «по душевной грамотѣ» отца¹⁾. Конечно, таково

¹⁾ С. Г. Г. в Д., т. I, № 39. Надо-ли можно тутъ видѣть съ Землинскими (указ. оц., т. II, стр. 135, прим. 368) ссылку на духовную грамоту Довского (С. Г. Г. в Д., т. I, № 34) и исполненіе того надѣленія, котораго почему-то не исполнила мать—великая княгиня Тохма—на р. Тохма близ Вологды—по духовной в. к. Дмитрія названа была первоначально Петру Дмитріевичу вѣнѣтъ съ Симою, волостямъ близъ озера Кубовскаго, въ прилѣчу къ Угличу—въ «великаго княжества». Устижа не упоминается въ духовной в. к. Дмитрія, но и это не московская, а великокняжеская волость. Это надѣленіе князя Петра—дополнительное къ его Дмитріевскому удѣлу, который духовной в. к. Дмитрія оторвалъ отъ прежней связи съ Галичемъ

быть не весь удѣлъ Константина, но что ему предназначалось еще—установить невозможно¹⁾. Дѣло надѣленія этого младшаго княжича вызвало слышком много осложнений, и сложилось его владѣніе послѣ ряда тѣхъ и соглашеній между московскими князьями, которые долго «волоствовали» изъ за этого между собой.

Вопросъ о распредѣленіи владѣній между князьями московской княжеской группы особенно обострилось потому, что дуловал в. к. Дмитрій поставил на очередь проблему отношенія семейно-вотчинныхъ порядковъ раздѣла владѣній въ области великаго княжества, какъ и разѣе—его договоры съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ открыли путь для притязаній младшихъ князей на долю въ великокняжескихъ захватахъ «помадованіемъ» серпуховскому князю «въ удѣлъ» Галача и Дмитрова. Эти притязанія грозили подорвать въ самой основѣ то собраніе власти надъ городами и волостями великаго княженія, которое вело къ устраненію мѣстныхъ княжескихъ силъ на пользу непосредственнаго великокняжескаго управленія, хотя нѣкъ, съ другой стороны, и создавалось. Возникли при первыхъ же значительныхъ успѣхахъ этого собранія во времени Дмитрія Донскаго, притязанія эти едва ли были вполне удовлетворены тѣмъ полупризнаваніемъ, какое при немъ получили. Тѣмъ болѣе должно было за ново подняться вопросъ о составѣ владѣній Владиміра Андреевича, дѣятельнаго участника обороны московской области и великаго княженія, энергичной опоры власти и слуги великаго князя: замкнуться въ обособленномъ вотчинномъ княжествѣ значило для него служить лишь орудіемъ чужой выгоды, при томъ—не единой великокняжеской власти, а, членомъ родственной семьи, которая дѣлилась и передѣлялась не только наследственной вотчиной, но и новыми пріобрѣтеніями этой власти.

Всѣ эти дѣла и притязанія подымались по смерти в. к. Дмитрія Ивановича въ связи съ выполненіемъ его предсмертнаго ряда. И эти домашніе раздоры становились все опаснѣе, ввиду кающихся повгородскихъ, язовскихъ, татарскихъ отношеній великаго княженія.

Въ первый же годъ по смерти в. к. Дмитрія возникло разианіе между Василіемъ Дмитриевичемъ и его серпуховскими дядей. Владиміръ Андреевичъ—вскорѣ послѣ посаженія племянника на столъ великаго княженія—поднялся со всѣмъ дворомъ своимъ, уѣхалъ отъ великаго князя въ свой

и разсмотрѣется уже какъ часть московской вотчины. Константинъ родился 16 мая 1389 года, а 19 мая скончался в. к. Дмитрій (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52 и 56). Семья дуловая в. к. Василия показываетъ, что Дмитрій успѣлъ дать рядъ о владѣніи младшаго сына въ грамотѣ, дополняющей къ его дуловое; эта дополнительная грамота не сохранилась, какъ потерявшая силу въ послѣдовавшихъ передѣлахъ, раздорехъ и договорныхъ соглашенияхъ.

¹⁾ Тошия и Устижина упомянуты въ дуловое в. к. Василия, какъ находившіяся въ рукахъ великаго князя въ моментъ составленія дуловое „(благословилъ)“.

Серпуховъ, а оттуда въ Торжокъ ¹⁾. Помиримся князю на томъ, что в. к. Василій продаде дядѣ къ его отчиму Волоку в Рязму ²⁾. Но это было только началомъ раздѣловъ и передѣловъ владѣніи, которые характерны для времени в. к. Василія Димитріевича; эти раздѣлы и передѣлы нарушаютъ устойчивость обычнаго удѣльнаго владѣнія, все болѣе отдвигая его со старой основы—отцовскаго рода, наследственности долей и обычнаго правового уклада между княжескихъ владѣтельныхъ отношеній—за почту произвольныхъ, договорныхъ соглашеній, результатъ которыхъ оформляется какъ великокняжеское «осналованіе въ удѣль» или «въ удѣль и въ вотчину» и какъ уступка требованіямъ той или иной изъ сторонъ, спорящихъ о волостяхъ, т. е. великаго князя и его «младшей братьи». Традиционный порядокъ владѣнія по удѣламъ и самый территориальный составъ княжескихъ владѣній вступаютъ въ періодъ колебаній, въ которыхъ постепенно разлагается устойчивость удѣльно-вотчиннаго строя и традиціонныхъ владѣтельныхъ понятій.

Договоръ 1390 года не окончилъ переговоровъ и соглашеній между в. к. Василіемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Къ 1405 году отсылаются его пересмотръ, при которомъ великій князь обмѣнялъ Волокъ на Городицъ (волокскій), а Рязму на Угличъ съ продажей нѣсколькихъ волостей ³⁾. Выдающаяся роль, какую игралъ Владиміръ Андреевичъ въ оборонѣ вели-

¹⁾ Посаженію в. к. Василія совершилось во Владимірѣ 15 августа 1380 года; по ведомому, Владиміръ «за мало дней» прямо съ этого торжества поѣхалъ—съ своимъ Иваномъ и старѣйшими боярами въ Серпуховъ и далее въ Торжокъ, бѣгъ котораго—въ Теребенскомъ сѣдѣ—прожилъ, пока на Крещеніе 1390 г. во «умирнаша» князя.—П. С. Р. Д., ч. VIII, стр. 60; т. XV, ст. 444.

²⁾ П. С. Р. Д., т. XI, стр. 121; С. Г. Г. и Д., т. I, № 35 (объ этомъ договорѣ см. выше, на стр. 330, примѣчаніе). Въ виду владѣнности владѣнія Рязмю, подвергнувшейся иттовскому захвату, договоръ предвѣдѣтъ возможность ея утраты и вначалѣ въ возмѣщеніе волости Яропольч и Медуши, съ тѣмъ, что князь обязуется «съ одногого» добиваться возврата Рязми.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 88: «что ся оснъ былъ отступилъ брату своему... Волоку съ волостми, Рязмю отъ волостми въ удѣль, и братью мою... отступилъ мѣд... и азъ брату своему... и его дѣтемъ противу того отступилъ въ удѣль и въ вотчину противу Волока Городицъ съ волостми... а противу Рязми... Углича, а въ продачу (дѣть тому)»—Козельскіе, Гоголь, Алексіевъ, «князь Пересвѣтовъ», Лисскъ. Уступилъ Воложскаго Городица съ волостми основана тѣмъ, что часть изъ пожалована была ранее в. к. Василіемъ Камниному князю Ивану Борисовичу—въ это пожалованіе князь Владиміръ и его дѣти не должны вступаться. Эта оговорка договорной грамоты создаетъ некоторое затрудненіе: грамота утверждена по благословенію митр. Кирилла, умершаго въ 1406 году, а относитъ только годъ 1405 г. удѣлывать объ отъѣздѣ князя Ивана Борисовича съ Камнива къ в. к. Василію. Остается допустить, что князь Иванъ и ранее уже уходилъ въ Москву, напр. вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Михайловичемъ въ 1403 и 1405 годахъ, что адмѣло бы болѣе коватными упомянаніе о немъ въ иттовскихъ сообщеніяхъ о камниевскіхъ дѣлахъ до 1406 года (см. выше, на стр. 216—217).

каго княжества в Москвы давала ему сугубую возможность предьявлять требования на расширение владѣній, а составъ семьи—пять сыновей—должна была возбуждать эту требовательность. Передъ кончиной (умеръ весной 1410 г.) князь Владимиръ далъ «рядъ сыновъ своимъ и князюиъ своей», въ которомъ отразился сложный составъ его владѣній¹⁾. Сюю треть въ городѣ Москвѣ князь Владимиръ «приказалъ» взять пяти сыновьямъ въ посередное, погодное пользование доходы, причѣмъ старшему Владимировичу—Ивану «на старѣйшій путь» выдѣлить рядъ статей дворцоваго хозяйства. Все, что князь Владимиръ считаетъ своею и сыновей своихъ отчиной, онъ дѣлитъ между пятью сыновьями (Серпуховъ, Боровскъ, Ярославъ, Радонежъ, Перемышль), а затѣмъ указываетъ волости добавочнаго ихъ надѣленія изъ «князя великаго удѣла Василья Дмитріевича»: это Козельскъ, Городецъ на Волгѣ, Угличъ²⁾.

Строй княжеской семьи и княжого владѣнія, въ остальномъ, по этой духовной грамотѣ, вполне традиционны. Во главѣ семьи—вдовствующая княгиня-мать, которая самостоятельно управляетъ своими соименными владѣніями—судомъ и данью; Владимировичи владѣютъ своей отчиной по удѣламъ, передавая ихъ поживенно вдовамъ и въ потомственное владѣніе сыновьямъ, но безъ права отчужденія и завѣщательнаго распоряженія выморочнымъ удѣломъ, который идетъ въ раздѣлъ поровну братьямъ. Раздоръ между братьями-князьими устраняется съѣздомъ ихъ болре и окончательнымъ рѣшеніемъ княгини-матери подъ опекой великаго князя, которому «приказаны» серпуховская княгиня и ея дѣти съ тѣмъ, чтобы онъ печаловался о нихъ и доправлялъ, что устанавитъ княгиня, бляди, чтобы отчий ихъ было безъ убытка и ихъ удѣламъ.

Дробленіе владѣній князя Владимира Андреевича между сыновьями упрядило относительно значительность его княжества и своего князей Владимировичей на положеніе мелкихъ подручниковъ великаго князя³⁾; моровое похѣтріе 1426—1427 на одного изъ нихъ не пощадило, и послѣдній отырысъ серпуховскаго княжескаго дома Василій Ярославичъ высту-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 40.

²⁾ Княгиня Иванъ получаетъ «изъ великаго князя удѣла» Козельскъ, Гоголь, Александръ, «князю Лисикъ» (т. въоротю князю Перестову, Лисинъ); Семейно Ярославъ «на поляхъ» Городецъ на Волгѣ. Относительно Углича, названнаго «на поляхъ» Андрей и Василій не повторено указаніе на «удѣлъ великаго князя», и въ и предположеніи, что онъ, князь Козельскъ и Городецъ, можетъ быть «оточималъ» (въ такомъ случаѣ предугадывала замѣна ихъ другими волостями); однако построеніе грамоты заставляетъ признать особое положеніе Углича въ ряду владѣній Серпуховской княжеской семьи. И въ расчетѣ даня Городецъ в Угличъ на особомъ положеніи: дань съ нихъ не идетъ въ общую сумму 800 р. серпуховской даня, а съ Города—160 р. въ составъ полуторатысячи рублей «новгородскаго (Новгорода Никитого) выхода», съ Углича дань также идетъ въ особый счетъ.

³⁾ О нихъ—у Экимбалерскаго, т. II, стр. 308—311.

пасть болѣе значительной фигурой въ княжеской московской средѣ, но его владѣльческое положеніе уже захвачено отношеніями времени потрясшей всю эту среду смуты.

Однако, хотя строй владѣльческихъ отношеній, сформулированный въ духовной князя Владиміра Андреевича, не создалъ никакой прочной и устойчивой организаціи Серпуховскаго княжества, отъ показателя и для сложившихся возрѣвній княжого права, и для условій давняго историческаго момента. Передъ нами не удѣль Московской отчины, а особое вѣщное княжество, повторившее въ своемъ внутреннемъ строѣ отношенія того цѣлаго, въ котораго оно само выдѣлилось. Владиміровичъ владѣлъ своей отчиной по удѣламъ, на началахъ традиціоннаго семейно-вѣщнаго права и остается объединеннымъ въ семейную группу какъ семейно-владѣльческою связью и старѣйшинствомъ княгини-матери и старшаго брата, такъ и единствомъ внѣшней, политической связи съ великимъ княженіемъ. Но старѣйшинство серпуховскаго князя надъ братьями князю вѣшено каково-либо политическаго значенія, а стало быть и реальнаго вѣса, такъ какъ цѣлкомъ подпадаетъ зависимостью всей группы мѣстныхъ князей отъ великокняжеской власти. Единственною чертой политико-административнаго объединенія этой группы и съ владѣніемъ остается коллективная уплата дани на татарскій выходъ въ казну великаго князя: серпуховская великая княгиня и ея сыновья собираютъ дань, «кози выдѣтъ, дань великаго князя ко Орду», каждый со своего удѣла «по уроку», который точно изложенъ въ духовной грамотѣ, а затѣмъ всѣ вѣщствъ посылаютъ ее къ князю великаго князя и сдаютъ ее общей суммой, назначая для этого по боярину съ каждаго удѣла. Въ этомъ порядкѣ—нѣтъ для Серпуховскаго княжества элементъ сохраненія его финансовой силы: тутъ только своего рода круговая порука по несоблюденію великокняжескаго требованія «дани венкичей»¹⁾. Въ такихъ условіяхъ, когда серпуховское княжество утратило послѣдніе черты политически-значительной единицы, соизмереніе его единства отъ окончательнаго вѣщнаго распада, а его князей отъ перехода въ положеніе служилыхъ покручечиковъ, а затѣмъ и князья-землевлдѣльцевъ—становилось невозможнымъ, и только моровое повѣтріе искажало и прервало этотъ процессъ, переменявъ рядкомъ другихъ вельможъ княжескихъ владѣній.

VII.

Пререканія князя Владиміра Андреевича съ племянникомъ, княземъ великимъ, о волостяхъ обусловлены его принадлежностью къ московской княжеской семьѣ и его дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ на усиленіе велико-

¹⁾ Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и вѣщскіе сыны серпуховскихъ князей выступали въ походъ единымъ полкомъ,—но и это лишь порядкомъ выполненія разнаго долга передъ княземъ великимъ.

княжеского владѣльческаго — московскаго — центра. Двоиственность его положенія, какъ князя на своей серпуховской вотчинѣ и какъ члена московской княжеской семьи, создавала противорѣчье между условіями прочнаго вотчиннаго владѣнія обособленной волостью—княженіемъ Серпуховскимъ, и стремленіемъ использовать на свое усмотрѣніе участіе въ общемъ владѣніи землями Московскаго княжества, по удѣламъ-долямъ надѣленія изъ новыя прибрѣтенія, осуществленныя общими усиліями ¹⁾. Последнее было тѣмъ болѣе соблазнительно, что между прямыми вотчинниками по Дмитрію Донскому пошли свои споры о волостяхъ, свои раздѣлы и передѣлы владѣніями, поставленные на очередь выдѣломъ «удѣла» для младшаго Дмитріевича, Константина ²⁾. Выдѣлъ этотъ вызвалъ рядъ хѣвъ волостями между братьями, хѣвъ по договорнымъ условіямъ и соглашеніямъ, которыми, не имѣя устойчивой опоры въ подробностяхъ отцовскаго рядѣ, вносило начало провозглашенія «пожалованія» въ ихъ взаимныя владѣльческія отношенія.

На почвѣ этихъ проявленій «волощенія» между великимъ киевскимъ его дядей и братьями сложились враждебныя отношенія между в. к. Василемъ Дмитріевичемъ и его братьями — вторымъ, Юріемъ, и младшимъ, Кон-

¹⁾ Это противорѣчье сказалось въ колебаніяхъ терминологіи грамотъ даннаго времени, которая такъ противорѣчиво употребляетъ слово „удѣлъ“. Тѣ владѣнія, какія Владимиръ Андреевичъ получалъ отъ в. к. Василія, получаемы имъ „въ удѣлѣ и въ вотчинѣ“, но эти же владѣнія онъ даетъ своимъ сыновьямъ „изъ удѣла великаго князя“: представленіе о двухъ вотчинахъ—московской и серпуховской, установленное во времена Дмитрія Донскаго, перекрещивается съ представленіемъ о возможности получить „удѣлъ“ во въ порядкѣ раздѣла наследственныхъ владѣній, а какъ надѣлъ, получаемый отъ великаго князя изъ новыя прибрѣтенія великокняжеской власти. Но такой надѣлъ принимаетъ характеръ великокняжескаго „пожалованія“ и, тѣмъ самымъ, владѣнію прекращаема, подвергнутому возможности обіижа, возврата, ибо по средневѣковому представленію о значеніи „пожалованія“ имъ не устранялось впередъ правовое (притязательное) отношеніе дарителя къ отчужденному въ порядкѣ пожалованія владѣнію; обычно князь выговаривалъ себѣ право обіижа отчужденныхъ волостей (С. Г. Г. и Д., т. I, № 41 и 42).

²⁾ Эти хѣвы жѣны и передѣлы известны намъ только по отрывочнымъ указаніямъ источниковъ. Попытку связать ихъ представитъ см. у С. М. Соловьева (кн. I, ст. 1131—1132). Константинъ составилъ удѣлы изъ волостей Тощимъ и Угольникомъ—по духовной отца изъ волостей в. к. Василія Васильевича; ихъ уступилъ въ его пользу братъ Петра, бедѣтнаго и рано умершаго—въ началѣ 1428 года—князь Дмитріевскаго удѣла, который отступился въ пользу Константина отъ Углича и отъ волостей, полученныхъ отъ Юрія галицкаго (Шачевола и Якурговеть)—С. Г. Г. и Д., т. I, № 43: изъ Звенигородскихъ волостей, какія отдалъ ему кн. Юрій—тамъ же; Угличъ затѣмъ попалъ въ обіижа въ Рязань князю Владимиру Андреевичу, но по смерти князя Владиміра возвращается князю Константину (тамъ же, № 52: удѣлы дяди великаго князя Константиновича Дмитріевича Рязань и Угличъ³⁾), такъ какъ часть „удѣла“ князя Владиміра Андреевича—„Угличъ съ волостями, Городецъ съ волостями, Козельскъ съ мѣстами да Гогомъ, да Оленкискъ, да княги Пересѣтовъ, да Лисичъ“ не удержалось въ рукахъ его потомства (тамъ же, № 71).

статиниць. До насъ дошелъ только одинъ договоръ в. к. Василія Дмитріевича съ братьями, притомъ только съ двумя — Андреемъ и Петромъ; показательна самая безсодержательность этого договора, который только утверждаетъ уговоръ князей «быти за одинъ и до живота» и взаимное «блюденье» владѣній другъ подл другонъ, при чемъ, однако, въ немъ не участвуютъ братья Юрій и Константинъ. О тѣхъ же отношеніяхъ между братьями свидѣтельствуютъ три духовныя в. к. Василія Дмитріевича: въ первой великій князь «приказываетъ» князю свою и сына князянъ Владиміру Андреевичу и двумъ братьямъ—Андрею и Петру; во второй — тестю Витовту и братьямъ Андрею, Петру и Константану и серпуховскимъ князьямъ Владиміровичамъ; въ третьей — имъ же, но опять безъ Константина ¹⁾. Юрій выдѣ не навлака, я, видимо, находился въ гнѣвной оппозиціи къ старшему брату во все время его великаго княженія, хотя и ходилъ въ походы по его посланкамъ на Новгородъ и въ Двинскую землю, на земляхъ Болгаръ. На летописные своды, въ нѣмъ какіе источники не даютъ указаній на причины раздора между братьями; нѣтъ и договоровъ между ними. Обычно историки связывали съ этими чертами нѣтъ отношеній ту особенность духовныхъ грамотъ в. к. Василія Дмитріевича, что въ первой и въ третьей онъ лишь условно благословляетъ сына великаго княженія: «а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе»... Правда, у насъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы Юрій выдвигалъ свои претензіи на великое княженіе уже при жизни Василія Дмитріевича; но въ пользу предположенія, что князь Юрій, по меньшей мѣрѣ, не хотѣлъ допустить подвига своего имени подл именемъ племянника и признать старшаго великокняжескаго сына старшимъ себѣ братомъ, княземъ великимъ, говорятъ аналогіи съ поведеніемъ младшаго Дмитріевича Константина, который въ 1419 году вошелъ въ разрывъ съ в. к. Василіемъ и отбѣжалъ отъ него въ Новгородъ Великій изъ за того, что великій князь его «восхотѣ подвигати подл сына своего Василья» ²⁾. Предположеніе, что сходные мотивы руководили и княземъ Юріемъ въ его отношеніяхъ къ брату, князю великому, быть можетъ, подтверждается и отсутствіемъ между ними договоровъ, гдѣ соотвѣствующая формула была бы необходима ³⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 37, 39, 41 и 42.

²⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 281; т. IV, стр. 119 («привести въ цѣлованіе подл своего сына князя Василья, и онъ не хоти быти подл своимъ братицкимъ»); т. XI, стр. 287. В. к. Василій за то отгналъ у брата зятю и подвергъ оный его болѣз (къ «помявонимъ» и отгнавонимъ «соль и животъ»). Черезъ годъ князь помиривонъ, что отгналось въ 2-й духовной в. к. Василія.

³⁾ Протестъ князя Константина—младшаго дяди—не могъ вытѣснить изъ княжѣ либо претензіи на великое княженіе. Далеко сводилось надо полагать, въ вопросу о семейномъ положеніи, вопросъ чести, если не допустить солидарности Константина съ Юріемъ. Изъ отношенія довольно на обычай, судя по договорной грамотѣ в. к. Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ: Юрій уступилъ Константану часть Звени-

Разладъ между княземъ Юриемъ и в. к. Василиемъ Дмитриевичемъ, во всякомъ случаѣ, сложился по мотивамъ, тѣмъ простой споръ о волостяхъ. Его выступленіе, по смерти старшаго брата, противъ племянника, Василія Васильевича не было неожиданнымъ: оно явилось только завершеніемъ тѣхъ притязаній и отиошеній, какія сложились ранѣе. Поэтому, надо признать, что намъ въ точности неизвѣстно, когда и въ какой формѣ былъ впервые поставленъ вопросъ о сравнительномъ правѣ дяди и племянника на старшинство въ семьѣ московскихъ князей. Съ вопросомъ этимъ связано въ нашей исторической литературѣ представленіе о сибѣ стараго «родового» порядка наследуемая въ княжеской власти «новымъ», вотчиннымъ, отъ отца къ сыну, съ исключеніемъ боковыхъ линій. Однако, нельзя упустить изъ виду, что вотчинное наследованіе, само по себѣ, старинное, исконное явленіе княжескаго права, но касалось оно—вотчинныхъ князей, возникавшихъ въ переходѣ княжества отъ отца къ сыновьямъ путемъ потопстемнаго владѣнія общей отчиной и дѣдиной по удѣламъ и ея распаду въ сибѣ дальнѣйшихъ поколѣній. Съ этимъ вотчиннымъ наследованіемъ не слѣдуетъ, однако, сблшивать преемства въ старшинствѣ среди цѣлой группы князей—братьевъ и родичей; это послѣднее было явленіемъ не владѣльческаго, а семейнаго права и въ княжеской средѣ явилось носителемъ тенденцій и интересовъ политическаго характера. Рядъ попытокъ свести и это преемство, при связи великокняжескаго старшинства съ опредѣленнымъ стоземъ княженія, къ вотчинному наследованію въ кругѣ одной отцовской семьѣ наблюдаемъ надрезе—съ выдѣла Полоцкой отчины для «Рогволожихъ внуковъ», а еще ярче въ борьбѣ старшей линіи Мономашичей за вотчинное право на «золотой столъ Кіевскій» и связанное съ нимъ старшинство во всей братѣ, князьяхъ русскаѣ. То, что не удалось Мономашичамъ на югѣ, осуществили на сѣверѣ московскіе Даниловичи. Они создали себѣ кѣпку отчину вокругъ своего вотчиннаго города, добились великаго княженія Владимірскаго и всей Руси, стали во главѣ Велико-россія, утвердили свое господство надъ Великимъ Новгородомъ, принеся подъ свое великокняжеское главенство я Тверь, и Рязань, и Нижній Новгородъ, сохраняя впрочемъ треть поколѣній великокняжеское преемство въ своей семьѣ. По составу этой семьѣ, вопросъ о взаимноотшеніи въ ея средѣ между дядей и племянникомъ возникъ лишь однажды—при Дмитрѣ Дюжскомъ, когда Владиміръ Андреевичъ призналъ двоюроднаго племянника старшимъ себѣ братомъ; но и тутъ еще не было ничего «новаго», а только запоздалый привѣръ отдаленія отъ старшинства боковой линіи, оставшей на своей обособленной вотчинѣ.

вигородскихъ волостей, во какъ съ нихъ Константинъ вносить въ казку Юрія; эти отиошенія слонимъ съ обычными отиошеніями между великимъ и удѣльнымъ княземъ и могли создать къ некоторую связь владѣльческихъ интересовъ между князьями-братьями.

На иной, подлинно «новой» почве возникают князя Юрий Дмитриевича, и разгорается затихшая смута из московской семьи наследников Дмитрия Донского. Эта иная почва создана той новостью, какую вводят в духовной грамоты в. к. Дмитрия Ивановича: приживление вочичинаго начала к великому князю и его территории. Дмитрий «благословил» сыновей Владимирских великих князей: Галичея, Белоозеря, Угличея. Эти владения стоят еще особо от Московской вочичны, как в Переяславль, в Кострома, которые впервые появятся особыми вочичными еденицами в духовной Василия Тёмного, хотя еще Донской распоряжался переяславскими и костромскими волостями из своего «рядя» дѣлать. Кроме того, крупный шаг к закреплению связи великокняжеской власти с вочичными владениями и наследованиям сдѣлал в. к. Дмитрий из создани великокняжеского удѣла, какъ особаго владѣнія среди московских вочичны, которое не подлежит ни въ какомъ случаѣ раздѣлу между братьями, а цѣлыномъ переходитъ къ тому изъ нихъ, кто станетъ великимъ княземъ.

В. к. Дмитрий Ивановичъ явилъ изъ своего «рядя» въ виду только связь смысловъ, ближайшее пожеланіе московскихъ вочичей. Но его духовная неизбежно должна была, въ дальнѣйшемъ, возбудить новый вопросъ. Ея приживленіе ясно и просто при бездѣтной смерти старшаго сына; но какъ быть при малочности у него сына-отчича? что возьметъ верхъ—вочичность или старшинство? Такъ установленіе новой черты московскаго княжого права—неустранимой связи между великимъ княземъ и московско-коломненскими владѣніями, которыми стали «удѣломъ» князя великаго, вело къ тѣсному снѣтскію и снѣтнію преемства въ великокняжеской власти и вочичнаго наследованія по «ряду» отца, великаго князя. А за этой новостью княжого права стоялъ реальны фактъ великорусской политической дѣятельности, что Москва, а не Владимиръ подлинный центръ великаго княжескаго воея Руса.

Такое значеніе Москвы, создаваемое ея политико-стратегическимъ вѣсомъ и ролью резиденціи великихъ князей и митрополитовъ воея Руса, сложилось со временемъ Калиты, а при Дмитрия Донскомъ опредѣлялось и окрѣпло. Съ этой поры великое княженіе безъ Москвы неосуществимо и немислимо, изъ ней его реальна оцора и организующій его силы центръ. А Москва—семейная вочична Данабѣичей, тѣчѣе—Дмитриевичей Донского. Владѣніе ея подлинно традиционныкъ семейно-вочичнымъ порядкомъ. По смерти отца во главѣ семья вдовствующая княгиня-мать, Москва и ея отаки въ создаваніи братьями-отчичей, московскія волости изъ нихъ долею владѣніи по удѣламъ, съ перспективой вочичнаго распада и съ весьма усложненнымъ объединеніемъ воинскихъ силъ и фаворитныхъ средствъ воего княжества. Такой острый внутреннякъ отвошеній дѣлалъ Московское княженіе опораю для великокняжеской политики, а положеніе великаго

князя, руководителя всей политической жизни Великороссии— внутренне противоречивым и житейски фальшивым. Это глубоко несоответствие строя княжого владения политическим задачам великокняжеской власти— основная причина острого кризиса, который назривает в дни Василия Дмитриевича, разражается бурной смутой при Василии Темном и находит разрешение послѣ новых столкновений в князьях княжеской семьи при Иванѣ III ликвидацией удѣльно-вотчиннаго строя.

Борьба князя Юрія Дмитриевича съ Василиемъ Темнымъ—это борьба за Москву. Большое княжение стало изъ Владимірскаго Московскаго. Это борьба за старшинство въ московской княжеской семьѣ, отъ котораго неотдѣлима великокняжеская власть. Въ ней съ новой силой вскрылась необходимость перестройки всего уклада семейно-вотчинныхъ отношеній на новыхъ, политическихъ началахъ великокняжескаго вѣствованія, если только вѣковой строительной работѣ московскихъ государей суждено было избѣжать крушенія. Слѣзіе великаго княжества съ московской отчиной въ единое Московское государство—вотчину государя великаго князя, и превращеніе московской княжеской семьи въ «царствующій домъ», династію московскихъ государей—съ соответственной перестройкой ея внутреннихъ отношеній, таковы результаты кризиса, пережитаго между княжескими отношеніями при Василии Темномъ и Иванѣ III. Историческій процессъ велъ московскія Дмитровичей къ зтаку двумъ результатамъ втеченіи второй половины XIV-го вѣка и въ XV столѣтіи, а смута при в. к. Василии Васильевичѣ рѣзко вскрыла его зрѣлость и ускорила его завершеніе.

Эта смута зародилась въ отношеніяхъ времени Василия Дмитриевича и разразилась тотчасъ по его смерти¹⁾. В. к. Василий благословилъ передъ кончиной въ свое вѣсто десятилѣтняго сына Василия; олекуномъ вѣно князя оказался митр. Фотій съ боярами. И началась борьба, вѣкоторые моменты которой требуютъ особаго вниманія. Въ ту же ночь, когда скончался в. к. Василий Дмитриевичъ, митр. Фотій послалъ въ Звенигородъ за княземъ Юріемъ, но тотъ удался въ Галичь и сталъ собирать всю свою ратную силу. Московскіе правители отвѣтили также быстрой сборкой войска и выступленіемъ противъ Юрія, который отступилъ къ Нижнему²⁾.

¹⁾ „Преставися князь великій Васильей Дмитриевичъ и по немъ седе смуть его князь великій Васильей въ спорѣ съ дядею своимъ съ княземъ Юрьемъ“—П. С. Р. Л., т. VII, стр. 225.

²⁾ Софіскіи I и II лѣтописи (П. С. Р. Л., т. V, стр. 263 и VI, стр. 148) упоминаютъ о послахъ вѣдъ Нижній на Юрія князя Андрея Дмитриевича, который „братъ князя Юрия не дошедъ да воротился“ (Карамзинъ читаетъ въ канцѣ-го лѣтописцѣхъ записки, что князь Андрей вернулся, „ворова“ брату—„К. Г. Р.“, т. V, прим. 257); другіе своды (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92; т. XVIII, стр. 187; т. XII, стр. 2) даютъ разсказъ, гдѣ зтоць походъ вращивалъ князю Копотанку, а отступленіе объясняется тѣмъ, что Юрій ушелъ за р. Суру и началъ было перейти къ нему на раку. Воротилъ

До битвы дѣло не дошло; заключено перемирие и начались переговоры. За в. к. Василия стали, кроме московскаго правительства съ митр. Фотіемъ и в. к. Софьей во главѣ, его дяди Андрей, Петръ и Константинъ и «всѣ князя и божие земли его»; прибѣгли и къ в. к. Витовту, которому покойнымъ великимъ княземъ завѣщано было «печалование» о сылѣ, его влукѣ. По общему совѣту¹⁾ митр. Фотій сдѣлалъ попытку добиться соглашения, но князь Юрій не хотѣлъ мира, а настаивалъ на перемиріи, и только подъ карой митрополитскаго неблагословенія согласился на перемиріе, и только подъ бояръ для дальнѣйшихъ переговоровъ. И то состоялось лишь соглашение что «князю Юрію не искати княженія великаго собою, но царемъ; котораго царь пожелаетъ, той будетъ князь великій Владимирскій и Новгороду Великому и всей Руск».

Такъ поспѣваютъ наши литовские своды. Но они опускаютъ рядъ данныхъ, которыми объяснили бы дальнѣйшій ходъ событій. Помимо того, на этотъ разъ дѣло обошлось безъ обращенія къ ханской власти²⁾. Юрій не рѣшился на борьбу, вѣду, главнымъ образомъ, той литовской поддержкой, какая—при посредничествѣ в. к. Софьи Витовтовны и митр. Фотія—стояла за в. к. Василиемъ. О значеніи этой поддержки свидѣтельствуютъ подчиненіе въ эту пору великорусской великокняжеской политикѣ литовскому князю и новый взрывъ борьбы на великомъ княженіе тотчасъ по смерти Витовта и переходъ власти на Литву къ Синдигаиду, своего князя Юрія Дмитриевича.

Влукѣ пришлось не дешево заплатить за «печалованіе» дѣда. Получивъ своего переѣзкомъ надъ Москвой, Витовтъ сдѣлалъ попытку возобновить наступленіе на Псковъ и на Новгородъ; въ 1426 г. онъ нападаетъ на Псковскую землю и принуждаетъ псковичей купить миръ улатой крупныхъ суммъ. Привычки о помощи, обращенныя псковичами къ Новгороду и в. к. Василию, остались втѣхѣ. Въ 1428 г. Витовтъ идетъ на Новгородскія волости

заѣвѣа князи Андрей княземъ Константиномъ, чѣмъ обратво, и управленіе къ поддѣбшии редакціи мотива „поворока“.

¹⁾ Дипломатическій расказъ указываетъ на съѣздъ князей и бояръ и обсужденіе дѣлствій: великий князь „обосадо же ся тогда и съ братомъ своимъ и дѣломъ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и съ всеми князи и бояры земли своеа адуцмаго посекти къ князю Юрію отца своего Фотіа митрополита“ о мирѣ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92).

²⁾ Въ камехѣ источничкаль нѣтъ указаній на обращеніе къ хану въ эту пору; но въ расказѣ о поддѣбшиихъ пререканіяхъ въ Орду передъ ханомъ приведены такіе аргументы боярина Всеволодскаго: в. к. Василий дѣлъ великомъ княженіе своему сыну по „жалованію вольнаго царя“, и потому ищетъ своего права по „дарену жалованію“—но „двостермъ и ярлыкѣмъ“, притѣмъ бояринъ и предоставлять ярлыкѣ („а се твоє жалованіе передъ тобомъ“); если этотъ расказъ призвать точнымъ, то в. к. Василий обозначитъ заранѣе утвержденіе своей духовной талокимъ ярлыкѣмъ. Помимо, что его духовная была и Витовту предъавлена.— П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 96. Посланіе Василия къ столу великаго княженія ханскимъ посломъ произошло только 5 октября 1422 года.

и принуждает новгородцев просить князя «по старшинъ» съ уязвой крупной контрибуции. Безсиліе западныхъ окраинъ Великоросіи передъ литовскими напорами сказывается въ ихъ разорвенности; Новгородъ не рѣшился помочь исковчанамъ, ограничился безплоднымъ дипломатическимъ представительствомъ; Псковъ заключаетъ съ Витовтомъ миръ, «а безъ Новгорода», и признаетъ обязательство не помогать Новгороду. За ними не было великокняжеской слѣды. В. к. Василій посмалъ къ Витовту посла съ протестомъ противъ разоренія своей отчины, далъ исковчанамъ князя по ихъ челобитью, но активно не смогъ за нихъ вступить, а «дѣду своему князю Витовту и крестъ кѣдова, что ему не помогати по Новгородѣ, имъ по Псковѣ»⁴⁾.

За то московскія великокняжескія силы оставались свободными для дѣяній на князя Юрія. Только въ мартѣ 1426 года удалось привести его къ докончанію на всей волѣ великаго князя. Но договора, тогда заключенный, ликвидируетъ едва ли только кѣропріятія, принятыя въ 1425 году, въ тѣ первые моменты разирья, о которыхъ только и повѣствуютъ наши глгописные своды. Великокняжескіе замѣстники в мостехъ, посельскіе и тіуны и поидѣе «сидѣли» отчину князя Юрія и села его бояръ, пока князь Юрій не согласился на договоръ, которымъ призналъ в. к. Василія братомъ себя старѣйшимъ, обязался не вступаться въ московскія и коломненскія его владѣнія, въ Нижній Новгородъ и Муромъ и во все великое княженіе не подѣ князь, ни подѣ его дѣтима⁵⁾.

Однако, и этотъ договоръ далъ только перемиріе, хоть и устанавливалъ обязательство князей быть «вездѣ за одныи в до своего живота». Онъ заключенъ черезъ мѣсяцъ послѣ кончины князя Петра Дмитриевича, бездѣтнаго дмитровскаго князя; а этой смертью созданъ еще новый поводъ для раздора между князьями—нѣтъ за судьбы выморочнаго Дмитровскаго княжества: въ договорѣ в. к. Василія съ дядею Юріемъ нѣтъ упоминанія о Дмитровѣ, хотя этотъ вопросъ долженъ былъ стать очереднымъ въ моментъ

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 203—205; т. V, стр. 25—26 (Псковская лѣтопись повѣствуетъ, что в. к. Василій уклонился отъ вышательства въ защиту Пскова, ибо «баши ему тогда браши велика съ княземъ Юріемъ, стрѣмѣи своими, о великомъ княженіи, по обаче о всемъ томъ кѣбрега, арчеша»); т. VIII, стр. 94; Новгород., т. I, стр. 413.

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 43. Въ договоръ внесена и гаранція отъ покушеній Юрія на владѣнія младшихъ его братьевъ и сургуловскаго князя. Отказъ его отъ приглашеній въ великому князю—шлемизнику пошамъ и потомственнымъ («того ти встго подѣ нами блюсти, а не обидѣти, ни вступитися, ни подѣ нашимъ дѣтима»). Въ оставшемся договорѣ обычны, но князь Юрій выговорилъ, себя право все-гда не равняться съ младшимъ «братомъ старѣйшимъ»: если великій князь самъ выступитъ въ походъ, князь Юрій только синовой съ нимъ пошмалеть; а синовой вѣтъ, какъ и младшихъ дядей, великій князь имѣетъ право пошмалеть въ походѣ, причѣмъ Юрій отправляетъ съ ними своихъ бояръ и ратимъ людей. Договоръ датированъ 11 марта 6936 года.

вля докончани; нъ дальшйшаго надво, что Дмитровыкъ оладѣтъ великйи князь и, притоку, безъ раздѣла дмитровскихъ волостей съ дядица.

Договоръ 1428 года установилъ лишь временный и худой миръ. Вѣтшве равновѣсйе продолжалось года два. А 1430—1431 годъ принесъ два многозначительныхъ событйя: смерть Витонта—въ сентябрѣ 1430 года и интр. Фетя—въ июлѣ 1431 г. Въ Москвѣ не стало авторитетнаго руководителя великокняжескаго правительста, а на Литвѣ власть перешла къ своему князю Юрй—Сяндригайду. Юрйи Дмитрйевичъ тотчасъ «розмерже кнзѣ» съ великимъ княземъ и отослалъ въ Москву свой протйвель договорной грамоты 1428 г. вѣстѣ со складной грамотой¹⁾. «Спершися о резкомъ княжени», князь рѣшилъ, по прежнему соглашеню, итти въ Орду на ханскйи судъ. Къ сожалѣнью, дальшйшйи ходъ дѣла изложилъ въ нашйи глѣтонисныхъ сводахъ обвѣтыво и протйворѣчыво въ сокращени и сводѣ боге обстоятельнаго первоисточника, такъ что восстановить послѣдовательность событйи и ихъ характеръ съ достаточной увѣренностью трудно.

Большой интересъ представляетъ изложеніе аргументовъ, какими князь поддерживалъ свои притязанія. По глѣтонисному разсказу, князь Юрй обосновывалъ ихъ «глѣтонисцами и старыми списками и духовною отца своего, великаго князя Дмитрйя». Главный его аргументъ—сылка на «мертвую грамоту отца» показываеъ, что добывался оак не только стога великаго княжени, но и московско-коломенскаго удѣла, какъ великокняжескаго, стало быть отрицалъ утрату статьи духовной грамоты Донскаго о томъ, что этотъ удѣлъ долженъ перейти, по смерти старшаго Дмитрйевича Василйа, въ слѣдующему брату, великаго князю, разъ у Василйа Дмитрйевича нѣтъ сына—вотчичъ этому удѣлу. Аргументъ этотъ вытекалъ естественно изъ окрѣпшйи связи между московско-коломенскими владѣнныи и властью великаго князя, но рѣзко протйворѣчилъ вотчинной традици²⁾; даже среди людей, бывавшихъ ко князю Юрью, произошелъ, затѣмъ, сомнѣнйе въ законности подобнаго притязанія и возникла попытка разрѣшить вопросъ отдѣленіемъ Москвы отъ Коломенскаго удѣла съ признаніемъ вотчинныхъ правъ Василйа Васильевича на этотъ послѣдній и сохраненіемъ за Москвой исключительно значенія резиденци великаго князя.

Въ этомъ скрещени вотчиннаго права съ преемствоу на великоду княжени была слабая сторона домогательства Юрйа. Представитель малоглѣтнато великаго князя, бояринъ И. Д. Всеволожскйи протйвопоставилъ имъ права Василйа Васильевича «по отечеству и по дѣдству», а поддержалъ свою

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I. № 44, съ надписью на оборотѣ: «а си грамоту князю великому прислалъ (съ) съкладное вѣстѣ князь Юрй изъ Орды ида».

²⁾ Протйворѣчивъ того же характера возникло и по поводу духовной в. к. Синеога Ивановича, при осуществленіи которой удѣлъ старшаго сына, князя великаго, ушелъ бы изъ рукъ носителя великокняжескаго власти. Нѣтъли такиа послѣдствія и было целью «реда» Дмитрйа Донскаго.

аргументацию ссылкой на ханское пожалование, обезличенное за сыномъ еще в. к. Василиемъ Дмитриевичемъ, и его политическую надежность въ отлучке отъ Юрія, «обратима» литовскому Снядригайлу. Осложненный борьбой между влиятельными ордынскими вельможами, споръ князей затянулся и не получалъ сразу того опредѣленнаго рѣшенія, какое даютъ ему нѣкоторые изъ литовскихъ сводовъ. Съ осени 1431 года и до слѣдующаго лѣта поддержали русскихъ князей въ Орду, пока въ июнѣ 1432 года ханъ не отпустилъ ихъ «на свои отчины», причемъ «прядаль» къ владѣніямъ князя Юрія Дмитровъ со всеми волостями, т. е. весь Дмитровский удѣлъ ¹⁾. Вопросъ о великомъ княженіи остался открытымъ ²⁾, по крайней мѣрѣ—формально, и только черезъ три мѣсяца ханскій посолъ подтвердилъ Василию Васильевича на столѣ великаго княженія.

Утвердившись на великомъ княженіи, Василий Васильевичъ вернулъ себѣ Дмитровъ ³⁾. Борьба началась за ново, вооруженной рукой. Князь Юрій быстрымъ наступленіемъ склонилъ собравшее на спѣхъ ошолоченіе в. к. Василия, вынудилъ его къ бѣгству въ Тверь, а оттуда въ Кострому, туль захватилъ его и привалъ его челоубиты. И Юрій съѣлъ великимъ княземъ на Москвѣ, но Коломенскій удѣлъ вернулъ племяннику, по совѣту своего ближняго боярина Семена Морозова. Это нѣчто сразу характерное послѣдствие: боре и воинные слуги московскаго великокняжескаго двора сначала отказываются отъ князя Юрія Дмитриевича за великаго князя Василия Васильевича и повода съ Москвы на Коломну безпристаи ⁴⁾. Князь Юрій потерялъ крушеніе на попыткѣ отдѣлать неотдѣлимое: великокняжескую власть отъ ея владѣльческой базы, съ которой тѣсно связанъ организа-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266: только Половская первая литовскія дати тогую дату выдала князей изъ Орды: «за Рождество Иаана Предтечи»—24 июня 1432 года; прибылъ Василий на Москву на Петровъ день, 29 июня.

²⁾ Тамъ же; «а князь вѣзъ вѣзъ оба». Въ Воскресенской хитощи (т. VIII, стр. 86) текстъ интерпретированъ: въ отсутствіи князя Тегхан, покровителя Юрія, ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу в. к. Василия и по возвращеніи Тегханъ изъ Крыма стоялъ на томъ же и даже «повелѣ князю Юрию конь повести» подѣ Василиемъ; но Тегханъ воспротивился, и ханъ «убояся того сътворити, по Тегхану слову, да прядаль князю Юрию изъ его отчизнъ Дмитровъ съ властью всѣми, и отпусти даръ изъ на свои отчины, и приде князь вѣзъ на Москву на Петровъ день, а съ нимъ посолъ Манемръ-Усанъ царевичъ, тогъ его посадилъ на великое княженіе, а князь Юрій изъ Звенигорода, а отголъ изъ Дмитровъ». Подчеркнутыя слова—оставка, ср. П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 172, гдѣ текстъ первоначальный, безъ этихъ словъ. Посаженіе Василия ханскимъ посломъ на великое княженіе состоялось только 5 октября 1432 г. (исчислѣна 10—П. С. Р. Л., т. V, стр. 148; Львовская—т. XX, т. I, стр. 239 «поправляетъ» на калѣнда 8-го, что дало бы 1430 г.). Протестъ Тегханъ касался не только обряда, но всего дѣла по существу.

³⁾ «Нашъ отчизновъ Дмитровскій сосалъ, княжить Юрьевичъ, а Дмитровъ за себя князь»—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 148.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 18.

ционный центр этой власти—московский великокняжеский дворъ. Его сыновья сразу поняли, что при такомъ положении все потеряно, убили Морозова и поклялись отца Юрию остаться признать, что «великое княжение ему непрочно» и мириться съ племянникомъ. По новому договору князь Юрий обязался идти Василию «собѣ братомъ старѣйшимъ» и держать его «въ старѣйшинствѣ»; отрекся отъ притязаній на великое княжение, и на все владѣнія племянника, а также на всю дмитровскую отчину брата Петра, обязался выдать и яранкъ, полученный имъ на Дмитровъ отъ тана; отказывался вступить въ сношеній съ Ордой, хотя и выговорилъ себѣ право не участвовать въ походахъ противъ Литвы¹⁾.

Договоръ этотъ былъ заключенъ Юриемъ въ гнѣвъ на покнянувшихъ его сыновей: имъ принялъ обязательство—не принимать къ себѣ «и до своего живота» Василия Косого и Дмитрія Шемяку. Эти Юрьевичи засѣли въ Костромѣ, и попытка великокняжеской рати выдѣть ихъ оттуда кончилась ея поражениемъ, причемъ оказалось, что въ бою противъ в. к. Василия участвовали полки Юрия Дмитриевича съ его воеводами. Борьба поднялась съ новымъ ожесточениемъ, и в. к. Василий, вторично разбитый въ Ростовской области, вынужденъ бѣжать въ Новгородъ Великій, а оттуда перѣбѣжалъ въ Нижній. Юрий опять водворился въ Москвѣ. На этотъ разъ сазл Василий казался вовсе сложенною, и владѣніе князья сѣбѣшать перешло на сторону побѣдителя. Можайскіе Андреевичи—Иванъ и Михаилъ²⁾—снова

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 49—50. Выступъ съ тѣмъ князь Юрий выговорилъ себѣ особое положеніе: братья Константинъ дождевъ его признавалъ «братомъ старѣйшимъ», а можайскіе Андреевичи и Василий Ярославичъ серпуховской дядя; въ великому князю Юрий не обязавъ являться по зову («и къ тобѣ ни не ѣдетъ») и сохранять право не выступать въ походъ, а только посылать съ великимъ княземъ сына, какъ было и въ договорѣ 1428 г. Князь Юрий получалъ «въ вотчину и въ удѣлъ» радѣ волостей («что ни онъ князю отступилъ») — въ томъ числѣ Владиміій Вурхъ съ правомъ вступить по своему усмотрѣнію съ тѣми великокняжескими пожалованіями на села и слободы, какія тутъ были розданы в. к. Василиемъ или его отцомъ.

²⁾ Князь Андрей Дмитриевичъ умеръ въ іюлѣ 1433 года, раздѣливъ свое княжество на Можайскій и Нарвскій удѣлы между симеоновичемъ Иваномъ и Михаиломъ. Изъ договоръ съ в. к. Василиемъ Васильевичемъ (С. Г. Г. и Д., т. № 46), какъ «брата молодшей», заключенъ послѣ смерти князя Константина Дмитриевича (который тутъ не названъ, а послѣдній разъ упоминается въ источъ 1422 г.—самомъ началѣ 1428 г., въ связи съ отъѣздомъ Н. Д. Всеволодовича—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 17). Отсутствие имени Константина имѣетъ привѣтъ датировку А. В. Суземниковаго—до октября 1432 г. (т. II, стр. 322). Статья этого договора: «а дастъ, господне, тобѣ Богъ, великому князю, достати своей вотчиной великого князья, шесть пожаловати, какъ еси рече, въ великого князья по приговору» — выдѣляетъ характерную черту всей смуты временъ Василия Темнаго, когда потрясеніе сложившихся владѣльческихъ отношеній открывало широкія перспективы «примисламъ» путемъ вынужденнымъ надѣловъ «въ великого князья» въ ожиданіи помощи и крестоцѣловальной зѣрности, и позволяеть отнести договоръ во времена южной-

признали великокняжескую власть Юрия ¹⁾, какъ призналъ ее и рязанскій князь Иванъ Федоровичъ ²⁾; младшіе Юрьевичи—оба Дмитрія пресѣдуютъ низложеннаго великаго князя, которому казалось, остается только бѣжать въ Орду.

Но весь успѣхъ его враговъ рухнулъ съ неожиданной смертью Юрія Дмитріевича. На Святой недѣлѣ 1434 года сдѣлась Москва Юрію, а 5 іюня онъ скоропостижно умеръ ³⁾. Старшій сызъ его, Василій Шемяка занялъ было столъ великаго княженія, но братья не признали его, а послѣднимъ помыслился съ в. к. Василіемъ. И Василій Васильевичъ, которому «не бысть вѣоткуда помощи», снова сѣлъ «за своей отчичъ, на великомъ княженіи Московскомъ» ⁴⁾. По договору съ Дмитріемъ Шемякой в. к. Василій утверждаетъ за собой не только московско-коломenskіи владѣнія и все великое княженіе, но и Дмитровскій удѣлъ и Звенигородскій удѣлъ князя Василія Юрьевича, что князь великій «взялъ собѣя»; Шемяка, за ново подѣланнымъ Галицкой вотчиной съ младшимъ братомъ Дмитріемъ, получаетъ смерть Галича, Рузы и Вышгорода отъ великаго князя «въ удѣлъ и въ вотчину»

снова сѣдѣвъ в. к. Василію (нѣсколько ранее заключилъ его договоръ съ серпуховскимъ отчичемъ Василіемъ Ярославичемъ, гдѣ названъ и князь Коломнатанъ, С. Г. Г. и Д., т. I, № 46). Однако, къ тому же моменту приходится отчасти и договоръ монашеской князей съ в. к. Юріемъ Дмитріевичемъ, гдѣ онъ признавалъ обязательство сложить цѣлованье къ Василію Васильевичу и быть на него за одель съ в. к. Юріемъ, не «качичать» съ нимъ и не осмыслить помню Юри: въ этомъ договорѣ в. к. Юрій возмещаетъ своими владѣніями—вотчину свою Москву, все великое княженіе, Звенигородъ, Галичь и Дмитровъ («что мя Богъ пожаловалъ и царь»), а Коломна, очевидно, отдана Василію. Впрочемъ, что этого послѣдній договоръ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 47) заключенъ раньше перехода монашеской князей за сторону Василія, т. е. раньше, чѣмъ опредѣлялось положеніе дѣлъ, служившее первымъ великокняжескимъ выступленіемъ Юрія; оговорка въ концѣ договора: «а сего какъ цѣлованья промахи себе не сможити, а правнѣа» свидѣтельствуетъ о неубѣренности, что положеніе прочко.

¹⁾ «чтобы вымѣ отчичи не потеряла, а матка бы не считалася по чужей отчича», послыалъ Иванъ Андреевичъ в. к. Василію, узявъ его: «гдѣ ян буду, а съмъ твой чашовѣтъ»—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 98.

²⁾ Его договоръ съ в. к. Юріемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 46) признаетъ вотчиной Юрия и его сичовѣтъ Москву и Коломну со всемъ, что къ нимъ полагало; отступился отъ хрсоточьвоваанъ и сминовѣй съ Василіемъ, рязанскій князь обязуется на принимать его въ свои вотчины, на его бояръ, которые ему служатъ. Договоръ упоминаетъ о рязанской рати, которая ходила на Юрія съ в. к. Василіемъ и участвовала въ раззореніи Галича.

³⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. XV, ст. 490 (смерть Юрія 4-го іюня); т. VIII, стр. 98. Духовная Юрія Дмитріевича (С. Г. Г. и Д., т. I, № 51) относится на къ 1434 г., а къ 1432, пока онъ владѣлъ Дмитровскимъ удѣломъ брата Петра (гдѣ у Соловьева, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1068, прижитіаніе; ср. Карамзина, И. Г. Р., т. V, ст. 164).

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 266; т. VIII, стр. 98 («сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ»).

Ржеву и Угличъ, бывшій удѣлъ дяди Константина, но отстутствуетъ отъ Вятки¹⁾; Дмитрій Юрьевичъ младшій получилъ Бѣжецкій Верхъ²⁾. Помирившись в. к. Василій и съ Василіемъ Юрьевичемъ, послѣ военныхъ дѣйствій 1436 года; весной этого года состоялось ихъ окончаніе. Великій князь не возвратилъ Василію Юрьевичу его Звенигородскаго удѣла, не возстановилъ его въ удѣльномъ владѣніи Галицкой отчиной, а пожаловалъ въ удѣлъ и къ вотчину Дмитрію съ волостями³⁾. Но Василій только мѣсяцъ усидѣлъ въ Дмитровѣ. Новое его выступленіе показываетъ, что главнымъ его обидою въ устраненіи отъ галицкаго вотчиннаго владѣнія. Захвативъ Кострому и послѣвъ отсюда ермитами грамоты: великому князю, Василій Юрьевичъ идетъ на Галичъ, собираетъ ратную силу, въ томъ составѣ—идти на воеводу галицкаго князя Дмитрія Юрьевича. Изъ Галича Василій идетъ на Устюгъ, гдѣ встрѣтилъ серьезное сопротивленіе и наказалъ за то устояла жестокими карами⁴⁾. Это выступленіе Василія Юрьевича вызвало подозрѣніе великаго князя и на Шемюгу, который отправленъ на заточеніе въ Коложну, а самъ в. к. идетъ на Василія Юрьевича съ его братомъ, Дмитріемъ младшимъ, и комарскаго князя Ивана; значительной поддержкой оказалась литовская помощь—пригодъ къ в. к. Василію дружкаго князя Ивана Вабмы. Съ этой помощью Василій Юрьевичъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Его бурная политическая карьера тѣмъ и кончилась; осѣдлымъ по призыву в. к. Василія, онъ дожилъ до 1448 г. въ лѣтней палатѣ⁵⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 52 и 53—оба противъ договорной грамоты снятыя князю и скрѣплены печатями обоихъ князей; тутъ же второй ихъ экземпляръ (№№ 54 и 55), также снятыя и за печатями. Надлежалъ С. Г. Г. и Д. полагая, что первымъ для грамоты писанъ подъ Нижнимъ, а до водворенія в. к. Василія въ Москву помянулось „утвержденіе“ договора (примѣчаніе на стр. 107). Но в договоръ 13 іюня 1436 года („а писано за Москвою мѣсяца Іуліа въ 13, въ лѣто 6944, индикта 14) состоитъ изъ четырехъ документовъ (№№ 56 и 57, 58 и 59), снятыхъ по два противна, каждая пара за печатями. Помянутому въ лѣтнемъ случаѣ каждая изъ договаривавшихся сторонъ получила по экземпляру своего договора съ противнымъ, такъ что въ отъѣзъ 8 документовъ—только два договорныхъ акта.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99; С. Г. Г. и Д., т. I, № 60 („Вязанинъ Верхомъ, что се быхъ еси отступилъ зашему отцу князю Юрию Дмитріевичу“).

³⁾ А. А. З., т. I, № 29. Одна изъ договаривавшихся сторонъ—в. к. Василій и оба Дмитрія Юрьевича, другая Василій Юрьевичъ; эти братья же оставили въ томъ положеніи, какое опредѣлено ихъ „договорной грамотой“ съ великимъ княземъ, какъ лѣтъ ихъ „приваля“ на мѣсто ихъ отца (въ грамотѣ лѣтъ описки или описки изданіе: „въ отца нашего мѣсто“, км. нашего); только въ Москвѣ получаютъ Василій долю по духовной Дмитрія Донскаго, а галицкаго вотчина остается за его братьями, какъ и все, тѣмъ же великимъ княземъ пожаловано.

⁴⁾ „околомъ подъ Устюгомъ 9 удѣлъ и городъ князя, а воеводу великаго князя Габба Оболенскаго убилъ, а достатникова владимича Іова Кунатова побили, и много устоялъ съѣхъ и въшалъ“. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 99.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 100 и 121; Архангелогородскій лѣтописецъ даетъ дату освобожденія Василія Темкаго—21 мая 1436 г., н. л. 1819 г., стр. 147.

Этим событиям закончился первый акт московской смуты. Бурно смаяв ося, искалши и перелутавъ всѣ налаженныя обычныя порядкомъ отношенія. Рушился семейный строй московскаго княжескаго дома передъ новою перспективою выдѣла одного изъ удѣловъ московской отчины въ обособленную точку галицкаго князья. На кѣсто обычнаго правнаго дядьчелюскаго отношенія ставя захватъ, опредѣленіе владѣній по «спожалованіямъ» и «докончаніямъ», жестокая борьба, въ которой нарастаютъ черты крайняго ожесточенія, предательства и насилія. Эти черты—показательныя. Изъ предстоятъ дальнѣйшее нарастаніе и разлатіе. Въ нихъ—психическій отзвукъ предсмертныхъ судорогъ разлагающагося, изжитаго строя.

VIII.

Смольвъ Василія Косого, смиришь Шемьяку, я. к. Василій Васильевичъ могъ считать смуту почерпанной. Прошло нѣсколько лѣтъ до ея новаго взрыва. Но тогда она подилзась съ сугубой силой и накопившимся раздраженіемъ, глубже захватила мелкихъ князей Великороссіи, а разыгралась въ болѣе сложной обстановкѣ—въ нее закишаны и татары, и Тверь, и Великій Новгородъ.

Смута привела въ разстройство дѣла великаго княженія. Съ Москвою перестали считаться. Правда, рязанскій великій князь не уклонился отъ ратной помощи Василію Васильевичу противъ Юрія, но и ояъ призналъ Юрія великимъ княземъ при вторичномъ захватѣ Москвы. Внутренняя разруза грозила вовсе подорвать значеніе Москвы, какъ великокняжескаго центра, тѣмъ болѣе, что и послѣдніе годы Василія Дмитріевича укрѣпили ея зависимость отъ мощнаго литовскаго князья, и опека дѣда Витовта надъ московскимъ внукомъ углубляла смыслъ этой зависимости: видна я. к. Василія Васильевича съ митр. Фотіемъ вмѣстѣ съ великими князьями тверскимъ и рязанскимъ при дворѣ Витовта въ Тронахъ на знаменитомъ «коронаціонномъ» съѣздѣ 1430 года. Тверской великій князь состоялъ притомъ съ 1427 года съ Витовтомъ въ договорѣ, которымъ признавалъ себя «при его сторонѣ» съ обязательствомъ «послать ему на всякаго, не выкая», и эти литовскіе связи Твери оказались настолько прочными, что, какъ выше было упомянуто, я. к. Борисъ возобновилъ съ Климіромъ Ягеллончикомъ въ 1449 г. договоръ о подчиненномъ единачествѣ, а я. к. Василію прашлось—въ томъ же году—признать тверскаго князья состояющимъ «въ сторонѣ» литовскаго великаго князя ¹⁾.

При такихъ условіяхъ не мудро, что и вопросъ о замиреніи митрополія послѣ кончины Фотія не могъ быть разрѣшенъ по воли великорусскаго великаго князя. Новый литовскій великій князь Свидригайло отпрывилъ въ Константинополь на поставленіе въ митрополиты смоленскаго епископа Ге-

¹⁾ А. З. Р., т. I, № 60 и 61.

расина, который и был поставлен на митрополию всех Руск⁴⁾. Московские правители не считали посылать в Константинополь своего «нареченного» кандидата—Иону рязанского⁵⁾, хотя Герасимъ на Москвѣ и не полагался⁶⁾: онъ, видимо, ожидалъ побѣды Юрія Дмитріевича, которая ему доставила бы осуществленіе права на митрополию всех Руск. Переветіа московской смуты, тагивъ смерть Юрія разбавилъ эту перспективу, а Лѣтоисъ 1435 г. Герасимъ погубилъ жертвой гнѣва Свядрагайла за какою то «манѣжу». Теперь в. к. Василій отравилъ Иону на патриаршее поставленіе, но в Константинополь бѣгше широкія и важныя дѣла—проекты уміе—привели къ посвященію на русскую митрополию грека Исхдора. Митрополию не уда-

⁴⁾ Помытку в. к. Голубовскаго (Ист. Русск. церкв., т. II, ч. 1, стр. 416—418) обосновать мнѣніе, что Герасимъ былъ поставленъ кнѣзь митрополиты Литовскіе вѣднѣе призыва убѣдительно. Свѣдѣтельность лѣтописей—новгородской и вологодской (П. С. Р. Л., т. V, стр. 27 и т. III, стр. 238) и житія новгородскаго архіепископа Евфимія («Памятникомъ Старинной Русской Литературы», вып. IV) не опровергались соображеніями Голубовскаго, при многозначительномъ молчаніи московскихъ источниковъ. Ср. осторожную замѣтку Новиковской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 30): «въ Новгородѣ во Великомъ нареченый владыка Евфимій иде ставитися въ митрополиту Герасиму въ Смоленскѣ мѣсца Маія въ 28 день; тогда бо по преставленіи Фотія, митрополита Кіевскаго и всех Руск, не бысть въ Москвѣ митрополита». 28 мая день поставленія Герасима, а вызвалъ онъ изъ Новгорода, когда тамъ находился в. к. Василій (Новг. Л., стр. 415).

⁵⁾ Утвержденіе житія св. Ионы («Пам. Ст. Р. Лихт.», в. IV, ст. 39), что онъ «древне нареченъ бысть въ митрополию Рускую и благословеніе патриарше вричъ привесено ему о семъ, еще живу суду митрополитскому архіепископу» (т. е. Фотію), справедливо отвергнуто Голубовскимъ (Указ. соч., стр. 414); не подтверждается оно и духовой Ионы («Видоизгр. Лѣтописъ», III). Но не лучше обстоитъ дѣло съ замѣченіемъ глумовъ в. к. Василія къ митр. Константиану Палеологу (не новгородской) объ избраніи Ионы по смерти Фотія «отъ того же тогдашнего арменца» по соглашенію съ «литовскіе земли господаремъ» (Р. Н. В., т. VI, № 71). Единственныя определенныя указанія, что Иона въ 1435 г. былъ нареченъ въ митрополию, служатъ его грамота въ Нижегородскій Печерскій монастырь отъ 11 марта 6941 года («Благословеніе Ионы епископа, нареченнаго въ святѣишую митрополию рускую»...—тамъ же, № 61). Литовскіе свѣды объ этомъ не упоминаютъ, а говорятъ лишь о посылкѣ Ионы въ Царградъ, и то мимоходомъ, не въ ряду свѣдѣній (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 162; т. VIII, стр. 122 и 148), покуда, которая состоялась послѣ трагической гибели Герасима (сознана Свядрагайломъ въ Іонѣ 1435 года); объ этой посылкѣ въ грамотахъ в. к. Василія къ патр. Митрофану (Р. Н. В., т. VI, № 62, ст. 526) и къ митр. Константиану (тамъ же, № 71, стр. 579—576). Иона прибылъ уже послѣ поставленія на русскую митрополию Нондора, точная дата котораго неизвестна (въ Москвѣ Исхдоръ пребывалъ 2 апреля 1437 года); в. к. Василій упоминаетъ въ грамотѣ къ императору, что Іонѣ обиднее была митрополія послѣ Нондора, но не осмѣлится ни на какое болѣе раннее патриаршее благословеніе.

⁶⁾ Герасимъ, по словамъ Псковской II лѣтописи, «на Москву его ради не любилъ, кнѣзи великіи заратилися между собой»: возобновленіе убоицы князей Юрія и Василія учено какъ рознь в. к. Василія съ Свядрагайломъ.

лось вернуть в состав великорусских политических сил, пока изложение Исидора, разрыв с Константинополем и решительная его национализация не вывели русской церкви на новый исторический путь.

Великий Новгород держался осторожно и уклончиво перед московской княжеской силой¹⁾. В. к. Василий наехал у него убийстве, когда вынужден был уйти от дяди Юрия; новгородцы пережили момент острой тревоги, выступили ополчением, но буйи их не захватыва. Вскоре появился у них другой гость—Василий Косой, искавший средств для новой борьбы, и уходил грабежом новгородских волостей отплатить за отказ в поддержке. Зимой 1436 года, когда в. к. Василий вновь утвердился на своем месте, Великий Новгород вступает с ним в соглашение на том, что великий князь вернет Новгороду «новгородскую отчину»—все великокняжеские захваты прежнего времени—Бѣжецкий Верх и земли на Волостях Тамском и на Вологдѣ и вернуть на условленный срок своих бояр «на разводъ земли», а новгородские бояре вернуть ему должную статью, давша спорным «князьчином». Но докопаться с Василием Косым, великий князь не исполнил «развода, не учинил «исправы» и «отчим новгородской земли новгородцам не отвезъ». Требования его возросли; обещанные услуги сокращены, и новгородцам пришлось выдать ему в 1437 году черныи бояр «на поботоржскихъ волостях на всѣх, куды пошло по старинѣ»²⁾. Развитие политической самостоятельности Великого Новгорода все болѣе подрывало новгородских «помышля» великого князя, и возгония великокняжеской власти «помышля не такти, по пѣлованью» переходили в попытки восстановления фактически утраченных или периодически не осуществлявшихся прав; эти настояния, съ одной стороны, и непрерывныи столкновения изъ за волостей, которых великими князьями захвачены изъ «новгородской отчины» в свое прямое распоряжение, съ другой, создавали невыносимы поводъ для новых и новых «вспышекъ «розниры». В 1441 году в. к. Василий подверг новгородских волостей большому разорению, несмотря на вступившии дѣйстви новгородскихъ бояр и всею Юрию Патрикѣвичу «отъ всего Великого Новгорода да вѣтъ на Ярославъ дѣрв»—у Карамзина, т. V, прим. 283.

¹⁾ Самостоятельность великого князя отмененной Великого Новгорода в эту пору характеризуется его договоромъ съ в. к. Свирдагайломъ хитовскимъ (С. П. Г. и Д. т. I и в изданіи А. А. Шапигорова № 16). В 1436 году новгородцы заключаютъ договоръ съ Свирдагайломъ Кайстутъевичемъ—Новг. I, стр. 417; въ 1440-хъ гг. съ Казимиромъ—А. З. Р. т. I, № 39.

²⁾ Новг. I, стр. 415—417. Грамота на черныи бояр, данная великокняжескою боярину всею Юрию Патрикѣвичу «отъ всего Великого Новгорода да вѣтъ на Ярославъ дѣрв»—у Карамзина, т. V, прим. 283.

оброки и пошлым¹⁾. Давила и коренная неустойчивость этих отношений великокняжеской власти дала Шемки повод к попытке использовать новгородское недовольство для новой смуты. О такой попытке известно сохранила только кратко и неполное упоминание. Надо полагать, что какими то действиями Шемки во время новгородского рознория вызвала поход на него в. к. Ваския, состоявшийся тотчас по заключении мира с Новгородом. Шемка бѣжала в Новгородскую область и обратился в Новгород с предложением, чтобы новгородцы приняли его к себе на влечение на вой своей воли. Условным отетв заставлял Шемку добить челом великому князю через троюцагу игумена Зноиы²⁾. Тогдашнм к новому вырву смуты послушала не новгородскя, а татарскя дѣла. Все глубже сплетаются сложныя трудности внѣшняго положенія великокняжеской власти с неустойчивымъ равновѣснемъ внутренняго строя Великороссіи.

Золотая Орда, оупрѣпшая было при Мамайѣ, Тохтамышѣ, Едигей, снова пошла по пути распада. Значительныя оброки татарской силы организуются особо, и этотъ процесс, ослабляющій внѣшова врага Руси, вылился, на первыхъ порахъ, тѣмъ влеченіемъ на ея судьбы, что приблизило непосредственную татарскую опасность: орды, выдѣлявшіяся изъ Кипчакскаго царства, придвигаются вѣ поискахъ новаго центра къ предѣламъ Русской земли. Осеню 1438 года ханъ Кичи Махметъ выѣхалъ изъ Золотой Орды брата Узу Махмета, и тотъ засѣлъ вѣ Бѣлзѣ. Ища пристанища, поддержка и безопасности, Узу Махметъ «начать даваться во всю волю русскимъ княземъ», обѣщая, если овладѣть царствомъ вѣ Золотой Ордѣ, «стереть земля русскоя», а «по выходы не посылати, ни по иное по что». Но в. к. Ваския послалъ на него двухъ князей Дмитрїевъ Юрьевичей, чтобы выбить его

¹⁾ Ноог. I, стр. 490; т. V, стр. 29—30; т. XV, ст. 461. С. М. Соловьевъ («Ист. Россїи», кн. I, ст. 1087) отвелъ къ этому моменту договоръ в. к. Ваския сѣ Новгородомъ—А. Н., т. I, № 258, который въ предлїи помятокъ 1434 г. Датировка Соловьева отвѣчаетъ содержанию договора, такъ какъ условїя 1434 г. въ немъ не отразилась. Но вѣтъ основанїя искать причину новгородскаго рознория въ новомъ стоаковенїи великаго князя сѣ Шемкой, какъ дѣлаетъ Соловьевъ, поправленіе для этого, кредиторитетельно, лѣтописную хронологию.

²⁾ Ноог. I, стр. 421; отѣтъ новгородцевъ: «доша, княже, и ты къ намъ поиди, а не вѣсхоти, нио какъ тобѣ зрѣво» (Новгородскя лето передѣлава тотъ же текстъ на «а мы тобѣ ради»—П. С. Р. Л., т. XII, стр. 42). Соловьевъ (тамъ же) отвелъ къ этому моменту договоръ в. к. Ваския сѣ Дмитрїемъ Шемкой и Краснымъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 60), опираясь на слова договорной грамоты: «такъ же и вывета што будете выли на Москѣ имавшимъ приходомъ у мѣа и у мѣой матери... и што будетъ у васъ и намъ то отдати» (см. Соловьева, тамъ же, ст. 1081); но слова эти относятся не золотому «на Москѣ», когда Юрьевичи еѣ сѣ отдомъ наехали (пр. то же условїе въ грамотахъ № 58—59); къ тому же, вѣтъ повода предполагать участїе вѣ дѣяствїяхъ Шемки Дмитрїя Краснаго, котораго, по лѣтописамъ, вѣ ту пору уже не было въ живыхъ (умеръ 22 сентября 1441 года).

изъ русскихъ предѣловъ. Однако, дѣло кончилось поражениемъ русской рати, а Улу Махметъ засѣлъ въ Нижнемъ Новгородѣ старомъ, гдѣ продержался до осени 1446 года. Въ нижегородскомъ «меньшому городѣ» затворились было воеводы великаго князя, но, въ концѣ концовъ, голодовка заставила ихъ снечь городъ и уйти къ Москвѣ. Улу Махметъ дѣлаетъ изъ захваченнаго укрѣпленія кибитки на Русь, подъ самую Москву, слагаетъ Коложну, нападаетъ на Муромъ¹⁾. Въ тѣже годы на Разанскую землю приходилъ царевичъ Мустафа и расположился на зимовку въ Рязани; в. к. послалъ на него рать, усиленную пѣшаны рязанскихъ ополченцевъ, рязанскими казаками и отрядами мордвы; татары побиты; погибъ и Мустафа²⁾.

Эта тяга къ русскимъ предѣламъ отбросила татарской силы, видимо—мелочисленными и хрѣнкахъ боевой годичностью, стала источникомъ новаго явленія, чреватаго не маловажными послѣдствіями. Въ составѣ боевыхъ силъ великаго князя появляются служилые татарскіе царевичи и ординскіе князья съ отрядами своихъ слугъ и вояковъ. Уже въ 1446 году в. к. Василій посылаетъ въ походъ на лютовскіе города двухъ царевичей; упоминается, въ ту же пору, служилый царевичъ Бердыдадъ³⁾. Улу-Махметъ, вытѣсняя воеводу изъ нижегородскаго городка, посылаетъ сыновей Мамутяка и Якуба на в. к. Василія. Шемяка не пошелъ на помощь, Бердыдадъ не поспѣлъ къ бою, и великій князь разбитъ у Спасъ-Евфиміева монастыря и погналъ въ пѣлгы съ верейскимъ княземъ Махалаломъ Андреевичемъ и многими боярами⁴⁾.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, что произошло затѣвъ между ханомъ и его пѣлгичкомъ. Наши лѣтописи—однѣ, видимо, поддерживаютъ отъ изложенія условій ихъ докончанія, другія—упоминаютъ про огромный выкупъ, будто въ 200 тысячъ рублей, и добавляют: «а иносъ Богъ вѣсть, да они»⁵⁾. Улу-Махметъ отрусился в. к. Василія изъ дѣла на. крайде ужасныхъ условіяхъ; в. к. Василій освобожденъ съ княземъ Махалаломъ и всѣми боярами, но пошелъ съ нимъ на Русь и многіе татарскіе князья со многими своими людьми.

По Руси пошли фантастическіе слухи, использованные Шемякой, чтобы запугать князя Ивана Можайскаго, будто Василій Васильевичъ «ио царю дѣловалъ крестъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ русскихъ, а самъ хочеть сѣсти во Твери». И позднѣе вивали в. к. Василія: «чему

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 107, 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 111; т. XII, стр. 61—62.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 63, 65; т. VIII, стр. 112.

⁴⁾ Т. VIII, стр. 112—113.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 114 («что дали ему съ себя окупъ, сколько можетъ»); т. XII, стр. 66 (тоже); т. V, стр. 288; т. XV, ст. 492 (прѣхали съ великимъ княземъ татары „дати имати великія“, великому князю „съ собою окупъ дати татаромъ“); Новг. I, стр. 427.

еси татаръ привезъ на Русскую землю, и города дажь еси ихъ, волости подаваши еси ихъ кормленіе? а татаръ любилъ и рѣчь ихъ паче мѣры, а крестьянъ томилъ паче мѣры безъ милости, а азато и сребро и нѣкіе даешъ татаромъ?»¹⁾ Въ дни большой бѣды—осажденія и выгнанія—видитъ въ ряду преданныхъ сторонниковъ в. к. Василія двухъ сыновою Узу Махмета—Касима, по прозваніи Третьяка, и Якуба, которые уршили со своею силой «сискати великаго князя за правнее его добро и за его хлѣбъ, жного бо добра его до нихъ было»²⁾. Какое же «добро» связало татарскихъ царевичей съ вѣрною службой великому князю? Въ ту пору Узу Махметъ, посѣвъ соглашенія съ в. к. Василіемъ и его отпущна, пошелъ на Казань, городокъ князька Азы-Алибека, озявъ его, во убить сыномъ Макутекомъ, основателемъ Казанскаго царства А братья Макутока—Касимъ и Якубъ—служать «со всею силою» в. к. Василію за всякаго недруга, и, прежде всего, противъ вогаевъ и казанскихъ татаръ. Однако, мы ничего не знаемъ объ ихъ «кормленіи за службу», конечно, не случайно, какъ не случайно молчать наши источники о времени возникновенія Касимовскаго царства. Только договоръ Ивана III съ рязанскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ сообщаетъ, что в. к. Василій Васильевичъ «копчагъ» съ царевичемъ Касимомъ за себя и за рязанскаго князя объ ихъ положеніи, какъ владѣльцевъ Мещерской земли³⁾.

Въ этомъ кругѣ отношеній и фактовъ—реальная основа раздраженныхъ нападковъ на в. к. Василія за его пристрастіе къ татарамъ, новый споръ въ оборонѣ страны и власти великаго князя; для вѣстатѣлія, такое прозваніе на Руси эти татарскія связи Василія, показательно какъ брѣнное замалчиванье ихъ фактическихъ деталей въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ, пройденныхъ повдѣйшей редакторскою рукою.

В. к. Василій вернулся изъ плѣна, окруженный татарами и обремененный тяжкимъ долгомъ, отъ котораго настала крестьянству важная тѣготъ. А по вѣстимъ о его плѣненіи Москва пережила острую панику, ждали прихода татаръ, великія княгини бѣжала въ Ростовъ, бояре стали покидать городъ, черные люди подняли бунтъ противъ мздоимца поводавшихъ столону, укрѣдили городъ, готовились къ осадѣ. Татары подъ Москву не пошла, а поднялся Шемяка, котораго особый посолъ Узу Махмета извѣстали о пораженіи и слѣгъ в. к. Василія. Однако, соглашеніе великаго князя съ татарами предупредило, на первыхъ порахъ, захватъ Шемякой Москвы и великаго княженія. Василій Васильевичъ вернулся—17 ноября 1446 года—на свой столъ великаго княженія, но не на долго. Удручающее впечатлѣніе его возврата съ татарскою силой и татарскими обязательствами создадо

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 115; т. IV, стр. 125.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 120.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 116.

настроение, которое едва его не губило. Шемкиа привлек на свою сторону Можайского князя Ивана, обеспечить себя согласием тверского великого князя Бориса, свести с враждебно настроенными москвичами—из московских бояръ, купцовъ и монаховъ и—въ февралѣ 1446 г.—захватить нападкомъ великого князя въ Троицко-Сергиевскъ монастырь на богомоли, захватить его ослепить и сослать въ Угличъ, а в. к. Софью Витовтовну въ Чухломъ¹⁾.

Новая «бѣда аза», поразившая в. к. Василия, грозившая полнымъ крушениемъ великорусской великокняжеской власти. «Побѣдителей», опытныхъ быстрыхъ и легкихъ усилкомъ, обуило стремление къ раздѣлу между собой великого княжества на крупныя самостоятельныя владѣнія. Можайскій князь Иванъ Андреевичъ, который и раньше переходилъ на сторону Шемкии, но покинулъ его за пожалованіе Суздальскъ²⁾, опять вернулся къ Дмитрію Шемкиѣ, обеспечивъ закрѣпленіе за собой Суздаля³⁾. Но это вызвало рѣшительный протестъ суздальскихъ отчичей, князей Василия и Федора Юрьевичей, которые добились договора о взаимовлеченіи въ ихъ обладаніи суздальской «спраждины, дѣдныи и отчичныи»—Суздаля, Новгорода-Намняго, Городна и Вятки⁴⁾. Тверской великій князь Борисъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 113—117. Есть неразрѣшнное затрудненіе въ хронологіи этихъ событій. Литовские списки налагаютъ ихъ то подъ 6958, то подъ 6954 г.; но такіе даты, какъ «іюль 6, во вторникъ» для прихода в. к. Василия въ Суздаль; 7 іюля въ среду для его шествія и т. д. (т. VIII, стр. 112—118) очевидно устанавливаются 1445 годъ, а февраля 12, въ субботу, 1446 г. Москва злата Шемкино, 14 февраля въ мисопустной недѣлѣ влѣзевый великій князь привезенъ въ Москву (тамъ же, стр. 115—117). Однако, какъ согласовать съ этимъ дату договора между в. к. Василиемъ и княземъ можайскимъ Иваномъ—17 іюля 1445 года? Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 1066) рѣшилъ, что договорная грамота написана въ пятницу и за брата Ивана «дѣйствовалъ» Михаилъ Андреевичъ. Однако, крайне трудно допустить, чтобы черезъ десять дней поистѣ шествія князя въ пятницу заключили таинный договоръ и притомъ въ отсутствіи главнаго лица. Я предпочитаю бы поправку съ «іюль» на «іюль».

²⁾ П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 151. Волею рѣшилъ договоръ С. Г. Г. и Д., т. I, № 61 обеспечивая Ивану и Михаилу Андреевичамъ сверхъ ихъ отцовскаго благословенія—Можайска (съ отъѣздомъ мѣстами Рошею и Калугою) и Блгородъ и гарантируя, что можайско-верейская вотчина останется за отчичемъ, если другого «Богъ отойметъ»,—великокняжеское «пожалованіе»: Ивану Козельскъ съ волостями и волости Сергеевскъ, Людимскъ, Корони, Вырзу, куплю Пересѣгову, Алексинъ, Лесницъ, Свѣблово (т. е. въ основѣ владѣнія, которыя раньше принадлежали были «изъ удѣла великаго князя» вернузовскому князю Владиміру Андреевичу и которыи онъ благословилъ своего старшаго сына—тамъ же, № 40), а Михаилу—только сложение на годъ «выхода» съ его вотчинами.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 62.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 62. Время заключенія этого договора вымываетъ сѣмѣние въ силу оговорки, что захваченному княземъ князю Юрьевичей въ великомъ княжествѣ «держъ по та мѣста, како же дастъ ти (Дмитрію Шемкиѣ) Богъ, во-

Александровичъ еще раньше использовалъ московскую смуту для нападеній на новгородскія волости ¹⁾.

Но всѣ наиболее значительныя общественныя силы великаго княжества, какъ и въ первую утрату Москвы и к. Василья, поднялись на нового захватчика. Бояре и служилые князя попытались удержать отъ Шемки дѣтей Василья, но Дмитрій Юрьевичъ заставлялъ епископа Юрия, нареченнаго митрополита, привести ихъ изъ Муромъ, куда ихъ увезла бояра, изъ Москву, и нарушилъ обѣщаніе дать имъ съ отцомъ свободу и «отчину доволъзу», а послалъ къ отцу въ заточеніе въ Угличъ. Этими онъ только усилитъ броженіе, направленное противъ его власти. Сторонники и к. Василья собрались за литовскимъ рубежомъ вокругъ серпуховского князя Василья Ярославича и князя Семена Оболенскаго ²⁾, изъ князь бѣжалъ съ Москвою и Федоръ Басенокъ; князья Риполонскіи, Стрига-Оболенскій и другіе—собирали силу идти къ Угличу на службу своему князю; весь дворъ его потянулся прочь отъ Шемки. Настоятельныя протесты Юрия и возмущеніе московской служилой среды заставили Шемку выпустить Василья Васильевича изъ

лѣтъ достати своей отчины великаго княжества», тѣмъ болѣе, что Шемка не титуловался «княземъ великимъ» (а только «господиномъ нашимъ княземъ») и титулъ этотъ сохранялъ за Васильемъ Васильевичемъ. Но на печати надпись: «летати великаго князя Дмитрія Юрьевича», и на оборотѣ грамоты: «грамота дозволительная великаго князя Дмитрія Юрьевича съ братьемъ со княземъ Васильемъ да со княземъ Федоромъ Юрьевичемъ». Карамзинъ поясняетъ, что «сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемка овладѣлъ всѣмъ Московскимъ княжествомъ» («Ист. Россіи», т. V, прим. 337); оговорка о слогѣ «дети», действительно, указываетъ на продолженіе борьбы. С. М. Соловьевъ («Ист. Россіи», кн. I, ст. 1073) полагаетъ, что договоръ заключенъ, «когда Шемка слова князя изъ Москвы», во въ текстѣ грамоты итъ указаніе, чтобы Шемка не владѣлъ Москвою въ моментъ ее писанія, зато общій строй ея и заставляеть отнести ее скорѣе ко времени возобновленія борьбы Шемки съ в. к. Юриемъ.—Судальскіи Юрьевичи, званіи Карлши, едва-ли «князья изъ Судалы», принадлежавъ въ князю отнесеніяхъ къ Московскимъ князьямъ», какъ предполагать. С. М. Соловьевъ. Родословныя считаютъ ихъ отцу, князя Юрія Васильевича, первымъ княземъ Шульскимъ (Экземпларскій, т. II, стр. 456). Реставрація итъ «отчину» предполагалась радикальнѣе—съ уничтоженіемъ всего княжескаго и боярскаго землевладѣнія, какое великокняжескіе служилые князья и бояре приобрѣли купчей у судальскихъ князей, у бояръ и новострыей въ судальскіи, князгородскіи и городяцкіи волости; или какое имъ «подавалъ въ куплю» великій князь, давалъ итъ «грамоты купельныя»: «ико тѣ всѣ купая во въ куплю, иишуть въ грамотѣ Судальскіи отчина, а тѣ всѣ волости и сама имъ по старшѣ и князьямъ бояромъ».

¹⁾ Ноог. I, стр. 425 и 427. Ко времени послѣ 1445 г. надо отнести его договоръ о мирѣ съ Новгородомъ—С. Г. Г. и Д., т. I и въ издачіи А. А. Шама-това, № 18.

²⁾ В. к. литовскій Казиміръ далъ, по словамъ нашего хрониста, князю Василью «въ отчину» Вязьма, Гомель, Стародубъ и Мстиславль и «княи, многіи иишеть»—П. С. Р. Д., т. VIII, стр. 117.

угаиваго залюченія ¹⁾ и дать ему «въ вочину» Вологду, конечно, укрѣпить его «крестными цѣлованіемъ и проклятыми грамотами» ²⁾. Но великій князь, получивъ свободу, отправился подъ видомъ богомола въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ игумень Трифонъ развѣшивъ его отъ вынужденнаго крестнаго цѣлованія, и отсюда ушелъ въ Тверь къ Борису Александровичу, союзъ съ которымъ заключилъ обрученіемъ семилѣтняго сына Ивана съ пятнадцатилѣтней тверской княжной Марьей Борисовной. Освобожденіе великаго князя дало толчекъ общему давленію его сторонниковъ. Москва заплакала безъ боя, в. к. Василій двинулся на Шемяку и можайскаго князя «со многемъ силою» отъ тверской границы, изъ за Литовскаго рубежа пришелъ самъ Василій Ярославичъ, а съ нимъ соединились и татарскіе царевичи. Дмитрій Шемяка пришлось уйти въ свой Галичъ и просить мира ³⁾. Но и это примиреніе не внесло успокоенія, не помогли крестное цѣлованіе и «проклятыя грамоты». Дмитрій Шемяка дѣлаетъ—въ ближайшія годы—рядъ попытокъ возобновить борьбу, попытки безсмыслны, но тревожныя, которыя вызывая вслѣдствіи суетливой и безплодной усобицы, направленной, со стороны великаго князя, на то, чтобы до конца смарить Шемяку и покончить съ его покушеніями возбудить противъ великокняжеской власти всѣ возможные элементы недовольства и опереть нѣзъ на силы съ вѣдшими ей врагами. Рядъ татарскихъ набѣговъ, тревожившихъ Великоросію въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, обусловленъ, въ значительной мѣрѣ, не только тѣмъ, что, какъ въ старину, княжна «котора» облегла «поганымъ» возможностью «нести розно Русскую землю», но и прямыми сношеніями Шемяки съ Казанью. Шемяка призываетъ, въ то же время, другихъ князей, Великій Новгородъ, яичанъ, а также бояръ и слугъ великокняжескія на свою сторону, во имя освобожденія Москвы отъ господства въ ней татаръ, пріятелей в. к. Василія ⁴⁾.

¹⁾ Шемяка самъ отправился для этого въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами, «жался и прощался»—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 119; т. XXIII, стр. 158. Эта демонстрація со стороны духовенства должна была не мало содѣйствовать полному настроенію въ пользу в. к. Василія.

²⁾ П. С. Р. Л., т. V, стр. 289; Воскресенская и Николовская лѣтописи (т. VIII, стр. 119; т. XII, стр. 71) выпускаютъ отрова объ «укрѣвленіи» и о поступкѣ Кирилло-Бѣлозерскаго игумена.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 117—121 («крестъ на томъ цѣловать и грамоты проклятыя на себя далъ»).

⁴⁾ Посланіе ко князю Дмитрію Юрьевичу отъ всаго освященнаго соборе—А. И. т. I, № 40. Весьма характерно, что это посланіе, повторивъ доводы в. к. Василія, утверждаетъ, что «татарове во христіанствѣ живуть» нѣзъ за «неуравненіемъ» великаго князя съ ни. Дмитріевичемъ; и освященный соборъ беретъ на себя даже поруку, что «котораго часу» князь Дмитрій «управится во всемъ чисте, по крестному цѣлованію», «того же часа князь великій татаръ нѣзъ земля вояъ отошлетъ». Шемяка отказался вносить свою долю въ «татарскіе прогоры», утверждая, что ханъ Золотой Орды не царь для Руси. Посланіе датировано 29 декабря 8956—1447 года.

Этим проясняют и усиливают Шемкин а. к. Василій противопоставлять не только ратную силу. Онъ отдаёт свои раздоры съ княземъ Дмитріемъ на судъ освященнаго собора, которому представлятъ докончальныя и перекрестныя грамоты Шемкина и доказательства нарушенія имъ всѣхъ основъ «одиначества». Духовенство выступило противъ Шемкина съ пространными обличительными посланіями, налагая на него отлученіе, если онъ не исправится по всѣмъ статьямъ крестоцѣловальнаго докончанія. Это выступленіе духовенства закрѣплено за великимъ княземъ ильичемъ вращающаго круговъ. По поставленіи своихъ на митрополию Іоанъ разослалъ окружающую грамоту, обращенную къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и всему «крестоцѣловитому люду» объ изгнанинѣ князя Дмитрія и отлученіи, наложенномъ на него всѣмъ освященнымъ соборомъ, «иже охъ возобновили свои покушенія на великаго князя, «на христіанское нестроивіе и кровь»¹⁾. Въ то же время а. к. Василій рядомъ договоровъ изолируетъ Шемкина въ княжеской средѣ. Можайскій князь Иванъ Андреевичъ свингалъ свою судьбу съ Шемкиной, но соглашеніе а. к. Василія съ Борисомъ тверскимъ заставило обоихъ князей искать мира при посредничествѣ князей Малюга Андреевича и Василія Ярославича²⁾. Но докончаніе состоялось на этотъ разъ только съ Иваномъ можайскимъ, который примирился съ великимъ княземъ при посредничествѣ и подъ гарантіей тверскаго великаго князя Бориса³⁾. Однако, князь Иванъ не порвалъ еще съ Шемкиной и, видимо,

¹⁾ Л. И., т. I, № 43. Окружное посланіе это показываетъ, какъ много было замышляемыхъ въ дѣлѣ Шемкина и соучастниковъ ему; митр. Іоанъ призываетъ всѣхъ кнзъ быть челоуи великому князю «о жалованіи, какъ ему Богъ поконитъ на сердце», и угрожаетъ кнзюгословеніемъ своимъ и всего срачелства, если не добавитъ челоуи а. к. Василію, «а зѣтѣмъ кровъ христіанская пролиетѣ».

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 67. Справедливо замѣчаніе А. В. Эвземпларскаго, что надатчен датировали эту «записку» 1448 г. слишкомъ поздно (указ. соч., ч. II, стр. 324, прим. 876). Князья Дмитрій и Иванъ цѣлуютъ крестъ къ своей братьи молодой за то, что кнзъ «бнѣ челоуи» а. к. Василію отомъ, что ему кнзъ, какъ «свою братью молодшюу» пожелавать кнзъ на воччанами, кроуи Звенигорода и Ватия, которые отходатъ отъ Дмитрія, какъ отлучаются отъ и отъ Углича, Рязми, Владиміиной волости и всего, что поучатъ отъ а. к. Василія «въ удѣлѣ и въ воччану»; князь Иванъ также отлучается отъ Кореульска, Александрія, Лясина. Князья обязуются содержатъ этой записки «испати и въ докончальную грамоту» и не «сложитъ» этого обязательства, пока не состоится кнзъ «докончальне по сей грамотѣ» съ а. к. Василіемъ. Это записку «перекрестія» въ время переговоровъ, которая поведеть кнзъ бое, а сами князья отказываются знатъ къ великому князю, пока въ Москва не будетъ митрополита. А. В. Эвземпларскій указалъ, что эта записку—ранѣе посланія духовенства къ Шемкинѣ отъ 19 декабря 1447 года, такъ какъ такъ князь Иванъ уже въ докончаніи съ а. к. Василіемъ. Эта записку должна быть отнесена къ попыткѣ соглашенія, которая произошла по возвращеніи а. к. Василія 17 февраля 1447 года изъ похода на Шемкинъ и свелась кнзъ къ отпуску кнзъ князю а. к. Софану (С. Г. Г. Д., т. VIII, стр. 121).

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 63—мировая записку, возобновляющая отломки князю

наставлял на включение в мирные соглашения и его ¹⁾. В начале 1448 года при возобновлении враждебных действий между в. к. Василием и Шемякой, Иванъ можаискій снова становится на сторону противников великого князя. Широкие планы еще не улеглись. Князь Иванъ ведет сношения с литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ, какъ Шемяка с татарами, ища союза для борьбы великого князем: князь Иванъ обещался уступить Казимиру Рязань и Медынь, если тотъ посадитъ его на «великомъ княжении на московскомъ» ²⁾. Но реальная его обida была в томъ, что онъ лишился Владимирского Верха, было добытого въ пожалование отъ великого князя; и в. к. Василию удалось опять отдѣлать князя Ивана отъ Шемяки возвратомъ ему этого владѣнія ³⁾, чтобы затѣмъ покончить съ

по принятымъ докончательнымъ грамотамъ; поручителемъ—в. к. Борисъ Александровичъ тверской, его великая княгиня Анастасія Андреевна, сестра Ивана Можаискаго, и князя Михаилъ верейскій и Василій серпуховской: князь «будетъ съ правымъ и виконатомъ», если одна изъ сторонъ нарушитъ эту «утверженную грамоту». Эта запись за печатью в. к. тверского. Она повторена въ грамотѣ № 68 съ небольшою измѣненіемъ редакціи и вставкой: «И азъ князь Иванъ Андреевичъ даду крестъ къ тобѣ къ своему господину брату старайшему къ в. к. Василію Васильевичу и къ твоимъ дѣтемъ», которая указываетъ на существованіе грамоты: первая дала боярамъ князя Ивана, на второй онъ крестъ давалъ, прижавъ къ великому князю; это было въ сентябрѣ 1447 года, такъ какъ грамота писана «въ лѣто 6956», а непосредственно за ней послѣдовала договоръ № 66, который писанъ «на Колономъ въ лѣто 6956 мѣсяца сентября»; въ этомъ договорѣ за княземъ Иваномъ утверждаются великокняжескія пожалованія «въ отчину»: Владимиръ Верхъ, половина Заозерья Кубенскія князей Лискиъ. Но договоръ этотъ, по великому, подвергся заскоръ пересмотру (вѣроятно, въ связи со сношеніями между Иваномъ можаискимъ и Шемякой, о которыхъ упоминаетъ декабрьское посланіе духовенства), причемъ изъ «пожалованій» за княземъ Иваномъ осталось только Лискиъ—такъ же, № 69. Первое соглашеніе (запись № 63) должно было состояться раньше 20 июня 1447 года такъ какъ это дата договора между в. к. Василиемъ и рязанскимъ в. к. Иваномъ Федоровичемъ, въ которомъ уже участвуетъ Иванъ можаискій (тамъ же, № 65) какъ «братъ молодша», равный передъ в. к. Василиемъ рязанскому великому князю.

¹⁾ Въ первой мировой записи—съ князьями Михаиломъ Андреевичемъ и Василиемъ Ярославичемъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 67) князь Дмитрий Шемяка и Иванъ Андреевичъ уславивались «грамоты докончательныя писати съ явни великому князю рязанскому, по старымъ грамотамъ», но когда дѣло обернулось въ замѣренье князя Ивана при продолженіи разиарья съ Шемякой, этотъ послѣдній сталъ настаивать передъ Иваномъ можаискимъ, чтобы онъ не раздѣлялъ ихъ докончанія съ великимъ княземъ, а настаивалъ на одновременномъ и согласованномъ «пожалованіи» обохъ—А. И., т. I № 40 (стр. 79—80); «и князь Иванъ Андреевичъ посоль Блгзаръ Васильевъ, добавляетъ посланіе къ Шемякѣ, возмѣщая то твое слово великому князю отъ князя Ивана Андреевича».

²⁾ Тестъ князя Ивана князь Ф. Л. Воротынский далъ Казимиру поручику запись въ томъ, что Иванъ Андреевичъ, ставъ княземъ великимъ, исполнитъ обѣщаніе территориальнымъ уступокъ и вѣчнымъ союзомъ съ признаемъ себя «братомъ молодшимъ» Казимиру—А. З. Р., т. I № 49.

³⁾ П. С. Р. Д., т. V, стр. 269.

ники пороки. Однако тяжела Шемана еще несколько мѣсяцев свое принадлежащее сопротивление. Противъ него стоялъ теперь являе великій въ мѣрѣ со всѣми силами Великороссіи, хотя и не достигъ еще vlastнаго разбориженія ими. Отношеніе тверского великаго князя къ московскимъ дѣламъ можно назвать отношеніемъ дружественнаго къ в. к. Василию нейтралитета. Съ являнскимъ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ изъ договоровъ, по которому в. к. Иванъ Федоровичъ признаетъ себя «братомъ молодшимъ» великому князю всея Руси, отказывается отъ самостоятельныхъ вѣдѣній своихъ и обязуется держать полное единство въ отношеніи ко всѣмъ друзьямъ и недругамъ¹⁾. Братъ Иванъ Можайскаго верейскій князь Михаилъ Андреевичъ отдѣлился отъ брата, какъ только тотъ сталъ на сторону Шемани, и сидѣлъ на своихъ верейскихъ и близверскихъ волостяхъ вѣрными подручниками, «молодшимъ братомъ» великаго князя, который свазъ въ 1447 году на два года улалу «выхода» съ его владѣній и придалъ къ нимъ «въ вотчину и въ удѣлъ» половину Заозерья а еще сто деревень²⁾. Вѣрными подручниками в. к. Василия были и Василий Ярославичъ, послѣдній отпрыскъ серпуховскаго княжескаго дома, снова объединившій въ одномъ владѣніи серпуховскую отчину, и оныя получилъ «въ удѣлъ и въ вотчину» Дмитровъ и Суходолъ³⁾.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 65.

²⁾ Тамъ же, № 64, писана грамота 19 июля 1447 — 6955 года. Эти вѣдѣнія и передѣлы приводили въ расчетѣ къ сбору дани къ довольно сложнымъ комбинаціямъ. Заозерья, бывшая вотчина Заозерскихъ князей, тѣмъ дана въ Ярославлю; и князь Михаилъ обязуется, коли «придетъ посоль татарскій въ Ярославль», данить съ Заозерья ярославскимъ князьямъ «въ выходы и во всѣ пошланы, въ ордынские проторы по старинѣ, какъ давали заозерскіе князи ярославскимъ князьямъ». Въ томъ же 1447 г., въ сентябрѣ, в. к. Василий далъ другую половину Заозерья («въ своею половиною того же Заозерья», какъ опредѣляетъ договоръ № 64; «половину Заозерья, Кубельскихъ князей—договоръ № 66) Ивану Можайскому. Въ томъ же 1450 году—новый договоръ съ княземъ Михаиломъ, вызванный измененіемъ его «наказаніемъ»: вѣдѣно Заозерья оныя получилъ Вышгородъ, вѣсколько звангородскія волостей и лаготу «на пять лѣтъ выхода на дань» съ отныи князя Михаила «половину выхода на три годы» (тамъ же, № 74). Есть еще договоръ в. к. Василия съ княземъ Михаиломъ (тамъ же № 70), утверждающій за нимъ только его вотчинныя владѣнія; но ниже, на томъ основаніи его датировки въ С. Г. Г. и Д., «около 1448 г.»; договоръ этотъ, весьма шаблонный и потому не дающій опоры для датировки, долженъ быть старше договора 19 июля 1447 года, и, м. б., отнесенъ еще къ 30-мъ гг. (ор. сходный договоръ съ княземъ Василиемъ Ярославичемъ, № 45, «около 1433 г.»).

³⁾ Тамъ же, № 71—72: «удѣлъ дѣда твоего князь Володимировъ Андреевичъ». В. к. Василий признаетъ, что «не додалъ» ему «лѣдники»—Углича, Городца, Косельска и др. волостей и даетъ ему «противъ тѣхъ городовъ и волостей его дѣдичи» Дмитровъ и Суходолъ, съ тѣми же волостями къ нимъ владѣніямъ, «въ удѣлъ и въ вотчину». Договоръ этотъ отнесенъ въ С. Г. Г. и Д. ко времени «около 1448 г.»; его можно отнести къ 1447, такъ какъ оныя, вѣроятно, одновременно съ договоромъ между

Покинутый даже Иваном кожалским, Шемяка сохранил и восторую надежду на Новгород, по крайней мере как последнего преставица. Великий Новгород, широко развивший практику «коричения» у себя пришедших князей и великорусских, и литовских, дорожил свободой своих отношений, не вмешивался в уособию князей и вытекавшие из нея вражды. В Новгород и ушел Шемяка, когда—въ 1450 году—в. к. Василий закончил борьбу съ князь владимирцем Галичем и «наместникомъ своимъ посажалъ во всея отчий той». Новгородцы приняли къ себѣ бѣззлаго князя, приняли и вторично, когда онъ вернулся послѣ неудачной попытки захватить Устюг¹⁾. Не позволили на новгородцевъ и настоянн митр. Ионы, что Дмитрій Шемяка не можетъ быть принятъ въ общеніе, какъ отлученный отъ церкви но своимъ дѣяніемъ и что Новгородцы даютъ ему не только убѣжище, но и опору для владѣбныхъ дѣяствій, такъ какъ забѣгъ на Устюгъ онъ учинилъ, оставивъ въ Новгородѣ семью свою и всю свою казну²⁾.

Бурная эпопея Шемяки закончилась только его «напрасной» смертью—въ іюлѣ 1453 г.—отъ «лютата зелья», подосланныа московскимъ великокняжескимъ дворомъ³⁾.

Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма съ ея ожесточенной усобицей, ослѣпленіемъ, отравленіемъ, предательствомъ и насильемъ. Это была не великая смута начала XV вѣка, она не захватыва народнои массы, не разрушала сложившихся устройств общественной жизни. Но

в. к. Василиемъ и Михаиломъ верейскимъ отъ 19 іюня 1447 г.: въ договорѣ предусмотрено возможное примиреніе Дмитріемъ Шемякой при заступничествѣ Суходоломъ и солонъ Кресамитъ,—тогда в. к. Василій Ярославичъ отъ князя «отступится безъ отъяма». Характерна оговорка въ договорѣ: «а чего Богъ дастъ доставемъ вочичъ своимъ надругомъ, и въ то ти ся, брате, не вступати». Эта двойная грамота (грамота съ противнымъ, выхотъ шитыми, за печатями) и №Ж 73—74—экземпляры обѣихъ договаривавшихся сторонъ.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 178—180; VIII, стр. 123—123, 126.

²⁾ А. А. З. т. I, № 372; грамота митр. Ионы къ архіеп. Евфимію писана 20 сентября 1452 года. Развѣ Новгородъ переговоровъ отклонялъ угрозу великокняжескаго нагнѣба изъ за Шемяки, причѣмъ состоялась неудачная попытка заключить переговоры съ княземъ Дмитріемъ: онъ присылалъ съ новгородскими посланцами своего боярина Пвана Новосильцева, но «съ великою высоостью», отиудъ не съ похвалымъ чалобитиемъ, а съ такими рѣчами, «чему ся не можно восторыми дѣлы свести»—послание митр. Ионы новгородскому архіеп. Евфимію, А. И., т. I, № 53 (датировано въ заглавіи 1452—1453 г., но должно быть отнесено ко времени развѣ сентября 1463 г., спорѣ къ 1450—1451 году).

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 132 («умре со отравомъ»; т. VI, стр. 180 («умре напрасно», а въ Москву «притонилъ съ тою вѣстью подъячей, и бысть отголѣ Дьякъ, Василей Вѣда»), т. VIII, стр. 144 (тоже); т. XII, стр. 100 (тоже); Архитеологическій вѣстникъ (изд. 1819 г.) стр. 180: «лжата ему лютата зелья и испуствя вужю душу»; т. XXIII, стр. 155.

традиционный политический строй Великороссии, обычный уклад ее между-княжеских отношений вышел из нее разбитым и поруганным. Задаты чуждым властям, вынужденным «показывания», торги восточники и крепостнической яростью, кровавые и жестокие расправы, непрерывная яростная борьба князей и боярь и даже гостей-суковников или старцев иноков, предававших во вражеские руки своего великого князя, татарские схватки и союзы этого великого князя—все это прошло из жизни русского общества как крушение обычного уклада отношений и вооруженный Удьяловотчинный строй оказался разрушенным, подорванным и морально-оплавленным. Рабства московская княжеская семья. Сошли со сцены и дяди Басилия Васильевича, и его двоюродные братья. Из удьяловых вотчиней Московского княжества удьялы только Андреевичи Иванъ и Михаилъ, да Васильи Ярославичъ, анука Владимира Андреевича. Борьба со скутой и стремление вырвать на будущее время ее возможные корни переходить для великокняжеской власти из стремление «добыть вотчины своих недруговъ». Ее ликвидация непосредственно связана съ органической работой этой власти надъ перестройкой великорусского великого княжения из Московское государство на началахъ вотчинного единорганія.

ГЛАВА X.

Собирание власти.

I.

Подлинным организатором Великорусского государства признают Ивана III Васильевича. Но он строил свое большое политическое здание на крепко заложённом фундаменте. И сам он, в общец политическом такт и во всѣх основных стремленія своих, потомецъ послѣдняго дѣсятилѣтія правленія отца, когда юный князь, еще ребенкомъ (родился 22 января 1440 г.) приобщенъ къ политической жизни, шедшей подъ знакомъ упорной борьбы за власть. Съ восьмилѣтняго возраста онъ представитель великокняжеской власти въ походатъ и во дворцѣ; съ начала 50-хъ годовъ видимъ его великимъ княземъ, официальнымъ соправителемъ отца, и за эти годы сложился его личный обликъ, сложилась кругомъ него та правящая среда, съ которой онъ началъ въ 1462 году самостоятельное свое правленіе. Вся политика Ивана Васильевича по отношенію къ младшимъ князьямъ-братьямъ роднымъ и дальнимъ, къ народоправствамъ Великаго Новгорода и Пскова, къ Твери и Рязани—прямое продолженіе мѣропріятій, каковыя въ пятидесятыхъ годахъ XV вѣка ликвидированы результаты московской смуты. Мѣропріятія эти сразу получили болѣе широкое значеніе—ликвидация основъ удѣльно-вотчиннаго строя, перестройки на новыхъ основаніяхъ политическаго вѣствованія надъ Велико-россией. Иванъ III закончилъ это дѣло послѣ новаго, не столь бурнаго, но тревожнаго кризиса московскихъ междукняжескихъ отношеній, который разыгрался въ семидесятыхъ годахъ XV вѣка. А пятидесятые его годы—эпоха, когда складается въ основныхъ чертахъ политическій обликъ «грознаго царя», осуществленія думя Иваномъ Васильевичемъ и тѣмъ Васильемъ, про котораго Гербштейнъ говорилъ, что онъ властью превосходить едвали не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра.

Первымъ проявленіемъ этого новаго историческаго типа, которое произвело сильное впечатленіе на московское общество, была, повидимому, попытка в. к. Василія найти противъ выйдшихъ и внутреннихъ враговъ опору въ служилыхъ татарской силѣ. Въ процессѣ борьбы на такую черту легли немалыя, какъ приемы безпощадной расправы съ виновниками и орудіями брѣ-

женія, враждебнаго великокняжеской власти, какъ быстро нарастающія притязанія на широкую свободу властвованія, на полную свободу отъ подчиненія традиционному, общеправовому укладу княжой дѣятельности, семейно-владѣльческихъ и общественныхъ отношеній.

Единодержавіе и самодержавіе московскихъ государей явилось итогомъ соборнаго раздробленія власти надъ территоріей Великороссіи и ея населенія. Василий Темный въ послѣднее свое десятилѣтіе положилъ прочную основу Великоорускому государству построениемъ его ядра—Московского государства.

Смерть Шекии развязала ему руки. Великій князь не замедлялъ использовать ближайшій поводъ, чтобы подоткнуть съ Иваномъ мошайскимъ. Прелестный въ «любовь и дозоччаніе», пожалованный в своей отчавной и кахѣломъ къ отчымъ великаго князя, онъ уклонился отъ выступленія противъ татаръ, раззорившихъ набѣгами Русскую землю, и за такое его «несправленіе» в. к. Василий пошелъ на Мошайскъ, занявъ княженіе Ивана Андреевича, посадилъ на его вотчинѣ своихъ княжѣтвенныхъ, а князь бѣжалъ съ семьей въ Литву¹⁾. Что дѣло шло не только о расшатаніи въ преніяхъ дѣлнія и новыя подворья въ умыслахъ «краюны», показывается судьба серпуховскаго князя Василія Ярославича. Намѣсь «несправленія» и за этиахъ вѣрными сторонникомъ в. к. Василія. Василій Ярославичъ получилъ отъ великаго князя значительное расширеніе своихъ владѣній; повидимому, послѣ бѣгства въ Литву Ивана мошайскаго къ нему перешелъ Вѣжецкій Веркъ, бывшій за этою княземъ, съ предачей еще и Звенигорода²⁾. Вос-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144.—Обвиненія противъ князя Ивана въ послѣдніахъ книгъ. Ионъ къ смоленскому епископу Мстиславу—А. П., т. I, № 56; дѣль посланіе предупредить при посредствѣ смоленскаго епископа возможнымъ отъ того князя Ивана и отъ его людей въ вотчинѣ в. к. Василія «каноста» и сполкованіе въ за этого съ Литвой, если придется великому князю «по нужи, по славу князя Ивана догати». Князь Иванъ получилъ отъ литовскаго великаго князя въ удѣль Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Любечъ. Повидимому, его тутъ держали, за случай, претендентомъ на великорусское княженіе. Въ 1461—62 году, когда подготовлена была попытка освобожденія серпуховскаго князя Василія Ярославича, его смѣль заключить съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ въ Литвѣ договоръ о томъ, что князь итѣ «доставать своей отчымъ и дѣдчымъ», врозъ съ в. к. Василіемъ не мѣряться, а если Богъ поможетъ его «согнать» к князь Иванъ Андреевичъ «доставать великаго княженія», то Иванъ Васильевичъ выговаривать отцу и себѣ опредѣленные владѣнія— въ томъ числѣ Дмитровъ и Суздаль—А. А. З., т. I, № 70.

²⁾ С. М. Соловьевъ («Ист. Россія» кн. I, ст. 1060) относитъ договоръ Василія Ярославича съ в. к. Василіемъ за № 84—85 (С. Г. Г. и Л., т. I) ко времени болѣе раннему, а №№ 78—79 во времени послѣ бѣгства Ивана мошайскаго, видку именно передачу по этому договору серпуховскому князю Бѣжецкаго Верка, какъ было за княземъ Иваномъ Андреевичемъ; противъ этого говорить приписка въ концѣ грамоты № 84 и 85 такого условія: 1) «а княгинѣ моей въ великонъ княженія сѣль не держати» и 2) «а княгинѣ моей во княже Васильевѣ вотчинѣ брата моего молодшого

можно, что на почвѣ домогательствъ болѣе широкаго надѣленія со стороны князя Василія Ярославича возникли тренія, но знаемъ только, что онъ въ июлѣ 1466 г. «поималъ» на Москвѣ и сослать въ Угличъ; его сынъ Иванъ и вторая жена бѣжали изъ Литвы. Василій Ярославичъ долго томяся въ заключеніи—до самой смерти, постигшей его только въ 1483 г. ¹⁾; незадолго до кончины в. к. Василія возникъ въ связи съ планами князей-литовниковъ, намедншихъ убійнице въ Литвѣ ²⁾, заговоръ серпуховскихъ дѣтей боярскихъ и дворянъ объ освобожденіи ихъ князя изъ угличскаго заключенія, но «облачился мыслъ ихъ», и жестокая расправа поразила воображеніе московичей новыи проявленіи грозной власти ³⁾.

И на судальскихъ князей легла тяжкая рука великаго князя. Еще при князѣ Шемякѣ в. к. Василію удалось, вѣдучи, ввести раздѣленіе въ среду этихъ князей; судальскіе Юрьевичи на сторонѣ Шемяки, а сохранился договоръ в. к. Василія съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, ихъ троюроднымъ братомъ, по прозвищу Горбатымъ, который, за обязательство не преступать въ Шемякѣ, а быть неотступно при в. к. Василіи подъ карой лишешя въ полку великаго князя и его дѣтей всего «судѣа и вочемы» и подъ угрозой митрополитскаго проклятенія, пожелавъ Городцовъ (возжскихъ) и вотчиной своей въ Суздали, какой владѣтъ и отецъ его ⁴⁾. Источники наши указываютъ о дальѣйшей судьбѣ этихъ владѣній; знаемъ только, что братъ князя Ивана, Василій, прозванный Гребеня, который съ 1448 года княжилъ во Псковѣ подъ рукою великаго князя, въ

связь во держати»: оба договора относятся ко времени до второго брака князя Василія Ярославича (упоминается его княгиня, кою ему Богъ дастъ княгиню), но эта приписка, сдѣланная послѣ брака, должна быть на поздѣйшихъ грамотахъ однако, объ приписки сдѣланы шимъ почеркомъ, чѣмъ основной текстъ, а притомъ ошибочно, т. е. «княгиня колъ» грамоты в. к. Василія—жена не его, а Василія Ярославича (и наоборотъ). При общемъ текстуальномъ тождествѣ договорныхъ формулъ приписки могли попасть не на мѣсто и въ томъ отношеніи, что записаны на № 64—85 кнѣго № 78—79.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 285 («въ заточеніи»); т. VIII, стр. 214 («въ заточеніи»).

²⁾ См. договоръ князей Ивана Андреевича и Ивана Васильевича—А. А. Э., т. I, № 70.

³⁾ П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 187: «и новѣхъ князь великихъ имать ихъ... казнити, бити и мучити и ковыи возочити по всему граду и по всѣмъ торгомъ, а послѣдъ новѣхъ имъ главамъ отсѣди; множество же народа, видяща сіа, отъ бояръ и отъ купецъ вслашихъ и отъ священниковъ и отъ престоихъ людей во мнѣхъ быше ужасъ и удивленіи... яко николи же таковоа ни слышаша, ниже видѣша въ рускихъ князехъ бываемо».

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 60. Князь Иванъ обязуется выдать в. к. Василію «ярмики старые на Суздаль и на Новгородъ на Нижней и на Городецъ и на все на Новгородское князеве», а новыи ярмики на приискаль. Рѣчь идетъ о старинныхъ ярмикахъ древнихъ великихъ князей Нижегородскихъ, а не «лантнытъ у крымскаго хана», какъ полагаютъ Экземплярскій (т. I, стр. 179).

пятидесятых годах, уже послѣ смерти Шемки, участвуетъ въ борьбѣ съ великими князьями во главѣ войскъ Великаго Новгорода¹⁾. И Вятку, служившую въ скитные годы источникомъ боевой силѣ Шемки, а к. Василій привелъ «во всю свою волю» посылкой на вятчанъ рати своей въ 1456—59 годах²⁾. Скудость источниковъ не даетъ полного представления о ликвидаціи смуты Василиемъ Темнымъ. Много въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ недоумовокъ и умолчаній о событіяхъ этой тяжелой поры. Но общій итогъ—ясенъ. В. к. Василій можно назвать едливодержцемъ въ предѣлахъ московско-владимірскихъ великокняжескихъ владѣній; верейская удѣльная вотчина князя Михаила Андреевича столь же мало нарушаетъ это едливодержавіе, какъ удѣлы князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича при Василии III и Иванѣ Грозномъ.

Опираясь на это ядро своихъ великокняжескихъ владѣній, Василій Васильевичъ укрѣпляетъ свою власть надъ Новгородомъ, Псковомъ и Рязанью.

Въ 1456 г. в. к. Василій поднялся за Новгородъ со всѣми князьими и воюводами и со множествомъ воинства за новгородское «леисирамленіе», что новгородцы у него не «въ послушаніи» и держатъ у себя «его лихоудѣль, вѣдѣвниковъ». Походъ принудилъ новгородцевъ къ покорному челобитью, уплатѣ контрибуціи великому князю «за его исток», и къ Ямскыиному договору, который въ опредѣленной формѣ восстановилъ принадлежность Новгорода къ составу великаго княжества³⁾. Новгородцы обязались держать великое княжество «честно и грозно» и «пошлять» великокняжескихъ не утаивать; эти пошлыны изложены въ особой грамотѣ, а наибѣйшимъ изъ нихъ: на грамотахъ Великаго Новгорода «печати великихъ князей великихъ», а свѣчныхъ грамотахъ не быти; восстановить великокняжескій судъ на Городищѣ—«отъ великихъ князей боярнѣ судью в отъ Новгорода боярнѣ», а если эти судьи разойдутся въ рѣшеніи, то колетъ дѣлу учинитъ великій князь съ посадникомъ, когда будетъ въ Новгородѣ; у наибѣстниковъ великаго князя суда не отникитъ, а въ Новгородѣ, и по его волостямъ судебные позовы исполнять должны вѣстѣ позовники великаго князя и новгородские; восстановить въ общей морѣ право великаго князя на «черный боръ»,—«когда прivedется взяти княземъ великимъ черный боръ»; «лиходѣбѣ» великаго князя, ворады въ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 213—216. По смерти отца князь Иванъ Дмитріевичъ Шемкинъ привалялъ изъ Новгорода во Псковъ и принять «за великою честию»: изъ Пскова онъ похваля въ Литву.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 147—148; т. IV, стр. 147—148; т. VI, стр. 181.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 143—147 («десять тысячъ рубль въ новгородичи въ серебромъ, а прѣчь «братинъ и бояръ своихъ»; т. IV, сер. 132 («полдѣсяти тысячъ рубль»); 217 («погъ девяти тысячъ рубль»); т. стр. 82 (тоже), стр. 271 («десять тысячъ»).

Новгородъ не принимать; Новгородъ князьмъ великимъ держать «въ старинѣ по помяну», какъ она опредѣляется въ статьяхъ договорныхъ грамотъ¹⁾.

Хитроспные своды почти не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ в несколько проведенъ на дѣлѣ уклонъ Ямезбичаго договора. Несомнѣнно, что они вызвали въ Новгородѣ большое раздраженіе и продолжительное броженіе; о полнотѣ и послѣдствительномъ ихъ исполненіи не можетъ быть, помянутому, рѣчи: въ 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать ямезбичскую великокняжескую «помяну». В. к. Василій только въ 1460 году поѣхалъ въ Новгородъ «о всѣхъ своихъ управлѣхъ»; положеніе было напряженнѣе: «новгородцы во сторожѣ жмша»; въ городѣ началось возмненіе: «шмшанин» пытался убить боярина Федора Басеика, а новгородцы подвизалась ничемъ за великаго князя и только архіепископу Іонѣ удалось съ трудомъ усвоить поднявшійся мятеж²⁾. Великій Новгородъ пережилъ веруку судорогу своей политической агоніи. Но какъ бы то ни было, возстановлена въ полной мѣрѣ принадлежность Новгорода и Пскова къ составу великаго княженія всей Руси: въ переговорахъ съ мѣщанин о перенесеніи съ волынскими городами рѣшающее опредѣленіе принадлежать в. к. Василію³⁾. И Псковъ искорѣ пытался усиленіе своей зависимости отъ великокняжеской власти: въ 1461 году великій князь прислалъ во Псковъ наместника своего, «а не по псковскому прошенію, не по старинѣ», и поклоны его приняи и посадиа на свое княженіе⁴⁾.

По отношенію къ Рязани не приходилось ставить сколько-нибудь острыхъ вопросовъ. Такъ обстоятельства сложились, что Рязанская земля оказалась въ полнотѣ управленія великаго князя, такъ какъ рязанскій в. к. Иванъ Федоровичъ передалъ передъ кончиной, постигшей его въ 1468 году, своего восьмилѣтняго сына и рязанское княженіе «на руку» и «на соблюденіе» в. к. Василію, который княжича взялъ къ себѣ на Москву, а управленіе Рязанской землей передалъ своимъ заклѣстникамъ⁵⁾. Недавняя поднимая

¹⁾ Ямезбичій договоръ наложенъ въ двухъ грамотахъ.— А. А. З. т. I, № 57 и 58. Первая содержитъ новгородскую редакцію договора, а вторая то, за что «писанъ послове отъ Великаго Новгорода», т. е. требованіа великаго князя, принятыя новгородцами. В. к. Василій новгородское челобитіе принялъ «и миръ имъ приключи, пошлывъ и оброки великому князю по старинѣ»; приводить ихъ во краткомъ изложеніи Задига, помянутому, в. к. Иванъ Васильевичъ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 217); впрочемъ, Никоновская хитроспись не называетъ его, а сообщаетъ только, что в. к. Василій «посла бояръ своихъ въ Новгородъ и привелоса весь Новгородъ къ изловленію» (т. XII, стр. 111).

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 219; т. IV, стр. 127, 148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 182; т. XXIII, стр. 156.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 320.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 221.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112.

«старина» отношений сохранилась только между Москвою и Тверью. Но и ее пришлось восстановить после периода тѣсной связи Твери съ Литвою, и договоръ между великими князьями Васильемъ Васильевичемъ и Борисомъ Александровичемъ, заключенный въ серединахъ пятидесятыхъ годовъ XV вѣка, утверждаетъ полное ихъ единичество «на татаръ и на литву и на литву и на рѣцѣ», а «великое княжение, Москву и Новгородъ Великий» признаетъ «дочинной» в. к. Василія и его дѣтей; однако, в. к. Борисъ не призналъ Василія Васильевича «старѣйшимъ» себя братомъ: ихъ «братство» къ этому договору—равное ¹⁾; возвратъ во временахъ Донского, къ условиямъ договора 1375 года былъ еще невозможенъ. Большиимъ успѣхомъ было уже то, что Тверь, было вовсе отомедная «въ сторону» литовско-русского государства, снова прикнула къ великорусскому великому князю. Этотъ Москва была обязана не столько возрожденію собственной силы, сколько внутреннимъ ослобощеніемъ Речи Посполитой; западными отношеніями Велико-россія держалась на томъ условномъ и неустойчивомъ, по существу, равнѣсіи, какое было установлено въ 1449 году договоромъ между в. к. Васильемъ и Казиміромъ Ягеллончикомъ, хоть онъ во многомъ былъ уже нарушенъ ²⁾. Втеченіи тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ Велико-россія фактически не знала зависимости отъ Золотой Орды. Не съ нею, не съ ея ханами приодилось считаться в. к. Василію, а съ Казанью и съ Седя-Ахматовъ, ханомъ ордъ Саянъ и Ногайской. Казанское царство только устранилось за новыи мѣсты и сравнительно мало тревожило русскіе предѣлы; источниками наши не даютъ свѣдѣній о томъ, какъ сложилась отношенія между Москвою и Казанью при Махмутѣ, но, повидному, тяжкія обязательства, принятыя на себя великимъ княземъ не перешли съ отца на сына, а организація Касимовскаго царства для враждебнаго Махмуту Касиму служила противоясіемъ казанскимъ набѣгамъ. За то Седя-Ахматъ часто беспокоилъ Москву разбойничьими набѣгами. Оборона южной границы становится существенной задачей великокняжеской власти; практика, наредив-

¹⁾ Ср. выше, на стр. 220—222; С. Г. Г. и Д., т. I, № 76—77.

²⁾ А. З. Р., т. I, № 50. Великіи князья заключили въ августѣ 1449 г. «личное доповѣчанье» о союзѣ на великомъ кружку, особенно о совместной оборонѣ границъ отъ татаръ; в. к. Василій титулуется «княземъ великимъ Московскимъ и Новгородскимъ и Ростовскимъ и Пермскимъ и инымъ», получаютъ обѣщаніе Казимира не вступаться въ Новгородъ и Псковъ и во вся воегородскія и псковскія мѣста, не принимать новгородцевъ и псковичей, если тѣ и сами будутъ «даваться» королю; но обѣщать и самъ за нихъ не вступаться, если они въ чемъ королю «сгубить»: «король самъ съ нами вѣдѣется, только «обославъ» съ в. к. Васильемъ, какъ и Казимиръ обѣщаетъ не вступаться за нихъ противъ Москвы; то же относительно рязанскаго князя; в. к. Василій зовутъ въ сферу своего вліянія и «верховскіи князья», которые, по поддѣйшему выраженію Ивана III «оужаши на обѣ оторожи»: «зюди въ договоръ условіи, что ихъ давать въ Литву, что прежде давали, а больше того королю «не примышляти».

шався при Донском, выдвигать къ Оку observationalный отрядъ и держать на чеку достаточнымъ боевымъ силами для отражения татарскихъ нападений становится все болѣе насущной, какъ и оборона Рязанской укрывим; тотъ дается съ трудомъ и слагается постепенно въ рядѣ горькихъ неудачъ ¹⁾.

Такъ опредѣляется положеніе и насущная задача великокняжеской власти къ концу жизни и княженія в. к. Василія Васильевича. Ядро его владѣній, основная территориальная база великокняжеской власти—московско-владимирскій центръ Великороссіи слагается въ Московское государство, семейную вотчину великокняжеской семьи. Это явленіе выступаетъ въ духовной грамотѣ Василія Темнаго, составленной не задолго до кончины, достигшей его въ мартѣ 1462 года, съ характерными чертами своеобразнаго компромисса между старинной и новыми условіями политическаго быта. По формѣ—передъ нами традиціонный семейно-вотчинный отцовскій «рядъ». Опредѣленіе семейныхъ отношеній вполнѣ на почвѣ прежней старинны и пошлывы. Сыновья великаго князя—Иванъ, Юрій, Андрей большой, Борисъ, Андрей меньшой—«приказаны» матери, в. к. Марьи Ярославны съ заставленіемъ: «а вы, мои дѣти, живите за одну, а матери своей слушайте во всемъ, въ мое мѣсто, своего отца», и далѣе: «а вы, дѣти мои, слушайте своей матери во всемъ, а цѣль еѣ воли не выступайте ни въ чемъ, а который сынокъ мой не иметъ слушати своей матери, а будетъ не въ еѣ волѣ, на токъ не буди моего благословенія».

Но владѣльческое положеніе великокняжеской семьи существенно измѣнялось. Духовная в. к. Василія Васильевича завершаетъ славные московской вотчины съ территоріей великаго княженія, и къ ей содержанію данъ весьма условно пріимчиво представленіе объ удѣльно-вотчинномъ раздѣлѣ; вѣтъ въ ней и формулы: «а се есмь нѣя родѣтъ учинилъ».

¹⁾ Въ 1442 г.—походо бояръ князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтвева съ дворомъ великаго князя по вѣстанкѣ о приходѣ царевича Мустафы на Рязань; въ 1448 великій князь самъ выступаетъ въ Муромъ противъ Улу Махмета (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. III); послѣ катастрофы съ лѣвнымъ великимъ княземъ, набѣгъ казанскихъ татаръ на Владимиръ и Муромъ (недолгосаевое вѣдѣніе—т. VIII, стр. 121; т. XII, стр. 73)—въ 1448 г.; въ 1449 «скорые татарове» Седа Ахмата отбѣгли Каспимомъ; тотъ же царевичъ съ воеводой Безубицкимъ идетъ по вѣстанкѣ о набѣгѣ Малми-бердѣя и побиваетъ его на Ветникѣ; в. к. Василій стоитъ тогда въ Коломенѣ; на бѣгъ Мазовца, Седа Ахметовича, подѣ Москву; великій князь выступилъ было къ Коломенѣ, «не успѣвъ собраться», но оставить набѣга не удалось (т. VIII, стр. 122—124); въ 1454 г. воевода Ошера съ Коломенской ратью не удержалъ на Оку набѣга другого Седа Ахметовича Салтана, и только выступленіе самого великаго князя съ большими силами обратило татаръ въ бѣгство; въ слѣд. году новый набѣгъ—ратѣ великаго князя гонять татаръ за Оку; въ 1459 в. к. посмываетъ «къ берегу» сына Ивана, и оны не «перодустилъ» татаръ за Оку (митр. Йона по этому случаю соорудилъ ковуу церковь); въ 1461 г. в. к. Василій съ сыновьями стоитъ во Владимирѣ «за вѣкую куду валамякую тогда отъ Казани», готовится къ наступленію, но дѣло кончилось миромъ—П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 144, 147, 149; т. VI, стр. 180; т. V, стр. 272.

Старшіи снзъ Иванъ Васильевичъ получаетъ по благословенію отца «отчину—великое княженіе», причѣмъ территория Владимірскаго великаго княжества уже не отлчается отъ великокняжескаго «удѣла» въ московской вотчинѣ. Именья владѣнія в. к. Ивана тутъ такъ перечислены: треть въ Москвѣ, Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичь, Устюгъ, Вятская земля, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соля, Боревскъ, Суходолъ, Казуга, Алексинъ—все съ волостями, путями, селами и со всѣми цогликами. Такой составъ территории—не имѣтъ прощлаго. Нѣтъ основаній называть ее «удѣломъ» старшаго сына, великаго князя. Это—вотчина государя князя великаго, рядомъ съ которой стоятъ, однако, удѣлы его младшихъ братьевъ¹⁾.

Этихъ удѣловъ четыре. Юрій получаетъ Дмитровъ, Можайскъ, Медвнъ и Серпуховъ, да рядъ волостей сверхъ уѣздовъ этихъ городовъ; Андрей большой получаетъ Угличъ, Бѣжекинъ Верхъ и Звенигородъ; Борисъ—Рязань, Воюокъ и Рузю; Андрей меньшой Вологду съ Кубенскими и Заозерскими волостями. Надѣленіе княземъ дополнено дачей смысловыиъ отдѣльныхъ селъ и волостей, какъ «отъѣзжихъ» владѣній, в утвержденіи за ними земель, какія имъ роздала по своей духовной в. к. Софья Ватютовна, а за Юріемъ всего, что назначила ему мать серпуховскаго князя Василія Ярославича, Марья Федоровна Голтнева; вдовствующая великая княгиня получаетъ въ поморское владѣніе Ростовъ и нѣсколько селъ и волостей въ разныиъ уѣздахъ и сохранила свои купли—городокъ Романовъ и накупленные ею села въ опричнину. Получилась чрезполосица владѣній, которая вызвала и разъясненіе, что какъ великая княгиня держитъ судомъ и данью всѣ свои села и волости, такъ и по отношенію ко князьямъ «того и судъ надъ тѣми селы, коку дано»—«въ чьемъ удѣлѣ имъ буди».

Москва-городъ въ сложномъ раздѣлѣ по годамъ: треть в. к. Ивану; Юрію—«годъ на Москвѣ», что былъ Константинъ Дмитріевичъ; да «еще, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ большимъ («по половникамъ», а держати по годамъ») треть бывшая Владиміра Андреевича; Борису «годъ» князя Ивана Можайскаго; Андрею меньшому «годъ» князя Петра Дмитріевича; а въ московской тамтѣ—треть в. к. Ивану, а двѣ другія трети «по половникамъ» Юрію съ Андреемъ большимъ и Борису съ Андреемъ меньшимъ, при удѣлѣ имъ всѣхъ третьей половины дохода въ поморское пользование великой княгини-матери. Выморочности удѣловъ духовная не предусматриваетъ; этотъ целотный вопросъ обойдетъ, быть можетъ, сознательно, но сохраненіе возможности частичнаго передѣла властью матери, въ случаѣ утраты князь-либо изъ смысловой части его владѣній, свидѣтельствуетъ о живучести традиціи

¹⁾ Эта двойственность призываетъ сказать, что характерная особенность духовной Василія Тихаго—отсутствіе дальности въ ея правовомъ содержаніи: порядками тапчмнй памятникъ переходнаго историческаго момента.

семейно-вотчинного владѣнія по удѣламъ ¹⁾. Черту преобладанія семейно-владѣльческихъ понятій надъ политическими-государственными можно усмотрѣть и въ статьѣ духовной грамоты, гдѣ вдова-княгиня и сыновья Иванъ и Юрій съ меньшими братьями «приказали» королю польскому и великому князю литовскому Казимиру на его «печалование» ²⁾.

Построеніе междувѣковыхъ отношеній московской семьи въ духовной Васаціи Темнаго представляется болѣе традиционными, чѣмъ соотвѣтствовало бы действительному положенію дѣлъ въ великомъ княженіи. В. к. Василій опредѣляетъ за ново и вѣдь обычной традиціи удѣлы сыновей и провѣвелъ, притомъ, не столько раздѣлъ между ними общей вотчины, сколько выдѣлъ изъ долей изъ общаго комплекса великокняжескихъ владѣній, основная масса которыхъ осталась въ непосредственной власти великаго князя. Эта духовная писала въ такой моментъ, когда историческія судьбы Великороссіи ребромъ ставили вопросъ сохранится ли семейно-вотчинный укладъ владѣнія и княжескія отношенія при все возраставшей потребности въ единой власти. Быть можетъ, съ особой заглядностью внутренняя несогласованность тенденцій этого «ряда» выступаетъ въ ея установленіи порядковъ сбора дани. «А какъ почутъ, читаемъ тутъ, дѣти мои жьти по своимъ удѣломъ, и моя княгиня, и сынъ мой Иванъ, и мой сынъ Юрій и моя дѣти пошлютъ писцовъ, да удѣлы свои писцы изъ опшутъ и крестьяномъ дѣлованью, да по тому писму и обложатъ по сохамъ и по людямъ, да потому окладу моему княгиня и мои дѣти и въ выходы учнутъ давати сыну моему Ивану со своимъ удѣломъ». Если не упускать при этомъ изъ виду, что московская Русь фактически весьма мало ощущала на себѣ ханскую власть за послѣднее десятилѣтіе, такое упорядоченіе дѣлъ ошеск и обложенія покажется крупнымъ шагомъ къ устроенію фиксированнаго хозяйства великаго княжества. Однако, сборъ дани, по старому, связанъ только съ уплатой татарскаго выкупа, и связанъ съ предположеніемъ, что если «Богъ премилитъ Орду», то прекратится ея поступленіе въ казну великаго князя; не даромъ и перепись производится «словими писцами: каждаго князя». Попытка упорядочить дѣло обложенія какъ бы предвзвѣчена только на обезпеченіе удѣльныхъ доходовъ, ибо «демувача дань» и дѣль вымирала, вырождались въ «татарскіе проторы», какъ статью великаго княжескаго расходовъ.

Такой же старинной, не жизнеспособной и, по существу, устарѣло представляются статьи объ удѣльномъ передѣлѣ. Относятся ли ея къ изъ

¹⁾ «а по грѣшномъ у втораго у моего сына вотчинъ стойнется, и княгиня моя умретъ у своимъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину поповити, а дѣти мои изъ ее воли не змнутъ».

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 66 и дополнителная „принесенная грамота“, № 8 „приказъ“ Казимиру основанъ на древней „дополнительной грамотѣ“—А. З. Р., т. I, № 9

дѣйствіи великаго князя въ томъ смыслѣ, что мать князя право «уничтожать и изъять для восполненія потергавшей ущербъ вотчинны удѣльнаго князя? Вопросъ этотъ не могъ не стать спорнымъ при первомъ поводѣ. А за нимъ—другой вопросъ: о соотношеніи материнской власти и значенія ея старшаго сына, князя великаго, т. е. о всемъ строй московской владѣтельской семьи. По духовной Василія Темнаго, какъ впрочемъ и ратье по духовной Донского, это семья двуглавая. Рядомъ съ предписаніемъ не въ чемъ не выступать изъ воли матери и слушать ее «въ нѣсто своего отца» стоитъ другое: «читать и слушать своего брата старѣйшаго Ивана въ мое нѣсто, своего отца».

Этотъ старшій сынъ великаго князя съ малолѣтства самъ князь великій, соправитель отца. Но въ такомъ дѣйствиіи в. к. Василій, видимо завѣщанномъ азиатскіи прикѣрама закрѣпленія преемства на престолѣ путемъ пріобретенія преемника въ власти въ формѣ соправительства, нѣтъ еще опредѣленной связи вотчинныхъ преданій о семейномъ владѣннн идея преемства въ государственной, политической власти. В. к. Василій не въ силахъ освободиться отъ традиціонныхъ предостереженій и въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, не свободны отъ нихъ пережиткомъ династическія конкиты и позднѣйшей самодержавной монархіи. Не великокняжескую власть кривообдѣляетъ онъ изъ путь семейно-владѣльческой традиціи, а только укрѣпляетъ вотчинное право на эту власть за личной своей семьей, за своимъ потомствомъ. Въ договорахъ онъ укрѣпляетъ свою «вотчину великое княженіе, Москву и Новгородъ Великій»—«подъ своими дѣтьми», в. к. Иваномъ и подъ княземъ Юрьемъ и подъ меньшими своими дѣтьми», и добивается, по возможности, отъ владѣщихъ князей, чтобы она являлась не только его, князя великаго, старѣйшимъ братомъ, но сыновей—Ивана и Юрія и дѣвчатъ дѣтей его «являла себѣ братьемъ старѣйшемъ и держала изъ «честно и гровою»¹⁾. Побѣду надъ удѣльными дробленіемъ власти предстояло завершить въ нѣдрахъ самой великокняжеской семьи.

II

Въ правительственной дѣятельности московской великокняжеской власти связь Василія Темнаго Иваномъ III только внѣшній моментъ, не нѣлазній по существу ея теченія въ прикитомъ направленіи. В. к. Иванъ Васильевичъ завершаетъ собираніе власти и перестройку внутренннхъ отношеній Московскаго государства на новыхъ основаціяхъ, завершаетъ и политическое объединеніе Великороссіи, оставляютъ преемниковъ вотчинны на всѣхъ государствахъ Московскаго царства.

Началъ Иванъ III съ пересмотра положенія Верейскаго и Ярославскаго княженій, но повелъ его съ неспѣшной постепенностью. На первыхъ

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 76—79.

порахъ оны возобновилъ съ двоюроднымъ дядей, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, договоръ, утверждавшій за нимъ то положеніе, какое опредѣлено соглашеніями Василія. Въ этой грамотѣ Михаилъ призналъ старѣйшими себя двухъ племянниковъ, в. к. Ивана и князя Юрія, а равнымъ—третьего Васильевича Андрея; утверждены за нимъ—его вочича Верея и Вѣлозеро, и великокняжеское пожалованіе Вышгорода съ придачей отъ в. к. Ивана нѣсколькихъ волостей. Весьма характерно, что дѣловая сторона этой грамоты тѣмъ опредѣлена въ надписи на ея оборотѣ, что она «была дава ему послѣ живота великаго князя Василія Васильевича на Вышгородъ», т. е. назначеніе такой «грамоты докончальной» служить жалованной грамотой. Но она скорѣй подверглась перекресту. Михаилъ Андреевичъ вынужденъ «отступиться» в. к. Ивану Вышгорода со всѣми волостями, вышгородскими и придавыми къ нему по первой грамотѣ, всего того, что великіе князья пожаловали изъ «своей отчины» ему «въ вочичу и въ удѣлѣ»¹⁾. Но и этотъ второй договоръ не замедлилъ подвергнуться важнѣйшимъ поправкамъ, въ которыхъ положеніе князя Михаила значительно понижено: теперь оны «подъ всею братьею великаго князя въ молодшихъ»²⁾. Затѣмъ лѣтъ на двадцать князь Михаилъ оставалъ въ покоѣ. Но въ 1482 году у него снова взяли обратно послѣднюю договорную грамоту³⁾. Настала пора новыхъ рѣшительныхъ шаговъ къ ликвидациіи остатковъ удѣльно-вочичнаго строя; настало время опредѣлить положеніе младшаго поколѣнія. Рядомъ съ отцомъ выступаетъ великимъ княземъ Иванъ молодой; рядомъ съ княземъ Михаиломъ его сынъ Василій. Новый договоръ сообщаетъ, что князь Михаилъ отдалъ великому князю свою

¹⁾ Первый договоръ—С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 90—91; на экземпляръ князя Михаила надпись: «а ся грамота докончальная зята у князя у Михаила Андреевича что была дава ему послѣ живота великаго князя Василія Васильевича на Вышгородъ, вое того дѣла и вѣча, а лежала у Филиппа митрополита». Имя Филиппа показывается, что замѣна произошла послѣ 11 ноября 1466 года—дата поставленія Филиппа на митрополию. По его благословенію и за его подписью писанъ второй договоръ—№ 92: «и ты мой брате, говорить въ земь великій князь Михаилу про уступку Вышгорода и волостей, тое мое отчимъ отступился мнѣ самъ со всѣмъ, съ тѣмъ, какъ ты былъ пожалованъ отецъ мой князь великій, да и лѣтъ князь великій».

²⁾ Третій договоръ—тамъ же, № 93—94. На № 92 надпись: «докончальная князя Михайлова, коли отдалъ Вышгородъ, вое у него зята, а новая ему дана, что оны подо всею братьею великаго князя въ молодшихъ». А въ № 93 про младшихъ братьевъ в. к. Ивана сказано, что ны князь Михаилъ держать «собѣ братьемъ же молодшихъ». На № 94 надпись: «князя Михайлова Андреевича послѣдняя, что написанъ подо вою братьею великаго князя»; нѣсто этой надписи—на оборотѣ грамоты № 93. Въ грамотахъ № 91—94 Михаилъ называется в. к. Ивана «господицею и братъ старѣйшія».

³⁾ Надпись на грамотѣ № 93: «лѣта девятидесятого князя ѿ ся докончальная князя Михайлова зята у митрополита у Героантея»—относится къ грамотѣ № 94.

отчину Вязоозера «и грамоту свою на то ему дать», но сохранить повинное владѣніе Вязоозеромъ; по смерти Михаила Вязоозера переходить къ великому князю или его сыну, кому великій князь его отдасть, а князю Василію Михайловичу въ эту вотчину не вступаться, ни поднимать ея некоторою хитростью¹⁾. Въ 1484 году князь Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Литву: великокняжеская ограда постигла его въ сѣмги съ ослобвѣніемъ дворниковъ отношеній посаѣ второго брака в. к. Ивана, а князь Василий былъ въ нихъ залутанъ по своей женитьбѣ на Маріѣ Андреевнѣ Палеологъ, племянницѣ в. к. Софьи Витовтовны²⁾. Иванъ Васильевичъ шлеть за то на свое имя Вереву, которую отецъ, мако полагаютъ, отдалъ кн. Василию послѣ его женитьбы, в хотѣ отдасть ее Михаилу Андреевичу, однако уже, какъ свое, а не его отчину, въ пожалованіе и, притомъ, лишь поименовано: уничтожено и вотчинное право князя Василія въ остальныхъ владѣніяхъ Михаила, на долю въ Москвѣ и на Ярославцѣ—гѣмъ, что Михаилъ «послѣ своего живота ту свою вотчину всю далъ великому князю». Такъ обезпечена къ моменту кончины князя Михаила инкорпорация всего его удѣла-вотчины въ составъ непосредственныхъ великокняжескихъ владѣній³⁾.

Передъ кончиной, которая востыгла его 9 апрѣля 1486 года, князь Михаилъ Андреевичъ приказалъ составить духовную грамоту и прописать въ ней, что благословляетъ господина своего, в. к. Ивана Васильевича своею отчиною-жеребьемъ въ Москвѣ и Бѣлмыъ озеромъ, а также Ярославцѣ съ сѣлами и слободами, кромѣ тѣхъ, какія далъ въ церковь на поминъ души или роздалъ въ куплю своимъ боярамъ, а про Вереву не стелъ нужными упомянуть. Грамота эта была представлена ближайшимъ боярникомъ князя Михаила княземъ Василіемъ Ромодановскимъ в. к. Ивану и подверглась по его приказу передѣлкѣ. Князь Ромодановскій вернулъ къ

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 113—114; грамоты датированы 4 апреля 1480—1482 года. За князьями Михаиломъ и Василиемъ удержана оставшая имъ вотчина—Вереву и Ярославцѣ. Ярославцѣ не упоминается въ прежнихъ договорахъ; поименованъ, Ярославцѣ веремелью ко князю Михаилу въ сѣмги съ его жемитой въ Бѣлмыъ Ярославѣ, князь сардуковской (Окземпирскій, т. II, стр. 307); не были ли она въ ея поименованіи владѣніи? Она умерла раньше мужа, князьство, напротивъ, когда. Присоединеніе Вязоозера къ владѣніямъ великаго князя наименовано «куплю» Калеты, по единственной упомянутой договоромъ компенсація князю Михаилу за эту «уступку» въ общаѣи в. к. Ивану Михаилу «съ той отчиною Вязоозера душу его поминати».

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 325; т. XX, ч. I, стр. 350.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 118. О Веревѣ: «в что лѣтъ, князь великій, пожаловалъ тебѣ своею отчиною Вереву съ волостями и съ отѣлькими мѣстами, что вѣлеть есмь въ своей вѣлѣ у твоего омыа и князя Василия, и то все тебѣ, князю Михаилу, держати за собою до своего живота»; при статьѣ о Московской долѣ и Ярославцѣ упомянуто о томъ, «что напередъ сего далъ еси мѣѣ великому князю своею отчину Вязоозеро», и повелѣвъ итогъ: по смерти Михаила «та вся его вотчина» — великому князю.

Михаилу Андреевичу съ другимъ «спискомъ», какой составили московскіе дьяки, и повелѣиель «по тому духовная писати». Тутъ о Блгородѣ сказано не «благословилъ своею отчиною», а «благословилъ дать еси ту свою отчину... при своей животѣ»; о московской жребинѣ и Ярославцѣ также: «благословилъ дать ту свою отчину всю послѣ своего живота» и добавлено подтвержденіе о Вереѣ, что ея великій князь пожаловалъ князя Михаила, какъ «своею вотчиною», въ помилненное держаніе, а по его смерти та вотчина великаго князя «со всѣхъ его в естъ»¹⁾.

Такъ московскіе дьяки, по указанію своего великаго князя, тщательно вытравляли изъ духовной князя Михаила даже вышнія черты «свободнаго» завіщательнаго распоряженія, которыя в такъ не соотвѣтствовали подлинному положенію дѣлъ и отношеній. Князь Михаилъ въ формѣ духовной грамоты лишь закрѣпляетъ актъ передачи всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ великому князю, который по существу произошелъ въ познвой мѣрѣ по прежнимъ изъ договорамъ. И передача этихъ правъ по договорамъ, вынужденная великокняжеской властью, такова, что ставитъ въ крайне несправедливое положеніе всѣ пожалованія и отчужденія князя Михаила; перечисляя ихъ въ своей духовной онъ сопровождаетъ перечень оговорками: «а будутъ тѣ села и деревни надобны моему господину великому князю, великій князь дастъ за нихъ пожалованнымъ деньгами или дастъ «въ тѣхъ земляхъ мѣсто свои земли». Успеніе великокняжеской власти все углубляло ея земельвладѣльческую полноту, къ которой только и приравнивало, по настоящему, выраженіе о «собораніи земли». Приѣхъ округленія непосредственныхъ владѣній великаго князя по отношенію къ мелкимъ земельнымъ

¹⁾ Первыя «списокъ» духовной князя Михаила—не издавъ; хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М-ства Иностр. Дѣлъ (Государственнаго Дрездектрансляцїи, отдѣлъ I, рубрика I, № 26) съ надписью: «списокъ съ того списка духовныхъ, что былъ князь Михайло Андрѣевичъ прислалъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ, а хотѣлъ такую духовную писати, и князь великаго тогъ списокъ велѣлъ перечисляти». Московская редакция, данная Ромодановскому, тамъ же, за № 28, съ надписью: «такоу списокъ послалъ со княземъ съ Васильемъ съ Ромодановскимъ по князю къ Михаилу къ Андрѣевичу, а велѣво по тому духовная писати». Кроме указанныхъ въ текстѣ въ Москвѣ не одобренъ иъ которыхъ другіе особенности перваго «списка». Такъ отброшена при «благословеніи» Ярославцемъ оговорка о селатъ «опроче тѣхъ, которые еси далъ по своей души и которыми пустоши ного буду пожаловалъ дать въ куплю»; взяты изъ текста подробное изложеніе прижитвенныхъ и посмертныхъ распоряженій разныи недвижимымъ и движимымъ имуществомъ и перечень долговыхъ обязательствъ, по которымъ расчесть поручитъ великому князю, а сохранены только ихъ суммарный перечень съ указаниемъ наosome «списка» за подписью князя Михайлова духовника и печатанна Ивана. Со списка, посланнаго съ Ромодановскимъ, писана духовная князя Михаила—С. Г. Г. и Д., т. I, № 121; приложение къ ней составляетъ упомянутые выше списки «списки», сохранившаяся часть которыхъ издава тамъ же, подъ № 122, подъ заголовкомъ: «восемь духовныхъ грамотъ князя Михаила Андрѣевича Вереяскаго».

единица—селанъ и деревнянъ путемъ обиха и купля былъ весьма обыченъ. Великій князь «хънягъ» села съ митрополитомъ и князьями князьими по своему усмотрѣнію, предававшему обиху характеръ принудительнаго; такъ и въ духовной Василія Темнаго читаемъ: «а воспочесть мой сыгъ Ивагъ у своего брата у Юряи хънѣннѣ Коломенскія села, и сыгъ мой Юряи тѣ села ему промѣннѣ, а Ивагъ сыгъ хънѣннѣ у своего брата тѣ села, а его не зобидитъ». Вырожденіе «удѣльнаго» владѣнія—во времена Василія Темнаго и Ивана III—въ обладакіе пожалованіи на всей волѣ великаго князя ставило ребромъ вопросъ о томъ, насколько сохранится при сибѣ хъстной вотчинной княжой власти столь же вотчинной непосредственной великокняжеской властью устойчивое преемство или распоряженій, и удѣляютъ ли отъ юнкъ правовые акты, совершенные первой изъ книгъ. Князь Михаилъ Андреевичъ заботится о томъ, чтобы князь великій «судомъ его не посудилъ» и въ его даняхъ и пожалованіи везельныи «не вступался» и изъ «не порушмъ», но плохо надѣется на добрую волю новой власти, отъ усмотрѣній которой всецѣло зависитъ рѣшеніе этихъ вопросовъ.

На мѣстныхъ вотчинныхъ княжествахъ надлегалась подлинно грозная власть. Ея приемы и свойства ярко сказались въ шестидесятыхъ годахъ на ликвидациіи вотчинныхъ владѣній ярославскихъ князей. О ней мы узнаемъ, къ сожалѣнію, только по горькой записи хъстного княжнина-гѣтовисца, который—похъ 1468 годомъ—приписалъ въ извѣстію объ обрѣтѣніи мощей ярославскихъ князей-чюдотворцевъ: «сіи бо чюдотворцы явшаися не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ, проталася со всѣми своими отчичами на нѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильичу, а князь великій противъ ихъ отчичы подавалъ ихъ волости и села, а изъ старымъ печаловалася о нихъ князю великому старому (т. е. Василію Темному) Алексѣй Полуектовичъ, дѣякъ великаго князя, чтобы отчича та не за ними была». Силъъ такимъ приекомъ, который близко напоминаетъ «пересмотръ земель и людей» Иваномъ Грознымъ, верхній слой хъстной «старинныи, великокняжеская власть глубже вступаетъ въ перестройку хъстныхъ порядковъ и отношеній: «а послѣ того, продолжаетъ тотъ же гѣтовисецъ, въ томъ же градѣ Ярославѣ явися новый чюдотворецъ Юванъ Агазовичъ Сущей, соаратаи Ярославской земли; у кого село добро, нѣкъ отпалъ; а у кого деревня добра, нѣкъ отпалъ да отпалъ на великаго князя ю, а кто будеть самъ добръ, бояринъ или сыгъ боярскій, нѣкъ его самого завесалъ». Круто берется московская власть за подчиненіе своимъ потребностямъ земледѣлія и личнымъ слугъ годнаго въ службу населенія. И хъстный обыватель-княжнина доходитъ до кощунственной глѣзной провѣи по адресу московскаго боярина-земствника: «а нмъгъ его чюдеса множество не можно аписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дѣявогъ»¹⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XLIII, стр. 156

Въ семидесятихъ годахъ пришелъ чередъ на ростовскихъ князей. Они, подобно князьямъ ярославскимъ, давно сошли на положеніе служилыхъ князей, бывали великокняжескими воеводами и наместниками, но еще княжили на вотчинной своей «половинѣ Ростова»; въ 1474 году они продали ее «со всѣхъ» в. к. Ивану, а сынъ продалъ новый своей прихвостель матери, которая владѣла другою половиною Ростова во духовной Василия Темнаго¹⁾.

Ростецъ вотчина великаго князя, поглощая мелкія вотчины удѣльнаго князя. Крѣпнеть и обобщается непосредственная его власть надъ территоріей и населеніемъ южнокосовско-владимірскаго великаго княжества; строится Московское государство. Но въ самой великокняжеской семьѣ еще живы удѣльно-вотчинныя возрѣшья и отвошевія.

Съ братьями Иванъ III, повидимому, не заключалъ договоровъ «у отня гроба». Но въ сентябрѣ 1472 года умеръ Юрій Дмитриевичъ—безъ потомства (сынъ и женатъ не былъ). Вопросъ о судьбѣ его удѣла поднялъ острья разногласія. Впрочемъ, возникли они еще при жизни Юрія. До насъ дошла духовная этого князя; онъ въ ней, понятно, не упоминаетъ о своей удѣлѣ, который не подлежалъ завѣщательному распоряженію, а распределяеть села и деревни и движимость свою между матерью, братьями и сестрой, назначаетъ раздачу въ монастыри и боярамъ, перечисляетъ подлежащее уплатѣ долги²⁾. Ко времени передѣла кончины Юрія относятся текстъ договора Андрея большаго съ в. к. Иваномъ; въ его текстѣ обращено особое вниманіе на условія владѣнія московскими третями, на отношеніе къ городскому населенію и къ «численнымъ» людямъ. По духовной Василия Темнаго одна изъ московскихъ третей дала была князю Андрею большому совѣстью съ Юріемъ. Въ договорѣ видны подтвержденіе передкомъ вѣдалья городовъ съ преобладаніемъ великокняжескаго управленія, при охранѣ правъ младшаго брата на долю дохода; видны «блюдене съ одного» торговыхъ и всѣхъ городскихъ людей; и тутъ же возстановленіе «блюденъ съ одного» всѣхъ численныхъ людей съ завѣтомъ покупать ихъ земли, а кто изъ князей прозвездъ такіа покупки у черныхъ людей, а также у слугъ, которые подъ дворскими, не вѣдѣя на то особыхъ великокняжескихъ грамотъ, должны ихъ вернуть въ тѣло по старинѣ³⁾. Эти черты договорной грамоты свидѣтельствуютъ о недоразумѣніяхъ между

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 180. Въ духовной Василия Темнаго: „а княгинѣ своей дамъ Ростинъ и со всѣхъ, что къ нему пошло, и съ сама оубоми до еѣ живота; а князя ростовскіа что вѣдали при мнѣ, ара залкомъ князѣ, оно по тому и держати и при моей княгинѣ; оубъ оботачельствахъ перехода къ залкому князю этой половини Ростова хѣтъ вѣстѣйя.“

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 96.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 96; договоръ сохранился только въ видѣ неутвержденнаго списка грамоты отъ князя Андрея; возможно что, это только просятъ не состоявшагося договора.

князьями по соматичию Москвою и по дѣламъ служивымъ и тяглымъ людемъ; составляетъ текстъ договора «по слову» явствующей княгини-матери, т. е. при ея посредничествѣ между сыновьями. Въ 1473 году и. к. Иванъ уже заключаетъ договоры съ братьями по поводу удѣла князя Юрія—въ февралѣ съ Борисомъ, въ сентябрѣ съ Андреемъ большимъ¹⁾, которыми этотъ удѣлъ укрѣпляется въ мериандильномъ владѣніи великаго князя. Такого результата была достигнута не безъ труда. Лѣтописецъ отъицалъ губить братьевъ на великаго князя, «что имъ не даде въ удѣлѣ жребіи въ братѣхъ во князи Юрьевѣ», и домогательство такого раздѣла не закончилось съ ихъ стороны на договорахъ 1473 года, не смотря на то, что иъ некоторую конвѣрсацію оны, все таки, тогда же получили: за князю Борисомъ утверждено великокняжеское пожалованіе на Вышгородъ, «какъ было на жалуетъ за Михаиломъ», а великая княгиня Марія дала Андрею большому свое купли—городокъ Романовъ да земля въ устьяхъ Шексы и «колодезь солемый» въ Ростовѣ.

Вопросъ о князи Юрьевѣ вочичѣхъ приобрѣлъ особую остроту въ связи съ рядомъ другихъ, точнѣе—съ общими пересмотромъ положенія великокняжескихъ братьевъ въ создавшемся Московскомъ государствѣ. Одолѣвая рядъ внутреннихъ сопротивленій, великокняжеская власть все болѣе выдѣляетъ своего носителя изъ сенинскихъ связей; «возносить» его надъ членами семьи, надъ братьями, надъ матерью.

Въ договорахъ Ивана III нѣтъ уже тѣхъ колебаній терминологіи и понятій, которыя въ грамотахъ его отца еще сохранили видимость положенія великокняжескихъ владѣній въ ряду удѣльныхъ владѣній московскаго княжескаго дома. Тутъ удѣлы «братъ молодшеи» опредѣленно стоятъ рядомъ съ вочичной великаго князя—князьемъ великимъ—и особо отъ нея²⁾. Отстраняя отъ какихъ либо притязаній на великокняжескія владѣнія боковыя лѣнія княжескаго дома возвышались надъ ними всѣхъ своихъ братьевъ, я. к. Иванъ, въ то же время, послѣдовательно закрѣпляетъ предстельніе о вочичныхъ правахъ своего потомства—сына Ивана и другихъ дѣтей, какиѣ ему Богъ дастъ. А старшіи его сыны уже въ саяздостныхъ годахъ—князь великій, старшіи братъ для дѣтей Андрей, Бориса³⁾. И въ со-

¹⁾ Тамъ же, №№ 97—98, 99—100. На договорѣ № 98 надписи: «князи великаго съ княземъ Борисомъ первамъ».

²⁾ Напримѣръ: «тобѣ подо моеи великаго князю не хотѣти, ни подъ моеиъ сыномъ подъ княземъ подъ Иваномъ, ни подъ моеи дѣти, кого ни Богъ дастъ такои ти подъ моеи братюи молодшеи... ихъ удѣловъ быти и во обихъи» — С. Г. Г. и Д., т. I, № 93.

³⁾ Договоры 1473 года: «иыти ти мене, великаго князя, собѣ братомъ старшіимъ, а сына моего, великаго князя, иыти ти собѣ братомъ старшіимъ, а намъ, великимъ княземъ, иыти ти собѣ братомъ молодшимъ, а мене ти, великаго князя и моего сына, великаго князя, и каиѣ великаго князюи дернати честию и гроио».

владыкин Московой, и въ распоряженіи боевыми и финансовыми силами великаго княжества, и во владыческихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ его городамъ и волостямъ в. к. Иванъ проводитъ свою властную волю, устраняя самостоятельное княжеское право князей-братьевъ къ пользу производнаго, своего «домашашиа».

Остро стала, въ ту же пору, между братьями вопросъ о «примыслгахъ». Великокняжескіе захваты все увеличивали раздѣры непосредственныхъ владыкин великаго князя. Когда требовалось для этого напряженіе значительной военной силы, князья-братья участвовали въ дѣлѣ со своими полками. А примыслы шли старшему брату къ его великому княженію. Многозначительной представляется въ договорахъ 1478 года одна особенность: в. к. Иванъ беретъ съ братьевъ обязательство «не вступать» во все то, что онъ себѣ «примыслгъ» или что еще «спримыслитъ», а вѣдома эти примыслы подѣлитъ и подѣлитъ его сыномъ и подѣлитъ всѣми его дѣтьми, «которыхъ ему Богъ дастъ»; а взаимной формулы, обеспечивающей за младшимъ князьямъ ихъ примыслы, какіе имъ удастся схѣлать, въ договорахъ нѣтъ, хотя такая формула обычна въ докончальныхъ грамотахъ прежняго времени. Едва ли передъ нами только вышняя, редакціонная деталь. Литовскимъ сохранимъ память о глубокомъ недоумованіи великокняжескихъ братьевъ изъ за того, что не дѣлится онъ съ ними своими примыслами, «Номгородъ Великій князь съ ними, ему ся все подостало, а имъ жеребья не далъ изъ него»¹⁾.

Набрѣвалъ новый семейный кризисъ. Братья в. к. Ивана использовали первый же моментъ, когда ему стала особо необходимой вся ихъ боевая сила, для предъявленія ему своихъ требованій, «чтобы князь великій по отцѣ своего приказу и по духовной отца своего ихъ былъ держалъ и маловалъ, вотчину бы удѣлъ князь Юрьевъ далъ и въ докончаніе бы приналъ»²⁾. Старшіе братья Андрей большой и Борисъ обратились за охраной правъ и положенія, установленныхъ духовной ихъ отца, къ тѣмъ, кому такое «печалованіе» было поручено: въ духовной Василія Темнаго—къ матери и королю Казиміру, чтобы онъ ихъ умиралъ въ «нихъ обидяхъ и съ великимъ княземъ и помогалъ», а также къ митрополиту Геронтію. Они защищали свои традиціонныя права пріемани, которые были въ дѣлѣ

¹⁾ П. С. Р. Д., т. VI, стр. 322.

²⁾ Кирилло-Валозерскій лѣтописецъ—рукопись Археографической Комиссіи, № 251, статья: «О приходѣ безбожнаго дара Азмата на Угру». Разборъ литовскимъ склаваніи объ этихъ обидѣхъ см. въ моей статьѣ «Иванъ III на Угру»—въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову», Спб., 1911 г. В. к. Иванъ III обязалъ брата Андрея большого въ томъ, что онъ «думалъ на в. к. Ивана Васильевича, за брата своего старшійшаго, съ братьемъ своимъ, съ княземъ Юрьемъ и съ княземъ Воровомъ и съ княземъ Андреемъ, да въ дѣлованію ихъ предъявъ на томъ, что имъ на великаго князя, брата своего старшійшаго, стоить съ одного» (П. С. Р. Д., т. IV, стр. 190; т. XII, стр. 231); пререканія начались еще при живомъ Юріи, но активно выступили только братья Андрей старшій и Борисъ.

стариком, далеко еще не взошед, но едва не подвергши великое княжество величайшей опасности. Опираясь на ослабление Москвы внутренними раздорами и на прязнь к вышатайству в ее дела, король Казимир сдѣлалъ попытку создать противъ опаснаго соседа грозную коалицію, заключивъ союзенія съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, съ Ливонскимъ Орденомъ, со Швеціей. На дѣлѣ, шведскія и ливонскія нападены на новгородскія и псковскія востокъ оказывались незначительными, Казимиръ былъ связанъ внутренней литовской ситуацией, и только ханъ Ахматъ подвинулся походомъ на Русь. Но Иванъ III, затравленный татарскими нашествиями въ моментъ раздора съ братьями, не смѣлъ собрать всю ратную силу, пока не помирился съ ними. А братья послѣ обращения къ Казимиру—въ концѣ 1478 года—отступили: отъ брата, князя великаго, и пошелъ въ Новгородскую область, сталъ со своими отрядами въ Лукахъ Великихъ, а своимъ отослалъ въ Витебскъ, гдѣ Казимиръ далъ имъ «набылице». В. к. Иванъ пошелъ на уступки; черезъ митрополита и widowствующую княгиню-мать отъ замирилъ братьевъ, что признавать ихъ условія. Тогда князья Андрей и Борисъ поспѣшили къ великому князю на помощь, и въ приходѣ рѣшили дѣло. Ханъ Ахматъ не могъ принять боя съ объединенными русскими силами и спѣхомъ отступилъ отъ Угры ¹⁾.

Событія 1480 года имѣли не только то значеніе, что покончили съ зависимостью Великороссіи отъ власти хана и сдѣлали великое княженіе вося Русь сувереннымъ-самодержавнымъ, въ исконномъ смыслѣ слова, государствомъ; она, въ то же время, ускорила и ускорила ликвидацию удѣльно-вотчиннаго дробленія власти въ пользу государственнаго единодержавія.

Обязавшись отъ крупной опасности, Иванъ III не сдержалъ обѣщаній, какія далъ было братьямъ ²⁾. Только Андрей большій получалъ часть Юрьевой отчины—Можаевскъ, но и то въ формѣ великокняжескаго пожалованія, а не по раздѣлу выморочнаго удѣла между братьями распоряженіемъ великой княгини-матери.

Договоры в. к. Ивана III съ братьями, заключенные въ восьмидесять пять годовъ, закрупились то въ положеніе, какое было создано договоромъ 1478 года и вывало ихъ на протестъ ³⁾. Рѣшительно противополо-

¹⁾ Лучшій анализъ этихъ событій въ трудѣ Fr. Раевъ, «Polska Litwa», т. 1 (Крakovъ, 1904); ср. упомянутую статью «Иванъ III на Угрь».

²⁾ Каракъ-Вязовскій относитъ предметъ, помянутому, какому-то промежуточную статью княжескихъ соглашеній, когда сообщаетъ, что в. к. Иванъ «отчину имъ подѣлалъ», далъ князю Андрею большому «Можаевскъ со всеми уѣзди». Борису—Суходоль да сада бабки его, Марья Голтеева, Андрей меньшому—Серпуховъ. Суходоль не видѣлъ за княземъ Борисомъ въ договорѣ 1481 г., въ Серпуховъ во владѣніи князя Андрея меньшого по его духовной того же годъ; а по договору съ в. к. Иваномъ Андрей большій и Борисъ Серпуховъ въ составъ князя Юрьева удѣла, перешедшаго въ великому князю.

³⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 106—107 и 108—109—договоръ 1473 г. съ Андреемъ

взвези удѣлы князей-братъевъ владѣніемъ великаго князя-вотчина «на всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Братья обязуются «блиости» эти великокняжескія вотчины—не только московско-владимірскую, но и Великій Новгородъ, и Тверь, и Псковъ—подъ великими князьями Иваномъ Васильевичемъ и Иваномъ Ивановичемъ и подъ великой княгиней и подъ меньшими дѣтьми в. к. Ивана. Тѣ же договоры закрѣпляютъ полное подчиненіе князей-братъевъ великому князю въ военномъ дѣлѣ, на какое будутъ посланы, и во вѣнчаніи отяженіяхъ, устранивъ рѣшеніе такихъ дѣлъ «по сгадѣ». Подтверждена и статья 1473 года о сборѣ дани, назначеніе которой и тутъ татарскіи протори, но ставшіи на дѣлѣ постоянной расходной статьей великокняжеской казны ¹⁾.

Владѣніе удѣльными вотчинами становится пережиткомъ умиравшей старины. Князья на своихъ вотчинахъ въ полнокъ подчиненіи великому князю, въ прекарномъ положеніи владѣльцевъ, надъ которыми зависла за любое «неисправленіе» угроза великокняжеской ошамъ съ потерей отчины «за свою вину». Принципъ наследственности вотчинныхъ княженій не встрѣчаетъ отрицанія, но прочно утвердилось притязаніе великаго князя на выморочные удѣлы, и в. к. Иванъ III возведетъ его своей духовной грамотой въ общую норму московскаго права. О долѣ въ примыслахъ великаго князя не приходится младшимъ князьямъ и мечтать; отъ его владѣческой воли зависитъ дать что-либо, кому за благо расудитъ, но не по праву, а по усмотрѣнію—показованію.

Послѣдніи десятилѣтія Ивана III закрѣпили въ рядѣ фактовъ эти результаты роста великокняжеской власти. Князь Андрей меньшой передъ смертью въ 1481 году написалъ духовную грамоту, въ которой сводитъ земные счеты, «кому что дати и у кого что вѣсти». Онъ не упоминаетъ въ ней и о своей вотчинѣ—московскомъ «годѣ», о Вологдѣ съ Кубеною и Заозерьянъ, но только, чтобы упомянуть: «я та моя вотчина вся господину моему, брату моему старѣйшему в. к. Ивану Васильевичу». Найдена формула для записи въ духовной неизбѣжнаго факта, въ созданіи котораго воля зпа, дающаго «редъ» своей, не при чемъ; вѣтъ

большинств; №№ 110—111—договоръ 1473 г. съ Борисомъ; противни эти договоры, долгие князья-братьямъ были вытребованы поезде у нихъ обрато, а почему итъ князь Борисомъ противна, посылитъ запись на „первой“ его домовцальной (№ 68)“, а у другою докончана своего противна сад (?) грамотѣ князь Борисъ великому князю не давъ, а сказать, что подрана да и сожжена“. Тамъ же, №№ 123—124 и 125—126—договоры 1496 года съ тѣми же князьями.

¹⁾ „А орды, брате, вѣдати и знати намъ, великимъ княземъ, а тебѣ орды не знати, а въ выходи ми давати (столько то), докозъ ошнѣномъ по духовной грамотѣ отца нашего, а казъ ошнѣномъ свои отчани и тебѣ мѣтъ давати по той описк“: сохрѣнена и оговорка: „А можи ми, великіе князи, въ орды не давати, и казъ у тебѣ не казти“, какъ пережитокъ прежней формулы о „примѣненіи Вогомъ Орды“.

въ этой формулѣ слова «благословленъ» или «данъ»; итъ въ грамотѣ и терминъ «рядъ»; и въ дальѣйшемъ—удѣльные князья говорятъ «въ духовныхъ: «а что моя вотчина... а то передъ княземъ государемъ передъ великимъ княземъ» или: «а не будетъ у моей княгини отрода, нио моя вотчина передъ Богомъ и передъ княземъ государемъ передъ великимъ княземъ»¹⁾. Волоцкий удѣлъ князя Бориса Васильевича перешелъ послѣ него—въ 1404 г.—къ его сыновьямъ, и только послѣ нихъ (1604 и 1613 г.г.) изъ дона отошла, какъ выхорочная, къ великому князю²⁾. На брата Андрея в. к. Иванъ продолжалъ смотрѣть съ недоумѣніемъ и опаской; обѣ стороны были на сторожѣ, и въ 1488 г. между ними пробѣжала тревога, князь Андрей готовясь къ бѣгству. А въ началѣ девяностыхъ годовъ напряженіе ихъ отношеній разразилось катастрофой. Разгоралась борьба съ татарами, а князь Андрей въ 1491 году не послалъ своихъ воеводъ в своей силѣ въ походъ по приказу великаго князя. Осенью того же года в. к. Иванъ велѣлъ «позвать» брата и держалъ его въ заточеніи до смерти, постигшей Андрея черезъ три года; въ смыслѣ кончала князь и его сыновья³⁾.

Въ послѣдніе годы Ивана III не было на территоріи Московско-владимирскаго великаго княжества удѣловъ для вотчинныхъ князей. Оно сложилось въ одну вотчину государя великаго князя.

III.

Ядро Великороссіи сплывалось великокняжеской властью въ единое державное Московское государство, параллельно съ подчиненіемъ той же вотчинной власти великаго князя остальныхъ ея областей, подъ сильнѣмъ давленіемъ вѣнскихъ отношеній, напряженность которыхъ все возрастала.

Международное положеніе Москвы сильно осложнилось въ шести-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 112; 132 (Духовная русскаго князя Ивана Борисовича 1504 г.); 151 (Духовная волоцкого князя Федора Борисовича, 1513 г.). Тамъ этихъ духовныхъ, конечно по формулярю, инвентаризовать долгома обязательства и обещанія «комнѣ души», какъ и читаемъ, въ послѣдней изъ этихъ грамотъ: «чтобы государь мой съ моей вотчини душу помилуя и дошъ захватилъ». Про русскій удѣлъ в. к. Иванъ III упоминаетъ въ своей духовной: «что далъ князю братаничю моему князю Ивану Борисовичю», и распоряжается имъ, кромя одного села съ деревнями, что далъ князю русскіихъ волостей князю Ивану Борисовичю брату Федору.

²⁾ Сохранилась только духовная князя Бориса отъ семидесятихъ годовъ, когда у него была еще одна смѣль Федоръ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 105) Князь Федоръ владѣлъ Волокомъ, Иванъ—Русой, а сверхъ того за ними Рязань «по положанію». Въ смыслѣ духовныхъ онъ не называетъ этихъ владѣній относилъ благословеніемъ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231. Тутъ дѣлалъ обязательный актъ противъ Андрея, княземъ, потому в. к. Иванъ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе (заговоръ съ братьями противъ великаго князя, союзеніе съ Кавказомъ и съ ханомъ Алханою, узлоуеніе отъ похода на татаръ—«а все то чина князю великому князю, преступая крестное цѣлованіе»).

десятих годах XV вѣка. На Востокѣ окрѣпло Казанское царство, но смуты, начатыя отнеубійствомъ, какое совершилъ Мамутекъ, разрослись и втягивали при каждой новой вспышкѣ Москву въ казанскіе дѣла. Ханомъ на Казани былъ Ибрагимъ, сынъ Мамутека, а его родичи Касимъ и Давыръ служили Москвѣ, какъ и другіе князья и царевичи, искавшие на Руси убійства отъ смуты родного татарскаго міра. Близость Казани и характеръ этого беспокойнаго гнѣзда татарской силы, которая засѣла въ жѣстѣ старой Болгаріи, засоряя колонизаціонные и торговые пути, маняла великорусскую великокняжескую власть на попытки наступленія и подчиненія татарскаго царства, чтобы прочно замирать безволеянаго сосѣда. Часть казанцевъ, недовольная Ибрагимомъ, призывала на его мѣсто ставленника отъ московской руки, и въ 1497 году Иванъ III всерьезъ соближился такой перспективой. Попытка утвердить въ Казани царевича Касима не удалась, и московскимъ войскамъ пришлось сѣбно уходить отъ силы Ибрагима. Завязалась пограничная война, съ разореніемъ русскихъ волостей татарами, съ русскими набѣгами на Прикамье и за черемисскія поселенія. Тагостная неустойчивость отношеній на этой восточной окраинѣ безъ опредѣленнаго и крѣпкаго рубежа, съ русскими населеніемъ, плохо знавшимъ московскую власть, съ инопородческимъ населеніемъ, которое всегда готово было потянуть къ Казани, требовала непрерывныхъ усилій—ратныхъ и административныхъ—для утвержденія основъ общаго порядка и управленія¹⁾. Не разъ находившаяся смута опоры въ сношеніяхъ съ татарами князей нижегородскихъ или галицкихъ. Вѣтъ, вырождавшаяся въ гнѣздо ушкуйниковъ²⁾, бывала

¹⁾ Характерныя эпизоды 1468—1470 г. г. Вѣтъчане, оставленные на свои силы передъ татарами, „предалась за казанскаго царя Абрама“ и призвала къ себѣ его „поспа“, заняла позицію своеобразнаго нейтралитета и не пошла съ великокняжеской „судовой ратью“, а на прямой приказъ великаго князя выступить отъчаяно, что пойдутъ „коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя“. Организационная слабость центральной власти дѣлала неизбежною самостоятельность мѣстныхъ поселеній. Та же слабость сказывалась въ характерѣ военныхъ дѣйствій, когда московскія войска выступаютъ въ роли воюющихъ съ удалю и каменами (ушкуйниковъ; таковыя походы въ нижегородской рати возводъ Воевоубцова, которая превратилась для набѣга на Казань въ жюкнцу съ силами боярскимъ Иваномъ Рузомъ въ качествѣ выборнаго „воеводъ“—атаманъ. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 187—190. Послѣдніе на Вѣтъку митр. Юмъ (Р. И. В., т. VI¹, №М 78 и 74), показывалъ, что не только въ порядкѣ свѣтскаго управленія вѣтъчане дѣли со своими „атаманамъ“ въ отвѣтъ слабой зависимости отъ „земскихъ воеводъ“, но говоря уже о центральной власти, но и въ церковномъ отношеніи стояли внѣ епископскаго руководствъ, обходясь своими свѣдѣнціямъ, о которыхъ митрополитъ недоумѣвался, отъ кого они получили рукоположенія.

²⁾ Набѣги вѣтъчанъ на Кошкенту въ 1466 г., на Устюгъ въ 1486 г.—Архангелогородскій лѣт. (изд. 1819 г.), стр. 167, 192; стр. 193 („великаго князя воеводъ стояли на Устюгѣ, охраняя земли устюжскія отъ вѣтъчанъ“). Митр. Юмъ писалъ вѣтъчанамъ, что они пристраивъ къ „поганству“, христіанство губить убійствомъ и

восточниковъ боевой силы враговъ великокняжеской власти, а иной разъ — южнѣе и къ татарскую сторону ¹⁾.

На восточныхъ границахъ Великороссіи съ большою наглядностью выступаютъ тѣсныя связи усиленія и объединенія правительственной власти съ задачами національной самообороны и территориального самоназначенія Великорусскаго государства. Въ частности, казанскія отношенія требовали твердаго положенія этой власти на восточной украинѣ. Отсюда постоянно грозилъ тревога. Во время похода Ивана III на Новгородъ въ 1478 г. Ибрагимъ магалъ на Вятку и Устюгъ, а въ отвѣтъ были возможны лишь набѣги въ казанскія волости. Только благополучное разрѣшеніе въ 1480 году кризиса внутреннихъ и внешнихъ отношеній великаго княжества развязало Ивану III руи. Въ 1486 г. онъ поднялся на Кавань съ большими силами, и тамъ посѣщилъ предупредить походы — челобитьемъ о хурѣ ²⁾.

Затѣмъ, то и дѣло возобновляемая борьба должна была уже по кризису Ивана III вымѣнять, что добавлялось отъ вѣчной тяготы и тревоги можно лишь прочимъ закрѣпленіемъ Казанскаго царства, т. е. его подчиненіемъ власти великаго князя. Но на такую задачу силы еще не хватало. Последніе годы Ивана III — со смерти Ибрагима, случившейся въ 1488 году — захаты попытки водворить въ Кавани на княствѣ московскихъ подручниковъ или служилыхъ царевичей, которыхъ отогно привакала въ Мосювъ на «спиритизмъ», какъ боевую силу и орудіе политической интриги. Результаты такой политики не были прочными ³⁾, но облегчали положеніе въ тотъ періодъ, когда великокняжеская власть была захята собираніемъ и организаціей силъ Великороссіи.

Та же татарская забота опредѣляетъ дѣятельность великокняжеской власти на югѣ. Оборона со стороны степи по-старому, естественно, дѣлать

положить и грабленіемъ», повозовали „великого князя ютчину Сисою и Вмѣи п Вычагду“.

¹⁾ Во время похода на Кавань въ 1486 г. вятчане снова, какъ въ 1460 г., „отступили отъ великаго князя“ — П. С. Р. Л., т. VI, стр. 237.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 264.

³⁾ Послѣ Ибрагима на Кавани его сынъ Алегамъ, а Мамметъ-Амилъ бѣжалъ въ Мосюу; русскія войска осадили Кавань и въ 1487 г. босадили завокъ Амилъ который и продержался тутъ десять месяцевъ подручникомъ, но въ 1496 г. онъ вынужденъ бѣжать и вернулся на московское кормленіе (Серпуховъ, Кошира, Котуль); камацки приваки было шибекскаго царевича Мамука, но избѣганъ разрыва съ Мосюкой, снова просила просить няго хана отъ руки великаго князя. В. к. Иванъ послалъ въ Лейфа, Амилева брата, который сидѣлъ на Звенигородѣ, но Лейфъ поддался враждебнымъ Мосюкѣ друзьямъ казанскихъ князей и въ 1508 г. вывелъ въ Мосюкѣ и захватилъ опять Мамметъ-Амилека. На этотъ разъ и Амилъ возвратилъ въ Мосюку и въ совѣтъ съ посягачами началъ заладеніе на Нижній Новгородъ. Казанскія дѣла не заладивши, и перешелъ въ Василію III въ ползномъ разстрѣлѣтѣ.

за Рязанской землѣ. Но управлять Рязанью князьствамъ великаго князя, опекуна малолѣтнему рязанскому князю Василию Ивановичу. Когда этому князю исполнилось 15 лѣтъ, а к. Иванъ женилъ его на сестрѣ своей Анаѣ и отпустилъ на Рязань, гдѣ Василий княжилъ 19 лѣтъ (1464—1483) московскимъ подручникомъ, какъ и сынъ его Иванъ (1483—1500), а въ востокѣ правленія в князья Ивана III Рязанской землей править великаго князя рязанская, Аграфена Васильевна, которой п. к. Иванъ посылаетъ наказъ о томъ, какъ ея служилымъ людямъ быть «въ его службѣ», требуя строгихъ наказаній заслушаніе, чтобы не пришлось ему самому вышиться¹⁾. Только покорность рязанская, облегчавшая его организационную работу дѣятельностью мѣстной власти, отсрочила установленіе прямого великокняжескаго управленія Рязанской землей²⁾.

Великорусское государство стремилось въ условіяхъ крайне еще неопредѣленнаго состоянія границъ владѣній и расселенія. На восточныхъ предѣлахъ оборонительная борьба неизбежно и неизбежно переходила въ наступленіе для расширенія торговыхъ и колонизационныхъ путей. Колонизационная и промышленная тяга къ юго-востоку, встрѣчая почти неодолимыя затрудненія въ содѣйствіи татаръ, отклонялась къ сѣверу, въ обходъ Кавказскаго царства по слѣдамъ нахаживаго новгородскаго движенія. Великокняжеская власть сбиваетъ господство Великаго Новгорода надъ Пермью съ 1472—1473 года, а къ концу княженія Ивана III власть пермскихъ князьковъ уступаетъ мѣсто управленію великокняжескаго наместника; еще въ шестидесяти годахъ ходили московскіе воеводы съ «охочими» людьми на Югру и привели мѣстныхъ князьковъ къ покорности, которой тѣ купили себѣ великокняжеское пожалованіе своимъ же княженіемъ; въ восьмидесяти годахъ Москва беретъ на себя защиту Перми отъ вогуловъ, организуетъ походы на нихъ мѣстнымъ сѣверо-восточнымъ русскимъ силамъ и самимъ пермякомъ³⁾.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. I, ст. 1388.

²⁾ Иванъ III по смерти князя Федора Васильевича, который по ряду отца владѣлъ Старой Рязанью и Перевытскомъ, а умеръ бездѣтнымъ въ 1508 г., захватилъ свое владѣніе удѣль этотъ, которымъ и распорядился въ своей духовной («то ми данъ встрѣчьтѣ мой князь Федоръ Васильевичъ рязанскій своимъ отчичу»), т. е. принятиемъ къ нему волею право о выморочныхъ вотчинахъ. Иванъ III не принялъ князьими комплексами ни московскихъ удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ захватилъ себѣ Русскій удѣль, помимо старшаго воюющаго отчича—Федора Воронковича, изъ Рязанскаго великаго княжества. Это подтверждается и умолчаніемъ о Федорѣ Васильевичѣ въ договорѣ п. к. Ивана съ п. к. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ—(С. Г. Г. и Д., т. I, № 115) и ложностью этого князя обещанія себѣ полученіе полей брата его отчичемъ (тамъ же, № 127—128).

³⁾ С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. I, ст. 1421—1423. Въ такой обстановкѣ разлагалось къ концу восьмидесятихъ годовъ тамъ названное «присоединеніе» Вятки, которое на дѣлѣ было только разгромомъ своеобразнаго гетмана, зарождающаго

Неустойчивымъ, непрерывно-тревожнымъ и недостаточно опредѣленнымъ было и положеніе западнаго рубежа Великороссіи. Компромиссная политика 1449 г. разграничить сферы литовскаго и московскаго вліянія, по существу, ничего не разрѣшила. Колебанія, «верховныхъ княжествъ» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвою и Литвою держали оба вѣднати княженія въ постоянномъ враждебномъ напряженіи. На границѣ между новгородскими волостями и литовскими владѣніями сложилась столь своеобразная явленія, какъ совпаденіе гѣбовельныхъ политическихъ центровъ на Ржевѣ, Великомъ Лукалѣ, на Холмскомъ погостѣ¹⁾. Прочно вѣсть въ свои руки опредѣленіе западныхъ предѣловъ и позиций Великороссіи значило для великокняжеской власти утвердить свое господство надъ Новгородомъ, Псковомъ и Тверью.

Ямезбицкій договоръ положилъ основаніе подчиненію Новгорода. Житіе св. Іоны, архіепископа новгородскаго, повѣствуетъ, что в. к. Василій Васильевичъ собрался рѣшительно поднять руку на Новгородъ, захватить въ новгородцевъ, «какъ не по глгоу отъ нихъ чтомъ»: «а ему, повелѣетъ житіе, великаго княженія власть надъ князьями русскими предержавцу, и сего ради испаше поднять рудѣ на Великій Новгородъ». «Повѣсть объ Іонѣ» составлена современникомъ — въ концѣ 1472 года, и свидѣтельствуетъ, что вопросъ о «государствѣ» великаго князя надъ Новгородомъ стоялъ передъ совѣщаніемъ московскихъ правящихъ круговъ в новгородскихъ политиковъ задолго до того, какъ Иванъ III приступилъ къ его разрѣшенію²⁾. По существу онъ былъ, дѣйствительно, поставленъ ребромъ въ Ямезбицкомъ договорѣ и обостренъ послѣдовавшими новгородскими возмевіями. Возможно, что житіе св. Іоны вѣрно представляетъ дѣло, утверждая, что вѣрѣншіи кофаятъ отерочень его предствательствомъ за Новгородъ передъ великокняжеской властью; по крайней мѣрѣ кончина святителя, умершаго въ ноябрѣ 1470 года, послужила исходнымъ моментомъ для сложной исторіи «падеши

агардіи окаяннаго быта, для возмевія тутъ московскихъ порядковъ служимъ в управленіи, твердой ономъ оборотѣ и закрѣпленіи края и власти надъ мѣстами квородцами. Походъ на Ветку московскихъ воеводъ въ 1486 г. архаидитъ вѣчать къ повности, и воеводъ „самъхъ вѣчать къ вѣлованіи правдоши, а аркашъ къ ротѣ привеломъ, а вѣчанъ большаго люда вѣсть и съ жевани и съ дѣтми наездомъ, да и аркашъ князей, и тако возвратишася; и вѣшь велики вѣчанъ велики люда въ Воронскѣ да въ Кременцѣ посади, да и земля вѣшъ подавалъ, а торговыхъ люда вѣчанъ въ Дмитровѣ посади, а аркашъ князей вѣшь велики подаломъ, отпустилъ вѣшъ въ свои земли, а коронольниковъ князь велика смертью князь».—П. С. Р. Л., т. VI, стр. 289. Подробнѣе въ Архангалогородскомъ житиисѣ, стр. 196—199 («а вѣмъхъ вѣчанъ подаломъ, подавалъ поѣсть въ Воронску и въ Олонецкѣ, въ Кременцѣ, и писався вѣчанъ къ служкѣ великому князю»).

¹⁾ См. записку о Ржевской дѣли, А. З. Р., т. I, № 71.

²⁾ Великіи Миски Четин, ноябрь, стр. 170.—В. О. Кличенскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 185—186.

Великого Новгорода». Руководившая новгородской политикой боярская партия имела свой план действий—решила искать помощи против Москвы за литовскими рубежами. Однако, в начавшихся сношениях с Литвой следует различать два момента, соотношение которых объяснить полную неудачу плана Борейских. Сношения с Литвой начались еще до кончины арх. Ионы, так как через три дня после его смерти в Новгород прибыл князь Михаилъ Озельковичъ, «вспрошенный» новгородцами у короля Казимира ¹⁾. Дѣло шло о водвореніи въ Новгородѣ литовскаго намістника «отъ православнаго христіанства». По рассказамъ, сохранившимся въ нашихъ летописныхъ сводахъ, планъ князя Михаила и Борейскихъ состоялъ въ томъ, чтобы за литовскаго намі, который станетъ новгородскимъ правителемъ, выдать вдову посадника Исаака Марку и тѣмъ утвердить связь боярской партіи съ литовской правящей средой и ея господство надъ Новгородомъ ²⁾. Возможно, конечно, что это только слухъ или сплетня—новгородская либо московская. Но положение Казимира передъ новгородскими дѣломъ было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможнымъ, то не иначе, какъ при участіи православныхъ князей и пановъ Литовско-русскаго государства, той среды русскихъ Рюриковичей и обрусѣвшихъ Гедиминовичей или пановъ литвиновъ, борьба съ которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаилъ Озельковичъ, видѣвшій представитель этой среды, а кандидатъ на великое княженіе, подготавливалъ вь Новгородѣ почву для такого рѣшенія дѣла, которое едва ли было въ намірѣннхъ короля: созданіи въ Новгородѣ крупнаго намістничества для православнаго магната.

Дѣло не замедлило осложниться церковными вопросами. По смерти Ионы, св. Софія, Премудрость Божія, избрала себѣ жребій его протодьякона и ризничаго Теофила; кандидатъ литовской партіи, владычій ключарь Пименъ потерпѣлъ неудачу. Теофилъ отнесся двойственно и нерѣшительно къ затѣямъ литовской партіи: началъ хлопоты по поѣздкѣ въ Москву къ митр. Филиппу на поставленіе, но принялъ участіе и въ сношеніяхъ съ Казимиромъ. Послѣднее было, вѣроятно, вынуждено соперничествомъ съ Пименомъ, который искалъ опоры въ литовской партіи и соглашался ѣхать на поставленіе къ литовскому митрополиту. А этотъ проектъ чрезвычайно осложнился тѣмъ, что литовско-русскую митрополию занималъ Григорій, ученикъ Исидора, котораго не признала вольна православная западно-русской среды, князь Озельковичъ и паны Гольшанскіе. Правда, Григорій добился незадолго передъ тѣмъ признанія своего митрополитскаго сана и даже своихъ правъ на митрополию всей Руси отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, но это вызвало рѣзкій протестъ Москвы и только еще болѣе

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IV, стр. 235.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 6.

заклало первенные отношения князьям соблазновъ¹⁾. Въ такомъ условіи согласіе новгородскихъ правящихъ круговъ съ королемъ Казиміромъ не могло получить достаточной силы, хотя и вышло изъ формулу договора о назначеніи на Новгородъ ятовскаго княжества—проевасиана, о держаніи Новгорода «въ воли мужей вольныхъ», о защитѣ его противъ в. к. Ивана всей ятовской силой²⁾. Въ Новгородѣ поднялась тревога и раздоръ³⁾. Надъ вольными городомъ повисло грозное облакоство, когда пришли вѣсти изъ Пскова, что в. к. Иванъ поднимаетъ псковичей противъ Новгорода⁴⁾. Но Москва выступила сперва не съ ратной силой, а съ уличеніями митрополита о «честности и громости» княженіи новгородскаго «отчича и дѣдича», о сиротѣ «по великой старости» — «подъ крубую руку благочестиваго и благочестиваго государя русскихъ земель», о великомъ грѣхѣ «преступить къ латинской прелести» призываніемъ власти «латинскаго господара»⁵⁾. Новгородцы, отвѣчая на внутренними разногласіями и недоверіемъ къ московской власти, не дали, повединому, никакого отвѣта. Тогда в. к. Иванъ подвизался за нихъ «всѣми землями» — съ братьями и служебными князьями, съ царевичемъ Давыдомъ, тверской и псковской ратью, а другую рать направилъ на Двинскую землю.

Дѣло быстро закончилось пораженіемъ главныхъ новгородскихъ силъ передовой московской ратью на Шелонж, и давленіемъ съ нихъ воеводой княземъ Василіемъ Шубскимъ — отрядомъ великокняжескаго воеводы Обрала. Послѣдовалъ миръ, заключенный въ докончательныхъ грамотахъ, которыми почти дословно повторили Ямелбицкій договоръ: «за новгородскую преступку» Великій Новгородъ обязался въ четыре срока уплатить значительную контрибуцію⁶⁾.

Заключеніе этого мира въ литовскихъ повѣствованіяхъ, отразившихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 5—8; Р. И. В., т. VI, № 100.

²⁾ А. А. З., т. I, № 87. Новгородцы выговорили себѣ большое ограниченіе великокняжеской власти, чѣмъ въ Ямелбицкомъ договорѣ; чернымъ боръ предоставленъ Казиміру одновременно, если онъ „умиритъ“ Новгородъ съ великимъ княземъ, „а въ немъ годъ чернымъ боръ не влобѣ“; на защиту противъ в. к. Ивана король долженъ выступить самъ „я со всемъ съ своимъ радомъ патозелю“. Новгородцы выговорили себѣ, притомъ, чтобы король впередъ не возмущался въ Рязань, въ Великій Дука, въ Холмоушскіе погосты — „а ты земли къ Великому Новгороду“.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236; т. VIII, стр. 150.

⁴⁾ т. IV, стр. 236; о тревогѣ новгородцевъ — въ грамотѣ митр. Фалалая, А. П., № 280 (стр. 518, ст. 2).

⁵⁾ А. И., т. I, № 280 и 281 (вторая — отъ 29 марта 1471 года). Осторожно составленными грамотами ставить Новгороду уличеніемъ повсрности на уплатить „старилы“, очевидно — ямелбицкой.

⁶⁾ А. А. З., т. I, № 91 (11 августа 1471 г.) — договоръ этотъ, подобно Ямелбицкому, заключенъ въ двухъ грамотахъ, новгородской основной и „приписной“, за что „явился послове отъ Великаго Новгорода“; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 14, 142; т. VIII, стр. 167.

на себя московскую точку зрѣнія, придавъ характеръ великодушнаго великокняжескаго «пожалования», своего рода амнистии «новгородских проступков», по печалованію митр. Филиппа, братьевъ великаго князя и его бояръ¹⁾. Но на этотъ разъ примѣненіе еще prevailed старинную форму договорнаго докончания, скрѣпленнаго крестами цѣлованіемъ великаго князя къ Новгороду, и миръ—согласно терминологіи договора и лѣтописныхъ повѣствованій—заключенъ «по старинѣ, по пошлнмъ». Однако, это возстановленіе не новгородской, а великокняжеской старини²⁾. Дѣло шло, на первыйъ разъ, объ осуществленіи и закрѣпленіи условій Ямбидскаго договора. Прізываніе всѣхъ актовъ новгородскаго законодательства и управленія совершаемымъ въ имени великаго князя и гарантія судебной власти его наместниковъ должны были получить свое полное значеніе. Съ августовскими докончаніемъ 1471 года неразрывно связано и составленіе «Новгородской Судной грамоты»—«по докладу господѣ великимъ князьямъ», гдѣ установлено «безъ наместниковъ великаго князя посаднику суда не качати, а наместникомъ великаго князя и тиуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ»; она явилась результатомъ пересмотра и новой редакціи той Судной грамоты, которая упоминается въ договорѣ: «а что грамота докончальная въ Новгородѣ прошежь себя о судѣ, нво у той грамоты быти имени и печати великихъ князей»³⁾. Усиливалась активная роль великокняжескихъ наместниковъ въ новгородскомъ судѣ и управленіи, неотдѣлимая отъ доли великаго князя въ новгородскихъ доходахъ.

Съ московской точки зрѣнія условія договора 1471 года представлялись весьма умѣренными; великій князь обошелся съ новгородской стариной, по своему, сравнительно осторожно. Въ этомъ можно усмотрѣть опредѣленный политическій расчетъ. В. к. Иванъ былъ смененъ передъ Новгородомъ его внутренними rivalами, и не было въ интересахъ великокняжеской политики свѣрнуть согласное объединеніе новгородцевъ послѣднимъ и савшномъ рѣшнмъ давленіемъ. Щадя—по вѣрннмъ пріемамъ—

¹⁾ Грамота митр. Филиппа къ в. к. Ивану (июль 1471 г.)—А. Н., т. I, № 282.

²⁾ Что и означала Псковская первая лѣтопись: князь великій у Великаго Новгорода «вои свои что ихъ буда старина поимати, или городъ или волости, или боръ черниа»—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 242.—Уступна ряда волостей (Заволочья) вызвала «отъавную» свѣтлую грамоту къ заселенію земель, что «поимали за себе наши братья новгородцы и весь ихъ цѣлованію правили на новгородское имя: кто то земли оскоды нашей великихъ князей... а то крестное цѣлованіе Новгороду съ весь долочкѣ»; и составленіе описки «земель великаго князя на Двинѣ»—А. А. З. т. I, №№ 93 и 94.

³⁾ А. А. З., т. I, № 92; договоръ 1471 г. оговариваетъ право великаго князя на половину разныхъ судебныхъ пошлинъ и доходовъ, установленное в Судной грамотой, и дополняетъ постановленія Ямбидскаго договора объ участіи великокняжескихъ наместниковъ въ новгородскомъ судѣ требованіемъ, чтобы соуде и ядовичи отиждъ во судннхъ поимно наместника и посадника.

ищевые инстинкты новгородской массы, в. к. Иванъ направилъ крутые удары на видѣйшихъ вожаковъ литовской партіи, вносилъ въ ея среду дезорганизацию и совнаніе полнаго безсилія ¹⁾.

Дальнѣйшее развитіе новгородской политики Ивана III проходить по двумъ стадіямъ: великій князь въ течение нѣкотораго времени усиливаетъ проявленія подчиненной власти своей при относительномъ соблюденіи традиціонныхъ формъ ея дѣятельности, т. е. новгородской «старшины и помяныи», а затѣмъ круто подворляетъ свое вотчинное «государство» надъ Великимъ Новгородомъ.

Въ «старшинѣ и помянѣ» новгородской за княжеской властью сохранялись значительныя права и полномочія, но связанныя нормами этой «старшины» въ томъ отношеніи, что были осуществимы только какъ права и полномочія мѣстной, земской власти. Князья могли использовать ихъ въ дозволъ мѣрѣ лишь тогда условіемъ пребыванія въ Новгородѣ и не иначе, какъ при участіи посадника и при посредствѣ должностныхъ лицъ, вытѣхъ изъ состава новгородскихъ мужей. А съ тѣхъ поръ, какъ новгородскими князьими стали великіе князья всея Руси, неизбѣжный абсентеизмъ княжеской власти парализовалъ ея активное участіе во внутреннихъ дѣлахъ Великаго Новгорода, какъ, съ другой стороны, поглощеніе великокняжеской силой внутренней борьбой за власть и вліяніемъ дѣлами на юго-востокѣ и на юго-западѣ Великороссіи взростило самостоятельность Новгорода во внѣшней политикѣ. «Старшина» новгородской княжной власти пришла въ упадокъ, уступая все болѣе и болѣе «воплинѣ» новгородскаго народоправства. Эту помяну новгородцы развѣиваютъ и укрѣпляютъ въ своихъ договорахъ съ князьями, заботливо охраняли внѣшнее положеніе князя запретомъ ему землезахватн на своей территоріи и связей патронта - закладничества въ средѣ новгородскаго населенія. Однако, Великій Новгородъ оставался въ составѣ великаго княженія всея Руси, и новгородцы долгое время застоячи, но проводили традицію признавать своихъ князей носителями великокняжеской власти. На основѣ весьма реальныхъ политическыхъ и экономическыхъ интересовъ соединеніе въ однохъ лицѣ великокняжеской власти Владимірской и Новгорода Великаго сложилось въ прочную «старшину и помяну», которую и новгородцы усвоили, какъ черту своего общеправнаго порядка; попытка перевести княжескую власть на литовскаго великаго князя была, несомнѣнно, кореннымъ и сильнымъ помяствомъ одной изъ новгородскихъ партій. Въ терминахъ великорусскаго княжескаго права та же «старшина и помяну» выражалась признаніемъ Новгорода «вотчиннѣ» великаго князей всея Руси. И эта связь Великаго Новгорода съ великимъ княженіемъ подверглась тяжкому испытанію, когда оно превратилось въ вотчину московскихъ государей, сломано въ одно цѣло съ нѣтъ московской отчизны.

¹⁾ П. С. Р. II, а. VI, стр. 12.

Перестройка на новых, вотчинных основаниях внутренних отношений великого княжества надвинулась на волею новгородскую, как конечная, смертельная угроза.

Въ договорѣ 1471 г. в. к. Иванъ, прежде всего, слѣдуя Ягелликовому договору, закрѣпляетъ безусловную принадлежность Великаго Новгорода къ составу великаго княженія всей Руси. Новгородцы обязаны признать, что должны «быти отъ великаго князю неотступными ни къ кому» и впредь не признавать ни пригороды ни литовскихъ князей, ни русскихъ, надругомъ великому князю. Затѣмъ она беретъ на себя дѣятельную роль новгородскаго князя, главнымъ образомъ (въ говори о полномъ подчиненіи вѣнскихъ отношеній) въ дѣлѣ суда, обеспечивая на собой и своими наместниками условия такой роли. Возстановлена, по старинѣ, и зависимость новгородской церкви отъ московскаго митрополита поставленіемъ Геофіла на владычество (въ декабрѣ 1471 года).

Усиленіе княжеской власти отрывало немалыя возможности для вмешательства во внутренніе отношенія Великаго Новгорода. А эти отношенія приняла весьма тягостный характеръ. Хотя вѣнчанье боярской олигархій вызывало острое недовольство среднихъ и низшихъ слоевъ населенія¹⁾, а планы литовской партіи шли въ разрѣзъ съ интересами новгородскаго купечества, таготѣвшаго по торговымъ связямъ къ сѣверо-восточной Руси.

Однако, партія Борящихъ, видимо, не считала своего дѣла безнадежно проиграннымъ и носѣ 1471 года. Въ ближайшіе годы видны вокругъ степеннаго посадника Василія Анааньяна—людей этой партіи, и они пытаются сплотить новгородцевъ примымъ терроромъ на противниковъ воѣ числа бояръ²⁾. Но въ массѣ вѣчевая толпа была не на ихъ сторонѣ. Современникъ — писовачъ записалъ въ свою лѣтопись, что новгородскіе жители и молодшіе люди сами призывали в. к. Ивана на управу, «что на насъ насилье держатъ посадникъ и великіе бояре—звонку ихъ судити не мочи; какъ тѣ насильники творили, то ихъ также иметъ князь великій судити по ихъ насильству и надѣ судити»³⁾.

Въ октябрѣ 1476 года в. к. Иванъ поѣхалъ въ Новгородъ на свой судъ съ людьми дворокъ. Подробное описаніе его пути отличаетъ, какъ

¹⁾ „А въ то время (въ 40-хъ г. г. XI в.), пишетъ новгородскій книжникъ, не бы въ Новгородѣ князды и правого суда... и бѣхомъ изъ поругавія сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости пѣльна велика и боры чюпимъ, кричи и рыданіе и вопль и клятва всеми людьми на старушыми наше и на гральъ наше, залю не бѣ въ насъ милости и суда права.“—П. С. Р. Л., т. IV, стр. 134; неудачный опытъ дѣшевой реформы 1447 года обострялъ настроеніе—и бысть крестьяномъ спорѣ велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ“, тамъ же, стр. 125. За всѣ бѣды ономъ народная масса вѣлики „безсправдливыхъ бояръ“.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 202—203.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—251.

еще на станках по дорогѣ его вступѣли новгородскіе жалобщики¹⁾. Въ Новгородѣ стала передъ нимъ главная челобитчикъ, жертвы большого цѣлованья, и била челомъ на его вновивиконь—боляръ партія Борещикъ. Великій князь творилъ судъ по новгородски—при владикѣ и посадникѣ, въ собраніи новгородскаго боярскаго совѣта, и далъ на обвиненныхъ своихъ приставовъ изъ ближнихъ дьяковъ вѣстѣ съ приставами отъ Великаго Новгорода, а, по обыску, обвинилъ ихъ, велѣлъ «понять» старого посадника Аманьяна и одного изъ Борещикъ, Федора, а остальныхъ изъ сторонниковъ отдать на поруку. Въ это дѣло в. к. Иванъ ввелъ запово и обвинилъ въ попыткѣ передаться на литовскую сторону и тѣмъ придавъ уголовному дѣлу политическій характеръ, что дало ему предлогъ для отсылки арестованныхъ ополченцевъ въ Москву, съ остальными обвиненныхъ окъ велѣлъ выслать «исдемамъ убыткѣ» въ размырѣ исконъ и «свою вину» по прежнимъ грамотамъ. По обычаю, великій князь собралъ въ своей припадѣ большыя дары, не только съ бояръ, но и съ купцовъ и съ житейхъ людей и со многими молодшихъ, которые шли къ нему съ челобитнями и съ «поминками», такъ что «свакоу» не остася, который бы не принесъ съ дары». А великій князь отдаивалъ ихъ своимъ малованьемъ «отъ дорогихъ порть и отъ камокъ и кубки и ковши серебряныя и сорока соболей и коша, космуждо по достоинству»²⁾.

Такое властное и торжественное выступленіе въ Новгородѣ могло убѣдить Ивана Васильевича, что почва для полнаго водворенія его «государства» достаточно подготовлена. Не даромъ этотъ «мирный походъ» описанъ такъ подробно и тщательно, видимо перомъ великокняжескаго дьяка. Челобитчики и жалобщики продолжали обращаться къ великому князю и послѣ его отъѣзда, и онъ сталъ давать на отъѣтчиковъ своихъ приставовъ изъ Москвы и назначать срокъ явки на свой судъ въ Москву; такъ продолжалось и въ слѣдующіе годы, къ явному нарушенію новгородской старины, чего «не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князе учали быти...», но сей къ то привеле ихъ. Видно, что внутренній разладъ дошелъ до полной утраты боярскими правительствомъ опоры въ значительной части населенія, котора потянулась къ новой для нихъ власти «о обидати искати». Тоже творилось и въ самомъ Новгородѣ. Новгородскіе бояре маловались, что выѣзжихъ великаго князя судить посадничья и владычня суды, перетягиваютъ судъ въ Новгородъ на Городецъ, какъ и самъ великій князь вѣсто того, чтобы рѣшить только тѣ дѣла, какиа «не возмогутъ управити» посадничъ съ наѣзжиконъ, притомъ только во время своихъ припадковъ въ Новгородѣ,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 300.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 303—306.

переносил новгородские судебные дела к себе на Москву по новгородским челобятам.

Так подготовлен был знаменитый эпизод, происшедший в марте 1477 года, когда новгородские послы были человеком в. к. Ивану, как своему «государю», чего «наперед того, как земля изъ стала, не бывало, и которого великого князя государем не называли, но господником». Трудно сомневаться, что такой шаг был подготовлен из Москвы с помощью новгородских угодников великокняжеской власти. Речь шла, очевидно, не о титуле. Послы новгородские, по московской записи, пришли к великому князю Ивану Васильевичу и сыну его Ивану «бити челом и называть себя их государя», и вызвали тем отбитое посольство от великого князя с целью «покрытии того, какова хотят государства». Официальные представители Великого Новгорода оти́чали на такой запрос, что «съ темъ не посмысли», а в Новгороде поднялась ожесточенная партийная борьба, из которой верх взяла партия, враждебная Москвит, а посадники и бояре, которые «притыны» были великому князю, вынуждены спастись бегством. Тогда в. к. Иванъ поднялся в последний поход на Новгород, и новгородцы не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Началось челобитье о мире; начались чрезвычайно интересные переговоры о дальнейшей постановке взаимных отношений между Новгородом и великокняжеской властью. В этот период переговоров встретились два политических воззрения, с трудом находивших общий язык ¹⁾.

Новгородцы начали переговоры с челобитьем о восстановлении «старинны», как они ее понимали, подкрепленной отбитой тем ее нарушеним, которым явно сказались в практик последних лет ²⁾. В. к. Иванъ настаивал, прежде всего, на призывах новгородцами челобитья о его «государствѣ» надъ Великим Новгородом и поддерживал свои настояния боге темным обожением города. Однако, только по вторичному его требованию и новому сообщению в Новгород, послы привезли новгородскую «повелену», что сперва отвергла свое посольство. Только тогда в. к. Иванъ нанесла почву для оти́та по существу, как она думает «жаловать» свое отчину, как самъ она понимает свое будущее «государство»? Оти́та был простей, но для новгородцев мало приемлемый: «ны,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 209—210.

²⁾ Первые пункты этой новгородской петиции о правах по летописному рассказу: освобождение «преставленных»; оправдание, что великий князь приехал в Новгород на суд каждый четвертый год, получая на приезд 1000 р.; судъ «наместника и посадника в город»; решение дел, которыми они не смогут управить, великим князем не приезд его в Новгород; отправка посоль в Москву; запретъ «наместникамъ рѣшать дела, подлежащия суду владыки или посадника, и судить не в городѣ, а за городомъ».

великие князья, хотишь государства своего, какъ еси на Москѣ, такъ хотишь быти на отчнѣ своей Великого Новгорода». Послы побѣли на новое свиданіе (а великій князь пока продолжалъ стягивать войска къ Новгороду) и вернулись съ новымъ проектомъ договора о порядкѣ княжого управления ¹⁾. Не отвѣчая по существу отдѣльнымъ новгородскимъ пожеланіямъ, в. к. Иванъ поставилъ ребромъ основной вопросъ: «кѣмъ, князь великій, то вамъ сказали, что хотишь государства въ своей отчнѣ Великого Новгорода такова, какъ наше государство въ Новгородской землѣ на Москѣ, а вы вышѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, иже то которое мое государство?» Характернаго отвѣта новгородцевъ: они вынуждены отречься отъ принципа договорнаго соглашенія («урока не чинишь ихъ государству»), но просить «звать» ихъ, въ чемъ же состоитъ «новгородская пошлина», которой Новгородъ не знаетъ, та «пошлина», по которой «государи наши великие князи государство свое держатъ въ Новгородской землѣ». Дѣятельность правительственной власти, не связанная никакими нормами обычнаго права, никакой «пошлиной» едва ли была только неприемлема для новгородцевъ: такое представленіе должно было имъ казаться просто невозможнымъ. Но въ отвѣтъ они получали только отрицательное опредѣленіе той новой пошлины, какой имъ предстояло подчиниться: вѣчному колоколу не быть, посаднику не быть, а «государство все держатъ великому князю. Нѣсколько копиретиѣ посылалъ новгородская пошлина требованіемъ организаціи въ Новгородѣ дворянскаго и служилого землевладѣнія — волостей в селѣ, «на чемъ великий княземъ быти въ своей отчнѣ» и редуціи въ обладаніи великихъ князей тѣхъ княжескихъ земель, которыя за новгородцами ²⁾. Къ местному отиѣту, нѣсколько рас-

¹⁾ Великій князь судить вмѣстѣ съ посадникомъ; брать ежегодную дань со всехъ волостей по поугриванъ съ соли; прагородомъ держитъ своими наместниками, но судъ по старинѣ; общаесть не учинять вынода изъ Новгородской земли, не вступаться въ боярскія земли; отиѣнхитъ «поземъ» на судъ къ Москвѣ; не требуетъ отъ новгородцевъ ратной службы для обороны границъ Новгородской земли («берега»), новгородцы несутъ только оборону своего рубежа.

²⁾ Вопросъ объ этихъ земляхъ удачно выясняетъ В. Д. Грозновскій въ трудѣ «Новгородскій домъ св. Софіи», стр. 236—239; ср. замѣчанія С. В. Роддественскаго къ статьѣ — рецензіи: «Новгородскій домъ св. Софіи в его вотчина» (въ «Журналѣ М-ства Народнаго Просв.» за 1916 г. и отд.) С. В. Роддественскій (стр. 13) правъ въ замѣчаніи, что земля, бывшія великихъ князей, могли означаться не только ихъ собственн. земель «софіицкихъ», но и за монастырями, и за боярами, но топкованіе текста: «быша бо тѣ волости первое великихъ же князей, иже они ихъ освоенша» въ томъ смыслѣ, что это земли ростовскія, бланозерскія и двинскія (стр. 14—15), вырѣзанные, такъ какъ текстъ опредѣленно относится къ волостямъ в селамъ, вѣтнямъ и владѣмъ и у монастырей при организаціи великокняжескаго земельного фонда въ Новгородской землѣ, какъ и текстъ: «и которые земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше» не отдѣлили отъ купечества, гдѣ она связалъ

кривавшему черты нового порядка, в. к. Иванъ прибавилъ обещаніе пожаловать свою отчину вывозненіемъ нѣкоторыхъ новгородскихъ пожеваний: не дѣлать «вывода» изъ Новгородской земли, не нарушать земельнаго «цѣловальнаго» права новгородскаго боярства, сохранять судъ по старинѣ, «какъ судъ въ землѣ стогль». Новгородцы смирились, приняли такое «пожалованіе» и основы новой «пошлины» и только выпросили себѣ еще отступку московскихъ позвовъ и извозской службы.

Имъ казалось, что они добились таки нѣкоторыхъ, хоть и скудныхъ гарантій. Оставалось, по ихъ представленію, формально закрѣпить эти гарантіи. И снова поднялось то же самое, только что исчерпанное, принципиальное разногласіе.

Новгородцы подняли рѣчь о томъ, чтобы государь имъ «крѣпость далъ»—крестъ бы цѣловалъ, и встрѣтилъ отказъ. Просили, чтобы великокняжескіе бояре цѣловали крестъ въ Великому Новгороду, чтобы наместники великаго князя, которые будутъ у нихъ, были связаны такими крестными цѣлованіемъ—в это было отвергнуто. Отказано имъ было даже въ «опасной грамотѣ», которая охраняла бы обещанными гарантіи¹⁾. Пришлось удовлетвориться милостивымъ словомъ изъ собственныхъ устъ великаго князя о томъ, чѣмъ онъ свою отчину пожаловалъ; на это в. к. Иванъ пошелъ, очевидно, потому, что придавалъ подобной деклараціи значеніе не формальнаго обязательства, а только оснѣдомленія о своемъ вѣдѣннѣ рѣшеніи.

Тотчасъ приступилъ в. к. Иванъ къ организаціи въ Новгородской землѣ своего великокняжескаго земледѣльчій и общаго пососнаго тягла. Новгородское земледѣльчье сдѣлалось «государствомъ великаго князя». 15 января 1478 года великокняжескіе бояре привели къ присягѣ всѣхъ новгородцевъ по концамъ и улицамъ²⁾; новгородскіе бояре, дѣла боярскіе

съ требованіемъ, чтобы впродъ и въ Новгородской землѣ были волости и села, какъ въ Новгородской землѣ, «на чѣмъ великимъ княземъ быти въ своей волости».

¹⁾ Подъ «опасной грамотой», о которой бѣжитъ челомъ новгородцы взамѣнъ отвергнутой крестоцѣловальной «крѣпости», надо разумѣть уставную грамоту тѣмъ Двинской.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217—218. Весь ходъ дѣла рѣшительно противорѣчитъ сужденію В. И. Сергѣевича («Русск. Юрид. Древности», т. II, стр. 47), будто Новгородъ цѣловалъ крестъ в. к. Ивану на грамотѣ, въ которомъ были вносимы «условія», принятія имъ по новгородскому челобѣттю. В. И. Сергѣевича, повиднмому, сблѣзилъ опредѣленіе въ летописи (т. VI, стр. 218) «словами цѣловальнаго» словомъ: «на семъ великимъ княземъ добилъ челомъ новгородца». Но они добили челомъ на призваніи «государства» по «извозской пошлинѣ», т. е. безъ договора; а великокняжескія «пожалованія» были имъ сообщены устно. Что въ крестоцѣловальной грамотѣ не было этикъ пожалованій (по Сергѣевичу—условія) видно изъ того, что бояре просили повторить «слухъ всѣмъ» по правнному слову великаго князя изъ переписи; это и было исполнено боярами, которые приводили новгородцевъ къ

и диты люди «приказаны» въ службу великому князю, и на дворѣ Яро-славѣ водворились великокняжескіе намістники ¹⁾.

Польскій историкъ отбѣтилъ, что утверждение непосредственной велико-княжеской власти въ Новгородѣ встревожило всѣ враждебныя Москвѣ западныя силы—и Ливонскій Орденъ, и Швецію, и Литву ²⁾. Какъ только «князь великій московскій князь Новгородъ и вѣче мнѣ сказавъ», московскіе намістники появились на Ржевѣ и ея волостяхъ, на Великихъ Лукахъ и въ Холмскомъ погостѣ и привели мѣстное население къ присягѣ на имя своего великаго князя, а представителей литовской власти согнали прочь ³⁾. Литовское государство почувало наступленіе восточнаго сосѣда, настойчи- ваго и упорнаго, направившаго и силы крымскаго хана на западно-русскія волости. Литовская рада уже въ 1478 г. наставляетъ на организаціи осо- бого отъ польской королевской власти великокняжескаго правительства, но король Казиміръ рѣшилъ самъ вернуться въ Вильну и дѣятельно заняться восточными дѣлами. Власти Ливонскаго Ордена обсуждаютъ вопросъ, какъ бы «вернуть ноконвита къ тому положенію, въ какомъ былъ его предка», завладѣть сношеніями со Швеціей и Казиміромъ. Назрѣвала та коалиція про- тивъ Москвы съ западныхъ недругомъ и Золотой Орды, которая такъ без- помочно распалась въ ближайшіе годы. Нѣтъ примыкъ свидѣній о томъ, какъ отразились эти попытки дѣйствій, враждебныхъ Москвѣ, на Новгородѣ. Но въ октябрѣ 1479 года Иванъ Васильевичъ, въ присягѣ своей на Ново- городъ, называлъ въ кормохѣ архіеп. Теофила и сослалъ его въ Москву; объявилъ его опять въ замыслѣ, чтобы Новгородъ былъ «за королеми или за инымъ государемъ» ⁴⁾. Настоящая расправа за эту новую крамолу произошла позднѣе, когда пережита была тревога раздора съ братьями великаго князя и наместникъ хана Алмата. Потребность великокняжеской власти тверже и укрѣненіе стать на западной границѣ и вовсе упразднить возможность областнымъ сепаратнымъ вѣдѣннымъ сношеній должна была особо обострять послѣ такихъ событій. И въ восьмидесятыхъ годахъ великій князь ликвидируетъ арестами и вывозомъ изъ Новгорода остатокъ литовской партіи, а затѣмъ эти мѣры разростаются въ широкій «пересмотръ

кресту (т. VI, стр. 218). Однако, получила, несомнѣнно, даусмысленность всего акта, такъ какъ новгородцы цѣловали крестъ на томъ, «что въ записи писано и рѣчи мнѣ повторено». Но существенный выводъ В. П. Сергѣевича, что «великій князь согласился на значительныя ограниченія своей власти», что «договоръ съ государемъ и съ московскою точю зрѣнія не представлялся, следовательно, невозможнымъ» никакъ не можетъ быть принятъ (тамъ же, стр. 46—47).

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 219—220.

²⁾ Ф. Пана, Polska i Litwa, стр. 49.

³⁾ А. С. Р., т. I, № 71.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 204. Татищевъ (ч. V, стр. 79—81) даетъ дѣлныя раз- сказъ о попыткѣ новгородскаго востанія, о ромскѣ и казихѣ, явлю оставленный изъ чертъ последывшихъ репрессій и «вывозовъ» изъ Новгорода.

людей и земель», которымъ разрушенъ боярскій слой новгородскаго населенія, но захвачены глубоко и болѣе широкія его группы—жители люди и купечество, а выдвинуты на ихъ мѣсто болѣе надежные элементы изъ центральныхъ областей, и положено въ крупныхъ размѣрахъ основаніе служилому землевладѣнію и тяглому строю Новгородской украиной¹⁾.

Большая организационная работа на новгородской почвѣ вошла въ общую перестройку положенія западныхъ областей Восточной Руси. Псковъ сохранилъ—на время—вѣтшія формы своего народоправства, но подъ управленіемъ московскихъ намістниковъ, которыхъ псковичи держали у себя, но псковской старинѣ, князьми. Въ началѣ самостоятельнаго правленія Ивана III псковичи сошлись «съ безчестіемъ» князя Владимира Андреевича, того служилого ростовскаго князя, который былъ посаженъ у нихъ Василиемъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ». Иванъ Васильевичъ просилъ, но, все таки, «далъ имъ князя по псковскому возовенію», и князь этотъ Иванъ Александровичъ Звенигородскій «цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей псковской пошляхъ»²⁾. По псковскому челобитію и съ крестоцѣлованіемъ на псковской пошляхъ княжилъ съ 1467 года во Псковѣ кн. Федоръ Юрьевичъ Шуйскій, по его намістничья власти уже значительно усилена: управленіе псковскими пригородами, съ судомъ и расправой, перешло въ его руки³⁾. И князь Шуйскій сталъ «творить спално» надъ псковичами, такъ что они были челою о его землѣ княземъ Ивановъ Стригой Оболенскимъ, но великій князь прислалъ его брата Ярослава. Новый намістникъ сѣлъ на псковскомъ княженіи—въ февралѣ 1473 г.—съ крестоцѣлованіемъ «на пошляхъ грамотахъ и всѣхъ старинахъ псковскихъ» при вѣчевой собраніи псковичей⁴⁾.

При первомъ намістничьихъ Ивана III псковичи, какъ ни какъ, вели свои дѣла по старымъ вѣчевымъ порядкамъ, а съ вѣщами воевали при помощи московскихъ войскъ. Въ семидесятыхъ годахъ—въ годину большого и напряженнаго осложненія всего международнаго положенія—Псковъ подвергся усиленнымъ нападеніямъ тѣмидевъ и сталъ боевымъ пунктомъ большого значенія. Псковскіе намістники вели эти вѣщія дѣла вѣстѣ съ новгородскими: обороною западнаго рубежа, переговорами, перемиріемъ и мирнымъ докончаніемъ, на сѣздахъ то у себя во Псковѣ, то въ Новгородѣ. Интересы мѣстной обо-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XII, стр. 213, 215—216; т. VI, стр. 235—236; 238—239; т. VIII, стр. 218.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 222, 234.

³⁾ Тамъ же, стр. 231: «а посадивши псковские и весь Псковъ ему на вѣсть, 12 пригородахъ даша намістниковъ держати в судои судити его намістникомъ, на которыхъ ни буди, а въ вѣсть княже намістники не бываши, коко на ест князей бывало въ Псковѣ на столу, а намістники княжи были токо на 7 пригородахъ».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 246.

роны отъ этого только выиграли, но поглощаясь, въ то же время, общей великокняжеской полнотиной. Псковской наместникъ получить особое значеніе для самой великокняжеской власти, и пересмотръ всего его положенія во Псковѣ сталъ на очередь. Въ 1475 г. князь Ярославъ предъявилъ досковичамъ новыя требованія, и тѣ отправили къ великому князю посадниковъ съ грамотами на защиту своей старины; но они могли представить только грамоты истинныхъ князей, за которыми великій князь не призналъ достаточной силы, «что де то грамоты не самихъ князей великихъ». Князь-наместникъ требовалъ значительнаго увеличенія своихъ доходовъ за счетъ дохода псковской казны, и исконичамъ пришлось сойтись съ принципиальной почвой защиты своей «старины» по «грамотамъ помнящимъ» къ оборонѣ. аргументомъ о неисконичности для нихъ требованій князя Ярослава: «самъ въ томъ, говоривъ они, не мощно жити». Рѣшеніе всецѣло перешло въ волю великаго князя. И отъ своихъ великіемъ установилъ новое распределеніе вскопскихъ доходовъ и новое расширеніе правъ наместничьяго суда. Введеніе въ жизнь новаго порядка вызвало скорѣй настоячивые протесты псковичей, а во Псковѣ взрвалъ вѣчевой скрутъ противъ князя-наместника и его «княжедворцевъ»¹⁾. В. к. Иванъ отоварилъ князя Ярослава, а псковичамъ далъ—по ихъ челобитью—князя В. В. Шуiskyаго; но этотъ наместникъ оказался крайне неудачнымъ воеводой и правителемъ, и Ярославъ Оболенскій вернулся во Псковъ. Псковская старина уступила наместничьяму управленію, такъ какъ все ратное и земское дѣло, судъ и повинности населенія подчинены руководству и регламентаціи представителей великокняжеской власти²⁾. Формальная инкорпорация омидала Псковъ, подобно Рязаню, вѣскольکو поддѣте; но то было лишь устраненіе перемѣта, потерявшаго внутреннюю силу и подлинный жизненный смыслъ.

Последній десятилѣтія XV вѣка—моментъ крупнѣйшаго историческаго значенія для Восточной Европы. На обширныхъ ея пространствахъ рушится старая, слагается новая система международныхъ отношеній. Основной ея факторъ—Московское государство, завершавшее вѣковую работу надъ объединеніемъ Великороссіи. И крупный эпизодъ этой объединительной работы—«тврское ваяте»—входитъ въ составъ условій и послѣдствій усложненнаго общаго положенія на западной границѣ, той широкой полнотины, какую разверзнулъ Иванъ III, ища новыхъ устоевъ и гарантій для борьбы съ литовскими сосѣдкомъ. Въ эту пору и. к. Иванъ замышляетъ спохенія съ врагами Ягеллономъ—со Стефаномъ, воеводой Валахія, чюдодъ отъ въ 1483 г. сосватать за сына, съ Матвѣемъ Корвякиемъ, королемъ венгерскымъ, съ императоромъ Фридрихомъ III, съ папской курией,

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 250—253.

²⁾ Особо показательное дѣло о повинностяхъ псковскихъ смердовъ—см. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 266; т. V, стр. 45; ср. «Книже право», стр. 213—214.

учитывая и ее влияние на политуку Речи Посполитой, а ближе и всего тѣснѣе—съ крымскими ханами. Сломить въ конецъ опору, какую литовская сила находила въ промежуточныхъ, обоюдосторонъ положеніи русскихъ земель, колебавшихся между Москвою и Литвою, поставить опредѣленно и твердо западный рубежъ, притомъ съ возможной для себя выгодой, перетянувъ въ свое распоряженіе эти колеблющіеся русскія силы—было пражой необходимостью для в. к. Ивана. Въ началѣ его правленія—договора съ тверскими великимъ княземъ, одиннадцатилѣтнимъ Михаиломъ Борисовичемъ подтвердилъ, по крайней мѣрѣ формально, отношенія, какія сложились при Василіи Темномъ: одиначество великихъ князей на началѣ равнаго братства, гарантію независимости Твери съ отказомъ великаго князя всея Руси отъ вмѣшательства въ ее внутреннія дѣла, даже съ правомъ в. к. Михаила и тверскихъ князей имѣть «путь часть» къ Орду¹⁾. На дѣлѣ подлинное соотношеніе силъ поставило Тверь въ значительную зависимость отъ великорусской власти, и тверскіе полки участвуютъ по зову в. к. Ивана въ облохъ новгородскихъ походахъ и въ сборѣ войскъ противъ хана къ берегамъ Угры²⁾. Москва фактически подавляла Тверь и начала поглощать тверскую силу: въ семидесятыхъ годахъ отъѣхала въ Москву значительная группа тверского боярства³⁾. А послѣ 1480-го года московское засилье стало еще грознѣе. Паденіе Новгорода, усиліе великаго управленія Псковомъ, ликвидация притязаній великокняжеской братны, новый договоръ съ Рязанью—тѣхъ эти черты крѣпнущей концентраціи московской властью силы должны были встревожить руководителей тверской политуки не меньше, чѣмъ безміе Твери передъ Москвою въ пограничныхъ повсемѣстныхъ спорахъ и столкновеніяхъ. Р. д. Михаилъ пытается слова найти опору въ Литвѣ, и по смерти первой своей княгини—дочери Семена Озельковича, залодить сношенія съ Казиміромъ о союзѣ, покровительствѣ и новомъ бракѣ—съ одной изъ королевскихъ внучекъ. Ихъ договоръ—возстанскіе отношенія между Тверью и Литвою, какія опредѣлялись въ договорѣ 1449 г. в. к. Бориса Александровича съ Казиміромъ. Союзъ «противу всѣхъ сторонъ, много не вмѣняюща» былъ явно направленъ, прежде всего, на в. к. Ивана⁴⁾. Тверская тревога шла на встрѣчу литовской. Король Казиміръ, послѣ неудачи большой коалиціи, скрѣпялеть, по возможности, свои русскія связи противъ надвигающейся Москвы; одновременно съ тверскими договоромъ онъ обновляетъ докончаніе съ «верлов-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 88—89.

²⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 161, 163; 164; служилая организація ратной силъ в. к. Ивана уже захватыва часть ямскихіхъ служилыхъ людей («кашники, которые служатъ великому князю» въ походѣ подъ его возводомъ—т. XII, стр. 172; т. XV, стр. 496; т. VI, стр. 207.

³⁾ т. VIII, стр. 182—183.

⁴⁾ А. З. Р., т. I, № 79.

скими князьями—Воротыцкимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ объ нѣ-
ѣрной и безхитростной службѣ в. к. ятвонскому ¹⁾. Но и эта попытка не
удалась. В. к. Иванъ во время узналъ о переговорахъ, и быстрое движеніе
за Тверь его «порубанной рати» правудно Михаила Борисовича къ чело-
бѣтн на всей волѣ великого князя. Новый договоръ рѣшительно вно-
дѣлъ Тверское великое княжество въ московскую политическую систему.
Михаилъ Борисовичъ цѣловалъ крестъ «къ своему господину и брату
старѣйшему, къ в. к. Ивану Васильичу всея Руси, и къ его сыну, къ
своему брату старѣйшему, къ в. к. Ивану», призналъ себя равнымъ владѣ-
шему великокняжескому брату Андрею, сложилъ съ себя крестное цѣлова-
ніе къ королю Казмиру и обязался не свертываться съ нѣмъ безъ вѣдома
в. к. Ивана, не передаваться на его сторону и отъ московскѣхъ великихъ
князей «никоторымъ дѣломъ не отступати», а ратную силу посылать въ
походы съ великокняжескимъ войскомъ ²⁾. Великое княжество Тверское
стоитъ еще, какъ автономное владѣніе, рядомъ съ вѣчной московской
великокняжеской семьей—съ великимъ княземъ въ Москвѣ и Новгородѣ
и Псковѣ, но отстоять себя оно явно уже не могло. Тверские князья—
Ивановскій Андрей Борисовичъ и дорогобужскій Осипъ Андреевичъ, а на
кни тверскіе болре отъѣзжаютъ одинъ за другимъ на московскую службу ³⁾.
Почта вовсе ухнула изъ подъ нога князя Михаила, и попытка возобно-
вить сношенія съ королемъ Казмиромъ привела къ конечному исходу. Твер-
ской голецъ переключень, в. к. Иванъ, не принявъ повторныхъ
попытокъ новаго челоубія, двинулся на Тверь съ большой силой.
Поконнутый почти всѣмъ боярствомъ, князь Михаилъ бѣжалъ въ Литву, а
Тверь цѣловала крестъ на имя обоихъ великихъ князей всея Руси. Однако,
Иванъ III считъ нужнымъ не упразднить тверского великокняжескаго
настолюванія, а передать его сыну. Когда старшій Иванъ уѣзжалъ въ
Москву, в. к. Иванъ Ивановичъ «въѣзжалъ во градъ Тверь жить», приладъ-
службу тверскихъ бояръ, которые были въ боярствѣ у в. к. Михаила, и
выдалъ имъ свои жалованья грамоты на эту тверскіа вѣчннмъ ⁴⁾.

¹⁾ А. З. Р., т. I, № 80 (10 апрѣля 1483 г.).

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 119—120; ср. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 236: «князь великій
Михаило Борисовичъ тверскій прила владку и дола ему челоубъ на всей волѣ
его: во звалтс ему браисмъ, во молодшій братъ, а что владетъ князь великій
земель своими землями и новоторскими, а тѣ земли князь великому, а куда поидетъ
князь великій ратью, и ему не стъ князь же эти зодити».

³⁾ П. С. Р. Л., т. VI стр. 287.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 500; т. VIII, стр. 216—217; о тверскихъ боярствѣ—
вѣдѣнное свидѣтельство истиннаго дѣла 1501 года о томъ, какъ в. к. Иванъ
Ивановичъ «бояръ тверскихъ, которые были у прежняго своего государя у в. к.
Михаила Борисовича тверскаго въ боярствѣ, тѣхъ и у себя показавалъ, въ боярствѣ
учинилъ и грамоты свои государские на вѣчнмъ ихъ тверскіа имъ давалъ, а
выдалъ ихъ писати въ грамотахъ бояръ своимъ».

Тверское великое княжество стало вотчиной московских государей, но особой отъ икъ Московскаго государства; черты этой особенности сохранились и послѣ кончины в. к. Ивана молодого—въ особой должности тверскаго дворецкаго, въ службѣ служилыхъ людей «во тверскому синоу» и, въ концѣ концовъ—въ фантастическомъ, по существу, но формально проведенномъ восстановленіи этого великаго княжества для крещенаго татарина Симеона Бенбулатовича при Иванѣ Грозномъ. На первыхъ порахъ сохраненіе старой правительственной и служилой организациіи должно было представлять значительное удобство, облегчая распоряженіе тверскими силами и средствами, и только усиливало выступленіе великорусской великокняжеской власти въ порубежныхъ дѣлахъ ¹⁾. Утвержденіе московской силы въ Твери естественно увеличивало ея общее дѣйствіе на западный рубежъ, и неопредѣленное положеніе чернигово-сѣверскаго княжества не могло долго продолжаться. Въ поддержку московскому напору шло внутреннее осложненіе отношеній Литовско-русскаго государства. На восточныхъ его окраинахъ сидѣли вотчины князей, которые служили то Москвѣ, то Литвѣ, а то и «на обѣ стороны», подъ «сѣксинь» верховныхъ обладаніемъ обоехъ великихъ князей, на родовыхъ своихъ владѣніяхъ или на земляхъ, пожалованныхъ имъ въ вотчину отъ в. к. литовскаго. Часть это коренные Рюриковичи Черниговской земли, часть обрусѣлые Гедиминовичи, частью московскіе выходцы, выброшенные великорусской смутой за литовскій рубежъ. По покятіямъ тѣхъ временъ вотчинное княжеское владѣніе вело къ признанію за ними права отъѣзжать отъ одного великаго князя къ другому не только лично, но и съ вотчинами. Въ XV вѣкѣ литовская великокняжеская власть вытѣсняетъ прочіе закрѣпить ихъ связь съ Литовско-русскими государствомъ, и въ договорахъ съ съ такими вотчинцами появляется «докончаніе» о томъ, чтобы они «земли своей отъ великаго княжества литовскаго не отступали», въ частности при выкорочности владѣнія, а въ договоры съ Москвою, Тверью, Рязанью вносится условіе—«служебныхъ князей съ вотчинами не принимать». Возстановленіе силы великокняжеской власти и укрѣпъ съ Польшей при Казимирѣ Ягеллончикѣ грозило самостоятельности мезьгаго княжества не меньше, чѣмъ успленіе Москвою—великорусскими удѣльными вотчинами. Противъ новаго великокняжескаго засилья первые поддали смуту обрусѣлые литовскіе князья. Кіевскій отчичъ Мизаилъ Олельковичъ, потерявшій Кіевъ, князь Ф. И. Бѣльскій и близкіе ему Гольшанскіе затѣяли искать опоры въ Москвѣ

¹⁾ И на этомъ рубежѣ существовали князья «сѣксинаго» владѣнія. Въ договорѣ в. к. Митавы съ королемъ Казимиромъ 1483 года упоминаются «мѣста порубежныя, которыя будутъ потягати славна къ Литвѣ или къ Смоленску, а подати давали ко Твери», и такіе, которыми «потягати будутъ ко Твери, а подати будутъ давали славна къ Литвѣ или къ Смоленску»—А. З. Р., т. I, № 79.

и «высокоша по Березику рѣку отбѣсти на великого князя Литовской земли». Олельковичъ и Гольшанскій съвѣченимъ княземъ въ августѣ 1481 года, а Федоръ Бѣльскій ушелъ въ Москву. Этотъ «заговоръ князей», о которомъ исторички даютъ такъ мало свѣдѣній¹⁾, далъ толчекъ шлому ряду отъѣздовъ на московскую сторону съ вѣтчанамъ въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ XV вѣка. Внутреннiе нелади сосѣда получаютъ оговор и разрѣшенiе въ выступанiе московской великокняжеской власти въ юго-западъ. Князя Воротыцкiе—однѣхъ за другимъ—потянули въ Москву, видя что нѣтъ имъ хрѣной защиты отъ короля, а затѣмъ, опираясь на московскую поддержку, нападаютъ, вѣсть съ Одоевскими, на сосѣдей. Помимо этого, многіе изъ такихъ переходовъ на московскую сторону происходятъ, подобно отъѣздамъ къ Москвѣ тверскихъ бояръ, подъ давленіемъ «обидъ» въ пограничныхъ владѣльческихъ спорахъ и набедахъ. Ёдутъ къ Москвѣ князья перемышльскій, бѣлевскій, мезецкій, явемскій, а в. к. Иванъ признаеть къ «и съ вѣтчанамъ», зачинаеть ихъ оружіемъ въ прямой войнѣ съ в. к. литовскимъ и укрѣпляетъ за собой мирнымъ докончаніемъ 1494 года вѣсть съ тѣми, чьи вѣтчины подверглись и помимо отъѣзда захвату во время военныхъ дѣйствій²⁾. Въ 1500 г. переходитъ къ Москвѣ кн. Семель Бѣльскій, за нимъ кн. Семель можайскій съ Черинговымъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Лубечемъ, и Василій Нваковичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ; перемирие докончаніе 1503 года приблизило къ Москвѣ и эти приобруженія³⁾. Однако, хотя всѣ эти дѣла и вырости въ почвѣ удѣльно-вѣтчинныхъ отношеній и возрѣвнѣи, но ссылка на устарѣлое право отъѣзда съ вѣтчиною вырождилось тутъ въ дипломатическую уловку, и всю борьбу Литвы и Москвы за Черингово-сѣверскіе княженія можно разсматривать какъ элементъ международной полтави московскаго государя, который выдвинулъ новый, національный ея принципъ, искусственно построенный на особой вѣтчино-династической теоріи, которой цѣль—обосновать притязанія на все наследіе князей Рюрикова дома съ древнѣйшихъ временъ. Результаты этой борьбы выводятъ насъ за предѣлы образованія великорусскаго государства и даютъ уже его расширеніе захватомъ территорій, которыхъ никогда органически не были связаны съ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великимъ Новгородомъ; они непосредственно связаны съ началомъ Иванами III борьбой за Смоленскъ.

Объединеніе обширной великорусской территоріи подъ непосредственной властью московскаго великаго князя создало весьма своеобразное и сложное представленіе о ея владѣльческо-политическомъ характерѣ. Если

¹⁾ П. С. Р., т. VI стр. 283; Фр. Паль, *Polska i Litwa*, ч. I, п. 4, *Spisek książow* (1481).

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. V, № 29.

³⁾ А. С. Р., т. I, № 300; С. Г. Г. и Д., т. V, № 110.

объединение московской отчины съ областями Владимирскаго великаго княжества (въ богѣ тѣсномъ смыслѣ) было; какъ представляемо о немъ совокуности, какъ единомъ восточномъ государствѣ государя князя великаго, то уже съ Новгородомъ и Псковомъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Изъ включенія въ составъ великокняжескихъ владѣній усложняется самопредставление о «великомъ княженіи». Иванъ III говоритъ о немъ въ своихъ грамотахъ, какъ о трехчленномъ цѣломъ: Москва, Новгородъ и Псковъ составляютъ его великое княжество, но тотъ же терминъ сохраняетъ въ богѣ тѣсномъ смыслѣ, означая московско-владимирскую область, безъ Новгорода и Пскова, какъ особые «отчины» великаго князя; а когда рядомъ съ ними стала еще одна «отчина»—тверская, в. к. Иванъ заговариваетъ о «всѣхъ своихъ великихъ княженіяхъ». Въ политическія представленія эпохи на первомъ планѣ не единство территорій, а полнота великокняжескаго владѣнія надъ всѣми ея составными частями, не собраніе земель, а собраніе власти. А какъ Иванъ III разумѣлъ полноту этой восточной власти—сказалось наглядно въ эпизодѣ, который разыгрался между нимъ и псковичами въ 1499 году ¹⁾, въ періодъ его колебаній по вопросу о своемъ преемникѣ. Въ 1498 г. Иванъ Васильевичъ благословилъ «при себѣ и послѣ себя» внука Дмитрія на великое княженіе Владимирское, Московское и Новгородское, а черезъ годъ «помаловавъ сына своего князя Василия Ивановича, зарекъ его государемъ великимъ княземъ и далъ ему Великій Новгородъ и Псковъ великое княженіе». Псковичей объ этомъ уведомилъ особый посолъ изъ Москвы, но изъ испуга такой выдѣлъ, и къ великому князю Ивану Васильевичу и Дмитрію Ивановичу явилось псковское посольство съ челобитьемъ, «чтобы держали отчину свою по старинѣ, а который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и имъ былъ государь». В. к. Иванъ гнѣвно отвѣтилъ: «чи не воленъ изъ въ своемъ зукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? ино кому хочю, тому дамъ княженіе». Иванъ Васильевичъ, очевидно, повѣлъ псковское челобіе, какъ попытку вѣшаться въ борьбу придворныхъ партій изъ за Дмитрія-внука и Василия-сына, а не усмотрѣлъ вопроса о единствѣ власти и государственной территорій, и утверждалъ свое восточное право распорядиться своими великими княженіями—въ цѣломъ и по частямъ, какъ Богъ ему на сердце пожелаетъ.

Разсказъ этотъ показываетъ, какъ яркое выраженіе идеи восточнаго самодержавія, къ которому нечего было бы прибавить и царю Ивану Грозному. Однако, такая полнота владѣтельской державной власти не возведена въ общій принципъ, а носитъ у Ивана III личный характеръ. Онъ не передаетъ ея сыну. Его духовная—градъ словъ синона—устанавливается для владѣщихъ братьевъ в. к. Василия (Юрія, Дмитрія, Семѣя, Андрея) удѣльными владѣніями потомственными и самостоятельными въ управленіи, а главное—

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 297; т. VI, стр. 43; т. IV, стр. 271.

непривосковенные для великого князя в силу ихъ гарантій отцовскихъ «рядомъ». В. к. Иванъ надѣляетъ сыновей долины и въ Московской и въ Тверской землѣ, опредѣляетъ размѣры уплаты каждыма «въ выходы въ ордынские» и «во всё татарскіе порторы», во многомъ, стало быть, сохраняетъ традиціонныя приемы опредѣленія междукняжескихъ отношеній¹⁾. Договоромъ между сыновьями Васильемъ и Юріемъ, который составляетъ по его повелѣнію одновременно съ духовной грамотой, опредѣлены будущія ихъ отношенія—«братъ младшаго» и великого князя, который для младшихъ братьевъ «господишь и братъ старѣйшій»²⁾. Старшаго сына в. к. Иванъ благословиъ въ свои великия княжествами—Владимирскими, Московскими, Новгородскими, Псковскими и Тверскими. Нѣтъ еще установленнаго термина для обозначенія совокупности всѣхъ владѣній. Но побѣда единодержавія сказалась въ томъ, что нѣтъ въ духовной Ивана III рѣчи о раздѣлѣ отчины по удѣламъ; это не раздѣлъ наслѣдія, а надѣленіи члвномъ великокняжеской семьи, не въ мѣру обычнаго родовыма долей всѣхъ отчичей, а въ мѣру обезпеченія ихъ княжого положенія. Старое семейное право умерло, и выморочный удѣлъ пойдетъ цѣлымъ великому князю. Удѣльные князья теряютъ характеръ участниковъ въ княжой позитивной власти. Имъ запрещено «денеги дѣлать по своимъ удѣламъ; въ судебныхъ правахъ по крайней мѣрѣ въ селахъ московскихъ становъ, ограничены докладомъ ихъ прващиковъ великокняжескому намѣстнику; нѣтъ уже оговорки о возможномъ прекращеніи великокняжескаго права требовать дань съ ихъ владѣній; и всё переходитъ удѣльно-вотчиннаго строя покрытыя требованіемъ «слушать» великаго князя «во всемъ». Новое право единодержавной и самодержавной монархіи еще не построено, не развито такъ, чтобы упразднить устарѣлую форму духовной грамоты—отцовскаго ряда; и текстъ духовной больше зависитъ отъ традиціонныхъ приемовъ наложенія, чѣмъ соотнохственовало бы новому строю отношеній.

IV.

Объединеніе власти надъ всей Великороссіей въ рукахъ единого влчича на всѣхъ великихъ княжествахъ возводило его въ положеніе «государя надъ всими государями Русской земли». Это краткое выраженіе княжнина-современника означаетъ тенденцію признавать верховную волю государя великаго князя господствующей надъ всими князьями правами властвованія и управленія, какъ сложилась въ жизни Великороссіи въ удѣльно-вотчинномъ періодѣ, свести ихъ къ значенію подчиненному и производному отъ великокняжеской воли. Въ частности концентрація власти силы и полити-

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 144.

²⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 138—139 (договоръ заключенъ 16 июня 1504 года).

ческое самоопределение Великороссии была неотделима от коренных переживаний в положении русской митрополии. Необходимым стал распад ее на две самостоятельные церкви — великорусскую и западнорусскую. Необходимым стало и завершение национализации первой из них, как церковно-политической организации в составе Московского государства.

Московская свита, поставление на митрополию грека Исидора, дало о Флорентийской унии затекули на полтора десятилетия после смерти митр. Фотия тягостное и неопределимое положение для русской митрополии. После изгнания Исидора и его бегства — осенью 1441 года во главе церковного управления стал нареченный митрополитом Иона. Тяжелая прелесть напряженной внутренней борьбы, сложное международное положение и помимо церковных дел, запутавших судьбы унии, побуждали к решительной попытке обеспечить национальный характер и политическую надежность митрополии. В Москве оставались на решении выполнить избрание и поставление митрополита у себя, на Руси, но, на первом пораже, вская возможность добиться права на этот акт с согласия Константинопольской церкви¹⁾.

Но от такой попытки пришлось отказаться, и московские власти пришли, не без колебания и борьбы с внутренними разногласиями²⁾, к решению поставить митрополита собором русских епископов; поставление это и состоялось 15 декабря 1448 года³⁾. Возстановление московского характера митрополии было, наконец, достигнуто. Митр. Иона явился возстановителем и завершителем традиций митр. Петра и Алексия, что и выдвинуло торжественным причислением Алексия к лику святых; Иона стал затей три-

---

¹⁾ Грамота, заготовленная в 1441 году, мотивировала желание избрать и поставить митрополита, «обраще во отечествы наших, во Русстей земли, боголюбивыми епископы отчества нашего» — трудностью путешествия в Константинополь «далечеваго и непроходнаго», при нападении на Русь «агаряк», при «заустроении и мечах» в соседних странах, а также тем, что митрополиты — руководители духовной жизни каждого православнаго, а для государя — советники в сокровенных правительственных («господских») важных делах и совещаниях. — Р. И. В., т. VI, № 82; насколько неважная, эта грамота должна была быть послана патриарху в 1445 году (там же, ст. 130), но и это послание, повидному, не состоялось; новый патриарх Григорий Мамма был таков же упрям, как и Митрофан. — П. С. Р. Л., т. VI, стр. 167. Хотя грамота так сформулирована, что можно ее понять, как ходатайство о разрешении дела на данный момент, ввиду особых трудностей положения — «за нужу», но вопрос ставится в общем виде об избрании и поставлении, а не только о поставлении нареченнаго митр. Ионы, в потому эти ссылки на благословение его патр. Иосифа за митрополию послы Исидора. В редакции 1448 г. грамота обращена к императору (Иоанну VIII) и была составлена, когда на Русь, повидному, не знали об его отношении к унии.

²⁾ Голубинский, Ист. Русской Церкви, т. II, ч. I, стр. 400.

³⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 121—122; т. XII, стр. 74.

твѣтъ святыхъ московскихъ митрополитомъ ¹⁾. Въ памяти трехъ своихъ сподвижниковъ Москвѣ прѣславилась и освѣщала главные моменты и конечное торжество своей церковно-политической тенденціи. Со времени Ионы митрополита входить органически въ строй Московскаго государства; она стала во главѣ национальной помѣстной церкви цѣлой временнаго разрыва съ константинопольскою патриархіей, но выдержала и это испытаніе, поддерживая связь съ греко-восточной церковью путемъ сношеній съ патриархомъ Іерусалима ²⁾.

На первыхъ порахъ митр. Іонѣ удалось сохранить подъ своей властью и западнорусскія епархіи. Его поставленіе связано съ переговорами о мирѣ между великими князьями московскимъ и литовскимъ; вопросъ о единствѣ митрополита былъ въ нихъ поставленъ и проведенъ, и въ началѣ 1451 г. Іона получилъ отъ в. к. Казимира грамоту на «столецъ митрополита кіевскаго и всея Руси» ³⁾. Но въ восьмомъ году XVI вѣка поставленіе на литовско-русскую митрополию Исидора ученика Григорія павло Казанскаго III положило начало окончательному раздѣленію митрополіи ⁴⁾. Сѣверная митрополія утратила передъ великокняжескою властью вышнюю опору въ тѣсной связи съ Константинополемъ и болѣе широкихъ политическихъ интересахъ, и заняла мѣстную великорусскую жизнь—въ мечталъ и стремленіи вернуть прежнее, болѣе широкіе предѣлы своей церкви, какъ всероссійской, путемъ подчиненія Москвѣ русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ польско-литовской Речи Посполитой. Судьбы и интересы церкви и государства великорусскихъ земель. Паденіе Константинополя убило расшатанный авторитетъ грековъ, довершило фактическую автономію русскаго митрополита; и въ ту же пору слагалась и крѣпла независимость Руси отъ татаръ, завершаясь при Иванѣ III утвержденіемъ вышшаго самодержавія Великорусскаго государства.

Митр. Іона поставленъ русскими епископами—по избранію великаго князя, по совѣту съ в. к. матерью, съ братьями, всѣми русскими князьями, духовенствомъ и боярами ⁵⁾. И послѣ него—преемство на митрополіи нѣжные опредѣляется благословеніемъ преемника митрополитомъ-предшественникомъ, а по существу, выборовъ великаго князя. При хоженьи упадкѣ всего политическаго строя значеніе митрополита далеко не то, что

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 196 (1472 годъ).

²⁾ Николаевскій, Учрежденіе патриаршества въ Россіи („Христ. Чтеніе“, 1970 г., ч. 2, стр. 17); Павловъ, Теорія восточнаго папства („Правосл. Обзорніе“, 1879 г., № 12, стр. 700—705); Дьяковъ, „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-идеологическихъ отношеній“ („Ист. Обзорніе“, т. III); Голубинскій, указ. соч. с. 511—513.

³⁾ Голубинскій, указ. соч., стр. 492—493; Р. Н. В., т. VI, № 67.

⁴⁾ Голубинскій, стр. 504—507.

⁵⁾ Р. Н. В., т. VI, № 71, № 64.

было при Петрѣ и Алексѣѣ. Русскій митрополитъ, независимо отъ степени его личнаго вліянія, служилъ своимъ авторитетомъ свѣтской власти, являясь послушнымъ орудіемъ ея политика. Вся пастырская дѣятельность митр. Ионы тѣсно связана съ этой политикой, и ояъ выступаетъ съ посланіями отъ своего князя и отъ имени всего освященнаго собора—то для укрощенія мятежнаго Дмитрія Шемяки, то для усмиренія буйныхъ витячей, то для внушенія вольному Пскову покорности нѣк «отчичу и дѣдичу». Авторитетъ священнаго сана ставилъ митрополита высоко въ строй общественныхъ отношеній. Но избраннымъ великимъ княземъ изъ людей, ему подвластныхъ, безсильный передъ вѣчной властью государя, онъ имѣлъ устойчивыя правовыя гарантіи своего положенія. Какъ поставленіе на митрополию по канонической формѣ соборнаго дѣянія свелось къ простому выношенію рѣшенія свѣтской власти, такъ великій князь могъ довести митрополита до нѣмно-добровольнаго отреченія или до изложненія по постановленію покорнаго епископскаго собора. Третій изъ митрополитовъ въ правленіе Ивана III, преемникъ Θεодосія и Филиппа, Геронтіѣ всталъ на себѣ всю тягость зависимаго положенія. Такъ въ спорѣ о колѣеніи крестнымъ ходомъ «посоловъ» нѣк противъ солнца, который поднялся по поводу освященія вновь отростреннаго Успенскаго собора, въ дѣлѣ церковно-обрядовомъ личное вліяніе в. к. Ивана, противорѣчившее и русской старинѣ и греческому обычаю, тогда на два оставшія новыя перекъ безъ освященія, довело митрополита до бѣгства съ митрополію въ монастырь, а кончилось компромиссомъ, ибо великій князь хоть и уступилъ вѣнду поддержки митрополита всѣмъ духовенствомъ, кромя двухъ-трехъ лицъ, но не допустилъ уставнаго постановленія по спорному вопросу. Такъ въ спорѣ ростовскаго епископа Вассіана съ митр. Геронтіемъ по поводу пѣвтія Кирило-Бѣлозерскаго монастыря изъ подъ епископской власти в. к. Иванъ выступаетъ властнымъ руководителемъ церковнаго собора, причѣмъ каноническая функція этого собора не умаляется, какъ и въ дѣлѣ поставленія на митрополию, зависимости перка отъ свѣтской власти: великій князь «повелѣваетъ» быть собору, ставить ему задачи, властно входитъ въ его дѣлопроизводство, сообщаетъ его рѣшеніямъ правовую силу своимъ утверженіемъ. Такъ въ восьмидесятихъ годахъ в. к. Иванъ пытался использовать преемное удаленіе митр. Геронтія по бѣжанію въ монастырь, чтобы замѣнить его на митрополію другимъ лицомъ, «не носкотѣ его», когда митрополитъ рѣшилъ вернуться на митрополию; но Геронтіѣ «невозмоу не остави митрополію», хотя его «пнали» силою и водворили обратно, когда ояъ «никогдады» убѣгалъ изъ монастыря; только отказъ продолжать недостойное составаніе со стороны великокняжескаго кандидата, Павсія Ярославова, заставлялъ в. к. Ивана вернуть Геронтію его кathedру. Всѣ эти эпизоды малозначительны, но они характерно оснѣщаютъ стремленіе великокняжеской власти водворить поистинѣ вѣчный абсолютизмъ и въ управленіи церковными

дѣлали. Проба сая не всегда была для нея удачною. Приходилось отступать передъ святостью сана, церковнымъ канономъ, святоотеческимъ преданіемъ, приспособляясь къ роли или защитника и покровителя. Русская церковь, какъ и русское общество подлежала еще долгому переломлѣнію, пока вошли въ новый строй отношеній.

Такое было положеніе великокняжеской власти къ отношенію къ церкви и къ томъ, важнѣйшемъ для нея вопросу, который на долго заволновалъ Московскую Русь—въ вопросѣ о церковномъ землевладѣніи. Коснусь только нѣкоторыхъ его принципиальныхъ сторонъ, поскольку онъ связанъ, какъ и все отношеніе великокняжеской полтики къ землевладѣнію, съ основными процессами собиранія вѣности.

По отношенію къ Великороссіи какъ удѣльнымъ, такъ и московскимъ временъ, собственно казанъ говорить о «церковномъ» землевладѣніи. «Землевладѣльческій бытъ нашей церкви сложился не на канонической догмѣ, а а по национальному типу вотчиннаго права» (А. С. Павловъ). Вотчинами принадлежали отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ—митрополіи, епископскимъ кафедрамъ, монастырямъ, церквамъ, которымъ въ лицѣ своихъ начальныхъ властей и были полноправными вотчинниками. Крупныхъ владѣній митрополитской кафедры стояли особомъ, замкнутой въ себя сложной единицей въ составѣ великорусскаго землевладѣнія, на ряду съ другими. Духовные владѣнныи свѣтительскихъ и монастырскихъ вотчинъ имѣли свои отдѣльные титулы владѣній и грамоты, и стояли въ прямыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, помимо митрополита, какъ крупные землевладѣльцы-вотчинники. Такъ получалось, если можно такъ выразиться, социальное тождество землевладѣній церковныхъ учрежденій съ боярскими, которое вело къ существеннымъ послѣдствіямъ, правовымъ и политическимъ. Съ одной стороны, каноническія постановленія объ акуществахъ церкви оказывались принципиально и практически неприменимыми къ такому землевладѣнію. А, съ другой, «государеныи богояльцы» сблизались, по положенію своему, съ боярами и великими слугами великокняжескаго двора, къ которому они и тянулись за опорой и покровительствомъ. Въ періодъ дробленія власти по мѣстамъ возникъ нижнимъ епископамъ и пуганыи сплосъ и радомъ втянуты своими интересами и отношеніями въ мѣстныя общественно-политическія связи, а тѣмъ самымъ въ оппозицію великорусскому великокняжескому центру и митрополіи, поскольку она являлась солидарной съ великокняжеской властью. Ихъ вотчины являлись, наравнѣ со свѣтскими боярскими, «институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія»—«однимъ изъ основныхъ учрежденій государственнаго устройства» всякой сколько-нибудь значительной политической единицы русскаго средневѣковья (Н. П. Павловъ - Сильванскій). Права правительственнаго, по нашему сказанью, характера органическаго черта и духовнаго и свѣтскаго землевладѣнія тѣмъ вѣковъ. А еще въ 1857 году К. А. Невол-

дик¹⁾ замѣтить особую роль, какую сыграла въ развитіи княжеской власти— практика выдачи князьями жалованных грамотъ на укрѣпленіе и опредѣленіе этихъ правъ и самого владѣнія крупными землевладѣльцами. Эти грамоты не создавали новаго права, а только подтверждали тотъ порядокъ вещей, который развѣ существовалъ «самъ собою и по общему праву»; индигитетнымъ права, такъ выразилъ ту же мысль Н. П. Павловъ-Сильванскій, простекаютъ не изъ отдѣльныхъ княжескихъ пожалованій, а изъ общаго обычнаго права». Замѣтить Нельзя и то, что въ полученіи жалованныхъ грамотъ составляло неминуемую опасность для правового положенія крупнаго землевладѣнія. «Съ утвердившейся, писалъ онъ, и распространившейся княжеской властью такой порядокъ не могъ быть совмѣстенъ. Но онъ не могъ быть вдругъ уничтоженъ. Переходъ къ уничтоженію его составляютъ несудимыя грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику въ силу вотчиннаго права, то было теперь знатнѣйшимъ вотчинникомъ обезпечиваемо жалованными грамотами, какъ особенное преимущество». Полученіе жалованныхъ грамотъ не только утверждало за духовными и свѣтскими «грамотчиками» опредѣленные права и преимущества, но и ставило эти права въ такую зависимость отъ княжого властнаго пожалованія, которая постепенно преобразовала вотчинное право крупнаго землевладѣльца въ право не самостоятельное, а производное отъ верховной воли государя, князя великаго. На зависимости вотчиннаго права отъ своего пожалованія великіе князья построили свою регламентацію этого права сперва въ порядкѣ пересмотра жалованныхъ грамотъ при ихъ возобновленіи, а за тѣмъ и общимъ указнымъ порядкомъ. Тенденція эта получила полную силу, когда московскій великій князь выростъ въ вотчиннаго государя всей Великороссіи и, съ одной стороны, сталъ признавать силу только за грамотами «самихъ князей великихъ», а не «иныхъ князей», а, съ другой, потянулся къ самодержавному распоряженію всеми силами и средствами страны, началъ трудное и сложное дѣло ихъ организаціи на служеніе потребностямъ его разросшагося «государева дѣла». Значеніе жалованныхъ грамотъ, какъ основнаго источника и декларативнаго землевладѣльческаго права, давало опору для отрицанія его самостоятельной, связывающей державную власть съ нимъ. А такое подниманіе отношеній шло на встрѣчу общему стремленію великокняжеской власти высвободиться изъ путъ исконной обычайноправовой старинки къ полному, ничѣмъ неограниченному самодержавію. Дѣтисныиыя слоды сохранили разсказъ объ одномъ эпизодѣ, который хорошо характеризуетъ эту общую тенденцію Ивана III и тѣ первыя проявленія протеста противъ нея, которыми ознаменована ранняя оппозиція боярства власти московскихъ государей. Это разсказъ о дѣлѣ князя Ивана Оболенскаго-Лыца, великокняже-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина, т. IV, стр. 150—151.

ского наместника на Великий Лукаш¹⁾. В 1470 году, когда и. к. Иванъ смель Оболенскаго съ наместничества, лучше били на него челою «о продажѣ и о обидѣ». Великій князь судилъ его съ ними, и въ честь оне на боярский дотгались, онъ прасудилъ къ уплатѣ и увалилъ, но великій князь «многъ и безсудно велѣлъ платити», причемъ дѣлопосецъ подсаляетъ, что лучше, надѣясь на великаго князя, что онъ имъ потакаеть, увеличивая иску—«гдѣ мало велѣлъ, а они о многѣ жалобу положила». Боярствъ этого же стерпѣлъ и отъѣхалъ отъ великаго князя къ его брату волоцкому князю Борису; князь Борисъ Васильевичъ на требованіе выдать Оболенскаго отвѣчаетъ: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Этотъ разговоръ, который обычно цитируютъ, какъ прикѣръ борьбы съ правомъ отъѣзда, нѣтъ никакой и болѣе существенный смыслъ. Вѣдь и протестъ князя Бориса послѣдовавшаго затѣмъ тотайнаго захвата боярина людьми великаго князя: «а вымеча и эдѣ саму чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него, и тѣхъ бессудно смель» подчеркиваетъ, что весь эпизодъ разграничался въ спорѣ не о правѣ отъѣзда, самого по себѣ, а о требованіи, чтобы дѣло боярина было рѣшено не бессудно, а по суду и по исправѣ. Разговоръ цѣмелъ, какъ первое, насколько знаю, проявленіе протеста противъ великокняжеской безсудной оцѣны за обычное рѣшеніе дѣлъ судомъ великаго князя «съ бояры своины»; отъѣздъ же тутъ только средство уйти отъ произвола и найти въ другомъ князѣ защиту. Обѣ эти опоры волюности боярской—право отъѣзда и многокняжкіе пали съ объединеніемъ Великокороссіи подъ единодержавной властью Московскаго государя. В. к. Иванъ, гнѣвно карая за ропотъ и противодѣйствіе, хотя бы и пассивное, смель прежнихъ вольныхъ слугъ къ положенію слугъ «природныхъ», «государевыхъ холоповъ». А полное подчиненіе крупннхъ землевладѣльцевъ вотчинной власти государя, получало особо глубокой смыслъ, когда на первый планъ выдвинулись вопросы распорнженія земельными фондами. Борьба Ивана III за земельный фондъ приняла крутой характеръ при подчиненіи областей, бывшихъ недавно самостоятельными. Изъ присоединеніе къ составу его вотчинныхъ владѣній ставило, какъ мы видѣли, ребромъ вопросъ о силѣ и значеніи пожалованій, данныхъ прежними мѣстными управленіями властями правъ, некогда обезпеченныхъ ихъ актами, т. е. колебало правовые устои мѣстнаго быта и, во всякомъ случаѣ, вело къ возможности ихъ пересмотра. Даже немногія, отрывочныя данныя нашихъ источниковъ позволяютъ угадать широкіе размѣры и потрясающую интенснвность «пересмотра людей и земель» и практики «львоода», когда люди цѣлыми гнѣдами спинались съ насильяныхъ корвей и перебрасывались

¹⁾ Н. С. Р. Л., т. VI, стр. 222.

на новые места для «испоищенія» ихъ тамъ по государству пожалованіи на государеву службу.

Практическое и послѣдовательное проведеніе тенденцій вотчиннаго владѣнія, повидному, должно было бы тогда же привести къ тому разгрома привилегированнаго землевладѣнія, какой былъ пережитъ въ жуткую годину опричнины. Однако, этого не произошло. Иванъ III—въ бою съ цорю создавъ великорусскаго государства—слишкомъ нуждался въ поддержкѣ крупной служилой силы. И жизнь московская пошла по пути компромисса между великокняжеской властью и боярскими привилегіями, причемъ и опредѣлилась этаго компромисса, въ значительной мѣрѣ, въ связи съ возникшими спорами о церковномъ землевладѣніи. Потребность въ расширеніи государственной власти надъ великорусскими земельными фондами поставила на ближайшую очередь не окончательное крушеніе боярскаго землевладѣнія, а секуляризацию обширныхъ земельныхъ имуществъ церковныхъ учрежденій. Тутъ главнымъ препятствіемъ явилась не «возможность» сѣвскаго и вѣнгерскаго класса, а церковное назначеніе владѣній «государевыхъ богомольцевъ» и принципиальная независимость священнаго сана. Однако, отиска на государя многихъ владѣнчичьихъ и монастырскихъ земель въ Новгородской области не встрѣтилось, насколько знаемъ, принципиальныхъ возраженій. Напротивъ, митр. Іона и его преемники слугали въ новгородскихъ дѣлахъ всѣмъ своимъ взлѣвомъ московской политикѣ. А въ 1500 году в. к. Иванъ, по благословенію митр. Симона, «повмалъ въ Новгородѣ вотчины церковныя в роздѣлѣ дѣтямъ боярскимъ въ похѣтье, монастырскія и церковныя»¹⁾; и по новгородскимъ писаннымъ книгамъ видно, что у новгородскихъ монастырей взято земель много больше, чѣмъ упомянуто въ летописномъ разсказѣ о событіяхъ 1478 года, даме у тѣхъ, которыхъ великій князь тогда пожаловалъ, «земель у нихъ не ималъ, вошеже тѣ убоги, земля у нихъ мало». А. С. Павловъ отмѣчаетъ и въ другихъ областяхъ «нѣкоторые явленія, напоминающія судьбу церковныхъ и монастырскихъ земель въ Новгородѣ». И эти явленія наводятъ его на выводъ, что Иванъ III сдѣлалъ попытку общаго пересмотра церковнаго землевладѣнія²⁾, и, повидному, съ той же точки зрѣнія, какая заплана была новгородцамъ, что-де это земля государя великаго князя, и ими только «освоены».

Противъ секуляризационныхъ покушеній великаго князя подызалась церковная иерархія съ необычайной энергіей, и в. к. Ивану пришлось отступить, какъ отступилъ онъ и передъ кореннымъ пересмотромъ землевладѣнія боярскаго. Вѣсто коренной и сѣвскаго лонки сложившихся вѣрждковъ, правъ и отношеній пошла болѣе медленная и послѣдовательная организационная

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 271.

²⁾ А. С. Павловъ, Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 25—28, 34—38.

работа. Однако, первоначально, оба вопроса были поставлены рѣзче. Царь Иванъ Грозный упоминаетъ въ перепискѣ съ Курбскимъ объ «узюженіи» своего дѣда, которыхъ у бояръ князья многія вотчинами, какъ не подлежащія возврату и новой раздачѣ, а Стоглавъ ссылается на запреты Ивана и Василия третьихъ отчуждать вотчины въ пользу монастырей въ рудѣ городовъ. Такія указанія, какъ ихъ не мало, даютъ, однако, нѣкоторое представление о томъ, что при Иванѣ III вопросъ о вотчинномъ землевладѣніи, свѣтскомъ и духовномъ, и о самомъ вотчинномъ правѣ были поставлены съ такой же принципиальной остротой, какъ вопросъ о вотчинномъ правѣ великаго государя на всѣ свои великія княженія въ отвѣтъ на челобитныя псковскихъ пословъ или вопросъ о безусловности его державной власти въ послѣднихъ переговорахъ съ Великимъ Новгородомъ.

Объединеніе Великороссіи совершилось путемъ разрушенія всѣхъ нѣстныхъ, самостоятельныхъ политическихъ силъ въ пользу единой великокняжеской власти. Но силы эти, обреченныя историческими условіями на гибель, были носительницами «старинны и пошлывы», обычно-правовыхъ устоевъ великорусской жизни. Ихъ паденіе расшатало устойчивыя ея традиціи. Творить новый укладъ жизни на развалинахъ стараго быта предстало великокняжеской власти, искавшей не только единства, но и полной свободы въ распоряженіи силами и средствами страны. Московское единодержавіе вело къ московскому самодержавію.

В Ы В О Д Ы.

1. Основные процессы политической эволюціи Великороссіи въ XIII—XV столѣтіяхъ—дробленіе территорій и власти и работа силъ и тенденцій, направленныхъ на усиленіе политическаго единства, развивались не послѣдовательно, а параллельно въ непрерывномъ бореніи и взаимодействіи, которыми опредѣлялся внутренней строй Владимірскаго великаго княжества въ разные историческіе моменты.

2. Образование мелкихъ вотчинныхъ княжествъ путемъ дробленія наследственныхъ владѣній разныхъ лнній потомства Всеволода III явленіе сравнительно позднее, и характеризуется оно въ прямой зависимости отъ утраты ихъ владѣтельными князьями политическаго вліянія въ пользу великокняжеской власти, окрѣпшей въ рукахъ московскихъ князей.

3. Удѣлъ есть доля князя въ общей съ братьями вотчинѣ, получаемая по духовной отцѣ. Основными черты удѣльнаго владѣнія—наслѣдственность удѣловъ, отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія ими, возвратъ выморочнаго удѣла въ семейное владѣніе для раздѣла между братьями, возможность частичнаго передѣла для сохраненія пропорціональнаго соотношенія раздѣловъ долей—сближаютъ его съ крестьянскими долевыми земле-

владѣніемъ, съ которыми оно раздѣляетъ также черту неустойчивости этой формы владѣнія, т. е. тенденцію къ распаду на вполне обособленные вотчины.

4. Терминъ «удѣлъ» получаетъ со второй половины XIV вѣка новое значеніе—владѣніа, пожалованнаго великокняжеской властью («въ удѣлъ и въ вотчину»); терминъ «судбальные князья» встрѣчается только въ письменности XVI вѣка, притомъ въ значеніи помѣстныхъ князей-вотчинцевъ.

5. Отказы удѣловъ и вотчинныхъ князей по духовнымъ грамотамъ появляются только въ эпоху разложенія и упадка удѣльнаго владѣнія, какъ форма укрѣпленія великокняжескихъ захватовъ; такое же значеніе акта, нарушающаго удѣльное право, и свидѣтельства о его разрушеніи засвидѣтельствованы великокняжеской властью и другія формы явно-добровольнаго отчужденія удѣловъ и вотчинныхъ князей («купли»).

6. Территорія Московскаго государства создана сліяніемъ московской вотчины съ Владимірскими великими княжествомъ въ единую вотчину московскихъ государей.

7. Объединеніе Великороссіи подъ государствомъ московскихъ великихъ князей совершено путемъ собранія не земли, а власти въ развитіе и осуществленіе стародавней традиціи о патріархальномъ великомъ князевѣ «въ отпа късто».

8. Концентрація всей власти въ рукахъ московскаго государя достигнута путемъ фактической логки и принципиальнаго отрицанія силы обычнаго права въ пользу вотчиннаго самодержавія.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ:

Стр.	Строка.	Исправлено:	Поправки на:
16	10 стр.	1191	1911
17	4 стр.	Наваз	Наваз
23	10 "	теплого	географического
28	15 "	и	а
28	19 "	о представляли	отъ представляли
30	4 стр.	отомать	отомать
46	стр. 1	107	44
54	4 стр.	Светодрака	Светосама
55	4 стр.	Ярославъ	Светосама
77	1 стр.	133	56
80	9 "	вси	ван
80	8 стр.	Давидка	Дмитри
83	11 "	раггешле	ропташе
97	12 "	Алексадра	Александра (?)
120	16 стр.	Ноар. II	Ноар. I
135	14 "	ола	гранота
180		IV	III
190	17 стр.	В. П. Сергѣевичъ	В. Н. Сергѣевичъ
196	9 "	татарскому	тюркскому
196	17 стр.	торжество	тожество
171	20 "	надлежаще	неподлежащее
172	16 стр.	словоизменикъ	словоизменка
176	17 стр.	1371	1372
179	18 "	5320	330
180	3 "	„въ 5320 р...тысячь р.“	въ 320 р.
185	16 "	изъять	изъять
199		III	(уничтожить)
200		XI	IV
206	10 стр.	поверсъ	подверсия
274	8 стр.	Тотташана	Тотташана
313	6 "	1599	1599
314	3 "	1859	1859
355	25 "	отлуга ъ	отлуга
371	20 "	Орду.	Орду
373	9 "	Фелсера	Фелсера
378	7 стр.	обострилось	обострился
390	10 стр.	Улахъ	Улахъ
398	1 "	Темного	Косого
401	17 "	Юрисъ	Василеиъ
408	18 "	заключить	заключить
422	2 "	что,	, что
425	11 "	Polakai	Polaka i
427	10 "	русскихъ	русовыхъ

